

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 11, выпуск 7, 2022

NAUCHNYI DIALOG

Volume 11, Issue 7, 2022

Научный диалог

Том 11, выпуск 7, 2022

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniorp@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки	
	Литературоведение	
	Языкознание	
География авторов выпуска	Абакан	Нижний Новгород
	Архангельск	Пекин (КНР)
	Брянск	Пятигорск
	Владивосток	Санкт-Петербург
	Грозный	Тобольск
	Елец	Улан-Удэ
	Киров	Уфа
	Махачкала	Челябинск
	Москва	Элиста
	Нанкин (КНР)	Якутск
	Нижевартовск	
Авторы, имеющие ученую степень	80 %	

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 11, Issue 7, 2022

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Олыштын)
Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Рenate Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey Valerievich Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina Leonardovna Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana Vasilyevna Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan Ivanovich Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina Romualdovna Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бурцев В. А.</i> Адсубъективация говорящего при построении высказываний со значением необходимости в дискурсе русской православной проповеди	9
<i>Даутова Е. А.</i> Интеграция : слово и понятие в дискуссиях партийных руководителей европейских стран-членов Совета экономической взаимопомощи	24
<i>Каксин А. Д.</i> Лингвокультурологический аспект интерпретации афористических выражений с зоокомпонентами ‘собака’ и ‘лошадь’ (на материале хантыйского и хакасского языков)	44
<i>Калинина Л. В.</i> Фразеологизмы как средство субъективно-оценочной категоризации по шкале ‘уверенность — вероятность — неуверенность — приближительность’	59
<i>Манёрова К. В.</i> Вариантность произносительной нормы и значения в свете семантико-когнитивного анализа : немецкий фразеологизм das A und O	74
<i>Осипенко Т. А., Федоровская В. О., Еникеев Д. В.</i> Вербализация пациент-центрированного подхода (на материале консультативных бесед с онкологическими пациентами)	99
<i>Тюрин П. М.</i> Текстовая скрепа кроме того : к лексикографическому портрету служебного слова	118
<i>Чжан Яньцю, Чжан Личэн.</i> Лексика страха в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор» и ее китайском переводе Цзян Сяомо	136
<i>Шевелева М. С.</i> Стилистика и прагматика художественного иронического дискурса (на материале английского и французского языков)	151

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Гукосьянц О. Ю., Алимуратов О. А., Хакиева З. У.</i> Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19	175
<i>Игаева К. В., Николаи Ф. В.</i> Великая Отечественная война в советском и постсоветском кинематографе : проблемы ремедиации	197
<i>Казяба В. В.</i> Самономинации с функцией антропонима в Рунете	212
<i>Касперова Л. Т., Смирнова Н. В.</i> Блендинг в интернет-коммуникации : лингвокреативный аспект (на материале социальной сети «ВКонтакте»)	231

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Аминов Т. М., Якупов М. Т.</i> Искусство любви в произведении ибн Хазма «Ожерелье голубки»	252

<i>Богданова О. В., Лю Миньцзе. Антипасхальный рассказ Ивана Бунина «Косцы» (структура, система образов, «русская идея»)</i>	<i>266</i>
<i>Кублицкая О. В. Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова)</i>	<i>284</i>
<i>Осинова О. И. Особенности антропоморфного повествования в современной прозе</i>	<i>304</i>
<i>Чарина О. И. Традиционные исторические песни русских старожилов Якутии : варианты песни о графе Чернышеве</i>	<i>318</i>

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алферова И. В., Блохин В. Ф. Минский военный округ на начальном этапе Первой мировой войны</i>	<i>335</i>
<i>Байкалов Н. С., Цырендашиев Ж. Ж. Исторический опыт развития культурно-просветительских учреждений новых городов Бурятии в 1950—1980-е годы</i>	<i>354</i>
<i>Джумагулова А. Т. Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков</i>	<i>377</i>
<i>Кидирниязов Д. С. Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX — начале XX веков</i>	<i>398</i>
<i>Раскин Д. И., Никитин Ф. Н. Пенсионное обеспечение «особых родов службы» в системе государственного аппарата Российской империи (XIX — начало XX века)</i>	<i>417</i>
<i>Савельева А. В., Сойкин А. А. Дискуссии о вступлении США в Первую мировую войну в американском обществе (1914—1917)</i>	<i>432</i>
<i>Семенов Е. В., Покацкий В. А. Польский ссыльный художник Юзеф Беркман в Байкальском регионе в 60—70-е годы XIX века</i>	<i>449</i>
<i>Сулейманов А. А. Автомобильные зимники в транспортной системе Якутии в начале 1930-х — 1991 годов</i>	<i>467</i>
<i>Тычинских З. А. Тюрко-татарское население Томской губернии в конце XIX века (по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 года)</i>	<i>483</i>
АВТОРАМ	499
CONTENTS	505

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

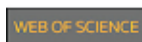

Андрей Данилович Каксин, д-р филол. наук (Абакан)
Виктория Олеговна Федоровская, канд. филол. наук (Москва)
Владимир Анатольевич Бурцев, д-р филол. наук (Елец)
Дмитрий Викторович Еникеев, д-р мед. наук (Москва)
Екатерина Артуровна Даутова, младший научный сотрудник (Челябинск)
Кристина Валерьевна Манёрова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Людмила Викторовна Калинина, д-р филол. наук (Киров)
Марина Сергеевна Шевелева, аспирант (Пятигорск)
Павел Михайлович Тюрин, канд. филол. наук (Владивосток)
Татьяна Александровна Осипенко, преподаватель (Москва)
Чжан Личэн, канд. филол. наук (Нанкин, КНР)
Чжан Яньцю, канд. филол. наук (Пекин, КНР)

Бурцев В. А. Адсубъективация говорящего при построении высказываний со значением необходимости в дискурсе русской православной проповеди / В. А. Бурцев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-9-23.

Burtsev, V. A. (2022). Adsubjectification of Speaker in Construction of Statements with Meaning of Necessity in Discourse of Russian Orthodox Preaching. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 9-23. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-9-23. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-9-23

**Адсубъективация
говорящего при построении
высказываний со значением
необходимости
в дискурсе русской
православной проповеди**

Бурцев Владимир Анатольевич
orcid.org/0000-0001-7987-8518,
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русского языка,
методики его преподавания
и документоведения
ivburcev@yandex.ru

Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

**Adsubjectification
of Speaker in Construction
of Statements with Meaning
of Necessity in Discourse
of Russian Orthodox
Preaching**

Vladimir A. Burtsev
orcid.org/0000-0001-7987-8518
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching
and Record Keeping
ivburcev@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Бурцев В. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена адсубъективации говорящего в дискурсе, а именно механизму контекстуализации предложения, при котором облигаторно выражается смысл, полностью предопределяемый семантическим контекстом в виде presuppositions, ограничивающих или исключающих интенциональность. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения неинтенциональных вариантов грамматического содержания, противоречащих установившимся представлениям о проявлениях субъективности в языке и речи. Новизна работы состоит в установлении неинтенциональных вариантов употребления предложений с непропозициональными значениями. Исследование проводилось на материале текстов русской православной проповеди. Изучалось употребление двух разновидностей предложений с предикативами необходимости. Использовался подход, учитывающий соотношение семантических функций предикативов с каузаторами. Адсубъективация как предопределенность каузатора семантическим контекстом выявлена для обеих разновидностей. Установлено, что в высказываниях с эксплицитным каузатором необходимость действия всегда детерминируется ситуативными presuppositions; в высказываниях с имплицитным каузатором — подготовительными условиями речевого акта. При этом отмечена невозможность субъективной мотивации необходимости действия в дискурсе проповеди, так как это порождает семантически неприемлемые высказывания. Показано, что механизм адсубъективации однозначно определяет смысловые пределы высказываний в проповеди. Это рассматривается как свидетельство когнитивной общности имплицитных компонентов плана содержания высказываний и религиозных представлений.

Ключевые слова:

субъективность; адсубъективация; высказывание; предикативы необходимости; дискурс; русская православная проповедь; presupposition.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the speaker's adsubjectification in discourse, namely the mechanism of sentence contextualization, in which the meaning is obligatorily expressed, completely predetermined by the semantic context in the form of presuppositions that limit or exclude intentionality. The relevance of the study is due to the need to study non-intentional variants of grammatical content that contradict established ideas about the manifestations of subjectivity in language and speech. The novelty of the work lies in the establishment of non-intentional variants of the use of sentences with non-propositional meanings. The study was conducted on the material of the texts of the Russian Orthodox sermon. The use of two types of sentences with predicates of necessity is studied. An approach is used that takes into account the correlation between the semantic functions of predicates and causators. Adsubjectification as a predetermination of the causator by the semantic context was revealed for both varieties. It has been established that in statements with an explicit causator, the necessity of an action is always determined by situational presuppositions; in utterances with implicit causators — preparatory conditions for a speech act. At the same time, the impossibility of subjective motivation for the need for action in the discourse of preaching is noted, since this generates semantically unacceptable statements. It is shown that the mechanism of adsubjectification unambiguously determines the semantic limits of statements in a sermon, which is considered as evidence of the cognitive commonality of the implicit components of the content of statements plan and religious ideas.

Key words:

subjectivity; adsubjectification; statement; predicates of necessity; discourse; Russian Orthodox preaching; presupposition.

Адсубъективация говорящего при построении высказываний со значением необходимости в дискурсе русской православной проповеди

© Бурцев В. А., 2022

1. Введение = Introduction

В статье на материале текстов русской православной проповеди рассматривается проблема субъективности в дискурсе. Изучается соотношение между модальным предикатом и имплицитными компонентами плана содержания высказывания. Субъективность, или эгоцентричность, определяется по Э. Бенвенисту как «способность говорящего представлять себя в качестве ‘субъекта’» [Бенвенист, 1974, с. 293]. Акцент на субъективности при изучении семантики высказывания является типичным для исследований [Демьянков, 1992; Лайонз, 2004; Падучева, 1985; Степанов, 1981]. Существенно, однако, что не все аспекты построения высказывания могут быть описаны через понятие субъективности. Последнее, в частности, не отражает категориальный смысл, определяемый чисто языковыми особенностями означающего; оно, кроме того, не отражает неинтенциональный аспект семантики высказывания [Бондарко, 1994, с. 30]; субъективность также не в полной мере отражает те функции говорящего, которые тот выполняет в нарративном режиме и в некоторых других случаях функционирования языка [Падучева, 2011].

Особый аспект проблемы субъективности составляет вопрос о роли говорящего при построении высказываний в дискурсе. В дискурсе, как известно, находит языковое выражение определенная общественная практика, и с этой стороны проблема субъективности почти не исследована. Опираясь на ряд публикаций, мы исходим из понятия дискурса как содержательно-смысловой совокупности текстов, в рамках которой могут быть созданы только определенные высказывания [Демьянков, 2007, с. 95; Переверзев, 1998, с. 24; Серио, 1999а, с. 27; Степанов, 1995, с. 38—39; Чернявская, 2014, с. 56; Чернявская, 2017, с. 139]. С этой точки зрения, высказывания в дискурсе не могут получать какие угодно интерпретации в связи с намерениями говорящего выразить исключительно свои мысли, мнение, волю и желания. Эта особенность высказываний в дискурсе интерпретируется в настоящей работе как адсубъективация говорящего (термин из [Серио, 1999б, с. 369]).

Под адсубъективацией говорящего понимается присутствие в смысле высказывания имплицитных компонентов, которые передаются не потому, что этого хочет говорящий, а потому, что в силу заключенного в них содер-

жения, обеспечивающего когерентность с дискурсом, говорящий не может их не передать.

В проповеди имплицитные компоненты смысла высказывания приобретают особую функцию связи с религиозными представлениями и стереотипами, то есть фактически именно они являются условием семантической соотнесенности высказывания с дискурсом. Такова, например, связь между религиозным представлением и отношением постоянного тождества, которое пресуппонируется в предложениях со сказуемым, координируемым существительным при нулевой связке [Бурцев, 2020]. Проблема концептуальной организации языковых значений в проповеди может быть рассмотрена как прямое следствие механизма адсубъективации, что делает актуальным настоящее исследование. На примере предложений с непропозициональными значениями в нем ставится цель представить механизм адсубъективации как закономерное явление процесса контекстуализации предложений в дискурсе русской православной проповеди.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объект исследования — высказывания со значением необходимости (далее — ВН). Под высказываниями, в соответствии с работами [Блох, 1977, с. 75; Гак, 1990, с. 90; Лайонз, 2003, с. 52; Падучева, 1985, с. 29—30; Савова, 2012, с. 71 (в прим.) и др.], понимаются используемые в речи предложения. Таким образом, высказывания необходимости — это используемые в речи (текстах) предложения с «предикативами необходимости / долженствования» [Кобозева и др., 1991; Кобозева 2004, с. 246; Лауфер, 2007; Русская грамматика, 1980, с. 321]: *надо, должен* и др. Приведем пример ВН из проповеди:

(1) *Будем же и мы, дорогие, помнить, что мы приходим в храм, чтобы словом выразить свое отношение к Богу. И наше слово должно сочетаться с нашими делами* [Никон, епископ, 2005, с. 4].

Материал извлекался из текстов проповедей, опубликованных в периодических изданиях Русской Православной Церкви или в сборниках проповедей одного автора. Поскольку корпус текстов проповеди определяется как дискурс, представленный анализ проецируется на все множество ВН, имеющих в проповедях или потенциально возможных в них.

В качестве основы для описания механизма адсубъективации ВН в дискурсе проповеди мы использовали схему толкования показателей долженствования, которая, как показано в исследованиях [Кобозева, 1991; Кобозева 2004, с. 246; Цейтлин, 1990], является инвариантной для всех модальных значений долженствования. Согласно данной схеме, показатели долженствования трактуются как семантически двухвалентные: одна валентность — то, что должно быть (ситуация, вводимая предикатом дол-

женствования), вторая — то, что вынуждает необходимость (конкретные обстоятельства), по С. Н. Цейтлин [Цейтлин, 1990, с. 146], — детерминирующие факторы, или каузаторы. При анализе ВН в проповеди учитывался способ выражения детерминирующего фактора: по этому показателю выделяли ВН с имплицитным каузатором (синтаксически не выраженным) и эксплицитным (синтаксически выраженным) [Там же]. В проповедях употребляются оба типа. Пример (2) имеет имплицитный каузатор, как и предложение в предыдущем примере (1):

(2) *И наше слово должно сочетаться с нашими делами.*

С эксплицитным каузатором ВН в проповедях представлены, как правило, сложноподчиненными предложениями с целевыми придаточными. Такое предложение иллюстрирует пример (3), где [КАУЗ] — каузатор:

(3) [КАУЗ] *И, чтобы изменить что-то к лучшему, надо исцелиться от греха, надо почувствовать нужду во Враче душ и телес — Христе, госпoде нашем* [Шабазхов, священник, 1993, с. 10].

Для установления особенностей семантической координации каузатора с предикативом необходимости подбирались языковые единицы с дополнительной дистрибуцией в отношении предикатива необходимости. Определялись случаи, когда возможен только какой-то один из детерминирующих факторов, что рассматривалось как свидетельство адсубъективации, поскольку в дискурсе, в том числе в проповеди, говорящий должен «подчиняться» условию когерентности дискурса, употребляя языковые выражения так, чтобы они передавали только те значения, которые обеспечивают смысловую связность языковых форм с контекстом. Семантическая сочетаемость каузатора с предикативом необходимости определялась на основе анализа функциональных компонентов содержания ВН, а именно пресуппозиций и условий успешности речевых актов (условия успешности отнесены к компонентам содержания предложения в работе [Падучева, 1985, с. 63]). При анализе ВН с эксплицитным каузатором использовался общий подход, постулирующий объединение всех языковых категорий со значением обусловленности: цели, причины, следствия, условия, уступки (в силу их влияния друг на друга, упорядоченности по отношению друг к другу) — как элементов одного языкового класса [Евтюхин, 1996, с. 140]. В качестве пресуппозиций исследователи рассматривали ситуативные условия, гарантирующие эффективность речевого акта [Арутюнова, 1973, с. 123; Падучева, 1985, с. 53]. Вслед за [Арутюнова, 1973] такие пресуппозиции квалифицировались как прагматические.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В соответствии со своим грамматическим строением предложения с предикативами необходимости — это класс предложений, которые пред-

назначены для того, чтобы манифестировать волю говорящего [Кобозева, 1976, с. 15]. Связь между грамматическим строением предложения и его характерным использованием в речи определяется в литературе как «типичное употребление предложения» [Лайонз, 2003, с. 52—53]. Именно данной типичной функцией объясняется то обстоятельство, что необходимость в ВН может быть истолкована говорящим различным образом в зависимости от того, какой конкретный детерминирующий фактор говорящий считает релевантным в сложившихся условиях коммуникации. Например, в ВН типа *Мне нужно идти* именно говорящий выбирает фактор, который является важным, по его мнению, для обоснования в момент речи необходимости действия («этого требует долг», «пришло время», «так сложились обстоятельства» и т. д.) [Цейтлин, 1990, с. 146].

В текстах проповедей предложения с предикативами долженствования, оформляя дидактические микрожанры и микротемы [Карасик 2004, с. 270; Розанова, 2003], употребляются в своей типичной функции. Однако анализ ВН в зависимости от типа детерминирующего фактора показывает, что ВН в проповеди приемлемы только в тех случаях, когда исключается и / или ограничивается позиция говорящего в выборе детерминирующего фактора.

3.1. Адсубъективация в высказываниях необходимости с имплицитным каузатором

В ВН с имплицитным каузатором адсубъективация проявляется в том, что говорящий не может дополнительно к долженствованию сообщить собственные суждения о положении дел. Далее приводятся дистрибутивные варианты детерминирующих факторов для одного примера ВН:

(4) *Мы с любовью, со страхом и благодарением должны все вспоминать добровольные страдания за нас Христа и усердно распинаться Ему, или распинать свои пагубные плотские страсти, делающие нас врагами Богу нам самим и жалкими рабами Дьявола, усиливающегося всех нас низринуть в пропасть адскую* [Гончаров Николай, свящ., 1993, с. 4].

Семантическое отождествление предикативов необходимости с каузатором определяется на основе характеристики условий успешности речевого акта волеизъявления (в [Цейтлин, 1990, с. 142], в частности, показано, что волеизъявление — часть семантики долженствования). Всего получилось три группы ВН, см. (4а), (4б), (4в):

(4а) *Мы с любовью ... должны все вспоминать добровольные страдания за нас Христа* [ВН], (потому что мы не все с любовью вспоминаем добровольные страдания за нас Христа) [КАУЗ].

(4б) **Мы с любовью ... должны все вспоминать добровольные страдания за нас Христа* [ВН], (потому что мы все с любовью вспоминаем добро-

вольные страдания за нас Христа) [КАУЗ] (здесь и далее знаком * перед примером обозначено недопустимое употребление в дискурсе проповеди. — В. Б.).

(4в) ? *Мы с любовью ... должны все вспоминать добровольные страдания за нас Христа* [ВН] (потому что это предписывается Священным Преданием [КАУЗ]; потому что так заведено в православии [КАУЗ]; потому что это отвечает моему намерению [КАУЗ] и др.) (здесь и далее знаком вопроса перед примером обозначено сомнительное употребление в дискурсе проповеди. — В. Б.).

Особенность примера (4а) в том, что детерминирующий фактор — это всегда только «предварительное / подготовительное условие» [Падучева, 1985, с. 24—26; Кобозева, 2004, с. 264] успешности речевого акта волеизъявления, мотивирующее необходимость действия в высказывании (4). Это условие состоит в том, что состояние, которое является результатом действия, не имеет места [Падучева, 1985, с. 25]: «мы не все с любовью вспоминаем добровольные страдания за нас Христа».

Пример (4б) демонстрирует абсолютную семантическую аномалию, так как детерминирующий фактор противоречит подготовительному условию, определяющему семантическую правильность ВН (4) в проповеди. Такую семантическую аномалию можно считать абсолютной, потому что она не обуславливается дискурсом (в определенном выше значении), а свойственна вообще всякому высказыванию в контексте речевого акта.

В ВН (4в) дистрибутивные варианты каузаторов характеризуются «относительной семантической аномальностью» (термин из [Кобозева, 2004, с. 208], так как они семантически неправильны только в дискурсе проповеди. Их неправильность обусловлена тем, что они индивидуализируют адресата, однако в проповеди высказывания, индивидуализирующие адресата, неприемлемы [Бурцев, 2020; Крылова, 2006, с. 614—615]. Например, ВН *Мы с любовью... должны все вспоминать добровольные страдания за нас Христа* [ВН], потому что это предписывается Священным Преданием [КАУЗ], по сути, исключает из числа адресатов речевого акта всех, у кого имеется другая информация (например, информация в (4а)) о мотивах необходимости «вспоминать добровольные страдания за нас Христа». Исходя из того, что содержание детерминирующих факторов в (4в) недоступно непосредственно некоторым адресатам проповеди, эти факторы невозможно рассматривать в качестве каузаторов необходимости действия в ВН типа (4).

Таким образом, в качестве детерминирующих факторов необходимости действия в ВН типа (4) могут выступать только те, которые носят презумптивный, в широком смысле, характер. То есть они, во-первых, входят в семантическую структуру высказывания и, во-вторых, обеспечивают ко-

герентность с дискурсом, поэтому не передать их или передать какую-то дополнительную информацию говорящий не может.

3.2. Адсубъективация в высказываниях необходимости с эксплицитным каузатором

В ВН с эксплицитным каузатором в дискурсе проповеди адсубъективация проявляется в том, что высказывание правильно только в отношении определенной пресуппозиции. Пресуппозиции выявляются по результатам семантического анализа, отражающего мотивационный аспект отношений обусловленности между конструкциями обусловленности (причины, условия, следствия, цели, уступки), которые в литературе рассматриваются как элементы одного языкового класса [Евтюхин, 1996, с. 150]. Семантическое представление целевого ВН, в котором отражена мотивация конструкций обусловленности, согласуется в нашем исследовании с результатами работ [Бейкер, 1985; Разлогова, 2003, с. 200; Фреге, 1977, с. 377].

(5) *Но чтобы узнать обещание Творца и открыть для себя Царство небесное, нужны совершенная вера и совершенное послушание* [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 391].

(5a) *Так как мы хотим узнать обещание Творца и открыть для себя Царство небесное, нужны совершенная вера и совершенное послушание.*

(5a|) *Мы хотим узнать обещание Творца и открыть для себя Царство небесное.*

(5a||) *Нужны совершенная вера и совершенное послушание.*

(5б) *Если мы хотим узнать обещание Творца и открыть для себя Царство небесное, то нужны совершенная вера и совершенное послушание.*

Целевая конструкция (5) мотивируется причинно-следственной (5a) [Разлогова, 2003, с. 199—200]. В терминах [Фреге, 1977, с. 377] главная и придаточная части (5a) выражают законченные мысли (5a|) и (5a||), а также часть третьей мысли (5б)), которая выводится из (5a|) и (5a||) по правилам логических умозаключений, связывая эти суждения отношением следования. В [Разлогова, 2003, с. 200] компоненты типа (5б) характеризуются как «опорные правила».

Исходя из данного анализа, в ситуации употребления в проповеди эффект примера (5) как религиозного высказывания проистекает из знания говорящим истинности (5a|) и (5a||) и истинности опорного правила. Однако, пользуясь дистрибутивным методом, можно сконструировать опорные правила для ВН с тем же предикативом необходимости, когда обе пропозиции-компоненты будут истинны, но целевое ВН окажется неприемлемым. Таково, например, ВН (6), в котором (6б) при истинности (6a|) и (6a||) опровергается религиозно-историческими фактами (в частности, свидетельством святого первоверховного Апостола Павла: *И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть* (выделено

нами. — В. Б.), ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» [2 Кор 12:7–10]).

(6) *Чтобы болезнь отступила, нужны совершенная вера и совершенное послушание.

(6a) Так как мы хотим отступления болезни, нужны совершенная вера и совершенное послушание.

(6a|) Мы хотим отступления болезни.

(6a||) Нужны совершенная вера и совершенное послушание.

(66) *Если мы хотим отступления болезни, то нужны совершенная вера и совершенное послушание.

При сопоставлении опорных правил из примеров (5) и (6) обнаружено, что отмеченный эффект в высказывании (5) и его отсутствие в (6) в дискурсе проповеди объясняются функционально-истинностным значением импликации опорного правила, см. далее: для (5в) значение импликации — «истина», для (6в) — «ложь». Функционально-истинностное значение импликации мы определяли, используя в качестве инструмента анализа пресуппозиции. Такой подход предлагается, в частности, в работе [Бейкер, 1985, с. 412] для обоснования анализа семантической совместимости пар предложений в условных конструкциях, а также в исследовании [Евтюхин, 1996, с. 149] при обосновании гипотезы о неслучайном характере смысловой связи между пропозициями ряда конструкций обусловленности. Для (5б) определяется пресуппозиция (5в). Это пресуппозиция выполнимости условия, соответствующего придаточному предложению:

(5в) Узнаем обещание Творца и откроем для себя Царство небесное при совершенной вере и совершенном послушании.

В дискурсе проповеди употребление будущего времени совершенного вида продуктивно в качестве модальной, а не темпоральной формы. В высказывании (5в) и аналогичных примерах из проповеди (ср. (7), (8)) связь с будущим осуществляется исключительно через модальность достоверности, истинности и неизбежности действия в будущем:

(7) Молитва укрепит веру, молитва наведет на нас неиссякаемую Божественную любовь, молитва даст нам силы духа [Николай, митр. 1950, с. 134].

(8) Непреложный Промысл Божий найдет Своего исполнителя [Владимир (Иким), митр., 2009, с. 98].

Для (6б) пресуппозиция типа (6в) в дискурсе проповеди является ложной:

(6в) *Болезнь отступит при совершенной вере и совершенном послушании.*

Это доказывается интерпретацией примера (6), приведенной выше.

Таким образом, адсубъективация характеризует примеры типа (5), а также (7) и (8), передающие такие пресуппозиции, которые исключают недостоверность, сомнение или неискренность со стороны говорящего в оценке им соответствия содержания высказывания действительности. Механизм адсубъективации для таких случаев определяется относительно ситуативных пресуппозиций высказывания.

В примере (6) адсубъективации нет, так как нет пресуппозиции, подобной (5в). Осмысление (6) с опорным правилом (6б) и пресуппозицией, исключающей незнание, возможно только с точки зрения говорящего. Однако она делает импликацию ложной в дискурсе проповеди, и в этом случае придется считать, что говорящий нарушает один из видов принципа кооперации — субпринцип качества [Грайс, 1985, с. 222—223], то есть строит ложное высказывание и тем самым представляет себя как автора речи, который не имеет моральных обязанностей по отношению к адресату.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, анализ высказываний с предикативами необходимости в дискурсе русской православной проповеди показал, что в проповеди они подвергаются адсубъективации. Определен механизм адсубъективации, основанный на специфическом соотношении семантических функций грамматических форм с неассертивными компонентами плана содержания высказывания, когда исключается и / или ограничивается позиция говорящего в выборе каузатора предикатива необходимости. Существенно, что адсубъективация охватывает в проповеди все типы высказываний необходимости: и с имплицитным каузатором, и с эксплицитным. Установлено, что в ВН с эксплицитным каузатором в дискурсе проповеди адсубъективация проявляется в том, что высказывание правильно только в отношении ситуативной пресуппозиции. В ВН с имплицитным каузатором адсубъективация проявляется в том, что говорящий не может дополнительно к должествованию сообщить собственные суждения о положении дел. Исследование показало, что в дискурсе проповеди адсубъективация высказываний необходимости — универсальное явление, так как при актуализации субъективной деятельности говорящего порождаются неприемлемые высказывания. Это объясняется спецификой дискурса как варианта общенародного языка, в котором грамматические формы в актах высказывания

могут употребляться только с определенным значением: благодаря этому они включаются в соответствующую функциональную систему средств выражения особого смысла и содержания.

Наше исследование также показало, что трактовка адсубъективации, в основу которой кладется специфическое взаимодействие ассертивных и неассертивных компонентов высказывания, позволяет включить проблематику субъективности в языке в более широкий теоретический контекст. Она актуальна, во-первых, в части изучения принципов концептуализации языковой семантики, ее приспособления к выполнению когнитивной функции внелингвистических знаний, в том числе религиозных; во-вторых, для выявления классификационных параметров при типологии дискурсов на собственно дискурсных основаниях, объединяя и разграничивая высказывания по признаку приемлемости в тексте.

Источники

1. *Владимир (Иким)*, митрополит. Врата покаяния : Слова, произнесенные в разные годы в период пения Триоди постной / Владимир (Иким), митрополит // Ташкентский и Среднеазиатский. — Москва : Сибирская Благовонница, 2009. — 925 с. — ISBN 978-5-91362-229-7.
2. *Гончаров Н.*, священник. Слово V. В 3-ю неделю Великого поста — Крестопоклонную / Н. Гончаров, священник // Воронежский епархиальный вестник. — 1993. — № 3 (35). — Март. — С. 4.
3. *Николай*, митрополит. Слова и речи, т. II- IV. Т 2 (Слова, речи и статьи. (1954—1957 гг.) / Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский. — Москва : Издание Московской Патриархии, 1950. — 400 с.
4. *Никон*, епископ. Дар слова / Никон, епископ Липецкий и Елецкий // Задонский паломник. — 2005. — № 44. — С. 2—4.
5. *Шабазхов Г.*, священник. «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче» / Г. Шабазхов, священник // Воронежский епархиальный вестник. — 1993. — № 3 (35). Март. — С. 9—10.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. — 1973. — № 1. — С. 117—124.
2. *Бейкер А.* Пресуппозиция и типы предложений / А. Бейкер // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. — Москва : «Прогресс», 1985. — Выпуск XVI. — С. 406—418.
3. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — Москва : «Прогресс», 1974. — 447 с.
4. *Блох М. Я.* Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации / М. Я. Блох // Вопросы языкознания. — 1977. — № 3. — С. 73—85.
5. *Бондарко А. В.* К проблеме интенциональности в грамматике (На материале русского языка) / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. — 1994. — № 2. — С. 29—42.

6. Бурцев В. А. Особенности употребления адресованных высказываний в русской православной проповеди / В. А. Бурцев // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-9-25.
7. Бурцев В. А. Употребление связочных предложений в дискурсе русской православной проповеди в контексте речевого акта / В. А. Бурцев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 1. — С. 103—114. — DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-103-114.
8. Гак В. Г. Высказывание / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 90. — ISBN 5-85270-031-2.
9. Грайс Г. Ф. Логика и речевое общение / Г. Ф. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск XVI. — С. 217—237.
10. Демьянков В. З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи / В. З. Демьянков // «Я», «Субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. — Москва : ИНИОН РАН, 1992. — С. 9—34.
11. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. — 2007. — № S1. — С. 86—95.
12. Евтюхин В. Б. Группировка поле обусловленности : причина, условие, цель, следствие, уступка / В. Б. Евтюхин // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. — Санкт-Петербург : Наука, 1996. — С. 138—174. — ISBN 5-288-01628-3.
13. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
14. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева : Учебник. Изд. 2-е. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 352 с. — ISBN 5-8360-0165-0.
15. Кобозева И. М. Отрицание и пресуппозиции (В связи с правилом перенесения отрицания в русском языке) / И. М. Кобозева : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.21 / И. М. Кобозева. — Москва, 1976. — 31 с.
16. Кобозева И. М. Семантика модальных предикатов долженствования / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка : культурные концепты. — Москва : Наука, 1991. — С. 169—175.
17. Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль / О. А. Крылова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — С. 612—616. — ISBN 5-89349-342-7.
18. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика : Введение / Дж. Лайонз. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 400 с. — ISBN 5944571284.
19. Лауфер Н. И. Предикативы со значением необходимости : статистика и семантика (корпусное исследование) / Н. И. Лауфер // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). — Москва : Издательство РГГУ, 2007. — С. 353—358.
20. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. — Москва : Наука, 1985. — 272 с.
21. Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — 2011. — № 3. — С. 3—18.

22. *Переверзев К. А.* Высказывание и ситуация : об онтологическом аспекте философии языка / К. А. Переверзев // Вопросы языкознания. — 1998. — № 5. — С. 24—52.
23. *Разлогова Е. Э.* Когнитивные установки в прямых и не прямых ответах на вопрос / Е. Э. Разлогова // Логический анализ языка. Избранное. 1988—1995. — Москва : Индрик, 2003. — С. 195—211.
24. *Розанова Н. Н.* Сфера религиозной коммуникации : храмовая проповедь / Н. Н. Розанова // Современный русский язык : Социальная и функциональная дифференциация. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 341—363.
25. *Русская грамматика.* Синтаксис. — Москва : Наука, 1980. — Т. 2. — 840 с.
26. *Савова Д. В.* Предикативная структура высказывания в болгарском языке / Д. В. Савова // Вопросы языкознания. — 2012. — № 3. — С. 69—90.
27. *Серио П.* Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса. — Москва : ОАО ИГ «Прогресс», 1999а. — С. 12—53. — ISBN 5-01-004414-5.
28. *Серио П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса : анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса. — Москва : ОАО ИГ «Прогресс», 1999б. — С. 337—383. — ISBN 5-01-004414-5.
29. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1995. — С. 34—72.
30. *Степанов Ю. С.* В поисках прагматики / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 325—332.
31. *Фреге Г.* Смысл и денотат [Электронный ресурс] / Г. Фреге // Семиотика и информатика. — Москва : ВИНТИ, 1977. — № 8. — С. 351—379.
32. *Цейтлин С. Н.* Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Ленинград : Наука, 1990. — С. 142—156. — ISBN 5-02-028005-4.
33. *Чернявская В. Е.* Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В. Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 50. — С. 135—148. — DOI: 10.17223/19986645/50/9.
34. *Чернявская В. Е.* Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1 (038). — С. 54—61.

Material resources

- Гончаров, N., priest. (1993). The word V. In the 3rd week of Great Lent — the Crucifixion. *Voronezh Diocesan Bulletin*, 3 (35). March. P. 4. (In Russ.).
- Nicholas, Metropolitan. (1950). *Words and Speeches, vol. II—IV. T. 2 (Words, speeches and articles. (1954—1957).* Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate. 400 p. (In Russ.).
- Nikon, Bishop of Lipetsk and Yeletsky. (2005). The gift of the word. *Zadonsky pilgrim*, 44: 2—4. (In Russ.).
- Shabazkhov, G., priest. (1993). “Open the doors of repentance, Life Giver”. *Voronezh Diocesan Bulletin*, 3 (35): March. 9—10. (In Russ.).
- Vladimir (Ikim), Metropolitan. (2009). The Gates of Repentance: Words spoken in different years during the singing of the Lenten Tridion. In: *Tashkent and Central Asian*. Moscow: Siberian Blagozvonitsa. 925 p. ISBN 978-5-91362-229-7. (In Russ.).

References

- Arutyunova, N. D. (1973). Problems of syntax and semantics in the works of Ch. Fillmore. *Questions of linguistics, 1*: 117—124. (In Russ.).
- Baker, A. (1985). Presupposition and types of sentences. In: *New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics, XVI*. Moscow: Progress. 406—418. (In Russ.).
- Benveniste, E. (1974). *General Linguistics*. Moscow: Progress. 447 p. (In Russ.).
- Bloch, M. Ya. (1977). The problem of sentence identity in the light of the correlation of concepts of syntax, semantics and information. *Questions of Linguistics, 3*: 73—85. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (1994). On the problem of intentionality in grammar (Based on the material of the Russian language). *Questions of linguistics, 2*: 29—42. (In Russ.).
- Burtsev, V. A. (2020). Features of the Use of Addressed Statements in Russian Orthodox Sermon. *Nauchnyi dialog, 1 (10)*: 9—25. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-10-9-25>.
- Burtsev, V. A. (2020). The use of connective sentences in the discourse of the Russian Orthodox sermon in the context of a speech act. *Questions of cognitive linguistics, 1*: 103—114. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-103-114. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2014). Phantoms and syndromes of the discursive paradigm. *Questions of cognitive linguistics, 1 (038)*: 54—61. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2017). Methodological possibilities of discursive analysis in corpus linguistics. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 50*: 135—148. DOI: 10.17223/19986645/50/9. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (2007). Text and discourse as terms and as words of everyday language. *Questions of Philology, 51*: 86—95. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (1992). Personality, individuality and subjectivity in language and speech. In: *"I", "Subject", "individual" in the paradigms of modern linguistics*. Moscow: INION RAS. 9—34. (In Russ.).
- Evtyukhin, V. B. (1996). Grouping the field of conditionality: cause, condition, goal, consequence, concession. In: *Theory of functional grammar. Locativity. Beingness. Possessiveness. Conditionality*. St. Petersburg: Nauka. 138—174. ISBN 5-288-01628-3. (In Russ.).
- Frege, G. (1977). Sense and denotation. In: *Semiotics and Informatics, 8*. Moscow: VINITI. 351—379. Available at: <https://codenlp.ru/wp-content/uploads/2013/09/Фреге-Смысл-и-Денотат.pdf> (accessed 09.09.2022). (In Russ.).
- Gak, V. G. (1990). Utterance. In: *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 90. ISBN 5-85270-031-2. (In Russ.).
- Grice, G. F. (1985). Logic and speech communication. In: *New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics, XVI*. Moscow: Progress. 217—237. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (1976). *Negation and presuppositions (In connection with the rule of transference of negation in the Russian language)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 31 p. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M., Laufer, N. I. (1991). Semantics of modal predicates of obligation. In: *Logical analysis of language: cultural concepts*. Moscow: Nauka. 169—175. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2004). *Linguistic semantics. Textbook. Ed. 2nd*. Moscow: Editorial URSS. 352 p. ISBN 5-8360-0165-0. (In Russ.).

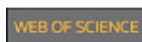
- Krylova, O. A. (2006). Church-religious style. In: *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow: Flint: Nauka. 612—616. ISBN 5-89349-342-7. (In Russ.).
- Lyons, J. (2003). *Linguistic Semantics: Introduction*. Moscow: Languages of Slavic culture. 400 p. ISBN 5944571284. (In Russ.).
- Laufer, N. I. (2007). Predicatives with the meaning of necessity: statistics and semantics (corpus research). In: *Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the international conference "Dialog 2007" (Bekasovo, May 30 — June 3, 2007)*. Moscow: RSUH Publishing House. 353—358. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1985). *Utterance and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)*. Moscow: Nauka. 272 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2011). Egocentric valence and deconstruction of the speaker. *Questions of linguistics*, 3: 3—18. (In Russ.).
- Pereverzev, K. A. (1998). Utterance and situation: on the ontological aspect of the philosophy of language. *Questions of Linguistics*, 5: 24—52. (In Russ.).
- Razlogova, E. E. (2003). Cognitive attitudes in direct and indirect answers to a question. In: *Logical analysis of language. Favourites. 1988—1995*. Moscow: Indrik. 195—211. (In Russ.).
- Rozanova, N. N. (2003). Sphere of religious communication: temple sermon. In: *Modern Russian language: Social and functional differentiation*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 341—363. (In Russ.).
- Russian grammar. Syntax*, 2. (1980). Moscow: Nauka. 840 p. (In Russ.).
- Savova, D. V. (2012). Predicative structure of utterance in the Bulgarian language. *Questions of linguistics*, 3: 69—90. (In Russ.).
- Serio, P. (1999a). How texts are read in France. In: *Quadrature of meaning: The French school of Discourse Analysis*. Moscow: JSC IG Progress. 12—53. ISBN 5-01-004414-5. (In Russ.).
- Serio, P. (1999b). Russian language and Analysis of Soviet Political Discourse: Analysis of Nominalizations. In: *Quadrature of Meaning: French School of Discourse Analysis*. Moscow: JSC IG Progress. 337—383. ISBN 5-01-004414-5. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1981). In search of pragmatics. *Bulletin AN SSSR. Ser. lit. and yaz*, 40 (4): 325—332. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1995). Alternative world, Discourse, Fact and the principle of Causality. In: *Language and science of the late 20th century*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 34—72. (In Russ.).
- Tseitlin, S. N. (1990). Necessity. In: *Theory of functional grammar. Temporality. Modality*. Leningrad: Nauka. 142—156. ISBN 5-02-028005-4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.11.2022,
одобрена после рецензирования 19.09.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.

Даутова Е. А. Интеграция : слово и понятие в дискуссиях партийных руководителей европейских стран-членов Совета экономической взаимопомощи / Е. А. Даутова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 24—43. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-24-43.

Dautova, E. A. (2022). Integration: Word and Concept in Discussions of Party Leaders of European Member States of Council for Mutual Economic Assistance. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 24-43. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-24-43. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-24-43

**Интеграция: слово
и понятие в дискуссиях
партийных руководителей
европейских стран-членов
Совета экономической
взаимопомощи**

Даутова Екатерина Артуровна
orcid.org/0000-0001-6711-0114
младший научный сотрудник,
центр экономической истории России
dautovaea@list.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, России)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 19-78-10023

**Integration: Word
and Concept in Discussions
of Party Leaders of European
Member States of Council
for Mutual Economic
Assistance**

Ekaterina A. Dautova
orcid.org/0000-0001-6711-0114
Junior Researcher
Center of Economic History of Russia
dautovaea@list.ru

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported
by the Russian Science Foundation,
project № 19-78-10023

© Даутова Е. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается формирование терминологического аппарата социалистической риторики. Исследование проводится на основе материалов Совещаний секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-членов Совета экономической взаимопомощи в период с 1956 по 1969 годы, программных документов данной организации. Особое внимание уделяется анализу эволюции категориального аппарата, который использовался для описания сотрудничества между странами. Отмечается, что в середине 1950-х годов, в начале пути формирования Совета экономической взаимопомощи и языка описания его деятельности, термин *интеграция* стигматизировался, так как ассоциировался с экономическими процессами в Западной Европе. Уточняется, что в то же время активно использовались описательные конструкции, раскрывающие суть интеграции в странах соцлагеря, также встречались частые случаи использования термина в официальных речах партийных лидеров. Автор приходит к выводу, что с конца 1960-х — начала 1970-х годов термин *социалистическая интеграция* начали активно использовать для конструирования образа социалистической экономической системы как эффективного аналога Европейского экономического сообщества. Уточняется, что в то же время данное понятие имело важное символическое значение и являлось элементом ритуального социалистического дискурса.

Ключевые слова:

социалистический лагерь; Совет экономической взаимопомощи; интеграция; социалистическая идеология; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the process of formation of the terminological framework of socialist rhetoric. The study is based on the materials of the Meetings of the Central Committee of the Communist and Worker's Parties Secretaries and the heads of the member countries of the Council for Mutual Economic Assistance government in the period from 1956 to 1969, the program documents of this organization. Particular attention is paid to the analysis of the evolution of the categorical framework, which was used in the description of cooperation between countries. It is noted that in the mid-1950s, at the beginning of the formation of the Council for Mutual Economic Assistance and the language for describing its activities, the term *integration* was stigmatized, as it was associated with economic processes in Western Europe. It is clarified that at the same time, descriptive constructions were actively used, revealing the essence of integration in the countries of the socialist camp, and there were also frequent cases of the use of the term in official speeches by party leaders. The author comes to the conclusion that since the late 1960s — early 1970s the term *socialist integration* began to be actively used to construct the image of a socialist economic system as an effective analogue of the European Economic Community, while this concept had an important symbolic meaning and was an element of ritual socialist discourse.

Key words:

socialist camp; Council for Mutual Economic Assistance; integration; socialist ideology; USSR.

Интеграция: слово и понятие в дискуссиях партийных руководителей европейских стран-членов Совета экономической взаимопомощи

© Даутова Е. А., 2022

1. Введение = Introduction

В 1979 году исполнилось 30 лет с момента создания Совета экономической взаимопомощи (далее — СЭВ) — главной экономической организации стран социалистического лагеря периода Холодной войны. Это событие широко освещалось в прессе и публицистических работах. Как следовало из юбилейного издания Секретариата СЭВ, одной из главных целей организации едва ли не с 1949 года была *социалистическая интеграция*. «В соответствии с Уставом СЭВ, — писали авторы книги, — цель Совета Экономической Взаимопомощи состоит в том, чтобы содействовать путём объединения и координации усилий стран-членов Совета *дальнейшему* [здесь и далее курсив наш. — Е. Д.] углублению и совершенствованию социалистической экономической интеграции» [Совет ..., 1979, с. 5—6]. Этот подход развивали и авторы множества советских научно-популярных и публицистических работ, посвящённых экономическим связям социалистических стран [Кишш, 1971, с. 165—166; Морозов, 1979, с. 19; Руднев, 2016, с. 5—6]. СЭВ, таким образом, представлял в идеологической риторике мощной альтернативой западноевропейской интеграции. Проблема в том, что до второй половины 1960-х годов в официальных документах СЭВ, в том числе в Уставе организации, термин *интеграция* практически не упоминался [Широков, 2005, с. 47]. Логично возникает вопрос о том, возможно ли, что интеграционный характер СЭВ 1970-х годов был лишь поздним идеологическим конструктом.

Сегодня термин *европейская интеграция* прочно ассоциируется с политическими и экономическими процессами в Западной Европе. Однако идея, что в послевоенной Европе существовало несколько альтернативных вариантов интеграции и глобализации, набирает всё большую популярность у исследователей [Липкин, 2019; Alternative Globalizations ..., 2020; European Integration, 2020, p. 169—190; Sanchez-Sibony, 2014]. Особое место в дискуссии о путях интеграции европейских государств ещё со времён Холодной войны занимает проблема так называемой «социалистической интеграции в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ)» [Schiavone, 1981, p. 7—8]. В официальном советском дискурсе СЭВ позиционировался в качестве альтернативы западноевропейскому пути, но не как институт интеграции.

Институциональная трансформация СЭВ и попытки в её рамках запустить интеграционные механизмы изучены достаточно подробно [Crump et al., 2018, p. 85—109; Godard, 2018, p. 187—210; Popov, 2018, с. 1303—1313]. По мнению О. Н. Широкова, интеграционные тенденции появились в СЭВ только к 1971 году, но уже к середине 1970-х годов, во время энергетического кризиса, пошли на спад [Широков, 2005, с. 75—86]. Сходной позиции придерживается М. А. Липкин, подчеркивая при этом, что уже с 1956 года руководители блока задумывались о создании мировой системы социализма как альтернативного экономического порядка, но не интеграционной системы [Совещание ..., 2021, с. 7]. Однако открытым остаётся вопрос, каким образом соотносились политические и экономические задачи развития блока и их репрезентация в официальном дискурсе.

Официальная идеология прошла долгий путь от осуждения экономической интеграции как инструмента капитализма и империализма до конструирования образа СЭВ как альтернативного полюса европейской интеграции [Аггеева, 2019, с. 44—85; Фокин, 2019а, с. 468—474; Широков, 2005]. В недавних исследованиях политического дискурса стран членов-СЭВ сделан акцент на анализе языка социалистической интеграции, его рецепции и ретрансляции акторами различных уровней [Каменская, 2022, с. 109—119; Нагорная, 2020, с. 1597—1611; Попов, 2021]. Как показал А. А. Фокин на примерах из выступлений иностранных делегатов на съездах КПСС и материалов журнала «Проблемы мира и социализма», одной из характерных черт этого языка была его ритуализация [Фокин, 2019б, с. 72—79]. При этом часто именно идеологические формулировки и концепты влияли на разработку стратегий экономического развития.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследователи политического языка социалистической интеграции традиционно в своём анализе опирались на тексты советской периодики, научной и научно-популярной литературы. Но за рамками исследования оставался идеологический язык, которым пользовались сами функционеры и руководители европейских стран социалистического лагеря. При этом именно верхушка партийного руководства в социалистических странах была ответственна за появление значительной части идеологических клише языка социалистической интеграции.

В данной статье предпринята попытка междисциплинарного анализа политического дискурса социалистической интеграции. Этот подход уже применялся в исторических исследованиях социалистической интеграции, однако историки больше внимания уделяли анализу периодической печати и документов [Аггеева, 2019; Фокин, 2019а; Фокин, 2019б; Широков,

2005]. Кроме того, в данной статье, в сравнении с предшествующими работами, сопоставление языка дискуссии партийных руководителей стран социалистического лагеря с языком официальной репрезентации (программных документов СЭВ, публицистических работ и т. д.) проведено на основе статистического, композиционного и контент-анализа.

Основным источником для анализа семантики политического языка партийных лидеров социалистических стран послужили материалы Совещаний секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-членов СЭВ в 1956 году, 1962 году, 1963 году и XXIII (Специальная) Сессия СЭВ в 1969 году, отложившиеся в фонде 10 РГА-НИ. Кроме того, проанализированы программные документы СЭВ (Устав, Комплексная программа, обзорные работы в честь юбилея организации), а также посвящённая СЭВ и сотрудничеству социалистических стран советская научная и научно-популярная литература за период с 1962 по 1981 годы. Данный комплекс документов позволяет проследить трансформацию социалистической риторики верхушки партийного и политического руководства европейских стран соцлагеря, а не только зафиксировать идеологические клише, которые использовались для широкой аудитории.

Второй половине 1970-х годов, когда в официальных документах о социалистической интеграции заговорили как о свершившемся факте, предшествовал длительный и сложный период трансформации моделей описания внутриблокового сотрудничества. Пример употребления термина *интеграция* и его аналогов применительно к развитию социалистического блока в 1950-е—1970-е годы показывает, что за аккуратной вывеской выверенных формулировок официальной идеологии скрывалась сложная картина того, как менялись эти модели описания вместе с целями сотрудничества.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Начальный этап формирования социалистической риторики

Восточный блок сформировался вскоре после Второй мировой войны, сначала как сфера политического влияния Советского Союза, а впоследствии — уже как объединение социалистических стран с плановой экономикой и коммунистическими партиями в качестве ведущей политической силы. Для координации экономических отношений стран блока в 1949 году был создан Совет экономической взаимопомощи. В период правления И. В. Сталина в экономике, как и в других сферах, внутриблоковые отношения сводились к двусторонним договорам между странами, заключённым с оглядкой на мнение советского руководства.

В 1949—1953 годах происходила выработка новых идеологических концепций для описания отношений между СССР и социалистическими

странами. Во-первых, после Второй мировой войны было важно отстраивать новый мир на принципах «равенства и братства», поэтому на первый план выходили идеологически окрашенные термины с антивоенной семантикой. Во-вторых, в условиях Холодной войны было необходимо сформировать идеологическое ядро, объединяющее страны социалистического лагеря, и провести четкую границу между Востоком и Западом. В связи с этим «термины “помощь”, “взаимопомощь”, “братский союз”, “содружество социалистических наций”, характерные для определения процессов в странах СЭВ, отражают не риторические упражнения, а реальный континуум понятийного ряда, сочетающий моральные, политические, идеологические и экономические принципы» [Широков, 2005, с. 39].

После смерти Сталина началась ограниченная либерализация в отношениях между странами блока. Коммунистические руководители ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании стали гораздо более открыто говорить о взаимных претензиях, существующих социально-экономических проблемах и путях совместного их решения. Для повышения эффективности экономического сотрудничества были расширены полномочия и бюрократическая структура Совета экономической взаимопомощи, который при Сталине практически не функционировал. Для лучшей координации усилий в военной сфере была создана Организация Варшавского договора [Crump, 2015, p. 18—23]. Но главным форумом для обсуждения проблем блока стали Совещания высшего партийного руководства социалистических стран.

Важно отметить, что в совещаниях СЭВ участвовали лидеры стран, очень сильно отличающихся друг от друга: от экономических лидеров блока, таких как СССР, ГДР или Чехословакия, до стран с низким уровнем промышленного развития, вроде Болгарии, Албании (до 1961 года) или Монголии (с 1962 года). Многие из них ранее не имели тесных экономических контактов, находились на разных уровнях экономического развития, серьезно отличались по промышленному потенциалу, хозяйственной специализации, политическим условиям и социокультурным характеристикам [Каменская, 2022, с. 112]. Кроме того, в Совещаниях в этот период в статусе стран-наблюдателей принимали участие Китай (до 1961 года) и Югославия (с 1964 года). Данные факторы усложняли работу организации, в частности, формировали у лидеров стран различное понимание как целей сотрудничества, так и трактовок термина *интеграция*.

3.2. Совещания руководителей как часть дискурса социалистической риторики

Совещания руководителей коммунистических и рабочих партий, название которых со временем несколько раз менялось, представляли собой

встречи высшего партийного руководства. Начало им было положено в середине 1950-х годов. Формат этих встреч позволял обсуждать наиболее актуальные социально-экономические проблемы стран блока и разрабатывать совместные стратегии экономического развития социалистического лагеря. Теоретически эти вопросы могли решаться на уровне Сессий Совета экономической взаимопомощи, однако в спорных ситуациях это было невозможно без санкции первых секретарей партий, которые де-факто руководили и государственным аппаратом. Примечательно, что на закрытых встречах после Совещаний практически в том же составе партийные руководители решали уже и вопросы обороны, и военного снабжения. В этом смысле для компетенций СЭВ и ОВД действовали сходные ограничения [Crump et al., 2018, p. 108].

Выступления партийных руководителей на Совещаниях представляют особый интерес, поскольку именно на них впервые обсуждались многие политические и экономические идеи, вырабатывался понятийный аппарат для их публичной репрезентации. Ключевым вопросом Совещаний в 1956—1964 годах, когда в СССР у власти находился Н. С. Хрущёв, был поиск оптимальных и эффективных способов экономического и научно-технического сотрудничества с целью выравнивания уровня развития стран-членов СЭВ и расширения влияния социалистического лагеря на мировой арене.

Необходимо подчеркнуть, что выступления на Совещаниях были органичной частью советского бюрократического языка. Они как типичные советские официальные тексты были чрезвычайно ритуализированы, носили социально-прагматический характер и подчинялись задаче конструирования и продвижения коммунистического мифа, то есть ценностей и символики коммунизма, создания ощущения его реальности. В этих текстах встречаются все признаки ритуала [Богданов, 2008, с. 302—305]: параллелизм высказываний, повторяемость, языковые ограничения (пропуски того, что «очевидно»), ситуативная соотнесённость с событием (моментом) высказывания, параязык (описание реакции публики в стенограммах выступлений, например: «аплодисменты», «смех» и т. п.).

Строгому канону была подчинена и композиция речей партийных руководителей. В абсолютном большинстве случаев она следовала стандартной модели: а) обращение; б) обозначение темы; в) повествование (история предмета речи или истории мысли об этом предмете, например, отчёты о проделанной работе, достигнутых экономических показателей); г) изложение (системное описание предмета речи, например, предложения по улучшению взаимодействий стран-членов СЭВ, стратегии развития); д) доказательство (центральный аргумент речи), е) опровержение (кри-

тическая оценка предмета речи, обозначение слабых мест); ж) воззвание (призыв аудитории к конкретным действиям); з) заключение (краткое обобщение сказанного). В объёмных речах, посвящённых нескольким предметам (проблемам), части «повествование — воззвание» повторялись соответственно для раскрытия каждой проблемы. Важно отметить, что в чистовые протоколы Совещаний, как и в стенограммы докладов, вносились композиционные правки, чтобы сохранить жёсткую и ясную структуру повествования.

Также во всех речах, прозвучавших на Совещаниях с 1956 по 1963 годы, докладчики оперировали одинаковым набором топосов (общих мест) — частью аргументов, содержащей суждение о ценностях, которые априори принимаются участниками общения как правильные. В дискурсе социалистической риторики такими топосами являлись идеи марксизма-ленинизма, враждебного Запада, коммунизма как главной цели и блага, а также цитирование программных документов. Повтор одинаковых частей речи и одних и тех же топосов создавал суггестивный эффект речей. Несмотря на строгость построения речей, выбор терминов для описания деятельности социалистического блока отличался разнообразием и даже непоследовательностью. Эта тенденция распространялась и на использование термина *интеграция*.

3.3. «Интеграция» vs «мировая система социализма»

Как уже было отмечено выше, сам по себе термин *интеграция* в официальном дискурсе практически не употреблялся до конца 1960-х годов [Широков, 2005, с. 47]. Вероятно, это было связано с тем, что термин *интеграция* уже ассоциировался с процессами экономико-политического сближения стран Западной Европы и формирования там наднациональных механизмов сотрудничества, которые в речах назывались «капиталистический рынок», «объединения капиталистического мира», «общий рынок». В официальном дискурсе отсутствовало определение этого процесса, при этом существовали его идеологические оценки. С точки зрения советской критики, западноевропейская интеграция характеризовалась непрочностью, так как сохраняла все черты капитализма: страны-участницы имели неравные права, не учитывались специфика отдельных государств и их национальные интересы. Н. С. Хрущёв отмечал, что интеграция «империалистических стран» не устраняла «глубоких внутренних противоречий и пороков, присущих миру капитализма» [РГАНИ, д. 20, с. 86]. Похожее мнение выражал Г. Георгиу-Дежа, называя западноевропейскую интеграцию «закрытыми экономическими зонами, практикующими режим дискриминации», «сверхгосударственными организациями, возникающими под лозунгом “интеграции” как новых форм раздела мирового капиталистического рынка между крупнейшими объединениями капиталистов» [РГАНИ,

д. 20, с. 173]. Также западноевропейская интеграция вызывала опасения советских лидеров, так как объединения могли трансформироваться в военно-политические союзы.

М. А. Липкин предполагает, что расширение экономического сотрудничества стран-членов СЭВ в этот период рассматривалось на альтернативной основе через создание глобальной мировой системы социализма [Совещание ..., 2021, с. 7], а не углубление интеграционных связей между странами блока.

Впервые концепция «мировой системы социализма» была представлена уже на первом Совещании, состоявшемся 6—11 января 1956 года [Совещание ..., 2021]. Однако детальный анализ показывает, что идеологический язык только формировался и противопоставление концепций «интеграции» и «мировой социалистической системы» еще не оформилось.

Центральной темой Совещания было обсуждение путей углубления сотрудничества социалистических стран. При этом сам термин *мировой социалистический лагерь* прозвучал лишь один раз за всё Совещание в заключительной части доклада первого секретаря ЦК партии Чехословакии Антонина Новотного. Он призывал всех руководителей стран-членов СЭВ подключиться к формированию *новой* экономической системы с целью ускорения темпов экономического роста [Совещание ..., 2021, с. 106]. В авторском экземпляре стенограммы в речи Новотного есть фрагмент с теоретическим обоснованием существования новой системы: «Экономическим результатом возникновения двух лагерей — капиталистического и социалистического — являлся распад единого всеохватывающего мирового рынка и образование двух параллельных рынков. Возникновение мирового демократического рынка ... отражает процесс формирования и развития новой, социалистической системы мирового хозяйства, нового, социалистического международного разделения труда. В рамках социалистического лагеря сложился новый, высший тип взаимного экономического сотрудничества стран, основанного на высшей, социалистической общественной системе ...» [Совещание ..., 2021, с. 109]. Однако данный фрагмент выбивается из логики композиции всей речи и слабо согласован с предыдущим и последующим абзацами по смыслу и стилю. Вероятно, он был добавлен в уже готовый текст, чтобы подвести хоть какую-то теоретическую базу под дискуссию об отличиях между процессами экономического сотрудничества на Востоке и Западе Европы.

Естественно, Новотный не был основным докладчиком на этой встрече, его выступлению предшествовало длительное обсуждение, которое во многом и определило идеологический язык описания экономического сотрудничества стран соцлагеря. Уже во вступительном слове на открытии

Совещания Никита Сергеевич Хрущёв акцентировал внимание на необходимости организовать кооперацию производства. Остальные докладчики подхватили эту инициативу. Ораторы для описания задач блока чаще всего использовали термины *координация* (использовался 31 раз), *кооперация* и *специализация* (прозвучали по 26 раз). Гораздо реже упоминались слова *взаимопомощь* (6 раз), *международное распределение производства* и *международное распределение труда* (по 3 раза). Активнее всего в освоение новой терминологии включились лидеры партий Венгрии, Чехословакии и Польши, традиционно выступавшие за расширение экономического сотрудничества. Примечательно, что ключевыми терминами совсем не пользовался первый секретарь ЦК Албанской партии труда Энвер Ходжа, который вскоре отказался от сотрудничества в рамках СЭВ.

Понятийный аппарат ещё только разрабатывался, участники Совещания искали наилучший контекст для новых категорий, часто не вполне различая их семантические оттенки. Как следствие, в авторском протоколе стенограммы Совещания в сравнении с черновым встречается множество примеров механической замены слов. Так, термин *координация* заменили на *кооперация* [Совещание ..., 2021, с. 60], *планирование* — на *координирование* [Там же, с. 74], *координировать* — на *согласовать* [Там же, с. 104—105]. Однако уже в тексте «Справки по итогам Совещания» в заключительных фрагментах каждого параграфа и резюмирующем абзаце нормы употребления ключевых терминов были зафиксированы. Тексты «Коммюнике Совещания» и справки по его итогам стали источником образцового употребления новых терминов для бюрократических текстов. Так началось формирование понятийного аппарата для описания социалистической интеграции.

К началу 1960-х годов термин *мировая социалистическая система* уже стал привычным и активно использовался для описания деятельности СЭВ, а термин *интеграция* стигматизировался. Большинство партийных лидеров в своих речах на Совещаниях избегали говорить об интеграции, так как она ассоциировалась с негативно оцениваемыми официальной идеологией политико-экономическими процессами в Западной Европе [Золотарев, 1965; Фаддеев, 1964]. Однако модели употребления «легализованных» категорий описания углубления экономических связей за закрытыми дверями Совещаний всё ещё были очень подвижны.

3.4. Идеологический тезаурус социалистической взаимопомощи: эвфемизмы и синонимы

Стоит отметить, что на Совещаниях не обсуждалось содержание используемых терминов, в частности существительного *интеграция*. В этом можно увидеть причину неясностей и разногласий в использовании этого слова в речах.

На Совещании представителей коммунистических партий и рабочих партий стран-участниц СЭВ 6—7 июня 1962 года для описания различных аспектов сотрудничества стран соцлагеря докладчики использовали около 30 различных номинаций. Примеры их употребления (всего 374 раза) можно разделить на три группы по степени их соотнесённости с содержанием термина *интеграция*. Вслед за О. Н. Широковым мы понимаем под интеграцией «плановмерно регулируемый процесс сближения, взаимного приспособления и оптимизации национальных хозяйственных структур в формате международного хозяйственного комплекса» [Широков, 2005, с. 40—41].

Чаще всего употреблялись номинации, отражающие «формы интеграции», то есть методы регулируемого процесса сближения, взаимного приспособления и оптимизации национальных хозяйственных структур (291 пример из 374): *координация* (90 раз), *специализация* (87 раз), *международное социалистическое разделение труда* (77 раз), *кооперирование производства* (35 раз), *взаимное сотрудничество* (2 раза).

На втором месте по частотности (68 упоминаний) были номинации внутриблоковой экономической системы, также выражающие идею интеграции: *мировая система социализма* (47), *мировое социалистическое хозяйство* (11), *мировой социалистический рынок* (4), *единый мировой кооператив* (3), *международный хозяйственный комплекс* (2), *мировая социалистическая экономика* (1).

Гораздо более разнообразными и выраженно авторскими были номинации с семантикой единения (всего 36 упоминаний): *братская / товарищеская взаимопомощь* (11), *содружества социалистических народов* (5), *братское экономическое сотрудничество* (3), *взаимное дополнение экономики социалистических стран* (3), *взаимная помощь* (2), *единый хозяйственный / экономический организм* (2), *братские взаимоотношения* (1), *сильный экономический организм* (1), *экономическое сплочение* (1), *экономическое сближение* (1), *экономическое единство* (1), *сплочённый единый фронт социалистического содружества* (1), *органическая связь* (1), *взаимосвязь и взаимозависимость национальных хозяйств* (1), *слияние национальных производительных сил* (1), *совместная экономика* (1), *общий котел* (1).

Номинации третьей группы использовались чаще в наиболее экспрессивных и наименее ритуализированных частях выступлений. Они звучали в моменты, когда лидеры говорили о будущем СЭВ, о перспективах развития экономического сотрудничества между странами-участницами или размышляли о противостоянии капиталистической и социалистической систем.

В этом плане наиболее показательной была речь Никиты Сергеевича Хрущёва, которая в целом отличалась образностью и экспрессивностью. Лейтмотивом всего его доклада была проблема противостояния двух си-

стем, которую он рассматривал с разных сторон. Он подверг резкой критике действия капиталистических стран «загнивающего Запада», предупреждая вместе с тем об опасности игнорирования опыта интеграции западных стран. Так, через языковые ограничения, метафоры и описательные конструкции он сформулировал вывод о том, что страны-члены СЭВ, оттолкнувшись от опыта европейской интеграции, должны построить аналогичную модель взаимоотношений социалистических стран: «Если уж капиталисты добиваются определённых результатов в согласовании своей экономической деятельности, то нам — коммунистам, руководителям государств с плановой экономикой, объединённых общими целями, как говорится, сам бог велел показать образец экономического сотрудничества. Объединённому фронту сил империализма мы в состоянии противопоставить ещё более сплочённый единый фронт сил нашего социалистического содружества» [РГАНИ, д. 20, с. 86]. Упрочение и расширение экономического сотрудничества названы «столбовой дорогой» развития мирового социалистического хозяйства [Там же, с. 87].

(Интересно отметить, что подобные метафоры и сравнения преобладали над канцеляритом в выступлениях Хрущёва. Можно вспомнить такие фигуры речи: «координируются вершки, а корешки, то есть коренные вопросы, остаются вне координации», «мы в какой-то степени как крестьяне сейчас», «жуки в моих рассуждениях» и др.).

Если Хрущёв, говоря о перспективах социалистической интеграции, использовал номинации с семантикой единения, то генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии Тодор Живков открыто обращался к термину *интеграция* во всех разделах своей речи. В первый раз он его включил уже в часть «повествование»: «Назрела, однако, необходимость ещё более углубить это наше сотрудничество, *приступить к ещё более тесной интеграции экономики социалистических стран*. Этого требуют задачи строительства социализма и коммунизма, этого требует борьба за полную победу в мирном экономическом соревновании с мировой капиталистической системой» [Там же, с. 45—46]. Затем термин был повторен в части «воззвание»: «Мы, конечно, не игнорируем особенностей работы Совета Экономической Взаимопомощи как международного органа, не пренебрегаем и ролью различных национальных точек зрения. *Усиливая интеграцию* в социалистической системе, мы не хотим опережать развитие вещей, миновать этапы» [Там же]. Живков декларировал, что социалистическая интеграция — это прошлое, настоящее и будущее СЭВ. Показательно, что остальные докладчики никак не отреагировали на такое революционное заявление Живкова. По крайней мере, в чистовой версии протокола дискуссия по этому вопросу, если и была, отражения не нашла. Вероятно, это свиде-

тельствует в пользу того, что в кулуарных обсуждениях термин *интеграция* употреблялся гораздо чаще в отношении будущего соцлагеря.

Одной из главных претензий к западноевропейским механизмам интеграции со стороны руководителей социалистических стран было ограничение национального суверенитета в экономических вопросах. Правительства и партийное руководство восточноевропейских стран начиная с середины 1950-х годов придерживались чёткой линии на сохранение и расширение автономии в принятии решений. Поэтому идеи насаждения любых наднациональных форм сотрудничества воспринимались критически [Godard, 2018, p. 209]. Самым ярким примером тому была негативная реакция Румынии (в меньшей степени Болгарии и Венгрии) на попытку внедрения в 1962 году на уровне СЭВ «Основных принципов социалистического разделения труда». Даже итоговая, сильно урезанная, ни к чему не обязывающая, версия документа, в которой не было даже первоначальных намёков на наднациональность, не говоря уже о каких-то реальных механизмах, стала поводом для заморозки участия Румынии в СЭВ.

Поэтому уже на Совещании 24—26 июля 1963 года в выступлениях первых секретарей тема интеграции (как социалистической, так и капиталистической) поднималась гораздо реже. В целом количество терминов, использованных для описания социалистической интеграции, уменьшилось в 10 раз, а частное использование отдельных аналогов увеличилось в 3—5 раз. Несмотря на то, что за год наметился прогресс в регламентировании деятельности СЭВ, все докладчики считали результаты деятельности неудовлетворительными. Первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный, завершая дискуссионную часть Совещания, констатировал, что с момента предыдущего Совещания страны-члены СЭВ не достигли поставленных задач, намеченный план кооперации не способствовал решению ряда важных политико-экономических проблем, требовалось подготовить подробный проект координации планов, *методов и форм работы* СЭВ [РГАНИ, д. 20, с. 62]. То есть к середине 1960-х годов проблема поиска эффективных методов экономических взаимоотношений стран-членов СЭВ не была решена, а описывающий их язык не был сформирован. Термин *интеграция* продолжали стигматизировать как символ порочного западного пути развития сотрудничества.

3.5. Конструирование мифа о социалистической интеграции

Смена политического руководства СССР в 1964 году в связи с отставкой Н. С. Хрущёва привела к очередному изменению стратегии развития блока и идеологического языка. Хрущёв был явным сторонником углубления сотрудничества на основе западноевропейского опыта. Этот подход разделяли руководители Чехословакии и Польской народной республики. Поэтому

замедление процесса реформирования внутриблоковых отношений после 1964 года привело к росту напряженности в соцлагере [Джалилов, 2018].

С середины 1960-х годов на фоне ухудшения экономической ситуации и обострения конфронтации в рамках Холодной войны советское руководство взяло курс на корректировку модели отношений с восточноевропейскими странами. Вторжение в Чехословакию в 1968 году показало, что для поддержания единства блока недостаточно одних силовых методов. В ЧССР были направлены значительные экономические ресурсы для обеспечения лояльности и нивелирования негативного эффекта военной операции [Джалилов, 2021, с. 22—33]. Одновременно к концу 1960-х годов очевидные успехи западноевропейской интеграции вернули в повестку тему расширения экономических связей стран-членов СЭВ.

В этот кризисный момент в дискуссиях руководства и официальной риторике оформился более прагматический подход к развитию сотрудничества. Произошёл окончательный отказ от малореалистичных долгосрочных планов в пользу развития прикладных проектов: совместных предприятий, инвестиционного банка, исследовательских центров и т. д. Идеология теперь должна была «быть поднята на уровень практических планов» [Аггеева, 2019, с. 79]. Основной пафос этого идеологического конструкта был продиктован уже не идеей дружеского сообщества социалистических стран, а потребностью создания видимости структурированного плана действий в ситуации неопределённости. Наивысшим проявлением этой логики стала принятая в 1971 году на XXV Сессии СЭВ «Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития интеграции стран-членов СЭВ» [Комплексная программа ..., 1971], которая, по сути, была детальным планом научно-технического и промышленного сотрудничества. Уже название было революционным для бюрократического языка. Из него следовало, что интеграция теперь не порицалась, но утверждалось, что она всегда была частью социалистического сотрудничества. Началось конструирование нового идеологического мифа.

Подготовка Комплексной программы началась на XXIII Специальной сессии СЭВ 23—26 апреля 1969 года. Идея социалистической интеграции принадлежала польскому руководству, которое в том или ином виде продвигало её ещё с начала 1960-х годов. Поэтому неудивительно, что первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии В. Гомулка назвал начало работы над Комплексной программой «переломным моментом в деятельности СЭВ» [РГАНИ, д. 34, с. 88].

Сессию открывал Леонид Ильич Брежнев, который в своей речи плавно подводил аудиторию к идее допустимости интеграции для соцлагеря. Он акцентировал внимание в повествовательной части доклада на содержатель-

ных признаках социалистической интеграции, которые, в его версии, уже на протяжении почти двух десятилетий присутствовали в работе СЭВ: «Наши страны уже длительное время используют такие формы социалистической интеграции, как координация планов, планомерность, специализация и кооперирование производства, объединение капиталовложений для решения крупных народнохозяйственных задач» [Там же, с. 43]. Следом за Брежневым выступал глава советского правительства Алексей Николаевич Косыгин, который продолжил продвижение идеи длительного существования социалистической интеграции через широкий исторический экскурс. Он обозначил и рамки того, что стоило понимать под социалистической интеграцией, отмечая, что её задача заключается «в обеспечении всех необходимых экономических и структурно-организационных предпосылок для более эффективного сотрудничества, формирования глубоких и устойчивых кооперационных связей в ведущих отраслях производства, расширения и укрепления международного рынка этих стран в целях дальнейшего развития их народного хозяйства» [Там же, с. 60]. В речах других партийных лидеров, поддержавших идею социалистической интеграции, также говорилось о необходимости углубления сотрудничества, причем в разных структурных частях выступлений. Таким образом, докладчики строили свои речи так, чтобы создать представление о социалистической интеграции не просто как о возможном варианте сотрудничества, но как о давно существующем процессе.

Естественно, обсуждение курса на социалистическую интеграцию сопровождалось дискуссиями: ряд стран-членов СЭВ резко критиковали такое решение, потому что это противоречило принципам СЭВ и означало заигрывание с капиталистической интеграцией. Например, в заключении своей речи В. Ульбрихт, первый секретарь ЦК ГДР, признал необходимость выработки новых форм сотрудничества стран-членов СЭВ, но отказался от формы интеграции: «Наш общественный строй имеет решающее преимущество перед империалистической и капиталистической системой. Но мы не должны подражать, мы не должны перенимать нечто чуждое нашей природе, а мы должны создавать, исходя из нашей марксистско-ленинской политической экономии, такие условия, в которых полностью проявлялись бы эти преимущества нашего общественного строя» [Там же, с. 123]. Н. Чаушеску, первый секретарь ЦК РКП, также выступил против интеграции и даже выделил этой теме отдельную часть в своей речи: «Мы считаем, что тезисы и предложения об “интеграции” социалистических стран являются неприемлемыми, так как они не учитывают различных стадий и различных уровней развития стран-членов СЭВ, природу социалистического строя, необходимость комплексного и всестороннего развития каждой национальной экономики, преимущества планового руководства всем механизмом воспроизводства в

каждой стране» [Там же, с. 173—174]. Противники идеи социалистической интеграции придерживались традиционной для официального социалистического дискурса терминологии описания характера экономических взаимоотношений стран-членов СЭВ, таких как *социалистическая система* или нейтральное *экономическое сотрудничество*. Интеграция, ассоциировавшаяся с западноевропейским опытом и внедрением наднациональных механизмов регулирования отношений внутри блока, была для них неприемлемым ограничением суверенитета в принятии внутривнутриполитических решений.

4. Заключение = Conclusions

Вплоть до конца 1960-х годов странам-членам Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) было необходимо утвердить самобытность своего социалистического развития, независимость от стран капиталистического блока и найти те принципы, которые служили бы объединяющим ядром организации. Поэтому чрезвычайно важно было разработать терминологический аппарат, точно описывающий деятельность молодой организации, подчёркивающий её автономию. С конца 1960-х годов, когда СЭВ перестал быть организацией, замкнутой на проблемах стран-участниц, и потребовалось укрепление его позиций на мировом рынке, экономические процессы внутри организации стало выгодно описывать через термины более успешной западноевропейской интеграции.

Термин *интеграция* применительно к отношениям внутри соцлагеря звучал в речах партийных лидеров задолго до его внедрения в официальный идеологический дискурс. Даже если сам термин не использовался, акторы говорили о его сути, используя родственные номинации.

При этом социалистическая интеграция в значительной мере была позднесоветским идеологическим конструктом, работающим на создание и продвижение коммунистического мифа, а не реальной формой взаимодействия стран-членов СЭВ. Она обрела глубокое символическое значение и стала частью ритуального социалистического дискурса. Интеграция осмыслялась с точки зрения инвариантной бинарной оппозиции «свои — чужие» и реализовалась в оппозиции «социалистическая интеграция — западноевропейская интеграция». Она в один момент являлась и символом противоборства двух лагерей, и попыткой при помощи риторических приёмов уравнивать достижения стран-членов СЭВ с прогрессом Европейского экономического сообщества.

Источники и принятые сокращения

1. Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. — Москва : Секретариат СЭВ, 1971. — 104 с.

2. РГАНИ — *Российский* государственный архив новейшей истории. Ф. 10. Оп. 2. Д. 20. Собрание представителей коммунистических и рабочих партий стран-участниц Совета Экономической Взаимопомощи, состоявшееся в г. Москве 6—7 июня 1962 г ; Ф. 10. Оп. 2. Д. 28. Собрание первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи, состоявшееся в г. Москве 24—26 июля 1963 г ; Ф. 10. Оп. 2. Д. 34. XXIII (Специальная) сессия Совета Экономической Взаимопомощи, 23—26 апреля года, г. Москва.

3. *Совет* Экономической Взаимопомощи : 30 лет. — Москва : Управление делами Секретариата СЭВ, 1979. — 98 с.

4. *Устав* Совета Экономической Взаимопомощи [Электронный ресурс] // Устав Совета экономической взаимопомощи от 14.12.1959. — Режим доступа : http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_36592.html (дата обращения 21.08.2022).

5. *Собрание* руководителей коммунистических и рабочих партий европейских стран народной демократии, состоявшееся 6—11 января 1956 г. в Москве. Монография в документах / М. А. Липкин, И. А. Пермяков. — Москва : Весь Мир, 2021. — 432 с. — ISBN 9785777708700.

Литература

1. *Аггеева И. А.* Советский Союз в мировой системе социализма : идейно-теоретическая база (1950—1970-е гг.) / И. А. Аггеева // «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х — середине 1970-х годов / под ред. М. А. Липкина. — Москва : Весь Мир, 2019. — С. 44—86. — ISBN 978-5-7777-0821-2.

2. *Богданов К. А.* Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении / К. А. Богданов // Антропологический форум. — 2008. — № 8. — С. 300—337.

3. *Джалилов Т. А.* Бремя сверхдержавы, или фактор экономической помощи в советской политике на Чехословацком направлении. 1962—1969 гг. / Т. В. Волокитина (отв. ред.), А. Р. Лагно, А. Ф. Носкова, Б. С. Новосельцев // 1968 год. «Праздничная весна» : 50 лет спустя. Очерки истории. — Москва : Нестор-История, 2021. — С. 22—33. — ISBN 978-5-4469-2006-8.

4. *Джалилов Т. А.* Реакция руководства КПЧ, ВСРП и ПОРП на отставку Н. С. Хрущева : политический просчет или попытка пересмотра принципов советского доминирования в социалистическом лагере? / Т. А. Джалилов // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2018. — № 7 (71). — Режим доступа : <https://history.jes.su/s207987840002406-5-1/>. — DOI: 10.18254/S0002406-5-1.

5. *Золотарев В. И.* Основные проблемы развития внешней торговли стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи / В. И. Золотарев. — Москва : [б. и.], 1965. — 54 с.

6. *Каменская Е. В.* «Сотрудничество равных» : Совет экономической взаимопомощи на страницах советской прессы «брежневской эпохи» / Е. В. Каменская // Документ. Архив. История. Современность. — 2022. — № 20. — С. 109—119.

7. *Кишиш Т.* Проблемы социалистической интеграции стран СЭВ / Т. Кишиш. — Москва : Прогресс, 1971. — 335 с.

8. *Липкин М. А.* Совет Экономической Взаимопомощи : исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949—1979) / М. А. Липкин. — Москва : Весь Мир, 2019. — 184 с. — ISBN 978-5-7777-0802-1.

9. *Морозов В. И.* Совету экономической взаимопомощи — 30 лет / В. И. Морозов. — Москва : Знание, 1979. — 64 с.

10. *Нагорная О. С.* Во имя социалистического содружества : культурная дипломатия Восточного блока / О. С. Нагорная // *Quaestia Rossica*. — 2020. — Т. 8. — № 5. — С. 1597—1611. — DOI: 10.15826/qr.2020.5.547.
11. *Попов А. Д.* «Нам приятно сейчас переживать время, когда колеблется почва под капиталистическим миром!» : выступление Н. С. Хрущева во время дружеского обеда на Крымской госдаче № 3 (7 августа 1960 г.)» / А. Д. Попов // *Научный вестник Крыма*. — 2021. — № 1 (30). — С. 4.
12. *Руднев В. Д.* Экономическая интеграция : российская и европейская версии / В. Д. Руднев // *Социальная политика и социология*. — 2016. — Т. 15. — № 4 (117). — С. 35—42. — DOI: 10.17922/2071-3665-2016-15-4-35-42.
13. *Фаддеев Н. В.* Совет Экономической Взаимопомощи / Н. В. Фаддеев. — Москва : Экономика, 1964. — 168 с.
14. *Фокин А. А.* Политический язык интеграционных процессов стран СЭВ / А. А. Фокин // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. — 2019. — № 4. — С. 468—474. — DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-4-468-474>.
15. *Фокин А. А.* Политический язык социалистической интеграции / А. А. Фокин // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2019. — № 2. — С. 72—79.
16. *Широков О. Н.* СЭВ в мировой экономике : современная оценка проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии / О. Н. Широков. — Москва : ИНИОН РАН РФ, 2005. — 155 с. — ISBN5-86876-051-4.
17. *Alternative Globalizations* : Eastern Europe and the Postcolonial World / Eds. J. Mark, M. Kalinovsky, S. Marung. — Bloomington : Indiana University Press, 2020. — 352 p. — ISBN0253046513.
18. *Crump L.* Reassessing Communist International Organizations : A Comparative Analysis of COMECON and the Warsaw Pact in relation to their Cold War Competitors / L. Crump, S. Godard // *Contemporary European History*. — 2018. — Vol. 27. — Is. 1. — Pp. 85—109. — DOI: <https://doi.org/10.1017/S0960777317000455>.
19. *Crump L.* The Warsaw pact reconsidered. International relations in Eastern Europe, 1955—1969 / L. Crump. — New York : Routledge, 2015. — 348 p. — ISBN 9781138102132.
20. *European Integration Beyond Brussels* : Unity in East and West Europe Since 1945 / Eds. M. Broad, S. Kansikas. — London, 2020. — 359 p. — ISBN 978-3-030-45444-9.
21. *Godard S.* The Council for Mutual Economic Assistance and the failed Coordination of Planning in the Socialist Bloc in the 1960s / C. Michel, K. Sandrine, M. Ondrej // *Planning in Cold War Europe. Competition, Cooperation, Circulations (1950s—1970s)*. — De Gruyter, 2018. — Pp. 187—210.
22. *Popov A. A.* Trade Expansion within the Council for Mutual Economic Assistance after the Polish and Hungarian Crises / A. A. Popov // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. — 2018. — Vol. 63. — № 4. — Pp. 1303—1316. — DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.418.
23. *Sanchez-Sibony O.* Red globalization : The political economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev / O. Sanchez-Sibony. — New York : Cambridge University Press, 2014. — 278 p. — ISBN 978-1-107-04025-0.
24. *Schiavone G.* The institutions of Comecon / G. Schiavone. — London : Holmes & Meier, 1981. — 260 p.

Material resources

- A comprehensive program for further deepening and improving cooperation and the development of socialist economic integration of the COMECON member countries.* (1971). Moscow: COMECON Secretariat. 104 p. (In Russ.).
- Charter of the Council of Mutual Economic Assistance. In: *Charter of the Council of Mutual Economic Assistance dated 12/14/1959*. Available at: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_36592.html (accessed 21.08.2022). (In Russ.).
- Council of Mutual Economic Assistance: 30 years.* (1979). Moscow: Department of Affairs of the CMEA Secretariat. 98 p. (In Russ.).
- Meeting of the leaders of the Communist and Worker's Parties of the European countries of People's Democracy, held on January 6—11, 1956 in Moscow. Monograph in documents.* (2021). Moscow: The Whole World. 432 p. ISBN 9785777708700. (In Russ.).
- Russian State Archive of Modern History. F. 10. Op. 2. d. 20. Meeting of representatives of Communist and Worker's Parties of the member countries of the Council of Mutual Economic Assistance, held in Moscow on June 6—7, 1962; F. 10. Op. 2. D. 28. Meeting of the first Secretaries of the Central Committee of Communist and Worker's Parties and the Heads of Government of the member countries of the Council of Mutual Economic Assistance, held in Moscow on July 24—26, 1963; F. 10. Op. 2. d. 34. XXIII (Special) session of the Council of Mutual Economic Assistance, April 23—26, Moscow.* (In Russ.).

References

- Aggeeva, I. A. (2019). The Soviet Union in the world system of socialism: the ideological and theoretical basis (1950—1970s). In: Lipkin, M. A. (ed.). *"The world system of socialism" and the global economy in the mid-1950s — mid-1970s*. Moscow: The Whole World. 44—86. ISBN 978-5-7777-0821-2. (In Russ.).
- Alternative Globalizations: Eastern Europe and the Postcolonial World.* (2020). Bloomington: Indiana University Press. 352 p. ISBN 0253046513.
- Bogdanov, K. A. (2008). Rhetoric of ritual. Soviet sociolect in ethnolinguistic coverage. *Anthropological Forum*, 8: 300—337. (In Russ.).
- Crump, L. (2015). *The Warsaw pact reconsidered. International relations in Eastern Europe, 1955—1969*. New York: Routledge. 348 p. ISBN 9781138102132.
- Crump, L., Godard, S. (2018). Reassessing Communist International Organizations: A Comparative Analysis of COMECON and the Warsaw Pact in relation to their Cold War Competitors. *Contemporary European History*, 27 (1): 85—109. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0960777317000455>.
- European Integration Beyond Brussels: Unity in East and West Europe Since 1945.* (2020). London. 359 p. ISBN 978-3-030-45444-9.
- Faddeev, N. V. (1964). *Council of Mutual Economic Assistance*. Moscow: Ekonomika. 168 p. (In Russ.).
- Fokin, A. A. (2019). The political language of the integration processes of the COMECON countries. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*, 4: 468—474. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-4-468-474>. (In Russ.).
- Fokin, A. A. (2019). The political language of socialist integration. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology*, 2: 72—79. (In Russ.).
- Godard, S., Sandrine, K., Ondrej, M. (2018). The Council for Mutual Economic Assistance and the failed Coordination of Planning in the Socialist Bloc in the 1960s. In: *Plan-*

- ning in Cold War Europe. *Competition, Cooperation, Circulations (1950s—1970s)*. 187—210.
- Jalilov, T. A. (2018). The reaction of the leadership of the CHR, the HSR and the PORP to the resignation of N. S. Khrushchev: a political miscalculation or an attempt to revise the principles of Soviet domination in the socialist camp? *Electronic scientific and educational journal "History"*, 7 (71). Available at: <https://history.jes.su/s207987840002406-5-1>. DOI: 10.18254/S0002406-5-1. (In Russ.).
- Jalilov, T. A. (2021). The burden of the superpower, or the factor of economic assistance in Soviet policy in the Czechoslovak direction. 1962—1969. In: *"Prague Spring": 50 years later. Essays on history*. Moscow: Nestor-History. 22—33. ISBN 978-5-4469-2006-8. (In Russ.).
- Kamenskaya, E. V. (2022). "Cooperation of equals": The Council of Mutual Economic Assistance on the pages of the Soviet press of the "Brezhnev era". *Document. Archive. History. Modernity*, 20: 109—119. (In Russ.).
- Kishsh, T. (1971). *Problems of socialist integration of COMECON countries*. Moscow: Progress. 335 p. (In Russ.).
- Lipkin, M. A. (2019). *Council of Mutual Economic Assistance: historical experience of alternative global World order (1949—1979)*. Moscow: The Whole World. 184 p. ISBN 978-5-7777-0802-1. (In Russ.).
- Morozov, V. I. (1979). *Council of mutual economic assistance — 30 years*. Moscow: Znanie. 64 p. (In Russ.).
- Nagornaya, O. S. (2020). In the name of the Socialist Commonwealth: cultural diplomacy of the Eastern Bloc. *Quaestio Rossica*, 8 (5): 1597—1611. DOI: 10.15826/qr.2020.5.547. (In Russ.).
- Popov, A. A. (2018). Trade Expansion within the Council for Mutual Economic Assistance after the Polish and Hungarian Crises. *Bulletin of Saint Petersburg University. History*, 63 (4): 1303—1316. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.418.
- Popov, A. D. (2021). "It is pleasant for us now to experience a time when the soil under the capitalist world is fluctuating!": N. S. Khrushchev's speech during a friendly dinner at the Crimean State Dacha № 3 (August 7, 1960)". *Scientific Bulletin of the Crimea*, 1 (30): 4. (In Russ.).
- Rudnev, V. D. (2016). Economic integration: Russian and European versions. *Social policy and sociology*, 15 / 4 (117): 35—42. DOI: 10.17922/2071-3665-2016-15-4-35-42. (In Russ.).
- Sanchez-Sibony, O. (2014). *Red globalization: The political economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev*. New York: Cambridge University Press. 278 p. ISBN 978-1-107-04025-0.
- Schiavone, G. (1981). *The institutions of Comecon*. London: Holmes & Meier. 260 p.
- Shirokov, O. N. (2005). *COMECON in the world economy: a modern assessment of the problem of functioning and significance. Questions of history, methodology and historiography*. Moscow: INION RAS RF. 155 p. ISBN5-86876-051-4. (In Russ.).
- Zolotarev, V. I. (1965). *The main problems of the development of foreign trade of the member countries of the Council of Mutual Economic Assistance*. Moscow: [b. i.]. 54 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.04.2022,
одобрена после рецензирования 17.07.2022,
подготовлена к публикации 23.09.2022.

Каксин А. Д. Лингвокультурологический аспект интерпретации афористических выражений с зоокомпонентами 'собака' и 'лошадь' (на материале хантыйского и хакасского языков) / А. Д. Каксин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 44—58. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-44-58.

Kaksin, A. D. (2022). Linguistic and Cultural Aspect of Interpretation of Aphoristic Expressions with Zoocomponents 'Dog' and 'Horse' (Khanty and Khakass languages). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 44-58. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-44-58. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-44-58

Лингвокультурологический аспект интерпретации афористических выражений с зоокомпонентами 'собака' и 'лошадь' (на материале хантыйского и хакасского языков)

Каксин Андрей Данилович
orcid.org/0000-0001-9632-8286
доктор филологических наук,
Институт гуманитарных исследований
и саяно-алтайской тюркологии
adkaksin@yandex.ru

Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова
(Абакан, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-20099
при паритетной финансовой поддержке
Правительства Республики Хакасия

Linguistic and Cultural Aspect of Interpretation of Aphoristic Expressions with Zoocomponents 'Dog' and 'Horse' (Khanty and Khakass Languages)

Andrey D. Kaksin
orcid.org/0000-0001-9632-8286
Doctor of Philology,
Institute for Humanitarian Research
and Sayan-Altai Turkology
adkaksin@yandex.ru

Katanov Khakas State University
(Abakan, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by a grant from
The Russian Science Foundation
№ 22-28-20099
with parity financial support
of the Government of the Republic
of Khakassia

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена одному из аспектов лингвистического обоснования связи языка и культуры: выявлению в тематических группах лексических единиц с потенциальным концептуальным значением, что позволяет им участвовать в создании идиом афористического характера (афоризмов, пословиц, поговорок). С позиций лингвистической типологии в лексико-семантической сфере рассмотрены слова, обозначающие собаку и лошадь, в хантыйском и хакасском языках. Эмпирическую базу исследования составили авторские записи разговорной речи ханты, словари хантыйского и хакасского языков, коллекция хантыйских загадок, сборник хакасских пословиц и поговорок. В результате исследования очерчен круг идиом (указанных языков), имеющих отчетливую когнитивную и ментальную, мировоззренческую основу. Используемые методы — метод типологической интерпретации лексического материала и описательный. При анализе семантики указанных слов особое внимание уделялось указанию на регулярные устойчивые словосочетания: именно сочетательные потенции являются основой для развития дальнейших коннотаций, логическим завершением чего является участие тех или иных слов в составе идиом. Установлено, что идиоматические конструкции с лексемами 'собака' и 'лошадь' характеризуют не столько этих животных, сколько образ жизни двух разных этносов, а также и человеческие качества представителей этих народов, проливают свет на их представления о жизни.

Ключевые слова:

функции языка; семантика; лингвистическая типология; этническая культура; хакасский язык; хантыйский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to one of the aspects of the linguistic substantiation of the connection between language and culture: the identification of lexical units with a potential conceptual meaning in thematic groups, which allows them to participate in the creation of aphoristic idioms (aphorisms, proverbs, sayings). From the standpoint of linguistic typology in the lexico-semantic sphere, the words denoting a dog and a horse in the Khanty and Khakass languages are considered. The empirical base of the study was the author's notes of the spoken language of the Khanty, dictionaries of the Khanty and Khakass languages, a collection of Khanty riddles, a collection of Khakass proverbs and sayings. As a result of the study, a circle of idioms (indicated languages) with a distinct cognitive and mental, worldview basis is outlined. The methods used are the method of typological interpretation of lexical material and descriptive. When analyzing the semantics of these words, special attention was paid to the indication of regular stable phrases: it is the associative potencies that are the basis for the development of further connotations, the logical conclusion of which is the participation of certain words in idioms. It has been established that idiomatic constructions with the lexemes 'dog' and 'horse' characterize not so much these animals as the way of life of two different ethnic groups, as well as the human qualities of the representatives of these peoples, shed light on their ideas about life.

Key words:

language functions; semantics; linguistic typology; ethnic culture; Khakass language; Khanty language.

Лингвокультурологический аспект интерпретации афористических выражений с зоокомпонентами ‘собака’ и ‘лошадь’ (на материале хантыйского и хакасского языков)

© Каксин А. Д., 2022

1. Введение = Introduction

Лингвистическое и философское обоснование связи этнической культуры и языка предполагает особый интерес к проблемам познания, отражения и преломления в лексике, грамматике, прагматике языка мировоззрения народа. В истории языкознания известно много концепций по данной проблематике, но особенно часто предметом споров, критики, а также дальнейшего развития становилась гипотеза Сепира-Уорфа (или гипотеза лингвистической относительности). В соответствии с нашими целями мы склонны отдать предпочтение тем работам, в которых усматриваются положительные моменты, связанные с данным направлением мыслей о языке [Корнилов, 2003, с. 78; Кронгауз, 2001, с. 107—110; Плунгян, 2000, с. 109; Черемисина, 2002, с. 42—46; Чесноков, 1977, с. 9—19].

Однако в данном случае речь может идти и о другом явлении (процессе): о разных путях (способах, приемах) развития языка вообще, развития и формального, и семантического, а философский подход к вопросу позволяет думать о диалектике процесса, о том, что развитие формы и содержания идет одновременно, где-то — в тесной связи, где-то — борьбе. Эти процессы развития можно наблюдать, обзревая языки в целом или рассматривая отдельные участки (фрагменты) системы. Имея в виду все языки, суть этого процесса (или движения) М. И. Черемисина сформулировала так: «С типологической точки зрения важны такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы двигаться по разным грамматическим классам, как “открытость” лексических единиц для семантической деривации, то есть для развития абстрактной и экспрессивной лексики не за счет аффиксального словообразования, а за счет многозначности» [Черемисина, 1992, с. 77].

Проблематика исследования находится на пересечении интересов лингвокультурологии (выявление национально-этнической специфики, которая отразилась и закрепилась в языке) и когнитивной лингвистики (выяснение роли языка в концептуализации и категоризации мира). В центре внимания — языковые явления, единицы и формы, ставшие сначала результатом познавательной деятельности этноса, а уже затем — получив-

шие дальнейшее смысловое развитие в рамках языка. Наша цель — выявить в хантыйском и хакасском языках несколько наиболее выразительных идиоматических выражений философского характера. Искомые идиомы должны быть настолько характерными и показательными, чтобы про них можно было сказать: в них, как в капле воды, отражается суть отношения всего народа к жизни.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для анализа под указанным углом зрения отобраны фразы с зоокомпонентами (прежде всего идиомы, в которых упоминаются собака и лошадь) в хантыйском и хакасском языках. Эмпирическую базу исследования составили записи разговорной речи ханты (сделанные в период 1985—2001 годов), диалектологический и этимологический словарь хантыйского языка Вольфганга Штейница и его коллектива (1966—1993), хакасско-русский академический словарь (2006), сборник хакасских пословиц, поговорок и загадок, коллекция хантыйских загадок. В результате исследования очерчен круг идиом (указанных языков), имеющих отчетливую когнитивную и ментальную, мировоззренческую основу. Используемые методы: метод типологической интерпретации лексического материала и описательный (описание семантики слов и идиом, выступающих в качестве типизированных и образных контекстов, в которых употребляются слова). Анализ семантики определенных слов (в исследуемых языках) проведен с использованием имеющихся словарей хантыйского и хакасского языков. При этом особое внимание уделялось указанию на сочетательные возможности этих слов: предположительно, именно они являются основой для развития дальнейших коннотаций, логическим завершением чего является участие тех или иных слов в составе идиом. Описание названных идиом осуществлено при широком толковании понятия «коннотация»: под ней понимается «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке» [Телия, 1990, с. 236].

С методологической точки зрения приняты к сведению многие работы по лексикологии и лексикографии отечественных лингвистов, и, в частности, статьи о базовом и прецедентном значениях лексемы [Падучева, 2000], семантико-мотивационной реконструкции идиомы [Леонтьева, 2017], особенных принципах цветообозначения в некоторых языках [Кошкарева, 2020]. С этой же целью использована монография шведского лингвиста Т. Содера (Torbjörn Söder), исследовавшего семантическое поле глаголов

движения в трех финно-угорских языках: хантыйском, саамском и венгерском. Особенно примечательны рассуждения этого автора о способах выявления семантики искомых глаголов, исходя из характера и направленности способа передвижения; привлекает внимание также описание места каждого глагола в общей структуре семантического поля [Söder, 2001, с. 37—38, 142—149].

Статья основывается на ряде значимых трудов общетеоретического характера, посвященных обоснованию связи языка и культуры; излагаются отдельные выводы и положения, сделанные авторами на материале конкретных языков. Актуализируется ряд работ по хантыйскому языку, выполненных в русле культурологического и когнитивистского подхода. Рассматриваются некоторые результаты изучения цветообозначений, в частности, положения о принципах цветообозначения в уральских языках (на примере хантыйского и ненецкого языков). Учтено то обстоятельство, что в рассматриваемых работах выявлены аспекты и результаты логико-семантического подхода к проблеме отношений между языком и культурой этноса, актуализированы семантические особенности многих языков, связанные с применением методологии когнитивного и типологического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семантическое развитие языка: движущие силы, активные процессы

С самого начала становится понятно, что тема «слово и его смысл» включает в себе множество аспектов. Любой язык имеет достаточный набор средств (а это не только сами слова и словоформы, но и отношения между ними) для продуцирования бесконечного количества высказываний и текстов. Замечательно сформулировала мысль об этой разносторонности языка М. И. Черемисина: «Любой язык ставит нас перед необходимостью и одновременно дает нам возможность представлять континуум мироздания как дискретное множество разных вещей, которое поддается упорядочению при помощи системы идей, являющихся значениями слов» [Черемисина, 1998, с. 23].

В современных языках абсолютное большинство слов многозначно. Но в праязыках, очевидно, была противоположная ситуация. Весь процесс языкового развития представляется постепенным, все более расширяющимся движением к формальному и семантическому разнообразию. При этом в основе методологии этого развития лежит диалектическое сочетание двух главных способов: эффективного использования относительно небольшого по объему исходного звукового материала и придумывания новых формальных (а также и семантических) способов, расширения но-

менклатуры и знаменательных, и служебных элементов. Но феномен языка в том и заключается, что новых способов словопроизводства и выражения мысли не так много: развитие происходит за счет активного использования внутренних потенциальных возможностей (а они носят преимущественно семантический характер).

В широком смысле процесс языкового развития, эта своеобразная игра в слова, предполагает в основном расширение многозначности, использование потенциала лексической синонимии. В узком смысле к словесным играм относятся не только шарады, ребусы, скороговорки, но и специальные приемы в художественном творчестве: аллитерация, яркие тропы, табу, эвфемизмы, оксюморон, речевые пародии и т. п. В качестве примера можно привести и замечательное обыгрывание понятия (или представления) о “лошадиной фамилии” в известном рассказе А. П. Чехова.

Анализ семантической структуры ряда слов-концептов, функционально близких им слов, а также связанных с ними идиом (афоризмов, пословиц, поговорок, загадок) позволяет указать на некоторые типы концептуализации общих представлений об окружающем мире. Мир многообразен, потому и сфер, подлежащих осмыслению и укладыванию в формы языка, также достаточно много. В частности, М. И. Черемисина (со ссылкой на Б. Уорфа) очень точно сформулировала суть двух разных языковых проекций контаминации пространства и качества. «На интересную чисто семантическую особенность языков американских индейцев обратил внимание ... Б. Уорф: эти языки совершенно чужды той метафоризации, которая насквозь пронизывает европейские языки и ощущается их носителями как “природное свойство” человеческого сознания. Суть этого принципа — пространственное представление непространственных отношений. ... Американским индейцам совершенно чужд такой тип переносов» [Черемисина, 1992, с. 76]. В этом плане, к примеру, уральские языки схожи с языками американских индейцев: в них достаточно строго разграничиваются определения и предикаты временной и пространственной семантики. И можно назвать еще много языков, где просматривается та же стратегия — не смешивать время и пространство, детализировать их разными словами (и способами).

И далее М. И. Черемисина переходит к характеристике образности алтайских языков в части описания человека (людей) словами, обозначающими животных. Она отмечает, что в алтайских языках «не принята метафоризация образов животных ... Зато для этих языков характерен другой тип образности: специфические образные (но не метафорические!) и звукоподражательные слова» [Там же]. Зная об этом принципе формирования образной системы языка, мы и предполагаем, что упоминание животных

(и акцентирование их отличительных свойств, повадок) может быть лучшим способом создания сентенций философского характера, образных выражений о вечности, смысле жизни, ее непрерывности.

3.2. “Собаки отдохнули — обоз едет дальше”: о развитии семантики в хантыйском языке

На тему о непрерывности жизни можно привести одно яркое высказывание в хантыйском языке (оно встретилось в наших записях разговорной речи казымских ханты): *Ампен рутыцал — анас еллы мӓнл* ‘Собака отдохнула — обоз едет дальше’. Речь, конечно, о том, что вся жизнь ханты — это постоянное движение, но оно возможно, если давать отдохнуть собаке, которая всегда рядом (или многим собакам, если они в упряжке).

Вообще, в наших записях разговорной речи достаточно много выражений, свидетельствующих об особом отношении ханты к этому домашнему животному. К примеру, в этих записях часто встречается фраза *Амна мӓнтты версаллэ* ‘Сделал меня собакой’. В чем ее прагматический (выразительный) смысл, поначалу не очень понятно: кажется, сама номинация домашнего животного совершенно обычна, не содержит потаенных скрытых компонентов.

ämp (V Vj.; *impəm*), Sur. (Likr. Mj. Trj. J) *ämp* (Mj. Trj. J *impəm*), Irt. (DN KoP Kr. Ts. ua.) O *ämp*, Ni. Kaz. *amp*, Sy. Pit. *ap* (*amp-*) собака, Hund.

Trj. *ämp-äʔäl* usw. Hundeschlitten: s. 40. || Vj. *äm'-jom* usw. Beere eines Strauches: s. *jom*. || V Vj. *äm'-kat*, Trj. *äm'-kât* Hundehütte (s. *kat*). || Trj. *äm'-läʔäl* “Hundepfote” e. Ornament. || J *äm-mok*, Fil. KoP Ts. *äm-mox* junger Hund. || V Vj. *äm'-ñäləm*, KoP Kr. *ämp-ñätəm* полевой лук, Waldzwiebel (V); черемша, e. Pflanze vom Aussehen der Hundezunge, deren Wurzel gegessen wird (Vj.); селезенка, Milz (= *χōlχax*; KoP); e. “Fleischstück” vom Aussehen der Hundezunge auf dem Pansen, Milz? (Kr.) || Vj. *äm'-pōŋk* Eckzahn des Menschen. || Fil. Kr. *ämp-sōχ* Hundefell. || V *äm'-soyən*, Trj. *äm'-sāyən* Napf aus Birkenrinde zum Füttern des Hundes. || Trj. *äm'-turəp-wājəy* kleiner Schwan. || Kaz. *am'-wöl* variksenmarja (?), Krähenbeere (?): s. 64. || ä.-, ä.- in Pflanzennamen s. *jom*, *kek i*, Ts. *lōxəy* (*), *ñäləm*, *pāyərənt*; in Monatsnamen: s. *täləs*. — V Vj. *kuj-ä.*, Trj. *kuj-ä.*, DN *χoj-ä.*, Kr. Ts. *χuj-ä.* Hundemännchen. || KazSt. *līpi-a*. лайка длинношерстная. || Kaz. *melk-a*. gew. Pl., *išk-a*. испарение, im Frühling aus dem Eis und Schnee strahlende Kälte oder kalter Hauch, der am Morgen und Abend in der Sonne sichtbar wird; *melk-ämpət rampijəlat* der kalte Hauch ist sichtbar. || V *niy-ä.*, Trj. *niy-ä.*, DN Ts. *ney-ä.*, Ahl.-Mskr. (Atl. Čem.) *nē-ämp* сука, Hündin. || Trj. *pečyän-ä.* собачка, Hahn des Gewehres. || KazSt. *sos-ämp* лайка короткошерстная. || DN *tworowoj ä.*, DT *dworowoj ä.* Hofhund.

V *ämpäl'i* dim. Hund.

Vj. *ämpəy* Adj.: ä. *ikər* Narte, vor die Hunde gespannt sind.

Ugr.: *wog. TJ ämp ... So ämp; ung. eb* [DEWOS, с. 101].

Данная словарная статья содержит только денотативную информацию: ничего лишнего, раскрывается прямое значение слова, объект номинации характеризуется достаточно полно, почти исчерпывающе. Однако внимательное прочтение словарной статьи позволяет заметить некоторые существенные детали, в том числе упоминание собачьей упряжки — одного из важных транспортных средств. И понятно, что при таком способе передвижения всю работу выполняет исключительно собака; человеку остается только сидеть и подгонять.

Получается, что собака для ханты — верный помощник, но в то же время — живое существо, беспрекословно подчиняющееся своему хозяину. Она должна только слушать и выполнять указания. Перенос этих свойств на человеческие взаимоотношения означает, что один человек становится слугой другого, превращается в безропотного исполнителя чужой воли. В этом смысл выражения *ампа верты*: ‘сделать (кого-либо) своим слугой’.

Но, если отрешиться от этой тягостной участи собаки, во всем остальном она представляется милым, добродушным существом, приносящим только радость, особенно детям. Поэтому наряду с фразой *сделать собакой* существуют в хантыйском языке и другие слова и выражения, типа *юнтты амп* ‘милое создание’ (букв. играющая собака), *лүң амп* ‘беззаботное существо’ (букв. летняя собака; связано с выражением о том, что летом собаки на охоту не ходят). Забавным представляется образ собаки и в хантыйских загадках. В них, как известно, шифруется представление о том или ином предмете (явлении), его ярких отличительных признаках, свойствах. В текстах загадок, как бы они ни были коротки, встречается множество изобразительных слов и выражений. При анализе загадок становится понятно, что любой язык имеет достаточный набор средств для воплощения множества вариаций на тему «как словами обрисовать тот или иной предмет, описать то или иное явление». Другими словами, загадка представляет собой символическое и образное описание в целом знакомого предмета (явления) окружающего мира. В хантыйских загадках собака изображается путем сопоставления со свернувшимся клубком и стулом (или столиком):

Ил ул лэри сых, пуны сых калась. Нух лоль нял курти волас ‘Ляжет — связка веревки или калач, встанет — стул с четырьмя ножками’; *Ил ул — калась, нух кил — нял курти волас* ‘Ляжет — калач, встанет — стол с четырьмя ножками’ [МР, с. 1, 8].

Тесное взаимодействие собаки и человека интерпретируется в ряде афористических выражений на тему спокойствия в окружающем мире, веры человека в благополучие жизни: *Рүваң сүсн амп ши хәннэхойл тайлалэ* ‘В хорошую осень хозяина собака содержит’, *Отни хәннэхө эвалт амп*

цит айнт хунтал ‘От хорошего хозяина собака не убежит’, *Ром ясаңа амн на амтатлял* ‘Доброму слову улыбнется и собака’, *Амплам тата – нумсэм хува ци пунлэм* ‘Собаки рядом — смело смотрю вперед’, *Рүтйицум амнат харица анас таллат* ‘Отдохнувшие собаки резво идут в упряжке’.

Иное отношение у хантов к лошади, и во многом оно также объясняется условиями жизни и хозяйствования. Само слово, конечно, пришло из глубокой древности, из периода угорской общности (почти так же, как в хантыйском, звучит это слово в мансийском и венгерском языках). Названная общность проживала, предположительно, на южных отрогах Уральских гор, и, разумеется, люди той эпохи ездили верхом на лошадях. Перейдя на север Западной Сибири, ханты постепенно утратили навыки обращения с этим животным. Современные ханты пользуются лошадьми очень редко, в частности, используют их только в качестве тягловой силы. Красноречиво свидетельствует об этом появление в верхних строчках словарной статьи «лошадь» лексической единицы со значением ‘хомут’:

лoγ (V Vj.), VK *лoγ*, Vart. *лoγ*, Likr. *ḡäγ*, Mj. Trj. *лäγ*, J *lāw*, Irt. (DN KoP Kr. Ts. ua.) *tāw*, Ni. Š *tow*, Kaz. *low*, Sy. *low*, O *law* лошадь, Pferd. — DN Ts. *tāw oxtənə* zu Pferde.

DN DT Kam. KoP Kr. *tāw-üš*, Kr. auch *-üč* хомут (DN DT KoP); Pferdegeschirr (Kam. Kr.). || KoP *tāw-χot*, Kaz. *low-χot* Ahl. *lou-xōt*, J *lāw-täjtə-kat* Pferdestall. || V Vj. *лoγ-mok*, Trj. *л.-mok*, J *л.-mok* Fohlen. || Vj. *лoγ-mes*, Kaz. *low-mis*, Ahl. *lou-mis* Vieh. || Kr. *tāw-säχər* Vieh. || KoP *tāw-toγχ-ikə* “Pferde-Geist-Alter”, Dorfschutzgeist in Каменские ю. — Ahl. *šaš-lou* Pferd zum Reiten. || Kaz. *jeγ* ‘-low weißes Pferd. || DN *χoj-tāw* Hengst; KoP Kr. *χuj-tāw* Wallach. || V *kar-лoγ* usw. Hengst: s. 535. || V *kowti-лoγ* Wallach. || V Vj. *niη-лoγ*, Trj. *niη-лäγ*, Irt. (DN Kr. ua.) *neη-tāw*, Kaz. *ne-low*, Ahl. *ne-lou* Stute. || DN *welə tāw* usw. Reitpferd: s. *wäləγ*.

Vj. *ləkəγ*: l. *ikər* Pferdeschlitten. Š *towəη pänt* Winterweg für Pferde. Ahl. *louiη-jux* Bock (Gestell).

Ugr.: wog. TJ-Č *лō* (= *low*) ... So *luw*; ung. *ló* (MSzFE). || ostj. > waldnenz. Lj. Nj. Ni. P *lāß* (Leht., Wb. 221) [DEWOS, c. 730].

Но отголосок восхищения сильным и благородным животным остался в хантыйском языке, в устном народном творчестве. Образ лошади положен в основу некоторых загадок [MP, с. 1, 10].

Именно из фольклора — выражение *Сорненг тов* ‘Золотой конь’, и это наименование, как оказывается, вполне применимо к подвесному лодочному мотору (или лодке с таким мотором): *Тармыт хут ветпыса тупны янгхта. Хунтты ханты монсиитны сорненг маркыг тов отынгны потыр маныс. Интам там сорненг маркыг тов мунг ёштувны. Там тув, ма тынынг, сорненг ай товем* [СТ, с. 35] ‘Хватит уже ездить за рыбой на веслах.

Когда-то у ханты были легенды о коне с золотыми крыльями. Теперь этот золотой конь у нас в руках. Вот он [поглаживая мотор] — мой дорогой, золотой маленький конь’.

3.3. «Конь сдох — седло остаётся»: об афористичности в хакасском языке

Материал хакасского языка наводит на несколько иное понимание качеств собаки (особенно тех, которые, на взгляд человека, созвучны его собственным качествам). Следствием этого является и соответствующее обыгрывание слова со значением ‘собака’ в афоризмах, пословицах, поговорках и загадках. Уже первое лексикографическое истолкование слова дает достаточно полное представление о том, как воспринимается собака в коллективном сознании хакасов, с чем ассоциируется ее образ. Если исходить из правила, что такого рода знание закрепляется прежде всего в устойчивых словосочетаниях и выражениях, обнаруживается, что в хакасском языке от ‘собаки’ легче всего перейти к эвфемизму *волк* (букв. собака степи, поля), словосочетанию со значением *страшный* (букв. собачий облик) и далее — к ругательствам с негативной оценкой:

АДАЙ собака // собачий; пёс // псиный; *хара адай* чёрная собака; *аңначаң адай* охотничья собака; *іргек адай* кобель; *күчүгес адай* щенок; *тізі адай* сука; *адай иді* собачатина; *адай теерізі* собачья шкура; *адай чызы* собачий запах; / *адай агазы бот.* бузина; *адай ітіскені* крапивница (болезнь); *адай палых зоол.* широколобка (чёртомаз); *адай тігенегі бот.* ковыль; *адай ызыргазы бот.* жимолость; ... *чазы адайы эвф.* волк; ♦ *адай сырай* страшный; *адай табан* бран. собачье отродье; *адай чарымы* подлец; *адай чүрек* злой, жестокий (о человеке) [ХРС, с. 30].

В хакаских афоризмах, пословицах и поговорках, упоминающих собаку, также в основном подчеркивается недобрый характер этого животного:

Чахсы азыраан адай ээзіне удур үрче ‘Сытая собака на хозяина лает’; *Адай осхас хапхычыл* ‘Кусачий, как собака’; *Сүт іскен адай чілі чымыйба* ‘Нашкодил, как молоко слакавшая собака’ [ХС, с. 131, 137—138].

Адай улза, чахсаа пола чоғыл ‘Собака воет — не к добру’; *Адай үрче — чил хаапча* ‘Собака лает — ветер носит’ [ХРС, с. 30].

Махачы кізіні чылан даа сахпачаң, хортых кізіні адай даа тутхлачаң ‘Храброго и змея не жалит, трусливого и собака кусает’; *Чабал адай пагда одырча, чабал кізі харибде одырча* ‘Злая собака сидит на цепи, злой человек в тюрьме’; *Чабал кізі чагадаң хабадыр, чабал адай соонаң хабадыр* ‘Злой человек хватается за ворот, злая собака хватается сзади’; *Мал олзе, адай симіс, кізі агырза, хам симіс* ‘Скот сдохнет, собака сытая, человек заболит, шаману нажива’ [ХС, с. 61, 98, 102].

Совершенно очевидно, что такое восприятие собаки объясняется образом жизни хакасов: они преимущественно скотоводы и при этом обходятся без собак (которым только скармливают павший скот). Лишь немного хакасы занимаются охотой, и в этом деле собака, конечно, незаменима: *Аңчының артың аргызы — адай* ‘Собака — лучший друг охотника’ [Там же, с. 60].

В хантыйском языке загадок про лошадь очень мало (к примеру, в изученном нами перечне их вовсе не оказалось). В хакасском языке, напротив, загадок про лошадь очень много, причем есть загадки и про отдельные части тела и явления, связанные с этим животным: *Прай нимее кирек (ат)* ‘В будни и в праздник она людям бывает нужна (лошадь)’; *Суга кірзе — чібібес, сугдаң сыхса — хахсабас (ат туйгагы)* ‘Они не размокли, хоть были дороги мокры, они не рассохлись, хоть трескалась степь от жары (конские копыта)’; *Төрт харындастың сагалы тискер (ат туйгагы)* ‘У четверых братьев бороды наоборот (конские копыта)’; *Табан табызы тазылапча, тан чілі хоолапча (ат табаны)* ‘Стук копыт раздается, от ветра шум несется (конский топот)’ [Там же, с. 158—159].

Слово *ат* ‘лошадь’ является безусловным концептом в хакасском языке. В семантическое поле, задаваемое этим словом-концептом, даже при неглубоком погружении в детали, входит около 200 слов и устойчивых словосочетаний [ХРРХТС, с. 95—105]. Со словом *ат* ‘лошадь’ и его производными в хакасском языке создано огромное количество фразеологических оборотов и других идиом, в которых животное представлено с самых разных сторон; даже на человеческую леность может быть указано с привлечением образа лошади [Чертыкова, 2019, с. 79—81; 2021, с. 87].

Пословицы и поговорки, в которых упоминается лошадь (а также сопутствующие предметы и явления), в полной мере отражают мировоззрение хакасского этноса, вся жизнь которого основывалась на взаимодействии с этим животным: *Атха мўнгенче, азагың тепкленме погов. соотв. рус.* не говори гоп, пока не перепрыгнешь (букв. не дрыгай ногами, пока не сел на коня) [ХРС, с. 85]; *Чазага чаг пол, аттыга аргыс пол* ‘Пешему будь помощником, едущему на лошади — товарищем’; *Ат — ирнің ханады* ‘Конь для мужчины — крылья’; *Ат чахсыда, чол хысха* ‘Если конь хорош, и путь короток’; *Аттың кўзі чолда* ‘Сила коня познается в пути’ [ХС, с. 10—11].

Пожалуй, одним из самых значимых в хакасском языке является афоризм о непрерывности жизни, о том, что ничто не исчезает бесследно, и это утверждение также основано на образе коня (а также предмета, необходимо связанного с ним). Особенно обращает на себя внимание краткость и емкость данного афоризма: *ат өлзе, изері халар* ... ‘ничто не исчезает бесследно’ (букв. если подыхает конь, остается седло) [ХРС, с. 85].

Таким образом, отношения между языком и мировоззрением основываются на процессуальном характере познавательной способности, на формировании в сознании концептов, которые разворачиваются в языке, в структуре грамматических категорий и словарного состава. Языковые явления, единицы и формы как результат познавательной деятельности этноса составляют его лексикон, набор парадигм и сеть моделей. В живом общении, в динамике эти парадигматические структуры переходят в синтагматические структуры, в интонационно оформленные звуковые цепочки.

4. Заключение = Conclusions

В любом языке с течением времени вырабатывается механизм, способствующий адекватному употреблению лексемы в высказываниях общего (или идиоматического, или афористического) характера. В этом плане пословицы и поговорки прежде других высказываний описываются как набор лексем (но в высказывании — синтаксически организованных), с помощью которых конституируются те или иные жизненные явления (факты, советы, правила), формулируются общие истины. Верно и другое: в любом языке отдельные слова, в том числе — сугубо номинативные единицы, обладают разнообразием сочетательных возможностей: они могут становиться словами-концептами, а могут использоваться в качестве ядерных элементов идиоматических, концептуальных высказываний.

Формально-семантическое варьирование слов позволяет развиваться языку, способствует продуцированию бесконечного количества высказываний и текстов. Значительный семантический потенциал слова позволяет ему участвовать в разных высказываниях, но каждый раз — в выражении определенной мысли. Так, название животного становится концептуальной единицей в том случае, если данное животное в глазах человека наделено некими свойствами, достаточно важными и значимыми, чтобы переносить их на человека.

Анализ материала хантыйского и хакасского языков показывает, что из большого числа представителей фауны в афористических выражениях упоминаются прежде всего домашние животные: они всегда перед глазами, они включены в материальное хозяйствование, в повседневную жизнь человека. Но различие между народами (и языками) наблюдается и в этом случае. Ярким примером служат высказывания о вечности, смысле жизни, ее непрерывности: для их создания выбираются разные животные (и предметы, связанные с ними). В хакасском языке, как и в других тюркских языках, для этой цели используются слова со значениями ‘конь’ и ‘седло’, а в хантыйском языке — слова со значениями ‘собака’ и ‘упряжка’.

Источники и принятые сокращения

1. МР — *Методические* рекомендации по использованию хантыйских загадок / Е. А. Немысова. — Ханты-Мансийск, 1990. — 18 с.
2. РХТС — *Русско-хантыйский* тематический словарь : Казымский диалект / С. П. Кононова. — Санкт-Петербург : Просвещение, 2002. — 216 с. — ISBN 5-09-005246-8.
3. СТ — *Лазарев Г. Д.* Сорненг тов. Рассказ на языке ханты / Г. Д. Лазарев. — Ханты-Мансийск, 1999. — 36 с.
4. ХРРХТС — *Каксин А. Д.* Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна») / А. Д. Каксин, М. Д. Чертыкова. — Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2020. — 224 с. — ISBN 978-5-7810-1938-0.
5. ХРС — *Хакасско-русский* словарь (около 22 тыс. слов) / под общ. ред. О. В. Субраковой / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. — Новосибирск : Наука, 2006. — 1114 с. — ISBN 5-02-030503-0.
6. ХС — *Хыйга сӧс* / Мудрое слово. Хакасские пословицы, поговорки и загадки. 4-е изд., доп. / Хакасский НИИ языка, литературы и истории. — Абакан : Хакасское книжное издательство им. В. М. Таросова, 2021. — 188 с.
7. DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache / W. Steinitz. — Berlin : [b. i.], 1966—1993. — 2019 s.

Литература

1. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. — Москва : ЧеРо, 2003. — 349 с. — ISBN 5-88711-181-X.
2. *Кошкарева Н. Б.* Цветообозначения в уральских языках Сибири : цвет или свет, прилагательные или глаголы? / Н. Б. Кошкарева // Критика и семиотика. — 2020. — № 2. — С. 152—166. — DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-152-166.
3. *Кронгауз М. А.* Семантика : Учебник для вузов / М. А. Кронгауз. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. — 399 с. — ISBN 5-7281-0344-8.
4. *Леонтьева Т. В.* Идиома собаку съесть : семантико-мотивационная реконструкция / Т. В. Леонтьева // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 422. — С. 17—25. — DOI: 10.17223/15617793/422/3.
5. *Основы* финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. — Москва : Наука, 1974. — 484 с.
6. *Падучева Е. В.* Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексемы / Е. В. Падучева // Логический анализ языка : Языки этики / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 149—166. — ISBN 5-7859-0156-0.
7. *Плунгян В. А.* Общая морфология : Введение в проблематику / В. А. Плунгян. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — 384 с. — ISBN 5-8360-0142-1.
8. *Телия В. Н.* Коннотация / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 236. — ISBN 5-85270-031-2.
9. *Черемисина М. И.* Язык и его отражение в науке о языке / М. И. Черемисина. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2002. — 254 с.

10. Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири : Учебное пособие / М. И. Черемисина. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 1992. — 92 с. — ISBN 5-94356-391-1.
11. Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики / М. И. Черемисина. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 1998. — 128 с.
12. Чертыкова М. Д. Образ трудолюбивого / ленивого человека в хакасской пословичной картине мира / М. Д. Чертыкова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2021. — № 2 (32). — С. 79—92. — DOI: 10.23951/2307-6119-2021-2-79-92.
13. Чертыкова М. Д. Пословичная концептуализация общетюркской зоолексемы ат «лошадь» (на материале хакасского языка) / М. Д. Чертыкова // Языки и фольклор коренных народов Сибири. — 2019. — № 2 (38). — С. 78—84. — DOI: 10.25205/2312-6337-2019-2-78-84.
14. Чесноков П. В. Неогумбольдтианство / П. В. Чесноков // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. — Москва : Наука, 1977. — С. 7—62.
15. Söder T. “Walk This Way” : Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages / T. Söder. — Uppsala : Acta Universitatis Upsaliensis, 2001. — 154 pp.

Material resources

- Hyuga ss / Wise Word. *Khakass proverbs, sayings and riddles. 4th ed., supplement* / Khakass Research Institute of Language, Literature and History. (2021). Abakan: V. M. Torosov Khakass Book Publishing House. 188 p. (In Russ.).
- Kaksin, A. D., Chertykova, M. D. (2020). *Russian-Khakass thematic dictionary (sections “Man”, “Flora and fauna”)*. Abakan: Publishing House of N. F. Katanov Khakass State University. 224 p. ISBN 978-5-7810-1938-0. (In Russ.).
- Khakass-Khakass-Russian Dictionary (about 22 thousand words)*. (2006). Novosibirsk: Nauka. 1114 p. ISBN 5-02-030503-0. (In Russ.).
- Lazarev, G. D. (1999). *Sorneng tov. A story in the Khanty language*. Khanty-Mansiysk. 36 p. (In Russ.).
- Methodological recommendations on the use of Khanty riddles*. (1990). Khanty-Mansiysk. 18 p. (In Russ.).
- Russian-Khanty thematic dictionary: Kazym dialect*. (2002). St. Petersburg: Prosveshchenie. 216 p. ISBN 5-09-005246-8. (In Russ.).
- Steinitz, W. (1966—1993). *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: [b. i.]. 2019 s. (In Germ.).

References

- Chesnokov, P. V. (1977). Neogumboldtianism. In: *Philosophical foundations of foreign trends in linguistics*. Moscow: Nauka. 7—62. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (1992). *Languages of the indigenous peoples of Siberia: A textbook*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 92 p. ISBN 5-94356-391-1. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (1998). *Language as a phenomenon of reality and an object of linguistics*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 128 p. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (2002). *Language and its reflection in the science of language*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 254 p. (In Russ.).

- Chertykova, M. D. (2019). Proverbial conceptualization of the common Turkic zoolexeme at “horse” (based on the material of the Khakass language). *Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia*, 2 (38): 78—84. DOI: 10.25205/2312-6337-2019-2-78-84. (In Russ.).
- Chertykova, M. D. (2021). The image of a hardworking / lazy person in the Khakass proverbial picture of the world. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 2 (32): 79—92. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-2-79-92. (In Russ.).
- Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Questions of origin and development of Finno-Ugric languages*. (1974). Moscow: Nauka. 484 p. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (2017). The idiom to eat a dog: semantic and motivational reconstruction. *Bulletin of Tomsk State University*, 422: 17—25. DOI: 10.17223/15617793/422/3. (In Russ.).
- Kornilov, O. A. (2003). *Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities*. Moscow: Chero. 349 p. ISBN 5-88711-181-X. (In Russ.).
- Koshkareva, N. B. (2020). Color designations in the Uralic languages of Siberia: color or light, adjectives or verbs? *Criticism and semiotics*, 2: 152—166. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-152-166. (In Russ.).
- Krongauz, M. A. (2001). *Semantics: Textbook for universities*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 399 p. ISBN 5-7281-0344-8. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2000). Semantics of guilt and shifting accents in the interpretation of the lexeme. In: *Logical analysis of language: Languages of ethics*. Moscow: Languages of Russian Culture. 149—166. ISBN 5-7859-0156-0. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2000). *General morphology: An Introduction to problems*. Moscow: Editorial URSS. 384 p. ISBN 5-8360-0142-1. (In Russ.).
- Söder, T. (2001). “Walk This Way”: *Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis. 154 pp.
- Telia, V. N. (1990). Connotation. In: *Linguistic encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 236. ISBN 5-85270-031-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.05.2022,
одобрена после рецензирования 12.07.2022,
подготовлена к публикации 23.09.2022.

Калинина Л. В. Фразеологизмы как средство субъективно-оценочной категоризации по шкале 'уверенность — вероятность — неуверенность — приближительность' / Л. В. Калинина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 59—73. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-59-73.

Kalinina, L. V. (2022). Phraseological Units as Means of Subjective-Evaluative Categorization on Scale 'Confidence — Probability — Uncertainty — Approximation'. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 59-73. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-59-73. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-59-73

**Фразеологизмы как
средство
субъективно-оценочной
категоризации по шкале
'уверенность —
вероятность —
неуверенность —
приблизительность'**

Калинина Людмила Викторовна

orcid.org/0000-0003-2271-3995

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка,
культуры речи и методики обучения
grifon.kalinina@yandex.ru

Вятский государственный университет
(Киров, Россия)

**Phraseological Units as
Means
of Subjective-Evaluative
Categorization on Scale
'Confidence —
Probability — Uncertainty —
Approximation'**

Liudmila V. Kalinina

orcid.org/0000-0003-2271-3995

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of the Russian Language,
Culture of Speech and Teaching Methods
grifon.kalinina@yandex.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

© Калинина Л. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Поднимается вопрос о возможности систематизированного описания русских фразеологизмов как средств выражения более или менее уверенной категоризации объектов и ситуаций. Представлены результаты дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа 300 фразеологизмов. Предлагается авторская классификация фразеологизмов с выделением 4 групп: «уверенная категоризация», «наиболее вероятная категоризация», «неуверенная, пограничная категоризация», «самая приближительная / «пустая» категоризация». Установлено, что в большинстве случаев фразеологизмы выражают полную уверенность говорящего в категоризации и оценке каких-либо объектов или ситуаций. Эта уверенность часто бывает связана с признаками 'истинно / ложно', 'важно / неважно', 'похоже / непохоже', 'хорошо / плохо'. Меньшая часть фразеологизмов характеризует случаи наиболее вероятной, пограничной и самой приближительной категоризации. В целом анализ показывает, что с помощью фразеологизмов чаще всего вербализуются такие признаки ситуации, как её истинность или ложность, возможность или невозможность установления истины, доверие или недоверие лицу, от которого исходит некоторая информация, что говорит об особой важности «правды» в русской языковой картине мира.

Ключевые слова:

языковая картина мира; фразеологические единицы; категоризация; критерии оценки; семантические группы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question is raised about the possibility of a systematic description of Russian phraseological units as a means of expressing a more or less confident categorization of objects and situations. The results of definitional, component and contextual analysis of 300 phraseological units are presented. The author's classification of phraseological units into 4 groups is proposed: "confident categorization", "most probable categorization", "uncertain, borderline categorization", "most approximate / 'empty' categorization". It has been established that in most cases phraseological units express the speaker's complete confidence in the categorization and evaluation of any objects or situations. It is noted that this confidence is often associated with the signs of 'true / false', 'important / unimportant', 'similar / unlike', 'good / bad'. It was revealed that a smaller part of phraseological units characterizes the cases of the most probable, borderline and most approximate categorization. In general, the analysis shows that phraseological units most often verbalize such signs of a situation as its truth or falsity, the possibility or impossibility of establishing the truth, trust or distrust of the person from whom some information comes, which indicates the special importance of "truth" in the Russian language picture of the world.

Key words:

language picture of the world; phraseological units; categorization; criteria for evaluation; semantic groups.

Фразеологизмы как средство субъективно-оценочной категоризации по шкале ‘уверенность — вероятность — неуверенность — приближительность’

© Калинина Л. В., 2022

1. Введение = Introduction

Фразеологизмы, будучи устойчивыми языковыми единицами, на протяжении веков сохраняют значимые для национальной языковой картины мира смыслы и образы. Современная лингвистика активно интересуется тем, насколько носители одного языка способны понимать идеи и образы, отразившиеся во фразеологии другого языка, в какой степени на мировосприятие может влиять заимствование фразеологизмов из одного языка в другой [Фразеология в языковой картине мира, 2019; Andersen, 2020; Carrol, 2018; Furiassi, 2018 и др.]. Фразеологизмы позволяют глубже понять лингвокультурную специфику познавательных процессов концептуализации, категоризации и их результатов — концептов и категорий, отражающихся в национальной языковой картине мира.

Лингвисты неоднократно обращались к описанию фразеологических единиц как средств категоризации. Из работ недавнего времени назовём диссертационное исследование Ч. Г. Гогичева [Гогичев, 2018], монографию И. И. Синельниковой [Синельникова, 2013], статьи ряда российских и зарубежных авторов [Алефиренко, 2017; Иоанесян, 2022; Юздова, 2019; Юсупова, 2021; Espinal, 2019; Olza, 2011; Rafatbakhsh, 2019; Sprenger, 2019; Yang, 2006; Yin, 2021] и др. В научной литературе отмечается, что фразеологизмы, являясь продуктом лингвокреативного мышления, могут быть репрезентантами категорий базового, суперординатного и субординатного уровней; могут быть упорядочены на различных основаниях; способны вербализовать центральные и периферийные признаки того или иного класса объектов / ситуаций и т. д.

В настоящей статье предлагается особый ракурс рассмотрения фразеологизмов как средств категоризации: по их способности номинировать сильные или слабые дифференцирующие признаки объектов или ситуаций. Данный аспект исследования предполагает выявление фрагментов текста (от отдельных слов до предложений), указывающих на такие признаки, на основании которых объект или ситуация определяются как а) легко опознаваемые, типичные; б) более или менее опознаваемые; в) с трудом опознаваемые, пограничные или г) почти совсем не опознаваемые — в по-

следнем случае дифференцирующие признаки являются практически неуловимыми для восприятия и понимания. О возможности градуирования дифференцирующих признаков объекта по принципу их выраженности см. подробнее в наших предшествующих работах [Калинина, 2017; Калинина, 2020]. В контексте может реализовываться та или иная разновидность типовой семантики, соответствующая какой-либо из различных степеней уверенности при категоризации:

- *типичный X, явный X, X именно таков* — уверенная категоризация;
- *скорее всего, это X; больше всего напоминает X* — наиболее вероятная категоризация;
- *то ли X, то ли Y; не то X, не то Y; и не X, и не Y, а нечто иное* — неуверенная, пограничная категоризация;
- *в этом есть что-то от X; этот X трудно определим; это что-то неуловимое, непонятное, неизвестное* — самая приблизительная категоризация вплоть до «пустой», когда очень сложно или вовсе невозможно установить, что есть X.

Цель настоящей статьи — представить русские фразеологизмы как средства субъективно-оценочной категоризации на шкале от «типичного» до «неуловимого».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили 300 фразеологических единиц со значением уверенности / неуверенности в квалификации объекта (признака, ситуации), извлечённых из историко-этимологического словаря «Русская фразеология» [Бирих, 2007]. В качестве иллюстративного материала привлекались контексты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Основными методами исследования стали методы компонентного и контекстуального анализа, а также метод анализа словарных дефиниций. Фразеологическая единица привлекалась для рассмотрения в том случае, если в её словарном толковании присутствовали семы ‘очевидно’ / ‘неочевидно’, ‘ясно’ / ‘неясно’, ‘важно’ / ‘неважно’, ‘достоверно’ / ‘недостоверно’, ‘похоже’ / ‘непохоже’. Наличие этих сем свидетельствует о том, насколько говорящий уверен в осуществляемой категоризации и к какой области категории — центральной или периферийной — относится, на его взгляд, обсуждаемый объект или ситуация. Приведём в качестве примера ряд словарных дефиниций: **Давать / дать голову на отсечение. Выразить абсолютную уверенность в чём-либо, полностью гарантировать достоверность чего-либо; Непоспешимы пути господни. Невозможно предугадать все повороты судьбы, предопределить будущее; Ставить / поставить (класть / положить) во главу угла. Признать что-либо**

главным, особо важным; *Да был ли мальчик-то?* Выражение крайнего сомнения в чём-либо; *Пускать / пустить пыль в глаза*. Создавать ложное представление о себе у кого-либо и т. п.; *Одного поля ягода*. Сходны, одинаковы [ср. Бирих, 2007]. Наличие этих сем, а также часто сопутствующих им оценочных коннотаций ‘хорошо’ / ‘плохо’ находит своё подтверждение и в контекстах, представленных в Национальном корпусе русского языка.

Предлагаемый подход к рассмотрению фразеологизмов в аспекте категоризации во многом отличается от подходов, применяемых другими исследователями. Так, Ч. Г. Гогичев в своём диссертационном исследовании сосредоточивается в первую очередь на выявлении субординатных классов, формирующих категорию «Человек» в немецком, осетинском и русском языках [Гогичев, 2018]. И. И. Синельникова изучает устройство категории «Эмоциональное состояние человека» на материале фразеологизмов французского языка, выделяет в структуре этой категории основные субполя, выявляет национально-культурную специфику представляющих данную категорию фразеологических единиц [Синельникова, 2013]. Л. П. Юздова, рассматривая категоризацию мира во фразеологии в психолингвистическом аспекте, предлагает выделять предметные, призначные, процессуальные, релятивные, модальные, связующие и другие классы фразеологизмов на основе их смысловой и грамматической общности (на материале русского языка) [Юздова, 2019, с. 368—369]. С. М. Юсупова рассматривает фразеологический фонд языка как источник информации об иерархии жизненных ценностей нации [Юсупова, 2021]. Е. Р. Иоанесян на материале разных языков выявляет ситуативные условия и закономерности формирования жестовых фразеологизмов [Иоанесян, 2022]. Инес Олза исследует прагматическую значимость испанских идиом, включающих соматизмы [Olza, 2011]. Элахе Рафатбахш и Алиреза Ахмади используют возможности специально написанной компьютерной программы, чтобы на материале корпусных данных установить частотность употребления идиом различной тематики в современном американском английском с учётом их распределения по произведениям разных жанров [Rafatbakhsh, 2019]. Симона Спренгер, Амели ла Руа и Жаклин ван Рий на материале голландского языка изучают влияние возрастных различий на богатство словарного запаса, частотность использования в речи и понимание идиом [Sprenger, 2019]. Как можно заметить, в работах, посвящённых изучению фразеологизмов в аспекте категоризации, ещё не предлагалось рассмотрение фразеологизмов с точки зрения того, насколько они выражают уверенность или неуверенность субъекта речи в категоризации и оценке объектов и ситуаций. Мы же обосновываем возможность классифицировать фразеологизмы по принципу убывания у говорящего уверенности в определении природы какого-либо явления.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общее представление классификации и выявленных закономерностей

В ходе исследования были выявлены 4 основные группы фразеологизмов по особенностям выражения ими уверенности или неуверенности говорящего в осуществляемой категоризации: «уверенная категоризация», «наиболее вероятная категоризация», «неуверенная, пограничная категоризация», «самая приблизительная / “пустая” категоризация». При распределении фразеологических единиц по этим группам обнаружались следующие закономерности.

Во-первых, категоризация посредством фразеологизмов в большинстве случаев является оценочной. Оценочность наряду с эмоциональностью и экспрессивностью является неотъемлемым свойством большинства фразеологизмов, поэтому содержательный аспект интересующих нас фразеологических единиц часто представлен не просто как *‘это явный X’* или *‘скорее всего, это X’*, а как *‘это явно плохой X’*, *‘это явно хороший X’*, *‘скорее всего, это плохой X’*, *‘скорее всего, это хороший X’* и т. п.

Во-вторых, в распределении фразеологизмов по группам присутствует ярко выраженная диспропорция. В частности, отмечается значительное преобладание группы «уверенная категоризация» (84 %) при весьма малом количестве примеров в остальных группах: «наиболее вероятная категоризация» — 1 %; «неуверенная, пограничная категоризация» — 7 %; «самая приблизительная / “пустая” категоризация» — 8 %. Очевидно, причиной столь явного преобладания «уверенной категоризации» является то, что фразеологизмы образно номинируют прежде всего какие-то распространённые, общеизвестные, типичные ситуации. Ср. в связи с этим размышления Н. Ф. Алефиренко об отражении в семантике фразеологизмов архетипических мотивов, «образно воплощающих типовое (повторяющееся) коммуникативное событие» [Алефиренко, 2019, с. 13]. При этом группа «уверенная категоризация» как наиболее крупная является содержательно неоднородной: фразеологические единицы, входящие в неё, могут быть дифференцированы по тем дополнительным смыслам и коннотациям, которые выходят в семантике данных фразеологизмов на первый план.

Перейдём к характеристике выделенных групп.

3.2. Фразеологизмы, выражающие уверенную категоризацию

Единицы, входящие в данную группу, имеют обобщённую семантику *‘это точно X’*, *‘X явно имеет место’*, *‘X именно таков’*, *‘это именно X, а не Y’*. В зависимости от сопутствующих значений внутри данной группы могут быть выделены следующие подгруппы.

3.2.1. Уверенность говорящего в истинности или ложности чего-либо, ср.: *давать голову на отсечение, ясно как день, азбучная / голая / прописная истина, известное дело, видимое дело, иметь место, голая / подноготная / подлинная правда, само собой разумеется, во плоти, по когтям узнают льва, визитная карточка, на лбу написано — развесистая клюква, кукольная комедия, дымовая завеса, потёмкинские деревни, гроб повапленный, волк в овечьей шкуре, троянский конь, фиговый листок; Федот, да не тот* и др.

Приведём ряд примеров, где значение фразеологической единицы дополнительно подчёркивается средствами контекста (здесь и далее и сам фразеологизм, и фрагменты текста, конкретизирующие значение фразеологизма, выделены полужирным шрифтом): *Незачем доказывать то, что давно уже **ясно как день*** (К. Чуковский. От двух до пяти); ***Как они определили, кто перед ними?..*** «Вмиг по речи те спознали, что царевну принимали». ***По речи! Речевая «визитная карточка»*** героини помогла ей заявить о себе без лишних речевых усилий (О. Семенец. А Васька слушает, да ест! Риторика, или Искусство говорить как путь к успеху); *Ах, женская дружба! Ах, подарена судьбой! **Троянский конь** это, а не подарок* (Извини — подвинься // Истории из жизни. 2004, № 1); *Во всем этом было **много показной казенницы, казенной шумихи*** (своего рода «**Потемкинские деревни**») (Г. Флоровский. Пути русского богословия) [НКРЯ]. Уверенность говорящего в том, что дело обстоит именно так, а не иначе, подчёркивается с помощью синонимических слов и выражений, дублирующих значение фразеологизма (*ясно как день* — нечто самоочевидно и не требует доказательства; *потёмкинские деревни* — нечто показное, не такое, как на самом деле); с помощью разъяснения фразеологизма в самом тексте (*визитная карточка* — чья-либо характерная примета); с помощью антонимического противопоставления (*троянский конь* не является настоящим подарком).

Особое и весьма заметное место (25 % от состава подгруппы) занимают глагольные фразеологизмы, указывающие на недоверие к источнику информации, на манипулятивное поведение другого лица, ср.: *втирать очки, ставить с ног на голову, водить за нос, брать с потолка, городить плетень, наводить тень на плетень, делать хорошую мину при плохой игре, вешать лапшу на уши, мирошкой притворился, возводить напраслину, сказывать журавля на сосне, плести лапти* и др. Данные единицы выражают невозможность судить о сущности предмета, которую некто пытается исказить. Когда говорящий замечает манипулятивное поведение другого лица, он убеждается в недостоверности сообщаемой ему информации: информация не подлежит рассмотрению в том виде, в каком её пытаются представить. Это «уверенная категоризация» поведения другого

лица как неискреннего, недостойного, лживого, требующего осуждения. Ср., напр.: *Женщина, которая плетет у тебя на глазах интригу, кого-то водит за нос, пусть даже ради тебя, разве можно ей потом доверять?* (Е. Шкловский. Сладкая парочка) [Там же]. Как отмечает А. Д. Шмелёв, «в русской культуре поощряется говорение правды, сколь бы неприятной она ни была» [Шмелёв, 2002, с. 190]. Очевидно, по этой причине существует большое количество русских фразеологизмов, «маркирующих» попытки искажения правды.

3.2.2. Уверенность в сходстве или различии чего-либо, ср.: *общий знаменатель, на одну колодку сделаны, кость от кости и плоть от плоти, на один покрой, одного пошиба, из одного теста, ставить на одну доску, петь старую песню, в своём репертуаре — отличаться как день и ночь, дистанция огромного размера, отделять зёрна / злаки от плевел, отделять овец от козлиц, как небо от земли, это две большие разницы, обратная сторона медали* и др.

Ср.: *Да ведь все они одинаковы, на одну колодку! Что можно различить?* (П. Проскурин. Число зверя); *Перед нами обычные, простые ребята... плоть от плоти и кровь от крови* уличной толпы (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия); *Осторожна. Но не труслива. Это две большие разницы* (А. Маринина. Мужские игры); *Наш Квазимодо и Квазимодо — парижский звонарь отличались друг от друга как день и ночь: во-первых, у нашего не было горба... во-вторых, он был красив лицом* (С. Иванов. Марш авиаторов) [НКРЯ]. Как видим, в случае отнесения говорящим каких-либо явлений к одной категории на основании их сходства в контексте используются синонимичные фразеологизму лексические средства; в случае, когда говорящий относит какие-либо явления к разным категориям, в контексте бывает представлено противопоставление, обосновывающее употребление соответствующего фразеологизма.

3.2.3. Уверенность в оценке чего-либо как хорошего или плохого, ср.: *светлая / умная голова, чистая душа, персона грата, высокого полёта, чистейшей воды, филигранная работа — дубовая / еловая / садовая / дырявая голова, дурак дураком, чёрная душа, дубина стоеросовая, пустая порода, топорная работа, низкого пошиба, собачье положение* и др.

Ср.: *Дядя — студент, светлая голова, умница, надежда семьи* (З. Синявская. Пазлы); *К нему сложно пробиться: он скрывается за густой словесной вязью, но профессионал высокого полёта* (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда); *Эта история за километр воняла враньем низкого пошиба* (А. Троицкий. Удар из прошлого); *Нашлась в полку черная душа — оклеветала меня перед начальством* (В. Сорокин. Кисет) [Там же]. В такого рода контекстах семантика фразеологизма подчёркивается

лексическим значением и коннотациями слов-конкретизаторов. Например, в предложении *Дядя — студент, светлая голова, умница, надежда семьи* в семантике единиц *светлая голова, умница, надежда семьи* присутствует оценочная сема ‘хорошо’: быть светлой головой, умницей, надеждой семьи — хорошо. Значит, упомянутого в предложении дядю можно уверенно отнести к категории «хороший человек, пример для подражания».

3.2.4. Уверенность в значимости или незначимости чего-либо, ср.: *ставить во главу угла, краеугольный камень, столбовая дорога, придавать значение, становая жила, базисный лагерь, болевая точка, центр тяжести, не обсевок в поле, красной нитью проходить — абсолютный ноль, выведенного яйца не стоит, дело десятое, свет клином не сошёлся, грош цена, мизинца не стоит, в подмётки не годится, пятая спица в колеснице, мелкая сошка, до лампочки, нужен как собаке пятая нога и др.*

Ср.: *Стержневая мысль* буддизма, *пронизывающая красной нитью* и другие вероучения, — *мысль о том, что человек должен осознать себя частицей мироздания* (В. Овчинников. Вознесение в Шамбалу); *Старая Аглая с трудом выпрямилась, какая-то главная, становая жила её жизни оборвалась* (П. Проскурин. Судьба); *Все это ерунда и выведенного яйца не стоит* (К. Вагинов. Гарпагониада); *Он действительно был человек вполне лишний, пятая спица в колеснице* (Ф. Тютчев. Кто прав?) [Там же]. В подобных контекстах мы вновь видим усиление значения фразеологизма с помощью лексических единиц сходной семантики, что позволяет говорить об уверенной категоризации чего-либо как очень важного или, наоборот, совершенно неважного явления.

3.3. Фразеологизмы, выражающие наиболее вероятную категоризацию

Такие фразеологизмы используются для выражения значений ‘*скорее всего, это X*’, ‘*скорее всего, X является таким*’: *пахнуть жареным, дело пахнет керосином, носиться в воздухе, вертится на языке*.

Ср., напр.: *Я различил «рус шпион», «партизан», «откуда пришёл» и понял: пахнет жареным, дело, наверно, совсем плохо, пожалуй, на этот раз не вывернуться* (К. Феоктистов. Траектория жизни); *Когда изобретение становится своевременным, необходимым, так сказать, носится в воздухе — оно и является* (В. Обручев. Тепловая шахта); — *Он раздавит нас! — вдруг дико закричала гримёрша ... Её крик отрезвил Калмыкова, он мгновенно просчитал ситуацию и понял, что дело пахнет керосином* (Ю. Нагибин. Тьма в конце туннеля); — *Простите, барышня, — вмешивается стоящий сзади старичок ... — Вы немецким хорошо владеете, я вижу. Пожалуйста, как будет виноград? Я прошлую ночь стал вспоминать — вертится на языке, а не вспомню ... — Вейнтраубен. — Вот,*

вот! (Г. Иванов. Китайские тени) [Там же]. Данная группа является самой малочисленной в нашем материале. Входящие в неё фразеологизмы называют не уже оформившуюся и однозначно понимаемую ситуацию, а ситуацию прогнозируемую, пусть и с высокой степенью вероятности. Ср.: *пахнет жареным, пахнет керосином* — ‘скорее всего, случится что-то плохое, неприятное, опасное’; *носится в воздухе, вертится на языке* — ‘скорее всего, нечто будет воплощено, будет явлено’. Для введения в текст фразеологизмов этой группы требуется довольно пространный описательный контекст, что и демонстрируют приведённые примеры.

3.4. Фразеологизмы, выражающие неуверенную, пограничную категоризацию

Фразеологизмы данной группы имеют семантику ‘*это то ли X, то ли Y*’, ‘*это что-то на грани между X и Y*’, ‘*это и не X, и не Y, а что-то третье*’: *ни в городе Богдан, ни в селе Селифан; ни пава ни ворона; ни рыба ни мясо; ни к селу ни к городу; быть или не быть — вот в чём вопрос; вокруг да около; заблудиться в трёх соснах; сам чёрт не разберёт* и др.

Ср.: — *Значит, твоя Корнева серёдка наполовинке, — вставляла Зина, — ни рыба ни мясо, ни тёплое ни холодное — фи, гадость!* (Н. Гарин-Михайловский. Гимназисты); *И опять: на самом деле кажется совсем не это, но иначе не скажешь, можно только ходить вокруг да около* (В. Пелевин. Онтология детства); *Тема эмиграции в интеллигентской среде тех лет была одной из самых острых: быть или не быть, ехать или не ехать, да, но если... нет, а вдруг...* (Л. Улицкая. Медя и её дети); *Где свои? Где чужие? Сам чёрт не разберёт ... А может, друг друга свои же бьют ...* (А. Серафимович. Железный поток) [Там же]. В контекстах, содержащих фразеологизмы данной группы, представлены те или иные средства с семантикой неопределённости, колебания, выбора, нахождения на грани между одним и другим: *ни — ни, не это, но ...; или — или* и т. п. Объект или ситуация характеризуются как промежуточные, маргинальные, и это обычно вызывает у субъекта речи неодобрение и интеллектуальный дискомфорт.

3.5. Фразеологизмы, выражающие самую приблизительную / «пустую» категоризацию

Единицы, отнесённые к данной группе, содержат смыслы ‘*этот X трудно определить*’, ‘*это нечто неуловимое, непонятное, неизвестное*’: *мистер икс, терра инкогнита, а был ли мальчик, тёмная лошадка, покрыто мраком, тайна сия велика есть, неисповедимы пути господни, как в тёмном лесу очутиться, тёмный лес, очевидное-невероятное, темна вода во облацех* и др.

Ср.: *Я ещё ни с кем не была столь откровенна, — практически все знакомые считают меня терра инкогнита* (А. Кириллин. С собой не

возьму); *Кто и зачем открыл окно в кабинете шефа, когда умер Петр Борисович?.. Он и есть ... этот мистер Икс?* (Т. Устинова. Подруга особого назначения); *Происхождение Драба было покрыто мраком самой таинственной неизвестности* (В. Короленко. В дурном обществе); *Почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого ... всё это неизвестно и обо всем этом можно трактовать как угодно. До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сия велика есть»* (А. Чехов. О любви) [Там же]. В данном случае мы имеем дело с таким недостатком информации об объекте или ситуации, который делает категоризацию практически невозможной. Это даже не промежуточное положение между X и Y, как в предыдущем случае, а неопределённость самого направления поисков подходящей категории.

Итак, нами выделены 4 группы фразеологизмов в зависимости от их обобщённой семантики. Представленная классификация русских фразеологизмов как средств категоризации на шкале «от типичного до неуловимого» может и должна уточняться в ходе дальнейших исследований. Однако уже сейчас могут быть сделаны определённые выводы.

4. Заключение = Conclusions

Русские фразеологизмы выражают различную степень уверенности говорящего при осуществлении категоризации. Нами выделены 4 группы фразеологизмов в зависимости от их обобщённой семантики: 1) фразеологизмы, выражающие уверенную категоризацию: *‘X именно таков’*; 2) фразеологизмы, выражающие наиболее вероятную категоризацию: *‘скорее всего, X является таким’*; 3) фразеологизмы, выражающие неуверенную, пограничную категоризацию: *‘это то ли X, то ли Y’*; 4) фразеологизмы, выражающие самую приблизительную / «пустую» категоризацию: *‘X трудно определим / неуловим, непонятен, неизвестен’*. В большинстве случаев (84 % проанализированных единиц) фразеологизмы выражают полную уверенность субъекта речи — вероятно, по той причине, что фразеологизмы сами по себе являются средствами образной характеристики именно типичных, хорошо знакомых членам социума ситуаций. Значительно меньшая часть единиц номинирует различные степени убывания уверенности в квалификации предмета, при этом реже всего (1 %) представлена «наиболее вероятная» категоризация. Оставшиеся две группы, «неуверенная» и «самая приблизительная» категоризация, включают примерно одинаковое количество единиц (7 % и 8 % соответственно) и выражают сомнения говорящего при характеристике объекта или ситуации с пересекающимися, неявными, неуловимыми признаками. В целом анализ фразеологических единиц показывает, что важнейшими критериями

оценки какой-либо ситуации являются её истинность или ложность, возможность или невозможность установления истины, доверие или недоверие лицу, от которого исходит некоторая информация. Это говорит об особом статусе «правды» в русской языковой картине мира.

Перспективу исследования может составить дальнейшее изучение фразеологизмов как средств категоризации на шкале от «типичного» до «неуловимого» на материале русского и других языков.

Источники

1. Бирях А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирях, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. — Москва : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. — 926 с. — ISBN 5-17-029253-8.

2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 02.08.2022).

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеомемиозис как процесс лингвокреативного мышления / Н. Ф. Алефиренко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2017. — № 2. — С. 50—73. — DOI: 10.23683/1995-0640-2017-2-50-73.

2. Алефиренко Н. Ф. Идиоматический «камертон» когнитивно-прагматического регистра в языковой картине мира / Н. Ф. Алефиренко // Фразеология в языковой картине мира : когнитивно-прагматические регистры : сб. науч. трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26—27 марта 2019 года). — Белгород : Эпицентр, 2019. — С. 9—15. — ISBN 978-5-6042383-4-9.

3. Гогичев Ч. Г. Типология идиом как средств категоризации (на материале немецкого, осетинского и русского языков) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.20 / Ч. Г. Гогичев. — Москва, 2018. — 414 с.

4. Иоанесян Е. Р. Переход от жеста и жестовой номинации к фразеологизму / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2022. — № 11 (2). — С. 46—62. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-46-62>.

5. Калинина Л. В. Между типичным и неуловимым : «квантовые эффекты» категоризации / Л. В. Калинина // Когнитивные исследования языка. Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках : современные проблемы и методология исследования : материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 17—20 сентября 2020 г. / отв. ред. вып. А. П. Чудинов. — Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина ; Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. — Выпуск 2 (41). — С. 232—236. — ISBN 978-5-7186-1668-2 (Вып. №2 (41)) ; ISBN 978-5-89016-442-1.

6. Калинина Л. В. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка / Л. В. Калинина, М. А. Трушков // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 2. — С. 78—89. — DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-78-89.

7. Синельникова И. И. Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте : монография / И. И. Синельникова. — Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. — 188 с. — ISBN 978-5-9571-0681-4.

8. Фразеология в языковой картине мира : когнитивно-прагматические регистры : сб. науч. трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии

(г. Белгород, 26—27 марта 2019 года) / Н. Ф. Алефиренко, Е. Г. Озерова, К. К. Стебунова. — Белгород : Эпизцентр, 2019. — 464 с. — ISBN 978-5-6042383-4-9.

9. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира : Материалы к словарю / А. Д. Шмелёв. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 224 с. — ISBN 5-94457-052-0.

10. Юздова Л. П. Категоризация мира во фразеологии : психолингвистический аспект / Л. П. Юздова // Когнитивные исследования языка. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике : материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16—18 мая 2019 г. / отв. ред. вып. Т. В. Романова. — Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина ; Нижний Новгород : Издательство ДЕКОМ, 2019. — Выпуск XXXVII. — С. 366—370. — ISBN 978-5-89533-424-9 (Вып. XXXVII) ; ISBN 978-5-89016-442-1.

11. Юсупова С. М. Иерархия жизненных ценностей во фразеологическом пространстве (на материале английского языка) / С. М. Юсупова // Язык и культура. — 2021. — № 53. — С. 133—144. — DOI: 10.17223/19996195/53/9.

12. Andersen G. Three cases of phraseological borrowing : A comparative study of *as if*, *Oh wait* and the *ever* construction in the Scandinavian languages [Electronic resource] / G. Andersen // Ampersand. — 2020. — Vol. 7. — Access mode : <https://doi.org/10.1016/j.amper.2020.100062> (accessed 3.08.2022).

13. Carrol G. Of false friends and familiar foes : Comparing native and non-native understanding of figurative phrases [Electronic resource] / G. Carrol, J. Littlemore, M. G. Dowens // Lingua. — 2018. — Vol. 204. — Pp. 21—44. — Access mode : <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.11.001> (accessed 5.08.2022).

14. Espinal M. T. Idioms and Phraseology [Electronic resource] / M. T. Espinal, J. Mateu // Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. — 2019. — Access mode : <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.51> (accessed 7.08.2022).

15. Furiassi C. Macaroni English goes pragmatic : False phraseological Anglicisms in Italian as illocutionary acts [Electronic resource] / C. Furiassi // Journal of Pragmatics. — 2018. — Vol. 133. — Pp. 109—122. — Access mode : <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.02.009> (accessed 9.08.2022).

16. Olza I. On the (meta)pragmatic value of some Spanish idioms based on terms for body parts [Electronic resource] / I. Olza // Journal of Pragmatics. — 2011. — Vol. 43. — Issue 12. — Pp. 3049—3067. — Access mode : <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.05.015> (accessed 11.08.2022).

17. Rafatbakhsh E. A thematic corpus-based study of idioms in the Corpus of Contemporary American English [Electronic resource] / E. Rafatbakhsh, A. Ahmadi // Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education. — 2019. — Vol. 4. — Article number : 11. — Access mode : <https://doi.org/10.1186/s40862-019-0076-4> (accessed 11.08.2022).

18. Sprenger S. A. The Development of Idiom Knowledge Across the Lifespan [Electronic resource] / S. A. Sprenger, A. la Roi and J. van Rij // Frontiers in Communication. — 2019. — Vol. 4. — 29 p. — Access mode : <https://www.frontiersin.org/article/10.3389/fcomm.2019.00029> (accessed 12.08.2022).

19. Yang Y. A taxonomy of situations from Chinese idioms [Electronic resource] / Y. Yang, S. J. Read, L. C. Miller // Journal of Research in Personality. — 2006. — Vol. 40. — Issue 5. — Pp. 750—778. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/228500594_A_Taxonomy_of_Situations_from_Chinese_Idioms (accessed 13.08.2022).

20. Yin X. Lexical bundles as an intradisciplinary and interdisciplinary mark : A corpus-based study of research articles from business, biology, and applied linguistics [Electronic re-

source] / X. Yin, S. Li // *Applied Corpus Linguistics*. — 2021. — Vol. 1. — Issue 1. — Access mode : <https://doi.org/10.1016/j.acorp.2021.100006> (accessed 12.08.2022).

Material resources

Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (2007). *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary*. Moscow: Astrel: AST: Keeper. 926 p. ISBN 5-17-029253-8. (In Russ.).
National Corpus of the Russian Language. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 02.08.2022). (In Russ.).

References

- Alefrenko, N. F. (2017). Phrasemosemiosis as a process of linguocreative thinking. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences*, 2: 50—73. DOI: 10.23683/1995-0640-2017-2-50-73. (In Russ.).
- Alefrenko, N. F. (2019). Idiomatic “tuning fork” of the cognitive-pragmatic register in the linguistic picture of the world. In: *Phraseology in the linguistic picture of the world: cognitive-pragmatic registers: collection of scientific papers on the results of the 4th International Scientific Conference on Cognitive Phraseology (Belgorod, March 26—27 2019)*. Belgorod: Epicenter. 9—15. ISBN 978-5-6042383-4-9. (In Russ.).
- Andersen, G. (2020). Three cases of phraseological borrowing: A comparative study of as if, Oh wait and the ever construction in the Scandinavian languages. *Ampersand*, 7. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.amper.2020.100062> (accessed 03.08.2022).
- Carrol, G. (2018). Of false friends and familiar foes: Comparing native and non-native understanding of figurative phrases. *Lingua*, 204: 21—44. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.11.001> (accessed 05.08.2022).
- Espinal, M. T., Mateu, J. (2019). Idioms and Phrazeology. *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. Available at: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.51> (accessed 7.08.2022).
- Furiassi, C. (2018). Macaroni English goes pragmatic: False phraseological Anglicisms in Italian as illocutionary acts. *Journal of Pragmatics*, 133: 109—122. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.02.009> (accessed 09.08.2022).
- Gogichev, Ch. G. (2018). *Typology of idioms as means of categorization (based on the material of German, Ossetian and Russian languages)*. Doct. Diss. Moscow. 414 p. (In Russ.).
- Ioanesyan, E. R. (2022). Transition from Gesture and Gesture Nomination to Phraseology. *Nauchnyi dialog*, 11 (2): 46—62. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-46-62>. (In Russ.).
- Kalinina, L. V. Between typical and imperceptible: “quantum effects” of categorization. In: *Cognitive studies of language. Cognitive-discursive paradigm in Linguistics and Related Sciences: Modern problems and research methodology: proceedings of the X International Congress on Cognitive Linguistics. September 17—20, 2020, 2 (41)*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin; Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 232—236. ISBN 978-5-7186-1668-2 (Vol. No.2 (41)); ISBN 978-5-89016-442-1. (In Russ.).
- Kalinina, L. V., Trushkov, M. A. (2017). “Typical” and “imperceptible” as modus language category. *Questions of cognitive Linguistics*, 2: 78—89. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-78-89. (In Russ.).

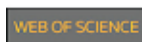
- Olza, I. (2011). On the (meta)pragmatic value of some Spanish idioms based on terms for body parts. *Journal of Pragmatics*, 43 (12): 3049—3067. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.05.015> (accessed 11.08.2022).
- Phraseology in the linguistic picture of the world: cognitive-pragmatic registers: collection of scientific papers on the results of the 4th International Scientific Conference on Cognitive Phraseology (Belgorod, March 26—27, 2019)*. (2019). Belgorod: Epicenter. 464 p. ISBN 978-5-6042383-4-9. (In Russ.).
- Rafatbakhsh, E., Ahmadi, A. A thematic corpus-based study of idioms in the Corpus of Contemporary American English. *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*, 4. Article number: 11. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40862-019-0076-4> (accessed 11.08.2022).
- Shmelev, A. D. (2002). *The Russian language model of the world: Materials for the dictionary*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 224 p. ISBN 5-94457-052-0. (In Russ.).
- Sinelnikova, I. I. (2013). *Emotive phraseological units of the French language in the field aspect: monograph*. Belgorod: Publishing house “Belgorod” NRU “BelGU”. 188 p. ISBN 978-5-9571-0681-4. (In Russ.).
- Sprenger, S. A. (2019). The Development of Idiom Knowledge Across the Lifespan. *Frontiers in Communication*, 4: 29 p. Available at: <https://www.frontiersin.org/article/10.3389/fcomm.2019.00029> (accessed 12.08.2022).
- Yang, Y., Read, S. J., Miller, L. C. (2006). A taxonomy of situations from Chinese idioms. *Journal of Research in Personality*, 40 (5): 750—778. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228500594_A_Taxonomy_of_Situations_from_Chinese_Idioms (accessed 13.08.2022).
- Yin, X., Li, S. (2021). Lexical bundles as an intradisciplinary and interdisciplinary mark: A corpus-based study of research articles from business, biology, and applied linguistics. *Applied Corpus Linguistics*, 1 (1). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.acorp.2021.100006> (accessed 12.08.2022).
- Yusupova, S. M. (2021). Hierarchy of life values in phraseological space (based on the material of the English language). *Language and culture*, 53: 133—144. DOI: 10.17223/19996195/53/9. (In Russ.).
- Yuzdova, L. P. (2019). Categorization of the world in phraseology: psycholinguistic aspect. In: *Cognitive studies of language. Integrative processes in cognitive Linguistics: Proceedings of the International Congress on Cognitive Linguistics. May 16—18, 2019, XXXVII*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin; Nizhny Novgorod: Publishing House DECOM. 366—370. ISBN 978-5-89533-424-9 (Issue XXXVII); ISBN 978-5-89016-442-1. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.08.2022,
одобрена после рецензирования 08.09.2022,
подготовлена к публикации 22.09.2022.

Манёрова К. В. Вариантность произносительной нормы и значения в свете семантико-когнитивного анализа : немецкий фразеологизм *das A und O* / К. В. Манёрова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 74—98. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-74-98.

Manerova, K. V. (2022). Variation of Pronunciation Norm and Meaning in Light of Semantic-Cognitive Analysis: German Idiom *das A und O*. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 74-98. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-74-98. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-74-98

**Вариантность
произносительной нормы
и значения в свете
семантико-когнитивного
анализа: немецкий
фразеологизм *das A und O***

Манёрова Кристина Валерьевна
orcid.org/0000-0002-4979-8573
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра немецкой филологии
k.manerova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Variation of Pronunciation
Norm and Meaning in Light
of Semantic-Cognitive
Analysis: German Idiom *das
A und O***

Kristina V. Manerova
orcid.org/0000-0002-4979-8573
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of German Philology
k.manerova@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

© Манёрова К. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается уникальный для немецкого языка пример дивергентного развития произносительной нормы и фреймовой семантики во фразеологической единице *das A und O* и вариантах *das Alpha und Omega* / *das Alpha und O* / *A und O*. Использовано толкование произносительной нормы из теоретических работ Л. А. Вербицкой. На основе семантико-когнитивного анализа и социофонетического анализа произносительной нормы графемного фразеологизма представлены наблюдения над развитием семантических фреймов. Отмечена утрата религиозной коннотации при переходе фраземы в профанный дискурс в ходе дискурсивной секуляризации. Установлено влияние письменной нормы на устную как причина возникновения вариантности фразеологизма в диахронии. Изучено возникновение вариантности графемной формулы в направлении редукции ее компонентов. Раскрыты механизмы моделирования значения вариантов идиомы посредством четырех когнитивных операций. Изучение динамики нормы формулы подтверждено примерами кодификации в девяти словарях немецкого языка. Актуальность исследования обусловлена применением корпусного анализа к 14 743 контекстным употреблением формулы *das A und O* в текстах из цифрового корпуса немецкого языка DWDS. Сделан вывод о том, что произносительная норма в ее динамике регламентирует функционирование этой фразеологической единицы в литературном немецком языке.

Ключевые слова:

произносительная норма; вариантность; формульность языка; фразеология; фреймы; семантико-когнитивный анализ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A unique example for the German language of the divergent development of the pronunciation norm and frame semantics in the phraseological unit *das A und O* and variants *das Alpha und Omega* / *das Alpha und O* / *A und O*. The interpretation of the pronunciation norm from the theoretical works of L. A. Verbitskaya is used. Observations on the development of semantic frames are presented on the basis of semantic-cognitive analysis and socio-phonetic analysis of the pronunciation norm of a grapheme phraseological unit. The loss of religious connotation during the transition of the phrase into profane discourse in the course of discursive secularization is noted. The influence of the written norm on the oral norm is established as the reason for the emergence of the variance of the phraseological unit in diachrony. The emergence of variance of a grapheme formula in the direction of reduction of its components is studied. Mechanisms for modeling the meaning of idiom variants by means of four cognitive operations are disclosed. The study of formula norm dynamics is confirmed by examples of codification in nine German dictionaries. The relevance of the study is due to the application of corpus analysis to 14743 contextual uses of the formula *das A und O* in texts from the digital corpus of the German language DWDS. It is concluded that the pronunciation norm in its dynamics regulates the functioning of this phraseological unit in literary German.

Key words:

pronunciation norm; variance; formality of the language; phraseology; frames; semantic-cognitive analysis.

Вариантность произносительной нормы и значения в свете семантико-когнитивного анализа: немецкий фразеологизм *das A und O*

© Манёрова К. В., 2022

1. Введение = Introduction

В первые десятилетия XXI века внимание авторитетных и молодых исследователей, приверженцев разных лингвистических подходов, привлекает фразеология немецкого языка. Если в исследовании русскоязычной фразеологии «в числе “вечных”» вопросов на первом месте стоит проблема разграничения пословиц и поговорок, с одной стороны, пословиц и фразеологизмов, с другой стороны», классификация и вариантность фразеологизмов, определение границ вариативности [Титаренко и др., 2022, с. 154—155], то исследователи немецкой фразеологии уделяют основное внимание когнитивным механизмам моделирования значения идиом, их прагмалингвистическому потенциалу, ареальному варьированию, использованию в коммуникативных практиках и вопросам формульности структуры, в том числе в рамках грамматики конструкций Чарльза Филлмора.

К традиционному структурно-семантическому направлению в исследовании немецких фразеологических единиц разных структурных типов [Černyševa, 1980; Fleischer, 1997] добавились новые подходы: типологический [Burger, 2015], исторический [Цветаева, 2019; Цветаева и др., 2019; Filatkina, 2018], семантико-когнитивный [Dobrovol'skij, 2016; Dobrovol'skij et al., 2022], сопоставительный [Вальтер и др., 2020; Парина, 2016;], лингвокультурологический [Bock et al., 2019], лингводискурсивный [Steyer, 2018], корпусный [Stumpf, 2015], гендерный [Piirainen, 2001], — а также прагмалингвистическое исследование ареального функционирования фразем в речи и дискурсе [Elsaß, 2022]. Такая современная комбинация подходов позволяет исследовать фразеологический вокабуляр немецкого языка всеобъемлюще и всесторонне.

Несмотря на обилие направлений в современном исследовании идиоматики немецкого языка, один аспект, а именно произносительная норма фразеологизмов, остается слабо или недостаточно исследованным. Первичный анализ показал, что орфоэпические словари немецкого языка не кодифицируют фонетико-орфографические особенности фразеологизмов, иными словами, их произносительную норму, независимо от того, содержит ли состав фразеологизмов эндогенные немецкие или экзогенные

компоненты. Работы, посвященные орфоэпическому анализу или особенностям произношения, ударению в немецких фраземах в диахронии и синхронии, также практически отсутствуют. Многие немецкие фраземы, как и анализируемая в статье библейская формула *das A und O* с экзогенными компонентами (самое важное, самое главное, сущность, суть, все полностью, целиком, без исключений, начало и конец, ~ от А до Я), вышли из письменной речи, и их орфоэпическая письменная норма может влиять на устную. Мы придерживаемся понимания орфоэпической нормы в концепции Л. А. Вербицкой: «Норма — употребление языковых единиц, принятое обществом» [Вербицкая, 2013, с. 6]. Применение данного тезиса к материалу немецкого языка мы считаем обоснованным и возможным¹.

Второй аспект, требующий внимания, включает связанную с произносительной нормой динамику значения рассматриваемого библеизма и утрату им религиозной коннотации в процессе так называемой дискурсивной секуляризации. В рамках комплексного анализа произносительной нормы и семантико-когнитивного анализа графемной формулы *das A und O* и ее вариантов *das Alpha und Omega / das Alpha und O» / A und O* в разных периодах истории немецкого языка представляется возможным определить означенную взаимосвязь развития произносительной нормы, ее вариантности и значения библеизма в ходе его исторического развития. Вариантность произносительной нормы, а именно наличие двух разных способов реализации или двух словосочетаний, представляется нами во взаимосвязи с динамикой (вариантностью) семантики графемной формулы. В статье применяется семантико-когнитивный подход Д. О. Добровольского [Dobrovolskij, 2016] к раскрытию механизма моделирования значения идиомы в рамках теории фреймовой семантики.

Таким образом, с целью детального рассмотрения и объективной верификации результатов социофонетического анализ развития произносительной нормы библеизма выступает в комбинации с семантико-когнитивным подходом в рамках теории семантических фреймов. Мы определяем данные направления изложения и описания материала в качестве задач исследования. В нашем анализе соотношения между звуковой и письменными формами мы используем понятие графемы, которая понимается как «класс букв и их сочетаний, служащих для передачи на письме соответствующей фонемы» [Зиндер, 1996, с. 20].

Статья написана на материале одной фразеологической единицы и посвящена проблеме возникновения вариантности произносительной нормы

1 Тезис ранее был представлен в нашем докладе. Статья написана по материалам доклада, прочитанного на 50-й Международной филологической научной конференции имени Л. А. Вербицкой (15—23 марта 2022, СПбГУ).

графемной формулы *das A und O* и обусловленному этим историческому изменению фреймовой семантики при переходе формулы из религиозного дискурса в профанный.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как известно, фразеологические единицы немецкого языка имеют несколько источников появления, среди которых античное литературное и философское наследие, а также Библия являются древними, общеевропейскими источниками. Лексика религиозного дискурса — один из древнейших и мощных источников фразеологизмов в европейских языках, в частности, в немецком, где только библеизмов насчитывается более нескольких сотен. Субстантивными компонентами отдельных фразеологизмов, пришедших в вокабуляр немецкого языка из названных источников, часто выступают слова латинского и греческого происхождения, нарицательные существительные и онимы, например: *von Pontius zu Pilatus laufen* (бегать по инстанциям, букв. от Понтия к Пилату, компоненты имени префекта Иудеи, лат. *Pontius Pilatus*), *zu Olims Zeiten* (в прежние времена, от лат. *olim* «когда-то», псевдоимя собственное *Olim*), *hohles Pathos* (голый пафос, от греч. *páthos* «боль», «страсть», «страдание»), *Eulen nach Athen tragen* (совершать ненужные действия, ~ в Тулу со своим самоваром, от названия столицы Греции Афины, нем. *Athen*), *Koloss von Rhodos* (Колосс Родосский, греч. *kolossós* «огромная статуя», и название греческого острова, нем. *Rhodos*), *nicht ein Jota! um kein Jota!* (ни на йоту, ни в малейшей степени, от названия девятой буквы греческого алфавита, греч. *íōta*). Библеизмы с компонентами греческого происхождения могут включать малоизвестные лексемы с затемненной мотивировкой, редко употребляемые в виде отдельных лексем [Lommatzsch, 2011, с. 424], а также буквы.

Материалом исследования избрана одна немецкая фразеологическая единица, а именно формула *das A und O* и ее варианты *das Alpha und Omega* / *das Alpha und O* / *A und O*, извлеченные из Нового немецко-русского словаря под общим редакцией Д. О. Добровольского [НБНРС, 2008]. Считается, что формула вошла в немецкий язык в переводе Нового Завета Библии Мартином Лютером (1522 год) с последующей идиоматизацией. Библейским источником фраземы стало Откровение Иоанна Богослова на греческом языке: ἐγὼ τὸ ἄλφα καὶ τὸ ὦ, ὁ πρῶτος καὶ ὁ ἔσχατος, ἡ ἀρχὴ καὶ τὸ τέλος.) и его немецкие переводы: *Jch byn das a vnd das o/ der anfang vnd das ende/ spricht der herre/ der da ift/ vnd der da war/ vnnd der da kom- pt/ der almechtige*. [Luthebibel, 1522]; „*Ich bin das A und das O, spricht Gott der Herr, der da ist und der da war und der da kommt, der Allmächtige*“ [Luthebibel, 2017]. (Я есть Альфа и Омега, начало и конец, говорит

Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель). В греческом источнике формула употребляется в одном варианте « $\tau\acute{o}\ \alpha\lambda\phi\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{o}\ \tilde{\omega}$ ». По структурному типу немецкий фразеологизм относится к категории парных формул, таким образом, формульность выражения из религиозного текста сохраняется. Компоненты фразеологизма объединены в конструкции через копулятивный союз *und* согласно семантическому контрадикторному принципу, где *Alpha* символизирует начало, а *Omega* — конец чего-либо.

Для раскрытия динамики произносительной нормы формулы рассмотрена ее кодификация в словарях ранних периодов немецкого языка. Формула *das A und O* обнаруживается в словарях, кодифицирующих средневерхненемецкий период немецкого языка (XI век — середина XIV века) [Lexner, 1872], в словаре ранненововерхненемецкого языка (1350—1650 годы) [Jesko, 2006] и словарях нововверхненемецкого периода [FWB]. Для объективной верификации результатов рассмотрена текстовая реализация библейской формулы *alpha et o / alpha und o* в сакральных и панегирических средневерхненемецких текстах 13 века [MHDDBD], в примерах из текстов нововверхненемецкого периода, как и в произведениях Вольфганга фон Гёте [Goethe's Werke, 1872]. На следующем этапе исследования используется семантико-когнитивный подход в рамках теории фреймовой семантики как способ раскрытия механизма моделирования значения идиомы посредством четырех когнитивных операций. Для раскрытия динамики значения формулы подход комбинируется с исследованием утраты религиозной имплицатуры в ходе дискурсивной секуляризации. Для этого было проанализировано 14 743 контекстных употреблений формулы *das A und O* в профанных текстах из цифрового корпуса немецкого языка [DWDS] (выборка периода 1995—2020).

Мы придерживаемся универсального для языков понимания орфоэпической нормы, как оно изложено в исследованиях Л. А. Вербицкой об орфоэпии [Вербицкая, 2013]. Произношение звуков, слов и словосочетаний относится к области орфоэпических исследований нормы. «Наличие устойчивых норм — основная черта национального языка», — отмечает Л. А. Вербицкая [Вербицкая, 2013, с. 5]. Она приводит историю становления понимания нормы языка, ссылаясь на цитируемое утверждение С. И. Ожегова о необходимости решения проблем нормализации на основе исследований тенденций развития языка, исторических закономерностей его развития. Норма — совокупность «наиболее пригодных для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа существующих, наличествующих, образуемых вновь и извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной в широком смысле оценки этих элементов» [Ожегов, 1955, с. 14—15].

Таким образом, норма — результат отбора языковых элементов из числа существующих с последующим закреплением элементов в узусе языка. В этом понимании норма неразрывно связана с кодификацией: «Норма — это кодификация» [Вербицкая, 2013, с. 6]. В материале нашего исследования, а именно в прослеживании и толковании динамики произносительной нормы немецкого фразеологизма *das A und O* и его вариантов наблюдение над кодификацией его орфографических и орфоэпических особенностей можно считать определяющим ход анализа.

В ходе исследования использованы орфоэпический анализ произносительной нормы, исторический анализ развития формулы в диахронии, лексикографический анализ примеров кодификации, контекстный анализ, корпусный анализ и верификация статистических данных.

Рассмотрим развитие произносительной нормы и значения графемной формулы фразеологизма.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Для соблюдения нормы произношения устойчивых единиц с заимствованными компонентами важно учитывать два обстоятельства: правила чтения и произношения заимствованных слов, а также правила произношения устойчивых словосочетаний. И в то время как первое обстоятельство находит свое отражение во многих орфоэпических словарях, то второе — нет, то есть произношение фразеологизмов отдельно не кодифицируется.

3.1. Динамика произносительной нормы

Орфоэпические словари кодифицируют произношение заимствованных лексем, указывая ударение и правила чтения заимствованных лексем из классических языков. Словарь сценического произношения Теодора Зибса 1912 года [Siebs, 1912] и орфоэпический словарь Вильгельма Фиетора 1921 года [Viëtor, 1921] — издания, содержащие системные рекомендации в области единого произносительного типа и его кодификации, — приводят нормы произношения заимствований из греческого языка, в словаре Фиетора также с транскрипцией, например: *Alpha* [alfa:], *Athen* [a' the:n], *Iota* [i' o:ta] или [jo:ta] [Viëtor, 1921, S. 12, 27, 181].

Орфоэпический словарь немецкого языка издательства «De Gruyter» в отдельном параграфе (п. 5.2.1.2) приводит правила произношения слов, заимствованных из греческого языка и из латыни, в том числе фиксирует фонетическую транскрипцию для букв греческого алфавита *Alpha* [alfa:] и *Omega* [o:meɡa:], но не в составе анализируемого фразеологизма [DAW, 2009, с. 47].

Итак, орфоэпические словари немецкого языка не кодифицируют нормы произношения фразеологизмов и формул. Исключение представляют

учебники практической фонетики, где приводятся ряды фразеологизмов, пословиц, поговорок, парных словосочетаний, в которых встречается та или иная фонема. В учебнике Хайнца Фюковски на каждую фонему приводятся ряды крылатых слов, формульных фраз из сказок, ставших устойчивыми, а также пословиц и поговорок, устойчивых словосочетаний [Fiukowski, 2010].

Исследователи фонетико-орфографических особенностей исторических текстов без аудиофиксации отмечают, что в звуковом письме различают алфавит, графику и орфографию. «Правила графики подвержены изменениям в ходе исторического развития звуковой стороны языка» [Филиппов и др., 2022, с. 138]. Отметим, что произношение лексем — заимствованных компонентов в составе фразеологизма, и даже букв — может отличаться от произношения этой лексемы как отдельного слова. Анализируемый в статье немецкий фразеологизм демонстрирует именно эту особенность: в современном варианте *das A und O* согласно правилам Международного фонетического алфавита (IPA, Internationales Phonetisches Alphabet) произносится как [das 'a: unt 'o:]. Тем не менее этот вариант произношения не был ни изначальным, ни единственным. В истории развития данного фразеологизма в немецком языке его произношение было связано с озвучиванием первого компонента как названия буквы «Alpha», произношением второго компонента только как долгого звука [o:], отражающего греческую букву (ὦ): [das alfa: und o:]. Теолог, исследователь Нового Завета Герхард Киттель отмечает, что все древние тексты содержат рассматриваемую формулу с полным названием буквы ἄλφα, то есть словом *альфа* и графемой ὦ «о». Киттель объясняет это тем обстоятельством, что название буквы «омега» (ο большое) появилось позже, поэтому во время написания Нового завета этот компонент формулы мог быть написан как графема (ὦ): Alle alten Textzeugen bieten ἄλφα (Alpha) als Wort und ὦ (Omega) als Zeichen. Der Name ὦ μέγα (Omega) ist erst viel später entstanden und konnte zur Zeit des NT nur als Zeichen (ὦ) geschrieben werden [Kittel, 1933, с. 1, прим. 1] (Все древние текстовые источники содержат ἄλφα (альфа) в виде слова, и ὦ (омега) в виде графемы. Название ὦ μέγα (омега) возникло намного позже и во время Нового Завета могло быть написано только как графематический знак) (здесь и далее перевод наш. — К. М.).

Формула *alpha und o* обнаруживается в словарях, кодифицирующих средневерхненемецкий период немецкого языка (XI век — середина XIV века). Соответствие произношения средневерхненемецкой графемы *o* как долгого звука [o:] греческой букве ὦ кодифицировано в Словаре средневерхненемецкого языка Маттиаса Лексера [Lexner, 1872]. Фразеологическая единица в варианте *alpha unde o* (первый компонент — название буквы, второй — графематический знак, обозначающий долгий звук [o:])

приводится во фразеологическом словаре средневерхненемецкого языка Фридриха Йеско: *alpha: alpha et ô; alpha unde ô: antonyme, polar strukturierende Paarformel: „Alpha und Omega“; ‚der Anfang und das Ende; alles‘. Antonomasie; Bezeichnung für Gott [Jesko, 2006, с. 102] (alpha: alpha et ô; alpha unde ô: антонимы, полярная парная формула. «Альфа и Омега»; «начало и конец, всё». Антономазия; имя Бога). В словарной статье приводятся варианты фраземы, указывается на контрадикторный принцип соположения ее компонентов, риторическую фигуру «антономазия» и значение ‘Бог’. Формула в этом значении кодифицируется в электронном тезаурусе средневерхненемецкого языка, составленном Академиями наук Майнца и Трира, с пометой, что фразема в варианте *alfa et ô* употребляется только в библейской формуле для номинации Творца: *alfa*, Subst. auch *alpha*. erster Buchstabe des griech. Alphabets, nur in der bibl. Formel ~ et ô u.ä. ‘das Alpha und das Omega, der Anfang und das Ende’, für Gottvater oder Christus gebraucht [MWB Online] (*alfa*, сущ.. также *alpha*, первая буква греческого алфавита, только в библейской формуле ~ et ô и др., Альфа и Омега, начало и конец, употребляется для обозначения Творца или Христа).*

Сакральная соотнесенность формулы отмечена и во всех примерах религиозных и дидактических текстов в электронном словаре ранненововерхненемецкого языка (1350—1650 годы) для варианта *alpha und (bzw. et) o: alpha und (bzw. et) o*; meist für Gott-Vater oder Christus gebraucht [FWB].

Таким образом, семантический фрейм фраземы в средневерхненемецких и ранненововерхненемецких текстах включает единственное сакральное значение.

«Развитие нормы связано с историей литературного языка», — подчеркивала Л. А. Вербицкая [Вербицкая, 2013, с. 20]. Исходя из этого тезиса, мы далее рассмотрим не только словарную кодификацию, но и текстовую реализацию библейской формулы *alpha et o / alpha und ô* в поэтических и панегирических средневерхненемецких текстах Фридриха фон Зонненбурга, Ульриха фон Етценбаха и Ульриха фон Тюргейма XIII века:

Din volliu tugent ane meil

ob aller tugende ie blüete.

Untoetlich künic der ewicheit,

*heiliger **alpha et o*** [MHDDBD, Friedrich von Sonnenburg]

(Твоя полная благодетель всегда превыше всех / благодетелей. / Бесмертный король вечности, / Альфа и Омега, святой Господь) (Фридрих фон Зонненбург, станца 61, строка 11 — станца 62, строка 1).

[...] *wirke, hêrre, nâch dîme lobe,*

du künic ob allen kûnegeu obe,

du daz ende und der begin:

alpha und o der name din [MHDBDB, Ulrich von Eschenbach]

(Твори, господь, во славу твою, / ты король над всеми королями, / ты начало и конец, / Альфа и Омега имя твое) (Ульрих фон Ешенбах. «Александр», строки 29—35).

Произношение последнего компонента библейской формулы как долгого звука [o:] можно проверить с помощью конечной рифмы. Так, в стихотворном произведении «Ренневарт» (из цикла хроник Карла Великого), написанном Ульрихом фон Тюргеймом между 1233 и 1245 годами в Швабии, фразема *alfa et o* рифмуется с наречием *also*:

[...] *sie begunden im gnade sagen,
daz er den risen het erslagen.
er sprach: "sprechet niht also!
erkennet ir, alfa et o,
den die reine magt truc?
der ist der den risen sluc"* [MHDBDB, Ulrich von Türlheim].

(Они начали его благодарить, / за то, что он убил великана. / Он сказал: «Не говорите так! / Вы признаете Альфу и Омегу, господа, / которого выносила чистая дева? / Это он победил великана») (Ульрих фон Тюргейм. «Ренневарт», строки 35357—35363).

В нововерхненемецком периоде во фразеологизме развивается вариативность. Один из вариантов выявляет редукцию и тем самым упрощение структуры и произношения. В словаре немецких пословиц Карла Фридриха Вандера (1870) кодифицированы уже два варианта фразеологизма: редукцированный с секуляризованным значением и полный с религиозным. Первый компонент «альфа» сокращается до графематического знака «А», второй компонент остается заглавное «О». *Er ist das A und O*. Этот вариант распространен в современном немецком языке. Таким образом, немецкая формула становится полностью буквенной, аналогично формуле на латыни: *Ego sum A et O*. Формула с редукцией становится моделью-аналогом для возникновения дальнейших модификаций: *A und O / das A und das O*, а также *von A bis Z* (~ от А до Я, «полностью, целиком»). Кодифицирован и полный вариант с полными названиями букв *Er ist das Alpha und Omega* [Wander, 1870]. Проверка по корпусу выявляет начало текстовой реализации полной формулы *das Alpha und Omega* в 1603 году в тексте религиозного содержания [DWDS]. Религиозная коннотация формулы сохранилась в современном немецком языке.

Объективная оценка орфоэпических вариантов может быть только результатом социолингвистических исследований узуса, как, например, в отношении распространенности того или иного варианта в речи образованных людей: ученых, писателей, поэтов. М. Л. Каленчук приводит три

критерия для рекомендации одного из сосуществующих вариантов произношения в качестве кодифицированной нормы: «Чаще всего в литературе называются такие основания, как соответствие внутренним законам развития языка, соответствие культурно-исторической традиции, распространенность варианта в речи образованных людей» [Каленчук, 2022, с. 43]. Так, в словаре идиолекта Вольфганга фон Гёте кодифицированы четыре редуцированных варианта фраземы с немецкими и греческими графематическими символами, минускулами и маюскулами: *a und o, das A und O, α und ω, A und Ω*. В словаре идиолекта Гёте фразема встречается с секуляризованным значением ‘что-либо главное, существенное, важное, сосредоточение, суть чего-либо’: *du liebes a und o du Innbegriff meiner Freuden und Schmerzen* (ты любезная сердцу суть, ты воплощение моей радости и боли); *Museum [in Neapel] das α und ω aller Antiquitäten Sammlungen* (музей в Неаполе — сосредоточение всех античных коллекций); *das A und O aller uns bekannten Dinge, die menschliche Figur* (самое существенное, мера всех нам известных вещей, человеческая фигура) [GWB].

Косвенным подтверждением процесса редукции произношения первого компонента фраземы могут быть поэзия и ритмика. В вокальной пьесе Вольфганга фон Гёте «Клодина де Вилла Белла», положенной на музыку Францем Шубертом (Claudine von Villa Bella, в версии 1787 года), фразема *das A und O* упоминается в шутильной песенке «Mit Mädchen sich vertragen» (С девчонками смеяться ...) персонажа Кругантино: *Crugantino: Lass alle nur missgönnen,| was sie nicht nehmen können| Und seid von Herzen froh;| Das ist das A und O ...* [Goethe, 1827, с. 217—218] (Кругантино: Пусть другие завидуют тому, что им не достается, но сам живи с легким сердцем — это альфа и омега (в этом вся суть)). Ритмика пропеваемой строки позволяет соотнести фразему с вариантом [das 'a: unt 'o:]: *Und seid von Herzen froh;| Das ist das A und O.*

О вариативности фраземы с графематическими знаками *das A und O* [das 'a: unt 'o:] и варианта с названиями букв *das Alpha und Omega* [das alfa: unt o.mega:] свидетельствует текстовая реализация и кодификация. По мнению Л. В. Щербы, поддержанному и Л. А. Вербицкой, частая причина возникновения вариантности — воздействие письменной нормы на устную. «Приближение произношения к написанию — основная тенденция развития нормы в современных языках» [Щерба, 1936, с. 83]. На примере динамики нормы рассматриваемой формулы мы видим подтверждение этому тезису. В системе языка нововерхненемецкого периода динамика произносительной нормы развивается через произносительную и структурную вариантность фраземы, что влечет расширение семантического фрейма формулы и потенциала ее употребления. Таким образом, норма определяет

характер использования различных возможностей, заложенных в системе. Иными словами, норма регулирует эту вариантность. В норме происходит отбор того, что имеется в языковой системе. Обратимся к рассмотрению динамики значения графемной формулы.

3.2. Динамика семантики фраземы в процессе дискурсивной секуляризации

Первичный анализ примеров из корпуса подтверждает нашу гипотезу о влиянии письменной нормы на произношение фраземы в направлении редукции ее компонентов и возникновения связанной с этим разницы в ее значениях. По нашей оценке, очевидное дивергентное развитие библейской формулы имеет две причины: 1) разница в произношении рассматриваемой нами фраземы, возникшая под влиянием письменной нормы на устную, как мы предполагаем, привела к расхождениям в значении ее полного и редуцированного вариантов в современном немецком языке. Кроме этого, 2) различие в значениях обусловило утрату религиозного значения формулой *das A und O* и сохранение религиозной коннотации в варианте *das Alpha und Omega*.

Как и многие сакральные символы, формула *das A und O* истолковывается неоднозначно. Использование первой и последней букв греческого алфавита в оригинале библейского текста было вызвано, вероятно, популярностью подобной символики в эллинистический период. «Альфа и Омега» — устойчивая буквенная сакральная формула для выражения общности, цельности, единичности, вечности Бога-Творца, Первого и Последнего как воплощения всего сущего. В своем значении буквенная формула образует фрейм, включающий смыслы начала и конца чего-либо. Уже в библейском тексте обе буквы в сочетании составляют метафору всевластия Бога [Dietz, 1999, с. 321]. Первая буква греческого алфавита *Alpha*, от буквы финикийского алфавита *алеф* (бык, корова), также служила знаком для записи налогов и количества голов скота. Последняя буква омега, «о большое», обозначающая долгий звук [o:], была одним из немногих знаков для гласных. В библеистическом толковании Альфа и Омега — Христос как верховная личность, Бог, безначальный и бесконечный. В этом значении формула с греческими буквами может заменять сакральное изображение Христа [Симонов 2016, с. 306], символизировать вечность, вневременность Бога.

Отражение концептосферы религиозной культуры во фразеологии германских языков отмечает И. В. Зыкова: «... религиозные (христианские) смыслы прослеживаются в глубинных основаниях образов конкретных фразеологических знаков английского языка. Прежде всего, это такие английские фразеологизмы, в образах которых репрезентируется факт создания мира [...] из “Слова”, точнее — из его элементов (букв) [...]» [Зыкова,

2015, с. 245]. Зыкова указывает на то, что буквы выступают в качестве особых религиозных символов, раскрывают сущностную природу человека и вещей, указывают на соединение божественного и тварного начал. Таким образом, *das A und O* не только древняя графемная формула из библейского текста, но и значимый сакральный символ в христианстве и фразеологизм со значением ‘важное, самое главное’.

Утрата религиозной имплицатуры является результатом дискурсивной секуляризации, это наблюдение важно для нашего исследования. Известно, что, благодаря своей семантике, библеизмы — это операторы библейских общекультурных смыслов, религиозных коннотаций для переноса их в светский современный контекст. Тем не менее в современном языке религиозная коннотация библеизмов и словосочетаний из религиозного дискурса частично стирается в результате так называемой дискурсивной секуляризации, или практики обмирщения [Daiber, 2011; Habermas et al., 2005; Kuße, 2011; Манёрова, 2019].

По мнению Хольгера Куссе, секуляризация религиозного дискурса в его комбинации из элементов мистики, религиозной этики и космологии объясняется фантастичностью, необъективностью и необедительностью названного дискурса для современного западного общества, в его приверженности либеральным ценностям в эпоху постиндустриального, информационного, технотронного развития [Kuße, 2011, с. 68—72]. Куссе выделяет усиливающуюся секуляризацию немецкоязычного религиозного дискурса и пишет, что в данном случае дискурс исчезает в традиционном его понимании, а его рудименты, такие как религиозная лексика, начинают восприниматься как метафорические, эмотивные единицы. Редукцию культурогенной роли религии, а также сфер, для которых характерна религиозная форма мысли в познании мира, как и изменяющееся понимание религиозности на стадии развития постсекулярного общества на Западе, упоминают Юрген Хабермас и Иозеф Ратцингер [Habermas et al., 2005]. Дискурсивная секуляризация включает и языковую секуляризацию (*sprachliche Säkularisierung*, термин принадлежит Хольгеру Куссе) в области лексики, а именно утрату лексемами религиозной имплицатуры и развитие новых фреймов в значении во множественной денотации. Томас Дайбер в развернутом размышлении об утрате религиозной коннотации вокабуляра из античности отмечает переход лексем из религиозной, надындивидуальной концептосферы в мирскую, а также соотносит переход с развитием у этой части лексики неопределенной функциональной и лексико-семантической соотнесённости. Дайбер называет две составляющие религиозной лексики, для которых релевантна языковая секуляризация: лексемы и выражения, денотирующие предметы и процессы религиозного

культы, и лексика трансцендентного познания, метафоры для выражения религиозных концептов [Daiber, 2011, с. 104—105]. «Редукция религиозной коннотации немецких библеизмов и фразеологизмов из религиозного дискурса может рассматриваться как предпосылка развития семантической неоднозначности» [Манёрова, 2019, с. 90]. Библеизмы могут утратить религиозную коннотацию на фоне расширения значения: от религиозного до полностью секуляризованного.

Как следствие секуляризации библейских формул, может формироваться новое фреймовое значение выражения, развивающееся на концептуальном уровне наряду с его основным религиозным значением, пример такой идиоматизации представляют собой варианты *das A und O* и *das Alpha und Omega*.

Каждый из кодифицированных вариантов употребим в современном языке, но с разными значениями: редуцированный *das A und O* (*A und O*) со значением ‘главное, существенное, важное’, полный *das Alpha und Omega* — в значении религиозной формулы для обозначения Бога. Языковая секуляризация может отражаться в уменьшении частотности использования лексемы в исходном религиозном значении и, соответственно, в увеличении частотности контекстуальных употреблений с новой, профанной семантикой. Лингвистическая природа секуляризации не только вызывает изменение семантики, употребления и восприятия религиозной лексики, но и сама может быть обусловлена трансфером дискурсов: из религиозного в профанный.

Фразеологи отмечают, что процесс идиоматизации лексических единиц — долгая и сложная когнитивная операция, затрагивающая концептуальный и семантический уровни фразеологического значения. Д. О. Добровольский приводит семантико-когнитивный подход в рамках теории фреймовой семантики как способ раскрытия механизма моделирования значения идиомы посредством четырех когнитивных операций: введение одной когнитивной структуры в другую, исключение одной когнитивной структуры из другой, фокусировка когнитивной структуры, воспроизведение когнитивной структуры [Dobrovol'skij, 2016, с. 186]. Рассмотрим комплексный механизм переноса, а именно идиоматизацию значения формулы *Alpha und Omega* и утрату религиозной коннотации вместе с редукцией структуры компонентов согласно операциям семантико-когнитивного подхода. Повторим, что идиоматизация непосредственно связана с изменением произносительной нормы в фраземе.

(1) Полная формула *Alpha und Omega* (*das Alpha und O*) в значении ‘божественное, первичное, основное’ имеет субфрейм «верховная личность, первичное, основное, вневременное, начало и конец», относящийся ис-

ключительно к библейскому и сакральному пониманию Бога. В идиоматизации формулы первая когнитивная операция — фокусировка когнитивной структуры слота «важное, основное, вечное», например: *Der Fisch, das Christus-Monogramm, Alpha und Omega, der Anker und die Friedenstaube mit dem Ölzweig* [DWDS, Heilige Unterwelten und antike Trümmer. Wölfe in der Heimat, 2006-10-25] (Рыба, монограмма Христа, Альфа и Омега, якорь и голубь с оливковой ветвью); *Das Omega und das Alpha sollten ihnen vertraut sein, weil es viele Hinweise bezüglich Alpha und Omega in der Bibel gibt* [Ibid., Washington DC. WordPress.com, 2008-07-03] (Омега и альфа должны быть им знакомы, так как в Библии есть много указаний на Альфу и Омегу); *Vergleichbar mit dem Alpha und Omega in der christlichen Lehre, symbolisieren diese beiden Laute den Anfang/ die Geburt und das Ende/ den Tod allen Irdischens* [Ibid., Torii Wächterfiguren. Smallestobjectalive, 2011-09-28] (В сравнении с Альфой и Омегой в христианском учении, оба звука символизируют начало / рождение и конец / смерть всего земного); *Traditionell dargestellt wird das Kreuz sowie Alpha und Omega* [Ibid., Münchner Merkur, 31.03.2022] (Традиционно представлен крест, как и Альфа и Омега).

(2) Вторая операция — исключение слота «верховная личность» из суб-фрейма формулы *Alpha und Omega* в результате дискурсивной секуляризации и постепенный переход к редуцированному варианту *das A und O*, идиоматизация графемного фразеологизма;

(3) Третья операция — введение субфрейма «основное, суть; важное, то, от чего зависит успех» в когнитивную структуру редуцированного варианта *das A und O*;

(4) Четвертая операция — воспроизведение означенного субфрейма в когнитивной структуре фраземы *das A und O* по отношению к абстрактным существительным: стативам и динамивам, именам состояний, действий и процессов.

Анализ 14 743 контекстных употреблений формулы *das A und O* в профанных текстах из цифрового корпуса немецкого языка (выборка периода 1995—2020 годов) показал, что в современном немецком языке фразема *das A und O* употребляется в сферах, далеких от религии, без привнесения в дискурс религиозной коннотации, например, в области экологии: *Das A und O dabei ist ein funktionierendes Ökosystem* [Ibid., Ökosystem statt Alleingänge. Drees & Sommer, 2020-05-08] (Самое важное в этом — функционирующая эко-система); в области строительства: *Ob Sanierung oder Haus Neubau, das A und O liegt bei der Dacheindeckung* [Ibid., Informationen zu Traumhaus. Bauen & Wohnen Aktuell, 2020-08-01] (Ремонт или же строительство нового дома, самое важное — покрытие крыши); в области дизайна: *Kommunikation ist das A und O. Neben dem Schreibtisch gehören zur Einrichtung*

tung eines Chefbüros zumeist auch Konferenztische [Ibid., hasselwander.co.uk, 2020-07-31] (Коммуникация — самое важное. Наряду с письменным столом в обстановке кабинета руководителя должен быть и стол для переговоров); в области косметологии: *Peeling ist das A und O. Genauso wie unsere Kleidung muss auch unsere Haut gereinigt werden* [Ibid., Hautpflege: 15 Tipps für eine schönere und gesunde Haut. 2020-07-30] (Пилинг — основное. Как и наша одежда, наша кожа нуждается в очищении); в области сервиса моды: *Die Beraterinnen nehmen sich Zeit für jede Kundin, denn die Anprobe ist das A und O und soll natürlich vor allem Spaß machen* [Ibid., Die Ballsaison ist eröffnet! 2020-07-30] (Консультанты уделяют время каждой клиентке, так как примерка существенна, она должна в первую очередь доставлять удовольствие); в области спорта: *Selbstdisziplin ist das A und O* [Ibid., Fliegender Holländer — von Barcelona nach Monheim. 2020-08-19] (Самодисциплина — самое важное).

Сравнительная проверка частотности употребления вариантов *das A und O* и *das Alpha und Omega* в программе фиксации лемм в печатных изданиях Google Ngramm Viewer (выбранный период новонаемецкого языка 1650—2017 годы) показала результаты, подтверждающие уменьшение употребления религиозной формулы *das Alpha und Omega* по сравнению с вариантом *das A und O* в 22 раза (пик 1671 года: 0,0001241159 % против 0,0000054204 %), с последующим константно высоким употреблением варианта *das A und O* на протяжении всего периода новонаемецкого языка [GNV].

4. Заключение = Conclusions

Анализ материала, а именно графемной формулы *das A und O* и вариантов, произведен с учетом понимания нормы как исторически развивающегося социального явления. Изучение произносительной нормы фразем с эндогенными и экзогенными компонентами позволяет сделать вывод о закономерности развития тенденций в произношении словосочетаний и может стать отдельным подходом к их исследованию. Норма регулирует отбор языковых элементов для последующей обязательной реализации в виде развития вариантности. Рассматриваемые в статье варианты графемной формулы относятся к актуализованной (*das A und O*, *Alpha und Omega*) и неактуализованной (*das Alpha und O*) части нормы, так как последний архаичный вариант неупотребителен в современном немецком языке. В этом понимании первые два варианта представляют реализованное употребление формул с последующей идиоматизацией как социально-исторический результат речевой деятельности. Подобное развитие демонстрирует динамику нормы в аспекте вариантности. Исследование формулы и ее вариантов показало, что устная и письменная нормы закреплены за определенными усло-

виями речевого употребления, разнящимися в ходе исторического развития рассматриваемой формулы. Выявлено, что произношение лексем — заимствованных компонентов в составе фразеологизма, и даже букв, — может отличаться от произношения этой лексемы как отдельного слова. Объяснение данному явлению находим в том факте, что варианты формулы вышли из письменной речи, а именно из библейского текста, их орфоэпическая письменная норма может влиять на устную. С применением комплексного анализа произносительной нормы и семантико-когнитивного анализа формулы *das A und O* и ее вариантов *das Alpha und Omega* / *das Alpha und O* / *A und O* стало возможным определить взаимосвязь развития произносительной нормы, ее вариантности и динамики значения библеизма. Фактом объективного влияния на динамику фреймовой семантики считаем утрату религиозной коннотации графемной формулы в процессе так называемой дискурсивной секуляризации. Схематично динамику произносительной нормы и моделирование значения формулы посредством четырех когнитивных операций можно представить в следующей таблице (табл. 1):

Таблица 1

Динамика произносительной нормы и моделирование значения формулы

Формула / фразема	Субфрейм	Когнитивная операция	Начало употребления	Коннотация
<i>Alpha und O</i> (<i>alpha unde ô; alfa et ô</i>)	субфрейм «верховная личность, первичное, основное, вневременное, начало и конец»	фокусировка когнитивной структуры слота «божественное, важное, основное, вечное»	Средневерхненемецкий период, XIII век	религиозная
<i>A und O</i>	субфрейм «верховная личность, первичное, основное, вневременное, начало и конец»	фокусировка когнитивной структуры слота «божественное, важное, основное, вечное»	Ранненововерхненемецкий язык, XVI век	религиозная
<i>das Alpha und Omega</i>	субфрейм «верховная личность, первичное, основное, вневременное, начало и конец»	фокусировка когнитивной структуры слота «божественное, важное, основное, вечное», идиоматизация парного фразеологизма	Нововерхненемецкий период, XVI век	религиозная

Окончание табл. 1

Формула / фразема	Субфрейм	Когнитивная операция	Начало употребления	Коннотация
<i>das A und O</i>	субфрейм «основное, суть; важное, то, от чего зависит успех»	исключение слова «верховная личность, божественное» из субфрейма формулы в ходе дискурсивной секуляризации, введение и воспроизведение субфрейма «основное, суть; важное, то, от чего зависит успех» в когнитивной структуре фраземы по отношению к абстрактным существительным, идиоматизация графемного фразеологизма	Нововерхненемецкий язык, XVIII век	профанная

Согласно выводам, произносительную норму в ее динамике можно назвать регламентирующей функционирование фразеологизма в литературном немецком языке.

Перспективами исследования является контрастивное сравнение динамики произносительной нормы и семантики означенной графемной формулы в европейских языках для экстраполирования принципов орфоэпического анализа нормы на другие языки.

Источники и принятые сокращения

1. НБНРС — *Новый большой немецко-русский словарь* в трех томах / под общим руководством Д. О. Добровольского. — Москва : Астрель, 2008. — Т. 1. — 1023 с. — ISBN 978-5-17-046307-8.
2. DAWB — *Deutsches Aussprachewörterbuch* / Hgg. : E.-M. Krech, E. Stock, U. Hirschfeld u.a. — Berlin, New York : De Gruyter, 2009. — 1087 s.
3. DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 29.03.2022).
4. *Fiukowski H.* Sprecherzieherisches Elementarbuch. 8. Aufl. — Berlin, New York : De Gruyter, 2010. — 519 s.

5. FWB — *Frühneuhochdeutsches Wörterbuch* / Hgg. : U. Goebel, A. Lobenstein-Reichmann, O. Reichmann u.a. 11 Bde., 2013 [Electronic resource]. — Access mode : <https://fwb-online.de/> (accessed 14.03.2022).
6. *Goethe J.-W. Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand, Zehnter Band, Stuttgart und Tübingen* / J.-W. Goethe. — Stuttgart ; Tübingen : J.G. Cotta, 1827. — 507 s.
7. GNV — *Google Ngram Viewer* [Electronic resource]. — Access mode : <https://books.google.com/ngrams/graph> (accessed 11.06.2022).
8. GWB — *Goethe-Wörterbuch*, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.woerterbuchnetz.de/GWB> (accessed 10.06.2022).
9. *Jesko Fr. Phraseologisches Wörterbuch des Mittelhochdeutschen Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050—1350* / Fr. Jesko. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2006. — 490 p.
10. LEXER — *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch* von Matthias Lexer, Bd. 3, 1872. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.woerterbuchnetz.de/Lexer> (accessed 03.05.2022).
11. Lutherbibel, 1522 — *Das Neue Testament Deutsch. Übersetzt von Martin Luther, Wittenberg. Die offenbarung Sancti Johannis des theologen* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.deutschestextarchiv.de/book/view/luther_septembertestament_1522?p=397 (accessed 05.05.2022).
12. Lutherbibel, 2017 — *Lutherbibel* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.bibleserver.com/SLT.LUT/Offenbarung1> (accessed 05.05.2022).
13. MHDBDB — *Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank*. [Electronic resource]. — Access mode : <http://mhdadb.sbg.ac.at:8000/mhdadb/App?action> (accessed 10.05.2022).
14. MWB Online — *Mittelhochdeutsches Wörterbuch, 2021* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.mhdwb-online.de/wb.php?linkid=3822000#3822000> (accessed 20.05.2022).
15. *Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache, nach den Beratungen zur ausgleichenden Regelung der deutschen Bühnenaussprache die im April 1898 in Berlin unter Mitwirkung der Herren Graf von Hochberg, Freiherr von Ledebur, Dr. Tempelty, Prof. Dr. Sievers, Prof. Dr. Luick, Prof. Dr. Siebs, und nach den ergänzenden verhandlungen, die im März 1908 in Berlin mit der Genossenschaft deutscher Bühnenangehöriger stattgefunden haben.* Aufl. Bonn. Verlag Albert Ahn. 1912 [Electronic resource] — Access mode : <https://archive.org/details/deutschebhnena00siebrich/page/n3/mode/2up> (accessed 01.03.2022).
16. *Viëtor W. Deutsches Aussprachewörterbuch. 3. durchgesehene Ausgabe* / W. Viëtor. — Leipzig ; Reisland, 1921. — 508 p.
17. *Wander Karl Fr.-W. Deutsches Sprichwörter-Lexicon* von Karl Friedrich Wilhelm Wander [Electronic resource] / Fr.-W Wander Karl. — Leipzig : F. A. Brockhaus, 1870, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. — Access mode : <https://www.woerterbuchnetz.de/Wander> (accessed 04. 05.2022).

Литература

1. *Вальтер Х. Национально-культурная маркированность библейских выражений и афоризмов русского языка (лингвострановедческая зона русско-белорусского словаря библеизмов с соответствиями в немецком языке)* / Х. Вальтер, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко // Но мы сохраним тебя, русский язык! Коллективная монография, посвященная

90-летию академика Виталия Григорьевича Костомарова. Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. — Москва : Флинта, 2020. — С. 134—158. — ISBN 978-5-9765-4315-7.

2. *Вербицкая Л. А.* Русская орфоэпия / Л. А. Вербицкая. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 116 с. — ISBN 978-5-8465-1347-1.

3. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1960. — 336 с.

4. *Зыкова И. В.* Концептосфера культуры и фразеология / И. В. Зыкова. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — 380 с. — ISBN 978-5-9710-1489-8.

5. *Каленчук М. Л.* Нормы произношения глазами лексикографа / М. Л. Каленчук // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936—2019). Избранные доклады / Под редакцией Т. В. Черниговской. — Серия 2. St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2022. — С. 41—54. — ISBN 978-5-288-06235-3.

6. *Манёрова К. В.* Дискурсивная секуляризация как условие формирования фразеологического значения в немецком языке / К. В. Манёрова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2019. — Т. 16. — № 1. — С. 88—104. — DOI: 10.21638/spbu09.2019.107.

7. *Ожегов С. И.* Очередные вопросы культуры речи / С. И. Ожегов // Вопросы культуры речи. — АН СССР. Институт языкознания. — Москва : Издательство АН СССР, 1955. — Выпуск 1. — 240 с.

8. *Парина И. С.* Применение корпусов параллельных текстов для исследования немецкой фразеологии в сопоставительном аспекте / И. С. Парина // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Российский союз германистов. — Москва : Флинта, — 2020. — С. 166—177. — ISBN 978-5-9765-4464-2.

9. *Симонов А. И.* Философско-теологические основания наличия имени и слова в иконическом изображении / А. И. Симонов // Российский гуманитарный журнал. — 2016. — Том 5. — № 3. — С. 302—309. — DOI: 10.15643/libartrus-2016.3.5.

10. *Титаренко Е. Я.* Аспектуальность и вариативность глагольных фразеологизмов в русском языке и речи / Е. Я. Титаренко, Ю. Ю. Балацкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 152—170. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-152-170.

11. *Филиппов К. А.* Наблюдения над фонетико-орфографическими особенностями немецких текстов М. В. Ломоносова / К. А. Филиппов, Л. Н. Григорьева, М. В. Корышев, А. К. Филиппов // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936—2019). Избранные доклады. Под редакцией Т. В. Черниговской. — Серия 2. St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2022. — С. 137—151. — ISBN 978-5-288-06235-3.

12. *Цветаева Е. Н.* Устойчивость и вариативность фразем с идиоматическими аллитерациями в диахронии / Е. Н. Цветаева // Международная конференция, посвящённая 110-летию со дня рождения Владимира Григорьевича Адмони. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2019. — С. 114.

13. *Цветаева Е. Н.* Исторические и когнитивные аспекты теории немецкой лексики и фразеологии / Е. Н. Цветаева, Е. С. Панкратьева // Научные школы Московского государственного лингвистического университета. Факультет немецкого языка. коллек-

тивная монография в 2 частях. — Москва : Издательство МГЛУ, 2019. — С. 31—46. — ISBN 978-5-00120-114-4.

14. Щерба Л. В. О нормах образцового русского произношения / Л. В. Щерба. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1936. — С. 105—107.

15. Bock B. Phraseme zu Haus und Hof in der deutschen Sprachgeschichte / B. Bock, K. Manerowa // Yearbook of Phraseology 10. — Berlin/Boston : De Gruyter Mouton, 2019. — Pp. 39—63.

16. Burger H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 5., neu bearbeitete Auflage / H. Burger. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2015. — 241 p. — ISBN 978-3-503-15597-2.

17. Černyševa Irina I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede / I. I. Černyševa. — Moscow : Vysšaja škola, 1980. — 144 p.

18. Daiber Th. Sakralisierung im säkularen Diskurs: Ein Flugzeugabsturz als katasprofa, dramt und tragedia / Th. Daiber // Sprachliche Säkularisierung (Westslawisch- Deutsch). Nagorko A. (Hrsg.). — Hildesheim ; Zürich ; New York : Georg Olms Verlag, 2011. — Pp. 103—124. — ISBN-10 3487146258.

19. Dietz H.-U. Rhetorik in der Phraseologie. Zur Bedeutung rhetorischer Stilelemente im idiomatischen Wortschatz des Deutschen / H.-U. Dietz. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1999. — 424 p. — ISBN 3-484-31205-X.

20. Dobrovol'skij D. Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. 2. Aufl / D. Dobrovol'skij. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2016. — 399 p. — ISBN 978-3-86057-368-6.

21. Dobrovol'skij D. Figurative language. Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives. 2nd edition, revised and updated / D. Dobrovol'skij, E. Piirainen. — Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2022. — 487 p. — ISBN 978-3-11-061691-0.

22. Elspaß St. Areal Variation and Change in the Phraseology of Contemporary German / St. Elspaß // Formulaic Language and New Data Theoretical and Methodological Implications Piirainen E. (†), Filatkina N., Stumpf S., Pfeiffer Chr. (Hgg.). — Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2020. — 256 p. — ISBN 978-3-11-066651-9.

23. Filatkina N. Historische formelhafte Sprache. Theoretische Grundlagen und methodische Herausforderungen / N. Filatkina. — Berlin & Boston : Walter de Gruyter, 2018. — 423 p. — ISBN 9783110494716.

24. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2. Neuauflage / W. Fleischer. — Tübingen : Max Niemeyer, 1997. — 299 p. — ISBN-10 3484730323.

25. Habermas J. Dialektik der Säkularisierung. Über Vernunft und Religion / J. Habermas, J. Ratzinger. — Freiburg ; Basel ; Wien : Verlag Herder, 7. Edition 2005. — 64 p. — ISBN 978-3451288692.

26. Kittel G. AΩ / G. Kittel // Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament. — Stuttgart : [b. i.], 1933. — Bd. 1. — Pp. 1—3.

27. Kuße H. Was ist ein religiöser Diskurs und wie kann er aussehen unter Bedingungen der Säkularisierung? / H. Kuße // Sprachliche Säkularisierung (Westslawisch-Deutsch). Nagorko A. (Hrsg.). — Hildesheim ; Zürich ; New York : Georg Olms Verlag, 2011. — Pp. 57—87. — ISBN-10 3487146258, ISBN-13 9783487146256.

28. Lommatzsch B. Profane Redewendungen biblischen Ursprungs / B. Lommatzsch // Sprachliche Säkularisierung (Westslawisch-Deutsch). Nagorko A. (Hrsg.). — Hildesheim ; Zürich ; New York : Georg Olms Verlag, 2011. — Pp. 423—434. — ISBN-10 3487146258, ISBN-13 9783487146256.

29. Piirainen E. Der hat aber Haare auf den Zähnen! Geschlechtsspezifisch in der deutschen Phraseologie / E. Piirainen // Rudolf Hoberg (Hrsg.), Sprache — Erotik — Sexualität. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2001. — Pp. 284—307. — ISBN 9783503049905.

30. Steyer K. (Hrsg.). Sprachliche Verfestigung. Wortverbindungen, Muster, Phrasem-Konstruktionen / K. Steyer. — Tübingen : Narr Francke Attempto, 2018. — 350 p. — ISBN 9783823382164.

31. Stumpf S. Formelhafte (Ir-)Regularitäten. Korpuslinguistische Befunde und sprach-theoretische Überlegungen / S. Stumpf. — Frankfurt am Main etc. : Peter Lang Edition, 2015. — 543 p. — ISBN 978-3-631-66846-7.

Material resources

A new large German-Russian dictionary in three volumes, I. (2008). Moscow: Astrel. 1023 p. ISBN 978-5-17-046307-8. (In Russ.).

Das Neue Testament Deutsch. Übersetzt von Martin Luther, Wittenberg. Die offenbarung Sancti Johannis des theologen. Available at: https://www.deutschestextarchiv.de/book/view/luther_septembertestament_1522?p=397 (accessed 05.05.2022). (In Germ.).

Deutsches Aussprachewörterbuch. (2009). Berlin, New York: De Gruyter. 1087 s. (In Germ.). *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache.* Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 29.03.2022). (In Germ.).

Fiukowski, H. (2010). *Sprecherzieherisches Elementarbuch. 8. Aufl.* Berlin, New York: De Gruyter. 519 s. (In Germ.).

Frühneuhochdeutsches Wörterbuch. (2013). Available at: <https://fwb-online.de/> (accessed 14.03.2022). (In Germ.).

Goethe, J.-W. (1827). *Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand, Zehnter Band, Stuttgart und Tübingen.* Stuttgart; Tübingen: J. G. Cotta. 507 s. (In Germ.).

Google Ngram Viewer. Available at: <https://books.google.com/ngrams/graph> (accessed 11.06.2022). (In Germ.).

Goethe-Wörterbuch, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. Available at: <https://www.woerterbuchnetz.de/GWB> (accessed 10.06.2022). (In Germ.).

Jesko, Fr. (2006). *Phraseologisches Wörterbuch des Mittelhochdeutschen Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050—1350.* Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 490 p. (In Germ.).

Lutherbibel. Available at: <https://www.bibleserver.com/SLT.LUT/Offenbarung1> (accessed 05.05.2022). (In Germ.).

Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank. Available at: <http://mhdadb.sbg.ac.at:8000/mhdadb/App?action> (accessed 10.05.2022). (In Germ.).

Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer; Bd. 3, 1872. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. Available at: <https://www.woerterbuchnetz.de/Lexer> (accessed 03.05.2022). (In Germ.).

Mittelhochdeutsches Wörterbuch, 2021. Available at: <http://www.mhdwb-online.de/wb.php?linkid=3822000#3822000> (accessed 20.05.2022). (In Germ.).

Siebs, Th. (1912). *Deutsche Bühnenaussprache, nach den Beratungen zur ausgleichenden Regelung der deutschen Bühnenaussprache die im April 1898 in Berlin unter Mitwirkung der Herren Graf von Hochberg, Freiherr von Ledebur, Dr. Tempelty, Prof. Dr. Sievers, Prof. Dr. Luick, Prof. Dr. Siebs, und nach den ergänzenden ver-*

handlungen, die im März 1908 in Berlin mit der Genossenschaft deutscher Bühnengenangehöriger stattgefunden haben. Aufl. Bonn. Verlag Albert Ahn. Available at: <https://archive.org/details/deutschebhnena00siebrich/page/n3/mode/2up> (accessed 01.03.2022). (In Germ.).

Viëtor, W. (1921). *Deutsches Aussprachewörterbuch. 3. durchgesehene Ausgabe.* Leipzig: Reischland. 508 p. (In Germ.).

Wander, Karl Fr.-W. (1870). *Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander.* Leipzig: F. A. Brockhaus. digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. Available at: <https://www.wörterbuchnetz.de/Wander> (accessed 04. 05.2022). (In Germ.).

References

Bock, B., Manerowa, K. (2019). Phraseme zu Haus und Hof in der deutschen Sprachgeschichte. In: *Yearbook of Phraseology 10.* Berlin/Boston: De Gruyter Mouton. 39—63. (In Germ.).

Burger, H. (2015). *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 5., neu bearbeitete Auflage.* Berlin: Erich Schmidt Verlag. 241 p. ISBN 978-3-503-15597-2. (In Germ.).

Černyševa, I. I. (1980). *Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede.* Moscow: Vysšaja škola. 144 p. (In Germ.).

Daiber, Th. (2011). Sakralisierung im säkularen Diskurs: Ein Flugzeugabsturz als katasprofa, dramata und tragedia. In: *Sprachliche Säkularisierung (Westslawisch- Deutsch).* Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag. 103—124. ISBN-10 3487146258. (In Germ.).

Dietz, H.-U. (1999). *Rhetorik in der Phraseologie. Zur Bedeutung rhetorischer Stilelemente im idiomatischen Wortschatz des Deutschen.* Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 424 p. ISBN 3-484-31205-X. (In Germ.).

Dobrovol'skij, D. (2016). *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. 2. Aufl.* Tübingen: Stauffenburg Verlag. 399 p. ISBN 978-3-86057-368-6. (In Germ.).

Dobrovol'skij, D., Piirainen, E. (2022). *Figurative language. Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives. 2nd edition, revised and updated.* Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH. 487 p. ISBN 978-3-11-061691-0. (In Germ.).

Elspaß, St. (2020). Areal Variation and Change in the Phraseology of Contemporary German. In: *Formulaic Language and New Data Theoretical and Methodological Implications.* Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH. 256 p. ISBN 978-3-11-066651-9. (In Germ.).

Filatkina, N. (2018). *Historische formelhafte Sprache. Theoretische Grundlagen und methodische Herausforderungen.* Berlin & Boston: Walter de Gruyter. 423 p. ISBN 9783110494716. (In Germ.).

Filippov, K. A., Grigorieva, M. V., Koryshev, M. V., Filippov, A. K. (2022). Observations on phonetic and orthographic features of German texts by M. V. Lomonosov. In: *XLIX International Scientific Philological Conference dedicated to the memory of Lyudmila Alekseevna Verbitskaya (1936—2019). Selected reports. Series 2. St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities.* St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 137—151. ISBN 978-5-288-06235-3. (In Russ.).

Fleischer, W. (1997). *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2. Neuauflage.* Tübingen: Max Niemeyer. 299 p. ISBN-10 3484730323. (In Germ.).

- Habermas, J., Ratzinger, J. (2005). *Dialektik der Säkularisierung. Über Vernunft und Religion*. Freiburg; Basel; Wien: Verlag Herder; 7. Edition. 64 p. ISBN 978-3451288692. (In Germ.).
- Kalenchuk, M. L. (2022). Pronunciation norms through the eyes of a lexicographer. In: *XLIX International Scientific Philological Conference dedicated to the memory of Lyudmila Alekseevna Verbitskaya (1936—2019). Selected reports. Series 2*. St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 41—54. ISBN 978-5-288-06235-3. (In Russ.).
- Kittel, G. (1933). AΩ. In: *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament, 1*. Stuttgart: [b. i.]. 1—3. (In Germ.).
- Kuße, H. (2011). Was ist ein religiöser Diskurs und wie kann er aussehen unter Bedingungen der Säkularisierung? *Sprachliche Säkularisierung (Westslawisch-Deutsch)*. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag. 57—87. ISBN-10 3487146258, ISBN-13 9783487146256. (In Germ.).
- Lommatzsch, B. (2011). Profane Redewendungen biblischen Ursprungs. In: *Sprachliche Säkularisierung (Westslawisch-Deutsch)*. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag. 423—434. ISBN-10 3487146258, ISBN-13 9783487146256. (In Germ.).
- Manerova, K. V. (2019). Discursive secularization as a condition for the formation of phraseological meaning in the German language. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 16 (1)*: 88—104. DOI: 10.21638/spbu09.2019.107. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (1955). Regular questions of speech culture. In: *Questions of speech culture. USSR Academy OF Sciences. Institute of Linguistics, 1*. Moscow: Publishing House of the SSRM Academy of Sciences. 240 p. (In Russ.).
- Parina, I. S. (2020). The use of parallel text corpora for the study of German phraseology in a comparative aspect. In: *Russian Germanistics. Yearbook of the Russian Union of Germanists. Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolybov, Russian Union of Germanists*. Moscow: Flint. 166—177. ISBN 978-5-9765-4464-2. (In Russ.).
- Piirainen, E. (2001). Der hat aber Haare auf den Zähnen! Geschlechtsspezifisch in der deutschen Phraseologie. In: *Rudolf Hoberg (Hrsg.), Sprache — Erotik — Sexualität*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. 284—307. ISBN 9783503049905. (In Germ.).
- Shcherba, L. V. (1936). *On the norms of exemplary Russian pronunciation*. Leningrad: Leningrad University Press. 105—107. (In Russ.).
- Simonov, A. I. (2016). Philosophical and theological grounds for the presence of a name and a word in an iconic image. *Russian Humanitarian Journal, 5 (3)*: 302—309. DOI: 10.15643/libartrus-2016.3.5. (In Russ.).
- Steyer, K. (Hrsg.). (2018). *Sprachliche Verfestigung. Wortverbindungen, Muster, Phrasem-Konstruktionen*. Tübingen: Narr Francke Attempto. 350 p. ISBN 9783823382164. (In Germ.).
- Stumpf, S. (2015). *Formelhafte (Ir-)Regularitäten. Korpuslinguistische Befunde und sprachtheoretische Überlegungen*. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang Edition. 543 p. ISBN 978-3-631-66846-7. (In Germ.).
- Titarenko, E. Ya., Balatskaya, Yu. Yu. (2022). Aspectuality and Variability of Verbal Phraseological Units in Russian Language and Speech. *Nauchnyi dialog, 11 (3)*: 152—170. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-152-170. (In Russ.).
- Tsvetaeva, E. N. (2019). Stability and variability of phrasemes with idiomatic alliteration in diachrony. In: *International conference dedicated to the 110th anniversary*

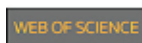
- of the birth of Vladimir Grigoryevich Admoni*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 114. (In Russ.).
- Tsvetaeva, E. N., Pankratieva, E. S. (2019). 1.4. Historical and cognitive aspects of the theory of German vocabulary and phraseology. In: *Scientific schools of the Moscow State Linguistic University. Faculty of German Language. collective monograph in 2 parts*. Moscow: MGLU Publishing House. 31—46. ISBN 978-5-00120-114-4. (In Russ.).
- Verbitskaya, L. A. (2013). *Russian orthoepia*. Saint Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. 116 p. ISBN 978-5-8465-1347-1. (In Russ.).
- Walter, H., Ivanov, E. E., Mokienko, V. M. (2020). Russian Russian National-cultural labeling of Biblical expressions and aphorisms (linguo-cultural zone of the Russian-Belarusian Dictionary of Biblical Studies with correspondences in German). In: *But we will save you, the Russian language! A collective monograph dedicated to the 90th anniversary of Academician Vitaly Grigoryevich Kostomarov. The Pushkin State Institute of the Russian Language*. Moscow: Flint. 134—158. ISBN 978-5-9765-4315-7. (In Russ.).
- Zinder, L. R. (1960). *General Phonetics*. Leningrad: Leningrad University Press. 336 p. (In Russ.).
- Zykova, I. V. (2015). *Conceptosphere of culture and phraseology*. Moscow: LENAND. 380 p. ISBN 978-5-9710-1489-8. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.07.2022,
одобрена после рецензирования 01.09.2022,
подготовлена к публикации 23.09.2022.

Осипенко Т. А. Вербализация пациент-центрированного подхода (на материале консультативных бесед с онкологическими пациентами) / Т. А. Осипенко, В. О. Федоровская, Д. В. Еникеев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 99—117. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-99-117.

Osipenko, T. A., Fedorovskaya, V. O., Enikeev, D. V. (2022). Verbalization of Patient-Centered Approach (Based on Medical Consultations with Cancer Patients). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 99-117. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-99-117. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-99-117

Вербализация пациент-центрированного подхода (на материале консультативных бесед с онкологическими пациентами)

Осипенко Татьяна Александровна

orcid.org/0000-0003-0619-534X

Институт лингвистики
и межкультурной коммуникации
osipenko_t_a@staff.sechenov.ru

Федоровская Виктория Олеговна

orcid.org/0000-0002-3255-1750

кандидат филологических наук, доцент
Институт лингвистики
и межкультурной коммуникации
fedorovskaya_v_o@staff.sechenov.ru

Еникеев Дмитрий Викторович

orcid.org/0000-0001-7169-2209

доктор медицинский наук, профессор,
Институт урологии и
репродуктивного здоровья человека
enikeev_d_v@staff.sechenov.ru

Первый Московский государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
Министерства здравоохранения РФ
(Москва, Россия)

Verbalization of Patient- Centered Approach (Based on Medical Consultations with Cancer Patients)

Tatiana A. Osipenko

orcid.org/0000-0003-0619-534X

Institute of Linguistics
and Intercultural Communication
osipenko_t_a@staff.sechenov.ru

Victoria O. Fedorovskaya

orcid.org/0000-0002-3255-1750

PhD in Philology, Associate Professor,
Institute of Linguistics
and Intercultural Communication
fedorovskaya_v_o@staff.sechenov.ru

Dmitry V. Enikeev

orcid.org/0000-0001-7169-2209

Doctor of Medicine, Professor,
Institute of Urology
and Human Reproductive Health
enikeev_d_v@staff.sechenov.ru

I. M. Sechenov First Moscow
State Medical University
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Осипенко Т. А., Федоровская В. О., Еникеев Д. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению вербальной интеракции врача и пациента, осуществляемой в русле пациент-центрированного подхода. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления средств организации вербального взаимодействия в диаде «врач — пациент», направленного на формирование осознанной вовлеченности пациента в процесс лечения. Предоставление пациенту большей автономии в вопросе принятия решения относительно методов терапии требует от врача коммуникативного умения структурировать текст беседы и предоставлять информацию в удобной для восприятия последовательности. Объектом исследования выступают врачебно-консультативные беседы с онкологическими пациентами. Цель исследования заключается в выявлении в диалогах структурных компонентов, включающих языковые средства вербализации пациент-центрированного подхода. Эмпирическим материалом послужили аутентичные русскоязычные консультативные беседы с пациентами, у которых диагностирован рак простаты низкого онкологического риска. В статье представлена сравнительная характеристика подходов к структурированию консультаций на материале русского, английского и немецкого языков. Выявлены структурные компоненты, направленные на информирование пациента в русле пациент-центрированного подхода, приведены примеры их вербального воплощения. Делаются выводы о смысловом и языковом содержании структурных компонентов, способствующих привлечению пациента к осознанному участию в коммуникации и лечении.

Ключевые слова:

вербальная интеракция врача и пациента; пациент-центрированная коммуникация; консультативная беседа; лингвистически адаптированный разговорный анализ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of doctor-patient verbal interaction, carried out in line with the patient-centered approach. The relevance of the study is determined by the need to identify the linguistic means used to organize the doctor-patient verbal interaction and to develop in the patient conscious desire to be involved in the treatment process. It is noted that giving the patient greater autonomy in the decision-making process regarding medical treatment methods, the doctor is expected to have the communication skills to structure the text of the conversation and to provide the information in a perception-friendly sequence. The object of the study is medical consultations with cancer patients. The purpose of the study is to identify structural components of the dialogues that include linguistic means aimed to verbalize the patient-centered approach. Authentic Russian-language medical consultations with low-risk prostate cancer patients served as the empirical material. The article presents a comparative analysis of approaches to structuring medical consultations based on Russian, English and German languages; identified structural components aimed to inform the patient in accordance with the patient-centered approach, and the examples of their verbal design. The paper draws conclusions about the semantic and linguistic content of the structural components that help to attract the patient to conscious participation in communication and treatment.

Key words:

doctor-patient verbal interaction; patient-centered communication; medical consultation; linguistically adapted conversation analysis.

Вербализация пациент-центрированного подхода (на материале консультативных бесед с онкологическими пациентами)

© Осипенко Т. А., Федоровская В. О., Еникеев Д. В., 2022

1. Введение = Introduction

Коммуникативная компетентность является профессионально значимой характеристикой врача. Эффективная коммуникация медицинского персонала с пациентами обеспечивает приверженность пациентов необходимому лечению, помогает успешно бороться с болезнью, способствует улучшению эмоционального состояния и повышению качества жизни пациентов [Сирота и др., 2014, с. 6]. Особая роль речевой интеракции врачей и пациентов в процессе терапии привлекает к этой области внимание представителей различных научных дисциплин.

В лингвистике широкий спектр исследований проводится с использованием аутентичного языкового материала — корпусов данных, включающих транскрипты врачебно-консультативных бесед. На их основе выявляются и анализируются интенциональные, структурные и языковые характеристики вербального взаимодействия врача и пациента [Bührig et al., 2000; Lalouschek, 2002; Spranz-Fogasy, 2005; Nowak et al., 2008], осуществляется эмпирическое описание различных аспектов вербальной коммуникации [Maunard et al., 2005; Park, 2011; Gülich et al., 2010; Imo, 2017, 2019], изучаются коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые в рамках институционального дискурса медицины [Акаева, 2007; Барсукова, 2007; Жура, 2008; Федоровская и др., 2020]. Прикладные исследования разрабатывают на основе анализа корпусных данных рекомендации для тренингов врачебного персонала, направленных на повышение эффективности коммуникации с пациентами [Coussios et al., 2019], а также учебные модули по иностранному (немецкому) языку как языку специальности для студентов-медиков, ориентированных на глобальный рынок труда [Imo et al., 2020].

В области медицины внимание к проблемам коммуникации с пациентами возрастает в контексте развития «4П-медицины», предполагающей акцент на выявлении предрасположенности к развитию заболеваний; на подборе индивидуального подхода с учетом генетических маркеров, психологического состояния и финансовых возможностей пациента; на предотвращении появления заболеваний; на осознанной вовлеченности пациента в процесс обсуждения вопросов своего здоровья, его мотивирован-

ном участия в профилактике и лечении заболеваний [Hood, 2009; Пальцев и др., 2015]. Эти принципы составляют ядро пациент-центрированной медицины. Их воплощение зависит во многом от коммуникативной компетенции врача, ориентирующего пациента на продуктивную совместную (речевую) деятельность, в процессе которой вырабатывается единое мнение относительно методов терапии. Доверительные отношения между врачом и пациентом, возникающие в результате вербальной интеракции, способствуют повышению осведомленности и заинтересованности последнего в точном выполнении рекомендаций врача [Patientenorientierung ..., 2011; Willich, 2009].

В частности, правильно выстроенная вербальная интеракция врача и пациента может способствовать более широкому применению новых методов терапии. В области онкологии к таковым относится тактика активного наблюдения (далее — ТАН) — тщательный мониторинг развития медленнорастущего рака предстательной железы без какого-либо лечения. Согласно выводам исследовательского коллектива врачей-урологов Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова, эта тактика, несмотря на доказанные положительные стороны, в России пока не получила достаточного распространения [Активное наблюдение ..., 2019, с. 38]. Основное преимущество ТАН — сохранение качества жизни пациента. К недостаткам относят вероятность развития тревожных состояний, связанных с диагностированным раком [Long term ..., 2018], и сложности при проведении терапии в случае выявления прогрессии заболевания [Активное наблюдение ..., 2019]. Нивелировать проблемы, связанные с просвещением пациентов, представляется возможным уже на этапе подбора методов терапии за счет правильно организованного вербального взаимодействия. Его основой выступает исчерпывающее информирование пациента о диагнозе и различных терапевтических подходах, позволяющее принять осознанное решение относительно выбора приоритетной терапевтической методики и, следовательно, способствующее мотивированному участию пациента в процессе лечения.

Вышесказанное определяет актуальность данного исследования, целью которого является определение в структуре врачебно-консультативных бесед семантических элементов, вербализирующих пациент-центрированный подход, то есть направленных на вовлечение пациента в процесс лечения заболевания путем детального информирования о диагнозе и различных терапевтических методиках. Объектом исследования выступают консультативные беседы с пациентами, у которых диагностирован рак предстательной железы низкого онкологического риска и которым, как следствие, показана ТАН. Научная новизна исследования заключается

в выводах, сделанных на основании анализа русскоязычного аутентичного языкового материала.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проводилось на материале корпуса русскоязычных консультативных бесед, который был сформирован в рамках межинституционального сотрудничества в области немецкой филологии, реализуемого Институтом лингвистики и межкультурной коммуникации Первого МГМУ им. И. М. Сеченова совместно с Институтом германистики Гамбургского университета. Корпус включает 25 консультативных бесед со средней продолжительностью диалога 8 минут. Критерием включения бесед в исследование послужило окончательное решение пациента в пользу ТАН, принятое во время консультации либо после нее. Исследование получило одобрение Локального этического комитета ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова (Протокол № 1.0 от 01.07.2019).

Аудиозапись бесед проходила на базе Института урологии и репродуктивного здоровья человека Сеченовского университета в период с октября 2019 года по март 2021 года с участием 4 врачей-урологов и 25 пациентов. Критериями включения в исследование являлись подтвержденный у пациента диагноз (рак предстательной железы низкого онкологического риска), а также подписание пациентом и врачом информированного согласия на участие в исследовании. Аудиозаписи были анонимизированы, переведены в текстовый формат и оформлены по правилам базовой транскрипции GAT-2, адаптированной для русского языка.

В исследовании использовались традиционные общенаучные методы, такие как описание и классификация языкового материала, обобщение и наблюдение, целевая выборка, статистический метод, а также лингвистические методы: описательно-аналитический, контекстуальный, семантический анализ текста, лингвистически адаптированный разговорный анализ в сочетании с методом корпусного анализа. В ходе анализа эмпирического материала 1) было произведено количественное исчисление транскрипционных строк (далее — трскр. строк), приходящихся на реплики врача; 2) из выявленных реплик врача были отобраны трскр. строки, содержащие элементы информирования [Федоровская и др., 2020], то есть фрагменты фраз, предоставляющие информацию о диагнозе, подходах к лечению рака низкого онкологического риска, временных рамках терапии и т. п., 3) фрагменты фраз с элементами информирования были разбиты на группы согласно сферам информирования пациента, на основе которых были сформулированы названия структурных компонентов (далее — СК) беседы, 4) отобранный материал подвергся интерпретативной

и прагматической оценке с учетом критического рассмотрения особенностей, ограничений и потенциала локального и институционального контекста [Нефедов и др., 2020].

Анализу коммуникативной структуры бесед, представленных в корпусе, предшествовало изучение подходов к структурированию консультативных бесед на материале русского, английского и немецкого языков, представленных в исследованиях российских и зарубежных ученых.

В. Жура, чье исследование проводилось в большей степени на основе анализа русскоязычных консультативных бесед, различает жанры первичной и повторной консультации, которые состоят из 6-ти идентичных СК и отличаются инструментальными (= терапевтическими / практическими / врачебными) целями. Консультация начинается с установления контакта (1-ый СК). В коммуникативном плане этот СК строго формализован. Характерными являются стандартные формулы приветствия и прощания, различные императивы, запрос информации об имени, возрасте, профессии и т. д. Выявление жалоб пациента и вербализация истории заболевания (2-ой и 3-ий СК) реализуются путем совместного построения врачом и пациентом вопросно-ответных единств и имеют больше вариаций в языковом выражении. Во время осмотра пациента (4-ый СК) врач озвучивает диагностическую гипотезу, рекомендует дальнейшее обследование и лечение (5-ый СК). На этапе завершения консультации (6-ой СК) врач уточняет детали медицинского ухода, осуществляет контроль понимания пациентом своих рекомендаций и намечает планы на будущие контакты [Жура, 2008, с. 201—282].

Л. Бейлинсон при изучении СК консультативной беседы учитывает непосредственные (врачебные) манипуляции врача как создающие основу для его речевых действий. К СК русскоязычных консультативных бесед, помимо речевых действий врача, Л. Бейлинсон относит ответы пациента и его инициативные вопросы [Бейлинсон, 2001, с. 39—40]. Принятие во внимание речевых действий пациента свидетельствует о том, что уже на этапе планирования консультации пациент может рассматриваться как равноправный партнер по коммуникации.

П. Бирн и Б. Лонг, исследовавшие особенности коммуникации врача и пациента на материале более 2000 англоязычных консультаций, выделили шесть СК терапевтических и речевых действий: 1) установление контакта с пациентом, 2) выявление причин обращения к специалисту, 3) сбор анамнеза и физикальное обследование, 4) оценка проблемы и состояния пациента, 5) объяснение и планирование терапии, 6) завершение консультации [Denness, 2013, p. 593]. Похожую последовательность СК имеет популярная Калгари-Кембриджская модель медицинской консультации, разрабо-

танная для помощи в освоении и отработке навыков общения в условиях клиники [Kurz et al., 2004, pp. 40—41].

Т. Шпранц-Фогаси представил пять основных СК консультации на материале немецкоязычного эмпирического материала: 1) приветствие и начало консультации, 2) выявление и детализация жалоб, 3) постановка диагноза, 4) разработка плана терапии, 5) подведение итогов и прощание [Spranz-Fogasy, 2005, S. 21]. Шпранц-Фогаси отмечает, что такая последовательность речевых действий «не является идеальной», но отражает наиболее частый способ проведения консультации [Ibid., S. 22].

Описанные компоненты консультаций, основанные на анализе русско-, англо- и немецкоязычного материала, позволяют сделать следующие выводы: 1) коммуникативная структура консультации подчинена инструментальным целям; 2) перечисленные СК являются неотъемлемой частью почти любой медицинской консультации и в большинстве случаев воспроизводятся именно в указанной последовательности; 3) во всех сценариях ведения консультации (независимо от языкового материала) присутствуют приветствие и прощание, установление контакта, сбор информации о заболевании и состоянии пациента, непосредственный осмотр с сопровождающими речевыми действиями, рекомендация и планирование терапии; 4) содержательная схожесть СК дает основания полагать, что при разработке прототипа ведения консультации во внимание могут приниматься СК, выявленные на основе как русско-, так и англо- или немецкоязычного материала; при необходимости они могут дополняться, заменяться или исключаться из консультации; 5) в состав СК, выделенных российскими учеными, входят ожидаемые ответные реакции и инициативные вопросы пациента, в то время как в других моделях отражены только коммуникативные действия, инициируемые врачом. Кроме того, большинство исследователей указывают на видоизменение указанных сценариев в реальной клинической практике. В зависимости от медицинской сферы структура расширяется и конкретизируется.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Структурные компоненты консультативной беседы как отражение пациент-центрированного подхода

На основании изученных концепций структурирования консультативной беседы в ходе анализа эмпирического материала было определено 10 СК, направленных на информирование пациента в русле пациент-центрированного подхода. Данные компоненты составляют 62,16 % от общего числа реплик врача и включают широкий спектр сведений, тематика которых отражена в таблице 1.

Основанием для отнесения реплики информирующего характера к сфере пациент-центрированного подхода послужил критерий «полезности» информации для пациента. В идеологии пациент-центрированной медицины полезными речевыми действиями можно считать, во-первых, реплики, стимулирующие вербальную активность пациента, когда он вовлекается в диалог, задает вопросы, высказывает свои страхи, опасения и сомнения, выражает (не)готовность к сотрудничеству. Во-вторых, к полезной мы относим информацию, выполняющую просветительскую функцию. Основная цель такого типа информации — предоставить новые сведения или углубить уже имеющиеся знания о диагнозе, методах лечениях и побочных эффектах. Это необходимо для повышения компетентности пациента в процессе его подготовки к совместному принятию решения и осознанию собственной ответственности за реализацию лечебных мероприятий.

Данные таблицы 1 демонстрируют наличие СК в диалоге и отражают продолжительность их воспроизведения. В контексте настоящего исследования под «продолжительностью воспроизведения» понимается количество трскр. строк, соответствующих одному СК, из расчета, что одна трскр. строка состоит в среднем из 5—7 слов, время воспроизведения которых составляет 3—5 сек.

Таблица 1

Структурные компоненты консультативной беседы
с онкологическими пациентами, содержащие элементы
информирования в русле пациент-центрированного подхода*

1	2	3	4 (%)
1. Презентация ТАН	25	21	9,67
2. Объявление и объяснение диагноза	25	18	8,6
3. Снятие напряжения	24	27	12,17
4. Рекомендация ТАН	22	22	2,15
5. Представление возможных методик лечения рака простаты низкого онкологического риска (за исключением ТАН)	21	15	8,62
6. Информирование о подходах лечения рака низкого онкологического риска в России и за рубежом	21	11	4,21
7. Определение зоны ответственности пациента	21	5	4,67
8. Актуализация истории болезни	20	9	3,44
9. Демонстрация готовности оказания поддержки со стороны медицинского персонала	19	15	5,25
10. Описание побочных эффектов лечения	13	14	3,38
Суммарные показатели			62,16

* Комментарий к таблице: общее кол-во трскр. стрк., приходящихся на долю врача: 5348; 1 — название СК, 2 — кол-во бесед, в которых встречается указанный СК, 3 — кол-во трскр. строк, в среднем приходящихся на один СК, 4 — % от общего кол-ва трскр. строк.

Далее представлена подробная характеристика пяти наиболее распространенных СК. Распространенность СК определялась на основе сочетания двух критериев: 1) количества бесед, в которых упоминается СК, и 2) процентного соотношения количества трскр. строк, приходящихся на данный СК, к общему количеству трскр. строк, содержащих элементы информирования в русле пациент-центрированного подхода.

Иллюстративные примеры в текущем разделе (за исключением подраздела 3.4) представляют собой адаптированные к тексту статьи фрагменты транскриптов. Адаптация состояла в исключении из транскрипта просодических средств (фразового ударения, пауз, вдохов и выдохов, удлинённых гласных и согласных звуков), случаев самокоррекции, некоторых частиц и междометий, не влияющих на организацию смыслового наполнения диалога, а также в расставлении знаков препинания согласно нормам русского языка. Исключение из транскриптов просодических средств обусловлено тем, что они не являются предметом нашего анализа, направленного на выявление семантического содержания СК, типичных знаменательных слов, словосочетаний и грамматических структур, способствующих воплощению пациент-центрированного подхода.

3.2. Объявление и объяснение диагноза

СК «Объявление и объяснение диагноза» является наряду с СК «Презентация ТАН» самым распространенным (выявлен в 25 диалогах). По процентному соотношению количества трскр. строк он несколько уступает СК-1 (9,67 %). Однако в связи с тем, что в исследуемых диалогах обсуждение диагноза неизменно предваряет презентацию ТАН, рассмотрение СК-2 в статье предшествует описанию СК-1.

При объявлении диагноза врачи не используют предположительно малопонятный пациенту термин *рак простаты низкого онкологического риска* и прибегают к более распространенной терминологии (*рак, онкология*), в том числе в словосочетаниях с подчинительной связью (*раковые клетки, онкологический процесс*). В ряде случаев прилагательное *раковые* заменяется оценочным прилагательным *плохие*, что приводит к образованию эвфемизма *плохие клетки*. В исследуемом материале упомянутые словосочетания актуализуются в следующих предложениях: *В материале нашли раковые клетки / плохие клетки; На этот раз пришла онкология; Пришел диагноз рак предстательной железы / рак простаты.*

Объяснение диагноза сопряжено в основном с перечислением положительных свойств опухоли. Языковое оформление включает словосочетания, указывающие на начальную степень развития рака, например: *онкология начальная, низкая злокачественность*. Врачи прибегают как к медицинской терминологии в виде буквенно-числовых медицинских

показателей, позволяющих осуществить дифференциацию рака простаты (ПСА меньше 10, шесть баллов по Глисон), так и к средствам образности — *добрый рак, рак не агрессивный* (олицетворение). Упоминание о положительных свойствах опухоли может рассматриваться как элемент СК «Снятие напряжения» (см. 3.4).

СК-2 воспроизводится преимущественно после актуализации истории болезни, создает динамику и настроение всей беседы, формирует первое представление пациента о раке низкого онкологического риска.

3.3. Презентация ТАН

СК «Презентация ТАН» также встречается во всех анализируемых диалогах. На него приходится 9,67 % от общего количества трскр. строк, содержащих элементы информирования в русле пациент-центрированного подхода. Типичными средствами презентации ТАН являются конструкции *просто наблюдаем, внимательно наблюдаем, смотрим*. Наречия *просто, внимательно* в сочетании с семантикой глаголов *наблюдать, смотреть* имплицитно подразумевают необременительность данной методики для пациента. Аналогичную функцию выполняет модальный глагол *мочь* в сочетании с отрицанием, выражающий отсутствие необходимости принимать серьезные меры: *можем не оперировать, можем ничего не делать*.

Специфику активного наблюдения отражает следующее высказывание: *Наблюдение это такое как бы, так сказать, непростое, потому что нужно каждые три месяца сдавать ПСА, каждые полгода надо делать МРТ, раз в год делать биопсию*. На особый характер наблюдения указывает первая часть высказывания, содержащая оценочное прилагательное *непростое*, значение которого смягчается разговорно-обиходной частицей *как бы* и вводным сочетанием *так сказать*. Во второй части высказывания суть ТАН раскрывается путем перечисления необходимых процедур (анализов и обследований). В такой последовательности предоставления информации прослеживается стремление врача снять психоэмоциональное напряжение посредством демонстрации малой вредности данного вида рака (он настолько неагрессивный, что его можно не оперировать), а затем распределить зоны ответственности (несмотря на малую агрессивность рака, необходим постоянный мониторинг некоторых медицинских показателей). Данный СК может воспроизводиться в одном диалоге до 3—4 раз.

3.4. Снятие напряжения

СК «Снятие напряжения» встречается в 24 беседах, занимает в среднем 27 трскр. строк в одном диалоге, или 12,17 % от общего количества трскр. строк. По времени воспроизведения это самый продолжительный СК из 10-ти представленных. Он включает короткие фразы успокаивающего характера. Схожее лексическо-семантическое наполнение фраз и (более

или менее) фиксированная последовательность их воспроизведения могут свидетельствовать о заранее продуманном намерении снять напряжение, когда врач осознанно выстраивает речевые действия таким образом, что утешение, успокоение, подбадривание, поощрение, одобрение и т. д. становятся индикатором намерения постоянной поддержки с его стороны на пути к преодолению стресса и негативных эмоций (ср. ein spontanes Trösten — «спонтанное утешение» и Trostarbeit — «заранее продуманное утешение») [Imo, 2017; Osipenko, 2021; Petzold, 2007]). Особенно часто СК-3 используется непосредственно перед сообщением диагноза: *Этот мой разговор будет успокаивающий такой, знаете, наоборот, не напрягающий вас, а успокаивающий. Объясню, почему.* Используя действительные причастия *успокаивающий* и *не напрягающий*, врач дает понять, что повод для беспокойства есть, но ситуация не критическая. Формулировка «объясню, почему» (и др. фразы подобного содержания) является ключевой для пациент-центрированного подхода, поскольку врач не просто призывает к спокойствию, но аргументирует свою позицию. Введение СК-3 в диалог может осуществляться с помощью вопросно-ответных единств. Предугадывая возможные негативные эмоциональные реакции пациента, врач вербализует их в виде вопроса *«Нашли опухолевые клетки. Страшно это?»* и сразу отвечает на сформулированный вопрос в виде аргументированного отрицания наличия опасности для жизни: *Нет, не страшно. Рассказываю по порядку, почему не страшно.* Аргументация может заключаться, например, в представлении процессов, которые наблюдают морфологи при оценке вредности рака: *Обнаружили рак не на уровне клеток. На уровне биохимических реакций в этих клетках. То есть они ещё даже не являются как таковыми раковыми.*

Отличительной чертой СК-3 является возможность его интеграции с другими СК. Чаще всего он сочетается с объявлением и объяснением диагноза, что демонстрирует следующий фрагмент:

Диалог 1

- 1 Врач: причём первонаЧально,
- 2 это звучит очень СТРАШно;
- 3 нашли РАковые клетки.
- 4 я сразу хочу вас успоКОить;
- 5 чтобы не было в никаких пережиВАний. (-)
- 6 почеМУ? (.)
- 7 потому что рак раку РОЗНЬ. (-)
- 8 и: моя задача как врача вам собственно объясНИТЬ,
- 9 в чём разница эта состоИТ. (-)
- 10 когда мы говорим о раке просТАты, (.)

- 11 *он бывает РАЗный по своей степени агрессии; (--)*
12 *она оценивается в специальных баллах ГЛИсона;*
13 *это неСЛОЖно. (-)*
14 *он бывает от шести до десяти; (-)*
15 *шесть это ДОБрый рак, (-)*
16 *десять ЗЛОЙ. (.)*
17 *у вас ШЕСТЬ. (.)*
18 *самая наЧАЛЬная стадия.*

Отрывок транскрипта (диалог 1) отражает фрагмент консультации, следующий за актуализацией истории болезни и объявлением диагноза. В примере представлен фрагмент объяснения диагноза. Непосредственное объяснение осуществляется в строках 10—19 (здесь и далее в скобках указаны цифры, соответствующие номерам реплик из диалога). При объяснении врач затрагивает параметр агрессивности рака (10—11) и рассказывает о шкале Глисона (12—16). Высказывание «*это неСЛОЖно*» имплицитно легкость восприятия информации и является предпосылкой к уточнению параметров шкалы. Цифровые показатели (14, 17) указывают на объективность оценки и апеллируют к рациональному, в то время как противопоставление в виде олицетворения «*ДОБрый — ЗЛОЙ*» (15—16) передает информацию на уровне чувственного восприятия. Высказывание «*у вас ШЕСТЬ*» (17) и последующий комментарий (18) создают логическую цепочку: *Глисон шесть — добрый рак — начальная стадия — не страшно*.

Объяснение специфики заболевания (10—19) врач предваряет речевыми структурами, оказывающими успокаивающее действие (1—7). Прежде всего он вербализирует потенциальный страх пациента, связанный с неопределенностью ситуации, и демонстрирует понимание напряженного эмоционального состояния пациента. С этой целью используются следующие языковые элементы: а) наречие *СТРАШно*, предметно-логическое значение которого усиливается с помощью наречия *очень* (2); б) неопределенно-личное предложение *нашли РАковые клетки* (3); в) наименование *РАковые клетки*, содержащее в структуре значения негативный коннотативный элемент (3). Введение наречия *первонаЧАльно* имплицитно вторую стадию восприятия информации (= некое *потом*), когда эта же информация может быть воспринята менее негативно (это подтверждается в 17-й строке, где врач называет цифровой параметр *ШЕСТЬ*). Затем врач декларирует желание успокоить пациента (модальный глагол *хочу* + инфинитив *успоКОить*) и обосновывает это желание (5). Вопросно-ответная форма представления информации (6—7) отражает готовность врача принять перспективу пациента. Врач задает вопрос *почЕМУ?* (6) и сам дает на него ответ, моделируя ситуацию, в которой пациент мог бы задать по-

добный вопрос. Ответ включает конструкцию *рак раку РОЗНЬ* (7), образованную по аналогии с существующей фразеологической серией — рядом пословиц со словом «рознь», указывающих на различие предметов одного и того же рода и имеющих синтаксическую структуру *X [сущ. в именит. пад.] + X [сущ. в дат. пад.] + рознь*. Фразеологическая конструкция со значением антитезы содержит эмоционально-оценочный компонент, так как позволяет противопоставить разные степени вредоносности раковых клеток. Использование структуры пословиц, выражающих народную мудрость, усиливает персуазивный эффект высказывания. В строках 8—9 врач декларирует свои профессиональные функции, которые на данном этапе заключаются в объяснении разницы раковых опухолей.

3.5. Рекомендация ТАН

СК «Рекомендация ТАН» встречается в 22 диалогах из 25 и используется на разных этапах консультации. Данный СК довольно компактен — его средняя продолжительность воспроизведения составляет 5 трскр. строк. Основное содержание СК заключается в эксплицитной или имплицитной рекомендации врача придерживаться ТАН (по крайней мере, на протяжении определенного периода времени). При эксплицитной рекомендации ТАН врачи используют глаголы *предлагать* или *рекомендовать*: *Я вам предлагаю / рекомендую тактику активного наблюдения*. Термин *тактика активного наблюдения* употребляется не всегда. Чаще врач замещает термин описанием основного принципа этого подхода: *Я вам предложу сейчас основную тактику: ничего с этим не делать*; *Если ПСА 6—7, даже 8, то мы этим пациентам рекомендуем операцию не выполнять, а просто наблюдать*.

Имплицитность рекомендации ТАН заключается в указании 1) на передовой характер методики: *Вот эта тактика активного наблюдения, она сейчас вышла на первый план*, 2) на ее оптимальность для пациента: *Тактика вот такого активного наблюдения — это то, что вам наиболее на сегодняшний день оптимально*.

Наряду с осторожной, сдержанной формой рекомендации встречаются рекомендации в патерналистском стиле. В подобных случаях врач не останавливается на распространенности ТАН в России / в мире, не информирует пациента об альтернативных методиках лечения рака, а сразу переходит к изложению стратегии дальнейших действий: *Мы становимся на наблюдение. Наблюдаемся, смотрим. Если мы видим, что процесс как-то прогрессирует, обсуждаем лечение. Не прогрессирует — ничего не делаем*. Врач практически делает выбор в пользу ТАН без учета мнения пациента. Настойчивость рекомендации выражается: 1) в употреблении местоимения *мы*, имплицитующего совместность действия, а соответственно, и со-

гласие пациента с предлагаемой тактикой; 2) в использовании формы настоящего времени, имплицитующей констатацию факта — переход к ТАН в ближайшем будущем.

3.6. Представление возможных методик лечения рака низкого онкологического риска (за исключением ТАН)

В 21 диалоге, помимо ТАН, представлены другие возможные терапевтические методики. СК «Представление возможных методик лечения рака низкого онкологического риска» охватывает в среднем 22 трскр. строки и занимает по продолжительности воспроизведения 2-е место после СК «Снятие напряжения».

Развернутое описание терапевтических подходов к лечению рака про-статы может свидетельствовать о намерении врача предоставить пациенту полную информацию о методах лечения и придерживаться совместного принятия решения во время выбора терапии. Выявлены две основные стратегии представления информации. Первая — перечислить положительные характеристики ТАН с акцентированием внимания на ее безвредности и только в случае выявления сомнения у пациента назвать альтернативы: *Если заболевание начинает прогрессировать, тогда можно предпринимать лечение*. Упоминание о возможности лечения помогает снять напряжение, поскольку появляется перспектива применения инвазивных методик в случае ухудшения анализов или возникновения психологического дискомфорта. Вторая стратегия — перечислить все имеющиеся подходы и описать их плюсы и минусы. Воспроизведение СК-5 начинается с предложений типа: *Первый вариант — наблюдать и ничего не делать, второй вариант — это лечиться. Давайте мы с вами определимся, какие методы лечения существуют* (далее следует подробная характеристика вариантов).

Таким образом, анализ текстов диалогов показал, что вербализация пациент-центрированного подхода осуществляется за счет комплексного использования СК (в рамках одного диалога врач воспроизводит в среднем около 7 СК). Поскольку тщательный мониторинг развития опухоли является предпочтительной методикой для пациентов с раком низкого онкологического риска, задача врача — продемонстрировать как можно больше преимуществ ТАН по сравнению с лечением. По меньшей мере в 13-ти диалогах для реализации пациент-центрированного подхода используются также СК «Информирование о подходах лечения рака низкого онкологического риска в России и за рубежом», «Определение зоны ответственности пациента», «Актуализация истории болезни», «Демонстрация готовности оказания поддержки со стороны медицинского персонала» и «Описание побочных эффектов лечения», на воспроизведение которых приходится от 5 до 15 трскр. строк.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволило сделать ряд наблюдений относительно практики ведения консультативной беседы с пациентами, имеющими диагноз «рак предстательной железы низкого онкологического риска». Исследуемые беседы представляют собой особый вид коммуникативного взаимодействия в системе «врач — пациент», сложность которого обусловлена необходимостью обсуждения вопросов, связанных с продолжительностью и качеством жизни больного. Пациент-центрированный подход предполагает вовлечение пациента в процесс принятия решения относительно выбора терапии, что становится для врача одной из основных задач. Она реализуется путем особого структурирования беседы, направленной на донесение до пациента максимально понятной и доступной информации о заболевании и ТАН как о наиболее оптимальном терапевтическом решении.

В ходе анализа эмпирического материала было выявлено 10 СК консультативных бесед, реализующих пациент-центрированный подход. Наиболее распространёнными из них являются «Объявление и объяснение диагноза», «Презентация ТАН», «Снятие напряжения», «Рекомендация ТАН», «Представление возможных методик лечения рака простаты низкого онкологического риска». Данные СК охватывают широкий спектр информации, необходимой для принятия совместного решения относительно выбора оптимальной терапевтической методики.

Для всех проанализированных диалогов характерно комплексное использование СК — то есть включение в беседу целого ряда СК в определенной логической последовательности. На один диалог в среднем приходится около 7 СК. Само по себе наличие того или иного СК в диалоге, на наш взгляд, не гарантирует его «эффективности», то есть не ведет к принятию решения относительно выбора ТАН, поскольку мотивом к окончательному принятию решения в пользу ТАН в одинаковой степени могут быть страх перед проявлением побочных эффектов, высокая стоимость лечения, авторитетное мнение врача или членов семьи. Решающую роль играют индивидуальные психологические особенности пациента и его социальный статус, которые не могут быть оценены в рамках настоящего исследования. Продолжительность воспроизведения реплик также не гарантирует быстрого согласия пациента на ТАН, а лишь показывает, насколько подробно врач раскрывает содержание того или иного вопроса. Таким образом, только комплексное использование СК может повысить частотность выбора ТАН пациентами, поскольку практически все выявленные СК в той или иной мере содержат сведения о ТАН или информацию, которая может быть полезна при сравнении методик лечения рака простаты.

Благодаря вербализации как можно большего количества СК, отражающих принципы ТАН, пациент получает достаточно сведений для осознанного принятия решения относительно метода терапии, что обеспечивает основной принцип воплощения пациент-центрированного подхода.

Представленный в статье анализ является одним из этапов комплексного исследования средств вербализации пациент-центрированного подхода на материале русскоязычного корпуса. Дальнейшие перспективы видятся в проведении сопоставительного анализа на материале различных языков.

Литература

1. *Акаева Э. В.* Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Э. В. Акаева. — Омск, 2007. — 149 с.
2. *Активное наблюдение* при раке простаты : кому, когда и как / М. С. Тараткин, Е. А. Лаухтина, К. И. Адельман, Ю. Г. Аляев, Л. М. Рапопорт, Т. М. Алексеева, Д. В. Еникеев, П. В. Глыбочко // *Сеченовский вестник*. — 2019. — № 10 (3). — С. 37—44. — DOI: 10.26442/22187332.2019.3.37-44.
3. *Барсукова М. И.* Медицинский дискурс : стратегии и тактики речевого поведения врача : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. И. Барсукова. — Саратов, 2007. — 141 с.
4. *Бейлинсон Л. С.* Характеристики медико-педагогического дискурса : На материале логопедических рекомендаций : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Л. С. Бейлинсон. — Волгоград, 2001. — 187 с.
5. *Жура В. В.* Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / В. В. Жура. — Волгоград, 2008. — 408 с.
6. *Нефёдов С. Т.* Контекст в лингвистическом анализе : прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива / С. Т. Нефёдов, В. Е. Чернявская // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. — 2020. — № 63. — С. 83—95. — DOI: 10.17223/19986645/63/5.
7. *Пальцев М. А.* 4П-медицина как новая модель здравоохранения в Российской Федерации / М. А. Пальцев, Н. Н. Белушкина, Е. А. Чабан // *ОРГЗДРАВ : новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ*. — 2015. — № 2. — С. 48—54.
8. *Сирота Н. А.* Роль эффективных коммуникаций врача и пациента как фактор успешного психологического преодоления болезни / Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, Д. В. Московченко // *Ремедиум*. — 2014. — № 10. — С. 6—8.
9. *Федоровская В. О.* Вербализация информирующей коммуникативной стратегии в консультативной беседе с онкологическими пациентами / В. О. Федоровская, Т. А. Осипенко // *Научный диалог*. — 2020. — № 10. — С. 194—211. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-194-211.
10. *Bührig K.* Arzt-Patienten-Kommunikation im Krankenhaus — konstitutive Handlungseinheiten, institutionelle Handlungslinien / K. Bührig, L. Durlanik, B. Meyer // *Arbeiten zur Mehrsprachigkeit 2*. — Hamburg : Univ. Hamburg, 2000. — S. 1—32.
11. *Coussios G.* Sprechen mit Krebspatienten: Ein gesprächsanalytisch fundiertes Trainingshandbuch für die medizinische Aus- und Weiterbildung / G. Coussios, W. Imo, L. Korte. — Göttingen : Verlag für Gesprächsforschung, 2019. — 296 S.

12. *Denness C.* What are consultation models for? / C. Denness // *InnovAiT : Education and inspiration for general practice.* — 2013. — № 6 (9). — Pp. 592—599. — DOI: 10.1177/1755738013475436.
13. *Gülich E.* Interaktive Formulierung von Angsterlebnissen im Arzt-Patient-Gespräch / E. Gülich, K. Lindemann, M. Schöndienst // *Wissen in (Inter-)Aktion : Verfahren der Wissensgenerierung in unterschiedlichen Praxisfeldern. Linguistik — Impulse & Tendenzen*, 39. — Berlin : De Gruyter, 2010. — S. 135—160.
14. *Hood L.* A doctor's vision of the future of medicine [Electronic resource] / L. Hood // *Newsweek.* — 2009. — Access mode : <https://www.newsweek.com/doctors-vision-future-medicine-80793> (accessed 21.05.2022).
15. *Imo W.* Nutzung authentischer Arzt-Patienten-Kommunikation im Kommunikations-training für Medizinstudierende im fachbezogenen DaF-Unterricht / W. Imo, V. Fedorovskaya, M. Sekacheva // *Fachsprache Journal of Professional and Scientific Communication.* — 2020. — № 42 (1—2). — S. 46—65. — DOI: 10.24989/fs.v42i1-2.1796.
16. *Imo W.* Sprachliche Akkomodation in onkologischen Therapieplanungsgesprächen / W. Imo // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik.* — 2019. — №71. — S. 269—298. — DOI: 10.1515/zfal-2019-2016.
17. *Imo W.* Trösten: eine sprachliche Praktik in der Medizin / W. Imo // *Muttersprache.* — 2017. — № 3 (17). — S. 197—225.
18. *Kurz S. M.* Teaching and learning communication skills in medicine / S. M. Kurz, J. D. Silvermann, J. Draper. — Boca Raton : CRC Press, 2004. — 389 p.
19. *Lalouschek J.* Ärztliche Gesprächsausbildung. Eine diskursanalytische Studie zu Formen des ärztlichen Gesprächs / J. Lalouschek. — Mannheim : Verlag für Gesprächsforschung, 2002. — 222 S.
20. *Long term cancer-specific anxiety in men undergoing active surveillance for prostate cancer : findings from a large prospective cohort* / K. Marzouk, M. Assel, B. Ehdaie, A. Vickers // *Journal of Urology.* — 2018. — № 200 (6). — Pp. 1250—1255. — DOI: 10.1016/j.juro.2018.06.013.
21. *Maynard D. W.* Conversation analysis, doctor—patient interaction and medical communication / D. W. Maynard, J. Heritage // *Medical Education.* — 2005. — № 39. — Pp. 428—435. — DOI: 10.1111/j.1365-2929.2005.02111.x.
22. *Nowak P.* Medizinische Kommunikation — Arzt und Patient im Gespräch / P. Nowak, Th. Spranz-Fogasy // *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache* 34. Hrsg. — München : Iudicium, 2008. — S. 80—96.
23. *Osipenko T.* Trostarbeit während der Therapieplanungsgespräche mit Brustkrebspatientinnen / T. Osipenko // *Германистика в современном научном пространстве : материалы VII Межд. научно-практической конференции.* — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021. — С. 193—201. — ISBN 978-5-8209-1896-4.
24. *Park Y.* The use of reversed polarity repetitional questions during history taking / Y. Park // *Journal of Pragmatics.* — 2011. — № 43. — Pp. 1929—1945. — DOI: 10.1016/j.pragma.2011.01.004.
25. *Patientenorientierung in der Onkologie. Konzepte und Perspektiven im Nationalen Krebsplan* / J. Weis, M. Härter, H. Schulte, D. Klemperer // *Der Onkologe.* — 2011. — № 11. — Pp. 1115—1136. — DOI: 10.1007/s00761-011-214.
26. *Petzold H.* Trost / Trostarbeit und Trauer / Trauerarbeit — Konzepte, Modelle, Kontexte — Materialien aus der Integrativen Therapie / H. Petzold // *Materialien aus der Europäischen Akademie für psychosoziale Gesundheit. Eine Internetzeitschrift für "Integrative Therapie".* — 2007. — 9 S.

27. Spranz-Fogasy Th. Kommunikatives Handeln in ärztlichen Gesprächen — Gesprächseröffnung und Beschwerdenexploration / Th. Spranz-Fogasy // Psychosomatische Gesprächsführung in der Frauenheilkunde. Ein interdisziplinärer Ansatz zur verbalen Interaktion. — Stuttgart : Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 2005. — S. 17—47.

28. Willich S. N. Dialogforum Pluralismus in der Medizin. Individualmedizin — Utopie oder Chance? / S. N. Willich // Deutsches Ärzteblatt. — 2009. — № 106 (10). — Pp. 450—452.

References

- Active observation in prostate cancer: to whom, when and how. (2019). *Sechenovsky Bulletin*, 10 (3): 37—44. DOI: 10.26442/22187332.2019.3.37-44. (In Russ.).
- Akaeva, E. V. (2007). *Communicative strategies of professional medical discourse*. PhD Diss. Omsk. 149 p. (In Russ.).
- Barsukova, M. I. (2007). *Medical discourse: strategies and tactics of speech behavior of a doctor*. PhD Diss. Saratov. 141 p. (In Russ.).
- Beilinson, L. S. (2001). *Characteristics of medical and pedagogical discourse: Based on the material of speech therapy recommendations*. PhD Diss. Volgograd. 187 p. (In Russ.).
- Bührig, K., Durlanik, L., Meyer, B. (2000). Arzt-Patienten-Kommunikation im Krankenhaus — konstitutive Handlungseinheiten, institutionelle Handlungslinien. In: *Arbeiten zur Mehrsprachigkeit 2*. Hamburg: Univ. Hamburg. 1—32. (In Germ.).
- Coussios, G. (2019). *Sprechen mit Krebspatienten: Ein gesprächsanalytisch fundiertes Trainingshandbuch für die medizinische Aus- und Weiterbildung*. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung. 296 S. (In Germ.).
- Denness, C. (2013). What are consultation models for? *InnovAiT: Education and inspiration for general practice*, 6 (9): 592—599. DOI: 10.1177/1755738013475436. (In Germ.).
- Fedorovskaya, V. O., Osipenko, T. A. (2020). Verbalization of an Informing Communication Strategy in Consulting Cancer Patients. *Nauchnyi dialog*, 1 (10): 194—211. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-10-194-211>. (In Russ.).
- Fingers, M. A., Belushkina, N. N., Chaban, E. A. (2015). 4P-medicine as a new model of healthcare in the Russian Federation. *ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of the VSHOUZ*, 2: 48—54. (In Russ.).
- Gulich, E., Lindemann, K., Schöndienst, M. (2010). Interaktive Formulierung von Angsterlebnissen im Arzt-Patient-Gespräch. In: *Wissen in (Inter-)Aktion: Verfahren der Wissensgenerierung in unterschiedlichen Praxisfeldern. Linguistik — Impulse & Tendenzen*, 39. Berlin: De Gruyter. 135—160. (In Germ.).
- Hood, L. (2009). *A doctor's vision of the future of medicine*. Available at: <https://www.newsweek.com/doctors-vision-future-medicine-80793> (accessed 21.05.2022). (In Germ.).
- Imo, W. (2017). Trösten: eine sprachliche Praktik in der Medizin. *Muttersprache*, 3 (17): 197—225. (In Germ.).
- Imo, W. (2019). Sprachliche Akkomodation in onkologischen Therapieplanungsgesprächen. *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*, 71: 269—298. DOI: 10.1515/zfal-2019-2016. (In Germ.).
- Imo, W., Fedorovskaya, M., Sekacheva, M. (2020). Nutzung authentischer Arzt-Patienten-Kommunikation im Kommunikationstraining für Medizinstudierende im fachbezogenen DaF-Unterricht. *Fachsprache Journal of Professional and Scientific Communication*, 42 (1—2): 46—65. DOI: 10.24989/fs.v42i1-2.1796. (In Germ.).

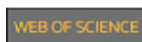
- Kurz, S. M., Silvermann, J. D., Draper, J. (2004). *Teaching and learning communication skills in medicine*. Boca Raton: CRC Press. 389 p. (In Germ.).
- Lalouschek, J. (2002). Ärztliche Gesprächs-ausbildung. Eine diskursanalytische Studie zu Formen des ärztlichen Gesprächs. Mannheim: Verlag für Gesprächsforschung. 222 S. (In Germ.).
- Long term cancer-specific anxiety in men undergoing active surveillance for prostate cancer: findings from a large prospective cohort. (2018). *Journal of Urology*, 200 (6): 1250—1255. DOI: 10.1016/j.juro.2018.06.013.
- Maynard, D. W., Heritage, J. (2005). Conversation analysis, doctor—patient interaction and medical communication. *Medical Education*, 39: 428—435. DOI: 10.1111/j.1365-2929.2005.02111.x. (In Germ.).
- Nefedov, S. T., Chernyavskaya, V. S. (2020). Context in linguistic analysis: pragmatic and discursive-analytical perspective. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 63: 83—95. DOI: 10.17223/19986645/63/5. (In Russ.).
- Nowak, P., Spranz-Fogasy, Th. (2008). Medizinische Kommunikation — Arzt und Patient im Gespräch. In: *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache 34. Hrsg.* München: Iudicium. 80—96. (In Germ.).
- Osipenko, T. (2021). Trostarbeit während der Therapieplanungsgespräche mit Brustkrebspatientinnen. In: *Germanistics in the modern scientific space: materials of the VII International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: Kuban State University. 193—201. ISBN 978-5-8209-1896-4. (In Germ.).
- Park, Y. (2011). The use of reversed polarity repetitional questions during history taking. *Journal of Pragmatics*, 43: 1929—1945. DOI: 10.1016/j.pragma.2011.01.004. (In Germ.).
- Patientenorientierung in der Onkologie. Konzepte und Perspektiven im Nationalen Krebsplan. (2011). *Der Onkologe*, 11: 1115—1136. DOI: 10.1007/s00761-011-214. (In Germ.).
- Petzold, H. (2007). Trost / Trostarbeit und Trauer / Trauerarbeit — Konzepte, Modelle, Kontexte — Materialien aus der Integrativen Therapie. In: *Materialien aus der Europäischen Akademie für psychosoziale Gesundheit. Eine Internetzeitschrift für "Integrative Therapie"*. 9 S. (In Germ.).
- Sirota, N. A., Yaltonsky, V. M., Moskovchenko, D. V. (2014). The role of effective communication between a doctor and a patient as a factor of successful psychological overcoming of the disease. *Remedium*, 10: 6—8. (In Russ.).
- Spranz-Fogasy, Th. (2005). Kommunikatives Handeln in ärztlichen Gesprächen — Gesprächseröffnung und Beschwerdenexploration. In: *Psychosomatische Gesprächsführung in der Frauenheilkunde. Ein interdisziplinärer Ansatz zur verbalen Interaktion*. Stuttgart: Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft. 17—47. (In Germ.).
- Willich, S. N. (2009). Dialogforum Pluralismus in der Medizin. Individualmedizin — Utopie oder Chance? *Deutsches Ärzteblatt*, 106 (10): 450—452. (In Germ.).
- Zhura, V. V. (2008). *Discursive competence of a doctor in oral medical communication*. PhD Diss. Volgograd. 408 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.06.2022,
одобрена после рецензирования 31.08.2022,
подготовлена к публикации 21.09.2022.

Тюрин П. М. Текстовая скрепа *кроме того* : к лексикографическому портрету служебного слова / П. М. Тюрин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 118—135. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-118-135.

Tyurin, P. M. (2022). Textual Bond “Krome Togo” [Moreover]: Lexicographic Portrait of Functional Word. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 118-135. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-118-135. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-118-135

**Текстовая скрепа
кроме того :
к лексикографическому
портрету служебного слова**

Тюрин Павел Михайлович
orcid.org/0000-0001-5000-9757
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и литературы
tyurin.pm@dvfu.ru

Дальневосточный
федеральный университет
(Владивосток, Россия)

**Textual Bond
“Krome Togo” [Moreover]:
Lexicographic Portrait
of Functional Word**

Pavel M. Tyurin
orcid.org/0000-0001-5000-9757
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and Literature
tyurin.pm@dvfu.ru

Far Eastern Federal University
(Vladivostok, Russia)

© Тюрин П. М., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросу функционирования фразеологизированного сочетания *кроме того*. Проанализированы данные различных словарей, в которых представлено описание этого оборота. Установлено, что данная единица характеризуется многофункциональностью, однако её употребление в качестве текстовой скрепы пока не было объектом отдельных исследований и чётко не отражено в словарях. В данной статье проведено описание текстовой скрепы *кроме того* с точки зрения структурно-семантических особенностей, системных связей и функциональные возможности. В каждом из этих параметров выделяется несколько подпараметров. В параметре «структурно-семантические особенности» анализируются морфологическая структура и семантика скрепы. В рамках параметра «системные связи» рассмотрены омонимия, единицы, близкие по функции и семантике, взаимодействие с другими служебными словами. В рамках параметра «функциональные возможности» описаны типы употреблений (типов контекстов), которые формирует данная скрепа, сфера её действия, местоположение в высказывании и стилистическая маркированность. Результаты проведённого анализа в дальнейшем должны стать основой для составления словарной статьи текстовой скрепы *кроме того* в «Словаре служебных слов русского языка».

Ключевые слова:

служебные слова; фразеологизированное сочетание; текст; текстовая скрепа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the functioning of the phraseologized combination, moreover, in the text. The data of various dictionaries, which provide a description of this construction, are analyzed. It has been established that this unit is characterized by multifunctionality, however, its use as a text bond has not yet been the object of separate studies and is not clearly reflected in dictionaries. In this article, a description of the text bond moreover is carried out, from the point of view of structural and semantic features, system connections and functionality, in each of these parameters several sub-parameters are distinguished. The morphological structure and semantics of the bond are analyzed in the “structural-semantic features” parameter. Homonymy, units that are close in function and semantics, interaction with other functional words within the framework of the “systemic connections” parameter are considered. The types of usages (types of contexts) that this bond forms, its scope, location in the utterance and stylistic marking within the “functionality” parameter are described. The results of the analysis carried out in the future should become the basis for compiling a dictionary entry of a textual bond, moreover, in the Dictionary of Functional Words of the Russian Language.

Key words:

official words; phraseological combination; text; textual bond.

Текстовая скрепа *кроме того*: к лексикографическому портрету служебного слова

© Тюрин П. М., 2022

1. Введение = Introduction

Изучение различных языковых единиц, выполняющих служебные функции, является одним из актуальных направлений современной лингвистики, что связано с целым рядом факторов. Среди них в первую очередь стоит назвать достаточно большое количество таких единиц и постоянное расширение их круга, их полифункциональность, отнесённость к разным уровням языковой системы и богатый прагматический потенциал. Кроме того, актуальной на сегодняшний день задачей является лексикографическое портретирование служебных слов, так как имеющиеся описания большинства таких слов отражают лишь отдельные аспекты их функционирования.

Служебные слова, в том числе текстовые скрепы, уже неоднократно становились объектом лингвистических исследований в работах представителей дальневосточной синтаксической школы (А. Ф. Прияткина [Прияткина, 2007], Е. А. Стародумова [Словарь служебных слов русского языка, 2001; Служебные слова в лексикографическом аспекте, 2017; Лексикографические портреты служебных слов, 2022], Е. С. Шереметьева [Словарь служебных слов русского языка, 2001; Служебные слова в лексикографическом аспекте, 2017; Лексикографические портреты служебных слов, 2022] и др.), трудах Н. А. Аксариной и Л. В. Басовой [Аксарина и др., 2022], О. Н. Селиверстовой [Селиверстова, 2009], М. В. Раевской [Раевская, 2014] и др., однако огромное количество подобных единиц всё ещё не получило полного разноаспектного описания. Особенно остро данная проблема стоит в отношении единиц, которые на современном этапе существования языка только находятся на пути грамматикализации и характеризуются сложной структурой и грамматической природой, многофункциональностью и возможностью встраиваться в разнообразные синтаксические конструкции. Фразеологизированное сочетание (данный термин мы используем вслед за Н. Ю. Пилюгиной [Пилюгина, 2017]) *кроме того* относится к числу именно таких единиц и на сегодняшний день, как показал анализ научных работ и данных современных словарей, в полной мере не описано.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые проводится детальный анализ особенностей функционирования оборота

кроме того как текстовой скрепы в современных художественных текстах, текстах СМИ, блогов, Интернет-комментариев, информационно-справочных и иных ресурсов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили примеры употребления фразеологизированного сочетания *кроме того*, извлечённые методом сплошной выборки из текстов различных СМИ, блогов, информационно-справочных и информационно-развлекательных Интернет-ресурсов, художественных текстов и Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). В данном исследовании особое внимание уделено употреблению *кроме того* в качестве текстовой скрепы, однако анализируемая единица может использоваться и на уровне высказывания, что должно стать объектом отдельного исследования. Для осмысления особенностей семантики и функционирования текстовой скрепы *кроме того* применяются следующие методы исследования: традиционный описательный метод, включающий приёмы наблюдения, обобщения и систематизации языковых явлений, и методика контекстного анализа.

Целью работы стало выявление особенностей функционирования фразеологизированного сочетания *кроме того* в текстах различных функциональных стилей и жанров, что должно послужить основой для последующего всестороннего лексикографического описания данного оборота. В ходе исследования были проанализированы научные работы в области текстовой связности и средств её выражения, описания служебных слов русского языка, а также словарные статьи фразеологизированного сочетания *кроме того* в словарях различных типов. Основное внимание уделено функционированию *кроме того* в качестве текстовой скрепы.

Работа по так называемому портретированию служебных слов русского языка достаточно активно ведётся в современной русистике, и одним из наиболее значимых результатов этой работы стало издание в 2001 году «Словаря служебных слов русского языка» [Словарь служебных слов русского языка, 2001]. Кроме того, были изданы коллективные монографии «Служебные слова в лексикографическом аспекте» [Служебные слова в лексикографическом аспекте, 2017] и «Лексикографические портреты служебных слов» [Лексикографические портреты служебных слов, 2022]. Новым результатом этой работы должно стать издание второго выпуска «Словаря служебных слов русского языка», в который войдут статьи, посвящённые союзам, частицам, словам-гибридам и текстовым скрепам — особым единицам, эксплицирующим определённые отношения между частями текста, высказываниями [Прияткина, 2007, с. 335], для

чего А. Ф. Прияткиной и Е. А. Стародумовой были разработаны основные принципы составления словарных статей данных единиц [Прияткина и др., 2015, с. 134—140]. Эти принципы легли в основу описания текстовой скрепы *кроме того* в данной работе, в частности, данная единица анализируется с точки зрения семантики, омонимии, стилистической маркированности, местоположения в высказывании, взаимодействия с другими служебными словами и ряда других параметров.

Среди текстовых скреп (термин *текстовая скрепа* мы используем вслед за А. Ф. Прияткиной как наиболее удачный, однако в работах других авторов ему может соответствовать, например, термин *скрепа-фраза* [Филимонов, 2003, с. 44—45]), получивших достаточно полное разноаспектное описание, можно назвать *так* [Шишмарёва, 1997], *в результате* и *в итоге* [Шнырик, 2009], *итак, таким образом* [Тюрин, 2016], *теперь о ...* [Ван Цяоши и др., 2020, с. 129—134], *и последнее* [Ван Цяоши, 2019, с. 494—497], *впрочем* [Гускина, 2021, с. 84—92], ряд скреп (*в целом, в общем, в основном* и др.), словарные статьи которых представлены в «Словаре служебных слов русского языка» в разделе «Слова-гибриды» [Словарь служебных слов, 2009, с. 287—355], и некоторые другие.

Однако круг единиц, способных эксплицировать текстовые связи, очень широк. К числу таких единиц М. Ляпон относит сочинительные союзы, вводно-модальные слова, некоторые частицы [Ляпон, 1986]. М. А. Леоненко включает в этот список некоторые предлоги [Леоненко, 1979], а А. Ф. Прияткина — ещё и определённые глагольные временные формы [Прияткина, 2007, с. 335]. Многие из этих единиц ещё не получили всестороннего лингвистического описания. В число таковых входит и большое количество типичных текстовых скреп. Рассматриваемая в данной статье скрепа *кроме того* ранее описывалась в некоторых словарях и в статье Н. В. Коневой и Е. А. Стародумовой [Конева, Стародумова, 2021, с. 78—91]. В указанной работе описаны контекстные модификации данной текстовой скрепы и с опорой на другие исследования выделено её инвариантное значение [Там же]. Однако в статье в полной мере не был дан ответ на вопрос о том, чем объясняется появление этих контекстных модификаций — только взаимодействием с другими служебными словами, лексическим наполнением высказываний или семантикой скрепы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Описание оборота *кроме того* в словарях

Важным этапом «портретирования» служебных слов является представление данных различных словарей, так как многие такие единицы (и текстовые скрепы в том числе) ранее получали определённое описание,

однако оно обычно не является полным и отражает лишь отдельные характеристики и аспекты функционирования.

Фразеологизированный оборот *кроме того* представлен в нескольких справочниках и словарях различных типов. Чаще всего это словари и справочники по пунктуации. На портале «Грамота.ру» характеризуется пунктуационное оформление этого оборота. Так, в материалах данного портала говорится о необходимости разграничения вводного сочетания *кроме того / этого* и сочетания предлога *кроме* и местоимения *того* с соответствующим пунктуационным оформлением.

КРОМЕ ТОГО / ЭТОГО, вводное сочетание.

*Из таких вагонных разговоров выяснилось, что кассир Притульев и торговый ученик Вася Брыкин — земляки, оба — вятские и, **кроме того**, уроженцы мест, которые поезд должен был миновать по прошествии некоторого времени. Б. Пастернак, Доктор Живаго. Таким образом, к смертной казни, которая должна совершиться сегодня, приговорены трое разбойников: Дисмас, Гестас, Вар-равван и, **кроме того**, этот Иешуа Га-Ноцри. М. Булгаков, Мастер и Маргарита. **Кроме того**, крайне полезно спать даже зимой с приотворенным окном, не распахнутым, а слегка приотворенным, чтобы был доступ свежему воздуху. Б. Окуджава, Путешествие дилетантов. **Кроме того**, вторая строчка не годилась — она была не проста, в ней больше было беллетристической, чем песенной характеристики. А. Твардовский, Как был написан «Василий Теркин».*

! Не смешивать с сочетанием предлога и местоимения.

*Ответа не было, **кроме того** общего ответа, который дает жизнь на все самые сложные и неразрешимые вопросы. Л. Толстой, Анна Каренина [Кроме того. Грамота.ру].*

Обращает на себя внимание то, что в данном описании обороты *кроме того* и *кроме этого* фактически отождествляются, а среди иллюстраций есть один случай употребления *кроме того* на уровне высказывания (Таким образом, к смертной казни, которая должна совершиться сегодня, приговорены трое разбойников: Дисмас, Гестас, Вар-равван и, **кроме того**, этот Иешуа Га-Ноцри), хотя все остальные иллюстрации отражают текстовое функционирование данной единицы.

В «Учебном фразеологическом словаре русского языка» представлены синонимы — *также* и *вдобавок*, в качестве иллюстраций при этом приведены контексты, в которых *кроме того* используется в качестве текстовой скрепы.

КРОМЕ ТОГО. Также, вдобавок.

неизм.

обычно вводн.

В нашей стране самолёты перевозят миллионы людей. **Кроме того**, Аэрофлот доставляет различные грузы в самые далёкие районы страны. □ Основу библиотеки составили книги, доставшиеся Менишкову в качестве трофеев Северной войны или полученные в подарок. **Кроме того**, в доме была собрана громадная библиотека, которая имела служебное назначение (Н. Калязина). □ Человеку мало понимать, что значит то или другое слово. Человек, **кроме того**, желает знать, почему оно значит именно это, а не что-нибудь другое. Ему вынь да положь — как получило каждое слово своё значение, откуда оно взялось (Л. Успенский) [Быстрова и др., 1984, с. 122].

В словаре Р. П. Рогожниковой предпринимается попытка установления функции оборота *кроме того*, однако здесь не разграничивается употребление данного оборота в высказывании и в тексте.

КРОМЕ ТОГО, в роли вводного слова. Употр. для выделения дополнительного сообщения. [Он] внушал мне почтение своего авторитетностью и независимым тоном, с каким отзывался о стариках. **Кроме того**, он часто сообщал мне много нового, о чём я раньше и не думал. Короленко, В дурном обществе. Справа и слева мелькали сосны, и слева, **кроме того**, за соснами плыло, как под самолётом, белесое пространство. Дудинцев, Белые одежды. ■ с союзами **и**, **а**, да образует союзное единство. Песцом здесь легче рыть норы, **а кроме того**, этих хищников привлекает ещё обилие грызунов и птиц. С. Успенский, Живущие во льдах. — Надо к нему зайти, провести учителя. Да **кроме того**, он ещё и проректор. Дудинцев, Белые одежды [Рогожникова, 2003, с. 200].

Наиболее полное описание представлено в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка». Ввиду большого объёма словарной статьи приведём только ключевые утверждения, касающиеся оборота *кроме того*.

(1) Оборот представлен в составе синонимического ряда, в который также входят *к тому же*, *сверх того*, *вдобавок*, *в придачу*.

(2) Лексические единицы со значением добавления различаются по следующим признакам: цель говорящего, оценка значимости Р и Q (компонентов формируемого ряда), коммуникативные функции Р и Q, синтаксические свойства лексем.

(3) Значение: *кроме того*, как и синонимы, выражает идею добавления, при этом у данной единицы значение наиболее общее по сравнению с другими членами синонимического ряда. В контексте Р и Q могут быть любыми, но иногда оцениваются говорящим как нечто значительное. Общее значение позволяет *кроме того* употребляться в оценочных высказываниях.

(4) Смысловая специфика *кроме того* заключается в том, что оно предполагает независимость Р и Q, разнося их по разным рубрикам, следовательно, данную единицу нельзя использовать в контекстах, где Q — частный случай Р.

(5) Синтаксические свойства (одинаковы для всего синонимического ряда) заключаются в том, что данные единицы либо употребляются во вводных конструкциях, либо способны к такому употреблению. Обладает свойствами сентенциальных наречий, следовательно, может включать в свою область действия целые пропозиции. Помимо этого, все синонимы могут обнаруживать свойства частиц и в этом качестве относиться к любой части речи.

(6) В безоценочных контекстах сближается (как и синонимы) по функции с метатекстовыми словами (*во-первых* и др.) и может употребляться с ними для структурирования [Новый объяснительный словарь, 2004, с. 496—500].

Несмотря на детальность описания *кроме того* в данном словаре, ряд характеристик учтён не был. В частности, нет чёткого разграничения употреблений рассматриваемой единицы на уровне текста и в рамках одного высказывания, не описаны стилистическая маркированность, возможность функционирования в формате скрепы-фразы, сфера действия (объём контекста). Кроме того, уточнения требует семантика данного оборота.

Учитывая сказанное выше, описание *кроме того* как текстовой скрепы целесообразно, на наш взгляд, провести по ряду параметров, предложенных для текстовых скреп А. Ф. Прияткиной и Е. А. Стародумовой в рамках разработки «Словаря служебных слов русского языка» [Прияткина и др., 2015]. Это морфологическая структура, значение (толкование), омонимия, единицы, близкие по функции и семантике, взаимодействие с другими служебными словами, взаимодействие с другими скрепами, функционально-семантические варианты, типы употреблений, сфера действия, функционирование в качестве скрепы-фразы, местоположение, стилистическая маркированность.

3.2. Структурно-семантические особенности текстовой скрепы *кроме того*

Рассматриваемая текстовая скрепа имеет двухэлементную морфологическую структуру: состоит из предлога и указательного местоимения, с контактным расположением элементов. Дистантное расположение элементов для данной скрепы невозможно, как и включение в структуру дополнительных элементов.

Значение (толкование) базируется на трансформировавшемся исходном значении составляющих компонентов.

В словаре С. И. Ожегова даётся следующее толкование данного слова: «КРОМЕ кого-чего, предлог с род. п. 1. За исключением, не считая кого-чего-нибудь. *К. соседа, ни с кем не знаком.* 2. В добавление к кому-чему-нибудь. *К. яблонь, много ягодных кустов»* (кроме) [Толковый словарь русского языка, 2006, с. 308]. Можно сделать вывод о том, что в состав скрепы включается компонент *кроме* во втором значении, так как данная скрепа во всех обнаруженных нами контекстах имеет общее значение добавления какой-либо информации.

Компонент *того* является формой родительного падежа от местоимения (местоимённого прилагательного) *тот*. В словаре С. И. Ожегова оно имеет следующее толкование: 1. мест. указат. Указывает на что-нибудь удалённое в пространстве или во времени, а также на уже упоминавшееся в речи и уже известное. 2. мест. указат. В главном предложении указывает на предмет, обозначенный союзным словом в начале придаточного. 3. мест. указат. Со словами «самый», «именно», «же» и без них: такой, который нужен, соответствует потребностям, ожиданиям, такой же, не какой-нибудь другой. 4. мест. указат. В соединении с частицей «же» употр. в знач. такой, о к-ром идёт или шла сейчас речь (разг.). 5. мест. указат. При перечислении противопоставляется словам «иной», «другой», «этот», а при повторении употр. в знач. один, другой и т. д. При наличии противоположения со словом «это» указывает на что-н. более отдалённое, а без такого противоположения употр. В знач. это. 7. то, того, ср. употр. В составе сочетаний, ставших союзами: вместо того чтобы; вслед за тем как; до того как; к тому же; с тем чтобы; до того что; и без того; вместе с тем; перед тем как; после того как. 8. то, того, ср. употр. В составе сочетаний, ставших вводными: больше (более) того; кроме того; мало того; и то сказать. 9. то, того, ср. употр. в составе сочетаний, по значению равных наречиям или частицам: тем лучше; не в том или не в этом дело (нет, не так); ни с того ни с сего (неожиданно и некстати; разг.); ни то ни сё (нечто неопределённое; разг. неодобр.); того и гляди или того и жди (о чём-нибудь обычно неприятном, что может случиться в любой момент; разг.); и того хуже, ещё того хуже (совсем плохо); и того лучше, ещё того лучше (совсем хорошо; часто ирон.) (тот) [Толковый словарь русского языка, 2006, с. 805].

В состав текстовой скрепы компонент *того* вошёл в застывшей грамматической форме родительного падежа, сохранив часть первого значения — «указывает на уже упоминавшееся в речи и уже известное». К этому значению присоединяется значение первого компонента. С учётом этого значение данной текстовой скрепы можно определить следующим образом: «в дополнение к тому, о чём говорилось раньше». Однако это значение выявляется только в контексте, что в целом характерно для текстовых скреп.

3.3. Системные связи текстовой скрепы *кроме того*

Системные связи текстовой скрепы *кроме того* формируются за счёт омонимии, существования единиц, близких по функции и семантике, взаимодействия с другими служебными словами.

Текстовая скрепа *кроме того* имеет омонимы. Так, различаются омонимичные употребления с частью союза *кроме того, что* и с сочетанием предлога *кроме* с местоимением *того*.

Употребление с частью союза *кроме того, что*:

— *Это была часть плана?*

— *Изначально планировали, что и во второй день выиграет Давиде Виллелла, но сложилось, так как сложилось. Это отличный результат. В общем-то не было никакого другого плана **кроме того**, что мы хотели выиграть (Давиде Виллелла — победитель «Тур Алматы 2018» // olympic.kz) [AA].*

Сочетание предлога *кроме* с местоимением *того*:

*Дополнительных бумаг собирать не придется, **кроме того** случая, когда для снижения процентной ставки или получения дополнительных гарантий заемщик захочет воспользоваться Программой поддержки малого предпринимательства, действующей в регионе, и ему придется участвовать, например, в каком-нибудь конкурсе (М. Попов. За тридевять нулей // Бизнес-журнал, 2004) [НКРЯ].*

Единицами, близкими по функции и семантике, являются к тому же, тем более, *сверх того*, *вдобавок*, *в придачу*.

Взаимодействие с другими служебными словами возможно. В НКРЯ обнаруживаются случаи употребления *кроме того* в сочетании с текстовыми союзами *и*, *а* и *но*. Сочетание с первыми двумя союзами может дополняться частицей *ну*.

*В одной из лабораторий Института океанологии имени П. П. Ширшова РАН разработан оригинальный, так называемый эмульсионный метод очистки танкера от остатков нефти. Он практически полностью исключает опасность попадания нефти из танкера в окружающую воду. **Ну и кроме того**, конструкция современных танкеров серьезно отличается от того, что было вчера. Сегодня суда для перевозки нефти строятся с двойным дном, чтобы в случае получения пробоины полностью исключить печальный вариант развития истории, как в случае с танкером «Престиж» (А. М. Городницкий. Тайны и мифы науки. В поисках истины, 2014) [Там же].*

*Всё это слишком, так сказать, грубая конструкция. Я вам уже объяснял, что существует более сложная система, которая при этом органична. **И кроме того**, эти массовые мероприятия... Философ. Вот как? Органична ... (Ordinamenti // Экран и сцена, 2004) [Там же].*

Электродные исследования задолго до появления ПЭТ показали, что это действительно так. Помнится, какой фурор произвели в начале 90-х первые ПЭТ-картинки, позволявшие увидеть активные участки коры и подкорковых структур в момент выполнения психологических заданий и решения различных задач. Но, надо признаться, картинки были довольно расплывчаты и с ними мирились по принципу «на безрыбье...» **А кроме того**, с помощью ПЭТ нельзя было смотреть детей, поскольку изотопы и довольно долгое исследование! ЯМР со второго захода Во глубине «Белл-лаборатории» в Нью-Джерси долгие годы работал Сейджи Огава, который в конце концов натолкнулся на малозаметное поначалу, но воспроизводимое различие в ЯМР-спектрах богатых и бедных кислородом потоков крови (И. Лалаянц. Детектор лжи на молекулярном уровне? Завтра, завтра ... послезавтра! // Знание — сила, 2003) [Там же].

Подозреваю, что не он стремился знакомиться с корифеями — они знакомились с ним. Все они воспринимали мир чуть сдвинуто, иначе, чем обычные люди. Он был из их породы. **Но, кроме того**, он умел об этом рассказать сочно, страстно. То, над чем он бился, разумеется, было najważнейшим, решающим во всей науке. Известный немецкий физик Роберт Ромпе вспоминая, какой сенсацией были лекции Зубра тогда, в Германии тридцатых годов. — ... Бэтсон меня особенно не интересовал (Д. Гранин. Зубр, 1987) [Там же].

Обнаруживается взаимодействие с текстовой скрепой *во-первых ...*, *во-вторых*. В сочетании с ними *кроме того* способно присоединять последний компонент смыслового блока текста. Подобные случаи достаточно многочисленны. При этом в НКРЯ зафиксирован 1 случай непосредственного сочетания *во-вторых* и *кроме того*:

Во-первых, при смерти от обморока, при выдыхательном положении клетки увеличение легких от такой степени слабый признак, что Миттелервейг не поместил его в число признаков смерти от утопления. Во-вторых, кроме того, я обращаю внимание на следующую странность в словах экспертов (Судебные речи известных русских юристов) [Там же].

Вопрос о том, стоит ли считать такое употребление нормативным, пока остаётся открытым.

3.4. Функциональные возможности текстовой скрепы **кроме того**

Как показал анализ употреблений, семантика текстовой скрепы *кроме того* не подвергается серьёзным трансформациям в различных контекстах, что, возможно, связано с сильной семантикой компонентов, ставших семантической базой. В этой связи говорить о дифференциации функционально-семантических вариантов и наличии инварианта, на наш взгляд, не приходится, а описанные в статье Н. В. Коневой и Е. А. Стародумовой

контекстные модификации [Конева и др., 2021, с. 78—91] в полной мере данной скрепе не присущи. Это, скорее, разные контексты, которые различаются в большей степени за счёт взаимодействия *кроме того* с другими служебными словами (союзами и частицами) и лексического наполнения высказываний. Эти же факторы маркируют как более или менее важную информацию, содержащуюся в правом контексте скрепы, сама же скрепа *кроме того* обычно маркирует эту информацию как не менее важную, чем та, которая содержится в левом контексте.

Тем не менее можно выделить несколько типов употреблений (типов контекстов), которые формирует данная скрепа. С формальной точки зрения они различаются объёмом и характером абзачного членения. При этом формируемые текстовой скрепой *кроме того* конструкции можно соотнести с конструкцией «ряд» в простом предложении, то есть можно условно говорить о некотором текстовом ряде, который формируется с помощью данной текстовой скрепы.

(1) *Кроме того* присоединяет последний член текстового ряда. Например: *Он подчеркнула, что среди обращений граждан только 4,5 % не относятся к компетенции ведомства, 11 % содержат предложения в области обороны, а 76 % требуют различных разъяснений. **Кроме того**, 9 % обращений составляют жалобы.*

Также Белоусова отметила, что россияне также больше стали интересоваться военным образованием, как высшим, так и довузовским (Множество россиянок интересуются службой в армии... // Медиаплатформа МирТесен) [AA].

В данном случае скрепа употребляется внутри абзаца, и с её помощью вводятся последние из представленных в данном абзаце статистические данные. Далее начинается развёртываться новый смысловой блок.

Такую же структуру можно видеть и в тех случаях, когда *кроме того* начинает абзац, но подобные примеры встречаются значительно реже:

По меньшей мере восемь человек пострадали в японской префектуре Осака во время землетрясения.

Об этом информирует Kyodo со ссылкой на местные власти.

***Кроме того**, отмечается, что землетрясение в Японии вызвало перебои в работе транспорта (По меньшей мере ... // РТ на русском, 2018) [Там же].*

Здесь стоит отметить, что в подобных случаях скрепа *кроме того* присоединяет второй член условного ряда к первому, а не последний к нескольким предшествующим, как это наблюдается в случаях, когда скрепа функционирует внутри абзаца. Такие контекстные различия чётко соотнесены с употреблением *кроме того* в начале и в середине абзаца.

(2) *Кроме того* присоединяет не последний член текстового ряда. Вторая контекстная модификация текстовой скрепы *кроме того* предполагает введение в текст не последнего, а очередного компонента условного ряда, то есть данным компонентом смысловой блок не заканчивается. Наиболее ярко это проявляется в тех случаях, когда следующий за вводимым *кроме того* компонент текстового ряда вводится ещё одной текстовой скрепой:

Прежде всего, по их мнению, конфликта интересов не удаётся порой избежать в маленьких городах, где чиновники и их родственники могут оказаться коллегами, трудясь в одной и той же сфере. Кроме того, анти-коррупционные требования могут оказаться нарушены «в связи с болезнью госслужащего». Наконец, как отметили в ведомстве, далеко не всегда бывшие члены семей чиновников, их экс-мужья и жёны соглашаются предоставлять государству данные о доходах и расходах их общих детей (В. Фоменко. Непреодолимая сила коррупции // ekb.tsargrad.tv, 2019) [AA].

Как видно из приведённого примера, в данном фрагменте формируется текстовый ряд, в котором перечисляются ситуации, из-за которых не удаётся избежать конфликта интересов. При этом второй компонент ряда вводится скрепой *кроме того*, а третий — скрепой *наконец*.

Такая же схема может реализоваться и в случаях, когда *кроме того* начинается абзац:

... Об этом президент Украины сказал на форуме в Киеве.

«Конечно, нам нужен мир с Россией. Холодный, но всё же мир. Люди устали от войны», — заявил Пётр Порошенко.

Кроме того, он сказал, что Киев продолжит добиваться урегулирования в Донбассе политико-дипломатическим путём. Однако, по словам президента Украины, гарантировать мир может только боеспособная армия (govoritmoskva.ru) [AA].

Здесь последний компонент ряда присоединяется текстовым союзом *однако*, а межфразовые связи поддерживаются повтором слова *мир*.

Сфера действия текстовой скрепы *кроме того* может составлять как два высказывания, так и несколько абзацев (см. примеры выше). Однако анализ употреблений показывает, что контекстом скрепы *кроме того* не может быть весь текст, то есть сфера действия ограничена определённым смысловым блоком.

С точки зрения местоположения *кроме того* может употребляться как в абсолютном начале предложения, так и со смещением внутрь высказывания. Ср.: *В рабочих материалах группы зафиксирован его тезис о необходимости интеграции в языки программирования средств взаимодействия с операционной средой; по сути, Лавровым была предложена концепция современных API. Кроме того, желание найти альтернативу бесперспек-*

тивному, по мнению Лаврова, Алголу-68, привело к разработке языка АБВ (Орбита Лаврова Computerworld Россия // Издательство «Открытые системы», 2004) [НКРЯ].

*Отличие профессиональных орудий труда от любительских не только в том, что первые сложнее. Они, **кроме того**, обязаны быть на порядок крепче, выдерживая и повышенные нагрузки, и испытания временем* (Мужское хозяйство: Набор для умелых рук // Автопилот, 2002) [Там же].

При этом для *кроме того* не зафиксировано ни одного употребления в качестве скрепы-фразы.

При описании стилистической маркированности текстовой скрепы *кроме того* необходимо отметить, что чаще всего она используется в текстах СМИ. В научных и художественных текстах эта единица встречается значительно реже.

4. Заключение = Conclusions

Текстовая скрепа *кроме того* является одним из типичных представителей класса служебных слов, эксплицирующих текстовые связи, однако пока она не становилась объектом отдельных исследований и не имеет исчерпывающего описания в словарях. Описание фразеологизированного оборота *кроме того* представлено в нескольких словарях, но его текстовое функционирование практически не нашло отражения в них.

В рамках данной работы анализ текстовой скрепы *кроме того* проводился по ряду параметров, предложенных учёными дальневосточной синтаксической школы в качестве основных при составлении словарных статей текстовых скреп. Среди данных параметров представлены морфологическая структура, значение (толкование), омонимия, единицы, близкие по функции и семантике, взаимодействие с другими служебными словами, включая другие текстовые скрепы, функционально-семантические варианты, типы употреблений, сфера действия, функционирование в качестве скрепы-фразы, местоположение в высказывании и стилистическая маркированность.

Контекст данной скрепы может составлять как два высказывания, так и несколько абзацев, то есть её сфера действия может быть достаточно широкой, но она всегда ограничивается определённым смысловым блоком текста. Двухэлементная морфологическая структура скрепы определяет её значение, которое базируется на трансформировавшемся исходном значении составляющих компонентов. Это значение на самом общем уровне можно определить как «добавление какой-либо информации». Причём в контексте это значение не подвергается существенным трансформациям.

Контексты скрепы *кроме того* имеют формальные и содержательные различия. С формальной точки зрения это может быть разный объём левого и правого контекста, употребление скрепы в начале или внутри абзаца. На содержательном уровне текстовая скрепа *кроме того* формирует конструкцию, подобную конструкции ряда в простом предложении. При этом *кроме того* может вводить завершающий и незавершающий член данного ряда. Для данной скрепы характерно взаимодействие с текстовыми союзами *и*, *а*, *но* и с текстовыми скрепами *во-первых...*, *во-вторых*.

Наиболее частотна текстовая скрепа *кроме того* в СМИ. Употребления в научных и художественных текстах встречаются значительно реже.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.
2. Быстрова Е. А. Учебный фразеологический словарь русского языка : Пособие для учащихся национальных школ / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. — Ленинград : Просвещение, 1984. — 271 с.
3. *Кроме того* [Электронный ресурс] // Грамота.ру. — Режим доступа : http://new.gramota.ru/spravka/punctum?id=58_372&layout=item (дата обращения 10.08.2022).
4. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.06.2022).
5. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Второе издание, исправленное и дополненное / Авторы словарных статей : В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон ; под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. — Москва ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. — 1488 с. — ISBN 5-94457-159-4.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., дополненное. — Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с. — ISBN 978-5-9900358-6-7.
7. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову : Ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. / Р. П. Рогожникова. — Москва : Астрель ; АСТ, 2003. — 416 с.
8. *Словарь служебных слов русского языка* / отв. ред. А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова. — Владивосток : Издательство ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001. — 363 с. — ISBN 5-900274-50-0.

Литература

1. Аксарина Н. А. Семантическая мотивация отыменных релятивов как проблема современной служебной лексикографии / Н. А. Аксарина, Л. В. Басова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-9-25.
2. Ван Цяоши. Текстовая скрепа «теперь о...» : лексические модификации и специфика функционирования / Цяоши Ван, Е. С. Шереметьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 7. — С. 129—134. — DOI: 10.30853/finluki.2020.7.23.

3. Ван Цяюши. Функции текстовой скрепы «и последнее» / Цяюши Ван // Мир науки, культуры и образования. — 2019. — № 6 (79). — С. 494—497. — DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10211.

4. Гускина Е. Н. Служебное слово «впрочем» : контекстные модификации и синтаксические свойства : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Н. Гускина. — Владивосток, 2021. — 159 с.

5. Конева Н. В. Текстовая скрепа *кроме того* : контекстные модификации / Н. В. Конева, Е. А. Стародумова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 78—91. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-78-91.

6. Лексикографические портреты служебных слов : монография / Е. А. Стародумова, Е. С. Шереметьева, В. Н. Завьялов, Е. Н. Гускина ; отв. ред. : Е. А. Стародумова, Е. С. Шереметьева, В. Н. Завьялов. — Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. — 322 с. — ISBN 978-5-7444-5325-1.

7. Леоненко М. А. Сопоставительные предлоги и их роль в синтаксисе текста / М. А. Леоненко // Синтаксис текста. Под ред. Г. А. Золотовой. — Москва : Наука, 1979. — С. 197—203.

8. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. — Москва : Наука, 1986. — 200 с.

9. Пилюгина Н. Ю. Текстовые функции фразеологизированных сочетаний (на примере сочетания «в любом случае») / Н. Ю. Пилюгина // *Literra*. — 2017. — № 3. — С. 38—46. — DOI: 10.25136/2409-8698.2017.3.23572.

10. Прияткина А. Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2007. — С. 334—344.

11. Прияткина А. Ф. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 2. — С. 134—141.

12. Раевская М. В. Теоретические проблемы изучения предлогов в отечественной лингвистике / М. В. Раевская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2014. — № 2. — С. 21—24.

13. Селиверстова О. Н. Имеет ли предлог только грамматическое значение? / О. Н. Селиверстова // Вопросы филологии. — 1999. — № 3. — С. 26—33.

14. Тюрин П. М. Текстовые скрепы *таким образом* и *итак* в современном русском языке : особенности функционирования и семантики : монография / П. М. Тюрин. — Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2016. — 202 с. — ISBN 978-5-7444-3792-3.

15. Филимонов О. И. Скрепа-фраза как средство выражения синтаксических связей между предикативными единицами в тексте / О. И. Филимонов. — Ставрополь : Издательство Ставропольского университета, 2003. — 191 с.

16. Шишмарёва Л. Г. Межфразовая функция скрепы «так» / Л. Г. Шишмарёва // Дни славянской письменности и культуры. — Владивосток : Материалы и тезисы докл. научно-практической конференции, 1997. — С. 77—78.

17. Шнырик Е. А. Роль служебных лексикализованных словоформ в организации текста (на примере слов-гибридов «в результате», «в итоге») / Е. А. Шнырик. — Владивосток : ДВГУ, 2009. — 185 с.

Material resources

- A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. The second edition, corrected and supplemented.* (2004). Moscow; Vienna: Languages of Slavic culture: Vienna Slavistic Almanac. 1488 p. ISBN 5-94457-159-4. (In Russ.).
- Archive of the author.* (In Russ.).
- Bystrova, E. A., Okuneva, A. P., Shansky, N. M. (1984). *Educational phraseological dictionary of the Russian language: A manual for students of the National Academy of Sciences. Schools.* Leningrad: Prosveshchenie. 271 p. (In Russ.).
- Dictionary of official words of the Russian language.* (2001). Vladivostok: Publishing house of SUE “Primpoligrafkombinat”. 363 p. ISBN 5-900274-50-0. (In Russ.).
- In addition.* <url>. Available at: http://new.gramota.ru/spravka/punctum?id=58_372&layout=item (accessed 10.08.2022). (In Russ.).
- National Corpus of the Russian language.* Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 20.06.2022). (In Russ.).
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. (2006). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., supplemented.* Moscow: A TEMP LLC. 944 p. ISBN 978-5-9900358-6-7. (In Russ.).
- Rogozhnikova, R. P. (2003). *Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word: Approx. 1500 stable combinations of Russian.* Moscow: Astrel; AST. 416 p. (In Russ.).

References

- Aksarina, N. A., Basova, L. V. (2022). Semantic Motivation of Nominative Relatives as a Problem of Modern Lexicograph. *Nauchnyi dialog*, 11 (5): 9—25. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-9-25/>.
- Filimonov, O. I. (2003). *A staple phrase as a means of expressing syntactic connections between predicative units in the text.* Stavropol: Stavropol University Press. 191 p. (In Russ.).
- Guskina, E. N. (2021). *The service word “however”: contextual modifications and syntactic properties.* PhD Diss. Vladivostok. 159 p. (In Russ.).
- Koneva, N. V., Starodumova, E. A. (2021). Textual Bond ‘krome togo’ [moreover]: Contextual Modifications. *Nauchnyi dialog*, 6: 78—91. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-78-91. (In Russ.).
- Leonenko, M. A. (1979). Comparative prepositions and their role in text syntax. In: *Text syntax.* Moscow: Nauka. 197—203. (In Russ.).
- Lexicographic portraits of service words: monograph.* (2022). Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University. 322 p. ISBN 978-5-7444-5325-1. (In Russ.).
- Lyapon, M. V. (1986). *Semantic structure of a complex sentence and text. On the typology of intra-textual relations.* Moscow: Nauka. 200 p. (In Russ.).
- Paladkina, A. F. (2007). Textual “staples” and “staples-phrases” (on the expansion of the category of service units of the Russian language). In: *Russian syntax in grammatical aspect (syntactic connections and constructions). Selected works.* Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University. 334—344. (In Russ.).
- Paladkina, A. F., Starodumova, E. A. (2015). Text clips in the “Dictionary of service words”. *Siberian Philological Journal*, 2: 134—141. (In Russ.).
- Pilyugina, N. Y. (2017). Text functions of phraseologized combinations (on the example of the combination “in any case”). *Litera*, 3: 38—46. DOI: 10.25136/2409-8698.2017.3.23572. (In Russ.).

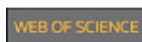
- Raevskaya, M. V. (2014). Theoretical problems of studying prepositions in Russian linguistics. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2: 21—24. (In Russ.).
- Seliverstova, O. N. (1999). Does the preposition have only grammatical meaning? *Questions of philology*, 3: 26—33. (In Russ.).
- Shishmareva, L. G. (1997). The inter-phrasal function of the “so” staple. In: *Days of Slavic Writing and Culture*. Vladivostok: Materials and abstracts of the dokl. scientific and practical conference. 77—78. (In Russ.).
- Shnyrik, E. A. (2009). *The role of official lexicalized word forms in the organization of the text (on the example of hybrid words “as a result”, “as a result”)*. Vladivostok: DVSU. 185 p. (In Russ.).
- Tyurin, P. M. (2016). *Text clips in this way and so in the modern Russian language: features of functioning and semantics: monograph*. Vladivostok: Far Eastern Federal University. 202 p. ISBN 978-5-7444-3792-3. (In Russ.).
- Wang, Qiaoshi. (2019). Functions of the text clip “and the last”. *The world of science, culture and education*, 6 (79): 494—497. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10211. (In Russ.).
- Wang, Qiaoshi., Sheremetyeva, E. S. (2020). The textual staple “now about...”: lexical modifications and specifics of functioning. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 7: 129—134. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.23. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.08.2022,
одобрена после рецензирования 21.09.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.

Чжан Яньцю. Лексика страха в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор» и ее китайском переводе Цзян Сяомо / Чжан Яньцю, Чжан Личэн // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 136—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-136-150.

Zhang Yanqiu, Zhang Licheng (2022). Vocabulary of Fear in N. V. Gogol's Play "The Inspector" and Its Chinese Translation by Jiang Xiaomo. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 136-150. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-136-150. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-136-150

**Лексика страха
в пьесе Н. В. Гоголя
«Ревизор»
и ее китайском переводе
Цзян Сяомо**

Чжан Яньцю¹

orcid.org/0000-0002-1674-7868
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
кафедра русского языка
yanqiu.zhang@mail.ru

Чжан Личэн²

orcid.org/0000-0002-6357-6416
кандидат филологических наук, доцент,
Институт иностранных языков
licheng.zhang@mail.ru

¹ Пекинский педагогический
университет
(Пекин, КНР)

² Юго-восточный университет
(Нанкин, КНР)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных исследований
для центральных университетов

**Vocabulary of Fear
in N. V. Gogol's Play
"The Inspector"
and Its Chinese Translation
by Jiang Xiaomo**

Zhang Yanqiu

orcid.org/0000-0002-1674-7868
PhD in Philology, senior lecturer,
Department of Russian Language
yanqiu.zhang@mail.ru

Zhang Licheng

orcid.org/0000-0002-6357-6416
PhD in Philology, associate professor,
Institute of Foreign Languages
licheng.zhang@mail.ru

¹ Beijing Normal University
(Beijing, China)

² Southeast University
(Nanjing, China)

Acknowledgments:

The study was supported
by The Fundamental Research Funds for
the Central Universities

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о языковой репрезентации эмоций в тексте художественного произведения на примере эмоции страха в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор». Актуальность исследования обусловлена сложностями восприятия, которые возникают у иностранных читателей при понимании фрагментов текста, в которых показаны эмоции героев, неравнозначно воспринимаемые в различных лингвокультурах. Отмечается, что самый известный в Китае переводчик Гоголя Цзян Сяомо использует три варианта перевода: эквивалентный, частично эквивалентный и неэквивалентный. Подчеркивается, что обращение к неэквивалентному переводу обусловлено разницей восприятия эмоции страха русскими и китайцами и, следовательно, необходимостью адаптированного для китайского читателя варианта перевода. Анализируются лексические средства передачи эмоции страха и ее описания в пьесе «Ревизор» как разные пути репрезентации эмоций. Показано, что лексическими средствами выражения эмоции страха в пьесе являются междометия, а описание испытываемого героями страха создается за счет существительных, глаголов в речи самих персонажей и глаголов и деепричастий в авторских ремарках. Авторы приходят к выводу на основе сопоставления пьесы «Ревизор» и повестей Гоголя, что лексические средства выражения эмоции страха представлены только в пьесе, поскольку в рамках жанра создается стилизация живой речи.

Ключевые слова:

эмоция; страх; лексические средства; китайская лингвокультура; Ревизор.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of language representation of emotions in the text of literary work is considered by the example of the emotion of fear in N. V. Gogol's play "The Inspector". The relevance of the research is determined by complexity of perception, which foreign readers have during understanding of text pieces that show variously apprehensible in different linguocultures emotions of characters. The most well-known translator of Gogol in China Jiang Xiaomo is noted to use three kinds of translation: equivalent, partially equivalent and non-equivalent. The appeal to non-equivalent translation is emphasized to be contingent on the difference in perception of the emotion of fear by Russians and Chinese and, consequently, the need for a translation adapted for the Chinese reader. The lexical means of conveying the emotion of fear and its description in the play "The Inspector" are analyzed as different ways of representing emotions. The lexical means of conveying the emotion of fear in the play are shown to be interjections, and the description of fear experienced by the characters is created by nouns and verbs in the characters' speech or verbs and participles in the author's remarks. Based on comparison of the play "The Inspector" and Gogol's stories the authors conclude that the lexical means of conveying the emotion of fear are presented only in the play, since a stylization of live speech is created within the genre.

Key words:

emotion; fear; lexical means; Chinese linguoculture; Inspector.

Лексика страха в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор» и ее китайском переводе Цзян Сяомо

© Чжан Яньцю, Чжан Личэн, 2022

1. Введение = Introduction

Проблемы актуализации эмоционального фактора в языке и речи активно обсуждаются лингвистами в разных аспектах, поскольку, как отмечает В. И. Шаховский, «в человеке все движимо эмоциями, которые составляют мотивационную основу его деятельности и, следовательно, не могут не отражаться в его языке» [Шаховский, 1987, с. 7]. В данной статье мы обратились к тексту известной пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор», которая считается вершиной его драматургии не только по глубине идейного содержания, но и по совершенству художественного мастерства. Обсуждая язык данной пьесы, И. А. Гончаров пишет: «Каждая фраза Гоголя так же типична и так же заключает в себе свою особую комедию, независимо от общей фабулы, как и каждый грибоедовский стих» [Гончаров, 1955, с. 39].

В настоящей статье анализируется употребление лексических средств передачи эмоции страха в пьесе «Ревизор». Выбор предмета исследования определяется тем, что «страх — эмоция, переполняющая комедию, которая при этом всё равно остается “смешнее чорта”, в первую очередь благодаря языку» [Манн, 1966, с. 39—40]. Кроме того, собранный нами материал показывает, что среди лексических средств передачи всех типов эмоций наибольшую часть составляют единицы, значения которых передают эмоцию страха (табл. 1).

Надо отметить, что во всех языках функционируют определенные средства передачи эмоций, которые отражают представления носителей данного языка об особенностях, о способах выражения и проявления эмоционального отношения людей. Проявление эмоций свойственно всем людям, при этом возможна национальная специфика их восприятия, что актуализируется в языке. В связи с этим при изучении иностранного языка у обучающихся могут возникать трудности в декодировании смыслов, заложенных автором художественного произведения. Поэтому необходимо исследовать культурный фон употребления эмотивных слов с позиций лингвокультурологии, что позволит нам понять и объяснить их значение в том или ином контексте. Действительно, в иноязычной аудитории, в том числе и в китайской, часто встречается ошибочное использование лексем тематической группы «Эмоции». У китайских студентов неизбежно воз-

Таблица 1

Частотность лексических средств передачи
различных эмоций в пьесе «Ревизор»

Тип эмоции	Конкретное проявление	Кол-во лексических единиц с соответствующим значением	Общее кол-во лексических единиц со значением эмоции
Положительные эмоции	радость	15	24
	любовь	7	
	любопытство	2	
Отрицательные эмоции	страх	34	73
	неприязнь	22	
	злость	9	
	стыд / смущение (в исследуемом произведении)	5	
	грусть (в исследуемом произведении)	3	
Амбивалентные эмоции (в зависимости от ситуации)	удивление	14	14

никают трудности в понимании эмоционального состояния героев художественного текста, им трудно определить, чем отличаются значения лексем при их соотнесении с одной и той же эмоцией. Кроме того, в практике сочинения писем у китайских студентов и даже китайских преподавателей русского языка не хватает запаса эмотивных слов для выражения или описания эмоционального состояния. Настоящая работа призвана внести вклад в изучение лексики эмоций в русском языке в аспекте переводоведения. Целью авторов данной статьи стало исследование лексических единиц, значения которых связаны с проявлением эмоции страха героями комедии «Ревизор», и их сопоставление с соответствующими лексическими средствами в китайском языке, которые выбраны одним из переводчиков пьесы Цзян Сяомо.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как отмечалось выше, разные культуры имеют свой фонд языковых средств для передачи эмоций, что соответствует своеобразию языковой картины мира данного социума: «Практически любой даже самый про-

зрачный жест имеет национальную окраску, не говоря уже о жестах сугубо национальных, вовсе не понятных представителям других народов или понимаемых ими неправильно» [Акишина, 1991, с. 3].

В российской лингвистике существует обширный фонд исследований, посвященных средствам выражения эмоций в конкретных текстах, в том числе на материале разных языков [Брылина и др., 2020; Зотова, 2017; Ковшова, 2020; Михайлова, 2010; Семендяева, 2021; Сеничева, 2013; Шилаев, 2012 и др.]. Большая часть работ основывается на фундаментальных исследованиях В. И. Шаховского и Л. Г. Бабенко [Шаховский, 1987; Бабенко, 1989]. Н. И. Шаховский считает одной из «главных функций литературы — определить, пометить и зафиксировать в художественных текстах эмоции человека как коммуникативную разновидность. Литература — это депозитарий (очаг) и хранилище для обозначения, выражения, описания, имитации, симуляции, эвокации эмоций ...» [Шаховский, 2009, с. 33]. В одной из работ последних лет Л. Г. Бабенко указывает на создание нового направления исследования эмоций в языке — лингвопсихологию, «основными актуальными вопросами разработки которой в настоящее время являются механизмы категоризации и концептуализации эмоций, их отображения и выражения в языке, выявления репертуара языковых, речевых и дискурсивных средств, специализирующихся в выражении знаний об эмоциях, их психологической природе и системной организации ...» [Бабенко, 2020, с. 269].

В нашем исследовании поставлен ряд задач, решение которых позволит авторам дать комплексное описание репрезентации эмоции страха в пьесе «Ревизор»:

- определить лексические средства передачи эмоции страха;
- проанализировать особенности функционирования исследуемых языковых единиц в сопоставлении с лексическими репрезентатами эмоции страха в других произведениях писателя;
- выявить лингвокультурологический потенциал китайских аналогов исследуемых единиц в китайском переводе.

В ходе исследования мы использовали методы семантического и концептуального анализа; грамматического, стилистического и дистрибутивного анализа; сравнительно-сопоставительный метод, а также приёмы направленной и сплошной выборки материала и частотно-статистической характеристики.

Результаты данного исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного, при подготовке учебных пособий по лексикологии и словаря эмотивной лексики, а также в практике перевода.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лексические средства передачи эмоции страха и ее описания в пьесе «Ревизор»

Сопоставление особенностей лексической репрезентации эмоции страха в произведениях Н. В. Гоголя показывает различие в изображении данной эмоции в пьесе и повестях писателя. Ранее мы установили, что в повестях «Майская ночь, или утопленница», «Нос», «Ночь перед Рождеством», «Шинель» «используются только лексические средства описания эмоции страха и не обнаружены случаи, когда страх героев непосредственно выражается в их речи» [Чжан Яньцю, 2019, с. 188]. Сравнительные частотные характеристики лексической репрезентации эмоции страха представим в таблице (табл. 2).

Таблица 2

Способы репрезентации эмоции страха в речи героев
повестей Н. В. Гоголя и пьесы «Ревизор»

Произведе- ния	Повести Н. В. Гоголя		Пьеса «Ревизор» Н. В. Гоголя	
Типы средств	Средства выражения страха в речи героев	Средства описания страха	Средства выражения страха в речи героев	Средства описания страха
Количество	0	28	11	23
Доля	0	100 %	32,4 %	67,6 %

Таким образом, мы видим, что средства изображения испытываемых героями эмоций в разных жанрах могут различаться. Как отмечает Н. В. Зотова, в условиях письменного текста традиционно передающие эмоции междометия оказываются несостоятельными, поэтому описание эмоции становится ведущим средством ее репрезентации: средства передачи интонации и просодии «значительно уступают по продуктивности описательной лексике, стилистическим средствам, а также средствам синтаксического уровня, в которых также содержится большой потенциал для реализации эмотивной функции» [Зотова, 2017, с. 10]. В то же время жанр пьесы дает больше возможностей для стилизации живой разговорной речи, в связи с чем средства выражения страха в речи героев комедии в отличие от речи героев повестей составляют треть от общего числа средств, репрезентирующих эмоцию страха.

К *средствам выражения эмоций* в пьесе «Ревизор» относятся прежде всего междометия. Для маркирования эмоции страха героя часто используется междометие *чи*, выражающее призыв к тишине [БТСРЯ, 2000,

с. 1487]: *Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова. Городничий сказал: Чш! (Поднимается на цыпочках)* [Гоголь]. Городничий так боится Хлестакова, что даже не смеет подать голос и встает на цыпочки. Использование междометия как средства выражения страха встречается и в других сценах. После того как Хлестаков переселился в квартиру городничего, тот не раз произносил «чш». Например, боясь, как бы не разбудили Хлестакова, городничий велит блюсти тишину прислуге: «*Чш! экие косяластые медведи — стучат сапогами!*» — и своей жене: «*Чш!.. что? что? спит?*» [Там же]. Другой пример: он приказывает не впускать купцов с жалобой — и также не забывает добавить это слово «... *слышите? чш... чш...*» [Там же]. С нашей точки зрения, многократное употребление данной лексемы, с одной стороны, демонстрирует степень проявления страха городничего, с другой стороны, отражает угодничество, лживость.

Еще одной лексемой, выражающей эмоцию страха, является в диалогах междометие *батюшки*, используемое чаще в конструкции восклицания для обозначения мгновенного испуга:

Аммос Федорович. *Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.*

Почтмейстер. *Ах, **батюшки!*** [Там же];

Городничий. *И давно он здесь?*

Добчинский. *А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина.*

Городничий. *Две недели! (В сторону.) **Батюшки, сватушки!** Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношение! (Хватается за голову.)* [Там же].

Страх может проявляться «по-разному: в остановке и прекращении движения, подергивании, дрожании губ и всего тела, побледнении заикании, приседании, чувстве холода, крике и др.» [Бабенко, 2021, с. 147]. Из этого ряда частотным средством выражения эмоции страха в речи героев Гоголя является заикание, которое появляется у персонажей в моменты общения с Хлестаковым, чем подчеркивается высокая степень эмоции страха и, как следствие, создается комизм ситуации. Например, когда Хлестаков спросил Лука Лукича о его вкусе в отношении женщин, тот ответил: «...*ваши бла... преос... сият...* (В сторону.) *Продал проклятый язык, продал!* [Гоголь]. Лук Лукич боится Хлестакова до такой степени, что не может даже обратиться к нему. Этот же прием используется для передачи страха городничего, когда Хлестаков заявляет, что государственный совет даже его боится и он во дворец всякий день ездит: *Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?..; А ва-ва-ва... ва...* [Там же]. С нашей точки зрения, данный способ выражения эмоции страха демонстрирует раболепное отношение к стоящему выше на социальной

лестнице человеку, которое напрямую связано со страхом, и усиливает сатирический эффект всей пьесы.

К *средствам описания эмоций* в пьесе Н. В. Гоголя относятся существительные и глаголы, с помощью которых передается физическое состояние героев, испытывающих страх. Этот же прием реализуется и в других произведениях автора. Можно утверждать, что описание является наиболее распространенным способом передачи эмоции страха в произведениях Гоголя.

Прежде всего для описания страха в исследуемой пьесе использует сама лексема *страх*, которая обозначает ‘состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т. п.’ [БТСРЯ, 2000, с. 1277]. Например, когда Хлестаков расписывает свои заслуги, все *«трясутся от страха»*; осознав, что Хлестаков является важной персоной, Бобчинский испугался и *«чуть не умер со страху»*, а после городничий говорит: *«До сих пор не могу очнуться от страха!»*. Причем, судя по словам одного из персонажей, это иррациональное, но устойчивое чувство в отношении к человеку высокого статуса:

Анна Андреевна. *Да вам-то чего бояться? ведь вы не служите.*

Добчинский. *Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх* [Там же].

Можно заметить, что в первых трех примерах лексема *страх* включена в конструкцию глагольного управления: глагол со значением физического состояния (*трястись / умереть / очнуться*) + предлог + *страх*. Этот оборот создает ощущение большой интенсивности и значимости проявления этой эмоции.

Кроме того, эмоция страха описывается с помощью лексемы *испуг* ‘внезапное чувство страха, состояние испугавшегося’ [БТСРЯ, 2000, с. 402]. Значение данной лексемы отличается от значения слова *страх* тем, что подчеркивается мгновенность и неожиданность страха, поскольку это ‘внезапное чувство’. Заметим, что в нашем материале данная лексема включается прежде всего в конструкцию «делать что-то в испуге». Например, когда Хлестаков и городничий первый раз увиделись, Хлестаков считал, что он будет арестован, а городничий думал, что приехал ревизор, поэтому оба они очень боялись: *Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза* [Гоголь]. В другом примере: *Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется* [Там же]. На наш взгляд, испуг, с одной стороны выражает большую интенсивность страха, а с другой — меньшую устойчивость этой эмоции. Данные языковые средства встречаются и в других произведениях Гоголя [Чжан Яньцю, 2019, с. 189].

Для описания внешних проявлений страха у героев пьесы автор использует глаголы и производные от них деепричастия *дрожать (дрожа)*,

бледнеть и *сжеживаться*, с помощью которых читатель может представить состояние героев. Среди данных глаголов наиболее частотной является лексема *дрожать* в значении ‘вздрагивать, содрогаться, трястись (от холода, гнева, волнения, страха и т. п.)’ [БТСРЯ, 2000, с. 285]. При этом данный глагол в большинстве ситуаций функционирует в качестве деепричастия, сопровождающего речь героев и визуализирующего их состояние в дополнение к сказанным словам, тоже выражающим страх. Так, когда Хлестаков кричал, что он не хочет попасть в тюрьму, напуганный городничий, не понимая, о чем говорит Хлестаков, бормотал: «(*дрожа*). По неопытности, ей-Богу по неопытности» [Гоголь]. Аналогичную функцию выполняет деепричастие и в других контекстах, ср. реплику Городничего, услышавшего угрозы Хлестакова: *Городничий (дрожа всем телом): Помилуйте, не погубите!* Еще пример: когда Хлестаков увидел деньги в руках Аммоса Федоровича, тот осознал, что его поведение идет в разрез с законом, и очень испугался: (*дрожа всем телом*): *Никак нет-с. (В сторону.) О Боже, вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня!* В последних двух примерах высокая степень проявления эмоции конкретизируется уточнением «*всем телом*».

Кроме того, для описания проявления эмоции страха Н. В. Гоголь использует глаголы *бледнеть* и *сжеживаться*. Так, в начале пьесы Хлестаков, посчитав, что городничий приехал отправить его в тюрьму, пугается: *Хлестаков бледнеет и сжеживается* [Гоголь], то есть теряет румянец и сжимается всем телом, словно пытаясь стать невидимым. Таким образом, при помощи глаголов в пьесе передаются невербальные реакции героев на объект, вызывающий страх. Создаются образы людей, которые испытывают, можно сказать, гипертрофированные эмоции, заставляющие их выпучивать глаза, трястись всем телом и сжеживаться в ситуациях социального взаимодействия, не связанного с физической угрозой для их жизни. Такой гипертрофированностью проявления эмоции страха при отсутствии реальной опасности создается комизм ситуации.

Столь же высокая степень накала эмоции страха описывается в одной из сцен пьесы фразеологизмом *как на горячих углях* в значении ‘разг. экспрес. в состоянии сильного волнения, крайнего беспокойства, страха’ [Фёдоров, 2008, с. 698]. Когда Аммос Федорович собирался дать взятку Хлестакову и не смел, потому что очень боялся, он в сторону, про себя, сказал: *Господи Боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою* [Там же].

3.2. Культурно-национальные особенности лексических средств передачи эмоции страха в переводе пьесы «Ревизор»

Для того чтобы выявить культурно-национальные особенности лексических средств передачи эмоции страха в данной пьесе, мы обратились

к их китайским аналогам, которые используются в переводе Цзян Сяо-мо — китайского специалиста по переводу произведений Н. В. Гоголя. Отметим, что именно в его переводе Гоголь изучается в китайских школах и университетах. На основе анализа собранных нами материалов обнаружилось, что варианты перевода русских лексических средств передачи страха на китайский язык включают в себя три подгруппы: эквивалентный перевод, частично-эквивалентный перевод и неэквивалентный перевод. Рассмотрим ниже данные подгруппы.

ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ПЕРЕВОД. Случаи, когда перевод полностью совпадает с оригиналом, например: *Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза*» — 两人惊惧地互相对视，瞪着眼睛；*В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху*» — 吓得几乎死过去了。Дословный перевод имеют также контексты: *У дверей вертится ручка; Хлестаков бледнеет и съезживается* — 门栓旋转；赫莱斯大阔夫脸发白，身体缩了拢来；*Городничий входит на цыпочках* — 蹑手蹑脚入场；*Городничий (дрожа). По неопытности, ей-Богу по неопытности.* — (浑身发抖) 全是我的错，没有经验 и т.д. [НКС].

В некоторых случаях встречаются небольшие отклонения от оригинала, тем не менее позволяющие признать перевод эквивалентным. Так, возможно изменение порядка слов, например: *Артемиий Филиппович (Луке Лукичу). Страшно просто!* — 真是可怕 (*просто страшно*). Данное явление связано с особенностями китайского синтаксиса: в китайском языке сохранение порядка слов русского аналога (*страшно просто*) является коммуникативной ошибкой. При этом изменение порядка слов в китайском переводе не меняет ни семантику, ни функцию наречия, поэтому данный контекст мы включили в группу эквивалентного перевода.

Частично эквивалентный перевод. Данная подгруппа включает в себя контексты, значения и функции которых в китайском переводе совпадают с их русскими эквивалентами лишь частично.

В четырёх примерах в китайском переводе прослеживается более высокая степень проявления эмоции *страха*:

(1) *Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит* — 身体忍不住抖索起来 (Лука Лукич не сдержался и начал дрожать). Заметим, что в китайском переводе, в отличие от русского, появляется дополнительный смысл: герой пытался себя контролировать, но «не сдержался», эмоция *страха* оказалась сильнее воли, то есть неконтролируемой.

(2) *Дверь обрывается и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицания* — 大家不由自主地惊叫 (Все невольно вскрикнули). Аналогичный перевод обнаруживается и в другом контексте: *И руки дрожат, и все помутилось* — 手不

由自主地就抖索起来, 一切都乱套了 (И руки невольно начали дрожать, и всё полная неразбериха). В китайском языке фразеологизм 不由自主 обозначает 'невольно' [БФСКЯ, 2013, с. 231], он также передает плохо контролируемое чувство страха и, соответственно, в китайском переводе репрезентирует более интенсивную степень проявления страха.

(3) *Меня так и проняло страхом* — 当时就吓得不行 (в тот момент я напугался до смерти). В китайском варианте переводчик с помощью выражения *до смерти* выражает высшую степень эмоции страха, тогда как в русском тексте показывается физическое состояние героя.

(4) *И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-Богу мороз* — 我的心在沸腾 (У меня сердце кипит [НБРКС, 1998, с. 311]). Заметим, что если в русском варианте для выражения эмоции *страха* автор использует антитезу, когда человека бросает из одного состояния в другое, причем оборот *по жилам огонь / мороз* отражает состояние всего тела, то в китайском варианте характерен акцент на сердце человека, которое испытывает страх.

НЕЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ПЕРЕВОД. В данную подгруппу включено 2 контекста, в которых результатом перевода является практически полная потеря соответствия китайского перевода русскому. Рассмотрим данные контексты.

Господи Боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою —像热锅上的蚂蚁 (словно муравьи, попавшие на горячую сковороду). В русском варианте сравнение обозначает высокую степень неудобства, даже боли, которые может испытывать человек в определенной ситуации. Китайский фразеологизм *热锅上的蚂蚁* имеет значение 'муравьи, попавшие на горячую сковороду' [БФСКЯ, 2013, с. 503] и употребляется обычно с отрицательной коннотацией для характеристики негативных качеств людей. С его помощью переводчик выражает иронию и неодобрительно характеризует поведения героя.

В другом контексте *«Аммос Федорович (потерявшись и роняя на пол ассигнации). Ничего-с» — 惊慌失措, 钞票落地* (перепугавшись до полной / крайней растерянности [БФСКЯ, 2013, с. 308]) китайский фразеологизм *惊慌失措* имеет презрительную окраску, подчеркивает панику и потерю самообладания человека в неожиданных обстоятельствах.

С нашей точки зрения, для выявления причин подобных неэквивалентных переводов, определяющих выбор китайского аналога, следует обратиться к китайским постулатам, которые зафиксированы в древних книгах о ритуалах китайского народа. Например, в одном из китайских древних произведений «Юэянь» написано: «安之若素 — Необходимо мириться с чрезвычайными событиями, как с обычным делом» [Fan Yin, 2006, с. 12]. В «Сборнике сочинений дистации Тан» говорится: «亡家徇国, 方寸不乱 — Человек

должен обладать способностью быть спокойным и невозмутимым в особой чрезвычайной ситуации» [Dong Hao, 1990, с. 334]. Исходя из смысла данных принципов, можно предположить, что переводчик наделяет негативной оценочностью те действия героев, которые не соответствуют представлениям китайского народа о сдержанном поведении в сложных ситуациях, хотя в русской культуре действия персонажей могут не иметь такой коннотации.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно заключить, что в пьесе «Ревизор» для передачи эмоции страха Н. В. Гоголь использует два приема: речевые средства выражения страха и языковые средства описания (номинации) проявления страха. Средства выражения представлены междометиями и имитацией заикания как маркеров страха, возникающего из подобострастного, зависимого отношения как чиновников города, так и самого Хлестакова. Особенности жанра позволяют использовать данное средство выражения эмоций, поскольку в пьесе создается стилизация живого разговорного диалога, позволяющего передать особенности звучащей речи. В одном из ранних исследований творчества Н. В. Гоголя выявлено отсутствие таких средств в повестях классика.

Среди лексических средств описания эмоции страха большую часть составляют имена существительные и глаголы, в частности, существительные *страх* и *испуг* отражают разное качество и условия проявления эмоции, а глаголы и деепричастия (*бледнеет*, *съеживается*, *дрожит* и др.) выражают ее высокую интенсивность, при этом глаголы используются не только в прямой речи персонажей, но и в ремарках, сопровождающих эту речь, создавая таким образом представление о невербальном проявлении страха, визуализируя образы.

В китайском переводе используется три группы языковых единиц для передачи эмоции страха: полностью совпадающие с оригиналом, частично совпадающие и неэквивалентные. При этом в случаях несовпадения китайский переводчик руководствуется представлением об эмоции страха в китайской культуре, например, внося дополнительную негативную оценку, поскольку для китайской культуры не характерна несдержанность в проявлении сильных эмоций, в том числе страха, в сложных ситуациях.

Источники

1. Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций : словарь тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург — Москва : Кабинетный ученый, 2021. — 432 с. — ISBN 978-5-6041789-2-8.
2. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

3. БФСКЯ — **成语大词典**. — 北京 : 商务印书馆, 2013. — 1568 с. (*Большой фразеологический словарь китайского языка*. — Пекин : Коммерческое издательство, 2013. — 1568 с.)
4. *Гоголь Н. В.* Ревизор / Н. В. Гоголь. — Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/473/p.1/index.html> (дата обращения 10.05.2022).
5. НБРКС — **现代大俄汉词典** — 北京 : 外语教学与研究出版社, 1998. — 1314 с. (*Новый большой русско-китайский словарь*. — Пекин : Издательство преподавания иностранных языков и исследования, 1998. — 1314 с.)
6. НКС — **新华字典** — 北京 : 商务印书馆 2004. — 652 с. (*Новый китайский словарь*. — Пекин : Коммерческое издательство, 2004. — 652 с.).
7. *Фёдоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13000 фразеологических единиц. — 3-е изд., испр. / А. И. Фёдоров. — Москва : Астрель : АСТ, 2008. — 878 с. — ISBN 978-5-17-049014-1.

Литература

1. *Аванесова Н. В.* Эмоциональность и экспрессивность — категории коммуникативной лингвистики / Н. В. Аванесова // Вестник Югорского государственного университета. — 2010. — № 2 (17). — С. 5—9.
2. *Акишина А. А.* Жесты и мимика в русской речи / А. А. Акишина, Х. Кано, Т. Е. Акишина. — Москва : Русский язык, 1991. — 146 с. — ISBN 5-200-01098-5.
3. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. — 182 с. — ISBN 5-7525-0061-3.
4. *Бабенко Л. Г.* Лингвopsихология на методологической базе когнитивистики : лексикографический аспект / Л. Г. Бабенко // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2020. — Т. 22. — № 3(200). — С. 264-278. — DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.057.
5. *Брылина Е. А.* Лексические средства выражения эмоции «радость» в художественном тексте / Е. А. Брылина, Т. В. Козлова // Культурология, искусствоведение и филология : современные взгляды. — Чебоксары : Среда, 2020. — С. 129—134. — ISBN 978-5-907313-96-5.
6. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений в 8 томах / И. А. Гончаров. — Москва : Художественная литература, 1955. — Т. 8. — 576 с.
7. *Зотова Н. В.* Способы выражения эмоций в художественном тексте (на материале английского и удмуртского языков) / Н. В. Зотова // Успехи современной науки. — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 7—11.
8. *Ковишова М. Л.* Эмоциональная лексика и ремарки эмоций в пьесе А. П. Чехова «Иванов» / М. Л. Ковишова // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации : синхрония и диахрония — 2020 : Материалы международной конференции, Москва, 27 октября 2020 года. — Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2020. — С. 37—56.
9. *Манн Ю. В.* Комедия Гоголя «Ревизор» / Ю. В. Манн. — Москва : Художественная литература, 1966. — С. 39—40.
10. *Семендяева Ю. Ю.* Лексические средства выражения эмотивности в художественном тексте (на материале рассказа Дж. Грина «A Cheertastic Christmas Miracle») / Ю. Ю. Семендяева // Доклады Башкирского университета. — 2021. — Т. 6. — № 6. — С. 399—403. — DOI: 10.33184/dokbsu-2021.6.7.
11. *Сеничева О. А.* Способы выражения эмоций стыда в современном русском языке / О. А. Сеничева // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии : Мате-

риалы международной научной конференции, Москва, 26—28 ноября 2013 года. — Москва : МАКС Пресс, 2013. — С. 323—325.

12. Чжан Яньцю. Лексические средства передачи эмоции страх в произведениях Н. В. Гоголя и их китайские аналоги / Чжан Яньцю // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2019. — № 5—2. — С. 188—192.

13. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1987. — 190 с.

14. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии / В. И. Шаховский. — Волгоград : Перемена, 2009. — 170 с. — ISBN 978-5-9935-0109-3.

15. Шилиев К. С. Лексика эмоций в реализациях ключевой метафоры «собака — человек» в повести Дж. Лондона «The Call of the Wild» : аспект межкультурной коммуникации / К. С. Шилиев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2012. — № 2 (6). — С. 27—33.

16. Dong Hao. Quantangwen / Dong Hao. — Shanghai : Shanghai Ancient Books Press, 1990. — Volume 2. — 623 p.

17. Fan Yin. The Proverbs of State of Yue (Simplified Chinese version) / Fan Yin. — Shanghai : Zhonghua Book Company, 2006. — 488 p. — ISBN|461106265.

Material resources

Babenko, L. G. (2021). *Alphabet of emotions: dictionary thesaurus of emotive vocabulary*. Yekaterinburg — Moscow: Cabinet Scientist. 432 p. (In Russ.).

BFSKYA — *A large phraseological dictionary of the Chinese language*. (2013). Beijing: Commercial Publishing House. 1568 p. (In Chin.).

BTSRYA — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Fedorov, A. I. (2008). *Phraseological dictionary of the Russian literary language: approx. 13,000 phraseological units — 3rd ed., ispr*. Moscow: Astrel: ACT. 878 p. ISBN 978-5-17-049014-1. (In Russ.).

Gogol, N. V. *The Inspector*. Access mode: <https://ilibrary.ru/text/473/p.1/index.html> (accessed 10.05.2022). (In Russ.).

NKC — *New Chinese Dictionary*. (2004). Beijing: Commercial Publishing House. 652 p. (In Chin.).

NLRKC — *A new large Russian-Chinese dictionary*. (1998). Beijing: Publishing House of Foreign Language Teaching and Research. 1314 p. (In Chin.).

References

Akishina, A. A., Kano, H., Akishina, T. E. (1991). *Gestures and facial expressions in Russian speech*. Moscow: Russian language. 146 p. ISBN 5-200-01098-5. (In Russ.).

Avanesova, N. V. (2010). Emotionality and expressiveness — categories of communicative linguistics. *Bulletin of the Ugra State University*, 2 (17): 5—9. (In Russ.).

Babenko, L. G. (1989). *Lexical means of emotion designation in the Russian language*. Sverdlovsk: Ural Publishing House. un-ta. 182 p. ISBN 5-7525-0061-3. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2020). Linguopsychology on the methodological basis of cognitive science: lexicographic aspect. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 22 / 3 (200): 264—278. DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.057. (In Russ.).

- Brylina, E. A., Kozlova, T. V. (2020). Lexical means of expressing emotion “joy” in a literary text. In: *Culturology, art criticism and philology: modern views*. Cheboksary: Wednesday. 129—134. ISBN 978-5-907313-96-5. (In Russ.).
- Dong Hao. (1990). *Quantangwen*, 2. Shanghai: Shanghai Ancient Books Press. 623 p.
- Fan Yin. (2006). *The Proverbs of State of Yue (Simplified Chinese version)*. Shanghai: Zhonghua Book Company. 488 p. ISBN 1461106265.
- Goncharov, I. A. (1955). *Collected works in 8 volumes*, 8. Moscow: Fiction. 576 p. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2020). Emotional vocabulary and remarks of emotions in A. P. Chekhov's play “Ivanov”. In: *The emotional sphere of a person in language and communication: synchrony and diachrony — 2020: Proceedings of the International conference, Moscow, October 27*. Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 37—56. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1966). *Gogol's comedy “The Inspector”*. Moscow: Fiction. 39—40. (In Russ.).
- Semendyaeva, Yu. Yu. (2021). Lexical means of expressing emotivity in a literary text (based on the material of the story by J. Green's “A Cheertastic Christmas Miracle”). In: *Reports of Bashkir University*, 6 / 6: 399—403. DOI: 10.33184/dokbsu-2021.6.7.
- Senicheva, O. A. (2013). Ways of expressing emotions of shame in the modern Russian language. In: *Slavic languages and literatures in synchrony and diachrony: Proceedings of the International scientific Conference, Moscow, November 26—28, 2013*. Moscow: MAKS Press. 323—325. (In Russ.).
- Shakhovsky, V. I. (1987). *Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language*. Voronezh: Voronezh University Press. 190 p. (In Russ.).
- Shakhovsky, V. I. (2009). *Language and emotions in the aspect of linguoculturology*. Volgograd: Change. 170 p. ISBN 978-5-9935-0109-3. (In Russ.).
- Shilyaev, K. S. (2012). Vocabulary of emotions in the realizations of the key metaphor “dog — man” in the story of J. London “The Call of the Wild”: aspect of intercultural communication. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history*, 2 (6): 27—33. (In Russ.).
- Zhang Yanqiu. (2019). Lexical means of conveying the emotion of fear in the works of N. V. Gogol and their Chinese counterparts. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 5—2: 188—192. (In Russ.).
- Zotova, N. V. (2017). Ways of expressing emotions in a literary text (based on the material of English and Udmurt languages). *Successes of modern Science*, 3 (4): 7—11. (In Russ.).

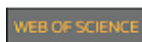
Статья поступила в редакцию 29.04.2022,
одобрена после рецензирования 24.06.2022,
подготовлена к публикации 23.09.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Шевелева М. С. Стилистика и прагматика художественного иронического дискурса (на материале английского и французского языков) / М. С. Шевелева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 151—173. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-151-173.

Sheveleva, M. S. (2022). Stylistics and Pragmatics of Artistic Ironic Discourse (English and French Languages). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 151-173. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-151-173. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-151-173

**Стилистика и прагматика
художественного
иронического дискурса
(на материале английского
и французского языков)**

Шевелева Марина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-6376-9293
аспирант,
кафедра теоретической лингвистики
и практики межкультурного общения
WR08@mail.ru

Пятигорский
государственный университет
(Пятигорск, Россия)

**Stylistics and Pragmatics
of Artistic Ironic Discourse
(English and French
Languages)**

Marina S. Sheveleva
orcid.org/0000-0002-6376-9293
Post-graduate student,
Department of Theoretical Linguistics and
Practices of Intercultural Communication
WR08@mail.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

© Шевелева М. С., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляются особенности стилистического оформления художественного иронического дискурса в современной англоязычной и франкоязычной прозе. В качестве эмпирического материала используются текстовые фрагменты, содержащие иронические высказывания, отобранные из художественных литературных произведений на английском и французском языках. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью взаимосвязей вербальных составляющих и концептуальной подоплеку иронии как ментального механизма вторичной эмпатии, а также необходимостью подтверждения статуса иронии как речевой стратегии ободрения, поощрения, самозащиты, порицания, осмеяния, дискредитации, самооправдания, саморепрезентации или самоуничижения, которая вербализуется в художественной литературе, благодаря привлечению ряда стилистических приемов семантического и синтаксического толка. Показано, что, помимо языковых средств, объективирующих концептуальную структуру иронического высказывания, и дейктических единиц, раскрывающих порядок и логику организации информации на уровне вторичной эмпатии, художественный иронический дискурс (как англоязычный, так и франкоязычный) ярко окрашен изобразительно-выразительными средствами языка, которые актуализируются посредством неоднозначной, объемной, образформирующей семантики и экспрессивного синтаксиса. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа было выявлено, что франкоязычный художественный иронический дискурс обладает более высокой плотностью стилистических приемов и экспрессивностью, нежели англоязычный.

Ключевые слова:

художественный иронический дискурс; вторичная эмпатия; стилистический прием; образность; экспрессивность; речевая стратегия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the display of the stylistic peculiarities of literary ironic discourse in modern English and French prose. The empirical basis of the research is built on the corpus of text fragments containing ironic statements selected from literary works in English and French. The relevance of the study is accounted for by the insufficient study of the interconnections between verbal components and conceptual background of irony — the mental mechanism of second-order empathy — as well as the need to confirm the status of irony as a speech strategy of encouragement, incentive, self-defense, censure, ridicule, discredit, self-justification, self-representation or self-abasement, which is verbalized in fiction literature, thanks to the involvement of a number of stylistic devices of a semantic and syntactic sense. It is shown that in addition to linguistic means that objectify the conceptual structure of an ironic utterance and deictic units that reveal the order and logic of organizing information at the level of second-order empathy, fictional ironic discourse (both English and French) is brightly colored with figurative and expressive means of language, which actualize through ambiguous, voluminous, image-forming semantics and expressive syntax. In the course of comparative analysis, it has also been found out that the French-language fictional ironic discourse has a higher density of stylistic devices and is more expressive than the English-language one.

Key words:

literary/fictional ironic discourse; second-order empathy; stylistic device; imagery; expressiveness; speech strategy.

Стилистика и прагматика художественного иронического дискурса (на материале английского и французского языков)

© Шевелева М. С., 2022

1. Введение = Introduction

Ирония является неотъемлемой риторической и прагмасемантической составляющей смыслового пространства художественного дискурса как культурного феномена. В парадигме лингвистического анализа ирония — это «вид иносказания, базирующийся на столкновении двух противоположных оценок в одном отрезке речи. Эти оценки образуют два плана высказывания: эксплицитный — прямой, буквальный, который несет положительную оценку, и имплицитный — подразумеваемый, который содержит критическую оценку» [Самыгина, 2017]. Имплицитный уровень, зачастую состоящий из нескольких смысловых слоев, вскрывается благодаря обращению интерпретатора не только к лингвистическому контексту и субъективной модальности, отражающей отношение персонажей друг к другу и обсуждаемой ими ситуации, но и к определенным фоновым знаниям, индуцируемым всезнающим автором в общую коммуникативную ситуацию, упакованную в «ироническую обертку». Подобное видение механизма порождения иронии предлагает Ж. Женетт, говоря о данном явлении как о множественности смыслов, «накладывающихся друг на друга» в условиях «зазора между буквой и смыслом» [Женетт, 1998].

В связи с этим видится чрезвычайно важным изучение иронии как уникального проявления ценностных ориентиров и культурной идентичности человека в ситуации межличностного взаимодействия, которое управляется определенными когнитивными процессами и воплощается в речи посредством определенных языковых средств.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть художественный иронический дискурс с точки зрения его актуализации на когнитивном и вербальном уровнях с привлечением эмпирического материала, полученного из произведений современных англоязычных и франкоязычных авторов. В качестве объекта исследования выбраны иронически окрашенные речевые единицы англоязычного и франкоязычного художественного дискурса. Предметом исследования стал прагмасемантический эффект и когнитивные особенности объективации иронии языковыми средствами образности и выразительности в современной англоязычной и франкоязычной прозе.

Цель нашего исследования состоит в выявлении, анализе, описании и сопоставлении языковых средств образности и выразительности иронического художественного дискурса и их корреляций с составляющими когнитивных схем вторичной эмпатии.

Актуальность и новизна работы видятся в привлечении теории эмпатии к изучению иронического дискурса; обосновании отказа считать иронию исключительно тропом, «состоящим в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью насмешки» [Розенталь и др., 2003], и подтверждении ее статуса речевой стратегии, которая обслуживается целым «арсеналом» тропов семантического и синтаксического толка; выявлении специфики и степени выраженности стилистической маркированности иронических высказываний в современной англоязычной и франкоязычной прозе.

2. Материал, методы и обзор = Material, Methods, Review

Эмпирическим материалом данного исследования является массив содержащих иронические высказывания текстовых фрагментов, которые были отобраны из художественных литературных произведений современных англоязычных и франкоязычных авторов. Общее количество проанализированных текстов составляет 1050 единиц.

Для анализа эмпирического материала используются методы интерпретативного, концептуального, прагматического, когнитивно-дискурсивного, стилистического и количественного анализа.

В качестве важного исследовательского инструмента изучения иронии выступает установление имплицитной информации посредством концептуальных формул вторичной эмпатии — фактора интерпретации фрагментов художественного иронического дискурса, подключение которого способствует экстерииоризации ментальных механизмов интересующего взаимодействия не только на уровне восприятия и оценки коммуникантами их мнения о фокусном объекте или событии, но и на уровне их отношения к тому, как моделирует их мнение собеседник и что он о нем думает.

Понятие эмпатии как ментального механизма восприятия и интерпретации информации в ходе межличностного вербального общения, а не только как способности разделять переживания собеседника, было введено в лингвистический научный дискурс У. Чейфом [Чейф, 1982; Chafe, 1997] и С. Куно [Куно, 1987]. В последнее десятилетие теория эмпатии в аспекте дискурс-анализа вновь приобрела актуальность благодаря исследованиям Д. Герэртса, который рассматривает ее как свойство, присущее человеку говорящему (*homo loquens*), то есть человеку, участвующему в речевой коммуникации, в аспекте соотношения Говорящий / Я vs Слу-

шающий / Другой [Geeraerts, 2020]. В рамках данного соотношения эмпатическая интерпретация или, иными словами, включение собеседника (Слушающего / Другого) «как независимого концептуализатора в intersubjectную модель общего знания предоставляет интерпретатору (потребителю дискурса) возможность выбора ракурса эмпатии первого порядка (что думает собеседник об обсуждаемой ситуации) или эмпатии второго порядка (что думает собеседник о том, что думаю я об обсуждаемой ситуации)» [Шевелева, 2021, с. 546].

В ходе проведенного анализа эмпирического материала было выявлено, что формулы вторичной эмпатии, содержащие определенным образом организованные компоненты: Говорящий / Я — S (Self), Слушающий / Другой — O (Other), Фокусный объект / Фокусное событие — (p) — [S полагает, что O полагает p и S полагает, что O полагает, что S полагает, что p → S утверждает ~p / O утверждает ~p] и [S полагает, что O полагает ~p и S полагает, что O полагает, что S полагает, что ~p → S утверждает p / O утверждает p], — составляют концептуальный базис иронии в художественном дискурсе. Важно отметить, что проблема амбивалентности, которая неизбежна в случае попытки выхода на уровень вторичной эмпатии в анализе обыденного дискурса, снимается, когда в роли объекта изучения выступает дискурс художественный. Наличие всезнающего автора, предоставляющего читателю всю необходимую информацию о мировоззрении, характере, намерениях, внутреннем состоянии персонажей и обстоятельствах, в которых они «проживают» события в пространстве возможного мира литературного произведения, в значительной степени расширяют «горизонт понимания» интерпретатора [Демьянков, 1983; Шаравьев, 2008].

Эмпатия, будучи ментальным явлением, непосредственно связанным со способностью человека к восприятию окружающего мира и взаимодействию с другими людьми, в том числе и посредством вербальной коммуникации, обладает чертами экстралингвистического и лингвистического феномена, а также используется в настоящем исследовании как механизм, позволяющий вскрыть концептуальные и прагматические основы порождения иронии в художественном дискурсе. Как феномен познания и отношения, она воплощается в вербальном межличностном взаимодействии через определенные лингвистические средства, к которым, как показывает анализ примеров художественного иронического дискурса, относятся дейктические знаки, лексические единицы и грамматические структуры, объективирующие характеристики участников информационного события (Говорящего / Я, Слушающего / Другого и объекта коммуникации (фокусного события)), в том числе и в экспрессивно-образном ключе.

Что касается экспликации вторичной эмпатии, порождающей иронию, то она осуществляется посредством комплекса лингвистических средств, среди которых лексические единицы, номинирующие и характеризующие участников, отношения, складывающиеся между ними, а также их реакцию на оценку высказанного ими мнения о фокусном событии.

Немаловажную роль среди выделенных средств играет использование в художественном ироническом дискурсе пространственных, временных и персональных дейктических единиц. В ходе анализа фрагментов художественного иронического дискурса были отмечены и включены в арсенал экспликаторов вторичной эмпатии личные (*I; me; them; him; her; you; etc. / vous; je; moi, etc.*) и указательные (*this; these; that; those / ces; ce; cet; celui; cette; celle; ceux; celles*) местоимения, пространственные предлоги (*here; there; under; up; in; on; into; etc. / ici; là; là-bas, etc.*) и пространственные наречия, производные от них (*towards; downwards; nowhere from; close to; apart from; up and down; etc. / devant; derrière; loin et près de, etc.*), временные наречия и устойчивые выражения, являющиеся индикаторами темпоральности, аспектуальности и таксиса (*once; for weeks; at that moment; now; then; constantly; all the time; etc. / demain; toujours; dernièrement; longtemps; à nouveau, de nouveau; toutes les heures; par instants; de temps en temps; etc.*) в коммуникативном (оно объективируется собственно текстовым фрагментом художественного произведения, содержащим иронию) и фокусном событиях, оказывающихся в центре обсуждения наряду с временными глагольными формами (Past Simple Tense в сочетании с Past Continuous / Past Perfect Tense; Present Continuous Tense; Present Perfect / Perfect Continuous Tense) / *passé simple / passé composé / imparfait*). Вышеперечисленные средства в одинаковом объеме задействуются в литературных произведениях на английском и французском языках.

Поскольку основной функцией языковых единиц персональной, пространственной и временной семантики является установление соотношений между описываемыми в тексте событиями и их участниками в перспективе 'говорящий субъект vs слушающий субъект', то, образно говоря, они помещают коммуникантов, равно как и получателя дискурса / интерпретатора «в определённую точку наблюдения» [Туницкая, 2019, с. 122].

Помимо дейктических единиц и комплексов, выполняющих функцию указателей, раскрывающих порядок и логику организации информации на уровне вторичной эмпатии, иронические высказывания художественного дискурса (как англоязычного, так и франкоязычного) ярко окрашены образительно-выразительными средствами языка, которые актуализируются посредством неоднозначной, объемной, образформирующей семантики и экспрессивного синтаксиса.

Поскольку в споре исследователей иронии мы принимаем позицию тех, кто отказывается идентифицировать данный феномен как троп или стилистический прием [Шатуновский, 2007; Потехня, 2010, с. 188; Заврумов, 2017 и др.], то представляется целесообразным провести инвентаризацию и сопоставление изобразительно-выразительных средств, «обслуживающих» данный коммуникативный феномен, сфера влияния которого распространяется не на диктум, а на модус высказывания. Так как «диктум отражает реальное положение дел, а модус — отношение говорящего к содержанию высказывания» [Сергеева, 2018, с. 86], то, ориентируясь на такой вариант соотношений между позициями Говорящего и Слушающего на уровне вторичной эмпатии, порождающей иронию, как конфликт их восприятий обсуждаемой ситуации, можно предположить, что данная модальность как раз и формируется за счет используемых автором образных и экспрессивных средств языка.

Как отмечает З. А. Заврумов, «ирония не является ни тропом, ни фигурой, она не является компонентом, из которого создается текст. Напротив, сама ирония “создается” из других тропов и фигур. Различен прагматический эффект иронии: она может сделать коммуникацию состязательной и интересной, но может и стать коммуникативным барьером, создавая определенные неудобства интерпретирования сообщения» [Заврумов, 2017, с. 123].

К. М. Шилихина также отделяет иронию от тропов и стилистических фигур, выявляя при этом три стратегии ее формирования — вербальную, риторическую и когнитивную. Как утверждает исследователь, согласно корпусному анализу наиболее рекуррентной оказывается вербальная стратегия, выражающаяся в выборе языковых средств объективации иронии [Шилихина, 2014, с. 124—125].

С точки зрения К. М. Шилихиной, к вербальным стратегиям относятся антифразис, нетривиальная лексическая стратегия, нетривиальная номинация, гипербола, метафора, дискурсивные слова, сниженная лексика, антонимы, литота, игра слов, окказионализмы, полисемия, энантиосемия, словасимулякры и т. п. Когнитивная стратегия видится автору исследования как намеренное нарушение логических и причинно-следственных связей, сравнения / сопоставления, столкновение разных пропозиций, а риторическая стратегия выражается посредством интертекста, антифразиса, противоречия здравому смыслу, использования нетривиальной лексики, эхо-упоминания и риторического вопроса, частично перекликающихся со способами актуализации вербальной и когнитивной стратегий [Шилихина, 2014].

Следует отметить, что в настоящем исследовании в качестве опорного выделяется когнитивный аспект, который понимается несколько иначе — прежде всего как глубинный концептуальный паттерн, ментальный

механизм, запускающий процессы иронизирования и считывания иронии, формально представленные в схемах вторичной эмпатии, разработанных в рамках настоящего исследования. Что касается риторической стратегии, то в нашем понимании она актуализируется на базе порождающих иронию концептуальных структур (когнитивная стратегия), которые объективируются вербальными средствами — образными и экспрессивными (вербальная стратегия), и включает в себя определенные прагматические модусы, обусловленные коммуникативной целью и эмоциональной окрашенностью высказывания (эмотивная маркированность). В подобном случае все три аспекта актуализации иронии оказываются взаимосвязанными и формируют холическую (целостную) модель ее объективации в смысловом пространстве художественного текста.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В ходе проведенного анализа 1050 фрагментов текстов современных художественных произведений на английском и французском языках, содержащих иронию, были выявлены стилистические приемы, актуализирующиеся на семантическом (образные средства) и синтаксическом (экспрессивный синтаксис) уровнях. Общее количество актуализаций образных языковых средств на 525 фрагментов англоязычного художественного иронического дискурса составляет 796 случаев, а на то же количество фрагментов во франкоязычном художественном ироническом дискурсе — 928 случаев. Количество экспрессивных языковых средств, формирующихся на синтаксическом уровне, на равное количество фрагментов также оказывается несколько выше во франкоязычной (972 случая), нежели в англоязычной прозе (968 случаев). Необходимо отметить, что в проведенном количественном анализе с целью выявления и сопоставления наиболее рекуррентных тропов и средств экспрессивности для обоих языков со 100 % соотносится не число текстовых фрагментов, а число случаев актуализации рассматриваемых стилистических приемов в иронически окрашенных высказываниях.

3.1. Языковые средства выразительности, прагматические эффекты и концептуальный базис художественного иронического дискурса

Прототипической стилистической фигурой, использующейся в ироническом высказывании, является антифразис — употребление слова, словосочетания или целой фразы в значении, которое противоположно прямому значению этой единицы языка, складывающемуся из суммы значений составных единиц. Характеристики антифразиса иногда понимаются как предел, до которого сужают саму иронию, определяя ее как троп. Следует также признать, что используется антифразис зачастую в сочетании с другими стилистическими приемами семантического и синтаксического типа:

(1) (1) *Ils lui avaient retiré son dentier. Ses joues semblaient affreusement creuses et sa lèvre supérieure flottait à l'intérieur de sa bouche.*

Alors ? Tu as encore fait la folle, c'est ça?

Prendre ce ton badin exigeait de lui un effort sur humain.

*J'ai parlé avec l'infirmière, tu sais, et elle m'a dit que l'opération s'était très bien passée. Te voilà avec **un joli morceau de ferraille à présent...*** [Galvalda, 2019, p. 46—47].

// Она была без зубных протезов. Ее щеки ввали, а верхняя губа и вовсе провалилась.

— Вот это да! Снова ты угодила в историю...

Шутливый тон давался ему очень тяжело.

*— Я говорил с медсестрой, и она сказала, что операция прошла очень хорошо. **Теперь в твоей ноге стоит классный железный штырь** ... (здесь и далее перевод наш. — М. Ш.).*

Как правило, языковая единица с противоположной описываемому положению дел семантикой, объективирует фокусное событие (р). В данном примере в качестве фокусного события выступают тяжелая травма и последующая операция, которые только что перенесла бабушка (О — Слушающий / Other) главного героя романа (S — Говорящий / Self), и он, разговаривая с бабушкой, вспоминает о произошедшем нарочито восторженно и легкомысленно, стараясь таким образом подбодрить старушку. Антифразис в данном ироничном отрезке речи в оригинале «встроен» в риторические вопросы (*Alors? Tu as encore fait la folle, c'est ça?*), в смысловом плане противоречащие как эмоциональному состоянию говорящего, так и несчастью, случившемуся с бабушкой, а также эпитет (*un joli morceau de ferraille à présent*). В прагмасемантическом плане ироничные высказывания Говорящего являются реализацией стратегии ободрения.

Аналогичная стратегия реализуется и благодаря антифразису, являющемуся основным стилистическим приемом в фрагменте англоязычной прозы, представленном ниже:

(2) *Early on at Caldicott, his (Andrew's) class were asked if they could name the seasons of the year. Andrew's hand shot up.*

'Flat and National Hunt,' he said with confidence.

'I'm sorry?' His teacher had no idea what he was talking about.

*'In racing,' Andrew explained, 'there are two seasons. **The flat season**, which runs roughly from the beginning of April until November. And the **jumps season**, also known as **the National Hunt season**, which runs from October till the end of April.'*

Technically, my brother was correct. But it was not the answer his teacher had expected.

'That's excellent, Andrew. A very original and detailed answer. Anyone else?' [Balding, 2013, p. 108].

// На одном из первых занятий в Колдикотте учительница спросила, кто знает времена года. Рука Эндрю взлетела вверх самой первой.

— **Национальные гладкие скачки и скачки с барьером.**

Голос Эндрю звучал уверенно и твердо.

— Прости, пожалуйста. Можешь пояснить?

Учительница никак не могла взять в толк, о чем он говорил.

— В конном спорте есть два сезона. **Гладкие скачки**, они начинаются где-то в апреле и продолжаются до ноября. А есть **скачки с барьером** — они проходят с середины октября до конца апреля, — объяснил Эндрю.

Вообще-то, мой брат был абсолютно прав. Но учительница ожидала другой ответ.

— **Отлично, Эндрю! Очень необычный и подробный ответ. Может, еще есть желающие?**

Необходимо пояснить, что в данном случае объективируемый через антифразис предмет разговора (p): *the seasons of the year*, по-разному понимаемый учителем (S1) и учеником (O), имеет и неодинаковую прагматическую модальность в перспективе Говорящего, которым является учитель (S1), Слушающего (O) и другого незримого участника (S2) — автора романа Клэр Болдинг. Оценивая неверный ответ Эндрю как «необычный» и «подробный» (*That's excellent, Andrew. A very original and detailed answer*), учитель стремится подбодрить его, а он сам, будучи ребенком, не может распознать подвох. Из «точки наблюдения» всезнающего автора, который к тому же является участником событий (роман автобиографичный), слова учителя интерпретируются как явно ироничные, особенно если учесть различия в фоновых знаниях, формирующих так называемую общую информационную платформу коммуникантов (common ground). Ведь учительнице даже в голову не приходит, насколько необычным является уклад жизни в семье Эндрю, где все подчинено уходу за лошадьми и их подготовке к соревнованиям. Поэтому Эндрю хорошо осведомлен о сезонных состязаниях в конном спорте, но никто не рассказал ему о временах года.

Однако антифразис в ироническом дискурсе может также способствовать и актуализации стратегии порицания. Так, помощница и по совместительству няня в семье Болдинг, застав девочку разменивающей в банке украденные у отца мелкие долларовые купюры на фунты, рассказала все ее матери. За этим последовал такой разговор:

(3) *'She said she didn't want to confront you in the bank, as it would have embarrassed you.' My mother fixed me with the direct gaze. So, what were you doing there?'*

'I was opening an account. I said it with so much confidence that I almost believed myself.

'That's funny,' said my mother. 'You already have an account with Lloyds....' [Balding, 2013, p. 87].

// — Она (помощница семьи Болдинг) сказала, что не стала ничего выяснять там, потому что не хотела смущать тебя, — сказала мама, глядя мне прямо в глаза, — Так что же ты делала в банке?

— Открывала счет, — ответила я так уверенно и твердо, что сама почти поверила в свои слова.

— **Забавно.** У тебя уже есть счет в банке Ллойдс...

В данном примере мать (S) в разговоре с дочерью (O) описывает ситуацию в банке (фокусное событие (p)) как забавную (*funny*), на самом деле оценивая ее как возмутительную. Таким образом, рассматриваемый отрезок речи объективирует концептуальную структуру [S полагает, что O полагает ~p и S полагает, что O полагает, что S полагает, что ~p → S утверждает p], из которой становится понятным, что ни одна из сторон не считает инцидент забавным, однако Говорящий (S), являющийся в этом случае ироником, использует для объективации фокусного события лексему *funny*, чтобы еще больше подчеркнуть серьезность проступка дочери (O).

3.2. Стилистическая конвергенция в актуализации иронии

В ходе анализа эмпирического материала было выявлено, что многогранность, ситуативная и смысловая сложность художественного нарратива, содержащего иронию, в определенной степени обуславливают и полифоничность его стилистического оформления, которая наблюдается как в англоязычной, так и во франкоязычной прозе. Было установлено наличие так называемого «пучка» разноуровневых стилистических приемов во всех изученных фрагментах текста. Подобное явление определяется как стилистическая конвергенция, для которой характерным является одновременное участие сразу нескольких стилистических средств в выполнении «единой стилистической задачи», что наделяет конвергенцию «большим экспрессивным потенциалом, по сравнению с отдельным стилистическим средством» [Нелькенбаум, 2016, с. 137]. В частности, иронический эффект в рассмотренных текстовых фрагментах создается благодаря сочетанию тропов семантического (эпитет, метафора, метонимия, образное сравнение и др.) типа, дополненных экспрессивными синтаксическими средствами (эмфатические конструкции, парцелляция, параллелизм, переспросы, анафора, эпифора, анадиплосис и антитеза и т. д.).

Так, в примере ниже сходятся в «пучок» сразу несколько изобразительно-выразительных средств:

(4) *Mom hands me a steaming mug and the newspaper. 'There's a nice picture of your young man in there,' she says. 'Really? A picture?'*

'Yep. It's about the most I've seen of him since summer,' Mom says, giving me a sidelong glance with her eyebrow arched, her version of soul-searching stare.

'I know, I say, and then without meaning to, I sigh. Adam's band, Shooting Star. Is on an upward spiral, which is a great thing — mostly.

'Ah, fame, wasted on the youth,' Dad says, but he's smiling. I know he's excited for Adam. Proud even [Forman, 2014, p. 3].

// Мама протягивает мне дымящуюся чашку и газету.

— Здесь очень симпатичная фотография твоего молодого человека.

— Фотография? Неужели?

— Да. Это первая статья о нем с самого лета, — говорит мама, слегка приподняв бровь и искоса глядя на меня. **Она всегда так делает, когда хочет поговорить по душам.**

— Знаю, — вздыхаю я, совершенно неожиданно. **Группа Адама «Меттеор» стремительно набирает популярность, что в целом здорово...**

— Увы, не тем сегодня достается слава, разве молодые способны ее оценить, — говорит отец и улыбается. **Я знаю, он очень рад за Адама. Даже гордится им.**

Фокусным событием в данном отрезке иронического дискурса является успех Адама (р), который отец Мии (О) комментирует, прибегая к деформации хорошо известного парадоксального афоризма Б. Шоу о том, что, к сожалению, молодость достается молодым. Сам предмет разговора объективируется через метафору (*upward spiral*), усиленную метафорическим названием группы (*Shooting Star*) и совмещенную с антифразисом (*Ah, fame, wasted on the youth*), который погашается словами рассказчика — Мия (S) — *but he's smiling. I know he's excited for Adam. Proud even*. Выделенные лингвистические средства объективируют схему вторичной эмпатии [S полагает, что О полагает ~р и S полагает, что О полагает, что S полагает, что ~р → О утверждает р], а переспрос (*Really? A picture?*), парцелляция (*Adam's band, Shooting Star. Is on an upward spiral...*) и обособление (*which is a great thing — mostly*) в сочетании с градацией (*I know he's excited for Adam. Proud even.*) придают всему фрагменту экспрессивность. Как видно из концептуальной схемы, в роли ироника выступает отец Мии, а через высказанное им ироничное замечание актуализируется стратегия поощрения.

Так же, как и предыдущий отрывок, довольно краткий пример на французском языке (5) демонстрирует многообразие стилистических средств, использующихся в художественном ироническом дискурсе:

(5) — *Tu viendras me voir?*

Bien sûr que je viendrai! J'ai une belle moto, tu sais...

Tu ne roules pas trop vite au moins?

Tttt, une vraie tortue...

Menteur... Elle lui souriait dans ses larmes. [Gavalda, 2019, p. 46-47].

// — Ты будешь меня навещать?

— А ты как думаешь? Ну конечно, я приеду, у меня ведь теперь шикарный мотоцикл, помнишь?

— Но ты не гоняешь слишком быстро?

— Да что-о-о ты, тащусь, как черепаха...

— Врун...

Она улыбалась сквозь слезы.

Ирония в данном отрывке объективируется посредством антифразиса, оппозиционность составляющих которого выражена через метафору в сочетании с лексической эмфазой и эмотивным маркером в начале фразы (*Tttt, une vraie tortue...*).

3.3. Прагмастилистическое воплощение иронии в художественном дискурсе: рекуррентные стилистические приемы во взаимосвязи с речевыми стратегиями и формулами вторичной эмпатии

Метонимия. В качестве языкового образного средства объективации иронии в художественном тексте также выделяется метонимия, которая, как и метафора, выступает в качестве центрального компонента «стилистического пучка», создающего иронический эффект в рассматриваемых фрагментах дискурса. Метонимия в сочетании с другими изобразительно-выразительными средствами оказывается довольно репрезентативным тропом для обоих языков.

Например, в отрывке из автобиографичного романа «Шок и трепет» бельгийской писательницы А. Нотомб иронизирование автора относительно различий между людьми, принадлежащими к западной и восточной культурам, осуществляется с помощью метонимического переноса, встроенного в антитезу и дополненного анафорой: (6) *Le cerveau nippon est probablement capable de se forcer à oublier une langue. Le cerveau occidental n'en a pas les moyens* [Nothomb, 2006, p. 4] // Японский мозг, вероятно, способен заставить себя забыть язык. Западный мозг не может себе этого позволить. Ирония в данном случае выполняет функцию актуализатора стратегии дискредитации, равно как и в примере: (7) *On regrettera rien. Ni les horaires, ni le salaire, ni cette tête de rat de M. Schihont qui lui servait de patron* [Guène, 2004, p. 68] // Не о чем жалеть. Ни о рабочем графике, ни о зарплате, ни об этой крысиной башке Месье Шихона, который был его начальником. В данном примере метонимия (*cette tête de*

rat de M. Schihont) усиливается благодаря экспрессивному синтаксису — параллелизму, анафорическим повторам и парцелляции.

В несколько меньшей степени метонимия задействована в англоязычном художественном дискурсе. Так, в отрывке из новеллы канадской писательницы Э. Манро «Венлокский кряж» отмечается объективация иронии посредством метонимии (*my feet making too much noise*), включенной в механизм стилистической конвергенции, сконструированный из лексической эмфазы (*too much*) и обособления (*sometimes; always*):

(8) *There was a note under my door saying that Beth wanted to talk to me. I was afraid it would be about my coat hung over the banister to dry, or my feet making too much noise on the stairs when her husband, Blake (sometimes), and the babies (always) had to sleep in the daytime* [Munro, 2010, p. 65] // Я обнаружила у себя под дверью записку: Бет хотела со мной поговорить. Я решила, что это насчет пальто, которое я оставила сушиться на перилах лестницы, или насчет того, что я слишком громко топая, поднимаясь к себе днем, в то время как ее муж Блейк (иногда) или детишки (обычно) спят.

Необходимо подчеркнуть, что во всех представленных фрагментах иронического дискурса, содержащих метонимический перенос, данный стилистический прием соотносится с фокусным событием (р), причем представляет именно те его аспекты, которые являются наиболее значимыми для Говорящего (S) и / или Слушающего (О). Эти составляющие в обязательном порядке встроены в концептуальную структуру иронически окрашенного текста, даже если он формально не является диалогом, поскольку диалогичность — это неизменное свойство любого художественного текста [Kuno, 1987].

Эпитеты и образные сравнения. Довольно репрезентативными в иронически маркированных фрагментах англоязычного и франкоязычного художественного дискурса являются эпитеты и образные сравнения, которые, как и рассмотренные выше компоненты стилистической конвергенции, выполняют целый ряд важных функций: обеспечивают выделенность наиболее значимых аспектов сообщения, цельность, образность и экспрессивность текста, объективируют концептуальную структуру иронии, заложенную на уровне вторичной эмпатии: (9) «*Elle a dit ça de sa voix aiguë, en séparant chaque syllabe de la phrase, ça faisait débile mentale*» [Guène, 2004, p. 68] // Она сказала это своим пронзительным голосом, отделяя каждый звук во фразе, как умственно больная. Так, в примере (9) рассказчица (S), она же и участница описываемых событий, подобным образом комментирует неуместное замечание (р) кассирши (О) в супермаркете по громкой связи. Причем, образные средства — *sa voix aiguë* и *ça faisait*

débile mentale — в данном примере характеризуют не фокусное событие, а участника коммуникации (О). Целью иронии, представленной в этом фрагменте, является реализация стратегий порицания и осмеяния, тесно связанных со стратегией самозащиты участника коммуникации, являющегося повествователем (S).

Аналогичным образом функционируют данные стилистические приемы и в английском языке. Причем в примере (10) эпитет (*old-fashioned*) и лексические единицы и фразы (*They probably reminded people of church suppers; My granma used to make them; ... even if she has been put in the category of his grandmother*), совокупность которых можно определить как развернутое сравнение, формирующееся на основании разнонаправленных ассоциативных связей между старомодностью хозяйки званого вечера и неоцененного гостями блюда. Экспрессивность текстового фрагмента усиливается благодаря использованию эллипсиса и парцелляции (*Few of the devilled eggs were eaten anyway. Old-fashioned. Too much cholesterol; Too bad, they were a lot of work*), а также лексической эмфазы (*too much; too bad*):

(10) *Wilted salads and cream tarts and devilled eggs have been thrown out. Few of the devilled eggs were eaten anyway. Old-fashioned. Too much cholesterol.*

“Too bad, they were a lot of work. They probably reminded people of church suppers,” says Joyce, tipping a plateful into the garbage.

“My granma used to make them,” says Jay. These are the first words he has addressed, and she sees Tommy looking grateful. She feels grateful herself, even if she has been put in the category of his grandmother [Munro, 2010, p. 47].

// Подсохшие салаты, пирожные с кремом, яйца, печенные в пряностях, — все это теперь выбрасывается. Печеных яиц почти никто и не попробовал. Старомодно. Слишком много холестерина.

— Жаль, столько труда на них ушло! — говорит Джойс, вываливая почти полное блюдо в мусорное ведро. — Наверное, они напомнили гостям церковные ужины.

— Моя бабушка такие делала, — подает голос Джей. Это первая фраза, которую он адресует Джойс, и она видит, что Томми благодарно улыбается. Она отвечает улыбкой, хотя ее только что приравняли к бабушке.

— Мы их попробовали, нам понравилось, — говорит Томми.

На концептуальном уровне рассматриваемый текстовый фрагмент мотивируется формулой вторичной эмпатии [S полагает, что О полагает, что О полагает, что О полагает, что S полагает, что р → О утверждает ~р], где в

роли коммуникантов выступают Джей (S) и Джойс (O), а изначально обсуждаемый объект **p** (*the devilled eggs*) в какой-то момент проецируется на саму Джойс, которая является еще и ироником. Именно фраза из ее внутреннего монолога, спрятанная за улыбкой в разговоре с Джейм, замыкает концептуальную цепочку вторичной эмпатии. С точки зрения прагматики, ирония здесь трансформируется в самоиронию и включает стратегию самозащиты.

ГИПЕРБОЛА И ЛИТОТА. В рассмотренном эмпирическом материале также представлены и традиционные для реализации иронии в обыденном дискурсе гипербола и литота, которые, как показывает количественный анализ, не являются доминантами художественного иронического дискурса и так же, как и остальные образные и экспрессивные средства, функционируют в тесной связке друг с другом. Так, в отрывке ниже автор успешно сочетает и литоту, и гиперболу, вложенные в переспрос и авторский комментарий, более полно раскрывающий реакцию Говорящего (S), выступающего в данном ситуативном контексте и в роли ироника:

(11) — *Trois mois? Vous comptez démolir cette cloison avec une cuillère à café? demanda Mathias dont l'intérêt pour la conversation venait de redoubler.* [Levy, 2006, p. 36] // — *Три месяца? Вы собираетесь сносить эту перегородку кофейными ложечками? — спросил Матиас. Его интерес к разговору внезапно возрос вдвое.*

Следующий пример иронического дискурса в отрывке из романа П. Г. Вудхауса также содержит гиперболу (*canvass like a ton of bricks*), включенную в образное сравнение, и преувеличение погашается абсурдностью предложения пойти пообедать на фоне страстных, но очень непродолжительных разговоров о необходимости изо всех сил бороться за победу на выборах. В роли ироника в данном отрывке выступает сам автор:

(12) *'Now is the time for all good men to come to the aid of the party?'*

'Exactly. You are going to canvass for me. Well, canvass like a ton of bricks, and see that Jeeves does the same. I've simply got to win.'

'You can rely on us.'

'Thank you, Bertie, I knew I could. And now let's go in and have a bite of lunch.' [Wodehouse, 2008, p. 30].

// — Не пришло ли время всем достойным джентльменам сплотиться и помочь нашей партии?

— Именно. Ты ведь займешься сбором голосов в мою пользу? **И нужно делать это самоотверженно и неустово.** Проследи, чтобы и Дживс этим тоже занялся. Мне нужна только победа.

— Можешь на нас положиться.

— Спасибо, Берт, я знал, что могу. А теперь давай зайдем куда-нибудь пообедаем.

Несмотря на использование образных средств одного типа в рассмотренных выше примерах, прагматически они работают по-разному. В первом случае (11) актуализируется стратегия дискредитации и осмеяния, а во втором (12) — поощрения.

ЗЕВГМА И ОКСИМОРОН. Зевгма и оксиморон являются самыми мощными экспликаторами иронии и комического по сравнению с остальными стилистическими приемами. Однако их нельзя причислить к наиболее рекуррентным в обоих дискурсах. Так, зевгма оказывается более частотной в англоязычном художественном дискурсе. Причем, как видно из примера ниже, она всегда «солирует под аккомпанемент» других изобразительно-выразительных средств языка:

(13) *'You know I support my staff, Ted. You know I venerate your work.'*
'I know no such bloody thing. I know that you have been told by people cleverer than you that I am a feather in your greasy cap.' [...].

A month's salary, deep regret, the telephone number of some foul rehab clinic and my lance was free. [Fry, 2004, p. 1].

// — *Знаешь, Тед, я всегда поддерживаю своих сотрудников. Я преклоняюсь перед твоим мастерством.*

— *Да ни черта я не знаю. Я знаю, что тебе говорили люди, которые гораздо умнее тебя. А говорили они мне, что я слишком хорош для твоей паршивой газетенки.*

Итак, месячное жалование, глубокие сожаления, номер телефона какой-то занюханной психологической клиники, и я совершенно свободен.

Так, в данном примере описывается сцена увольнения главного героя, литературного критика, который выступает в роли повествователя. Как и в большинстве иронически маркированных отрывков, наиболее выделенный стилистический прием — зевгма (*A month's salary, deep regret, the telephone number of some foul rehab clinic and my lance was free*) — коррелирует с фокусным событием (р) — увольнением (во время которого его начальник говорит, что он горой стоит за своих подчиненных и восторгается его работами). Говорящий / **С** — главный редактор, а Слушающий / **О** — уволенный за неподобающее поведение на премьере спектакля театральный критик. На концептуальном уровне данный пример intersubъектной коммуникации может быть представлен формулой [**С** полагает, что **О** полагает, что **р** и **С** полагает, что **О** полагает, что **С** полагает, что **р** → **О** утверждает ~**р**]. Специфика авторского повествования выражается также с помощью анафорического повтора (*You know... You know...*), лексической эмфазы (*I know no such bloody thing*) и деформированного идиоматического выражения (*I am a feather in your greasy cap*). Ироничные выпады уволенного ав-

тора (О) актуализируют стратегию дискредитации в отношении редактора, а также стратегии самозащиты и самооправдания.

В отрывке из романа Ж. Делакруа «Список моих желаний» зевгма (*et où ce mensonge m'a fait perdre la tête, les vêtements et le pucelage*) также коррелирует с фокусным событием (р) в модели вторичной эмпатии, составляющей концептуальную основу иронически маркированного художественного текста, а с точки наблюдения Жослин (S), которая также выступает и в роли всезнающего автора, она уже совершенно иначе оценивает комплименты Жо (О) в свой адрес. Соответственно, концептуальная структура данного отрывка может быть представлена как [S полагает, что О полагает р и S полагает, что О полагает, что S полагает, что р → S утверждает ~р]:

(14) *Romain a été conçu le soir où Jo m'a dit qu'il me trouvait belle et où ce mensonge m'a fait perdre la tête, les vêtements et le pucelage* [Delacourt, 2012, p. 10] // *Наш сын Ромен был зачат в тот самый вечер, когда Жо сказал мне, что я красивая, и я из-за его вранья потеряла поочередно голову, одежду и невинность.*

С точки зрения прагматики ироничного высказывания в фрагменте реализуется стратегия самоуничижения.

Совершенно другой прагматический фон у ироничного замечания героя романа французского автора С. Беншетри, который, присматривая за собакой одной богатой дамы, уехавшей на отдых, мечтает о своей (р). Впечатляет концентрация стилистических приемов в довольно короткой реплике Говорящего (S):

(15) *Mais certainement pas un caniche. Non, un vrai bâtard. Un mélange pure race. Une espèce de gros pathétique...* [Benchetrit, 2004, p. 34—35] // *Но уж точно не пуделя. Нет, настоящую дворнягу. Чистокровную помесь. Самый настоящий пафос...*

Вокруг оксиморона (*Un mélange pure race*) — выявленного лишь в нескольких случаях и исключительно в текстах на французском языке — стягивается плотный пучок стилистических приемов семантического и синтаксического уровня: антифразис (*vrai bâtard ↔ pure race*), эпитет (*Une espèce de gros pathétique*), парцелляция, лексическая эмфаза (*vrai; pure; gros*) и градация (*Un vrai bâtard. Un mélange pure race. Une espèce de gros pathétique...*). Все эти изобразительно-выразительные средства соотносятся с фокусным объектом, косвенно характеризую и самого Говорящего, в риторике которого наиболее четко просматривается стратегия саморепрезентации.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный концептуальный, прагмасемантический, стилистический и количественный анализ текстовых фрагментов, извлеченных из со-

временной прозы на английском и французском языках, содержащих иронию, позволил установить следующее.

В привлечении образных средств в ходе формирования иронического высказывания наиболее репрезентативным приемом в обоих случаях оказался образный эпитет, который используется несколько чаще в произведениях англоязычных авторов (28,4 % случаев к 19,2 %). Следующей по репрезентативности можно считать метафору (18,3 % от общего количества образных средств в английском и 19,2 % во французском языке). Метонимия является более репрезентативной в иронически маркированных текстах на французском языке (14,7 % случаев к 9,5 %). Антифразис — стилистическая манифестация принципов формирования иронии — не является лидирующим по результатам количественного анализа: он встречается в иронически окрашенных текстовых фрагментах на английском языке в 15,6 % случаев, а на французском — в 14,8 %. Далее по уровню рекуррентности следуют гипербола (10,2 % (англ. яз.) — 9,5 % (фр. яз.)), литота (5,3 % (англ. яз.) — 9 % (фр. яз.)) и зевгма (1,9 % (англ. яз.) — 2 % (фр. яз.)). Было отмечено лишь несколько случаев употребления оксиморона только в франкоязычном ироническом дискурсе.

Количественное представление экспрессивных языковых средств в английском и французском языках тоже несколько разнится. Так, наиболее репрезентативными для англоязычной иронии оказываются параллелизм (21,5 %) и парцелляция (20,7 %), а для франкоязычной — риторический вопрос (18,9 %) и парцелляция (14,4 %). Довольно интересные выводы можно также сделать, опираясь на данные о частотности риторических вопросов (18,9 % (фр. яз.) — 4,2 % (англ. яз.)), переспросов (11,3 % (фр. яз.) — 9,7 % (англ. яз.)) и восклицательных предложений (10,3 % (фр. яз.) — 2,3 % (англ. яз.)).

Полученные результаты указывают на то, концентрация образных и экспрессивных языковых средств оказывается явно выше в художественном ироническом дискурсе на французском языке, нежели на английском. Полученный результат, на наш взгляд, еще раз подчеркивает большую эмоциональную напористость франкоязычной иронии.

Уникальность авторского восприятия в контексте двух лингвокультур проявляется в многообразии образных и экспрессивных языковых средств, которые используются для моделирования иронии в пространстве современной прозы на английском и французском языках. Было выявлено, что все иронически окрашенные отрезки художественного текста, созданные в англоязычной и франкоязычной культурах, содержат не один, а несколько стилистических приемов, причем в текстах на французском языке их плотность гораздо выше. Это позволяет говорить о яв-

лении стилистической конвергенции и еще раз подтверждает следующее: ирония — не троп, а стилистически маркированный способ актуализации речевых стратегий ободрения, поощрения, самозащиты, порицания, осмеяния, дискредитации, самооправдания, саморепрезентации или самоуничижения.

Образные языковые средства формируют прямые корреляции с составляющими концептуальных схем вторичной эмпатии, порождающих иронию, а экспрессивные средства добавляют выразительности и эмотивности ироническим высказываниям художественного дискурса, сообщая им соответствующую модальность.

Источники и принятые сокращения

1. *Самыгина Л. В.* Изучение иронии в сфере лингвистики [Электронный журнал] / Л. В. Самыгина // А-фактор : научные исследования и разработки. — 2017. — Режим доступа : <http://a-factor.ru/tekushchij-nomer/item/37-izuchenie-ironii-v-sfere-lingvistiki> (дата обращения 27.05.2022).
2. *Balding C.* My animals and other family / C. Balding. — London : The Penguin Group, 2013. — 258 p. — ISBN: 9780241959756.
3. *Benchetrit S.* Récit d'un branleur / S. Benchetrit. — Paris : Pocket, 2004. — 174 p. — ISBN: 9782266108218.
4. *Delacourt G.* La liste de mes envies / G. Delacourt. — Paris : Première édition février, 2012. — 186 p. — ISBN: 2709638185.
5. *Forman G.* If I stay / G. Forman. — London : The Penguin Group, 2014. — 224 p.
6. *Fry S.* The Hippopotamus / S. Fry. — London : Arrow Books, 2004. — 400 p. — ISBN 0-09-945703-2.
7. *Gavalda A.* Ensemble, c'est tout / A. Gavalda. — Paris : J'ai lu, 2019. — 576 p.
8. *Guène F.* Kiffe kiffe demain / F. Guène. — Paris : Hachette Littératures, 2004. — 194 p.
9. *Levy M.* Mes amis mes amours / M. Levy. — Paris : Dépôt legal, 2006. — 352 p. — ISBN: 2266168983.
10. *Munro A.* Too much happiness / A. Munro. — London : Vintage, 2010. — 312 p. — ISBN: 0307390349.
11. *Nothomb A.* Stupeur et tremblements / A. Nothomb. — Éditeur : Livre de Poche, 2006. — 186 p. — ISBN: 9782253150718.
12. *Wodehouse P. G.* Much obliged, Jeeves / P. G. Wodehouse. — London : Arrow Books, 2008. — 203 p. — ISBN: 0009951396X.

Литература

1. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика : введение в когнитивную лингвистику / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 236 с. — ISBN 978-5-89016-938-9.
2. *Демьянков В. З.* Понимание как интерпретирующая деятельность / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1983. — № 6. — С. 58—67.
3. *Женетт Ж.* Фигуры : Работы по поэтике / Ж. Женетт. — Москва : Издательство Сабашниковых, 1998. — Т. 1. — 472 с.

4. Заврумов З. А. Феномен иронии в художественном тексте : прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.20 / З. А. Заврумов. — Махачкала, 2017. — 317 с.
5. Нелькенбаум В. М. Особенности стилистической конвергенции в художественном тексте / В. М. Нелькенбаум // Вестник Башкирского университета. — 2016. — Т. 21. — № 1. — С. 136—139.
6. Розенталь Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — Москва : Оникс- 21 век ; Мир и образование, 2003. — 623 с.
7. Сергеева Ю. М. Фактор адресата как причина амбивалентности диалогического дискурса / Ю. М. Сергеева // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики : традиции и инновации : в 2-х частях. — Москва : МПГУ, 2018. — Ч. 1. — С. 81—87.
8. Потебня А. А. Теория словесности : Тропы и фигуры / А. А. Потебня. — Москва : КРАСАНД, 2010. — 200 с. — ISBN 978-5-396-00197-8.
9. Туницкая Е. Л. Лингвистические маркеры персонажа — объекта авторской эмпатии / Е. Л. Туницкая // Филологические науки в МГИМО. — 2019. — № 1 (17). — С. 120—127. — DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-120-127.
10. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Наука, 1982. — Выпуск 11. — С. 277—317.
11. Шаравьев Е. А. Герменевтика ответа / Е. А. Шаравьев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 28. — С. 142—152.
12. Шатуновский И. Б. Ирония и ее виды / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. — Москва : Индрик, 2007. — С. 349—372. — ISBN 5-85759-403-0.
13. Шевелева М. С. Теория эмпатии в анализе дискурса (на материале английского и французского языков) / М. С. Шевелева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — Выпуск 2. — С. 543—552. — DOI: 10.30853/phil210056.
14. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. — Воронеж, 2014. — 399 с.
15. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time : The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing / W. Chafe. — Chicago : The University of Chicago Press, 1994. — 392 p.
16. Geeraerts D. Empathic Viewpoint and Intersubjective Ambiguity / D. Geeraerts // Наука без границ : синергия теорий, методов и практик : материалы Международной научной конференции. — Москва : МГЛУ, 2020. — С. 12—13. — ISBN 978-5-00120-210-3.
17. Kuno S. Functional syntax : anaphora, discourse, empathy / S. Kuno. — Chicago : University of Chicago, 1987. — 320 p.

Material resources

- Balding, C. (2013). *My animals and other family*. London: The Penguin Group. 258 p. ISBN: 9780241959756.
- Benchetrit, S. (2004). *Récit d'un branleur*. Paris: Pocket. 174 p. ISBN: 9782266108218. (In Franc.).
- Delacourt, G. (2012). *La liste de mes envies*. Paris: Première édition février. 186 p. ISBN 2709638185. (In Franc.).
- Forman, G. (2014). *If I stay*. London: The Penguin Group. 224 p.

- Fry, S. (2004). *The Hippopotamus*. London: Arrow Books. 400 p. ISBN 0-09-945703-2.
- Gavalda, A. (2019). *Ensemble, c'est tout*. Paris: J'ai lu. 576 p. (In Franc.).
- Guène, F. (2004). *Kiffe kiffe demain*. Paris: Hachette Littératures. 194 p. (In Franc.).
- Levy, M. (2006). *Mes amis mes amours*. Paris: Dépôt legal. 352 p. ISBN: 2266168983. (In Franc.).
- Munro, A. (2010). *Too much happiness*. London: Vintage. 312 p. ISBN: 0307390349.
- Nothomb, A. (2006). *Stupeur et tremblements*. Éditeur: Livre de Poche. 186 p. ISBN: 9782253150718. (In Franc.).
- Samygina, L. V. (2017). The study of irony in the field of linguistics. In: *A-factor: scientific research and development*. Available at: <http://a-factor.ru/tekushchij-nomer/item/37-izuchenie-ironii-v-sfere-lingvistiki> (accessed 27.05.2022). (In Russ.).
- Wodehouse, P. G. (2008). *Much obliged, Jeeves*. London: Arrow Books. 203 p. ISBN: 009951396X.

References

- Boldyrev, N. N. (2014). *Cognitive semantics: an introduction to cognitive linguistics*. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 236 p. ISBN 978-5-89016-938-9. (In Russ.).
- Chafe, W. (1994). *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago: The University of Chicago Press. 392 p.
- Chief, U. (1982). Datum, contrastivity, definiteness, subject, topics and point of view. In: *New in foreign linguistics, 11*. Moscow: Nauka. 277—317. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (1983). Understanding as interpretive activity. *Questions of Linguistics*, 6: 58—67. (In Russ.).
- Geeraerts, D. (2020). Empathic Viewpoint and Intersubjective Ambiguity. In: *Science without Borders: Synergy of Theories, methods and practices: proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: MGLU. 12—13. ISBN 978-5-00120-210-3.
- Genette, Zh. (1998). *Figures: Works on poetics, 1*. Moscow: Sabashnikov Publishing House. 472 p. (In Russ.).
- Kuno, S. (1987). *Functional syntax: anaphora, discourse, empathy*. Chicago: University of Chicago. 320 p.
- Nelkenbaum, V. M. (2016). Features of stylistic convergence in a literary text. *Bulletin of Bashkir University*, 21 (1): 136—139. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (2010). *Theory of literature: Paths and figures*. Moscow: KRASAND. 200 p. ISBN 978-5-396-00197-8. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E., Telenkova, M. A. (2003). *Dictionary of Linguistic terms*. Moscow: Onyx-21st century; World and Education. 623 p. (In Russ.).
- Sergeeva, Yu. M. (2018). The addressee factor as the cause of ambiguity of dialogic discourse. In: *Topical issues of linguistics and linguodidactics: traditions and innovations: in 2 parts, 1*. Moscow: MPSU. 81—87. (In Russ.).
- Sharavyev, E. A. (2008). Hermeneutics of answering. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 28: 142—152. (In Russ.).
- Shatunovsky, I. B. (2007). Irony and its types. In: *Logical analysis of language. Linguistic mechanisms of comedy*. Moscow: Indrik. 349—372. ISBN 5-85759-403-0. (In Russ.).
- Sheveleva, M. S. (2021). Theory of empathy in the analysis of discourse (based on the material of English and French). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 14 (2): 543—552. DOI: 10.30853/phil210056. (In Russ.).

- Shilikhina, K. M. (2014). *Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects*. Doct. Diss. Voronezh. 399 p. (In Russ.).
- Tunitskaya, E. L. (2019). Linguistic markers of the character — object of author's empathy. *Philological sciences in MGIMO, 1 (17)*: 120—127. DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-120-127. (In Russ.).
- Zavrumov, Z. A. (2017). *The phenomenon of irony in a literary text: pragmasemantic and linguoculturological aspects*. Doct. Diss. Makhachkala. 317 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.04.2022,
одобрена после рецензирования 16.08.2022,
подготовлена к публикации 20.09.2022.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

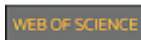

Виктория Викторовна Казяба, канд. филол. наук (Архангельск)
Залиха Усмановна Хакиева, канд. филол. наук (Грозный)
Ксения Владимировна Игаева, млад. науч. сотрудник (Нижний Новгород)
Лариса Тазретовна Касперова, канд. филол. наук (Москва)
Надежда Владимировна Смирнова, канд. фил. наук (Москва)
Ольга Юрьевна Гукосьянц, канд. филол. наук (Пятигорск)
Олег Алимурадович Алимурадов, д-р филол. наук (Пятигорск)
Федор Владимирович Николаи, д-р филос. наук (Нижний Новгород)

Гукосьянц О. Ю. Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 / О. Ю. Гукосьянц, О. А. Алимурадов, З. У. Хакиева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 175—196. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196.

Gukosyants, O. Yu., Alimuradov, O. A., Khakiyeva, Z. U. (2022). Communicative Strategies and Tactics of Trolls-Aggressors in Computer-Mediated Communication during COVID-19 Pandemic. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 175-196. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196

Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19

Гукосьянц Ольга Юрьевна¹

orcid.org/0000-0001-7879-8436

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра западноевропейских
языков и культур
gukosjants@mail.ru

Алимурадов Олег Алимурадович¹

orcid.org/0000-0002-8686-8374

доктор филологических наук, доцент,
кафедра западноевропейских
языков и культур
alimuole@mail.ru

Хакиева Залиха Усмановна²

orcid.org/0000-0001-8323-589X

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка
zalikha_khakiyeva@mail.ru

¹ Пятигорский

государственный университет
(Пятигорск, Россия)

² Чеченский государственный
университет им. А.-А. Кадырова
(Грозный, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена в рамках
проекта МК-1675.2022.2 по гранту
Президента Российской Федерации

Communicative Strategies and Tactics of Trolls-Aggressors in Computer-Mediated Communication during COVID-19 Pandemic

Olga Yu. Gukosyants¹

orcid.org/0000-0001-7879-8436

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of West European
Languages and Cultures
gukosjants@mail.ru

Oleg A. Alimuradov¹

orcid.org/0000-0002-8686-8374

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of West European
Languages and Cultures
alimuole@mail.ru

Zalikh U. Khakiyeva²

orcid.org/0000-0001-8323-589X

PhD in Philology, Associate Professor,
The English Language Department
zalikha_khakiyeva@mail.ru

¹ Pyatigorsk State University

² A. A. Kadyrov Chechen
State University
(Grozny, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out within
the framework of the project MK-
1675.2022.2 with a grant
from the President of the Russian Federation

© Гукосьянц О. Ю., Алимурадов О. А., Хакиева З. У., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается агрессивное коммуникативное поведение виртуальной языковой личности, провоцирующей конфликтную коммуникативную ситуацию в виртуальном пространстве (тролля-агрессора). Исследование проведено на материале комментариев к постам в Живом Журнале и интернет-мемов, опубликованных в период пандемии COVID-19. В ходе анализа исчислены коммуникативные роли, воспроизводимые троллями-агрессорами, применяемые ими коммуникативные стратегии и тактики. Общей коммуникативной стратегией агрессивного конфликтного взаимодействия тролля в указанный временной период признается стратегия враждебности, воплощенная в частных стратегиях (микро-стратегиях) дискредитации и нападения. Сделано заключение о реализации микростратегии дискредитации посредством тактики ложного комплимента, тактики колкости, тактики оскорбления и тактики обвинения, о реализации микростратегии нападения через речевые тактики угрозы и возмущения. Особое внимание уделено описанию маркеров перечисленных тактик, наблюдаемых в коммуникативном поведении троллей-агрессоров. Исчисление речевых тактик, используемых троллями-агрессорами для провоцирования конфликта в интернет-среде, позволило конкретизировать полученную в процессе анализа эмпирического материала типологию троллей-агрессоров. Итогом работы стало построение схемы, отражающей наблюдаемые в анализируемом материале типы троллей общего вида «тролль-агрессор», реализуемые ими коммуникативные стратегии и тактики в рамках общей стратегии враждебности.

Ключевые слова:

интернет-опосредованная коммуникация; конфликтный дискурс; коммуникативный конфликт; агрессивное коммуникативное поведение; троллинг; тролль.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article considers the aggressive communicative behaviour of a virtual linguistic personality provoking a communication conflict in the virtual space (a troll-aggressor). The data include comments retrieved from LiveJournal posts and Internet memes published during the COVID-19 pandemic. In the course of the analysis, the authors reveal the communicative roles, strategies and tactics of trolls-aggressors. The common strategy of the troll's aggressive conflict interaction in the indicated time period is the strategy of hostility which is embodied in particular strategies (micro-strategies) of discrediting and attack. It is concluded that discrediting as a micro-strategy can be implemented via a false compliment, the tactic of taunt, the tactic of insult and the tactic of blaming. The micro-strategy of attack is implemented by means of threat and indignation. Particular attention is paid to the description of the markers of the above-listed tactics observed in trolls-aggressors' communicative behaviour. Enumeration of the tactics used for provoking conflicts in virtual environment made it possible to concretize the typology of trolls-aggressors which has been revealed in the course of empiric data analysis. As a result, the authors present a scheme which reflects the types of trolls, belonging to the general type "troll-aggressor", and the implemented communicative strategies and tactics within the framework of the common strategy of hostility.

Key words:

computer-mediated communication; conflict discourse; communication conflict; aggressive communicative behaviour; trolling; troll.

Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19

© Гукосьянц О. Ю., Алимуратов О. А., Хакиева З. У., 2022

1. Введение = Introduction

Период пандемии и массового карантина, повлекший введенные ограничения, нахождение в замкнутом пространстве без возможности свободного перемещения и смены обстановки, страх за собственную жизнь и здоровье, а также здоровье близких, новые требования к способу организации работы и образовательного процесса, характеризуется высоким уровнем эмоциональной напряженности граждан. Неприятие происходящего, желание выразить негативное отношение к ситуации, принимаемым мерам, унижить, психологически подавить придерживающихся другого мнения оппонентов послужили катализаторами конфликтного взаимодействия, реализуемого прежде всего в виртуальном пространстве.

Девиантное коммуникативное поведение в интернет-среде, проявляющееся в обмане, изменении идентичности участника коммуникации, агрессивном речевом поведении, разрушении взаимных отношений с собеседником, в вовлечении в конфликт сторонних участников определено К. Хардакер как интернет-троллинг [Hardaker, 2010, p. 225—238]. При этом сам пользователь, участвующий в коммуникации посредством компьютеров и конструирующий образ личности, желающей быть частью рассматриваемой группы, реальные намерения которой заключаются в нарушении стабильности и (или) разжигании или поддержании конфликтной ситуации в целях собственного развлечения, определен исследователем как интернет-троль [Hardaker, 2010, p. 239].

Характеристике языковой личности тролля, желающего оказать разрушительное эмоциональное воздействие на собеседника (тролля-агрессора), дифференциации типов троллей данного вида, наблюдаемых на просторах Живого Журнала и создающих интернет-мемы в период пандемии, исчислению комплекса речевых стратегий и тактик, служащих для достижения такими троллями деструктивного результата коммуникации, посвящена настоящая работа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

За каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка и репрезентируемой этим языком концептосферой [Алимуратов

и др., 2010, с. 12; Караулов, 2010, с. 27]. Языковая личность представляет собой «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [Караулов и др., 1989, с. 3].

«Главным способом самовыражения языковой личности, — отмечает К. Ф. Седов, — является дискурсивная деятельность и шире — дискурсивное поведение» [Седов, 1999, с. 6]. По мнению Ю. Н. Караулова, «не обратившись к творцу, носителю и пользователю языка — к человеку, к конкретной языковой личности, нельзя познать сам по себе язык» [Караулов и др., 1989, с. 7].

Обращаясь к анализу дискурсивного поведения языковой личности в интернет-среде, уместно, на наш взгляд, уточнить формулировку термина *виртуальная языковая личность* и использовать его в рамках настоящей работы. Виртуальная языковая личность, под которой мы понимаем конструируемый виртуальный образ, созданный реальной языковой личностью в условиях анонимности компьютерно-опосредованной коммуникации и «достраиваемый» собеседником на основе имеющихся фактов вербального поведения, а также собственных предпочтений, отношения к партнеру по коммуникации [Гукосьянц, 2016, с. 46], обладает определенной свободой в интернет-пространстве и демонстрирует собственную идентичность посредством коммуникативного поведения, в частности создаваемых сообщений.

По определению И. А. Стернина, под *коммуникативным поведением* понимается «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности» [Стернин, 1989, с. 280].

Коммуникативное поведение проявляется в определенных коммуникативных ситуациях, представляющих собой «совокупность речевых и неречевых условий, необходимых для осуществления речевого действия» [Смолина, 2014, с. 223].

Поведение человека в общении, в той или иной коммуникативной ситуации, образ человека, создаваемый им для достижения определенной цели, определены И. А. Стерниным как «коммуникативная роль», исполнение которой «дает человеку возможность воздействовать на окружающих в нужном ему направлении», она неразрывно связана с понятием «ролевая маска», которую надевает человек для достижения поставленных целей [Стернин, 2001, с. 79—80]. Придерживаясь предложенной И. А. Стерниным дифференциации коммуникативных ролей на стандартные и инициативные, отметим, что виртуальная языковая личность, демонстрирующая агрессивное комму-

никативное поведение, исполняет скорее инициативные коммуникативные роли, то есть конструирует те образы, «которые человек сознательно создает в общении для достижения определенной цели, то, кем он решил “прикинуться” для достижения поставленной им задачи» [Там же, с. 80—81].

Принимая в качестве *предмета исследования* в настоящей работе коммуникативное поведение виртуальной языковой личности, провоцирующей конфликтную коммуникативную ситуацию в виртуальном пространстве за счет выбора определенных речевых действий, приводящих к коммуникативному конфликту — «речевому столкновению, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами» [Седов, 2002], мы видим необходимость в исчислении коммуникативных ролей, воспроизводимых демонстрирующими агрессивное коммуникативное поведение конфликтными виртуальными языковыми личностями, наблюдаемых в комментариях к постам в Живом Журнале периода пандемии и в посвященных данному времени интернет-мемах.

Однако для корректности проводимого анализа уточним понимание нами конфликта как конфронтационного коммуникативного взаимодействия и разграничим агрессивную конфликтную и жесткую аргументативную коммуникацию.

По мнению Н. А. Белоус, конфликт — парный поведенческий акт, специфическое взаимодействие — конфронтация — одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнеров в понимании или оценке ситуаций и возникновение их антипатии друг другу [Белоус, 2008, с. 31].

В противовес характерному для агрессивного конфликтного взаимодействия столкновению противоборствующих сторон, вербальная аргументативность определяется как «предрасположенность человека отстаивать свои позиции по спорным вопросам» [Infante et al., 1982, p. 72]. Аргументативность признается конструктивной характеристикой, поскольку она связана с повышением уровня эрудиции, менее эгоцентричным мышлением, улучшением решения проблем, повышением авторитета, лидерства и принятия решений, большей компетенцией в области коммуникации и благоприятными организационными результатами коммуникации. Агрессивность, наоборот, представляет собой деструктивную, разрушительную характеристику [Ibid., p. 159]. Вербальные агрессоры, согласно мнению М. Martin и С. Anderson, общаются по большей части для осуществления контроля [Martin et al., 1996, p. 547]. P. Schrodtt и L. Wheelless, изучая агрессивные сообщения, заключают, что они связаны с нападками на характер, компетентность и внешний вид, а также с насмешками, угрозами, клеветой, желанием подразнить, применением ненормативной лексики [Schrodtt et al., 2001, p. 55].

Именно агрессивные конфликтные сообщения, представляющие собой комментарии к постам в Живом Журнале, а также интернет-мемы, появившиеся в период пандемии, являются материалом исследования в настоящей работе. Анализируемый материал насчитывает порядка 1500 агрессивных конфликтных сообщений и более 200 интернет-мемов, подбор которых осуществлялся методом сплошной выборки. Основными методами исследования явились методы лингвостилистического и контекстуального анализа. При обобщении, систематизации, классификации и интерпретации полученных данных применялся описательный метод.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

Разжигание розни в Интернете через публикацию подстрекательских, оффтоповых сообщений, вызывающих эмоциональную реакцию читателей и нарушение хода дискуссии, известно под названием «интернет-троллинг» [Angouri et al., 2010]. Задача тролля — осуществить речевое столкновение, нанести удар по самооценке оппонента, разрушить коммуникацию. К. Хардакер выводит четыре основные взаимосвязанные характеристики тролля: агрессия, успех, раскол и обман. *Агрессия*, по мнению ученого, предполагает злонамеренное поведение с целью вызвать раздражение или заставить других принять ответные меры; *успех* зависит от того, достигает или нет предпринятая троллем провокация желаемого гневного ответа; *раскол* заключается в изменении темы дискуссии и строится на переключении участников с обсуждения основной темы на личные оскорбления; *обман* связан с построением троллем ложной идентичности, реальные намерения которой — спровоцировать или обострить конфликт для реализации собственных целей, ради развлечения [Hardaker, 2010, pp. 225—236].

Проанализировав материал исследования и изучив представленные выше данные касательно поведения троллей в виртуальном мире, приходим к заключению, что в коммуникативном поведении троллей в рамках настоящей выборки прослеживаются две базовые интенции: 1) собственно агрессия, направленная на дискредитацию оппонента, сознательное разрушение коммуникации и 2) манипуляция, заключающаяся в скрытом воздействии на сознание пользователей посредством обоснования продвигаемой позиции или возбуждения коллективной ненависти с целью создать собственную «группу поддержки».

Свойство манипулятивности агрессивного коммуникативного поведения целесообразно отграничивать от свойства суггестивности, присущего коммуникации в целом, хотя существуют работы, в которых данные свойства практически отождествляются, см., в частности: [Гончаренко, 2008]. Суггестивность является одним из важнейших факторов многослойности

смысла, передаваемого высказыванием и текстом как коммуникативными единицами. Согласно Р. Познеру, при рецепции высказывания слушающий сначала воспринимает и пытается интерпретировать информацию, лежащую на поверхности, то есть *конструирует верхний смысловой слой*. Если такая интерпретация не помогает и полученный смысл *не вписывается в общую цель коммуникации*, реципиент высказывания, предполагая, что информация, которую стремился передать ему говорящий, отличается от буквального смысла высказывания, осуществляет *прагматический анализ вербального и невербального контекста*, в котором было продуцировано воспринятое им речевое произведение. Именно прагматический анализ контекста, как отмечает Р. Познер, дает возможность выявить **суггестивные компоненты**, необходимые для конструирования более глубокого смыслового слоя высказывания [Posner, 1980, pp. 177—184]. Можно выделить три основных характеристики суггестивных элементов коммуникативного контекста:

— у них отмечается вариативность интерпретаций, проявляющаяся в том, что некоторые элементы контекста *всегда задействованы* в процессе понимания некоторого высказывания или его компонента (такие контекстуальные элементы целесообразно включать в буквальный смысл коммуникативных единиц [Bierwisch, 1980]), в то время как другие составляющие контекста влияют на понимание только в определенных условиях, в результате специальной интерпретации;

— поскольку, как следует из определения, суггестивные элементы контекста находятся в сильной зависимости от ситуации производства коммуникативного акта, некоторые из этих элементов можно элиминировать, если выбрать несколько иной контекст (это важнейшее замечание напрямую касается и агрессивной, конфликтогенной коммуникации: высказывание интерпретируется реципиентом как агрессивное, если ситуация компьютерно-опосредованного общения благоприятствует актуализации определенных суггестивных элементов контекста, которые позволяют дать высказыванию именно такую интерпретацию);

— суггестивность, которой характеризуется высказывание, отделена от его конкретного вербального наполнения, но неразрывно связана с буквальным, поверхностным смысловым слоем высказывания [Ibid., pp. 180—181].

Суггестивные компоненты стимулируют, подталкивают слушающего к конструированию более глубокого смыслового слоя высказывания и, если необходимо, к дальнейшему углублению в его смысл. Суть суггестивности свидетельствует о том, что *глубинный смысловой слой должен строиться на базе уже существующего*, «более понятного», очевидного и

лежащего на поверхности смысла. Можно, таким образом, констатировать, что благодаря суггестивности между поверхностным и более глубокими слоями смысла высказывания и текста устанавливаются отношения иерархической производности.

Проведенный анализ показывает, что на основании коммуникативных стратегий манипулирования реципиентом, исчисленных нами в процессе анализа комментариев к постам Живого Журнала и интернет-мемов периода пандемии, можно вывести два основных вида языковой личности троллей. Первый основной вид троллей, стремящихся разрушить коммуникацию, именуем *троллями-агрессорами* (изучению данного вида троллей посвящена настоящая статья). Второй основной вид троллей, деформирующих сознание окружающих, навязывающих собеседникам конкретное мнение, образ действий, установки, назовем *троллями-манипуляторами*. Подчеркнем, что, какие бы речевые проявления тролля нами ни наблюдались, все они обеспечивают возможность демонстрации конфликтной виртуальной языковой личности и формируют «имидж тролля».

3.1. Общая и частные коммуникативные стратегии троллей-агрессоров

Поскольку речевая коммуникация — это стратегический процесс, целесообразно подробнее остановиться на наблюдаемых в рамках настоящей выборки «особых коммуникативных планах поведения говорящих (их речевых и неречевых действиях), которые ориентированы на достижение определенных коммуникативных и практических целей (на фоне определенных психологических установок)» [Гулакова, 2004, с. 10], являющихся по сути применяемыми коммуникативными стратегиями.

Раскрывая характерные для анализируемой выборки коммуникативные стратегии, будем использовать подход, предложенный О. С. Иссерс, согласно которому логично «идти от общих стратегических задач к частным, решаемым применительно к конкретному коммуникативному акту» [Иссерс, 2008, с. 105].

Рассмотрим подробнее коммуникативные стратегии и тактики, применяемые троллями-агрессорами в указанный временной отрезок, а также типы троллей-агрессоров, исчисленных нами в ходе изучения комментариев к постам в Живом Журнале на основе анализа 1500 комментариев, демонстрирующих конфликтное (агрессивное) речевое поведение, и также более 200 интернет-мемов, созданных в период пандемии.

Общей стратегией, характерной для первого выделяемого нами основного вида конфликтной виртуальной языковой личности (тролля-агрессора), выступает *стратегия враждебности*, задача которой — продемонстрировать очевидное негативное отношение, выйти на открытый комму-

никативный конфликт с собеседником. Частными проявлениями стратегии враждебности являются:

— *микростратегия дискредитации*, цель которой — унизить собеседника, снизить степень доверия к нему;

— *микростратегия нападения*, которая заключается в вербальной атаке на собеседника, в демонстрации собственной силы, захвате власти и контроле над поведением оппонента.

Отмеченные в речевом поведении троллей доминирующие иллюкативные установки (дискредитация и нападение) реализуются посредством конкретных речевых действий, которыми являются применяемые речевые тактики. Исчисляя речевые тактики, используемые троллями-агрессорами для провоцирования конфликта в интернет-среде, конкретизируем полученную в процессе анализа эмпирического материала типологию троллей-агрессоров и представим краткую характеристику каждого из трех выявленных подтипов.

3.2. Троль-интеллигент: характеристика, речевые стратегии и тактики

Троль-интеллигент в компьютерно-опосредованной коммуникации презентует себя как тактичного, воспитанного, деликатного и культурного человека, готового к общению в рамках приличий и конвенций, но при этом демонстрирующего откровенно ложную симпатию по отношению к собеседнику, проявляющуюся в неискренних комплиментах, похвале, поздравлениях, восхищении, любезности, одобрении.

Первой характерной речевой тактикой тролля-интеллигента служит *тактика ложного комплимента*:

(1) ***Какой замечательный, подробный, профессионально написанный, информативный, иллюстрированный и абсолютно бесполезный материал!*** (комментарий от 31.03.2020 г., <https://crithin.livejournal.com/14923.html>, дата обращения 30.01.2022) [АА].

В предлагаемом примере прилагательные, выражающие положительную оценку в адрес описываемого объекта в первой части комментария (*замечательный, подробный, информативный, иллюстрированный*), дополненные словосочетанием *профессионально написанный*, сменяются прилагательным с диаметрально противоположной оценочностью, подкрепленным интенсификатором (*абсолютно бесполезный*) и резко расходящимся с логикой предшествующего текста, что обеспечивает возникновение парадокса и способствует пониманию неискренности комплимента, позволяет сделать вывод о применении тактики ложного комплимента.

(2) ***одно утешает его высочество господин сердца моего божественный! Маха спасет меня дабы я смог в своих стихах славить его***

достопочтенное имя (комментарий от 11.04.2020 г., <https://ru-royalty.livejournal.com/8485383.html>, дата обращения 01.02.2022) [Там же]. Обращает на себя внимание и частотное применение риторических обращений в рамках реализации рассматриваемой тактики как индикатор отношения говорящего к адресату, что обеспечивает неуместную торжественность высказывания и выражение негативного отношения к реципиенту в имплицитной форме. Гротескность речи придают наличие устаревших слов *дабы, достопочтенный, славить*, представление автора комментария в образе менестреля, некоторая пафосность создаваемого образа (*в своих стихах славить его достопочтенное имя*).

Негативное отношение к собеседнику проявлялось и в случаях применения исключительно риторического обращения с помощью слов с комплиментарным значением и достигалось благодаря намеренному искажению написания данных оценочных номинаций:

(3) *Маладец!* (комментарий от 18.10.2020 г., <https://radulova.livejournal.com/4022554.html>, дата обращения 01.02.2022) [Там же].

Резкая смена комплиментарной оценки на иную тактику стратегии враждебности или стратегии манипулирования, проявляемые к одному и тому же оппоненту, является подтверждением фальшивости положительного отзыва:

(4) *Спасибо, что поделились своим ценным мнением. Но я предпочитаю результаты лабораторных исследований доктора Ризоли и университетов Стэнфорда, Корнелла и Калифорнии* (комментарий от 13.03.2021 г., <https://subjecthistory.livejournal.com/10498.html>, дата обращения 06.02.2022) [Там же]. В представленном примере соблюдена речевая формула благодарности. Однако первая и вторая части комментария противопоставляются благодаря использованию союза *но*. Кульминационная часть данного сообщения сводит к минимуму искренность благодарности, выражаемой в начале высказывания.

Тактика ложного комплимента реализовывалась в том числе и в интернет-мемах, созданных как реакции на происходящие события, являющихся по сути частью виртуальной коммуникации и провоцирующих определенную реакцию у адресатов. Примером применения рассматриваемой тактики может служить следующий демотиватор (рис. 1), в котором высокая оценка вакцины (*прекрасная вакцина*) контрастирует с решительным нежеланием проходить вакцинацию (утвердительная частица *конечно*).

Принизить, уязвить, высмеять собеседника, продемонстрировав таким образом враждебное к нему отношение, в анализируемом материале удавалось коммуникантам с помощью язвительных насмешек, издевок, то есть посредством реализации *тактики колкости*:

Рис. 1

(5) *У Вас все, кроме Вас, глупые, дураки или идиоты. Удивляешься, как столь умный человек допускает такое количество ошибок в пунктуации* (комментарий от 27.07.2021 г., <https://subjecthistory.livejournal.com/10498.html>, дата обращения 05.02.2022) [Там же];

(6) — *Многоразовая матерчатая, бесполезна в защите*
— *Это Нобелевка!* (комментарий от 07.12.2020 г., <https://verola.livejournal.com/1423133.html>, дата обращения 15.02.2022) [Там же];

(7) — *Для защиты от обычного мне хватает одной дозы моего лекарства с ивм*

— *“лекарство для защиты от вируса” — это на нобелевскую премию тянет)))* (комментарий от 15.07.2021 г., <https://ilyavaliev.livejournal.com/8938975.html>, дата обращения 17.02.2022) [Там же].

Саркастическая насмешка над уровнем интеллекта и образованности собеседника, наличие «издевательской» гиперболы (*столь умный, это Нобелевка, на нобелевскую премию тянет*) в прямо противоположном значении нацелены на высмеивание недостатков оппонента, на принижение его достоинства, дискредитацию личности.

Сарказм присутствует и в следующих мемах, созданных по случаю введения ограничительных мер (рис. 2) и послабления ограничительных мер в связи с созданием вакцины (рис. 3). Тактика колкости в рис. 2 проявляется через применение «издевательской» гиперболы (*улетное лето* — отдых в защитном костюме), в рис. 3 посредством саркастического сравнения, демонстрирующего резкий контраст между удобством отдыха для непривитых граждан и чрезмерное количество отдыхающих на пляже, отведенном для вакцинированных лиц.

Рис. 2

Рис. 3

3.3. Тролль-обвинитель / обличитель: характеристика, речевые стратегии и тактики

Вторым выявленным подтипом речевого поведения, свойственного троллю-агрессору, стало проявление коммуниканта в качестве тролля-обвинителя / обличителя.

Задача *тролля-обвинителя / обличителя* — опорочить собеседника, позицию, власть, события и прочее. Анализ показывает, что данному типу троллей частотно присущи две речевые тактики — *тактика оскорбления* и *тактика обвинения*.

Тактика оскорбления отличается стремлением причинить адресату высокий эмоциональный ущерб, навязать отрицательную оценку, подавить оппонента и не предполагает использования фактов и доказательств. Моральное уничтожение собеседника проявляется через использование значительного объема инвектив, критику умственных способностей личности, реже — иных личностных качеств индивида.

(8) *У меня начинает складываться впечатление что общаюсь с безмозглым ботом типа жжж-френка. Предыдущие поколения риновирусов не несли такого урона больным как в этом году. Напомню сейчас за 1 (один) день только в Ша под 2000 смертей. Вы это усвоили или нет?* (комментарий от 11.04.2020 г., <https://crithin.livejournal.com/14923.html>, дата обращения 05.02.2022) [Там же].

В представленном примере наблюдаем ситуацию непрямого оскорбления. Нейтральная усеченная номинация *бот*, используемая в качестве характеристики коммуниканта, снижает ранг оппонента, приравнивая уровень его развития к программе, способной выполнять однотипные

действия и лишенной возможности проведения собственного анализа и создания умозаключений. Отрицательная семантика номинации *бот* придается также за счет пейоративно оценочного прилагательного *безмозглый*. Дискредитация собеседника поддерживается в данном случае благодаря вопросительной конструкции (*Вы это усвоили или нет?*), следующей после озвучивания коммуникантом цифровых данных по уровню смертности в США в указанный период, которые, по мнению автора, служат очевидным аргументом, но едва ли понятны собеседнику в силу скудности ума.

(9) *Анализируя конфликтные контексты, мы отметили многочисленные случаи прямых оскорблений.*

Телеграм — это источник фактов?

— нет

А если предположить, что.

— предполагать можно что угодно, а вот то, что вы двуличная лживая скотина — это уже однозначно установленный факт (комментарий от 05.07.2021 г., <https://ilyavaliev.livejournal.com/8934371.html>, дата обращения 12.02.2022) [Там же].

Оскорбление достигается за счет использования бранного слова *скотина*, негативная семантика которого усилена эпитетами *двуличная*, *лживая*. Категоричность суждения тролля в данном примере подчеркивается дополнительным значением уверенности, выраженным с помощью усилительной частицы *уже* и модального наречия *однозначно*.

(10) *“У кого ноль — те заболеют” — вот только за эту одну фразу ты безграмотный засланный казачок* [Там же] (комментарий от 14.07.2021 г., <https://ilyavaliev.livejournal.com/8938975.html>, дата обращения 15.02.2022).

Устойчивый фразеологизм *засланный казачок*, дополненный отрицательной оценкой уровня образованности оппонента, является попыткой обличить истинную сущность адресата, унижает собеседника, подрывая его авторитет.

Использование обценных, жаргонных, просторечных слов для реализации тактики оскорбления характерно также для анализируемых мемов. В представленном примере (рис. 4) автор для характеристики лиц, отказывающихся вакцинироваться, использует бранное слово *мудак*. Провоцирование конфликтного взаимодействия в данном случае усиливается еще и изображаемой ситуацией самооценивания, когда противник вакцин использует бранную лексику в собственный адрес, будто добровольно приписывая себе отрицательные качества.

Рис. 4

Обвинения в неискренности, неспособности доказать правоту, обличение личности тролля — набор действий коммуниканта, обеспечивающих реализацию *тактики обвинения*. Анализируя имеющийся материал, отметим предъявление троллями как личного, так и безличного (без именованного объекта агрессии) вариантов обвинений в созданных ими комментариях.

(11) *В данной ситуации крипто*** ведёт себя как паразит или как тролль* (комментарий от 27.03.2020 г., <https://chervonec-001.livejournal.com/3210557.html>, дата обращения 01.02.2022) [Там же]. Представленный комментарий — приписывание герою *крипто**** скандального поведения, характерного для тролля. Отрицательная оценка собеседника, проявляющаяся через некорректное и необоснованное сравнение его с паразитом и выраженная в виде разговора о нем в третьем лице в его же присутствии, является примером психологической травли объекта.

Уличение собеседника во лжи — характерная поведенческая реакция виртуального пользователя, нацеленная на дискредитацию оппонента. Выразаться подобная провокация может в виде простых предложений, содержащих прямую негативную номинацию субъекта оскорбления (пример (12) — *ты же лжец*), инверсивных конструкций для усиления эмоционального эффекта (пример (13) — *Врешь тут только ты*), императивной конструкции (рис. 5 — *Ври больше*), двойного отрицания в значении утверждения (пример (14) — *не соврать не смог*), риторического вопроса, содержащего пейоративно оценочные номинации (пример (14) — *Как можно быть настолько брехливым?*).

(12) *Всё правильно, ты сначала проверяешь информацию, а затем специально извращаешь её, чтобы ни в коем случае правду не написать. Ведь ты же лжец* (комментарий от 01.02.2021 г., https://mirovich.media/730878.html?utm_source=recent, дата обращения 15.02.2022) [Там же].

(13) *Врёшь тут только ты, и я множество раз это показывал* (комментарий от 01.02.2021 г., https://mirovich.media/730878.html?utm_source=recent, дата обращения 11.01.2022) [Там же].

(14) *Даже в мелочи не соврать не смог:) Как можно быть настолько брехливым?* (комментарий от 01.02.2021 г., https://mirovich.media/730878.html?utm_source=recent, дата обращения 17.02.2022) [Там же].

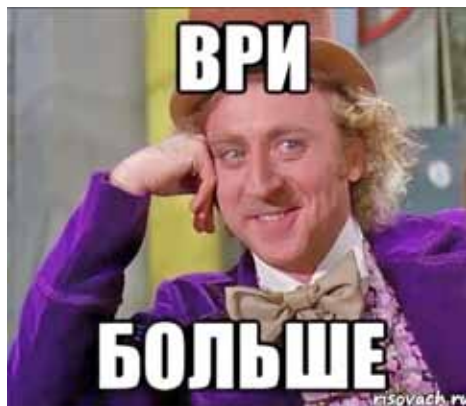

Рис. 5

Иконическая часть мема (рис. 5), содержащая изображение Вилли Вонка (персонажа фильма «Вилли Вонка и шоколадная фабрика»), передает недоверие к словам оппонента, усиливая тем самым вербальную часть и обеспечивая реализацию тактики обвинения.

3.4. Троль-берсерк: характеристика, речевые стратегии и тактики

Третьим характерным проявлением тролля-агрессора в рамках настоящей выборки стала демонстрация себя в качестве так называемого *тролля-берсерка*. Главная цель данного типа тролля — открытая конфронтация с собеседником, демонстрация собственной силы, запугивание оппонента, высказывание враждебных замечаний. Характеризуя способы воплощения перечисленных интенций, остановимся на двух наблюдаемых в ходе исследования речевых тактиках тролля-берсерка — *тактике угрозы* и *тактике возмущения*.

(15) *После прочтения последнего абзаца возникло непреодолимое желание найти авторизу, нарушить дистанцию в полтора метра, взять за грудки и вопрошать: “Что сказать то хотела?!”* (комментарий от 31.03.2020 г., <https://crithin.livejournal.com/14923.html>, дата обращения 30.01.2022) [Там же]. Предлагаемый пример является вариантом угрозы-

предупреждения. Говорящий выражает своё отношение к автору блога, прямо сообщает о своем неприятии позиции собеседника. Сообщение достаточно категорично, использованы приемы запугивания. Желание нанести очевидный вред автору блога в анализируемом сообщении не наблюдается, но общий посыл сообщения — резкая агрессия, подкрепленная использованным феминитивом *авторша*, передающим пренебрежительное отношение к характеризуемому лицу, допущенными стилистическими смещениями: штампом *возникло непреодолимое желание*, просторечным выражением *взять за грудки*, устаревшим, ныне книжным словом *вопрошать*. Упоминание готовности пренебречь запретами, обусловленными сложившейся ситуацией пандемии и локдауна — *нарушить дистанцию в полтора метра*, умышленное искажение написания *чо*, наблюдаемая градация (*найти авторшу — нарушить дистанцию — взять за грудки — вопрошать*), дающая возможность демонстрации волевых качеств автора сообщения, позволяют трактовать это сообщение как содержащее угрозу.

Угроза жестокой расправы над собеседником, нагнетающим панику в социальных сетях касательно распространения коронавирусной инфекции, присутствует в следующем комментарии (пример 16), сочетающем тактику оскорбления: (**КОВИДОБЕСЫ И ВЫ С НИМИ — зараза на теле России**) и собственно тактику угрозы (*подлежите тотальному уничтожению даже без могил сжечь живьем*).

(16) **ОПАСНЫ — КОВИДОБЕСЫ И ВЫ С НИМИ — зараза на теле России и подлежите тотальному уничтожению даже без могил сжечь живьем** в назидание другим (комментарий от 20.06.2021 г., <https://nukakzetak.livejournal.com/15765.html?page=2>, дата обращения 12.02.2022) [Там же].

Реализацией тактики угрозы является призыв к расправе над гражданами, отказывающимися вакцинироваться и распространяющими информацию о бесполезности вакцины. Призыв к действию выражается через использование императивных конструкций (*Бей антиваксеров, спасай Россию*) и изображение воинов, преследующих врага.

Тактика *возмущения* реализуется троллем-безумцем, атакующим в анализируемых контекстах через:

— грубое требование:

(17) **Вытирашка, чо тут трёшься? Брысь в схрон** (комментарий от 27.03.2020 г., <https://chervonec-001.livejournal.com/3210557.html>, дата обращения 07.02.2022) [Там же].

— проклятье:

(18) **И в который раз посоветую: бросайте ремесло тралалаш. Подхватите уже ковидлу и освободите от себя планету** (комментарий от

Рис. 6

30.12.2020 г., <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>, дата обращения 17.01.2022) [Там же].

— враждебное замечание:

(19) **задрали вы уже своим ковидобесием антимасочным!** (комментарий от 01.02.2022 г., https://sapojnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3, дата обращения 17.01.2022) [Там же].

Рис. 7

— выражение презрения:

(20) *СПИД*Доносец, никому нет дела до того, что у тебя нет иммунитета. Это твое личное горе. Мы всех спидоносцев выселяем в резервации — болейте сами, лечитесь сами, мозги вправляйте себе сами. А к здоровым тебе лезть никто не позволит. Никто не обязан тратить свое время на тебя у**ищного!! (комментарий от 01.02.2022 г., https://sapojnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3, дата обращения 17.01.2022) [Там же].

Продemonстрируем на рисунке некоторые выводы, полученные нами в процессе анализа агрессивного конфликтного коммуникативного взаи-

модействия на примере комментариев к постам в Живом Журнале и интернет-мемов, опубликованных в период пандемии (рис. 8).

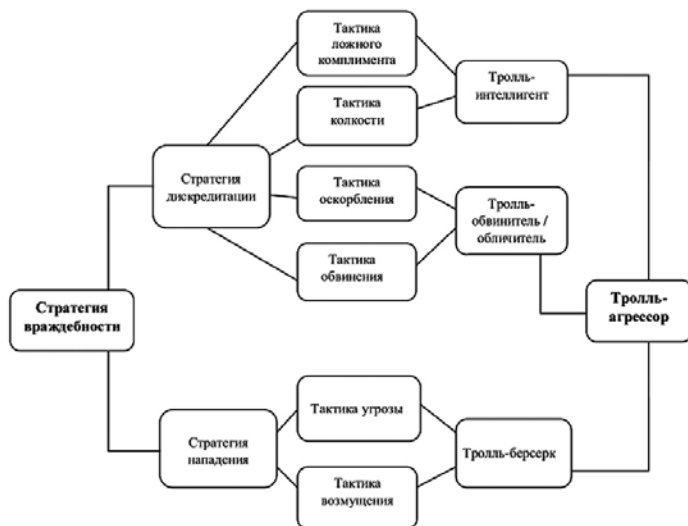

Рис. 8. Стратегии и тактики речевого поведения типов троллей общего вида «троль-агрессор», наблюдаемые в комментариях к постам в Живом Журнале и интернет-мемах в период пандемии COVID-19.

4. Заключение = Conclusions

Подрыв отношений с собеседником, психологическое насилие, эмоциональное доминирование, демонстрация силы и дискредитация личности оппонента представляют собой основные коммуникативные установки, лежащие в основе стратегии враждебности, реализуемой троллем-агрессором и наблюдаемой нами в процессе анализа комментариев к постам в Живом Журнале и интернет-мемов периода пандемии. Попытка исчислить конкретные типы троллей-агрессоров данного временного отрезка базировалась на определении речевых действий (речевых тактик), используемых троллями. Итогом работы стала дифференциация общей стратегии враждебности на частные стратегии дискредитации и нападения, разграничиваемые по преследуемой троллями интенции: унижить собеседника, снизить степень доверия к нему (стратегия дискредитации) и осуществить вербальную атаку на собеседника, продемонстрировать собственную силу, захватить власть и контроль над поведением оппонента (стратегия нападения).

На основе анализа речевых действий (речевых тактик), характерных для каждой из частных стратегий, сделано заключение о реализации стра-

тегии дискредитации посредством тактики ложного комплимента, тактики колкости, тактики оскорбления и тактики обвинения. Первые две тактики, маркерами которых служат слова с комплиментарным значением, речевые формулы благодарности и восхищения, сменяющиеся обидными высказываниями и насмешкой, имеющие некорректное графическое написание, способствующие возникновению парадокса, наличие «издевательской» гиперболы и высокая неуместная пафосность речи, признаны нами как характерные для типа тролля-интеллекта, демонстрирующего ложную симпатию по отношению к собеседнику, проявляющуюся в неискренних комплиментах, похвале, поздравлениях, восхищении, любезности, одобрении. Тактики оскорбления и обвинения, свойственные троллю-обвинителю / обличителю, характеризуются критикой умственных способностей, личностных качеств индивида через использование значительного объема инвектив, эпитетов с отрицательной семантикой, литературных бранных слов, грубопросторечной лексики, могут быть прямыми и косвенными, личными и безличными, поддерживаться риторическими вопросами, инверсивными конструкциями для усиления эмоционального эффекта, конструкциями с двойным отрицанием в значении утверждения.

Стратегия нападения прослеживалась через речевые тактики угрозы и возмущения, характерные для тролля как атакующего безумца. К маркерам данных тактик относим применение лексических единиц, передающих семантическое значение угрозы, приемов запугивания, оскорбительной, сниженной эмоционально-оценочной лексики, возмущение через демонстрацию грубого требования, проклятье, враждебное замечание оппоненту и презрение к нему.

Источники

1. АА — *Архив* авторов.
2. Смолина А. Н. Коммуникативная ситуация, или речевая ситуация / А. Н. Смолина // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 223. — ISBN 978-5-7638-3042-2.

Литература

1. Алимуратов О. А. Структурная и признаковая модели концепта BEAUTY (КРАСОТА), объективируемого в современном англоязычном женском дискурсе / О. А. Алимуратов, М. А. Гусева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 3. — С. 12—19.
2. Белоус Н. А. Социокультурный аспект анализа речевого конфликтного поведения / Н. А. Белоус // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 62. — С. 30—36.
3. Гончаренко Н. В. Суггестивность медицинского дискурса [Электронный ресурс] / Н. В. Гончаренко // Известия Волгоградского государственного педагогического

го университета. — 2008. — № 2. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/suggestivnost-meditinskogo-diskursa> (дата обращения 28.08.2022).

4. Гукосьянц О. Ю. Речевой аспект маскировки гендерной идентичности в англо-язычной интернет-опосредованной коммуникации : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / О. Ю. Гукосьянц. — Пятигорск, 2016. — 228 с.

5. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / И. И. Гулакова. — Орел, 2004. — 19 с.

6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 5-е. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.

7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Изд. 7-е. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-382-01071-7.

8. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов, Е. В. Красильникова // Язык и личность. — Москва : Наука, 1989. — С. 3—10.

9. Седов К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / К. Ф. Седов. — Саратов, 1999. — 49 с.

10. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии [Электронный ресурс] / К. Ф. Седов // Международная Интернет-конференция «Диалог». — 2002. — Режим доступа : <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/> (дата обращения 12.08.2022).

11. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. — Воронеж : [б. и.], 2001. — 252 с. — ISBN 5-86937-036-9.

12. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения / И. А. Стернин // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. — Halle : Martin-Luther-Universität, 1989. — S. 279—282.

13. Angouri J. “You Have No Idea What You are Talking About!” From e-disagreement to e-impoliteness / J. Angouri, T. Tseliga // Journal of Politeness Research. Language, Behaviour, Culture. — 2010. — Vol. 6. — № 1. — Pp. 57—82. — DOI: 10.1515/JPLR.2010.004.

14. Bierwisch M. Semantic Structure and Illocutionary Force / M. Bierwisch // Speech Act Theory and Pragmatics / Ed. by J. Searle, F. Kiefer and M. Bierwisch. — Dordrecht ; Boston ; London : D. Reidel Publishing Co., 1980. — Pp. 1—35. — ISBN 978-90-277-1045.

15. Hardaker C. Trolling in asynchronous computer-mediated communication : from user discussions to academic definitions / C. Hardaker // Journal of Politeness Research. — 2010. — Vol. 6. — № 2. — Pp. 215—242. — DOI: 10.1515/jplr.2010.011.

16. Infante D. Response to high argumentativeness : Message and sex differences / D. Infante // Southern Communication Journal. — 1989. — Vol. 54. — № 2. — Pp. 159—170.

17. Infante D. A conceptualization and measure of argumentativeness / D. Infante, A. Rancer // Journal of Personality Assessment. — 1982. — Vol. 46. — № 1. — Pp. 7—80.

18. Martin M. Argumentativeness and verbal aggressiveness / M. Martin, C. Anderson // Journal of Social Behavior and Personality. — 1996. — Vol. 11. — № 3. — Pp. 547—554.

19. Posner R. Semantics and Pragmatics of Sentence Connectives in Natural Language / R. Posner // Speech Act Theory and Pragmatics / Ed. by J. Searle, F. Kiefer and M. Bierwisch. — Dordrecht ; Boston ; London : D. Reidel Publishing Co., 1980. — Pp. 169—203. — ISBN 978-90-277-1045-1.

20. Schrodt P. Aggressive communication and informational reception apprehension : The influence of listening anxiety and intellectual inflexibility on trait argumentativeness and

verbal aggressiveness / P. Schrodt, L. Wheelless // *Communication Quarterly*. — 2001. — Vol 49. — № 1. — Pp. 53—69. — DOI: 10.1080/01463370109385614.

Material resources

AA — *Archive of authors*. (In Russ.).

Smolina, A. N. (2014). Communicative situation, or speech situation. In: *Effective speech communication (basic competencies). Dictionary-reference. Electronic edition*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. P. 223. ISBN 978-5-7638-3042-2. (In Russ.).

References

- Alimuradov, O. A., Guseva, M. A. (2010). Structural and feature models of the BEAUTY concept objectified in modern English-language women's discourse. *Questions of cognitive linguistics*, 3: 12—19. (In Russ.).
- Belous, N. A. (2008). Socio-cultural aspect of the analysis of speech conflict behavior. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 62: 30—36. (In Russ.).
- Bierwisch, M. (1980). Semantic Structure and Illocutionary Force. In: *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publishing Co. 1—35. ISBN 978-90-277-1045-1.
- Goncharenko, N. V. (2008). Suggestiveness of medical discourse. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/suggestivnost-meditinskogo-diskursa> (accessed 28.08.2022). (In Russ.).
- Gukosiants, O. Yu. (2016). *The speech aspect of masking gender identity in English-language Internet-mediated communication*. PhD Diss. Pyatigorsk. 228 p. (In Russ.).
- Gulakova, I. I. (2004). *Communicative strategies and tactics of speech behavior in a conflict situation of communication*. Author's abstract of PhD Diss. Eagle. 19 p. (In Russ.).
- Hardaker, C. (2010). Trolling in asynchronous computer-mediated communication: from user discussions to academic definitions. *Journal of Politeness Research*, 6 (2): 215—242. DOI: 10.1515/jplr.2010.011.
- Infante, D. (1989). Response to high argumentativeness: Message and sex differences. *South-ern Communication Journal*, 54 (2): 159—170.
- Infante, D., Rancer, A. (1982). A conceptualization and measure of argumentativeness. *Journal of Personality Assessment*, 46 (1): 7—80.
- Issers, O. S. (2008). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Ed. 5th. Moscow: LKI Publishing House. 288 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Ed. 7th. Moscow: LKI Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-382-01071-7. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N., Krasilnikova, E. V. (1989). Russian linguistic personality and the tasks of its study. In: *Language and personality*. Moscow: Nauka. 3—10. (In Russ.).
- Martin, M., Anderson, C. (1996). Argumentativeness and verbal aggressiveness. *Journal of Social Behavior and Personality*, 11 (3): 547—554.
- Posner, R. (1980). Semantics and Pragmatics of Sentence Connectives in Natural Language. In: *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publishing Co. 169—203. ISBN 978-90-277-1045-1.
- Schrodt, P., Wheelless, L. (2001). Aggressive communication and informational reception apprehension: The influence of listening anxiety and intellectual inflexibility on trait

- argumentativeness and verbal aggressiveness. *Communication Quarterly*, 49 (1): 53—69. DOI: 10.1080/01463370109385614.
- Sedov, K. F. (1999). *The formation of the structure of oral discourse as an expression of the evolution of linguistic personality*. Author's abstract of Doct. Diss. Saratov. 49 p. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (2002). Linguistic personality in the aspect of psycholinguistic conflictology. *International Internet conference "Dialog"*. Available at: <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/> (accessed 12.08.2022). (In Russ.).
- Sternin, I. A. (2001). *Introduction to speech impact*. Voronezh: [b. i.]. 252 p. ISBN 5-86937-036-9. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (1989). On the concept of communicative behavior. In: *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle: Martin-Luther-Universitat. 279—282. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.09.2022,
одобрена после рецензирования 15.09.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.

Игаева К. В. Великая Отечественная война в советском и постсоветском кинематографе : проблемы ремедиации / К. В. Игаева, Ф. В. Николаи // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 197—211. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-197-211.

Igaeva, K. V., Nikolai, F. V. (2022). Great Patriotic War in Soviet and Post-Soviet Cinematography: Problems of Remediation. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 197-211. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-197-211. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-197-211

Великая Отечественная война в советском и постсоветском кинематографе: проблемы ремедиации

Игаева Ксения Владимировна^{1, 2}

orcid.org/0000-0002-8581-0015

младший научный сотрудник,
преподаватель, кафедра всеобщей
истории

igaeva.ksenia@yandex.ru

Николай Федор Владимирович^{1, 2}

orcid.org/0000-0002-8876-9441

доктор философских наук, доцент,
старший научный сотрудник

fvnik@list.ru

¹Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

²Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке Российского
научного фонда, проект № 22-18-00311

Great Patriotic War in Soviet and Post-Soviet Cinematography: Problems of Remediation

Ksenia V. Igaeva^{1, 2}

orcid.org/0000-0002-8581-0015

Junior Researcher, Lecturer,
Department of General History
igaeva.ksenia@yandex.ru

Fedor V. Nikolai^{1, 2}

orcid.org/0000-0002-8876-9441

Doctor of Philosophy, Professor,
Senior Research Officer
fvnik@list.ru

¹National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

²Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00311

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья поднимает вопрос о специфике репрезентации Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе. Представлены результаты сравнительного анализа героического нарратива, восходящего к пропаганде военного времени и ярче всего проявившегося в послевоенных киноэпопеях, а также трагического нарратива, неразрывно связанного с лейтенантской прозой периода «оттепели». Уделяется внимание изменениям образов советского кинематографа в российских фильмах о войне 2000-х годов. Доказывается, что эти изменения в современных сериалах и ремейках критически оцениваются как в академических исследованиях, так и молодежной аудиторией. На основе дискуссий в десяти фокус-группах анализируются основные критические позиции. Особое внимание уделяется проблеме ремедиации — преобладанию визуальных образов, лишь внешне копирующих популярные советские фильмы, без самостоятельной рефлексии относительно специфики и смысла военного опыта. Авторы отмечают, что понятие ремедиации позволяет перенести акцент с недовольства отдельными деталями фильмов о Великой Отечественной войне на общую проблему изменения медиарежима в современном обществе и перейти к анализу механизмов его функционирования.

Ключевые слова:

кинематограф; культурная память; ремедиация; Великая Отечественная война; стратегии репрезентации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the representations of the Great Patriotic War in Soviet and post-Soviet cinematography. The study presents the comparative analysis of the heroic narrative dating back to wartime propaganda and most clearly manifested in post-war film epics, as well as the tragic narrative, which is inextricably linked with the 'lieutenant' prose of the Thaw-era. The changes in the images of the Soviet cinema in the Russian war films of the 2000s are considered. It is proved that these changes, found in modern series and remakes, are critically evaluated by both academic circles and youth audience. On the basis of discussions held in ten focus groups the main critical attitudes are analyzed. Particular attention is paid to the problem of remediation which consists in the predominance of visual images only outwardly copying popular Soviet films, without independent reflection on the specificity and the meaning of military experience. It is noted that the concept of remediation makes it possible to shift the focus from dissatisfaction with individual parts of films about the Great Patriotic War to the general problem of changing the media regime in modern society and to start analyzing the mechanisms of its functioning.

Key words:

cinematography; cultural memory; remediation; the Great Patriotic War; strategies of representation.

Великая Отечественная война в советском и постсоветском кинематографе: проблемы ремедиации

© Игаева К. В., Николай Ф. В., 2022

1. Введение = Introduction

Великая Отечественная война занимает значительное место в исторической памяти современной России [Габович, 2015; Линченко и др., 2019; Мордвинов и др., 2021]. Ключевую роль в трансформации этой памяти как в СССР, так и в России 1990—2000-х годов играет кинематограф. Однако репрезентация в нем военных действий лишь недавно начала обсуждаться в отечественной историографии и исследованиях культуры [Лямзин, 2019; Мурадов, 2018]. При этом преобладают контент-анализ фильмов разных периодов и бинарное противопоставление героического и трагического нарративов, сложившихся еще в СССР и до сих пор конкурирующих на киноэкране. Эти нарративы действительно важны, но вряд ли стоит абсолютизировать бинарные оппозиции — триумфа и травмы, мифологизации и реализма, «формальной» и «неформальной» памяти, высокого искусства и поп-культуры, авторского и коммерческого кино [Петрова, 2020; Хрюкин, 2017; Чистякова, 2012]. Полюса этих оппозиций оказываются лишь крайними точками, между которыми формируется широкий спектр возможных интерпретаций. Задача данной статьи — обозначить перспективы структурного анализа военного кино как жанра и проследить логику ремедиации, определяющую специфику памяти о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Большинство отечественных исследователей рассматривают репрезентацию Великой Отечественной войны в кинематографе в контексте культурной политики различных периодов и отмечают преобладание героического («сталинского») либо трагического («оттепельного») нарратива. А. Талавер подробно показывает, насколько послевоенный художественный кинематограф в СССР был напрямую связан с пропагандой военного времени, в частности, с приказом Кинокомитета от 22.10.1943 года и директивным письмом «О съемках кинолетописи» Главкинохроники 02.12.1943 года, задачей которых была мобилизация населения на борьбу с врагом [Талавер, 2013, с. 18—19]. Именно в контексте этой пропаганды в 1945—1953 годах формируется героический канон, ярче всего выраженный в киноэпопеях «Клятва» (М. Чиаурели, 1946), «Третий удар» (И. Савченко, 1948), «Сталин-

градская битва» (В. Петров, 1949), «Падение Берлина» (М. Чиаурели, 1949). Основными его свойствами можно считать принципиальную значимость образа вождя; акцент на крупных военных операциях («десять сталинских ударов»); одиозность образа врага; изображение подвигов солдат и офицеров, которых организовало и привело к победе советское государство во главе с И. В. Сталиным [Лямзин, 2019, с. 74—76]. Мизансцены здесь были предельно унифицированы: совещание в штабе фронта, подготовка к бою, атака и т. д. Стоит отметить также преобладание панорам и масштабность съемок этого периода, активное использование пиротехнических эффектов, портретность в изображении командующих фронтами, использование документальной хроники и закадрового голоса, озвучивающего новости с фронта [Родионова, 2017]. «К съемкам этих кинокартин привлекались целые воинские соединения, в батальных сценах “Сталинградской битвы” ежедневно снималось от 500 до 5 тыс. солдат, военнопленные немцы, специально доставленные из лагерей, десятки танков, орудий, самолетов, автомашин, барж, лодок и т. д.» [Трофимов, 2020, с. 117].

В целом эта стратегия репрезентации вполне укладывалась в традицию соцреализма, сформировавшуюся во второй половине 1930-х годов и предполагавшую единство вождя и народа [Добренко, 2008]. В некоторой степени она «мифологизировала историю» [Лямзин, 2019, с. 74]. Однако такого рода мифологизацию имеет смысл не столько противопоставлять «подлинному» изображению прошлого в академической историографии, сколько сравнивать с иной стратегией репрезентации в военном кинематографе — трагическим (или «ревизионистским» в терминологии А. Талавер [Талавер, 2013, с. 4]) нарративом, сформировавшимся в эпоху «оттепели». Героический нарратив использовал линейное сюжетопостроение: положение персонажа в довоенном обществе выступало завязкой действия; вторжение немецких войск с мобилизацией всех сил на борьбу с ними служило развитием действия; кульминацией становилась Победа, а эпилогом — возвращение победителей домой.

«Оттепельное» («авторское») кино изображало войну как трагедию. Его сюжет по сравнению с кинопопеей был фрагментарен; время действия активно разрывалось монтажными склейками; в сюжет включались критические в отношении сталинского руководства моменты; предполагалась необходимость активной интерпретации и выработки собственной позиции со стороны зрителя. Наиболее ярко эта стратегия репрезентации нашла свое выражение в фильмах «Летят журавли» (М. Калатозов, 1957), «Судьба человека» (С. Бондарчук, 1959), «Живые и мертвые» (А. Столпер, 1963); «Они сражались за Родину» (С. Бондарчук, 1976) и др. Как известно, многие из них вызывали критику со стороны официальных инстанций разного уровня: например, Н. С. Хрущев заявил, что главная героиня фильма «Летят журавли»

М. Калатозова Вероника (актриса Т. Самойлова) «своим легкомысленным и недостойным поведением дискредитировала светлый образ героических тружениц советского тыла» [Лямзин, 2019, с. 77]. Госкино обвиняло «Балладу о солдате» Г. Чухрая в «мелкотемье» и «пессимизме»; а «В бой идут одни старики» (1973) — в «надуманности» сюжета и «опереточности». В центре внимания этих фильмов оказывались не командиры и крупные военные операции, а рядовые бойцы, военнопленные и гражданское население с их чувствами любви, верности, потери и вины. Эти фильмы переносят акцент на внутренний мир человека и личный долг памяти о прошлом. Отказ от масштабности киноэпопей объединяет многих режиссеров-фронтовиков: Г. Чухрая, С. Ростокского, М. Хуциева, М. Ершова, П. Тодоровского, В. Басова и др.

В центре этого нарратива оказывается трагическая составляющая войны — травма, «проговариваемая» посредством кинематографа. В отличие от литературы кинематограф позволял обозначить этот трагизм не вербально, но визуально, используя молчание персонажей как устойчивый модернистский прием выражения смысла. Как справедливо отмечает В. О. Чистякова, эти фильмы переносили акцент на личный опыт и аффективное восприятие войны, которое оказывалось не очень репрезентируемо: «По сути, личный опыт войны есть то, что опосредованию не подлежит, даже с использованием выработанного всей художественной культурой языка “фронтовых чувств”» [Чистякова, 2012, с. 3]. Ярче всего этот прием проявляется уже в фильмах 1970-х годов: «Белорусский вокзал» (А. Смирнов, 1971), «20 дней без войны» (А. Герман, 1976) и др.

В 1970—1980-е годы героический и трагический нарративы все чаще переплетаются в советских фильмах. Хотя, с другой стороны, в это время сохраняются и полярные проявления данных нарративов, — например, «Иди и смотри» (Э. Климов, 1985) и киноэпопея «Битва за Москву» (Ю. Озеров, 1985) выходят в одном и том же году.

Трагический («ревизионистский») нарратив однозначно побеждает в 1990-е годы: «Танк “Клим Ворошилов-2”» (И. Шешуков, 1990), «Сочинение ко Дню Победы» (С. Урсуляк, 1998) и другие фильмы развивают темы негероичности войны, безжалостности и нелепости смерти, ненужности ветеранов в современном обществе, восстанавливают «белые пятна» участия в войне маргинализированных прежде групп — репрессированных, штрафников и т. д.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3. 1. Память о войне в кинематографе 2000-х годов: что не так с сериалами и ремейками

Российские художественные фильмы 2000-х годов о Великой Отечественной войне чаще всего рассматриваются в историографии как продол-

жение прежних нарративов. Рассчитывающие на успех у широкой публики «Сталинград» (Ф. Бондарчук, 2013), «Битва за Севастополь» (С. Мокрицкий, 2015), «28 панфиловцев» (А. Шальопа, К. Дружинин, 2016), «Т-34» (А. Сидоров, 2019) и др. апеллируют к масштабности советских киноэпопей. Ориентированное на фестивали авторское кино — «Кукушка» (А. Рогожкин 2002), «Последний поезд» (А. Герман-младший, 2003); «Край» (А. Учитель, 2010) и др. — успешно использует трагический нарратив. Как показывает А. П. Петрова, первая линия преобладает в 70 % фильмов 2000—2019 годов и заметно усиливается после 2012—2014 годов, вторая («ревизионистская») — в 30 % и существенно ослабевает в последние годы [Петрова, 2020, с. 161].

Однако в целом постсоветские фильмы, использующие эти стратегии, вызывают гораздо меньше симпатий зрителей, включая молодежь. Наталья (фокус-группа 28.05.2022): *Не могу воспринимать современные фильмы. Фильмы должны быть достоверными. Такое детям показывать не хочется.* Сергей (фокус-группа 20.05.2022): *В советских фильмах всё реально, а современные фильмы — это как будто ты боевик смотришь: перестрелки, замедленные съёмки летящего патрона. Они вызывают такое странное чувство.* Андрей (фокус-группа 23.05.2022): *Вот “Сталинград” в 2014 году вышел. Мы с друзьями ходили. Там уже это переросло в комедию какую-то. То, как они сражались за Катю.*

Материалами для наших наблюдений стали обсуждения этой проблематики в 10 фокус-группах, проведенные в мае 2022 года с участием студентов разных нижегородских вузов. Итоги этого проекта еще предстоит подвести. Пока отметим лишь общие направления рефлексии молодых зрителей, которые не сильно расходятся в своих оценках с академическими исследователями. И те, и другие отмечают прежде всего трансформацию постсоветского военного кино под влиянием голливудских боевиков, для которых главное — действие, а не характер и судьба персонажей. Черно-белые герои таких фильмов оказываются предельно статичны: их характер не меняется под воздействием происходящих событий. С другой стороны, и прежняя монументальность советских киноэпопей распадается на отдельные фрагменты, для которых ключевую роль приобретают технические спецэффекты. Яркие визуальные образы оказываются самоцелью и не работают на создание общего нарратива, смысл фильма теряется. Кроме того, навязывание прошлому не свойственных ему стандартов женской красоты и моды, осовременивание языка и психологических мотивов поведения бросаются в глаза зрителю и вызывают его недовольство. Соцреалистический канон был ориентирован на документальность и социальный пафос, тогда как фильмы 2000-х годов на первое место ставят развлечение,

ради чего активно используются в том числе «контрфактические» элементы — «Мы из будущего-1,2» (А. Малоков, 2008, 2010); «Белый тигр» (К. Шахназаров, 2012) и др. Результатом подобной нестыковки прежнего канона и новой эстетики становится движение, которое А. Талавер описывает метафорой «от мифа к Диснейленду» [Талавер, 2013, с. 26].

Вместо признания принципиального различия между отмеченными моделями репрезентации прошлого постсоветский кинематограф, наоборот, всячески пытается использовать советскую классику как ресурс для привлечения аудитории, оказывающейся в итоге разочарованной. Многие картины 2000-х годов представляют ремейки популярных советских фильмов: «А зори здесь тихие...» (Р. Давлетьяров, 2015) напрямую отсылают к фильму С. Ростоцкого 1972 года (как и во многом «Снайпер-2. Тунгус» О. Фесенко, 2011); сериал «Молодая гвардия» (М. Мляскин, 2015) — к фильму С. Герасимова 1948 года; «Дорога на Берлин» (С. Попов, 2015) — к фильму «Двое в степи» (А. Эфрос, 1963); «Звезда» (Н. Лебедев, 2002) — к одноименному фильму А. Иванова 1949 года. Еще чаще речь идет не о прямой отсылке, но об обыгрывании отдельных образов. Примером может служить упоминавшийся выше фильм «Мы из будущего»: «Призыв к атаке иконографически напоминает советский плакат военных лет и известную фотографию “Комбат” М. Альперта — один из самых тиражированных образов Великой Отечественной войны. А санитарка Нина — копия девушки с плаката “Слава боевым подругам”, однако в значительно более короткой юбке» [Талавер, 2013, с. 29].

Такие отсылки свидетельствуют об активной **ремедиации** — тиражировании старых сюжетов и клише новыми способами, переносе их в новые медиаформаты. Ремедиация использует в качестве исходных материалов любые медиа: литературу, художественные, анимационные фильмы и компьютерные игры, — извлекая эффект новизны скорее от технической или визуальной обработки и переноса в новый формат, а не от содержательного или структурного переосмысления нарратива. Важно подчеркнуть, что современные ремейки апеллируют не к литературе, но именно к советским фильмам: «А зори здесь тихие...» Р. Давлетьярова отсылают к фильму С. Ростоцкого, а не к лежащей в его основе повести Б. Васильева. Цель такого визуального цитирования — сделать материал эстетически более ярким и вызвать эффект узнавания, а не предложить какое-то новое прочтение или более глубокую интерпретацию текста. Подобное цитирование не ведет к формированию нарративной идентичности (которая, по мнению П. Рикера, служит основой исторической памяти) и поэтому становится причиной сбоя идентификации: зритель оказывается впечатлен отдельными сценами и спецэффектами, но не ухватывает общий смысл фильма.

Т. Эллисон из университета Эмори называет этот сбой «деструктивным возвышенным»: по ее мнению, постоянное переключение ближнего (работающего на идентификацию с персонажами) и общего плана (вызывающего одновременно эстетическое удовольствие и ужас от масштабных боевых действий) ведет к смысловому сбою нарратива в пользу аффективного восприятия отдельных ярких сцен [Allison, 2018, p. 11].

Безусловно, общая трансформация исторической памяти в рамках военного кинематографа представляет собой тему отдельного исследования, выходящего далеко за рамки данной статьи. Отметим лишь, что если о теоретических вопросах изменения «культуры зрения» на рубеже XX—XXI веков написано достаточно много (особенно в западных визуальных исследованиях [Youngblood, 2006]), а в работах российских авторов на конкретном эмпирическом материале подробно прослеживается эволюция героического и трагического нарратива в военном кино, то вопрос о ремедиации и ее влиянии на историческую память остается пока на периферии внимания исследователей.

3. 2. Концепции ремедиации в англоязычных media studies

Напомним, что известные теоретики memory studies Астрид Эрл и Энн Ригни используют термин *ремедиация* для подчеркивания мощного нарративного ядра сюжета, которое притягивает воображение аудитории и систематически воспроизводится в рамках того же или появляющихся новых медиа. Ремедиация становится основой культурной памяти: «Не существует культурной памяти без какого-либо медиа, и не существует медиа без ремедиации: все представления о прошлом опираются на доступные медиатехнологии, паттерны репрезентации и медиаэстетику» [Erll et al., 2009, p. 4]. Отталкиваясь от известного высказывания Маршалла Маклюэна, Эрл и Ригни утверждают, что «медиум и есть память». Использование в современном кинематографе предшествующих медиа, начиная с эпоса и классической литературы до фотографий, представляется им неизбежным, логичным и оправданным основанием поддержания культурных традиций. «Термин “ремедиация” отсылает к тому факту, что ключевые события и места памяти спустя десятилетия и века обычно репрезентируются снова и снова средствами разных медиа. То, что известно о событиях, превращающихся в места памяти, чаще всего отсылает не к самому событию, но к его канонической репрезентации в медиа — нарративам, образам и мифам, циркулирующим в мемориальной культуре» [Erll, 2009, p. 111]. Стирание деталей, отход от предшествующих эстетических канонов и представлений о «реализме» при этом неизбежен.

А. Эрл использует термин *премедиация* для объяснения внутренней способности существующих нарративов к самовоспроизводству и тиражированию в изменяющихся условиях. В качестве примера исследователь

рассматривает, насколько образы колониальных войн, в частности осады Канпура во время восстания сипаев в Индии 1857—1858 годов, повлияли на репрезентацию Первой мировой войны в европейской культуре, которая в свою очередь во многом предопределила стратегии изображения Второй мировой. Репрезентация этого сражения в британской прессе подчеркивала избыточное и немотивированное насилие индийцев, оправдывая жестокость подавления таких восстаний под лозунгом «Помни Канпур». Эрл подчеркивает сконструированность этих репрезентаций: они сначала появились в прессе (задачей которой было сформировать общественное мнение) и уже потом стали воспроизводиться в воспоминаниях выживших участников «резни в Канпуре». Максимально широкое распространение получили две истории, с минимальными изменениями воспроизводящиеся при описании других колониальных конфликтов в Великобритании: изнасилование, убийство и расчленение тел 48 британских девочек 10—14 лет и вероломное убийство 700 англичан (включая 120 женщин) после обещания безопасного выхода из осажденной крепости. Эти истории в стиле викторианского «Gothic horror», подобно средневековым свидетельствам о ведьмах, широко тиражировались сначала в прессе, а позднее в художественной литературе, живописи, кинематографе, так что со временем стали «общим местом» колониальной памяти в Великобритании.

С другой стороны, в самой Индии память о событиях 1857—58 годов долгое время сохранялась в устной (песенной) форме, противостоящей контролируемой англичанами письменной культуре. Лишь в 1877—78 годах появляется небольшой роман Ш. Ч. Датта, написанный на английском и интересный своим гибридным характером: первая его часть повторяет британскую версию событий, но вторая половина включает индийский нарратив. Продолжение сюжета затрагивает судьбу бежавших британских солдат, которым девушка из деревни Сураджпор помогла спастись, предложив в качестве убежища свой дом, а они ее изнасиловали, после чего девушка покончила с собой. Далее брат и муж погибшей примыкают к восстанию, находят обидчиков и мстят за смерть любимой жены и сестры [Ertl, 2009]. Эту вторую часть истории Эрл считает двойной ремедиацией — «отзеркаливанием» британской версии событий и аллегорической апелляцией к Махабхарате. То есть речь идет о сочетании гегемонной и (альтернативной) контр-памяти, которое после получения независимости приобрело дополнительный символический смысл за счет интеграции в нарратив создания нации. При этом восстание из стихийного превращается в спланированную попытку строительства нации, завершившуюся не поражением, но победой 1947 года. Как справедливо отмечает А. Эрл, подобного рода сцены рассчитаны на удвоение мелодраматического эффекта, играющего ключевую роль в индийских

фильмах. Сотрудничество с академической историографией и исторический реализм совершенно не нужны Болливуду, свободно апеллирующему к мифологическим, литературным и песенным сюжетам ради конструирования коллективной идентичности максимально яркими эстетическими средствами. С этой точки зрения, память всегда соседствует с забвением, и регулируется скорее культурными традициями и собственной медиалогикой, чем усилиями отдельных индивидов, локальных или каких-либо профессиональных сообществ (включая академических историков).

Известные теоретики медиа Ричард Грусин и Джей Болтер также рассматривают ремедиацию как «репрезентацию одного медиа через другое» [Bolter et al., 1999, p. 8], но отмечают не столько сохранение нарратива, сколько его радикальную качественную трансформацию в цифровой культуре. По их мнению, до конца XX века ремедиация делала акцент на создании иллюзии непосредственности опыта, когда парадигматическим медиа стало телевидение, транслирующее события в режиме реального времени. Однако после терактов 11 сентября 2001 года ремедиацию вытеснила премедиация, терапевтически смягчающая возможные будущие угрозы и потому не ориентированная на реальный опыт. В 2000-е годы интернет-блоги и «пост-кинематографический медиа-режим» апеллируют не к актуальным событиям, но к их возможным последствиям в ближайшем будущем. При этом для аудитории оказывается важно не какое-либо одно господствующее медиа (ТВ, кино, социальные интернет-сети и т. д.), но сама возможность переключаться между ними. Подобная смена медиарежима сопровождается очевидным изменением эмоционального фона: если в 1990-е годы виртуальная реальность и появление «новых медиа» вызывали скорее оптимизм и были связаны с киберутопией, то теперь они все чаще вызывали опасения, а будущее рассматривалось скорее через «управление страхом» [Николаи, 2019]. «Логика премедиации <...> отличается тем, что выражает не желание непосредственного опыта, но скорее страх такой непосредственности или транспарентности. <...> Премедиация оберегает граждан глобальной медиасферы от повторного травматического шока, связанного с событиями 9/11, поддерживая постоянный низкий уровень страха или беспокойства относительно новых атак террористов. <...> Она опирается на культурное желание уверенности в том, что будущее было уже премедиатизировано до того, как стало настоящим (или прошлым), чтобы предотвратить такое же беспокойство СМИ и их аудитории, как утром 11 сентября 2001 года» [Grusin, 2010, p. 16].

Наконец, еще одна концепция ремедиации принадлежит теоретику film studies Дагмар Бруноу из шведского университета Линнеус. Исследовательница использует это понятие для охвата всего широкого поля гетерогенных практик коммеморации в межкультурной сфере [Brunow, 2015]. В центре

внимания Бруноу лежат фотографии и документальные фильмы с их индексальным отношением к реальности. Сегодня они все чаще оказываются интегрированными в художественное кино, подобно включению знаменитых снимков Роберта Капы в фильм «Спасти рядового Райана» С. Спилберга, а потом и в компьютерные игры серии «Медаль отваги». В отличие от сторонников М. Фуко и его концепции контр-памяти, идеализирующей голоса «снизу», по мнению Бруноу, чаще всего эти голоса лишь воспроизводят существующую гегемонию, — поддерживают выгодные элитам нормативные идентичности, распространенные расовые и гендерные стереотипы. В этом контексте задача исследований памяти и теории медиа — использовать фото-, видео- и классические архивы для проблематизации и расширения границ представлений о прошлом, а также саморефлексии зрителя о своей вовлеченности в отношения знания-власти. В отличие от Э. Грусина и А. Эрл, ее интересуют не просто безличные нарративы и не зависящие от исследователя медиарежимы, но индивидуальные усилия, способные что-то изменить в условиях неопределенности и поиска баланса между функциональной и накопительной памятью, интересом к популярному и «авторскому» кинематографу; активным и пассивным забвением [Assmann, 2008]. Бруноу предлагает расширение и обновление функциональной памяти, поддерживающей коллективную идентичность, за счет интеграции в нее новых архивных и хорошо забытых старых документальных материалов.

Что дает эта теоретическая полемика применительно к репрезентации Великой Отечественной войны в российском кинематографе 2000-х годов? Во-первых, она подчеркивает, что историческая память оказывается все более медиатизирована и менее связана с живым опытом заставших войну поколений, ориентирована на прагматическое презентистское использование их культурного наследия и сложившихся нарративов. В этих условиях критиковать российские фильмы 2000-х годов за неточность деталей становится все менее осмысленно: они сделаны в рамках иного медиарежима и для других целей. Концепция медиации А. Эрл продуктивна для анализа рецепции кинематографического канона — попыток обыгрывания его в современных сериалах, ремейках и блокбастерах. Но она не объясняет недовольства, возникающего при гибридизации сложившихся жанров. Концепция премедиации Р. Грусина интересна указанием на терапевтический характер репрезентации прошлого: с этой точки зрения, образы Великой Отечественной могут использоваться для снижения беспокойства общества в условиях распространения «новых войн», принципиально отличающихся от мировых, но описываемых прежним языком. Идеализация «своих» и демонизация врага скрывают амбивалентность этих конфликтов и подталкивают зрителя присоединиться к преобладающей коллективной

идентичности. Однако эта концепция снимает вопрос о прямом опыте и этической ответственности памяти — делает его нерелевантным в условиях функционирования современных медиа, что, на наш взгляд, также не объясняет значительную часть критики современного кино и недовольство его зрителей. Позиция Д. Бруноу представляется наиболее продуктивным подходом, позволяющим объяснить общую основу «третьей волны» *memory studies* — раскола между антагонистической политикой памяти в Восточной Европе и медийной памятью в Западной Европе и США [Николаи, 2018]. Впрочем, этот подход требует эмпирической проверки и тщательного социокультурного анализа трансформации коммеморативных практик в России, прежде всего среди молодежи.

В итоге полемика о ремедиации позволяет перейти от самого факта недовольства зрителей отдельными деталями фильмов о Великой Отечественной войне к общим изменениям медиарежима в современном обществе и анализу механизмов его функционирования. Как убедительно показал еще Х. Уайт в конце 1980-х годов, этот новый режим можно назвать «историофотическим», поскольку в его основе лежит визуальный компонент и новая конфигурация знания-власти [White, 1988, p. 1194]. Новая эстетическая политика добивается своих целей, апеллируя к эмоциям зрителей и используя узнавание популярных ранее образов. Критическое отношение к этой эстетической политике оказывается во многом блокировано снижением рефлексивности зрителей (особенно молодежной аудитории); узкой трактовкой идентичности как присоединения к мнению большинства; изменением представлений о реализме как апелляции не к реальности, но к знакомым и популярным образам. Недовольство зрителей во многом оказывается связано именно с не до конца отрефлексированными противоречиями этого медиарежима, для которого важен не столько исторический опыт, сколько яркая визуализация популярных образов.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, для понимания причин трансформации образа Великой Отечественной войны в постсоветском кинематографе важна не просто апелляция к трагическому или героическому нарративу, но и анализ более общих проблем режима репрезентации прошлого. Память о войне в современном кино неизбежно оказывается мифологизирована или приспособлена к специфике медиа с его прагматическим стремлением к развлечению зрителя. Однако нельзя игнорировать и рефлексивную составляющую: сохраняющийся этический императив памяти, а также критические способности аудитории, которой, впрочем, оказывается все труднее их сформулировать.

Как показывает широкий спектр фильмов о войне, апеллирующих к популярным советским фильмам, представления об историческом источнике и опыте прошлого существенно меняются в современном российском кинематографе. Эти изменения влияют на формирование идентичностей нового типа, опирающихся на сетевые практики ремедиации и подменяющих культурную память коммуникативной. Специфика прошлого растворяется в этих практиках не только по социально-политическим причинам, и прежде всего под влиянием ремедиации, которая оказывается неотъемлемой частью презентизма, столь широко обсуждаемого сегодня в теоретической историографии.

Литература

1. *Габович М.* Памятник и праздник : трансформация Дня Победы / М. Габович // Неприкосновенный запас. — 2015. — № 3 (101). — С. 93—111.
2. *Добренко Е.* Музей революции : советское кино и сталинский исторический нарратив / Е. Добренко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2008. — 424 с. — ISBN 978-5-86793-585-6.
3. *Линченко А. А.* «И значит нам нужна одна победа...» : память о Победе в советской и российской школе / А. А. Линченко, О. В. Головашина // Диалог со временем. — 2019. — № 67. — С. 99—113. — DOI: 10.21267/AQUILO.2019.67.30836.
4. *Лямзин А. В.* Базовые образы Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе как элементы российской национальной идентичности / А. В. Лямзин // История и современное мировоззрение. — 2019. — № 1. — С. 73—80.
5. *Мордвинов А. А.* Трансформация Дня Победы : «в ногу со временем» / А. А. Мордвинов, К. В. Игаева // Диалог со временем. — 2021. — № 77. — С. 436—441. — DOI: 10.21267/AQUILO.2021.77.77.035.
6. *Мурадов А. Б.* Великая Отечественная война на телевизионном экране : художественно-эстетические решения в многосерийных фильмах : автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения: 17.00.03 / А. Б. Мурадов. — Москва, 2018. — 24 с.
7. *Николаи Ф. В.* Дискурс безопасности и политическая анатомия страха в эпоху «новых войн» / Ф. В. Николаи // Логос. — 2019. — № 3 (130). — С. 217—230. — DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-217-228.
8. *Николаи Ф. В.* «Третья волна» memory studies : культурная память между опытом и репрезентацией / Ф. В. Николаи // Диалог со временем. — 2018. — № 63. — С. 369—374.
9. *Петрова А. П.* Специфика репрезентации военного прошлого в российском коммеморативном и ревизионистском кинематографе XXI века / А. П. Петрова // Концепт : философия, религия, культура. — 2020. — № 2 (14). — С. 155—169. — DOI: 10.24833/2541-8833-2020-2-14-155-169.
10. *Родионова О. В.* Образ Великой Отечественной войны в кинематографе как отражение культурно-исторической памяти и механизм самоидентификации / О. В. Родионова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2017. — № 1. — С. 146—171.
11. *Талавер А.* Память о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе. Этапы осмысления прошлого (от 1990-х к 2000-м) / А. Талавер. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. — 56 с.

12. Трофимов А. В. Визуальные образы Великой Отечественной войны в советском послевоенном кино / А. В. Трофимов // Исторический курьер. — 2020. — № 3 (11). — С. 113—124. — DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-11.
13. Хрюкин Д. А. «Военный фильм» как жанр : мотивы памяти в образной системе фильмов о Великой Отечественной войне 1970-х гг. / Д. А. Хрюкин // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2017. — № 6. — С. 131—136. — DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-131-136.
14. Чистякова В. О. Отечественное военное кино 1911—2011 гг. : медиатизация памяти / В. О. Чистякова // Культурологический журнал. — 2012. — № 3. — С. 3.
15. Allison T. Destructive Sublime World War II in American Film and Media / T. Allison. — New Brunswick : Rutgers University Press, 2018. — 248 p. — ISBN-10 081359748X.
16. Assmann A. Canon and Archive / A. Assmann // Cultural Memory Studies : An International and Interdisciplinary Handbook / Ed. by A. Erll, A. Nünning. — Berlin : de Gruyter, 2008. — Pp. 97—107.
17. Bolter J. Remediation. Understanding New Media / J. Bolter, R. A. Grusin. — Cambridge : MIT Press, 1999. — 295 p. — ISBN 0-262-02452-7.
18. Brunow D. Remediating Transcultural Memory / D. Brunow. — Berlin, N.Y : De Gruyter, 2015. — 252 p.
19. Erll A. Remembering across Time, Space, and Cultures : Premediation, Remediation and the “Indian Mutiny” / A. Erll // Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory / Ed. by A. Erll, A. Rigney. — Berlin, N.Y : De Gruyter, 2009. — Pp. 109—138.
20. Erll A. Cultural Memory and its Dynamics / A. Erll, A. Rigney // Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory. — Berlin, N.Y : De Gruyter, 2009. — Pp. 1—14.
21. Grusin R. A. Premediation : Affect and Mediality After 9/11 / R. A. Grusin. — N.Y : Palgrave Macmillan, 2010. — 240 p. — ISBN-13: 978-0230242524 ; ISBN-10: 0230242529.
22. White H. Historiography and Historiophoty / H. White // American Historical Review. — 1988. — Vol. 93. — № 3. — Pp. 1193—1199.
23. Youngblood D. Russian War Films : On the Cinema Front, 1914—2005 / D. Youngblood. — Lawrence : University Press of Kansas, 2006. — 319 p. — ISBN-10 0700617612.

References

- Allison, T. (2018). *Destructive Sublime World War II in American Film and Media*. New Brunswick: Rutgers University Press. 248 p. ISBN-10 081359748X.
- Assmann, A. (2008). Canon and Archive. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter. 97—107.
- Bolter, J., Grusin, R. A. (1999). *Remediation. Understanding New Media*. Cambridge: MIT Press. 295 p. ISBN 0-262-02452-7.
- Brunow, D. (2015). *Remediating Transcultural Memory*. Berlin, N.Y: De Gruyter. 252 p.
- Chistyakova, V. O. (2012). Domestic military cinema of 1911—2011: mediatization of memory. *Culturological journal*, 3: P. 3. (In Russ.).
- Dobrenko, E. (2008). *Museum of the Revolution: Soviet Cinema and Stalin's historical narrative*. Moscow: New Literary Review. 424 p. ISBN 978-5-86793-585-6. (In Russ.).
- Erll, A. (2009). Remembering across Time, Space, and Cultures: Premediation, Remediation and the “Indian Mutiny”. In: *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, N.Y: De Gruyter. 109—138.
- Erll, A., Rigney, A. (2009). Cultural Memory and its Dynamics. In: *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, N.Y: De Gruyter. 1—14.

- Gabovich, M. (2015). Monument and holiday: transformation of Victory Day. *An inviolable reserve*, 3 (101): 93—111. (In Russ.).
- Grusin, R. A. (2010). *Premediation: Affect and Mediality After 9/11*. N.Y: Palgrave Macmillan. 240 p. ISBN-13: 978-0230242524; ISBN-10: 0230242529.
- Khryukin, D. A. (2017). “War film” as a genre: motives of memory in figurative the system of films about the Great Patriotic War of the 1970s. *Historical and socio-educational thought*, 6: 131—136. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-131-136. (In Russ.).
- Linchenko, A. A., Golovashina, O. V. (2019). “And so we need one victory ...”: memory of Victory in the Soviet and Russian schools. *Dialogue with time*, 67: 99—113. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.67.30836. (In Russ.).
- Lyamzin, A. V. (2019). Basic images of the Great Patriotic War in Soviet and post-Soviet cinema as elements of Russian national identity. *History and modern worldview*, 1: 73—80. (In Russ.).
- Mordvinov, A. A., Igaeva, K. V. (2021). Transformation of Victory Day: “keeping up with the times”. *Dialogue with time*, 77: 436—441. DOI: 10.21267/AQUILO.2021.77.77.035. (In Russ.).
- Muradov, A. B. (2018). *The Great Patriotic War on the television screen: artistic and aesthetic solutions in multi-part films*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Nicolai, F. V. (2019). The discourse of security and the political anatomy of fear in the era of “new wars”. *Logo*, 3 (130): 217—230. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-217-228. (In Russ.).
- Nikolay, F. V. (2018). “The third wave” memory studies: cultural memory between experience and representation. *Dialogue with time*, 63: 369—374. (In Russ.).
- Petrova, A. P. (2020). Specificity of the representation of the military past in the Russian commemorative and revisionist cinema of the XXI century. *Concept: philosophy, religion, culture*, 2 (14): 155—169. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-2-14-155-169. (In Russ.).
- Rodionova, O. V. (2017). The image of the Great Patriotic War in cinema as a reflection of cultural and historical memory and the mechanism of self-identification. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1: 146—171. (In Russ.).
- Talaver, A. (2013). *Memory of the Great Patriotic War in post-Soviet cinema. Stages of understanding the past (from the 1990s to the 2000s)*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 56 p. (In Russ.).
- Trofimov, A. V. (2020). Visual images of the Great Patriotic War in Soviet post-war cinema. *Historical Courier*, 3 (11): 113—124. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-11. (In Russ.).
- White, H. (1988). Historiography and Historiophoty. *American Historical Review*, 93 (3): 1193—1199.
- Youngblood, D. (2006). *Russian War Films: On the Cinema Front, 1914—2005*. Lawrence: University Press of Kansas. 319 p. ISBN-10 0700617612.

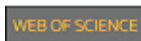
Статья поступила в редакцию 29.07.2022,
одобрена после рецензирования 28.08.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Казяба В. В. Самономинации с функцией антропонима в Рунете / В. В. Казяба // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 212—230. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-212-230.

Kaziaba, V. V. (2022). Self-Nominations with Function of Anthroponym in Runet. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 212-230. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-212-230. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-212-230

Самономинации с функцией антропонима в Рунете

Казяба Виктория Викторовна

orcid.org/0000-0002-1777-1712

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра общего

и германского языкознания
kazaba@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Self-Nominations with Function of Anthroponym in Runet

Viktoria V. Kaziaba

orcid.org/0000-0002-1777-1712

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of General
and German Linguistics
kazaba@yandex.ru

Northern (Arctic) Federal University
(Arkhangelsk, Russia)

© Казяба В. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются самономинации с функцией антропонима (никнеймы, юзерники, пользовательские имена), принадлежащие пользователям русскоязычного сегмента интернет-коммуникации. Материал насчитывает 5000 примеров с личными метаданными коммуникантов и результаты более 350 опросов информантов. Источниками выступают социальные сети (ВКонтакте, Telegram, Профessionалы, LovePlanet), медиахостинги (Flickr, YouTube), новостные порталы (RT, Взгляд), онлайн-игра (World of Tanks) и специализированный форум (Cyberforum). Устанавливаются именные, морфологические, синтаксические, орфографические, фонетические, лексические, семантические свойства самономинаций. Дескриптивный анализ материала демонстрирует как актуальные особенности имятворчества, так и общие вербальные изменения в Рунете. Доказана тенденция к деанонимизации: больше половины самономинаций имеют автономное происхождение. Отмечается, что в псевдонимных самоименованиях реализуются креативные и игровые функции языка, обнаруживаются юмористические и самоироничные коннотации, имплицитно и эксплицитно запечатлеваются особенности внешности, статуса, политических взглядов. Показано, что структура виртуальных самономинаций тяготеет к усложнению, стремится к «отягощению» их дополнительными смыслами, информацией. Указывается, что растет число самоименований со сложной синтаксической структурой в виде словосочетаний, при этом графические средства и орфографические девиации утрачивают прежнюю значимость и популярность. Фиксируется устойчивость экспансии английского языка.

Ключевые слова:

самономинация; антропоним; никнейм; интернет; Рунет; виртуальная личность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Self-nominations with the function of an anthroponym (nicknames, yuzerniki, usernames) belonging to users of the Russian-speaking segment of Internet communication are analyzed. The material includes 5,000 examples with personal metadata of communicants and the results of more than 350 surveys of informants. The sources are social networks (Vkontakte, Telegram, Professionals, LovePlanet), media hosting sites (Flickr, YouTube), news portals (RT, Vzglyad), an online game (World of Tanks) and a specialized forum (Cyberforum). Nominal, morphological, syntactic, spelling, phonetic, lexical, semantic properties of self-nominations are established. A descriptive analysis of the material demonstrates both the actual features of name-creation and general verbal changes in Runet. A tendency towards deanonymization has been proven: more than half of the self-nominations are of an autonomous origin. In pseudonymous self-names, the creative and playful functions of the language are realized, humorous and self-ironic connotations are found, the features of appearance, status, and political views are implicitly and explicitly imprinted. It is shown that the structure of virtual self-nominations tends to complicate, "burden" them with additional meanings, information. It is noted that the number of self-names with a complex syntactic structure in the form of phrases is growing. It has been established that graphic means and spelling deviations are losing their former significance and popularity. It is concluded that the stability of the expansion of the English language is fixed.

Key words:

self-nomination; anthroponym; nickname; the Internet; Runet; virtual personality.

Самономинации с функцией антропонима в Рунете

© Казяба В. В., 2022

1. Введение = Introduction

Лингвистическое изучение и осмысление виртуального пространства и интернет-коммуникации немислимы в отрыве от функционирующих в них имен собственных, которые выступают не только своеобразными «ярлыками», но индексами объектов в Глобальной сети. Отдельный исследовательский интерес и одновременно проблему представляет отдельный класс интернет-онимов — виртуальные самономинации, призванные выполнять функции антропонимов в процессе компьютерно-опосредованной коммуникации. К таким виртуальным самономинациям относятся похожие по своей сути никнеймы, юзерники, юзернеймы, имена пользователей, баттлтеги, интернет-псевдонимы и их аналоги, которые служат эквивалентами элементов традиционного, реального антропонимикона в интернете. Данные единицы сближаются по своим свойствам с именами собственными, так как играют важную номинативно-дифференцирующую роль, маркируя авторство любых вербальных и невербальных действий интернет-пользователя. Благодаря им становится возможным создание виртуальных личностей и погружение последних в социальный контекст онлайн-взаимодействия на основе формируемой взаимосвязи «имя — образ — действия».

Иными функциями наделены такие элементы виртуального прототипа личности, как логин, имя учетной записи, ID, UIN. Несмотря на то что их выбор может осуществляться пользователем также самостоятельно, они присутствуют в качестве технических идентификаторов. Они находятся на периферии виртуальной личности, не вплетаясь непосредственно в активную коммуникативную деятельность, не обладая сколько-нибудь фатическим и, следовательно, антропонимическим потенциалом.

В этой связи предметом изучения оноματοлогов в подавляющем большинстве являются именно разнообразные виртуальные самономинации с антропонимической функцией [Aleksiejuk, 2013; Aleksiejuk, 2014; Gkoutzourelas, 2015; Kelley, 2012; NI, 2018; Szymański, 2013]. Вместе с тем исследования подобных самономинативных единиц русскоязычных интернет-пользователей хоть и вызывают неподдельный интерес языковедов, но находят пока лишь эпизодическое, непоследовательное отражение. Фундаментальные работы, посвященные русскоязычному сегменту интерне-

та — Рунету, были выполнены преимущественно в первом десятилетии XXI века и содержали научные размышления и краткий анализ человеческих интернет-имен как неотъемлемого компонента виртуальной коммуникации. Так, например, автор глобального исследования «Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства» Н. Г. Асмус посвящает часть своей работы описанию и анализу никнеймов как средств самопрезентации автора в интернете [Асмус, 2005]. Более скрупулезные изыскания обнаруживаются в трудах строго ономастического характера. Имеются работы, которые рассматривают общие теоретические проблемы никнеймов и их место в антропонимической системе русского языка [Журавлева и др., 2010], их функции и роли как средства самопрезентации виртуальной личности [Чабаненко, 2007; Яскина, 2002]. Известны территориальные исследования никнеймов, чей фокус составляют виртуальные антропонимиконы определенных областей Российской Федерации: сетевые имена Республики Дагестан [Авчиева, 2016], никнеймы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры [Балкунова, 2011] и Ставропольского края [Любичская, 2005].

Исчерпывающая информация, всестороннее изучение и разнообразные классификации интернет-самономинаций русскоязычных пользователей представлены в работах Н. А. Ахреновой [Ахренова, 2009] и В. И. Супруна [Супрун, 2004]. Упомянутые ученые исследуют виртуальные «имена» из блогов, тематических чатов и форумов, социальных сетей, что позволяет наиболее полно представить состояние русской интернет-антропонимики. В меньшей степени русские лингвисты обращаются к сопоставительным исследованиям виртуальных антропонимиконов. Примером выступает работа Т. В. Аникиной [Аникина, 2010], где сравниваются никнеймы русско-, англо- и франкоязычных чатов.

Динамичная и постоянно меняющаяся интернет-среда, а вместе с ней виртуальные самономинации в функции антропонимов требуют к себе пристального внимания исследователей на каждом этапе своей языковой эволюции. Это подтверждается возобновлением исследований антропонимов в Рунете в последние годы [Врублевская, 2017; Климова, 2020; Галичкина, 2021; Зубарева, 2021; Кисель, 2022].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В предлагаемой статье предпринимается попытка описания пользовательских самономинаций, выполняющих функцию антропонима, в русскоязычном сегменте интернет-пространства. Цель исследования состоит в дескриптивном анализе языковых особенностей самономинативных единиц в Рунете. Полученные данные, как ожидается, позволят осуществить

не только оценку востребованных вербальных моделей самономинаций, но и регистрацию актуальных словообразовательных и лингвокреативных тенденций русского языка в Интернете, а также прольют свет на некоторые лингвокультурологические и психолингвистические особенности русскоязычных виртуальных личностей.

С целью соблюдения критерия исследовательской релевантности материала в качестве самономинаций с функцией антропонима отбирались никнеймы, имена пользователей, юзерники 10 популярных в России разножанровых интернет-служб и сервисов с разнообразными целеустановками и возможностями общения. Всего извлечено 5000 примеров: по 500 единиц вместе с персональными данными пользователей из каждого источника.

Данные извлекались прежде всего из социальных сетей, основным предназначением которых является реализация общения в виртуальном пространстве. Задействованы соцсеть ВКонтакте и кроссплатформенный мессенджер с элементами соцсети Telegram, общение в которых не регламентировано тематическими целеустановками самих сервисов. Также привлекались социальные сети определенной тематической и коммуникативной направленности: деловая социальная Профессионалы.ru и сетевой сервис для романтических знакомств LovePlanet.

Следующими источниками выступили сервисы фото- и видеохостингов (Flickr, YouTube), где пользователи не только хранят свои материалы, делятся ими, просматривают чужие данные, но и ведут полноценное общение как в личной переписке, так и в комментариях к видеороликам или фотографиям.

Аналогичные возможности для общения и выражения мнения предлагают пользователям и онлайн-СМИ. Поэтому следующие 500 никнеймов были извлечены с сайта российского информационного телеканала RT (ранее — Russia Today). Еще одним источником, пополнившим картотеку примеров, выступила интернет-газета «Взгляд». Издание позиционирует себя как деловая газета и публикует российские и мировые новости преимущественно политической и экономической направленности. Каждая опубликованная статья может быть прокомментирована авторизованным пользователем. При желании посетители сайтов онлайн-СМИ могут составить довольно развернутый портрет в своем аккаунте.

В отличие от обозначенных выше ресурсов еще один источник данных — сервис Cyberforum — ограничен в средствах конструирования виртуальной личности. Это русскоязычный компьютерный форум программистов, системных администраторов, администраторов баз данных. Высокая степень интерактивности и коммуникативности cyberforum.ru достигается за счет реализованных пользовательских блогов и общего форума для обмена мнениями и обсуждений.

Заключительная часть материала была извлечена из популярнейшей клиентской массовой многопользовательской онлайн-игры в реальном времени в жанре аркадного танкового симулятора World of Tanks. Игровой процесс подразумевает непрерывное общение членов команды, что усиливает роль самономинаций как идентификатора геймеров.

Сбор эмпирического материала проходил в период с января 2019 года по январь 2022 года согласно разработанному протоколу. Самономинации отбирались в случайном порядке. Их принадлежность именно русскоязычным пользователям проверялась добровольно предоставляемыми персональными данными (страна, город проживания, место рождения и так далее), а также посредством контент-анализа всего аккаунта в целом. Отметим, что русскоязычные пользователи охотно сообщают персональную информацию о себе и строят довольно объемный виртуальный образ. Наиболее трудным, но важным аспектом формирования вспомогательного исследовательского материала был поиск реальных имен пользователей. Реальные антропонимы рассматриваются нами обязательным, а подчас и единственно возможным условием для верного толкования виртуальных самономинаций.

Интернет-самономинации образуют довольно проблематичное в аналитическом и интерпретационном плане явление, ведь в их основе заложен комплексный психолингвистический механизм самоназывания человека с его языковыми, социолингвистическими и лингвокультурологическими особенностями. Поэтому в ходе сбора и анализа фактологических данных применялись удаленные опросы и интервью с авторами самономинаций. Более 350 пользователей вступили в контакт с автором статьи и дали собственные пояснения, а также комментарии относительно происхождения и значения своих виртуальных самоименований. Это позволило верифицировать результаты анализа и их интерпретации исследователем.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Для получения целостной информации о составе и особенностях конструирования самономинаций с антропонимической функцией в Рунете проанализируем и опишем отобранные из указанных выше источников никнеймы и имена пользователей с точки зрения основных лингвистических аспектов и параметров.

3.1. Общая характеристика самономинаций с антропонимической функцией в Рунете

Попытка произвести классификацию самономинаций русскоязычных интернет-пользователей позволяет увидеть две противоположные тенденции в виртуальном имятворчестве россиян. С одной стороны, обращает на себя внимание обилие автономных самономинаций, имеющих реаль-

ные антропонимы пользователей в своем составе (57 %): *Виктор Киреев; LaRiSa; Maria Ro.* В то же время порядка 42 % коммуникантов скрываются под многообразными псевдонимами, состоящими из апеллятивных или заимствованных онимических единиц: *Стервятник; Мортрес; Черныйгриб; дядя_байден; Killer; НаБерлин.* Чуть менее 1 % исследуемого материала не поддается анализу даже при наличии персональных данных пользователя. Мотивы создания и значение подобных никнеймов невозможно установить без непосредственных комментариев и объяснений их владельцев: *IIIннн; nг_nг; knsqts; ФФ Аг.* Как правило, подобные виртуальные самономинации возникают очень спонтанно либо, напротив, имеют слишком личную, сложную историю возникновения и являются значимыми и понятными исключительно для самого пользователя либо очень узкого круга лиц.

Проведенный анализ выявил, что 2565 самономинаций (или 51,3 % всех примеров) имеют в своем составе личное имя, при этом подавляющее большинство — в форме полного личного имени (1975 единиц, 39,5 %): *Евгений; галина; Arsenyi.* Пользователи пытаются как-то разнообразить или снабдить дополнительной информацией такие самономинации, чтобы они уже на визуальном уровне отличались от аналогичных автонимных никнеймов: *~Sergey~; Н*А*Т*А*Л*И*Я; 66Роман99.* В 470 (9,4 %) случаях представлены краткие формы личных имен: *roma92; Света 247; Яся; иля.* Согласно статистике, подобные самономинации, как правило, принадлежат преимущественно лицам подросткового возраста. Малочисленными оказались примеры, в которых использовались инициалы личного имени (105 случаев, 2,1 %: *Панкратов А.; Rogozin_A*) или в которых содержалось второе личное имя (70 примеров, 1,4 %: *AnastasiaElena J; Марья Петр*).

Наличие отчества в самономинациях фиксируется редко (95 единиц, 1,9 %). В большинстве примеров наблюдается употребление отчества вместе с личным именем преимущественно в полной форме, что ведет к созданию никнеймов с подчеркнуто официальной окраской: *_игорь петрович_; Максим Леонидович; ВерА Павловна†.* Подобные никнеймы и пользовательские имена наиболее типичны для лиц возрастного диапазона 45—60 лет. Подростки, именующие себя в интернете именем с отчеством, по их утверждениям, пытаются придать своему онлайн-образу ироничность или, напротив, повысить тем самым свою значимость и авторитетность.

Фамилия пользователя также играет важную роль в виртуальном самоименовании. Ее присутствие насчитывается в 2060 случаях (41,2 %): *Мягчеева; egoroff; Matveev.* В основной массе примеров (1696; 33,9 %) присутствует полная форма фамильного имени. Реже можно встретить неполные фамилии в виде сокращений или инициалов (364; 7,2 %): *Vladimir_P; Андрей Б-ов; Марина _ова.*

Важно отметить, что чаще всего интернет-самономинации, базирующиеся на реальных антропонимах, представляют собой соединение полных форм личного имени и фамилии: *Andrey Karpov*; *александр савельев*; *Елена Щукина*. Отличительной чертой подобных виртуальных индивидоименований является их максимально деанонимизированный характер. Их средой активного функционирования оказываются социальные сети (исключая сайт знакомств), а также форумы и дискуссии на сайтах онлайн-СМИ. Более 70 % примеров в рамках данных социальных СМИ конструируются из реального имени (или имен) пользователя. Такой результат, вероятно, объясняется тем обстоятельством, что социальные сети выступают имитационными платформами реальной жизни, следовательно, человек будет стремиться создать своего виртуального персонажа по образу и подобию своей действительной личности.

Относительно сайтов онлайн-СМИ, где ведется обсуждение политики, культуры, экономики, очевиден факт: комментарии авторов с «реальными», автонимными самономинациями выглядят убедительнее, весомее, иногда «экспертнее». Информанты неоднократно подчеркивали следующий эффект: если человек указывает свое настоящее имя (или даже кажущееся таковым), возникает уверенность, что он принимает ответственность за свои слова и / или знает, о чем говорит.

Псевдонимные самономинации, о которых речь шла выше, многообразны и неоднородны по своим языковым свойствам. Их основные особенности попытаемся представить в ходе структурного, графического и лексического видов анализа. Отметим, что подобные никнеймы и пользовательские имена чаще встречаются на просторах онлайн-игр, медиахостингов, форумах по интересам, где общение имеет демократичный характер, часто — с уклоном в карнавализацию [Асмус, 2005, с. 7].

Именной анализ указывает на определенное смещение самопрезентации виртуальных личностей в сторону деанонимизации. Транспарентность самономинаций, их превалирующий автонимный характер указывают на преодоление Рунетом «олбанской» эпохи [Антипов и др., 2008], что можно связать не только с меняющимся самосознанием пользователей, но и с ужесточающимися техническими требованиями к идентификации в Сети [Старцев и др., 2018, с. 87].

3.2. Особенности структуры самономинаций с антропонимической функцией в Рунете: морфолого-синтаксический анализ

Анализ морфологических свойств исследуемых единиц с позиций их частеречной принадлежности показывает значительное преобладание существительных (включая имена собственные), выполняющих роль виртуальной самономинации (4515 примеров, 90,3 %): *Chudik*; *kokos*; *ковидник*;

Человек; ~саранча~. Данный результат вполне предсказуем, ведь существительное, предназначение которого называть лица и предметы, находится в непосредственной близости с самим понятием имени. Иные части речи весьма скудно представлены в отобранном материале. В основном это немногочисленные примеры использования прилагательных: *Злой К; отбитый; Свободная! coronaВанный*; глаголов: *(((стесняюсь)))*; *Не повезло; Уже забыл*; междометий: *Апххх!*; *бдыц!*; числительных: *IIIпервыйIII, onetwo*. Интерес представляют и 18 примеров, которые являют собой окказионализмы и, следовательно, не могут быть достоверно интерпретированы без комментариев их владельцев: *kazgmV; unipoga7; roxidipa*. Большинство из них воспринимаются как существительные *inwalna; mimohar; KAROTEP; tcalvicktuhan*. Однако отсутствие верифицирующих данных об их значении и мотивированности делает морфологический анализ невозможным.

Словообразование никнеймов демонстрирует явную тенденцию к предпочтению многоморфемных лексем. Одноморфемные самономинатии насчитывают в корпусе примеров лишь 2,7 % (135 случаев): *Когда?; н-е-т; Шимпанзе*. Среди многоморфемных наиболее употребительными оказываются лексемы, созданные путем словосложения (3345 примеров, 66,9 %): *Пандокрокодил; бульбахейтер; мухоежка7*. Их главная отличительная особенность заключается в том, что они способны концентрировать в себе разноплановую информацию, которую только возможно вместить в самономинатию. При этом русскоязычные пользователи предпочитают создавать сложные слова средствами английского языка: *burgerkiller; Meanbandit; BoyGirl*.

Иные способы словообразования значительно бледнее представлены в корпусе примеров. Присутствует использование диминутивных суффиксов: *slavianouchka; kotik; ваванчик*; контаминация слов: *яблочное ковидло* (← *ковид* + *повидло*); *barboris* (← *Boris* + *барбарис*); *TrIGER* (← *tiger* + *trigger* + *Игорь*); редупликация: *влад влад; vladimir_vladimir* и другие.

Важной структурной характеристикой самономинаций Рунета является ярко выраженный синтаксический характер. Это проявляется в том, что порядка 2770 примеров (55,4 %) оформлены в виде словосочетаний. Практически все они представляют собой грамматическое приложение: *bogdan_mag; танкист-чекист; Папаша Мюллер; Goga Pervyi*. Большинство подобных никнеймов сконструированы из лексем других языков, чаще — английского: *Mama Rabbit; robber_duckling; miss_cherie; sunburnt_hacker; serzh_warlock*. Обращает на себя внимание обилие примеров, в которых имеется приложение в виде указания на актуальное место проживания автора: *AlexTver; ириха москва; Питер Петька!*; или на титул, зачастую вымышленный, нарочито помпезный: *Настасья Царица*

Великоправедница Вторая; Великий Гроссмейстер потомок Лотоса; Сергей Первый Романов князь Мономах.

Иные самономинации, оформленные в виде словосочетания, насчитывают 170 примеров (3,4 %) и едва ли поддаются классифицированию в силу своей своего структурного многообразия: *хОрОш кАбАн; просто сергей; ПАР ИЗ БАНЬКИ; и вправду крокодил; в_добрый_путин; жадный йожыг*. И вновь прослеживается сильное влияние английского языка на процессы создания интернет-именований: *highly original; no_access; SO HOT*.

Всего 5 % всех исследуемых никнеймов и имен пользователей (250 примеров) оформлены как предложения: *mne stidno; кони тоже люди; и тут я_офигел; YA EDU NA BERLIN*. Из них около трети приходится на неполные предложения: *Не повезло; Уже забыл; а у меня зеленые*. Нетипичный для антропонимов характер таких самономинаций уже на визуальном уровне делает их броскими и выделяющимися. Вопреки сложности и нетривиальности оформления далеко не всегда такая синтаксическая громоздкость позволяет вложить в самономинацию больше смысла или гарантировать концентрацию разнородной информации о пользователе. Как правило, для обладателей таких виртуальных имен на первом месте стоит прагматический аспект. Данные самономинации обычно имеют ироничный, а порой даже сатирический характер и чаще представляют лишь один фрагмент информации об их обладателях — нередко с уклоном в политику. В качестве иллюстрации к сказанному могут служить никнеймы в виде простого предложения (*НА-ГОСУДАРЯ-ВОЛОДЮ-МОЛИМСЯ; я сдохну до пенсии*), сложного предложения (*бомбы улетели, осадочек остался*), повелительного предложения (*skazhi_Pu; !навальныивали!*), определённоличного предложения, осложнённого обращением (*дональд не уходи*).

Структурный анализ указывает на сохранение в Рунете тенденции к «словосочинительству», в том числе и на английском языке [Александрова, 2007]. Одновременно с этим самономинации приобретают более сложную, синтаксическую структуру с ярко выраженным коммуникативным характером и трансляцией неких метасообщений собеседнику еще до вступления в непосредственное взаимодействие.

3.3. Фонетико-орфографическое оформление самономинаций с антропонимической функцией в Рунете

Анализ орфографических и графических особенностей исследуемых единиц выявил, что порядка 38 % самономинаций (1901 случай) написаны строчными буквами: *пушистое одеялко; мегамозг; кингконг*. Пользователи игнорируют прописные буквы даже в собственных реальных именах: *колебакин; андюшка морозов; daria.parshikova; hasan husanov*. Демократичная среда интернета и сетевой «этикет» вполне допускают подобные орфо-

графические отклонения, особенно если речь идет о среде с пониженной степенью официальности, институциональности (хостинги, игры, чаты).

Значительно реже встречается прием полной капитализации — написания только прописными буквами (3,8 %, 190 примеров): *BESEDIN OLEG*; *ВИННИ ПУХ*; *М-И-Л-А*. Немногим более употребительной оказалась частичная капитализация (4,8 %, 242 примера), применяемая преимущественно для демонстрации границ слов-компонентов (*WineRisen*; *AlexMarkov*) или слов-«вкладышей» в самономинациях (*VasyOK!*; *T-IGER*).

Более половины всего материала тяготеет к узуальной, нормированной орфографической репрезентации. 53 % примеров (2650 единиц) написаны с заглавных букв: *Alex Buzian*; *Ирка Макарова*, *Алексей П.*; *Стерляжников А.* Тенденция к стандартному визуальному оформлению виртуальных имен отчетливо проявляется и в многоэлементных самономинациях, которые в подавляющем большинстве написаны раздельно: *artoodetoo RU*; *mister problemka*; *Ola Katz 12*; *Андрей Шмогрин*. Полностью слитное оформление обнаруживается у 1095 единиц (21,9 %): *AlexMarkov09*; *Sachazhuk*; *спросиуамы*.

Цифры в своем составе имеют 625 самономинаций (12,5 %). Довольно часто пользователи сообщают свой год рождения (270 случаев, 5,4 %) с целью индивидуализации или обхождения технических запретов на одинаковые имена в рамках одного сервиса. Цифры, обозначающие год, могут занимать абсолютно разные положения в структуре самоименования: *19Андрей88*; *Катья87*; *199oberfuhrer*; *KIR1984 photos*. Иные функции и значения цифр многообразны, их анализ становится возможным лишь благодаря пояснениям самих пользователей: *_sugar3* (3 — *третий аккаунт пользователя*); *antirusofob134* (134 — *код региона Волгоградская область*); *qwerty7878* (7878 — *случайный выбор*).

Символьные элементы мало распространены в отобранных примерах (6,1 %). Наличие данных графических средств сигнализирует лишь об их эстетической функции в самономинациях, где они выступают визуальным украшением: *~Sergey~*; *†ПОБЕДИТЕЛЬ†*; *@Гуцко@*. Практически полное отсутствие смайлов и эмодзи свидетельствует о переносе эмоциональных проявлений пользователя в несамонимативные и неантропонимические области виртуальной личности: в продуцируемые тексты, статусные реплики, фотографии, аватарки и тому подобное.

Излюбленный в Рунете прием символично-цифрового замещения букв (*Leetspeak*) не отличается популярностью в сфере создания виртуальных имен, что подтверждает статистика: лишь 58 примеров (2,9 %) снабжены этим паравербальным средством. Частотными являются замены *4→ч* (*4istii_listo4ek*; *lapo4kin*), *@→а* (*M@ня44*; *@нтонов_мих@ил*), а также

имитация латиницей букв кириллического алфавита: *kclollla* (= *ксюша*); *BbIDRA* (= *выдра*).

Внимания заслуживают графические отступления с функцией фонетизации. Почти в 5 % единиц всего фактологического материала задействовано итерирование, заключающееся в повторении буквы или символа. Прием позволяет не только избежать дублирования имен в сервисах, где это запрещено (ср.: *Алина* и *АалинаА*; *captan* и *ссаарпиittaann*), но симитировать длительность некоторых звуков, интонации: *thewiiiiiinneriiiiii*; *Карrrrrрамба!*; *ВикаВааау*. В целом фонетические приемы не отличаются востребованностью в самономинативных процессах в Рунете. Всего в 174 (3,5 %) виртуальных именах прослеживается то или иное фонетическое явление. Встречаются случаи оноματοпоэтических никнеймов, сконструированных преимущественно на основе междометий: *шмяк-бряк*; *Тыдыщкина!*; *кхекающий*. Фиксируется применение синкопы: *умри_пжлст* (← *умри пожалуйста*); *??СЫШ??* (← *слышишь*); *Ира мск* (← *Ира Москва*). Юмористическим эффектом обладают самономинации, представляющие собой автонимы, зарифмованные с другими лексемами: *Никанетника*; *Сергей(не гей)*; *Андрей Бармалей*.

Значительное снижение востребованности орфографических и фонетических приемов по сравнению с периодом развития Рунета в начале 2000-х годов [Александрова, 2007, с. 26] связано с развитием визуального медиаконтента. Поэтому русскоязычные пользователи предпочитают задействовать лексический, семантический ресурс для реализации игровой, юмористической и иных дополнительных интенций в процессе самономинации.

3.4. Лексико-семантические свойства самономинаций с антропонимической функцией в Рунете

Изучение лексико-семантических свойств позволит не только выявить строго лингвистические, вокабулярные особенности самономинаций Рунета, но и установить диапазон экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на процесс выбора именования в онлайн-коммуникации. Анализ лексических особенностей обнаруживает активное использование иноязычных лексем (1092 случая; 21,8 %), прежде всего из английского языка (768 примеров; 15,4 %): *bad devil*; *DarkForce_44*; *Cawa girl*. Наибольшее влияние английского языка испытывают на себе Telegram, форум о компьютерной технике и медиахостинги, где практически каждый четвертый никнейм является собой англоязычную лексему. А вот в игре World of Tanks, имитирующей танковые сражения советской и нацистской армий, высок процент самономинаций с использованием средств немецкого языка (102 единицы; 2 %): *Uberpanzerwaffen2*, *Oleg_sturmenfuhrer*. Редко в корпусе примеров фиксируются лексемы из таких языков, как французский (*bileux*), турецкий (*selam selam*),

итальянский (*цыганка buona sera*) и др. По признанию самих носителей таких имен, к использованию иноязычных лексем в самоименах зачастую подталкивают технические требования онлайн-сервисов (например, строго регламентированное написание никнейма латиницей).

Еще одной лексической особенностью самоименаций является их конструирование с помощью «модных» слов, то есть лексем, которые воспринимаются носителями языка как престижные и отражают особенности их картины мира и культуры в определенное время. Иллюстрацией к сказанному служат следующие самоименации: *налегкихвайбах*; *Пожиратель хайна*; *zhiza88*; *tvoi_zashkvar*. Подобные имена принадлежат, как правило, пользователям в возрастном диапазоне 13—20 лет. Люди старших возрастных групп в своем стремлении к оригинальным самоименованиям идут совершенно иным путем, о чем свидетельствует присутствие архаизмов как составных элементов виртуальных имен: *Ванька-супостат*; *Дщерь Сварога*; *зелобесит*.

Наряду с лексическими свойствами особую роль приобретает и семантический анализ лексем, из которых конструируются никнеймы и пользовательские имена. Изучение примеров демонстрирует очевидную востребованность следующих семантических категорий для имяназвания: «вымышленные персонажи», «черты характера», «природа», «профессия», «места», «предметы», «политика». В категорию вымышленных попали имена, принадлежащие героям литературных произведений, комиксов, мифов, компьютерных игр, фильмов (всего 516 единиц; 10,3 %). Среди них наибольшей популярностью пользуются антропонимы, заимствованные из литературных произведений (196 единиц; 3,9 %): *Новая Джульетта*; *Полиграф Шариков*; *печорин17*. В меньшей степени употребляются имена персонажей сказок (*дюймовочка Лиза*; *Бармалей*♣) и мифов (*AidAres9*; *Τερψιχόρη*). Индустрия кино и PC-игр также активно снабжает пользователей вариантами виртуальных самоименаций: *макс пэйн*; *Тони Камонте*; *Captain Jack Sparrow*. Превалирование данной семантической категории среди прочих объясняется не только довольно сильным влиянием литературы, ТВ и компьютерных технологий на человека, но и весьма обширными и разнообразными коннотациями, которые заключены в именах вымышленных героев, ставших подчас прецедентными или нарицательными. Именующиеся подобным образом пользователи могут косвенно, имплицитно, но весьма нетривиально самовыражаться и представлять себя через известный образ.

Аналогичным целям служат самоименации семантической подгруппы «черты характера» (356 примеров; 7,1 %), однако в этом случае их авторы конкретно и прямо сообщают о себе информацию, которая и ложится в основу никнейма или юзерника. Примечательно преобладание положительных качеств, что указывает на стремление пользователей к на-

меренному улучшению виртуальных образов в Рунете: *Законопослушный Гражданин*; *верная жена*; *honestsheriff2*. Нейтральные характеристики многообразны по своим значениям. Так, запечатлеваются черты характера, описывающие манеру поведения (*Неспеишный*; *mr.molchun*) или мышления (*Фани Фантазерка*; *ChaoticMind75*), указания на увлеченность чем-либо (*meloman_andy*; *FISHER IR*). Отрицательные или негативные свойства практически не встречаются.

Также в актах интернет-самономинации русскоязычными коммуникантами задействуется семантическая категория «природа» (170 случаев; 3,4 %). Примерно в одинаковой пропорции используются названия представителей как флоры (*Чертополох Петрович*; *oduvan4ik*; *black_rose_87*), так и фауны (*дикая кошка*; *Бобр-Нюхач*; *dead_cat*). При этом мужчины предпочитают лексемы, номинирующие животных, которые ассоциируются в русской лингвокультуре с силой, независимостью: *мустанг_мустанг*; *Снежный Барс*; *Papa_bear*. Женщины именуют себя названиями милых и безобидных животных, чтобы смягчить свой образ: *Твой Хомячок*; *шиншиллка15*.

В никнеймах и пользовательских именах присутствуют и названия профессий (146 примеров; 2,9%). В половине случаев профессиональная принадлежность носит правдивый характер, что подтверждается информацией из аккаунта или словами самого пользователя: *MEDCECTPA*; *Бармен Батя*; *Russian Advertizer*. С другой стороны, фиксируются не реальные, а желаемые профессии авторов, которые стремятся, как правило, завысить свой статус: *замминистра*, *Злой Директор*; *commander*.

Часто самономинации в Рунете содержат географическое название в виде компонента (101 пример; 2 %). В основном пользователи сообщают свой город проживания или рождения: *Игорь Казань*; *Natalia_from_Kolomna*; *Alexey Tyumen*, *Marfa Samarra*; страну: *Kirill78 RU*; *mark_ukraine2*. Опрос информантов выявляет сосредоточенность владельцев подобных самономинаций на коммуникации именно с пользователями-земляками (будь то дружеское, романтическое, деловое или иное общение).

Интернет-самоименования с предметно-бытовой семантикой (93 случая; 1,8 %) не поддаются упорядочению ввиду своей разнородности: *Табуретка©*; *нешкольный ранец*; *Serga1978*. Иная ситуация наблюдается среди самономинаций с явным политическим подтекстом (90 единиц; 1,8 %). У ряда обнаруженных имен данной категории мотивом создания выступила ситуация на Украине, а также последующие за ней политические перипетии с участием России, США и других стран: *Грыцко Колораденко*; *Путенский укропанк*; *Nato_i_vata*. Подобные самономинации изобилуют политической сатирой: *Петро Пораженко*; *бонбы улетели, осадочек остался*; *кремльскиевишницы*. Также в никнеймах и пользовательских

именах запечатлен «сирийский вопрос»: *Bashar Putin*; *trumpsavessyria*. Не обошлось без упоминания оппозиционера А. Навального: *новичок-чок-чок*; *олексей отвалный*; *dead like navalny*. Подобные самономинии встречаются преимущественно на форумных платформах интернет-СМИ, где и разворачивается обсуждение политических новостей. Обладатели такого рода никнеймов еще на докоммуникативном уровне сигнализируют потенциальным визави о своих политических позициях и взглядах только лишь с помощью «говорящего» виртуального имени.

4. Заключение = Conclusions

Итак, дескриптивный анализ самономиний в разножанровых сервисах русскоязычного интернет-сегмента позволяет констатировать, что виртуальные именованья, а вместе с ними и русский сетевой этикет указывают на определенные лингвистические особенности и предпочтения пользователей, а также претерпевают некоторые трансформации.

Во-первых, Рунет постепенно стремится к деанонимизации: большая часть пользователей называет себя в Сети своими реальными именами, что в некоторой степени свидетельствует о готовности открыто выражать и отстаивать свое мнение, нести ответственность за сказанное. Типичной средой автонимных самономиний оказываются социальные сети, форумы интернет-СМИ. Количество оригинальных и в то же время анонимных (псевдонимных) интернет-имен превалирует в коммуникативной сфере онлайн-игры, медиа-хостингов, интернет-форума о компьютерной технике. Для этих примеров характерны юмористические и самоироничные коннотации.

Во-вторых, очевидна тенденция к усложнению виртуальных самономиний, «отягощению» их дополнительными смыслами, информацией. Данный эффект достигается за счет роста никнеймов и юзерников со сложной синтаксической структурой в виде словосочетания, что ранее было менее распространено в Рунете.

В-третьих, графические средства и орфографические девиации утрачивают свою значимость и популярность, все больше пользователей предпочитают нормированное написание виртуального имени. Неизменным остается пристрастие к использованию латиницы и английского языка. При этом русскоязычные пользователи стали более уверенно и креативно обращаться с английским языком, не просто заимствуя из него лексемы для самоименования, но создавая оригинальные композитные образования с помощью средств данного языка.

Таким образом, можно заключить, что русскоязычные интернет-коммуниканты подходят к процессу самономинии в Сети одновременно творчески, достаточно внимательно и с большей ответственностью, чем

прежде, см.: [Профессионалы; LovePlanet; World of Tanks]. В пользу этого тезиса говорит и малое количество виртуальных имен, не поддающихся анализу. Есть все основания полагать, что для пользователей Рунета самонаименование в функции антропонима действительно выступает важным элементом их виртуальных личностей, формирующих восприятие самонаименования сообществом Глобальной сети еще на докоммуникативном уровне.

Источники и принятые сокращения

1. Взгляд — *Взгляд.ру* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vz.ru/> (дата обращения 13.06.2022).
2. Вконтакте — *ВК* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.vk.com/> (дата обращения 13.06.2022).
3. Профессионалы — *Профессионалы.ру* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.professional.ru/> (дата обращения 10.01.2022).
4. Cyberforum — *Форум программистов и сисадминов Киберфорум* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.cyberforum.ru/> (дата обращения 13.06.2022).
5. Flickr — *Flickr* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.flickr.com/> (accessed 10.06.2022).
6. LovePlanet — *LovePlanet* [Electronic resource]. — Access mode : <https://loveplanet.ru/> (accessed 14.06.2022).
7. RT — *Russia Today* [Electronic resource]. — Access mode : <https://russian.rt.com/> (accessed 14.06.2022).
8. Telegram — *Telegram* [Electronic resource]. — Access mode : <https://web.telegram.org/k/> (accessed 14.06.2022).
9. World of Tanks — *World of Tanks* [Electronic resource]. — Access mode : <https://worldoftanks.ru/> (accessed 14.06.2022).
10. YouTube — *YouTube RU* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.youtube.com/> (accessed 14.06.2022).

Литература

1. Авичева Д. Т. Структурно-семантические особенности никнеймов современного русского языка полиэтнического города : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Д. Т. Авичева. — Махачкала, 2016. — 235 с.
2. Александрова О. А. Языковые особенности современной сетевой субкультуры / О. А. Александрова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. — 2007. — № 43. — С. 25—27.
3. Аникина Т. В. Имя собственное в Интернет-коммуникации / Т. В. Аникина // Известия Уральского государственного университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2010. — № 2 (75). — С. 71—76.
4. Антипов А. Г. О так называемых подонках / А. Г. Антипов, Е. А. Штифель // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2008. — № 2. — С. 98—101.
5. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. Г. Асмус. — Челябинск, 2005. — 24 с.
6. Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Н. А. Ахренова. — Москва, 2009. — 36 с.

7. Балкунова А. С. Роль сетевого имени (никнейма) во взаимодействии субъектов виртуальной коммуникации : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. С. Балкунова. — Нижневартовск, 2011. — 261 с.
8. Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. В. Врублевская. — Волгоград, 2017. — 430 с.
9. Галичкина Е. Н. Виртуальная личность как объект изучения антропологической лингвистики / Е. Н. Галичкина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2018. — № 2. — С. 28—38. — DOI: [10.29025/2079-6021-2021-2-28-38](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-2-28-38).
10. Журавлева Е. А. Никнейм как особая антропонимическая категория / Е. А. Журавлева, А. А. Корнелюк // Сборник материалов международного форума студенческой и учащейся молодежи «Первый шаг в науку — 2009». — Минск : Беларуская навука, 2009. — Т. 1. — С. 45—49. — ISBN 978-985-08-2079-2.
11. Зубарева А. В. Онимы в интернет-коммуникации: новые явления и функции / А. В. Зубарева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — № 1. — С. 120—136. — DOI: [10.29025/2079-6021-2021-1-120-136](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-120-136).
12. Кисель О. В. Место никнейма как знака идентификации в ономастической системе языка / О. В. Кисель // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2021. — № 4 (43). — С. 43—48. — DOI: [10.36622/AQMPJ.2021.29.39.006](https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2021.29.39.006).
13. Климова М. А. Никнеймы игроков Dota 2 и психические границы языка в эпоху глобализации / М. А. Климова // Вопросы психолингвистики. — 2020. — № 1 (43). — С. 36—53. — DOI: [10.30982/2077-5911-2020-43-1-36-53](https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-43-1-36-53).
14. Любичкая Е. В. Сленг : региональные черты и процессы англизации : на материале речи молодежи г. Ставрополя и Красногвардейского района Ставропольского края : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Любичкая. — Ставрополь, 2005. — 282 с.
15. Старцев А. А. Идентичность и идентификация личности в социальных сетях / А. А. Старцев, Н. В. Гришанин, Н. В. Кириллина // Коммуникология. — 2018. — № 6 (4). — С. 76—87. — DOI: [10.21453/2311-3065-2018-6-4-76-87](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2018-6-4-76-87).
16. Супрун В. И. Развитие ономастического пространства Интернета / В. И. Супрун // Ономастика Поволжья : материалы IX международной конференции по ономастике Поволжья. — Москва : ИЭА, 2004. — С. 53—58. — ISBN 5-201-14617-1.
17. Чабаненко М. Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. Г. Чабаненко. — Кемерово, 2007. — 198 с.
18. Яскина Л. А. Феномен речевого взаимодействия в сети : имя как самопрезентация / Л. А. Яскина // Язык. Время. Личность. Международная научная конференция. — Омск : ОмГУ, 2002. — С. 301—305. — ISBN 5-7065-0243-9.
19. Aleksiejuk K. Internet Names as an Anthroponomastic Category / K. Aleksiejuk // Annex Secció. — 2014. — № 3. — Pp. 243—255. — DOI: [10.2436/15.8040.01.29](https://doi.org/10.2436/15.8040.01.29).
20. Aleksiejuk K. Personal names on the internet : usernames as address terms / K. Aleksiejuk // Language and society. — 2013. — Iss. 4. — Pp. 187—198.
21. Gkoutzourelas G. Nicknamen in sozialen Medien. Der Fall von Twitter und PlanetRomeo [Electronic resource] / G. Gkoutzourelas // Mediensprache. — Access mode : <http://www.mediensprache.net/de/websprache/2.0/nicknames/> (accessed 12.06.2022).
22. Kelley J. B. Gay Naming in Online Gaming / J. B. Kelley // Names. — 2012. — Vol. 60. — № 4. — Pp. 193—200.

23. NI — *Nicknamen international*. Zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen / Hrsg. von P. Schlobinski, T. Siever. — Berlin : Peter Lang GmbH, 2018. — 400 S. — ISBN 978-36-3174-809-1.

24. Szymański L. Aspects of morphology and character choice motivation in Internet nickname constructions [Electronic resource] / L. Szymański. — Access mode : https://www.academia.edu/64357171/Aspects_of_morphology_and_character_choice_motivation_in_Internet_nickname_constructions (accessed 12.06.2022).

Material resources

Flickr. Available at: <https://www.flickr.com/> (accessed 10.06.2022).

Forum of programmers and sysadmins Cyberforum. Available at: <https://www.cyberforum.ru> (accessed 13.06.2022). (In Russ.).

Look.<url>. Available at: <https://vz.ru/> (accessed 13.06.2022). (In Russ.).

LovePlanet. Available at: <https://loveplanet.ru/> (accessed 14.06.2022).

Professionals.ru. Available at: <http://www.professional.ru> (accessed 10.01.2022). (In Russ.).

Russia Today. Available at: <https://russian.rt.com/> (accessed 14.06.2022).

Telegram. Available at: <https://web.telegram.org/k/> (accessed 14.06.2022).

VK. Available at: <http://www.vk.com/> (accessed 13.06.2022). (In Russ.).

World of Tanks. Available at: <https://worldoftanks.ru/> (accessed 14.06.2022).

YouTube RU. Available at: <https://www.youtube.com/> (accessed 14.06.2022).

References

Akhrenova, N. A. (2009). *Internet discourse as a global intercultural phenomenon and its linguistic design*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 36 p. (In Russ.).

Aleksiejuk, K. (2013). Personal names on the internet: usernames as address terms. *Language and society*, 4: 187—198.

Aleksiejuk, K. (2014). Internet Names as an Anthroponomastic Category. *Annex Secció*, 3: 243—255. DOI: 10.2436/15.8040.01.29.

Alexandrova, O. A. (2007). Linguistic features of the modern network subculture. *Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise*, 43: 25—27. (In Russ.).

Anikina, T. V. (2010). Proper name in Internet communication. *Proceedings of the Ural State University. Series 1, Problems of education, science and culture*, 2 (75): 71—76. (In Russ.).

Antipov, A. G., Shtifel, E. A. (2008). About the so-called scum. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2: 98—101. (In Russ.).

Asmus, N. G. (2005). *Linguistic features of the virtual communicative space*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 24 p. (In Russ.).

Avchieva, D. T. (2016). *Structural and semantic features of nicknames of the modern Russian language of a multiethnic city*. PhD Diss. Makhachkala. 235 p. (In Russ.).

Balkunova, A. S. (2011). *The role of a network name (nickname) in the interaction of subjects of virtual communication*. PhD Diss. Nizhnevartovsk. 261 p. (In Russ.).

Chabanenko, M. G. (2007). *Youth discourse as the realization of a typical and individual linguistic personality*. PhD Diss. Kemerovo. 198 p. (In Russ.).

Galichkina, E. N. (2018). Virtual personality as an object of study of anthropological linguistics. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2: 28—38. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-2-28-38. (In Russ.).

- Gkoutzourelas, G. Nicknamen in sozialen Medien. Der Fall von Twitter und PlanetRomeo. *Mediensprache*. Available at: <http://www.mediensprache.net/de/websprache/2.0/nicknames/> (accessed 12.06.2022). (In Germ.).
- Kelley, J. B. (2012). Gay Naming in Online Gaming. *Names*, 60 (4): 193—200.
- Kisel, O. V. (2021). The place of a nickname as an identification sign in the onomastic system of the language. *Actual issues of modern philology and journalism*, 4 (43): 43—48. DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.29.39.006. (In Russ.).
- Klimova, M. A. (2020). Nicknames of Dota 2 players and mental boundaries of language in the era of globalization. *Questions of psycholinguistics*, 1 (43): 36—53. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-36-53. (In Russ.).
- Lyubitskaya, E. V. (2005). *Slang: regional features and processes of Anglicization: based on the speech of the youth of Stavropol and Krasnogvardeysky district of Stavropol Krai*. PhD Diss. Stavropol. 282 p. (In Russ.).
- Schlobinski, von P., Siever, T. (2018). *Nicknamen international. Zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen*. Berlin: Peter Lang GmbH. 400 S. ISBN 978-36-3174-809-1. (In Germ.).
- Startsev, A. A., Grishanin, N. V., Kirillina, N. V. (2018). Identity and identity identification in social networks. *Communicology*, 6 (4): 76—87. DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-4-76-87. (In Russ.).
- Suprun, V. I. (2004). Development of the onomastic space of the Internet. In: *Onomastics of the Volga region: proceedings of the IX International Conference on Onomastics of the Volga region*. Moscow: IEA. 53—58. ISBN 5-201-14617-1. (In Russ.).
- Szymański, L. *Aspects of morphology and character choice motivation in Internet nickname constructions*. Available at: https://www.academia.edu/64357171/Aspects_of_morphology_and_character_choice_motivation_in_Internet_nickname_constructions (accessed 12.06.2022).
- Vrublevskaya, O. V. (2017). *Language fashion in Russian onomastics*. Doct. Diss. Volgograd. 430 p. (In Russ.).
- Yaskina, L. A. (2002). The phenomenon of speech interaction in the network: name as self-presentation. In: *Language. Time. Personality. International Scientific Conference*. Omsk: OmSU. 301—305. ISBN 5-7065-0243-9. (In Russ.).
- Zubareva, A. V. (2021). Onyms in Internet communication: new phenomena and functions. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 1: 120—136. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1120-136. (In Russ.).
- Zhuravleva, E. A., Kornelyuk, A. A. (2009). Nickname as a special anthroponymic category. In: *Collection of materials of the international forum of students and students "The first step into science — 2009", 1*. Minsk: Belorusskaya navuka. 45—49. ISBN 978-985-08-2079-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.06.2022,
одобрена после рецензирования 29.07.2022,
подготовлена к публикации 19.09.2022.

Касперова Л. Т. Блендинг в интернет-коммуникации : лингвокреативный аспект (на материале социальной сети «ВКонтакте») / Л. Т. Касперова, Н. В. Смирнова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 231—250. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-231-250.

Kasperova, L. T., Smirnova, N. V. (2022). Blending in Internet Communication: Linguistic and Creative Aspect (“VKontakte” Social Network). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 231-250. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-231-250. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-231-250

**Блендинг
в интернет-коммуникации:
лингвокреативный аспект
(на материале социальной
сети «ВКонтакте»)**

Касперова Лариса Тазретовна

orcid.org/0000-0003-2133-7991

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра стилистики русского языка
latael@mail.ru

Смирнова Надежда Владимировна

orcid.org/0000-0002-8590-8928

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра стилистики русского языка
smirnovanv@yandex.ru

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
проект № 20-012-00077 А

**Blending in Internet
Communication: Linguistic
and Creative Aspect
("VKontakte"
Social Network)**

Larisa T. Kasperova

orcid.org/0000-0003-2133-7991

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Stylistics
of the Russian Language
latael@mail.ru

Nadezhda V. Smirnova

orcid.org/0000-0002-8590-8928

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Stylistics
of the Russian Language
smirnovanv@yandex.ru

Lomonosov Moscow
State University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported
by the RFBR project
№ 20-012-00077 А

© Касперова Л. Т., Смирнова Н. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследованы в лингвокреативном аспекте сетевые бленды — окказиональные новообразования, размещенные пользователями социальной сети «ВКонтакте» под хештегом *#Словарево*. Сформулированы основные положения теории блендинга как способа игрового словообразования, получившего широкое распространение в современном коммуникативном пространстве в целом и в интернет-среде, в частности. Определены когнитивные основания лингвокреативности блендинга и базовые принципы концептуальной интеграции, обеспечивающие эффективное функционирование блендов. Выделены структурные типы блендов, отражающие основные формальные приемы конструирования контаминантов в сетевом пространстве. Установлено преобладание в иллюстративном материале гаплогических блендов, наследующих исходные слова в полном объеме и облегчающих декодирование контаминантов. Проанализированы основные механизмы языковой игры на основе блендинга, отражающие высокий уровень метаязыковой рефлексии пользователей социальной сети «ВКонтакте», участвующих в каламбурном словообразовании. Лингвокреативная деятельность в интернет-среде охарактеризована с точки зрения интерактивности, взаимодействия адресанта и адресата. Рассмотрены случаи коммуникативных неудач в интерпретации блендов при отсутствии контекстуальной поддержки и возможности дискурсивного развертывания их семантики. Проведена оценка реализации лингвокреативного потенциала сетевых блендов с опорой на триаду «творческое — креативное — псевдокреативное».

Ключевые слова:

блендинг; лингвокреативность; интернет-коммуникация; концептуальная интеграция; окказионализм; языковая игра.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Network blends, occasional neoplasms posted by users of the social network VKontakte under the hashtag *#Slovarevo*, are studied in a linguo-creative aspect. The main provisions of the theory of blending are formulated as a way of game word formation, which has become widespread in the modern communicative space in general and in the Internet environment in particular. The cognitive foundations of linguo-creativity of blending and the basic principles of conceptual integration that ensure the effective functioning of blends are determined. Structural types of blends are identified, reflecting the main formal methods of constructing contaminants in the network space. The predominance of haplogical blends in the illustrative material, inheriting the original words in full and facilitating the decoding of contaminants, has been established. The main mechanisms of the language game based on blending are analyzed, reflecting the high level of metalinguistic reflection of the users of the social network “Vkontakte” involved in punning word formation. Linguistic and creative activity in the Internet environment is characterized in terms of interactivity, interaction between the addresser and the addressee. Cases of communicative failures in the interpretation of blends in the absence of contextual support and the possibility of discursive deployment of their semantics are considered. The implementation of the linguo-creative potential of network blends was assessed based on the triad “forgetive — creative — pseudo-creative”.

Key words:

blending; linguistic creativity; internet communication; conceptual integration; occasionalism; language game.

Блендинг в интернет-коммуникации: лингвокреативный аспект (на материале социальной сети «ВКонтакте»)

© Касперова Л. Т., Смирнова Н. В., 2022

1. Введение = Introduction

В современном коммуникативном пространстве наблюдается актуализация блендинга как способа игрового словообразования. Благоприятной средой для создания и распространения блендов служит интернет — пространство массового лингвокреатива. Исследователи фиксируют количественный и качественный скачок речевых инноваций в сетевой среде [Радбиль, 2020, с. 299]. Новизна и оригинальность слов-блендов обуславливают их принадлежность к основным маркерам лингвокреативности [Ириханова, 2004; Шмелева, 2020].

Теория блендинга имеет обширную историю вопроса как в зарубежной, так и в отечественной науке [Бельская, 1969; Григорьева, 2019; Коптелова, 2018; Мурадян, 1978; Стрельцов, 2021; Тимошенко, 1975; Хрущева, 2011; Шейфель, 2016; Cannon, 1986; Lehrer, 1996; Miturska-Bojanowska, 2013; Ratajczyk, 2015 и др.].

Появление термина *блендинг* принято связывать с именем Льюиса Кэрролла и его произведением «Алиса в Зазеркалье» (слова-«портмоне»). Но некоторые исследователи утверждают, что единичные бленды существовали в разных языках еще в древние века [Стрельцов, 2021, с. 137], в том числе в древнерусском языке [Николина, 1996, с. 309].

Одной из актуальных научных проблем является выбор термина из ряда синонимичных: *блендинг*, *контаминация*, *словослияние*, *скорнение*, *стяжение*, *паронимическая аттракция*, *гибридизация*, *телескопия* и др. [Ибраева, 2021, с. 2770]. Если в исследованиях конца XX века чаще употреблялся термин *телескопия*, то в XXI веке наибольшую частотность получили термины *контаминация* и *блендинг*, первый из которых имеет в лингвистике несколько омонимичных значений. Подробно соотношение терминологических вариантов рассмотрено в статье Н. А. Шейфель «Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике» [Шейфель, 2016, с. 290—294], где автор не только описывает данные термины, но и проводит их дифференциацию.

В данной работе для анализа эмпирического материала будет использован термин *блендинг*. По определению О. А. Хрущевой, «бленд образуется

в результате взаимодействия двух или более исходных единиц, которые проходят процесс усечения и объединяются в единую лексему либо имеют сходные фрагменты в своей структуре и объединяются путем наложения» [Хрущева, 2011, с. 9]. Под блендингом мы понимаем способ словообразования, при котором в результате слияния двух или трех лексем, основ, квазиморфов создается новая лексическая единица, имеющая оригинальное значение.

Для обозначения такой лексической единицы в статье будут использованы в качестве синонимичных термины *бленд* и *контаминант*. Исходные слова, основы, квазиморфы (фрагменты, «осколки»), использующиеся для создания бленда, будут именоваться терминами *корреляты* или *прототипы*.

Актуальность тематики определяется активизацией интереса научного сообщества к данной теме в последние годы в связи с появлением в медиаречи и интернет-коммуникации большого числа слов, образованных различного рода контаминациями. «Наибольшей экспрессивностью обладают новообразования нестандартной словообразовательной структуры, созданные по неузואльным словообразовательным моделям, неузואльными способами. В медийном словотворчестве широко представлены гибридные новообразования, созданные путем контаминации (с возможными формальными видоизменениями)» [Рацибурская, 2016, с. 194].

Новизна данной работы заключается в исследовании нового эмпирического материала, демонстрирующего речевую креативность интернет-пользователей и выявляющего приоритеты современного носителя русского языка при выборе способа словообразования для создания окказионализмов, а также особенности структурных и семантических моделей сетевых блендов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методология исследования определена теорией словообразования [Гридина, 2009; Земская, 2000 и др.] и теорией блендинга [Омельченко, 1980; Шевелева, 2003 и др.]. К основным методам относятся метод «сплошной выборки» при отборе языкового материала, анализ научных работ по заявленной теме, метод типологизации, описательный метод, анализ когнитивных моделей, метод компонентного анализа.

Во второй половине XX века появился ряд научных исследований, в том числе диссертационных работ, в которых контаминация рассматривалась как способ словообразования. Изначально ее относили к типам аббревиации и словосложения, но позже большинство лингвистов пришли к выводу о том, что это самостоятельный способ словообразования [Сухокурова, 2004; Мурзаков, 2013; Никанорова, 2017].

Актуальным вопросом, получившим широкое обсуждение в современной лингвистике, является описание структурных типов контаминантов

[Коробкина, 2020; Митурска-Бояновска, 2020; Ratajczyk, 2015 и др.]. Наряду с исследованиями структурных типов блендов в современной науке к описанию подобных лексических единиц широко применяется когнитивный подход, изучается их когнитивно-коммуникативная природа [Абросимова, 2012; Заботкина, 2019; Fauconnier, 2006 и др.].

Материалом исследования стали бленды, размещенные пользователями в социальной сети «ВКонтакте» под хештегом *#Словарево* до 30.06.2022. Выбор эмпирического материала обусловлен эксплицитной лингвокреативной интенцией участников группы: они призваны заниматься, по их собственному определению, словоблудием и «чушетворством», то есть тем, что в лингвистической традиции называется языковой игрой, каламбурным словообразованием, рассчитанным на создание комического эффекта. Среди речевых инноваций, размещенных под хештегом *#Словарево*, широко представлены бленды. Показательно, что тег *словарево* также является блендом (*слова + варево*), который служит экспрессивным обозначением словотворчества, уподобляемого искусству создания новых блюд. Механизмы блендинга, которые используются участниками группы, показательны для общей картины реализации лингвокреативного потенциала контаминации в интернет-среде.

Цель данного исследования — охарактеризовать сетевые бленды как результат лингвокреативной деятельности наивных пользователей языка с точки зрения их когнитивных оснований, структуры и экспрессивности.

Для реализации научной цели были поставлены следующие задачи: 1) обобщить историю вопроса по теме исследования; 2) описать специфику когнитивных механизмов, лежащих в основе блендинга и определяющих его эффективность; 3) выявить структурные типы блендов, представленных в эмпирическом материале; 4) обосновать продуктивность блендинга как способа креативного словообразования в речи интернет-пользователей; 5) дать оценку реализации лингвокреативного потенциала блендинга в сетевой коммуникации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Когнитивные основания креативности блендинга

Концепция лингвокреативности в когнитивной лингвистике (о концепциях лингвокреативности в современном отечественном языкознании см.: [Смирнова, 2021]) базируется на принципе концептуальной интеграции, который носит универсальный характер и «лежит в основе лингвокреативной деятельности человека» [Заботкина, 2009, с. 346]. Модель концептуальной интеграции, разработанная Ж. Фоконье и М. Тернером в 90-годы XX века, включает четыре мыслительных пространства: два (или более)

исходных пространства, родовое (общее) пространство и интегрированное ментальное пространство — бленд.

Проекционные связи соединяют четыре мыслительных пространства в сетевую модель, демонстрирующую динамичный процесс конструирования значений. В родовом пространстве содержатся общие элементы исходных мыслительных пространств, выступающие основой для формирования смешанного пространства, в котором элементы пространств-источников интегрируются и обогащаются за счет фоновых знаний, дополнительных когнитивных и культурных моделей [Ковальчук, 2011, с. 99]. Как следствие, «возникающее интегрированное пространство, являясь синтезом двух пространств-источников, выходит на новый уровень, нейтрализуя одни элементы исходных фреймов, усиливая другие и создавая собственные уникальные свойства» [Ирисханова, 2001, с. 46]. Интеграция наследуемых элементов исходных ментальных пространств осуществляется на основе аналогии, временных, пространственных, идентификационных, причинно-следственных, контрфактуальных, метонимических, метафорических отношений.

Теория концептуальной интеграции иначе именуется теорией блендинга. Словообразовательный блендинг — частное проявление концептуального блендинга. Лексемы, созданные с помощью блендинга и метафоризации, рассматриваются в когнитивных исследованиях как единицы с максимальным креативным потенциалом, обусловленным действием механизма концептуальной интеграции [Заботкина, 2019, с. 213].

Проиллюстрируем теоретические положения примерами. Бленд *сын-арник* соотносится с двумя исходными ментальными пространствами: 1) сын; 2) свинарник. Концептуальная интеграция базируется на общем признаке пространств-источников — неопрятности, связанном с метафорическим проецированием (комната сына — свинарник). В результате формируется интегрированное концептуальное пространство — неопрятная, грязная комната сына. В структуре наследуемых концептуальных признаков первого исходного пространства (сын) особое значение имеет признак пола. Конструирование концептуального бленда опирается на гендерный стереотип, связанный с расхожими представлениями о неаккуратности представителей мужского пола.

В бленде *хмудрый* интегрируются концептуальные элементы пространств 1) хмурый и 2) мудрый. Общим ментальным пространством выступают качественные характеристики человека. Интегрированное пространство синтезирует исходные элементы на основе причинно-следственных отношений: обладающий большим умом и опытом и, как следствие, мрачный, угрюмый. Синтез исходных концептуальных признаков опирается на быту-

ющее в обыденной картине мира представление о мудрости как о бремени. На роль обогащающих смешанное пространство фоновых знаний может претендовать и библейское изречение *во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь* (Книга Екклесиаста).

В теории концептуальной интеграции сформулирован ряд регулирующих принципов, которые обеспечивают оптимальное конструирование и функционирование бленда [Fauconnier et al., 2006, p. 340]. Наиболее значимыми из них с точки зрения реализации креативного потенциала бленда являются следующие:

- принцип интеграции: исходные мыслительные пространства должны интегрироваться в бленде, обеспечивая его функционирование как цельной концептуальной структуры;

- принцип сети: функционируя как единая концептуальная структура, бленд должен сохранять связи с пространствами-исходниками;

- принцип распаковки: структура бленда должна легко расшифровываться, давая возможность реконструировать исходные ментальные пространства, общее пространство и межпространственные связи;

- принцип недвусмысленности: бленд должен быть недвусмысленным, поскольку двусмысленность препятствует пониманию бленда.

Следование заявленным принципам способствует правильному декодированию бленда адресатом и возникновению эстетического эффекта, обусловленного креативной интенцией адресанта.

Специфика исследуемого эмпирического материала заключается в отсутствии у слов-блендов внешнего словесного окружения. Изобретенные интернет-пользователями слова размещаются в социальной сети «ВКонтакте» изолированно, вследствие чего их декодирование опирается только на внутренний контекст, сформированный и ограниченный самим блендом. Реконструкция исходных компонентов является необходимым условием для осуществления концептуальной интеграции. Наиболее прозрачной структурой обладают гаплогические бленды, в которых путем междусловного наложения соединяются не осколочные элементы, а полные лексемы (например, *благолубь* ← *благо* + *голубь*; *вчералаш* ← *вчера* + *ералаш*; *целлюлитр* ← *целлюлит* + *литр*; *абрикость* ← *абрикос* + *кость*). Очевидно, что блендинг такого типа минимизирует трудности не только в декодировании окказионального слова, но и в его порождении.

Двусмысленность как барьер на пути понимания бленда обусловлена асимметричным дуализмом языкового знака, проявляющимся в полисемии или омонимии как исходных компонентов, так и бленда в целом. Так, бленд *автоназия* не вызывает затруднений в распознавании загрязнированных элементов — *авто* и *этаназия*, однако первый компонент актуализирует

различные ментальные пространства: 1) связанное с автомобилем; 2) связанное с направленностью на себя. В зависимости от актуализированного пространства-источника формируется значение бленда: в первом случае *автоназия* понимается как утилизация не подлежащего ремонту автомобиля, а во втором — как самоубийство безнадежно больного человека.

Бленд *макробат* конструируется на основе интеграции исходных компонентов *макро* и *акробат*. Интегрированное концептуальное пространство базирующееся на общем признаке размера, в данном случае эксплицировано самим автором в комментарии к бленду — *большой акробат*. В то же время окказионализм *макробат* может быть декодирован адресатом, знакомым с английским языком, как результат сложения компонентов *macro* и *bat*. Данная интерпретация вполне вероятна, более того, так действительно именуют инженерный проект — летающий автомобиль с биомимикрией (выбор номинации мотивирован тем, что летучие мыши — единственное млекопитающее, умеющее летать). Авторская расшифровка семантики бленда помогает избежать двусмысленности.

Нарушение принципа распаковки (разархивации) бленда наблюдается в тех случаях, когда, установив исходные ментальные пространства, адресат не может реконструировать межпространственные связи и выделить общее ментальное пространство. В результате возникает когнитивный диссонанс, «когда инференция авторского замысла затруднена или отсрочена вследствие возникновения у реципиента когнитивных трудностей и невозможности верно интерпретировать идею авторской лингвокреатемы» [Шмелева, 2020, с. 82]. Исходные концептуальные структуры не демонстрируют очевидных интегральных признаков, как, например, в блендах *бубензин* ← *бубен* + *бензин*; *можжевелик* ← *можжевельник* + *велик*; *боксерокс* ← *бокс* + *ксерокс*; *дельфинансы* ← *дельфин* + *финансы*; *ежевика* ← *ежевика* + *вилка*. Когнитивный диссонанс может привести к двум диаметрально противоположным ментальным действиям со стороны реципиента. В первом случае, который наиболее вероятен, он может отказаться от интеллектуальных усилий, направленных на декодирование бленда, и расценить его как бессмысленный. Во втором случае адресат попытается интегрировать ментальное пространство бленда, опираясь не на алгоритмические операции, а на интуицию и собственную креативность. Словообразовательный блендинг как проявление концептуальной интеграции демонстрирует общую закономерность лингвокреативной деятельности и когниции в целом — «сочетание композиционности как гарантии некоторой предсказуемости структурных и смысловых свойств языковых единиц с интегративностью как залогом эвристичности, а главное, новаторства речевой деятельности» [Ирисханова, 2004, с. 109]. Переход от алгоритмиче-

ского к эвристическому, творческому, интуитивному обеспечивает реализацию лингвокреативности, но при этом не отрицается действие принципа композиционности, который должен учитываться при создании бленда.

3.2. Структурные типы блендов в словаре группы ВК #Словарево

Обобщая данные различных исследований, можно утверждать, что существуют гаплогогические, полные и частичные бленды. Ряд лингвистов выделяет особый тип блендов-«матрешек», где одно слово-коррелят включается в середину другого слова-коррелята, разрывая его [Казловская и др., 2019; Митурска-Бояновска, 2020].

Анализ эмпирического материала, представленного группой ВК #Словарево, показал активное применение пользователями разных типов гаплогогических блендов:

Наложение одного слова-коррелята на другое: *пофигуристка* ← *пофиг* + *фигуристка*; *облакамни* ← *облака* + *камни*; *Селффиксики* ← *селфи* + *Фиксики*; *медведьма* ← *медведь* + *ведьма*; *декоромысло* ← *декор* + *коромысло*; *зебратишка* ← *зебра* + *братишка*; *погостиница* ← *погост* + *гостиница*; *требухарик* ← *требуха* + *бухарик*; *мусоратник* ← *мусор* (жарг.) + *соратник*; *ГМОнстр* ← *ГМО* + *монстр*; *ЦСКАзка* ← *ЦСКА* + *сказка*.

Наложение фрагмента («осколка») первого слова-коррелята на целое второе слово: *текилограмм* ← *текил/а* + *килограмм*; *псовершенство* ← *п(е)с* + *совершенство*; *свечность* ← *свеч/а* + *вечность*; *сволонтеры* ← *своло/чи* + *волонтеры*; *смеланхолик* ← *смел/ый* + *меланхолик*; *любошь* ← *любо/вь* + *боль*; *реальновости* ← *реальн/ые* + *новости*; *угрюмка* ← *угрюм/ая* + *рюмка*.

Наложение целого первого слова-коррелята на фрагмент («осколок») второго слова: *автоназия* ← *авто* + *э/вт(а)назия*; *хулибьяка* ← *хули** (бран.) + *кулебяка*; *ициславие* ← *ици* + *т/иц(е)славие*; *брезентация* ← *брезент* + *п/резентация*.

Наложение фрагмента («осколка») первого слова-коррелята на фрагмент («осколок») второго слова: *хризантели* ← *хризанте/мы* + *г/антели*; *когнитивит* ← *когнитив/ный* + *вит/амин*; *муткоин* ← *мут/ный* + *би/ткоин*.

Совпадение первого слога (первых букв) обоих слов-коррелятов: *кривотив* ← *криво/й* + *креа/тив*. Чаще полученный окказионализм отличается от второго слова-коррелята одной буквой, что создает каламбур: *тихуровец* ← *тих/ий* + *тим/уровец*; *милотавр* ← *мил/ый* + *мин/отавр*; *кроходил* ← *крох/а* + *крок/одил*; *думанойд* ← *дума/ющий* + *г/уманойд*.

Вставка второго слова-коррелята в середину первого слова (бленды-«матрешки»): *прогулка* ← *прогулка* + *гул*; *сбалансированное* ← *сбалансированный* + *банан*; *геопалеолитический* ← *геополитический* + *палеолит*.

Встречаются единичные примеры полных блендов (соединение «осколков» двух слов-коррелятов, чаще начала первого с финалом второго): *пе-*

шедох ← *пешеход* + *дохлый*; и *частичных* блендов (соединение «осколка» одного слова-коррелята с полной основой второго): *фигатырь* = *фига* + *бога/тырь*.

Ряд блендов имеет более сложную структуру. Например, *можно-стырь*, где целое слово *можно* соединяется с квазиморфом *стырь* (*стырить*), при этом происходит наложение этих элементов на форму третьего слова *монастырь*. См. аналогичное: *спермаркет* ← *спер/еть* + *маркет* (супермаркет); (*сапоги*)-*скородохи* ← *скоро* + *дох/нуть* (*скороходы*); *медведрезвитель* ← *медведь* + *резвитель* (*вытрезвитель*).

Наряду с однословным блендингом авторы используют модель включения блендинга в связные словосочетания, фразеологизмы, прецедентные тексты: *почертный гражданин* (*почетный* + *черт*); *весенняя распутница* (*распутица* + *распутница*); *заседалицный нерв* (*заседасть* + *седалищный*); *обет безврачия* (*безбрачие* + *врач*); *приложить гнусилия* (*гнусный* + *усилия*); «Волк на *Upsa-рне*» (*псарня* + *Upsa*); «*Стрекозаяц и жмуровой*» (*стрекоза* + *заяц*; *жмот* + *муравей*); «*Принцесса на галошине*» и пр.

Таким образом, именно гаплогический блендинг различных видов является наиболее частотной структурной моделью, используемой участниками интернет-группы #Словарево для создания / фиксации окказиональной единицы.

3.3. Блендинг как прием языковой игры в сетевой коммуникации

Лингвокреативный характер окказионализмов отмечают многие исследователи [Санников, 1999; Столярова, 2003 и др.]. В лингвистике креатива блендинг рассматривается как один из ведущих приемов языковой игры, вступая в которую «говорящий учитывает звуковую форму объединяемых им компонентов, их ассоциативный ореол и аллюзивность, коннотативные возможности слов-источников, а также возможность верного восприятия новой сложной единицы адресатом речи» [Николина, 1996, с. 312].

Современная интернет-коммуникация обнаруживает два варианта создания таких единиц: 1) искусственный, продуманный (журналисты, блогеры, пользователи-участники сообществ языковой игры) и 2) стихийный (пользователи социальных сетей, участники форумов широкой тематики). Именно интернет дал широкому кругу носителей языка возможность для словотворчества как проявления лингвокреативности. Имея изначальную установку на создание окказионализмов, порождающих языковую игру, группа ВК #Словарево относится к первому из названных вариантов словотворчества.

Окказионализмы выполняют в речи различные функции: прагматическую, интеллектуализации, выражения эмоций, оценочную, иронии, воздействующую, компенсаторную и др. [Касперова, 2021, с. 166—170]. В самые сложные периоды развития общества наблюдается «особое уси-

ление игрового смехового, «карнавального» начала в языке и культуре, что является естественной реакцией человеческой природы на переживаемый коллективный стресс, шок, на страхи и опасность, и это не раз было отмечено на страницах СМИ и интернета» [Приемышева, 2020, с. 550].

В случае языковой игры в группе ВК #Словарево приоритетными функциями становятся функция креативизации и иронии.

Окказиональный характер анализируемых блендов демонстрируется их соотношениями с узуальными номинациями, например: *зебратишка* — *матрос*; *облакамни* — *град*; *погостиница* — *кладбище*. Окказиональные бленды обладают «прагматическим потенциалом, включающим в себя в первую очередь экспрессивность и перлокутивный эффект неожиданности» [Коробкина, 2013, с. 96].

Интернет-коммуникацию отличает высокий уровень метаязыковой рефлексии, которая характеризует все формы лингвокреативной деятельности, включая языковую игру. Метаязыковая рефлексия участников группы ВК #Словарево находит отражение не только в речевых инновациях, но и в комментариях, касающихся особенностей создания удачных новообразований: *Многолетние наблюдения, позволили прийти к выводу, что есть два пути к “успеху”: либо 100 %ая узнаваемость исходника (вплоть до сохранения порядка ударного слога), либо “авторский” неологизм (словосочетание), несущее собственный яркий (парадоксальный) смысл [ВК]; Пару слов, о принципах отбора в ленту (о том подвиде #словаревских новообразований, построенном, на основании созвучия с традиционными словом или словосочетанием). 1. Полноценное созвучие получается при сохранении ударного слога оригинала. 2. (Самое главное) необходимо возникновение нового, самостоятельного смысла. Простое скрещивание “ежа” и “ужа”, удовлетворения не приносит! [ВК]*. В приведенных комментариях зафиксированы основные механизмы генерирования окказионализмов в целом и блендов, в частности, которые обеспечивают успех их создателям. С точки зрения семантики речевое новообразование должно быть осмысленным, продуцируя новое, оригинальное значение, что находит отражение в теории концептуальной интеграции. С формальной точки зрения необходима не требующая особых усилий распознаваемость исходных компонентов. Отдельное внимание уделяется созвучию авторского неологизма с прототипическими элементами, и этот принцип непосредственно связан с блендингом в его взаимодействии с паронимической аттракцией.

Блендинг и паронимическая аттракция — сближение в речи сходно звучащих слов — формируют обширную зону пересечения, заполненную паронимическими контаминантами. Стимулом лингвокреативной деятельности при создании блендов — паронимических аттрактантов служит

звуковая форма знака, при этом исходные компоненты могут быть семантически дистанцированы, например: *архиепиксель* ← *архиепископ* + *пиксель*. Семантизация созвучий позволяет объединять в составе бленда контрастные в смысловом отношении слова. Так, контаминант *хандрайв* ← *хандра* + *драйв*, включающий исходные лексемы в полном звукобуквенном составе, построен на оксюморе, на соединении двух контрастных эмоциональных состояний. В результате рождается парадоксальный смысл — ‘унылое настроение, доставляющее удовольствие’.

Бленды *грейтузы* ← *греть* + *рейтузы*; *скотлета* ← *скот* + *клетта*; *свечер* ← *свеча* + *вечер* демонстрируют игровую резтимологизацию, которая, в отличие от народной этимологии, носит осознанный характер и ориентирована на языковую игру.

Фонографическое подобие обеспечивается минимальной деформацией прототипических лексем (или отсутствием деформации в случае полного вхождения исходного слова в состав контаминанта): *антискептик* ← *антисептик* + *скептик*; *эдикурьер* ← *Эдип* + *дикурьер*; *электрик* ← *эклетика* + *электрик*; *жмотоциклист* ← *жмот* + *мотоциклист*; *танкистадор* ← *танк* + *конкистадор*; *бракобесие* ← *брак* + *мракобесие*; *обейсболивающее* ← *обезболивающее* + *бейсбол*; *Нидергланды* ← *Нидерланды* + *гланды*; *коньяктура* ← *коньяк* + *конъюнктура*; *умозлоключение* ← *умозаключение* + *злоключение*. Бленды, построенные на паронимической аттракции, служат ярким примером каламбурного словообразования.

Оценка бленда с точки зрения реализации лингвокреативного потенциала определяется триадой «творческое — креативное — лингвокреативное». Бленды, созданные наивными пользователями языка в интернет-пространстве, относятся, как правило, к сфере креативного. Креативное ориентировано на комбинаторику форм, творческое — на открытие новых смыслов. Стремясь преодолеть языковой стандарт, креативное прибегает к стандартным способам этого преодоления, автоматизируя языковые трансформации. Так, речевая новация *зонокосилка* вызвала цепную реакцию участников группы в виде блендов, построенных по той же модели: *озонокосилка*, *бизонокосилка*, *мюзонокосилка*.

Тем не менее отдельные сетевые окказионализмы могут быть включены в сферу творческого. Например, бленды *гдедство* ← *где* + *детство*, *апрелесь* ← *апрель* + *прелесь*, *ностальгирия* ← *ностальгия* + *гиря* обладают и концептуальной, и эстетической значимостью. Установить их авторство крайне трудно или невозможно.

Участники группы #Словарево размещают в социальной сети не только авторские речевые новации, но и те, которые встретились им в интернете и были сочтены удачными, фиксируя условное авторство каждой лек-

сической единицы: *вельзевул* ← *Вельзевул* + *зевнуть* и *буратинойдджер* ← *Буратино* + *тинейджер* (#Чепушинки @ id14750437 (*banzay); *фабер-женственный* ← *Фаберже* + *женственный* (#Словарево @ id9010617 (*cueball)). Ограничивающим фактором выступает только исключение повторов в самой ленте. При этом повтор может быть примером феномена создания уже созданного, когда носитель языка убежден, что именно ему принадлежит определенная речевая новация, хотя она уже существовала в коммуникативном пространстве. Например, реакция *Уже было* на бленд *гландыши* ← *гланды* + *ландыши* вызвала искреннее недоумение разместившего ее участника, уверенного в том, что именно он изобрел это слово. Антиномия индивидуального и коллективного в сфере массового сетевого лингвокреатива претерпевает существенную трансформацию.

Бленды с нереализованным лингвокреативным потенциалом относятся к сфере псевдокреативного и свидетельствуют о недостаточной речетворческой компетенции их создателя. В интернет-общении для обозначения псевдокреативного используется бленд *кривитив* ← *кривой* + *креатив*. Так, окказионализм *пейджаз* вызвал у аудитории когнитивный диссонанс: *непонятно, что является «корнем», прежде всего, из-за отсутствия явного созвучия; Наверное, это такой стайл «пей-джаз». Типа как Шанхай-блюз [ВК]*. Мотивировка автора, сославшегося на особенности произношения слова *пейзаж* его сыном, не способствует правильной расшифровке бленда в силу индивидуальности фоновых знаний. Отметим, что окказионализм *пейджаз* используется вполне успешно на другой странице ВК, где пользователь помещает его под пейзажем и сопровождает изображением аудиозаписями джазовых композиций. Декодирование бленда происходит в тесном взаимодействии вербальных и невербальных элементов.

При попытке дешифровать слово *рабоначальник* модератор группы предположил, что в роли исходного компонента выступила лексема *градоначальник*, однако создатель бленда, по его признанию, опирался на слово *родоначальник*. В данном случае семантические связи бленда с предложенным реципиентом прототипом более очевидны, чем с авторским вариантом. Уровень лингвокреативности интерпретатора оказывается выше уровня создателя речевой инновации.

Лингвокреативный акт может быть успешным только при взаимодействии адресанта и адресата, создателя креативной речевой инновации и ее интерпретатора. Примером лингвокреативной кооперации служат авторские толкования значений блендов — знак коммуникативной толерантности по отношению к адресату, которому остается лишь соотнести форму и семантику бленда, без затруднений восстановив исходные элементы: *Гамлетень* — *отец Гамлета* => *Гамлет* + *тень, погребение* — *поход по грибы*

=> *погребение* + *по грибы, хорошоры* — *розовые очки* => *хорошо* + *шоры*. Однако авторские дефиниции встречаются в проанализированном материале редко, большинство авторов оставляют простор для лингвокреативной деятельности со стороны интерпретатора, вовлекая его в совместную языковую игру. Интерактивность как фундаментальное свойство интернет-коммуникации характерна и для сетевого лингвокреатива, предполагающего сотворчество коммуникантов.

4. Заключение = Conclusions

Блендинг относится к основным способам реализации лингвокреативной интенции наивных носителей языка в интернет-коммуникации.

Когнитивным основанием блендинга выступает концептуальная интеграция, регулирующие принципы которой значимы для эффективного функционирования блендов во всех сферах коммуникации, включая интернет-общение. Соблюдение принципов интеграции, сети, распаковки, недвусмысленности при конструировании бленда обеспечивает интерпретацию контаминанта, адекватную лингвокреативной интенции его создателя.

Изолированное (вне контекста) употребление блендов, характерное для ленты группы *#Словарево*, лишает их семантику возможности дискурсивного становления и развития. В заданных коммуникативных условиях декодирование контаминантов осуществляется на основе внутреннего контекста — самого бленда, вследствие чего исходные компоненты и семантические связи между ними должны распознаваться без затруднений. Трудности в распаковке бленда провоцируют когнитивный диссонанс у аудитории.

В структурном отношении в группе ВК *#Словарево* наблюдается преобладание гаплогогических контаминантов с различными исходными элементами. Способ наложения одного слова (основы, квазиморфа) на другое является наиболее удачным для дальнейшего декодирования полученного бленда.

Усложненными по структурной организации являются паронимические контаминанты, где на форму базового слова накладывается сложение двух других слов (основ, квазиморфов). Прослеживается тенденция к созданию каламбуров на базе существующих связанных словосочетаний, фразеологизмов, прецедентных текстов с использованием компонента-бленда.

Блендинг как способ языковой игры обеспечивает создание экспрессивных окказионализмов, служит показателем высокого уровня метаязыковой рефлексии наивных пользователей языка. Реализация лингвокреативного потенциала бленда оценивается в триаде «творческое — креативное — псевдокреативное». Основной массив блендов, представленных в группе *#Словарево*, относится к области креативного, ориентированного на формальную комбинаторику.

В основе лингвокреативной деятельности лежит интерактивность, взаимодействие адресанта и адресата. Интернет-пространство, являясь сферой массового лингвокреатива, демонстрирует коллективную установку на речетворчество.

Источники и принятые сокращения

1. ВК — Социальная сеть «ВКонтакте», #Словарево [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/topic-62684057_31856409 (дата обращения 14.07.2022).

Литература

1. Абросимова Л. С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы / Л. С. Абросимова // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. — 2012. — Т. 12. — Выпуск 1. — С. 18—22.

2. Григорьева П. В. Блендинг как тип неузального словообразования : к уточнению понятия / П. В. Григорьева // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 3 (76). — С. 488—490.

3. Гридина Т. А. Современный русский язык. Словообразование : теория, алгоритмы анализа, тренинг / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. 3-е изд. — Москва : Наука : Флинта, 2009. — 160 с. — ISBN 978-5-89349-505-8.

4. Заботкина В. И. К вопросу о когнитивной неологии / В. И. Заботкина // Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство : Сб. в честь Е. С. Кубряковой. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — С. 337—349.

5. Заботкина В. И. Когнитивные основы лингвистической креативности / В. И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. Языки, культуры, модальности : Интеграция методов когнитивных исследований языка. — Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2019. — Выпуск XXXVIII. — С. 208—216. — ISBN 978-5-00078-496-9.

6. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — Москва : «Языки русской культуры», 2000. — С. 90—141. — ISBN 5-7859-0001-7.

7. Ибраева А. Ф. Блендинг как продуктивный способ словообразования в англоязычных чат-коммуникациях / А. Ф. Ибраева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Том 14. — Выпуск 9. — С. 2769—2772.

8. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / О. К. Ирисханова. — Москва, 2004. — 332 с.

9. Ирисханова О. К. О теории концептуальной интеграции / О. К. Ирисханова // Известия АН. Сер. Литературы и языка. — 2001. — Т. 60. — № 3. — С. 44—49.

10. Казловская Л. П. Структурно-семантические особенности контаминантов в английском и французском языках / Л. П. Казловская, В. Каноп // Вестник МГЛУ. Серия «Филология». — 2019. — № 6 (103). — С. 51—58.

11. Касперова Л. Т. Функции неологизмов в современной медиаречи / Л. Т. Касперова // Актуальные проблемы стилистики. — 2021. — № 7. — С. 166—170.

12. Ковальчук Л. П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера / Л. П. Ковальчук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 1 (8). — С. 97—101.

13. Коптелова И. Е. Лингвокультурные особенности блендинга в русском языке / И. Е. Коптелова // *Studia Russica*. — 2018. — № XXVI. — С. 151—158.
14. Коробкина Н. И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. И. Коробкина. — Волгоград, 2013. — 295 с.
15. Коробкина Н. И. Экологичность блендовых окказионализмов в публичной коммуникации / Н. И. Коробкина // *Экология языка и коммуникативная практика*. — 2020. — № 1. — С. 1—10. — DOI: 10.17516/2311-3499-096.
16. Митурска-Бояновска Й. Словообразовательная контаминация в эпоху коронавируса (на материале разговорной речи и газетных заголовков) / Й. Митурска-Бояновска // *Новые слова и словари новых слов. 2020 : Сборник научных статей* / Отв. ред. Н. В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2021. — С. 178—186. — ISBN 978-5-6044839-1-6.
17. Мурадян А. Ю. Словослияние в современном английском языке (специфика, динамика, теория) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. Ю. Мурадян. — Ленинград, 1978. — 201 с.
18. Мурзаков А. А. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. А. Мурзаков. — Санкт-Петербург, 2013. — 24 с.
19. Николина Н. А. «Скормление» в современной русской речи / Н. А. Николина // *Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева*. — Москва : ИРЯ, 1996. — С. 309—318. — ISBN 5-88744-015-5.
20. Омельченко Л. Ф. Телескопия — один из малоизученных способов глаголообразования современного английского языка / Л. Ф. Омельченко // *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. — Москва : Высшая школа, 1980. — С. 66—71.
21. Приемышева М. Н. Коронояз, карантинсмах и ковидный фольклор / М. Н. Приемышева // *Русский язык короновирусной эпохи. Коллективная монография* / Отв. ред. М. Н. Приемышева. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2021. — С. 550—563. — ISBN 978-5-6044839-1-6.
22. Прокопец А. П. Типология словообразовательных контаминантов / А. П. Прокопец // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология»*. — 2005. — Т. 18 (57). — № 2. — С. 107—111.
23. Радбиль Т. Б. Новые явления в языковой среде русскоязычного интернета : к проблеме семантического и прагматического освоения языковых инноваций в свете «лингвистики креатива» / Т. Б. Радбиль // *Лингвистика креатива — 5 : коллективная монография* / под общей ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. — С. 298—326. — ISBN 978-5-7186-1721-4.
24. Рацибурская Л. В. Экспрессивно-оценочные возможности современного медийного словотворчества / Л. В. Рацибурская // *Неология и неография : современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления)* : Сборник научных статей / Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. — С. 191—196. — ISBN 978-5-4469-1025-0.
25. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва : «Языки русской культуры», 1999. — 544 с. — ISBN 5-7859-0077-7.
26. Смирнова Н. В. Концепции лингвокреативности в современном российском языкознании / Н. В. Смирнова // *Актуальные проблемы стилистики*. — 2021. — № 7. — С. 89—114.

27. Столярова И. А. Лингвокреативные механизмы словосложения (На материале номинативных комплексов в романе Джеймса Джойса «Улисс») / И. А. Столярова, Н. А. Шехтман. — Оренбург : Издательство ОГПУ, 2003. — 164 с. — ISBN 5-85859-156-6.
28. Стрельцов А. А. Блендинг : краткая история заблуждений / А. А. Стрельцов // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2021. — Выпуск 7. — № 4. — С. 135—147. — DOI: 10.22250/241071.
29. Тимошенко Т. Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Т. Р. Тимошенко. — Киев, 1975. — 192 с.
30. Хрущева О. А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. А. Хрущева. — Челябинск, 2011. — 23 с.
31. Шевелева А. Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики : На материале современного английского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. Н. Шевелева. — Санкт-Петербург, 2003. — 195 с.
32. Шейфель Н. А. Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике / Н. А. Шейфель // Современные проблемы языкознания, литературы, межкультурной коммуникации и лингводидактики : материалы II международной научной конференции (Белгород, 20—21 апреля 2016) / В. А. Виноградов (отв. ред.). — Белгород, 2016. — С. 290—294. — ISBN 978-5-9571-2090-2.
33. Шмелева Е. С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале *The Economist*) / Е. С. Шмелева // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 78—86. — DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86.
34. Cannon G. Blends in English word-formation / G. Cannon // Linguistics. Interdisciplinary Journal of the Language Sciences. — 1986. — № 24 (4). — Pp. 725—753. — DOI: 10.1515/ling.1986.24.4.725.
35. Fauconnier G. Mental spaces : conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive linguistics : basic readings / edited by Dirk Geeraerts. — Berlin : Walter de Gruyter, 2006. — Pp. 303—371.
36. Lehrer A. Identifying and Interpreting Blends : an experimental approach / A. Lehrer // Cognitive Linguistics. — 1996. — № 7—4. — Pp. 359—390. — DOI: 10.1515/cogl.1996.7.4.359.
37. Miturska-Bojanowska J. Динамические процессы в словообразовании имен существительных в русском языке 2-й половины XX века / J. Miturska-Bojanowska. — Szczecin : Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2013. — 198 p. — ISBN/ISSN 978-83-7241-930-9.
38. Ratajczyk K. Kontaminacje leksykalne. Struktura — sens — pragmatyka (na materiale rosyjskich i polskich mediów) / K. Ratajczyk. — Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2015. — 403 p. — ISBN 978-83-7969-783-0.

Material resources

Social network “VKontakte”, #Slovarstvo. Available at: https://vk.com/topic-62684057_31856409 (accessed 14.07.2022). (In Russ.).

References

- Abrosimova, L. S. (2012). Blending in the aspect of cognitive-communicative paradigm. *Proceedings of the Saratov University. Ser. Philology. Journalism*, 12 (1): 18—22. (In Russ.).
- Cannon, G. (1986). Blends in English word-formation. *Linguistics. Interdisciplinary Journal of the Language Sciences*, 24 (4): 725—753. DOI: 10.1515/ling.1986.24.4.725.
- Fauconnier, G., Turner, M. (2006). Mental spaces: conceptual integration networks. In: *Cognitive linguistics: basic readings*. Berlin: Walter de Gruyter. 303—371.
- Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2009). *Modern Russian language. Word formation: theory, algorithms of analysis, training*. Moscow: Nauka: Flint. 160 p. ISBN 978-5-89349-505-8. (In Russ.).
- Grigorieva, P. V. (2019). Blending as a type of non-casual word formation: to clarify the concept. *The world of science, culture, education*, 3 (76): 488—490. (In Russ.).
- Ibraeva, A. F. (2021). Blending as a productive way of word formation in English-language chat communications. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 14 (9): 2769—2772. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2001). On the theory of conceptual integration. *Bulletin AN. Ser. Literature and language*, 60 (3): 44—49. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2004). *Linguocreative foundations of the theory of nominalization*. Doct. Diss. Moscow. 332 p. (In Russ.).
- Kazlovskaya, L. P., Kanopa, V. (2019). Structural and semantic features of contaminants in English and French. *Vestnik MGLU. The series "Philology"*, 6 (103): 51—58. (In Russ.).
- Kasperova, L. T. (2021). Functions of neologisms in modern media speech. *Actual problems* Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2009). *Modern Russian language. Word formation: theory, algorithms of analysis, training*. Moscow: Nauka: Flint. 160 p. ISBN 978-5-89349-505-8. (In Russ.).
- Khrushcheva, O. A. (2011). *Universal and linguocultural features of blending*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 23 p. (In Russ.).
- Koptelova, I. E. (2018). Linguocultural features of blending in the Russian language. *Studia Russica, XXVI*: 151—158. (In Russ.).
- Korobkina, N. I. (2013). *Conceptual integration as a way of language economy*. PhD Diss. Volgograd. 295 p. (In Russ.).
- Korobkina, N. I. (2020). Environmental friendliness of blend occasionalisms in public communication. *Ecology of language and communicative practice*, 1: 1—10. DOI: 10.17516/2311-3499-096. (In Russ.).
- Kovalchuk, L. P. (2011). Theory of conceptual integration Zh. Fauconnier and M. Turner. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 1 (8): 97—101. (In Russ.).
- Lehrer, A. (1996). Identifying and Interpreting Blends: an experimental approach. *Cognitive Linguistics*, 7—4: 359—390. DOI: 10.1515/cogl.1996.7.4.359.
- Miturska-Bojanowska, J. (2013). *Dynamic processes in the word formation of nouns in the Russian language of the 2nd half of the XX century*. Szczecin: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego. 198 p. ISBN/ISSN 978-83-7241-930-9. (In Polish.).
- Miturska-Boyanovska, Y. (2021). Word-formation contamination in the era of coronavirus (based on the material of colloquial speech and newspaper headlines). In: *New words and dictionaries of new words. 2020: Collection of scientific articles*. St. Petersburg: OR RAS. 178—186. ISBN 978-5-6044839-1-6. (In Russ.).

- Muradyan, A. Yu. (1978). *Word combination in modern English (specificity, dynamics, theory)*. PhD Diss. Leningrad. 201 p. (In Russ.).
- Murzakov, A. A. (2013). *Functional and pragmatic aspects of fusion in the English language*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 24 p. (In Russ.).
- Nikolina, N. A. (1996). "Skornenie" in modern Russian speech. In: *Language as creativity. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V. P. Grigoriev*. Moscow: IRYA. 309—318. ISBN 5-88744-015-5. (In Russ.).
- Omelchenko, L. F. (1980). Telescoping is one of the little—studied ways of verb formation of the modern English language. In: *Scientific reports of the higher School. Philological sciences*. Moscow: Higher School. 66—71. (In Russ.).
- Priemysheva, M. N. (2021). Koronoyaz, karantinosmeh and covid folklore. In: *Russian language of the coronavirus era. Collective monograph*. Saint Petersburg: OR RAS. 550—563. ISBN 978-5-6044839-1-6. (In Russ.).
- Prokopets, A. P. (2005). Typology of word-forming contaminants. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Tauride National University. The series "Philology"*, 18 (57) / 2: 107—111. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2020). New phenomena in the language environment of the Russian-language Internet: on the problem of semantic and pragmatic development of linguistic innovations in the light of "linguistics of creativity". In: *Linguistics of creativity — 5: collective monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 298—326. ISBN 978-5-7186-1721-4. (In Russ.).
- Ratajczyk, K. (2015). *Kontaminacje leksykalne. Struktura — sens — pragmatyka (na materiale rosyjskich i polskich mediów)*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. 403 p. ISBN 978-83-7969-783-0. (In Polish.).
- Ratsiburskaya, L. V. (2016). Expressive and evaluative possibilities of modern media word-making. In: *Neology and neography: current state and prospects (to the 50th anniversary of the scientific direction): Collection of scientific articles*. St. Petersburg: Nestor-History. 191—196. ISBN 978-5-4469-1025-0. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. (1999). *The Russian language in the mirror of the language game*. Moscow: "Languages of Russian culture". 544 p. ISBN 5-7859-0077-7. (In Russ.).
- Sheifel, N. A. (2016). The concept of blending and its difference from other related ways of word formation in linguistics. In: *Modern problems of linguistics, literature, intercultural communication and linguodidactics: materials of the II International Scientific Conference (Belgorod, April 20—21, 2016)*. Belgorod. 290—294. ISBN 978-5-9571-2090-2. (In Russ.).
- Sheveleva, A. N. (2003). *Structure and semantics of telescopic derivatives from the point of view of cognitive linguistics: On the material of modern English*. PhD Diss. St. Petersburg. 195 p. (In Russ.).
- Shmeleva, E. S. (2020). Cognitive mechanisms and pragmatic potential of linguocreativity (based on the material of The Economist). *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 18 (3): 78—86. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86. (In Russ.).
- Smirnova, N. V. (2021). Concepts of linguocreativity in modern Russian linguistics. *Actual problems of stylistics*, 7: 89—114. (In Russ.).
- Stolyarova, I. A., Shekhtman, N. A. (2003). *Linguocreative mechanisms of word composition (Based on the material of nominative complexes in James Joyce's novel "Ulysses")*. Orenburg: OGPU Publishing House. 164 p. ISBN 5-85859-156-6. (In Russ.).

- Streletsov, A. A. (2021). Blanding: a brief history of delusions. *Theoretical and Applied Linguistics*, 7 (4): 135—147. DOI: 10.22250/241071. (In Russ.).
- Timoshenko, T. R. (1975). *Telescoping in the word-formation system of the modern English language*. PhD Diss. Kiev. 192 p. (In Russ.).
- Zabotkina, V. I. (2009). On the question of cognitive neology. In: *Horizons of modern linguistics: Traditions and innovation: Collection in honor of E. S. Kubryakova*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 337—349. (In Russ.).
- Zabotkina, V. I. (2019). Cognitive foundations of linguistic creativity. In: *Cognitive studies of language. Languages, cultures, modalities: Integration of cognitive language research methods, XXXVIII*. Tambov: Publishing House Derzhavinsky. 208—216. ISBN 978-5-00078-496-9. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (2000). Active processes of modern word production. In: *Russian language of the end of the XX century (1985—1995)*. Moscow: “Languages of Russian culture”. 90—141. ISBN 5-7859-0001-7. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.07.2022,
одобрена после рецензирования 28.08.2022,
подготовлена к публикации 20.09.2022.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА **LITERARY STUDIES. FOLKLORE**

.....

Лю Миньцзе, аспирант (Владивосток)

Марат Талгатович Якупов, д-р филос. наук (Уфа)

Ольга Викторовна Кублицкая, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)

Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)

Ольга Ивановна Осипова, д-р филол. наук (Владивосток)

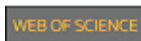
Ольга Иосифовна Чарина, канд. филол. наук (Якутск)

Тахир Мажитович Аминов, д-р пед. наук (Уфа)

Аминов Т. М. Искусство любви в произведении ибн Хазма «Ожерелье голубки» / Т. М. Аминов, М. Т. Якупов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 252—265. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-252-265.

Aminov, T. M., Yakupov, M. T. (2022). Art of Love in Work of Ibn Hazm “Ring of Dove”. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 252-265. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-252-265. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-252-265

Искусство любви в произведении ибн Хазма «Ожерелье голубки»

Аминов Тахир Мажитович
orcid.org/0000-0001-5269-2406
доктор педагогических наук, доцент,
кафедра педагогики
tahir-aminov@yandex.ru

Якупов Марат Талгатович
доктор философских наук, профессор
yakupov-marat@mail.ru

Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы
(Уфа, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
поддержке
Башкирского государственного
педагогического университета
им. М. Акмуллы в рамках конкурса
на проведение фундаментальных
и поисковых научных исследований
по приоритетным направлениям
отдельными группами
(Приказ № 123/н от 30.05.2022 г.)

Art of Love in Work of Ibn Hazm “Ring of Dove”

Tahir M. Aminov
orcid.org/0000-0001-5269-2406
Doctor of Pedagogy, Professor,
Department of Pedagogy
tahir-aminov@yandex.ru

Marat T. Yakupov
Doctor of Philosophy, Professor
yakupov-marat@mail.ru

Bashkir State Pedagogical University
n. a. M. Akmulla
(Ufa, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was supported
by Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmulla in the framework
of the contest on fundamental
scientific research and exploratory
scientific research in priority areas
by individual scientific groups
(Prikaz No.123/n (30.05.2022))

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется сочинение средневекового мыслителя ибн Хазма «Ожерелье голубки», посвященное любовным отношениям между мужчиной и женщиной. Авторы утверждают, что, во-первых, в науке существует определенный пробел в изучении принципов осмысления трактовки любви в произведениях ибн Хазма. Во-вторых, тема любви в настоящее время приобретает особую актуальность, поскольку в мире наблюдается большое разнообразие отличающихся от общепринятых, с точки зрения мировых религий и традиционных национальных культур, взглядов на взаимоотношения между полами. Выполняется анализ репрезентации искусства любви в произведении «Ожерелье голубки». Авторы обращаются к исследованиям отечественных, а также арабских, персидских и среднеазиатских ученых, рассматривавших отдельные аспекты размышлений ибн Хазма. Сделаны выводы о глубоком понимании автором психологических особенностей любви между женщиной и мужчиной. Показано, что описание этого чувства автор трактата иллюстрирует множеством примеров из жизни людей и собственного опыта. Утверждается, что эти размышления ибн Хазма и сегодня достаточно актуальны.

Ключевые слова:

Ибн Хазм; Ожерелье голубки; романтическая литература; исламская культура; отношения мужчины и женщины.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the problem of love relationship between a man and a woman presented in the work of the medieval thinker Ibn Hazm 'The Ring of the Dove'. The choice of the writer and his work is caused by several reasons which have determined the research problem. The authors note existing gaps in the study of love themes in Ibn Hazm's works. Moreover, the love theme becomes especially relevant nowadays because of the vast variety of attitudes to gender relations existing in the world and differing from conventional wisdom accepted by world religions and traditional national cultures. The aim of the study is to analyze the representations of the art of love in the work 'The Ring of the Dove'. The authors draw on the studies of Russian, Arab, Persian and Central Asian scholars who reflected upon certain aspects of Ibn Hazm's thinking. The authors come to the conclusion about Ibn Hazm's deep understanding of psychological and pedagogical peculiarities defining love relationship between a man and a woman, who observe origins, types, signs and results of love. The description of the feeling is illustrated by means of multiple examples from real life and the author's personal experience. It is argued that Ibn Hazm's thoughts are still relevant today.

Key words:

Ibn Hazm; Ring of Dove; romantic literature; Islamic culture; relationship between a man and a woman.

Искусство любви в произведении ибн Хазма «Ожерелье голубки»

© Аминов Т. М., Якупов М. Т., 2022

1. Введение = Introduction

Любовные отношения между мужчиной и женщиной, взятые в контексте исламской религии и культуры, вызывают интерес в силу целого ряда причин. Важнейшей из них выступает устойчивое сохранение в сознании людей стереотипов о сексуальной составляющей жизни представителей мусульманской культуры. Бытует миф, согласно которому любовь, как высшее чувство, а также секс как широкий спектр всего разнообразия его интимной жизни подавлены жесткими предписаниями Корана и шариата. С другой стороны, в массовом сознании существует представление о том, что мусульманский Восток представляет собой символ сексуальной энергии и даже избыточности, половодья чувственности. Кроме того, в последние три десятилетия в России и во всем мире возрос интерес к исламской культуре, особенно начального периода ее формирования. Поэтому обращение к творчеству одного из талантливых и плодовитых мыслителей средневекового Востока ибн Хазма видится актуальным. Его сочинение «Ожерелье голубки» стало явлением не только арабо-исламской, но и общечеловеческой духовной культуры в целом. Написанное в поэтической и прозаической форме, оно посвящено теме любви, ее истокам, формам и развитию этого высокого чувства.

Отметим, что данное сочинение известно современным читателям, интересующимся романтической литературой. В то же время в науке, на наш взгляд, недостаточно раскрываются филологические, философские, психолого-педагогические и социальные аспекты творчества ибн Хазма. Настоящая статья призвана устранить пробелы в исследовании творчества средневекового мыслителя.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Единственный экземпляр рукописи исследуемого произведения хранится в университетской библиотеке Лейдена. Сочинения ибн Хазма в значительной части были утеряны, поскольку его судьба складывалась не просто, он подвергался гонениям. По сохранившейся рукописи профессором Ленинградского университета Д. К. Петровым был опубликован текст трактата. М. А. Салье выполнил его перевод на русский язык, впервые опу-

бликованный в 1933 году под редакцией академика И. Ю. Крачковского, выступавшего и редактором Корана [Коран, 1990].

Творчество андалусского теолога исследуется с привлечением филологических, философских и педагогических трудов арабских, персидских среднеазиатских и российских авторов, рассматривавших отдельные аспекты размышлений ибн Хазма [Избранные ..., 1961; Aminov, 2018; Harbans Mukhia, 2020; Magsumov et al., 2020 и др.].

Средневековые мусульманские исследователи не ограничивались в своих размышлениях обращением только к теологическим проблемам. Факты свидетельствуют о том, что круг интересов этих ученых был чрезвычайно разнообразен [Средневековая ..., 1985; Хазиев, 2019; Tercan et al., 2022]. Так, один человек мог заниматься теологией, философией, астрономией, медициной, математикой и педагогикой, обращаться к изучению проблем социальной жизни. Любовь как социальное явление также становилось одной из тем размышлений. В ряду известных исламских средневековых мыслителей стоит и ибн Хазм [Избранные ..., 1961]. Любовная проблематика в его произведениях интересует авторов данной статьи с этико-философской точки зрения. В то же время трактат «Ожерелье голубки» обладает очевидными литературными достоинствами, также недостаточно раскрытыми современными исследователями.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Истоки обращения к теме любви у ибн Хазма

Абу Мухаммад Али бен Ахмад ибн Хазм — андалусский теолог арабского происхождения, юрист по исламскому праву, политик, философ, историк и литератор — родился в городе Кордова в 994, скончался в 1064 году. Был сыном везира, впоследствии сам также стал везиром, но оказался в опале и из-за опасений преследования переселился на остров Майорку. Последние семнадцать лет жизни прожил в родном поместье.

Мыслитель остался в истории исламской культуры благодаря ряду уникальных творений по теологии, философии и литературе. Обращение к теме любви в его произведениях берет начало в исламской культуре, многие выдающиеся деятели которой — Омар Хайям, Низами, Фирдоуси и другие великие классики средневековой литературы — посвятили вопросам отношений мужчины и женщины множество прекрасных творений. Внимание к понятию любви как главного источника жизни объясняется и тем, что любовь мужчины и женщины находит широкое отражение в священной книге мусульман — Коране [Коран ..., 2016], в частности, этой теме посвящено множество аятов в суре «Ан-Ниса» («Женщины»). Отметим, что в отличие от католического представления об отношениях

полов, где проповедовалось монашество и крайняя сдержанность, в Коране и Сунне (священном предании, втором после Корана авторитетном источнике) интимные отношения между женщиной и мужчиной называются *sawab*, то есть богоугодное действие. Так, Коран призывает «Плодитесь и размножайтесь!» [Коран, 1990]. Таким образом, можно говорить о том, что обращение к теме любви в исламской философии и литературе имеет глубокие теологические основания.

Кроме того, актуальность вопросов духовной и телесной любви в культуре мусульман связана с тем, что «ислам, прежде всего, распространился среди арабов, народа чувственного, для которого любовь и секс являются неотъемлемыми атрибутами самой жизни, условием существования человека. Это произошло исключительно благодаря способности Ислама вбирать в себя и трансформировать многое из доисламского уклада жизни арабов и других народов, в том числе и особенности сексуальных моделей и норм, регулировавших интимную сферу их жизни» [Любовь ...].

3.2. «Причины любви» в произведении «Ожерелье голубки»

Ибн Хазм в своем произведении обращается к вопросам зарождения, развития и итога любовных отношений мужчины и женщины. «Причины любви» мыслитель видит в стремлении пары соединить в одной возвышенной стихии две частицы души, оказавшиеся разделенными в природе. Так происходит потому, что человеческие души представляют собой однородные потенции в обители высшего мира, подобное тянется к подобному: *Мы знаем, что тайна смещения и разделения среди тварей — лишь в соединении и разъединении, и сходное обычно призывает сходное, и подобное доверяется подобному. Однородности присущи осязательное действие и видимое влияние; взаимная неприязнь противоположностей, согласие между подобными и влечение к похожему обнаруживаются между нами, — так как же не быть этому в душе, когда ее мир, мир чистый и легкий, и сущность ее стремятся ввысь и уравновешены; и в основе своей она приспособлена к восприятию согласия и склонности, и расположения и отчуждения, и страсти и неприязни* [Ибн Хазм]. Эта тяга имеет божественные основания: *Все это известно, так как проявляется при различных обстоятельствах в поведении человека, и человек доверяется своей душе, а Аллах, великий и славный, говорит: «Он тот, кто сотворил все из единой души и сотворил из нее ей пару, чтобы она доверилась ей». И он выставил основанием доверия то, что пара для души возникла из нее же* [Там же].

В то же время душевное стремление людей друг другу, по мнению ибн Хазма, связано с внешними качествами человека по-разному: телесная красота может быть источником любовного стремления и переживаний души, если душа «различит за внешностью что-нибудь с собою сходное»,

тогда «возникает настоящая и подлинная любовь» [Ибн Хазм]. Напротив, если «душа не различает за внешностью ничего с собою сходного, ее любовь не переходит пределов внешности, а это и есть страсть» [Там же]. Мыслитель объяснял это тем, что если источником любви выступает красота телесного образа, то закономерным для человека будет видеть объектом любовных желаний только красивые образы. Однако во все времена объектом любви могут быть разные люди, в том числе непривлекательные внешне девушки или юноши, хотя рядом с ними находятся те, кто имеет прекрасное лицо и тело. В этом случае, по мнению автора, тысячи не отличающихся красотой людей не смогли бы создать семью и прозябали бы в страданиях. Однако жизнь показывает обратное, и ибн Хазм обращает внимание на то, что любовь — явление чрезвычайно сложное и трудно постигаемое. Это объясняет сложность в определении любви и понимании ее отличия от влюбленности и страсти.

Ибн Хазм так говорит о причинах и силе любви в «Ожерелье голубки»:
Моя любовь к тебе вечна в силу своего бытия; она достигла предела, не уменьшается и не увеличивается.

Ей нет причины, кроме желания, и нет ей повода, который бы кто-нибудь знал.

Когда мы видим, что вещь — причина самой себя, тогда ее бытие не прекратится вовек.

Если же нашли мы, что причина ее в другой вещи, с исчезновением ее исчезнет и то, что из-за нее возникло [Там же].

Здесь автор продолжает развивать мысль о том, что «пара для души возникла из нее же», никто не знает, как это происходит (*Ей нет причины, кроме желания, и нет ей повода, который бы кто-нибудь знал*). Напротив, если причина любви очевидна (красота человека, богатство и др.), то такое чувство недолговечно (*с исчезновением ее исчезнет и то, что из-за нее возникло*).

3.3. Виды любви

В отличие от Платона, который говорит о наличии нескольких видов любви, среди которых высшая — это любовь, полностью свободная от каких-либо условностей и причин, связанная с вечными душевными импульсами, ибн Хазм считает наиболее достойной любовью влечение и единение мужчины и женщины ради Всевышнего. Эта любовь состоит в служении Творцу посредством создания гармонии душевного и телесного счастья. Плоды любви мужчины и женщины — дети, воспитание которых нацелено на ведение праведной жизни, в трудах, любви и почитании Творца. Ибн Хазм строго следовал идее, заложенной в исламском мировоззрении, согласно которой любовь в исламе, в том числе и плотская, есть богоугодное

дело. При этом важно, чтобы восхищение телесной красотой и стремление к наслаждению не перешли определенную грань, не стали самоцелью. Нарушение принципа «золотой середины» и чрезмерное увлечение любовью к жене и мужу может заслонить самую высшую любовь, которая доступна человеку, — любовь к Богу.

Мыслитель называет разные основания для любовного влечения, на которых зиждятся такие виды любви, как *«родственная, любовь из-за дружбы или общности стремлений, любовь из-за товарищества и знакомства, любовь из-за благодарения, которую питает человек к своему другу, любовь из жадности к сану любимого...»* и др. [Там же]. При этом важно помнить, что такая любовь в отличие от наиболее достойной *«двух любящих ради Аллаха, великого, славного»* [Там же] конечна. Все эти проявления любви сходят на нет, *«кроме любви по истинному влечению, овладающей душой, — это та любовь, которой нет конца иначе как со смертью. Поистине, ты часто найдешь человека, утешившегося, по его словам, и достигшего предельных лет, который, когда ты напомнишь ему, вспоминает, и веселеет, и молодеет, и возвращается к нему волнение, и поднимается в нем печаль. Ни при одном из упомянутых видов любви не бывают так заняты мысли и не возникает такого помрачения ума, беспокойства, изменения врожденных свойств и перемены природных качеств, и похудания, и вздохов, и прочих признаков тоски, как при любви по влечению; этим подтверждается, что такая любовь — духовное предпочтение и слияние душ»* [Там же].

В трактате ибн Хазм выделяет несколько глав, каждая из которых посвящена каким-либо видам или проявлениям любви. Так, он описывает вид отношений людей, *«полюбовавших от одного взгляда»*, придавая им трансцендентальный и мистический характер. По его мнению, такая любовь существует в двух формах. Первая форма выражается в том, что юноша или девушка, что случается весьма редко, влюбляется в определенный образ, не зная, кто есть объект влечения души, знакомый ему только по снам и фантазиям. Другой формой любви с первого взгляда, противоположной предыдущей, выступает ситуация, когда *«человек влюбляется с одного взгляда в девушку, которая известна ему по имени, по месту жительства и по происхождению»* [Ибн Хазм]. Различия здесь в темпераменте отношений и стойкости чувств, в финале взаимоотношений, который может быть быстрым или медленным. Например, в случае любви с первого взгляда и быстро возникшей привязанности наступает нередко и стремительное угасание этого чувства, что свидетельствует о непостоянстве и пресыщении человека в отсутствие истинной близости, считает ибн Хазм: *«Так бывает во всех вещах: что скорее вырастает, скорее завершается, а что медленней возникает, медленней исчезает»* [Там же].

Противоположным видом любви, более прочным, ибн Хазм признает отношения людей, *«кто влюбляется лишь после долгого срока»: Любовь никогда не прилеплялась к моему сердцу иначе как через долгое время после того, как человек не покидал меня целую вечность ...»* [Там же].

3.4. Знаки проявления любви

После анализа истоков и видов любви ибн Хазм переходит к описанию знаков влечения, которые можно наблюдать только у человека любящего. Первым из проявлений любовного состояния мыслитель признает взгляд. Ибн Хазм считает, что глаза есть раскрытые ворота души, поэтому они сообщают ее самые сокровенные тайны. Взгляд открывает ее секретные помыслы, они изъясняют сокрытое в душе. Опытный человек понимает секреты влюбленных, когда взгляд влюбленного соотносится с движениями любимой, *«поворачивается туда, куда она повернется, и направляется туда, куда она направилась, точно хамелеон за солнцем»* [Там же].

Следующий признак любви, по мысли ибн Хазма, проявляется в том, как влюбленные разговаривают. Так, поскольку все мысли мужчины посвящены любимой, речь его прямо или косвенно направлена именно в ее адрес, или, наоборот, молчание мужчины, что бы любимая ни *«сделала, будь это сущая нелепость и нарушение обычаев»*, свидетельствует о полном принятии близкого человека [Там же]. Эти ухищрения ясны всем окружающим, однако они делают вид, что не замечают тайный разговор двух сердец между собой.

Нет секрета в том, что одним из явных признаков любви выступает постоянное стремление быть рядом с любимым человеком. Речь идет о том, что у любящих существует непреодолимое влечение друг к другу, такие сильные чувства, когда ради минутной встречи они готовы преодолеть сотни и тысячи километров пути. Ибн Хазм по этому поводу пишет следующее: *«К признакам любви относится и ускорение пути к тому месту, где пребывает любимая, и старание сесть вблизи от нее и к ней приблизиться; любящий бросает все занятия, вынуждающие покинуть любимую, пренебрегает всяким важным делом, заставляющим с ней расстаться, и замедляет шаги, уходя от нее»*.

Уходя от тебя, я иду походкою пленника, ведомого на гибель,

А идя к тебе, я подгоняю себя, как луна, когда она спешит к краю неба.

Когда же я встаю, то поднимаюсь так медленно, как высокие неподвижные звезды [Ибн Хазм].

У истинно любящих людей эмоциональное состояние достигает высшего уровня напряжения, поэтому неожиданная встреча может вызвать сильнейшее волнение, особенно если любящие держат свои отношения в секрете. Ибн Хазм так говорит об этом стихами:

Когда только глаза мои видят одетую в красное, мое сердце разрывается и раскалывается от печали. Она стала проливающей кровь людей, и одежда ее, пропитанная ею, приняла цвет сафлора [Там же].

Такое же волнение возникает не только при встрече, но и при звуке его или ее имени. Для любящего нет ничего важнее, чем чувство любви в душе. Он ведом самим Всевышним, и его поступки не вмещаются в рамки обыкновенной человеческой логики, поэтому влюбленный часто похож на умалишенного: не ест, у него апатия, если не встречает взаимности, и в то же время счастлив сам по себе, без всякой причины, его глаза сияют и излучают счастье, если он любим.

К признакам влюбленности автор относит и готовность щедро отдавать все то, чем он раньше дорожил, чтобы привлечь к себе внимание. Любовь меняет человека, причем заставляет проявлять не только хорошие, но и плохие свои стороны: *Сколько скупых от того расщедрилось, и угрюмых развешилось, и трусов расхрабрилось, сколько грубых по природе взволновалось, и глупых научилось, и неряшливых прибралось, и бедняков украсилось! Сколько людей в летах молодилось, сколько благочестивых сделалось бесстыдными и сколько безупречных опозорилось!* [Там же].

Проявлением любви может быть и стремление к одиночеству, склонность к уединению, похудение тела, бессонница и др.:

Облака научились от моих слезных протоков и потекли непрерывными, проливными дождями.

И стала ночь потому моим товарищем и против бессонницы мне помощником.

И если не рассеется мрак под утро, о, тогда не сомкнутся сном мои веки!

Нет для нас дороги ко дню, и бессонница все сильнее с каждым мгновением,

И как будто ночные звезды, чей блеск укрывают тучи от взгляда глаз, Мои тайные думы в любви к тебе, о мечта моя, — они не проявляются иначе, как в мыслях [Ибн Хазм].

Таким образом, ибн Хазм в своем трактате описывает возможные проявления любовных чувств, которые влюбленным не удастся скрывать, поскольку их чувства всегда проявляются в поведении, накал эмоций в этом состоянии настолько высок. Однако у этого состояния есть и оборотная сторона, когда между близкими людьми становятся частыми *«беспричинные приступы гнева, и умышленное противоречие в словах, и нападки друг на друга из-за всякого малого дела, и каждый из них наблюдает за всяким словом, которое проронит другой, и толкует его не в том смысле»* [Там же]. При этом здесь нет противоречия воле Аллаха, поскольку *«противопо-*

ложности сходны, и вещи, дойдя до пределов взаимной противоположности и остановившись у крайних границ несходства, становятся похожими, по могуществу Аллаха, великого, славного, от которого заблуждаются умы» [Там же]. Проверка же истинности чувств проверяется прощением.

3.5. Верность в любви

Одним из необходимых качеств сохранения любви является верность. Пророк Мухаммед в своем хадисе благословил чистую и божественную любовь как средство отстранения от греха прелюбодеяния. Такое отношение к любви объясняется тем, что ее финал — законный никях (брак), семья и дети. И нет здесь места для греховных поступков, так как истинно любящие супруги никогда не пойдут на измену и совершение греховных деяний. Поэтому «к числу похвальных склонностей, благородных» свойств в любви относится верность. Ибн Хазм говорит об этом так:

Поистине, это сильнейшее доказательство и самое ясное свидетельство хорошего происхождения и чистоты стихии, и верность бывает различна, сообразно различию, обязательному для тварей. Я скажу об этом отрывок, где есть такой стих:

Дела всякого мужа вещают о стихии его, и самая вещь избавляет тебя от нужды искать ее след ...

Видишь ли ты когда-нибудь, чтоб олеандры взрастили виноград, и собирают ли пчелы в улья свои сок мирры?

И первая степень верности, чтобы был верен человек тому, кто ему верен. Это обязательная заповедь и непременный долг любящего и любимой, и отступает от него лишь скверный по природе — нет ему благой доли в будущей жизни, и нет в нем добра! И если бы не отказались мы в этом нашем послании говорить о качествах женщин и природных их свойствах, и о притворстве их, и о том, как усиливается естественное от притворного и исчезает неестественное при отсутствии природного, — право, добавил бы я в этом месте то, что надлежит поместить в подобном ему. Но мы намеревались говорить лишь о том, что я хотел высказать о делах любви, и только, а дела эти весьма долгие, ибо речь о них очень разветвляется [Ибн Хазм].

Верность супружеская, верность семье, Родине ценилась во все времена, и наоборот, предатели и изменники вызывали только негативные чувства. Не зря в системе христианских и исламских ценностей предатели и изменники располагались на седьмой, самой низкой ступени ада. Понятно, что именно любовь дает человеку великую силу и возможности перенести беды расставания с любимым человеком. Поэтому ибн Хазм, в качестве доказательства бытия великой верности объекту любви, приводит историю любви и верности прекрасной женщины, которая была невольницей, очень красивой и умной:

У нее был господин, и пришла к нему гибель, и продали эту девушку среди его наследства, и отказывалась она допустить к себе мужчин после своего хозяина, и не познал ее ни один человек, пока не встретилась она с Аллахом — велик он и славен! А эта девушка хорошо пела, но отреклась она от знания в этом деле и согласилась работать и выйти из числа тех, кого берут для потомства и для наслаждения, и уйти от хорошей жизни — все это из верности тому, кого засыпали прахом и похоронили в земле и над кем соединились могильные плиты.

А названный господин этой девушки хотел приблизить ее к своему ложу вместе с остальными своими невольницами и вывести ее из той жизни, которой она жила, но девушка отказывалась. И хозяин бил ее не раз и подвергал мучениям, но она вытерпела все это и осталась при своем отказе. И поистине, это — проявление верности весьма необычное! [Ибн Хазм].

3.6. Амбивалентность любви

Применение диалектического метода позволяет ибн Хазму увидеть и обратную сторону любви. С одной стороны — это радость, душевное и телесное наслаждение, счастье, чувство полета, появление невероятной силы и возможности творить, созидать. С другой стороны — чувство несчастья от неразделенной любви, апатия, потеря аппетита, разбитость, меланхолия, понимание бессмысленности жизни без любимого человека. Ибн Хазм указывает, что к бедам, приносимым любовью, относится разрыв с близким человеком.

Противоречивость состояния влюбленных людей связана со значительным влиянием, которое оказывает на них божественное начало их любви и в то же время зависимость от окружающего мира. Творец благословил истинную любовь, но она постоянно подвергается испытаниям. На нее могут повлиять соглядатаи, доносчики, хулители и другие люди, о чем говорится в ряде глав трактата. Влияние внешних сил может разрушить даже крепкие отношения. В связи с этим ибн Хазм говорит следующее: *Ничто в мире не равно состоянию двух любящих, когда нет над ними соглядата и не угрожают им сплетники и когда в безопасности они от разлуки, и не желают разрыва, и далеки от пресыщения, не зная хулителей, и сошлись они качествами, и одинаково любят, и даровал им Аллах обильный удел, и жизнь в довольстве, и спокойное время, и близость их такова, как угодно господу, и продлилась их дружба, не прерываясь до времени наступления смерти, которой не отвратить и не избежать [Там же].*

3.7. Связь взглядов ибн Хазма с арабо-исламской традицией

Всесторонний анализ феномена любви в трактате ибн Хазма обусловлен культурно-религиозными традициями. Многие представители духовной культуры мусульманства говорили, что влюбленным полагается самое боль-

шое вознаграждение от Всевышнего. Считается, что *«умерший от любовных страданий тоже шахид»*, другими словами *«воин, служащий Аллаху»*. Пророк Мухаммед, также обратив внимание на эту важнейшую для личности и всего человечества часть бытия, оставил следующий хадис: *«Кто влюбится и умрет, сохранив себя от греха прелюбодеяния, приравнивается к шахиду»* [Коран, 1990]. Пророк говорит об истинной любви, которая приравнивается к служению богу, так как помогает спасти душу от греховных поступков.

Возведение любви на такой высокий пьедестал, наделение ее особым значением в воспитании человека в корне меняет идею о несчастной доле женщины в исламе. Женщина в исламе — равный партнер в отношениях, ее роль поэтизируется, статус мусульманки почти сакрален. Она как мать и партнер в любви получает такое же право духовного совершенствования, как и мужчина. В основе коранических аятов лежит идея, согласно которой единение представителей двух полов дает возможность служить Всевышнему душой и телом.

Исламская этика всецело приветствует любовь и сексуальность, определяя для этой сферы человеческих отношений собственные нормы. В Коране встречается много аятов с призывом к верующим вступать в брак. Например, *«Из Его знамений — что Он создал для вас из вас самих жен, чтобы вы жили с ними, устроил между вами любовь и милость» (30:21)* [Коран, 1990, с. 334]. В Коране проблемы любви трактуются реалистически. Секс создан Аллахом как единственный способ воспроизводства человеческого рода в ряду других Его созданий: *«... И создали Мы вас парами»; «Любовь мужчины и женщины друг к другу не есть чувство, возникающее из случайной прихоти, мимолетного каприза людей. Любовь дана Аллахом как необходимая часть сексуальных отношений мужчины и женщины»* [Любовь ...].

Анализ феномена любви в арабо-исламской культуре позволяет сделать вывод о том, что и в данном случае проявляется диалектическая природа любви и сексуальных отношений. С одной стороны, душевная любовь и влечение мужчины и женщины заложены в конституции человеческой природы, через них воплощается инстинкт продолжения рода человеческого. С другой стороны, она выступает орудием Божьего промысла. В целом культура ислама вобрала в себя понимание любви как фундаментального явления, которое обладает онтологическим статусом в жизни человека. Кроме того, согласно канонам исламского вероучения любовь трактуется еще теологически, она не только самодостаточна, но имеет назначение — служение Всевышнему.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, трактат «Ожерелье голубки» создан в русле арабо-исламской традиции, которая отражает взгляд мусульман на любовные

отношения мужчины и женщины. Ибн Хазм создает свое произведение, с одной стороны, на основе наблюдений за реальной жизнью. Не случайно в его сочинении приводится много примеров из опыта автора. Здесь читатель может увидеть знакомые современному человеку обстоятельства, в которых находятся влюбленные: случайные и неслучайные встречи, взаимное и безответное чувство, отношение окружающих и др.

В то же время трактат отражает этическую систему ценностей и норм, регулирующих любовь и сексуальные отношения, в русле арабо-исламской религиозной традиции, согласно которой любовь между мужчиной и женщиной освящена Творцом, ее природа загадочна, однако очевидно, что стремление истинно любящих состоит в служении Всевышнему, а достижение праведной жизни заключается в истинной душевной привязанности.

Источники

1. *Ибн Хазм. Ожерелье голубки* / ибн Хазм ; перевод с арабского М. А. Салье, под редакцией И. Ю. Крачковского. — Москва : Издательство восточной литературы, 1957. — Режим доступа : <https://proza.ru/2009/11/21/1081> (дата обращения 24.05.2022).

Литература

1. *Избранные произведения мыслителей Среднего Востока IX—XIV вв.* / сост. С. Н. Григорян, А. В. Сагадеев. — Москва : Издательство «Социально-экономической литературы», 1961.

2. *Коран о нравственности мусульманина : Хрестоматия* / сост. Р. Х. Калимуллин, Р. Н. Нуриаслямов. — Уфа : Издательство БГПУ, 2016. — 139 с. — ISBN 978-5-87978-983-6.

3. *Коран*. Пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. — Москва : СП ИКПА, 1990. — 512 с.

4. *Любовь и секс в исламе* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://coollib.net/b/220188/read> (дата обращения 13.08.2022).

5. *Средневековая андлусская проза*. Перевод с арабского. — Москва : Художественная литература, 1985. — 479 с.

6. *Хазиев В. С. Познание Абсолюта в средневековом арабо-мусульманском рационализме : Учебное пособие* / В. С. Хазиев, Е. В. Хазиева. — Москва : Садра, 2019. — 230 с. — ISBN 978-5-907041-18-9.

7. *Aminov T. M. Pedagogical potential of muslim religious sources in overcoming physical and mental and psychological trials* / T. M. Aminov, T. A. Magsumov, R. L. Sayakhov, I. R. Nasipov, V. F. Aitov // *Journal of Social Studies Education Research*. — 2018. — № 9 (2). — Pp. 266—282.

8. *Harbans Mukhia. A Rationality Immersed in Religiosity : Reason and Religiosity in Abu'l Fazl's Oeuvre* / Harbans Mukhia // *The Medieval History Journal*. — 2020. — № 23 (1). — Pp. 50—73. — DOI: 10.1177/0971945820907406.

9. *Magsumov T. A. The system of Public education in Cars oblast in the period 1878—1917* / T. A. Magsumov, A. A. Korolev, M. A. Ponomareva, T. E. Zulfugarzade // *European*

Journal of Contemporary Education. — 2020. — Т. 9. — № 2. — Pp. 459—472. — DOI: 10.13187/ejced.2020.2.459.

10. Tercan N. The creative legacy of Ibn Sina (Avicenna) and his scientific and pedagogical ideas / N. Tercan, G. Nuryshv. // *Perspektivy nauki i obrazovaniya* — Perspectives of Science and Education. — 2022. — № 55 (1). — Pp. 552—560. — DOI: 10.32744/pse.2022.1.35.

Material resources

Ibn Hazm. (1957). *The dove's necklace*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature. <https://proza.ru/2009/11/21/1081> (accessed 24.05.2022). (In Russ.).

References

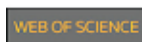
- Aminov, T. M., Magsumov, T. A., Sayakhov, R. L., Nasipov, I. R., Aitov, V. F. (2018). Pedagogical potential of muslim religious sources in overcoming physical and mental and psychological trials. *Journal of Social Studies Education Research*, 9 (2): 266—282.
- Harbans Mukhia. (2020). A Rationality Immersed in Religiosity: Reason and Religiosity in Abu'l Fazl's Oeuvre. *The Medieval History Journal*, 23 (1): 50—73. DOI: 10.1177/0971945820907406.
- Khaziev, V. S., Khazieva, E. V. (2019). *Cognition of the Absolute in medieval Arab-Muslim rationalism: A textbook*. Moscow: Sandra. 230 p. ISBN 978-5-907041-18-9. (In Russ.).
- Koran. Translated from Arabic. Academician I. Y. Krachkovsky. (1990). Moscow: SP IKPA. 512 p. (In Russ.).
- Love and sex in Islam*. Available at: <http://coollib.net/b/220188/read> (accessed 13.08.2022). (In Russ.).
- Medieval Andalus prose. Translated from Arabic*. (1985). Moscow: Fiction. 479 p. (In Russ.).
- Magsumov, T. A., Korolev, A. A., Ponomareva, M. A., Zulfugarzade, T. E. (2020). The system of Public education in Cars oblast in the period 1878—1917. *European Journal of Contemporary Education*, (9/2): 459—472. DOI: 10.13187/ejced.2020.2.459.
- Selected works of thinkers of the Middle East of the IX—XIV centuries*. (1961). Moscow: Publishing House of “Socio-economic literature”. (In Russ.).
- Tercan, N., G. Nuryshv. (2022). The creative legacy of Ibn Sina (Avicenna) and his scientific and pedagogical ideas. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* — Perspectives of Science and Education, 55 (1): 552—560. DOI: 10.32744/pse.2022.1.35. (In Russ.).
- The Koran on the morality of a Muslim: A textbook*. (2016). Ufa: BSPU Publishing House. 139 p. ISBN 978-5-87978-983-6. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 01.09.2022,
одобрена после рецензирования 15.09.2022,
подготовлена к публикации 27.09.2022.

Богданова О. В. Антипасхальный рассказ Ивана Бунина «Косцы» (структура, система образов, «русская идея») / О. В. Богданова, Лю Миньцзе // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 266—283. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-266-283.

Bogdanova, O. V., Liu Minjie (2022). Anti-Easter Story by Ivan Bunin “Mowers” (structure, system of Images, “Russian Idea”). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 266-283. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-266-283. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-266-283

Антипасхальный рассказ Ивана Бунина «Косцы» (структура, система образов, «русская идея»)

Богданова Ольга Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-6007-7657,

доктор филологических наук,

профессор,

Научно-исследовательская лаборатория
перспективных проектов в образовании

olgabogdanova03@mail.ru

Лю Миньцзе²

orcid.org/0000-0002-1337-4154

аспирант,

кафедра русского языка и литературы

1048795610@qq.com

¹ Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

² Дальневосточный
федеральный университет
(Владивосток, Россия)

Anti-Easter Story by Ivan Bunin “Mowers” (structure, system of Images, “Russian Idea”)

Olga V. Bogdanova¹

orcid.org/0000-0001-6007-7657,

Doctor of Philology, Professor,

Research Laboratory for Advanced

Projects in Education

olgabogdanova03@mail.ru

Liu Minjie²

orcid.org/0000-0002-1337-4154

Post-graduate Student,

Department of Russian Language

and Literature

1048795610@qq.com

¹ The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

² Far Eastern Federal University
(Vladivostok, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предложена новая интерпретация рассказа И. Бунина «Косцы» (1921). Если традиционно «короткий» рассказ Бунина рассматривается исследователями как реализация темы Родины, любви к утраченному раю на Земле, восхищение и прославление русского народа, то в работе выявляются иные, по сути противоположные интенции бунинского текста. Показано, что подведение итогов первого года эмиграции формировало в сознании Бунина сложно-противоречивые мысли о России и ее народе. Воссоздавая в рассказе, кажется, незамысловатое воспоминание о встрече с косцами и выражая восторг по поводу их щемящей сердце песни, на самом деле, как показано в работе, Бунин строит сложную многоярусную повествовательную систему, в которой внешний пласт нарратива (давняя встреча с косцами) теснится сегодняшней рефлексией изгнанников-эмигрантов (Париж, 1921) и символизируется фольклоризированными представлениями о сказочной Руси и ее первобытной мифологии. Показано, что интенция автора-рассказчика ориентирована не на восхищение прошлым и утраченным (традиционный ракурс), а на неприятие и отказ от прежней сказки, которой, по Бунину 1920-х, наступил конец. Переосмыслены центральные мотивы рассказа, прослежена семантическая перекодировка титульного образа косцов.

Ключевые слова:

И. А. Бунин; *Косцы*; композиционная структура; образная система; затекст; подтекст; антипасхальность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A new interpretation of I. Bunin's story "Mowers" (1921) is proposed. If Bunin's traditionally "short" story is considered by researchers as a realization of the theme of the Motherland, love for the lost paradise on Earth, admiration and glorification of the Russian people, the work reveals other, essentially opposite intentions of Bunin's text. It is shown that summing up the results of the first year of emigration formed complex and contradictory thoughts about Russia and its people in Bunin's mind. It is shown that while recreating in the story what seems to be an uncomplicated memory of the meeting with the mowers and expressing delight over their heart-wrenching song, in fact Bunin is building a complex multi-tiered narrative system. It is noted that in this system, the outer layer of the narrative (a long-standing meeting with the mowers) is crowded by today's reflection of exiled emigrants (Paris, 1921) and is symbolized by folklore ideas about fairy-tale Russia and its primitive mythology. It is proved that the intention of the author-narrator is focused not on admiration for the past and the lost (traditional perspective), but on antagonism and rejection of the old fairy tale, which, according to Bunin of the 1920s, has come to an end. The central motives of the story are rethought, the semantic recoding of the title image of the mowers is traced.

Key words:

I. A. Bunin; *Mowers*; compositional structure; figurative system; overtext and subtext; anti-Easterness.

Антипасхальный рассказ Ивана Бунина «Косцы» (структура, система образов, «русская идея»)

© Богданова О. В., Лю Миньцзе, 2022

1. Введение = Introduction

Рассказ Ивана Бунина «Косцы» впервые был опубликован в альманахе «Медный всадник» (Берлин, 1923, кн. I). Под текстом рассказа стояло указание: «Париж, 1921» [Бунин, 1966, т. V, с. 72]. В комментарии к собранию сочинений И. А. Бунина уточняется: «Рукопись датирована: “27—31 октября — 9—13 ноября 1921 года” (ЦГАЛИ)» [Бунин, 1966, т. V, с. 515].

Между тем уже на этом уровне начинаются «разночтения». Дело в том, что в «Дневниках» писателя за 1921 год значится другая дата: «17 ноября (н. ст.). <...> Нынче неожиданно начал “Косцов”, хотя, пописав, после обеда, вдруг опять потух, опять показалось, что и это ничтожно, слабо, что не скажешь того, что чувствуешь, и выйдет патока, да еще не в меру интимная...» [Бунин, 2006, с. 98]. То есть рассказ начат не в октябре, а в ноябре, причем начат и отложен. И хотя данное уточнение кажется малозначительным, но оно открывает тот ряд неточностей, которые возникают при обращении к тексту анализируемого рассказа.

Именно это обстоятельство заставляет обратить более пристальное внимание на знакомый бунинский текст и разобраться, какие размышления подталкивали Бунина-художника к созданию далеко не однозначного рассказа «Косцы».

Apropos: актуальность обращения к хрестоматийному тексту Бунина тем более возрастает, если вспомнить, что рассказ «Косцы» включен в школьную программу и изучается в средних классах общеобразовательных школ.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как правило, интерпретируя рассказ Бунина «Косцы», критики исходно формируют семантически устойчивую матричную модель и единодушно говорят о доминанте ностальгических мотивов, связанных с темой родины («...необычайная красота песни связана с утраченной родиной» [Пономарев, 2016, с. 45], «плач по утраченной России» [Есаулов, 2011, с. 404]), с воспоминаниями о фольклорно-былинной России («выражение русского» [Климова, 2000, с. 13]), памятьливо возрождаемой коллективным сознанием эмиграции «первой волны». Более того, ряд исследователей

считает возможным квалифицировать рассказ «Косцы» как рассказ *психальный*, в котором словно бы получили отражение идеи Бунина о будущем неизбежном воскресении России [Есаулов, 2011; Урюпин, 2015; Захаров, 1994; и др.].

Так, авторитетный московский исследователь И. А. Есаулов констатирует: «Тот “праздник возрождения” смысла, о котором писал Бахтин, в данном случае <в рассказе “Косцы”> в самом буквальном смысле оказывается *воскресением* утраченной России в сознании читателя, а значит, ее действительным воскресением, но и воскресением самого читателя, поскольку в Слове песни — душа России» (выделено автором. — О. Б., М. Л.) [Есаулов, 2011, с. 406—407].

Исследователя поддерживает И. С. Урюпин, который соглашается: «... бунинский плач о Родине в рассказе “Косцы” — не порыв отчаяния и не надгробное рыдание, а художественное воскрешение России и ее сохранение в вечности, ибо, по утверждению лирического героя рассказа, “не плачут сладко и не поют своих скорбей те, которым и впрямь нет нигде ни пути, ни дороги” <...> Ведь даже самый пронзительный плач оказывается не отрицанием, а утверждением жизни, и, “оплакивая себя”, автор знает, что “все-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что, куда бы ни забросила его доля, все будет над ним родное небо, а вокруг — беспредельная родная Русь» [Урюпин, 2015, с. 222]. По И. С. Урюпину, образ косцов Бунина и их восхищающее автора пение «знаменуют грядущее воскресение и преображение России» [Урюпин, 2015, с. 222].

Исследователь В. А. Зубков добавляет: «В “несравненной легкости, естественности, которая была свойственна в песне только русскому”, автор открывает национальный характер с его отчаянностью, “всепрощающим великодушием”, надеждой на “чье-то заступничество” и радостью “при всей ее будто бы безнадежности”» [Зубков, 2017, с. 79]. По мысли критика, в рассказе Бунина «возникает светлый, духоподъемный мотив красоты бытия, которую и бессознательно, и осознанно ощущает русский человек, неразрывно слитый с тем, что собрано в коротком слове “родина”, с ее землей, небом и песнями, несущими в своем очаровании всю широту и волю русской души, мотив радости от чувства кровного родства с соотечественниками, от общего счастья жить в богоспасаемом русском доме» [Зубков, 2017, с. 80].

Бунинский текст действительно может быть отчасти интерпретирован в подобном ключе. Тем более что сам Бунин позже в заметках «Происхождение моих рассказов» признавался: «Когда мы с моим покойным братом Юлием возвращались из Саратова на волжском пароходе в Москву и стояли у Казани, грузчики, чем-то нагружавшие наш пароход, так восхитительно сильно и дружно пели, что мы с братом были в полном восторге...

и все говорили: “Так... могут петь свободно, легко, всем существом только русские люди”. Потом мы слышали, едучи на беговых дрожках с племянником и братом Юлием по большой дороге ... как в березовом лесу рядом с большой дорогой пели косцы — с такой же свободой, легкостью и всем существом...” [Бунин, 1966, т. IX, с. 370].

Опираясь на приведенные слова, действительно можно подумать, что Бунин создавал рассказ-воспоминание, пронизанный чувством щемящей любви к покинутой родине и осененный мыслью о могучих силах, дарованных России и гарантирующих ее «пасхальное» (вслед за революционным распятием) воскресение.

Однако, если вновь обратиться к писательским «Дневникам», можно заметить, что непосредственно в то время, когда Бунин приступил к работе над рассказом, его обуревали совершенно иные мысли. Так, под календарными «27 Окт. — 9 Ноября 1921 года», то есть фактически под датами рождения рассказа, в дневнике значится: «Все дни, как и раньше часто и особенно эти последн. проклятые годы, м.б., уже погубившие меня, — мучения, порою отчаяние — бесплодные поиски в воображении, попытки выдумать рассказ, — хотя зачем это? — и попытки пренебречь этим, а сделать что-то новое, давным-давно желанное, и ни на что не хватает смелости, что ли, умения, силы (а м.б., и законных художеств. оснований?) — начать книгу, о которой мечтал Флобер, “Книгу ни о чем”, без всякой внешней связи где бы излить свою душу, рассказать свою жизнь, то, что довелось видеть в этом мире, чувствовать, думать, любить, ненавидеть» [Бунин, 2006, с. 198]. И далее: «Дни все чудесные, солнечные, хотя уже оч. холодные, куда-то зовущие, а все сию безвыходно дома» [Бунин, 2006, с. 198].

Иными словами, в написанных позднее заметках «Происхождение моих рассказов» Бунин упоминает только о благостно-восторженных — исходно «первичных» — впечатлениях, получивших отражение в рассказе «Косцы», но умалчивает о чувствах «вторичных», о том мучительном настроении, которое тяготело над ним в эмигрантско-парижскую пору, в период работы над текстом. Противоречивые антиномии: «попытки выдумать рассказ» и «попытки пренебречь этим», «излить свою душу» — «хотя зачем это?», «солнечные» дни, но «уже оч. холодные», «куда-то зовущие», а <я> [он] «все сию безвыходно дома» — не могли не сказаться на атмосфере (= стилистике и поэтике) рассказа, не могли не наложить — антиномический — отпечаток на текст создаваемого им рассказа, особым образом кристаллизовать впечатления о прошедшем и раздумья о настоящем.

В попытке понять содержательно-смысловой план рассказа Бунина следует обратить внимание и на тот особенный факт, что в «Происхождении моих рассказов» в небольшом фрагменте о «Косцах» дважды звучит

имя брата Бунина — Юлия, которое сопровождает маркирующий эпитет: «Когда мы с моим *покойным* братом Юлием возвращались из Саратова на волжском пароходе...» Факт присутствия брата рядом с Буниным акцентирован в немногих (их всего 12) строках дважды, что невольно фиксирует на себе внимание. Напомним, что горячо любимый старший брат прозаика Юлий Алексеевич, оказавший весьма значительное влияние на формирование личности младшего брата, умер в Москве как раз в июле 1921 года. И тогда становится понятным, почему имя Юлия звучит в «Происхождении...» дважды — приоткрывается очевидность (и одновременно «тайнопись»), что рассказ «Косцы» не только непосредственно связан с воспоминанием о брате Юлии, но и с памятью о нем, хотя и без эксплицированной в перитексте адресации. Другими словами, рассказ «Косцы» латентно носит *поминальный* характер, накладывающий отпечаток на поэтику, стилистику, образно-мотивные и символические ряды текста. Уже только поэтому констатировать «пасхальный» пафос рассказа «Косцы» вряд ли допустимо — непосредственное обращение к тексту позволит скорректировать традиционно предлагаемые критикой интерпретации «Косцов».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Новые ракурсы восприятия бунинской наррации

Прежде всего обращает на себя внимание название рассказа — «Косцы». Во-первых, оно ретушируется самим Буниным, указавшим на *два* визуальных «источника» — грузчиков на пароходе и сельских косцов. Во-вторых, весь текст рассказа построен исключительно вокруг песни, а не образа крестьян-батраков. То есть было бы логичным назвать рассказ «Песня» (или нечто подобное), а не «Косцы». И это предположение заставляет задуматься над сущностно-поэтическим смыслом заглавия рассказа и его семантико-смысловым контентом.

С одной стороны, название «Косцы», несомненно, более поэтично, чем, например, возможные «Грузчики». С другой стороны, очевидно, что образ косцов был более ярким у автора, поскольку, как сообщает повествователь, он встречался с косцами не единожды, а во время одной из таких встреч даже вступил с ними в общение (как минимум, приглашение к вечернему «столу»). Но вполне допустимо и то, что образ косцов позволял Бунину затекстово (на личностном уровне) актуализировать память о родном усадьбном мире (см. подробнее [Богданова, 2019, с. 233—254]) и покойном брате, но и (в плане надличностном) придать заглавному образу семантически сложный, *неоднозначный* характер.

Действительно, образ косцов примечателен. В титульном образе аккумулированы наиболее яркие смысловые интенции рассказа, более того —

парадоксы и противоречия, художественная сущность которых проясняется не сразу.

Прежде всего возникает вопрос, почему Бунин делает своих героев «не нашими»: не *нашими* орловцами, а не-*нашими* рязанцами. Притяжательное местоимение «наш» четырежды звучит в пяти строках, отчетливо формируя некую (на первый взгляд) неясную оппозицию: «Они <косцы> были “дальние”, рязанские. Они небольшой артелью проходили по *нашим*, орловским, местам, помогая *нашим* сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях, еще более плодородных, чем *наши*. <...> Они были как-то стариннее и добротнее, чем *наши*, — в обычае, в повадке, в языке...» (выделено нами. — О. Б., Л. М.) [Бунин, 1966, т. V, с. 69].

Внешний облик косцов-рязанцев «другой»: они «опрятней и красивей одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми, ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубашами с красными, кумачовыми воротами и такими же ластовицами» [Бунин, 1966, т. V, с. 69].

Противопоставление «наши ↔ не-наши» объяснено вскользь, но не мотивировано, хотя настойчиво подчеркнуто и констатировано.

Возникает следующий вопрос: почему героями рассказа Бунина не стали «наши», то есть орловцы? Зачем прозаику понадобилось педалировать эпитет «не-наши» и многократно акцентировать намечаемую антиномию? Тем более что и тех, и других Бунин аффилирует как представителей самой «серединной», «исконной», то есть центральной России.

На наш взгляд, локальная привязанность героев-косцов к реальной местности была для Бунина на самом деле малосущественна. Однако *сдвоенный* топос открывал возможность актуализировать концептуально значимую для писателя-эмигранта антонимическую пару: «наши ↔ не наши», за противостоянием которых невольно контурировался ментальный концепт эмигрантского сознания: «наши ↔ не наши». В Париже 1921 года, через год после эмиграции из России, означенная бытийная антиномия обретала двойной смысл и устанавливала в рассказе (по сути сразу) двойственный хронотоп «тогда» и «теперь», хронотоп не только прошлого, но и настоящего. Непринципиальный в плане означивания «серединной» местности (и Рязань, и Орел — центральная часть России), *парный* принцип «наши — не-наши» позволял Бунину исходно наметить многоуровневость восприятия текста. Еще не развернув наррацию, писатель дробил хронотоп на разноплановые слагаемые, привнося еще не ощутимый затекст и подсказывая наличие подтекста.

Более того, год пребывания в эмиграции и личные обстоятельства (смерть брата в *ненашей* России) провоцировали Бунина-писателя к подведению некоторых итогов, к философическому осмыслению прошедшего и грядущего. Потому суммарный хронотоп рассказа «Косцы» дополняется

еще одной константой — вечность («давно», «бесконечно давно», «вовсеки», «вечная тишина» и др.), формируя философскую триаду мироосмысления: тогда → теперь → всегда, смыкая реальность *настоящего* с воспоминаниями о *прошлом* и углубляясь в осознание *вечности* устоев национальной жизни. Былая знакомая «вечность» родины-России в хронотопе рассказа Бунина облачается в очертания фольклорных мотивов и образов, сказки и мифа. Косцы (не грузчики) с их народно-грустной шемящей песней органично встраиваются в атмосферу формируемого национального мирозобраза.

Исследователи правы, когда говорят о том, что Бунин изначально создает образ благодатной и счастливой России. Достаточно вспомнить зачин рассказа:

«Они косили и пели, и весь березовый лес, еще не утративший густоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликался им...» [Бунин, 1966, т. V, с. 68].

«Кругом нас были поля, глушь срединной, исконной России...» [Бунин, 1966, т. V, с. 68].

«Было предвечернее время июньского дня. Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль...» [Бунин, 1966, т. V, с. 68].

Более того, прав И. А. Есаулов, когда указывает на библейские слагаемые изображаемой картины — «по вере его» [Есаулов, 2011, с. 405].

Действительно, Бунин пунктиром намечает «церковный» затекст Руси: «Солнце склонялось на запад, стало заходить в красивые легкие облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая к закату, где небо уже золотилось, великие светлые столпы, как *пишут их на церковных картинах*» (выделено нами. — О. Б., Л. М.) [Бунин, 1966, т. V, с. 68].

Означенный мотив ненавязчиво дополняется библейскими образами п(П)астуха и паствы: «Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут...» [Бунин, 1966, т. V, с. 68].

Кажется, Бунин действительно создает образ благословенной земли, родины-России, благодатной и привольной.

Однако бунинский рассказ буквально с первых строк пробуждает систему эксплицированных и имплицированных контрастов: «мы шли... *а* они косили...» (противительный союз, стилиевой контраст) [Бунин, 1966, т. V, с. 68], «наши — не наши» (лексический контраст) [Бунин, 1966, т. V, с. 68], «Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы...» (*казалось...* но деление на века и годы было — скрытый семантический контраст). И все это вместе контурируется в диффузии русской паремии: «...в этой забытой — или благословенной — Богом стра-

не» [Бунин, 1966, т. V, с. 68]. Два русских фразеологизма: «забытая Богом» страна и «благословенная Богом» — даны Буниным в наложении-смешении, тем самым в обозначении равнозначности одного и другого начала: и забытая, и благословенная Россия-родина. Некрасовско-блоковские интертекстуальные знаки-образы, знаки-мотивы, знаки-антонимы проступают в представлении о бунинской России.

3.2. Остраненный образ косцов-батраков

В стратегии биполярности выписывается Буниным и образ косцов. На первый взгляд кажется, что косцы-рязанцы вызывают восхищение автора-рассказчика — и своей страстью к работе, и мощью-свободой, и глубиной души, изливающейся в песне. «И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз, были “охочи к работе”, неосознанно радуясь ее красоте и спорости» [Бунин, 1966, т. с. 69].

Однако, если вдуматься в смысл используемых Буниным сравнений, приложимых к косцам, становится ясно, что однозначности в их образе нет. Рассказчик передает свои впечатления: «Неделю тому назад они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая верхом, как они заходили на работу, пополудновавши: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют только звери да хорошие, здоровые русские батраки...» [Бунин, 1966, т. V, с. 69].

Обращает на себя внимание сравнение косцов со зверями и название их батраками. Эпитет «так сладко» рядом с лексемой *звери* вуалирует грубое зверино-животное начало образного сравнения. Эпитеты «здоровые русские» рядом с номинативом *батраки* отвлекают внимание от того, что Бунин использует лексему «батраки», хотя поэтическая корректность могла бы допустить использование словосочетания «здоровые русские *мужики*», не нарушающего ритмико-стилевой гармонии. В этом смысловом контексте слово «батраки» (как и «звери») обретает сниженный, уничижительный оттенок, внешне (сюжетно) не меняя сути повествования, но привнося в образ косцов некую «скрытую» пока составляющую.

Следующая важная характеристика, которая дана повествователем косцам, — это описание их ужина и приветливого хлебосольства.

Косцы «сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, ложками таскали из чугуна куски чего-то розового. <...> И вдруг, приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись: — Ничего, они сладкие, чистая курятина!» [Бунин, 1966, т. V, с. 69].

Казалось бы, Бунин изображает обычную бытовую крестьянскую сценку. Однако он наполняет ее выразительными кодами контраста и анти-

тезы. Косцы *приветливо* пригласили барина поужинать, сопроводив приглашение пожеланием *доброго здоровья*, а тот *вдруг и с ужасом* увидел, что батраки ели ядовитые *мухоморы*. Если для рассказчика мухоморы ядовиты и *страшны своим дурманом*, то для гостеприимных косцов *они сладкие, чистая курятина*. Несмотря на то что, по словам этнографа Г. И. Попова, в Орловской, Ярославской, Вологодской губерниях русские мужики действительно употребляли в пищу мухоморы [Попов, 1903, с. 297—298], однако сравнение *чего-то розового* с курятиной выглядит не только странным, но и пугающе страшным, особенно в контексте акционального глагольного маркера *засмеялись*.

У авторитетного исследователя И. А. Есаулова эта сцена не вызывает отклика в связи с ее острающими и снижающими коннотациями, но порождает размышления о несовпадении точек зрения автора и рассказчика: «Можно предположить, что если страшные (для рассказчика) мухоморы на самом деле являются сладкими для косцов, то и сладкое, как представляется рассказчику, оплакивание себя в песне косцами также может и не быть таковым» [Есаулов, 2011, с. 403]. Итоговое умозаключение ученого может быть принято, но И. А. Есаулов уходит от вопроса о том, почему же Бунин утаивает «собственный смысл действия», почему «непроясненность тайны» в картине ужина сохраняется. Образ косцов для И. А. Есаулова безапелляционно целен.

Примерно в той же сдержанной манере касается сцены ужина косцов и исследователь Е. Р. Пономарев. Он, правда, отмечает алогизм происходящего: «Фольклорный эпизод разорван неподобающей деталью, но косцы предлагают как бы не замечать разорванного канона» [Пономарев, 2016, с. 45] — и ограничивается только констатацией «отрицательных коннотаций», те же «вопросы остаются без ответа» [Пономарев, 2016, с. 45].

Несколько иной подход демонстрирует С. Синицкая. В представлении современной писательницы, «Бунин обрамляет образ “мужика” романтическими, фольклорными узорами в духе Билибина <...>, однако “проговаривается” — и в читательском воображении (за всех не скажу, но в моём-то уж точно) симпатичная физиономия рязанского косца вдруг искажается ухмылкой ведьмака, судорогой шамана» [Синицкая, 2018]. Не нацеленная на анализ текста Бунина, прозаик, а не критик С. Синицкая быстро отходит от содержания рассказа и целиком погружается в размышления о психотропном действии мухоморов и их влиянии на сознание человека.

Между тем «тайнопись» бунинской сцены сохраняется и формирует противоречивость образа косцов, прогнозируя сдвинутость смыслов: заглавные герои начинают представлять то ли в образе русских богатырей, то ли сказочных разбойников.

Бунин как будто бы воспроизводит обычную сценку привычного ужина косцов, но в одном и том же абзаце, не меняя стилевой тональности и избегая абзацной табуляции, неожиданно вставляет фразу о косье батраков, как они собирались к месту работы «с белыми, блестящими, наведенными, как бритва, косами на плечах» и как «все враз, широко, играючи», шли и шли «вольной, ровной чередой» [Бунин, 1966, т. V, с. 69]. Соседство образно-метафорических сравнений *косы*, как *бритвы* и *играючи* порождает в сознании знающего русский фольклор реципиента уже не образ былинных богатырей, а действительно образ сказочных разбойников (напомним, герои у вечернего костра ужинают «чем-то розовым»). Избранная писателем речевая форма субстантивации прилагательного и использование неопределенной формы местоимения — *чем-то розовым* — аккумулируют в сцене батрачного ужина коннотации настороженности, угрозы и опасности, почти инфернальности.

Apropos: следует напомнить, что в русских народных сказках, в русском фольклоре, хорошо знакомом Бунину, грибами-мухоморами питаются исключительно Баба Яга и всякая лесная нечисть.

На этом «остраненном» фоне — прежде казавшиеся случайными «оговорками» автора — совершенно иначе воспринимаются такие обороты-характеристики косцов, как «они <...> подвигались по березовому лесу, *бездумно лишая* его густых трав и цветов» [Бунин, 1966, т. V, с. 69]. Чуть ранее о лесе, в котором косили батраки-разбойники: «Они косили и пели, и весь березовый лес, *еще не утративший* густоты и свежести, *еще полный* цветов и запахов, звучно откликался им» [Бунин, 1966, т. V, с. 68]. Компрессия негативных смыслов усиливается, семантическая перекодировка нарастает.

Автор на внешнем уровне словно бы восхищается богатyrством косцов, но на уровне внутреннем поддерживает чувство тревоги и опасности, исходящее от батраков, контрастно означенных как *не-наши*, затекстово актуализируя атмосферу трагизма свершившихся (или тогда еще готовившихся) исторических событий. Любимый русской интеллигенцией (и автором-рассказчиком) народ уже копил-таил в себе угрозу, которая отражалась в кумаче пока еще не революционного знамени, но мужицких разбойничьих рубах с «*кумачовыми* воротами и *такими же* <кумачовыми> ластовицами» [Бунин, 1966, т. V, с. 69]. Затекстовая визуализация исторического времени достигается через, казалось бы, незаметную деталь, через семантизацию портретирующего эпитета.

В подобном контексте малооправданной и несколько произвольной выглядит попытка исследователя И. С. Урюпина наделить образ косцов «сакральной семантикой» [Урюпин, 2015, с. 220]. Ученый отталкивается от наблюдения А. Н. Афанасьева о том, что, «по русскому поверью, путь

в небесные владения охраняют косари» [Афанасьев, 1995, т. 1, с. 9], и на этом «профессиональном» (по роду занятия) основании стремится вы-явить в рассказе Бунина «буквальный и символический смысл самого дей-ства — косьбы, традиционно вызывавшего у русского человека благостные чувства» [Урюпин, 2015, с. 220]. По мысли И. С. Урюпина, «не случайно бунинские косцы, празднично одетые, выполняют свою нелегкую работу, как будто совершают священный обряд...» [Урюпин, 2015, с. 220]. Однако, во-первых, исследователь упускает тот факт, что область «сакральности» афанасьевских косцов смыкается прежде всего со смертью (ср. «костявая с косой» [Афанасьев, 1995, т. 3, с. 103]), а во-вторых, причастность к кось-бе не делает всех косарей сакральными персонажами. В случае с Буни-ным — скорее наоборот. Ранее уже заходила речь о «бездумной» косьбе батраков («*бездумно* лишая его <лес> густых трав и цветов» [Бунин, 1966, т. V, с. 69]) — однако елецкий исследователь акцентирует иное: «состояние благоговения перед природой, в котором пребывают косцы...» [Урюпин, 2015, с. 220]. На наш взгляд, инерция восприятия образа бунинских косцов обедняет интересный и эмотивно напряженный бунинский текст.

3.3. Песенная стихия рассказа

Но как бы то ни было, из эмигрантского далёка Бунин, кажется, стре-мится осознать «дивную прелесть» песни его косцов и попытаться выра-зить ее очарование. «Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели, чувствовали и мы, и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами» [Бунин, 1966, т. V, с. 70—71]. Анафорический зачин, отмеченный словом *прелесть*, 7 раз повторяющимся в трех соседних абза-цах, способствует созданию образа благословенной страны, рая на земле, родины-России, образ которой воспроизводится через песенный текст. При этом *прелесть* мужицкой песни не локализуется в пределах определенного хроноса и топоса, она по сути своей вневременная (*всегда*), потому много-значная, смыслоемкая, в конечном счете — мифологизированная.

Действительно, на первом хронотопическом уровне наррации Бунин как будто бы воспроизводит реально запомнившуюся герою-рассказчику песню русских косцов. Однако на втором уровне хронотопа, в условиях парижской эмиграции, воссоздавая дух народной песни, Бунин уже пропе-вает эту песню не от лица косцов, но эмигрантов. Прямого отождествления нет, но зонирование голосов на синтаксическом уровне стирается: мастер-ски «упуская» теперь существительное «косцы» и используя местоимение «они», автор фактически переходит на «мы», передавая посредством песни сегодняшние мысли и чувства парижской «ноты» русской эмиграции, ис-

пользуя в песенном тексте образ возлюбленной как метонимическое замещение (в унисон нелюбимому им Блоку) образа любимой=родины. Смена субъектной перспективы осуществляется незаметно, но последовательно:

«Конечно, они “прощались, расставались” и с “родимой сторонущкой”, и со своим счастьем, и с надеждами, и с той, с кем это счастье соединялось:

Ты прости-прощай, любезный друг,
И, родимая, ах да прощай, сторонущка! —

говорили, вздыхали они каждый по-разному, с той или иной мерой грусти и любви, но с одинаковой беззаботно-безнадежной укоризной...» [и т. д.; Бунин, 1966, т. V, с. 71].

Соседство (на первый взгляд, нейтральных) оборотов «прощались, расставались», «позабудешь», «пожалеешь», «гибель», «судьба», «родимая сторонущка» (и др.) позволяет судить об эмоциональной и медитативной близости песни косцов думам самого рассказчика-эмигранта и чувствам его парижских слушателей и читателей.

NB: ср. точку зрения И. А. Есаулова, который полагает, что речь идет о сближении совсем иного рода: «В последнем “мы” вновь соединяются — и уже окончательно <...> прежнее “мы” (орловские слушатели) и “они” (рязанские мужики)» [Есаулов, 2011, с. 404].

Заметим, что, хотя исследователи настойчиво подчеркивают (= констатируют) народный характер песни, воспроизводимой или «цитируемой» Буниным в рассказе [напр., Урюпин, 2015, с. 220—221], нам найти исторически подлинный вариант песни «Ты прости-прощай, любезный друг» не удалось. Все песни с подобным названием, исполняемые фольклорными коллективами, существенно отличаются от текста Бунина. Более того, Елецкий фольклорный ансамбль «Сустреча» (рук. О. Коренева) исполняет эту песню с указанием: «Текст песни из рассказа И. Бунина “Косцы”» [Мало спеть..., 2020], вероятно, не найдя фольклорного инварианта среди песенного репертуара на родине писателя. Последнее позволяет предположить, что Бунин либо умело стилизовал собственный текст под народный, либо совершил серьезную переработку неизвестного нам текста — согласно идее рассказа и его сюжетной полихромности. В любом случае, воспроизводя в рассказовом виде песню косцов, Бунин «сладко оплакива<л> себя» [Бунин, 1966, т. V, с. 72] и судьбу целого поколения эмигрантов, безжалостно отторгнутых от благословенной России.

Однако если оплакивание в песне косцов было не-настоящим: «Но не плачут сладко и не поют своих скорбей те, которым и впрямь нет нигде ни пути, ни дороги. “Ты прости-прощай, родимая сторонущка!” — говорил

человек — и знал, что все-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что куда бы ни забросила его доля, все будет над ним родное небо, а вокруг — беспредельная родная Русь, гибельная для него, балованного, разве только своей свободой, простором и сказочным богатством» [Бунин, 1966, т. V, с. 71—72], — то в ситуации «наших и ненаших», в частности за рубежом, в тексте (а точнее в подтексте) прочитывается мысль о *настоящности* гибели русской эмиграции и подлинности трагизма ее прощания с Русью, звучит горько-отчаянный мотив окончательной разлуки изгнанников с отеческой землей. В тексте рассказа осуществляется хронотопическая, но по сути своей *экзистенциальная* переориентация.

3.4. Композиционная многослойность рассказа

К финалу рассказа «Косцы» второй — подтекстовый — план повествования по существу становится первым, точка отсчета (эпицентр восприятия) смещается в эмигрантское далёко.

Если русский крестьянин вздыхал: «“Закатилось солнце красное за темные леса, ах, все пташки приумолкли, все садились по местам!” Закатилось мое счастье...», — то, по словам автора-рассказчика, тот все-таки вздыхал и чувствовал: «...так кровно близок он с этой глушью, живой для него, девственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него приют, ночлег, есть чье-то заступничество, чья-то добрая забота...» [Бунин, 1966, т. V, с. 72]. Если крестьянину чей-то голос шептал: «Не тужи, утро вечера мудренее, для меня нет ничего невозможного, спи спокойно, дитятко!», если «из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба-Яга, жалевшая его “по его младости”» [Бунин, 1966, т. V, с. 72], то для рассказчика, писателя-эмигранта и его читателей-эмигрантов эта *сказочная* работа потеряна навсегда.

В финале рассказа антитетичная двуплановость повествования — *мы // они, наши // не наши* — выявляет подлинное разбойническое начало русского народа, когда пугающе острые косы и опасное поигрывание ими контурируется в уже очевидных (не метафорических, но лексически означенных) «посвистах удалых, ножах острых, горячих...» [Бунин, 1966, т. V, с. 72]. Кумачовые воротники и ластовицы закономерно трансформируются в затекстовые кумачовые знамена и форменные лампасы периода Гражданской войны, обретают почти визуальный абрис. Система бинарных оппозиций достигает своего апогея.

Третий хронотопический пласт, с первых строк введенный в проблемное поле рассказа и растворенный в тексте, к концу повествования приобретает отчетливые рельефные черты и у Бунина, как уже было сказано, воплощается в формах сказки и мифа. Если первый — сюжетный пласт косцов — реален, предметен, почти тактилен, если второй — ментально-меди-

тативный, условно эмигрантский — прочитывается и эксплицируется в том числе посредством фиксации места и даты написания рассказа («Париж, 1921»), то третий — как сказано у Бунина, *всегда* или *никогда* — актуализируется в сконцентрированных в заключающих рассказ абзацах сказочно-фольклорных образах и мотивах, национальных ментефактах: «Были <...> ковры-самолеты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклания, чудодейные <...>, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, черные топи болотные, пески летучие...» [Бунин, 1966, т. V, с. 72]. Традиционные константы фольклорных образов не только расширяют пространство рассказового повествования, но и поэтически маркируют нравственно-этические координаты русского мира.

Примечательно, что Бунину и прежде было свойственно характеризовать стремительные процессы в жизни России эпитетом «сказочно». В «Окаянных днях» об Одессе: «Какие *сказочные* перемены с тех пор!» [Бунин, 1991, с. 19]. В «Миссии русской эмиграции»: «Россия цвела, росла, со *сказочной* быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях...» [Бунин, 1998, с. 193]. То есть в бунинском восприятии Россия искони была *сказочной* страной. Но в рассказе «Косцы» бунинская *сказка*, сказочно-мифологическое *всегда* (в последнем абзаце особенно отчетливо) сводится к сказочному же *никогда*, указывая на невозможность возвращения в прошлое (в самом прагматичном плане — в Россию), подобно тому как невозможно взрослому человеку всерьез поверить в реальность самой прекрасной сказки. Корреляты темы родины (бескрайние поля и просторы, высокие луговые травы, косцы-труженики, пылящая дорога, березовый лес и др.) меняют свой аспекттивный ракурс, ассоциативные цепочки разрываются. Вселенски бытийный пласт времени и места воплощается Буниным посредством фразеологических констант узнаваемой русской народной сказки, однако, по словам рассказчика, теперь «...*миновала* <...> для нас *сказка*: *отказались* от нас наши древние заступники, *разбежались* рыскающие звери, *разлетелись* вещие птицы, *свернулись* самобранные скатерти, *поруганы* молитвы и заклания, *иссохла* Мать-Сыра-Земля, *иссякли* животворные ключи — и настал *конец*, *предел* Божьему прощению» (выделено нами. — О. Б., Л. М.) [Бунин, 1966, т. V, с. 72].

«Конец» русской народной сказки — вопреки прежним ожиданиям — оказывается безвозвратным и трагичным. «Все фольклорные формулы перечеркнуты, а вместе с ними и прежняя Россия» [Пономарев, 2016, с. 45], — справедливо замечает критик. По Бунину (периода «Косцов»), пасхальность *не*-возможна, возрождение не наступит, о возвращении на

родину нельзя даже помыслить. На наш взгляд, именно такова доминантная интенция героя-повествователя (и автора) в рассказе «Косцы», ибо она в точности отвечает тем настроениям раздражения, боли и разочарования, которые переживал писатель в начале 1920-х годов, первоначально в Одессе и позже в Париже. Именно эти чувства диктовали Бунину инвективы «Окаянных дней» и «Миссии русской эмиграции».

В речи «Миссия русской эмиграции» Бунин публицистически прямо заявлял: «Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет ленинских градов, ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия. <...> “Они не хотят ради России претерпеть большевика!” Да, не хотим <...> “Они не прислушиваются к голосу России!” <...> не так: мы очень прислушиваемся и — ясно слышим все еще тот же и все еще преобладающий голос хама, хищника...» [Бунин, 1998, с. 193]. И если в «Миссии...» писатель-публицист открыто говорит о «продолжении этого неприятия», то в рассказе «Косцы» те же мысли и чувства тонко вплетены в художественный нарратив.

Apropos: следует напомнить, что в «Окаянных днях» в записи от 2 марта 1919 года Бунин вспоминает о рассказе К. А. Тренёва «Батраки». «Читал новый рассказ Тренева (“Батраки”). Отвратительно. Что-то, как всегда теперь, насквозь лживое, рассказывающее о самых страшных вещах, но ничуть не страшное, ибо автор не серьезен, изнуряет “наблюдательностью” и такой чрезмерной “народностью” языка и всей вообще манеры рассказывать, что хочется плюнуть...» [Бунин, 1991, с. 15]. Можно предположить, что снижающая семантика слова-образа *батраки*, подтекстово проступающая в «Косцах», отчасти могла быть подпитана и воспоминанием об *отвратительном батраке* из рассказа *не-нашего* Тренёва, дешифруя негативность бунинского употребления словоформы.

В записи от 25 февраля того же года в «Окаянных днях» Бунин фиксирует наблюдение и о «рабочем народе» в Одессе: «Голоса утробные, первобытные. Лица <...> у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: “Cave furem”. На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно...» [Бунин, 1991, с. 13].

Представляется, что в 1921 году в Париже эти впечатления писателя были еще весьма ярки и памятны.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно заключить, что *антипасхальность*, свойственная Бунину 1920-х годов, яростно высказывавшемуся против советской

России, и подкрепленная в 1921 году известием о смерти любимого брата, со всей несомненностью, на наш взгляд, отразилась в рассказе «Косцы», трансформировав ожидаемую (традиционную) дискурсивную направленность, сформировав сложную систему экзистенциального хронотопа, в котором трагически соединились прошлое и настоящее, знаменуя в грядущем «предел Божьего прощения» и *конец* сказочной Руси, которая «не вернется уже вовеки» [Бунин, 1966, т. V, с. 68]. Тернарная, трехуровневая композиционная структура рассказа позволяла эксплицировать различные аспекты эмоционально-ментального мировидения художника-эмигранта и в причудливых нарративных сплетениях передать неоднозначность и противоречивость субъективных модальных установок автора, его обостренно трагического на тот момент мироощущения и миропонимания.

Источники

1. Бунин И. А. Дневники / И. А. Бунин // Полное собрание сочинений : в 13 (16) томах. — Москва : Воскресенье, 2006—2007. — Т. 9. Воспоминания. Дневник (1917—1918 гг.). Дневники (1881—1953 гг.). — 542 с.
2. Бунин И. А. Миссия русской эмиграции / И. А. Бунин // Публицистика 1918—1953 гг. — Москва : Наследие, 1998. — 635 с. — ISBN 5-201-1326-6.
3. Бунин И. А. Окаянные дни. Дневник писателя 1918—1919 гг. / И. А. Бунин. — Ленинград : Азъ, 1991. — 68 с.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 томах / И. А. Бунин. — Москва : Художественная литература, 1966.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 томах / А. Н. Афанасьев. — Москва : Советский писатель, 1995. — 25 см. — ISBN 5-265-03305-x.
2. Богданова О. А. Семиотика аллеи, «где кружат листья» : Тургенев, Гумилев, Бунин / О. А. Богданова // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 233—254. — DOI: 10.15393/j9.art.2019.6542.
3. Есаулов И. А. Культурное бессознательное и воскресение России / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2011. — № 9. — С. 390—407.
4. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы / В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики. — 1994. — № 3. — С. 249—261.
5. Зубков В. А. Рассказ особого назначения («Косцы») И. А. Бунина в школьном литературоведении / В. А. Зубков // Вестник ПГГПУ. — 2017. — № 1. — С. 78—82.
6. Климова Г. П. Выражение русского в творчестве И. А. Бунина / Г. П. Климова // И. А. Бунин и мировой литературный процесс / редкол. : Е. А. Михеичева и др. — Орел : [б. и.], 2000. — С. 13—16.
7. Мало спеть, главное — как! [Электронный ресурс]. — 2020. — Режим доступа : https://vk.com/wall-192178504_10 (дата обращения июль 2022).
8. Пономарев Е. Р. Концепт «Отечество» в культурном сознании русской эмиграции 1920-х гг. / Е. Р. Пономарев // Вестник СПбГУКИ. — 2016. — № 1 (26). — С. 40—47.

9. Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина / Г. И. Попов. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1903. — 404 с.

10. Синицкая С. Бунин, Достоевский, мухоморы и белена [Электронный ресурс] / С. Синицкая. — 2018. — Режим доступа : <https://polka.academy/materials/722> (дата обращения июль 2022).

11. Урюпин И. С. «Косцы» И. А. Бунина и «Косари» С. С. Бехтеева : плач об утраченной родине / И. С. Урюпин // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 2. — С. 218—222.

Material resources

Bunin, I. A. (1966). *Collected works: in 9 volumes*. Moscow: Fiction. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1991). *Cursed Days. Diary of a writer of 1918—1919*. Leningrad: Az. 68 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (2006—2007). Diaries. In: *Complete works: in 13 (16) volumes, 9. Memoirs. Diary (1917-1918). Diaries (1881-1953)*: Moscow: Sunday. 542 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1998). *The mission of Russian emigration. Journalism of 1918—1953*. Moscow: Heritage. 635 p. ISBN 5-201-1326-6. (In Russ.).

References

Afanas'yev, A. N. (1995). *Poetic views of the Slavs on nature: the experience of comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical tales of other related peoples: in 3 volumes*. Moscow: Soviet Writer. 25 cm. ISBN 5-265-03305-H. (In Russ.).

Bogdanova, O. A. (2019). Semiotics of the alley, “where the leaves are circling”: Turgenev, Gumilev, Bunin. *Problems of Historical Poetics*, 17 (2): 233—254. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6542. (In Russ.).

Esaulov, I. A. (2011). Cultural unconscious and resurrection of Russia. *Problems of historical poetics*, 9: 390—407. (In Russ.).

It's not enough to sing, the main thing is how! (2020). Available at: https://vk.com/wall-192178504_10 (accessed July 2022). (In Russ.).

Klimova, G. P. (2000). The expression of Russian in the works of I. A. Bunin. In: *I. A. Bunin and the world literary process*. Eagle: [b. i.]. 13—16. (In Russ.).

Ponomarev, E. R. (2016). The concept of “Fatherland” in the cultural consciousness of the Russian emigration of the 1920s. *Bulletin of SPbGUKI*, 1 (26): 40—47. (In Russ.).

Popov, G. I. (1903). *Russian folk medicine*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 404 p. (In Russ.).

Sinitskaya, S. (2018). *Bunin, Dostoevsky, fly agarics and henbane*. Available at: <https://polka.academy/materials/722> (accessed July 2022). (In Russ.).

Uryupin, I. S. (2015). “Mowers” I. A. Bunin and “Mowers” S. S. Bekhteeva: crying about the lost homeland. *Siberian Philological Journal*, 2: 218—222. (In Russ.).

Zakharov, V. N. (1994). Easter story as a genre of Russian literature. *Problems of historical poetics*, 3: 249—261. (In Russ.).

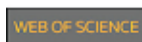
Zubkov, V. A. (2017). The story of a special purpose (“Mowers” by I. A. Bunin in school literary studies). *Bulletin of PGGPU*, 1: 78—82. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.07.2022,
одобрена после рецензирования 15.09.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.

Кублицкая О. В. Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова) / О. В. Кублицкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 284—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303.

Kublitskaya, O. V. (2022). Subjective Structure of “Mass Sentimentalism” Travels (P. I. Shalikov “Journey to Malorossia”). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 284-303. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303

**Субъектная структура
путешествий «массового
сентиментализма»
(на материале
«Путешествия
в Малороссию»
П. И. Шаликова)**

Кублицкая Ольга Викторовна

orcid.org/0000-0002-1411-1567

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра журналистики
и литературного образования
o.kublitskaya@lengu.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

**Subjective Structure
of “Mass Sentimentalism”
Travels (P. I. Shalikov
“Journey to Malorossia”)**

Olga V. Kublitskaya

orcid.org/0000-0002-1411-1567

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Journalism
and Literature Education
o.kublitskaya@lengu.ru

Pushkin Leningrad State University
(Saint-Petersburg, Russia)

© Кублицкая О. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты исследования субъектной структуры диалогии «Путешествие в Малороссию» П. И. Шаликова. Особое внимание уделяется анализу многоуровневой модели субъекта сознания и субъекта речи во взаимосвязи с пространственно-дестинационным и временным компонентами текста. Новизна исследования усматривается в том, что впервые охарактеризована специфика субъекта в прозе «массового сентиментализма» как «я» частного человека, «я» гражданина и «я» литератора — «сентиментального путешественника». Актуальность работы обусловлена непреходящим интересом к осмыслению категории автора в широком теоретическом контексте, в том числе с применением системно-субъектного метода. Обосновано, что в «Путешествии в Малороссию» субъект сознания, как и субъект речи, реализуется прежде всего как частный человек, несмотря на стремление автора следовать традиции сентиментальной прозы. Пространственно-временная организация текста является упрощенной, пейзажные описания — схематичными, а отсутствие темпоральных маркеров обозначает противоречие между интенцией нахождения «в потоке чувства» и бытовым нарративом. Сделан вывод о том, что попытка П. И. Шаликова встроить индивидуальную художественную систему в парадигму сентиментализма (от автора индивидуального к автору системному) оказывается неудачной.

Ключевые слова:

литература путешествий; тревелог; массовый сентиментализм; системно-субъектный метод; П. И. Шаликов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the study on the subjective structure of diology “Journey to Malorossia” by P. I. Shalikov are presented. Particular attention is paid to the analysis of the multi-level model of the subject of consciousness and the subject of speech in conjunction with spatial and temporal components of the text. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the specificity of the subject is characterized in the prose of “mass sentimentalism” as “I” of an individual, “I” of a citizen and “I” of a litterateur — a “sentimental traveller”. The relevance of the study is due to the permanent interest in understanding the category of the author in a broad theoretical context, inter alia, by means of system-subjective approach. It is argued that in “Journey to Malorossia” the subject of consciousness and the subject of speech are actualized primarily as an individual, despite the author’s desire to follow the tradition of the sentimental prose. It is shown that the spatio-temporal organization of the text is simplified, landscape descriptions are schematic and the absence of temporal markers indicates a contradiction between the intention of being “in the flow of feeling” versus everyday narrative. The article concludes that the attempt of P. I. Shalikov to embed an individual artistic system into the paradigm of sentimentalism (from the individual author to the system author) is unsuccessful.

Key words:

travel literature; travelogue; mass sentimentalism; system-subjective approach; P. I. Shalikov.

Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова)

© Кублицкая О. В., 2022

1. Введение = Introduction

Путешествия «массового сентиментализма» — группа текстов, объединенных идеей развития принципов «классического сентиментализма» и созданных в большинстве своем фактически за пять лет — с 1800 по 1805 годы. Оказавшись на периферии литературного процесса, они представляют несомненный исследовательский интерес как особое направление развитие отечественной словесности рубежа веков.

В современном литературоведении получила широкое распространение идея о том, что жанровые традиции сентиментального путешествия на русской почве сформировались в творчестве не только Н. М. Карамзина, но и Д. И. Фонвизина и А. Н. Радищева [Лотман и др, 1984; Дикенсон, 2006; Алпатова, 2012; Бухаркин, 2021 и др], однако наиболее мощное влияние на последователей и подражателей оказали именно «Письма русского путешественника» (1797).

Среди исследователей нет единодушия по вопросу, какие тексты следует относить к «массовому сентиментализму» (сам термин был впервые широко использован М. В. Ивановым [Иванов, 1976]), однако в целом можно заключить, что в неоднородный корпус путешествий «второй волны» составляют следующие тексты: «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием тех мест» (1800), «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (в 2 ч., 1803) П. И. Сумарокова; «Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А***» (1802) К*Г*; «Моё путешествие, или Приключение одного дня» (1803) Н. П. Брусилова; «Путешествие в Малороссию» (1803), «Другое путешествие в Малороссию» (1804), «Путешествие в Кронштадт 1805 года» (1817) П. И. Шаликова; «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» (1803) М. И. Невзорова; «Путешествие в Полуденную Россию» В. В. Измайлова (в 2 ч., 1805). Примаются к традиции «Письма из Малороссии» (1816) А. И. Левшина и «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (1823) А. М. Муравьева-Апостола [Роболи, 1926; Пухов, 1974; Петрунина, 1981; А. Шенле, 2004; Аникейчик, 2008; Соловьёв, 2011; Фарафонова, 2017 и др.].

Тематика и художественные особенности путешествий «массового сентиментализма» различны, но мы разделяем точку зрения М. В. Иванова, который выявил три общих особенности указанных текстов:

— примитивизация или трансформация идей «классического сентиментализма»;

— архаизированная художественная система (подражательность и цитирование, в том числе типизированный хронотоп, обусловленный жанром);

— рассмотрение общефилософских и эстетических вопросов на обыденном жизненном материале [Иванов, 1976].

Объединяющими элементами являются также использование различных форм документальной литературы (писем, записок, дневников и т. п.) и особая роль автора-субъекта [Шачкова, 2008, с. 281—282].

Тематическим инвариантом ряда образцов путевой прозы «массового сентиментализма» становится описание Малороссии, в связи с чем мы остановимся подробнее на анализе субъектной структуры диалогии П. И. Шаликова «Путешествие в Малороссию...», учитывая, что в контексте нами будет также охарактеризована специфика изображения пространства и восприятия времени.

Новизна исследования состоит том, что впервые описана модель субъектной структуры «Путешествия в Малороссию» и «Другого путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова; систематизированы подходы к описанию пространства и охарактеризована специфика временного плана диалогии.

Актуальность работы связана с возрастающим интересом к изучению текстов авторов «второго плана», не вошедших в канон и призванных дополнить представления о закономерностях литературного процесса переходного периода (рубеж XVIII—XIX веков), а также исследованию категории автора в широком теоретическом контексте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования заключается в описании многоуровневой модели субъектной структуры диалогии П. И. Шаликова во взаимосвязи с пространственно-дестинационным и временным аспектами текста.

В рамках настоящего исследования нами использован системный и сравнительно-исторический подход; методологической основой послужил системно-субъектный метод, разработанный Б. О. Корманом и предполагающий дифференциацию субъекта сознания (автора) и субъектов речи, к числу которых относится повествователь, личный повествователь и рассказчик; субъекта речи и её объектов; интерпретации точки зрения на различных уровнях: физической, временной и идейно-эмоциональной; [Кор-

ман, 1972, с. 20—34]. Важно учитывать, что автор как субъект сознания не может быть рассмотрен в отрыве от конкретной историко-культурной системы. Об этом пишет В. И. Тюпа, отмечая, что «историческая поэтика... теснейшим образом связана с историей авторства как исторически подвижного соотношения между биографической личностью автора и его текстом в рамках данной культуры» [Тюпа, 1985, с. 22]. В. И. Чулков подчеркивает, что «становление и смена форм выражения авторского сознания — процесс не сопутствующий, а в значительной степени определяющий логику развития литературы» [Чулков, 1993, с. 43].

Специфика субъектной организации текста неразрывно связана и с его жанром, на что указывают, в частности, В. И. Тюпа и Т. Л. Власенко [Тюпа, 1997, с. 8; Власенко, 1995, с. 17].

В. И. Чулков определяет три уровня субъектной организации литературы: индивидуальные художественные системы (Аинд.); автор системный — субъект сознания, «выражением которого является совокупность части художественных систем данной литературной эпохи» (АС); автор исторический, охватывающий все индивидуальные художественные системы (АИ) [Чулков, 1993, с. 37]. Сентиментализм в этом смысле является переходом от рефлексивного традиционализма к новой форме авторства, явившись «кризисом авторства, ... но в то же время — начальной эпохой авторства новой формации. <...> Данный тип авторства разрывает преемственные связи с каноническим авторитетом, однако возрождает ... культурный архетип боговдохновенного оракула» [Тюпа, 1985, с. 23]. «Центром сентименталистского художественного мира становится не внеличная догма, а личность в единстве ее родовых и видовых качеств» [Чулков, 1983, с. 22], воспринимаемая как иерархически организованная дуальность человека общего (внебытового) и частного (бытового) [Чулков, 1983, с. 23].

Как отмечает Т. Л. Власенко, «здесь важны два момента: становление родового начала и сохранение художественного единства творчества писателя. <...> Первое ориентируется на объект как таковой, то есть на законы природы, второе — на субъекта, то есть на творческие потенции конкретного автора» [Власенко, 1995, с. 90]. Эту задачу органически удаётся решить Н. М. Карамзину: по мысли О. Б. Лебедевой, «объективно-описательный имагологический пласт карамзинского нарратива ... на своем втором эстетическом плане становится автоописательным концептом» [Лебедева, 2015, с. 16].

Также Т. Л. Власенко выделены несколько форм выражения авторского сознания в литературе:

(1) «я» частного человека, исторически первая форма выражения авторского сознания реально существовавшего лица, наиболее доступным

способом освоения чужого пространства для которого становится физический контакт с ним [Власенко, 1995, с. 35];

(2) «я», «мы» народа («я», «мы» гражданина), транслирующие «идею причастности человека сообществу людей, коллективу, который берет на себя ответственность за жизнь человека в его земных условиях в данный исторический период, в данной социальной среде» [Власенко, 1995, с. 67];

(3) субъектная форма «я» литератора (повествователя, рассказчика, собственно автора), выражающая творческую потенцию создателя и объединяющая «я» частного человека и «я» народа / гражданина [Власенко, 1995, с. 70].

Логика анализа обусловлена предложенной нами концепцией травелогемы как инвариантной структурно-семантической модели организации путевой прозы, включающей три компонента: субъектно-интенциональный; пространственно-дестинационный и временной [Кублицкая и др., 2017].

Субъектно-интенциональный уровень предполагает рассмотрение субъектной структуры текста в трех аспектах:

- субъект сознания как многоуровневая система;
- система субъектов и объектов речи;
- связь с описанием пространственно-дестинационного и временного планов.

Вслед за И. Б. Ворожцовой интенциональный компонент мы будем рассматривать как осуществление коммуникативного намерения автора, а интенциональную структуру текста — как совокупность средств для реализации этого намерения [Ворожцова, 2004, с. 188].

Рабочая гипотеза: в путешествиях «массового сентиментализма» автор выступает как субъект сознания и субъект речи; авторское сознание явлено на уровне «я» частного человека, «я» человека (гражданина), «я» литератора. «Я» чувствительного путешественника должно выступать «точкой сборки» всех уровней (Р. Уилсон, размышляя о том, что обеспечивает единство травелога, подчеркивает, что определяющее значение имеет способность автора к «убедительному обобщению» [Wilson, 1973, p. 11].

Анализ пространственно-дестинационного компонента предполагает выявление взаимосвязи подходов к описанию пространства (выбор описываемых мест и способ конструирования этих описаний) и позиционирования автора как «писателя».

Уточним, что понятие «дестинация» традиционно используется в сфере туризма: в частности, Л. Г. Кирьянова определяет дестинацию как «совокупность культурных, физических и социальных характеристик, которые формируют ... узнаваемую туристами региональную идентичность»

[Кириянова, 2012, с. 135]. Применительно к настоящему исследованию «под дестинацией мы будем понимать ценностно и культурно детерминированное пространство “иного”, воспринимаемое субъектом» [Кублицкая, 2018, с. 272].

Рабочая гипотеза: описание пространства в путешествиях массового сентиментализма в большей степени стереотипно и не является в полном смысле ценностно-культурным освоением реальности.

Анализ временного аспекта связан с осмыслением способов восприятия времени и наличия / отсутствия темпоральных маркеров.

Рабочая гипотеза: в путешествиях «массового сентиментализма» темпоральный аспект вторичен: отказ от строгой датировки, связанной с изначальной документальной природой жанра, обусловлен размежеванием с традицией «достоверного» путешествия, субъект находится в «потоке чувства вне времени».

Мы намеренно не выделяем вопрос о жанре как отдельный исследовательский аспект, исходя из предположения, что жанровая доминанта проясляется на всех рассматриваемых уровнях.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формы выражения авторского сознания в «Путешествии в Малороссию» П. И. Шаликова

Князь Петр Иванович Шаликов (1768—1852) — писатель, журналист, издатель и редактор. Известен как автор «Путешествия в Малороссию» (в двух частях, 1803—1804), «Путешествия в Кронштадт» (1805), сборника «Повести князя Шаликова» (1819) и др. Участник ряда литературных журналов своего времени. Традиционно причисляется к кругу последователей Карамзина [Поэты, 1971, с. 629—632].

«Путешествие в Малороссию» — один из образцов прозы «массового сентиментализма». В первой части «Путешествия...» — 43 главы, во второй — 48. Географические, статистические и этнографические описания, а также строгая датировка отсутствуют. Повествование ведётся от первого лица, обе части предваряются эпиграфом из «Писем русского путешественника» Карамзина «Кто еще не заперть въ клітку, кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здесь, тотъ можѣтъ еще наслаждаться бытиемъ своимъ, и можетъ быть счастливъ, и долженъ быть счастливъ» (глава «За две мили от Дрездена, 10 июля 1789») [Карамзин, 1797, с. 254].

Адресатом «Путешествия...» определены «сердца, образованные для чувствительности» [Шаликов, 1803]; нарративная стратегия в самом общем смысле заключается в формальном противопоставлении традиции:

«Путешествіе мое не напомнит вамъ ни Стерна, ни Дюпати, ни Карамзина, ни Измайлова» [Шаликов, 1803].

Осмыслим модель субъектной структуры текста, исходя из трех предположений:

- субъект сознания (автор) = доминирующему субъекту речи (рассказчику);
- субъектная организация текста должна репрезентировать индивидуального или системного автора (часть индивидуальных художественных систем, в данном случае (массового) сентиментализма);
- субъект реализован на трех уровнях: «я» частного человека, «я» гражданина, «я» литератора в единстве частного и общего.

«Я» автора в «Путешествии в Малороссию» — это «я» друга, сына, любителя женщин, поэта, наконец, человека городского, столичного. Точкой сборки различных «я» должен выступить образ «я» — «чувствительного» путешественника, однако так ли это на самом деле?

«Я» друга представлено в тексте достаточно чётко. Начиная с прощания с друзьями и связанными с ними тяжелых переживаний, автор последовательно перечисляет все эпизоды встреч со старыми знакомыми (главы «Встреча», «Друг», «Общество», «Могила друга», «Необыкновенная решительность» в первой части и «Возобновленное знакомство», «Новобрачные», «Желаемое свидание», «Печальное посещение» во второй). Важно подчеркнуть, что в первой части автор рад видеть столичных приятелей, во второй — встретиться с малороссийскими знакомыми. Происходит смещение фокуса — пространство становится своим.

«Я» сына проявлено во второй части «Путешествия...», но в контексте споров за наследство с опекуном (лейтмотив текста); в главе IV «Могила отца» описывается поклонение «праху того, которому обязанъ я первымъ утромъ жизни моею!» [Шаликов, 1804, с. 18].

«Я» женского угодника автор репрезентует с видимым удовольствием. Так, в главе «Кофе» первой части путешествия он сравнивает девушку, подающую ему кофе, с Гебой; в главе «Любимецъ фортуны» посвящает даме стихи; в главе «Физиономия» приводит первый относительно развёрнутый портрет своей знакомой: «всѣ черты лица в натуральномъ ихъ расположеніи самымъ выразительнейшимъ образомъ... я видѣль рай на лицѣ сѣмъ» [Шаликов, 1803, с. 90—91]. В «Другомъ путешествіи...» указанная стратегия реализуется еще более полно, в частности, приводится суждение автора о том, что в темноте и тесноте бальной залы удобно рассматривать красавиц: «женщины ... съ томными и вмѣстѣ пламенными глазами, въ которыхъ чувствительность души и сердца такъ выразительно изображается!» [Шаликов, 1804, с. 159].

«Я» поэта-творца репрезентируется в тексте на двух уровнях: размышления автора о (собственном) творчестве и стихотворения, включенные в состав отдельных глав, и если первое выглядит обоснованным, то второе — достаточно неорганичным. Автор считает себя профессиональным литератором: так, в главе «Манускрипт» первой части он играет в первого читателя и критика — ему в руки попала рукопись вдовца, который посвятил стихи своей покойной супруге. «Я хотелъ сделать их одной стопы» [Шаликов, 1803, с. 75], — но оставил нетронутыми. Так подчеркивается дилетантский характер литературных опытов мужчины. В главе «Днепр» в контексте пейзажного описания автор отмечает, что видит «лугъ, какимъ только восхищаемся в Идиллияхъ и Эклогахъ» [Шаликов, 1803, с. 105], тем самым демонстрируя, что знаком с жанровыми параметрами указанных форм. В главе «Обязанность стихотворца» он иронизирует над участью поэта в обществе: «Естьли вы хотя не много прослыли стихотворцомъ, то вамъ никакъ не возможно в обществѣ отдѣлаться — чтобъ не сочинить того, о чемъ васъ просятъ» [Шаликов, 1803, с. 132].

В «Другом путешествии...» в упомянутой выше главе «Московской Меркурий» автор полемизирует с Макаровым, пытаясь определить границы сентиментального путешествия сквозь призму критики: в частности, речь идет об отсутствии статистических и географических описаний (о чем Шаликов прямо говорит в обращении от издателя первой части); «авторъ не описываетъ даже ни нравовъ, ни образа жизни въ томъ краю, по которому проехалъ» [Шаликов, 1804, с. 65]. Так отправной точкой становится вопрос об авторской интенции — именно она, по мнению Шаликова, определяет специфику текста: автора «не посылали путешествовать; онъ добровольно поѣхалъ — слѣдственно и рассказываетъ о томъ, о чемъ хочетъ рассказывать» [Шаликов, 1804, с. 65—66]. Так происходит окончательное размежевание с традицией документального путешествия.

Еще один важный момент связан с позиционированием себя как поэта-творца, с заочным диалогом автора с Измайловым, Карамзиным, Херасковым и другими литераторами. Как отмечалось ранее, Шаликов начинает свое «Путешествие» с формального размежевания с традицией, однако концептуально этой традиции следует. Ему крайне важно находиться в кругу признанных литераторов — и он оценивает их профессионально. Так, описывая село Буду, он отмечает, что это «островъ очарованія, которой может быть описанъ только Тассомъ, Фенелономъ или — это ближе к намъ — Херасковымъ». Значительный фрагмент текста посвящен Якову Садовнику, некогда знакомому с Вольтером и Руссо. Про Капниста он пишет так: «Позвольте питомцу музъ представить себя их любимцу» [Шаликов 1804, с. 167].

На уровне поэтики «Я» поэта выявляются через некоторые (весьма скромные) проявления писательской техники, в частности, интертекстуальность, вставные нарративы (история отчима и падчерицы, старика и крестника в первой части), а также организация внутритекстовых связей первой и второй части через отсылки к ряду лиц и эпизодов.

«Я» столичного человека реализуется на двух уровнях: как человека образованного и как находящегося вне традиций жизни Малороссии (при всей любви к ней). «Образованность» автора проявляется в многочисленных сентенциях философского и исторического свойства; осмысление традиций — в оценочных комментариях.

Философия автора — обывательская, основные вопросы, его интересующие, определяются традиционным для частного человека интересом к жизни и смерти («явится Парка съ расходомъ и — чикъ паутинную нить бытїя нашего» [Шаликов, 1803, с. 5] и назначению человека (зачастую утверждения весьма парадоксальны, ср. суждение о том, что встреченные в церкви горбатые люди стали такими по причине нужды, см. главу «Горестный образ» первой части). Вместе с тем важно отметить, что в упомянутой выше дискуссии Шаликова с Макаровым первому ставится в упрек именно отсутствие внятных философских пассажей: «Какой Философїи желает Г. Рецензентъ! не ужели цѣлыхъ трактатовъ!» [Шаликов, 1804, с. 68].

Исторические измышления автора отражают тип колонизирующего сознания. Е. В. Пономарёв отмечает, что «имперский травелог отличается ... задачами ментальной колонизации пространства. Четко разделяя пространство на свое и чужое, он стремится подчинить чужое пространство той логике событий и отношений, которая характерна для пространства своего» [Пономарёв, 2017]. Т. А. Васильева подчёркивает, что «основные идеологические модели, определявшие рецепцию и репрезентацию украинского материала в литературе рубежа веков, предполагали интеграцию региона в имперское культурно-политическое пространство» [Васильева, 2014, с. 8]. В фокусе внимания оказывается первый российский император Пётр I. В главе «Полтавское поле» первой части упомянут курган, где похоронены герои Полтавской битвы: «на самомъ этомъ мѣстѣ рѣшилась въ несколько часовъ судьба сильнейшаго Государства въ свѣтъ» [Шаликов, 1803, с. 98]; в главе «Следы Петра Великого» рассказывается о крепости под Новороссийском, заложенной Петром I, и отмечается, что «Клію развернула предъ мысленнымъ взоромъ моимъ хартїю свою» [Шаликов, 1803, с. 129]. В свою очередь В. С. Киселев и Т. А. Васильева пишут о том, что воспоминание о выдающейся российской императрице — Екатерине II является у Шаликова лишь «источником сердечных излияний автора» [Киселев и др., 2014, с. 23].

Описание традиций Малороссии против обыкновения не сосредоточено на характеристике быта и нравов населения, а подается через подмеченные автором отличия — например, в манере женщин одеваться, а также в повседневных поведенческих практиках, в том числе чтении: «Однажды въ кругу любезных дамъ моихъ читаль Вѣстникъ Европы, которому въ особенности жители провинции столько обязаны прїятнѣйшимъ удовольствиямъ» (глава «Чтение») [Шаликов, 1803, с. 193]. Н. Д. Кочеткова отмечает, что «соединение воспоминаний о прочитанных книгах и обстоятельствах, сопутствовавших чтению, становится одним из характерных мотивов сентиментальной прозы. Неудивительно, что и в “Путешествии в Малороссию” П. И. Шаликова появляется особая глава “Чтение”. С присущей ему неумеренностью автор восхищается самим процессом чтения» [Кочеткова, 1994, с. 161].

Все эти «я» — элементы первого субъектного уровня, «я» частного человека. Явлен ли Шаликовым образ «я» народа / гражданина? Политическая составляющая философии сентиментализма редуцирована: как правило, исследователями подчеркиваются идея демократизма и интерес к внутреннему миру рядовых граждан [Иванов, 2001]. В диалогии Шаликова явлены представители различных сословий — старик, воспитавший крестника («Усыновление»), девушка, подающая кофе, которую он сравнивает с Гебой («Кофе»), горбуны в церкви, которых согнула нужда («Горестный образ»), доктор, который бескорыстно лечил вне зависимости от возможности оплатить его услуги («Редкое бескорыстие»), и т. д. Вместе с тем нельзя заключить, что автор выражает какие-то целостные идеи.

Третий уровень авторского «я» — «я» литератора, которое, как мы отмечали ранее, должно стать «точкой сборки» всех «я». Закономерно предположить, что в данном случае речь идет об авторе — сентиментальном (чувствительном) путешественнике. Согласно определению Л. Стерна, это путешественник «по необходимости (путешествовать)» (курсив наш. — О. К.) [Стерн, 1892, с. 17]. Гипотеза о том, что Шаликов — путешественник по потребности, подтверждается лишь в первой части диалогии — в главе «Выезд» он раскрывает свою интенцию — «Changeons de lieu pour nous défaire du temps {«Пѣременимъ мѣсто, чтобъ избавиться отъ врѣмени»}}» [Шаликов, 1803, с. 1]. Во второй части диалогии вояж не является путешествием ради путешествия, необходимо ехать из-за тяжды по поводу наследства.

Чтобы оценить, является ли создаваемый образ сентиментального путешественника целостным, необходимо оценить, как он явлен в пространстве и времени.

3.2. «Сентиментальный путешественник» в пространстве и времени

Пространственно-временная организация сентиментальных путешествий отличается различной степенью сложности [Кулакова, 1974; Атаро-

ва, 1988; Алпатова, 2012; Фарафонова, 2017 и др.]. Как отмечает Т. А. Алпатова, у Карамзина «пространственное движение ... не исчерпывается линейным перемещением в рамках развертывающегося в книге «маршрута» [Алпатова, 2012, с. 22], а «время ... обретает субъективную окрашенность» [Алпатова, 2012, с. 25].

Важным элементом описания пространства выступает пейзаж, «особое видение природы» [Аникейчик, 2008, с. 18], которое позволяет рассматривать сентиментальное путешествие как высшую форму её созерцания, опирающегося на широкую философскую основу (Дж. Локк, Ш. Бонне, И.-Г. Сульцер, Ж.-Ж. Руссо) [Аникейчик, 2008].

«Мое путешествие...», равно как и «Другое путешествие...», не отличается развернутыми философскими размышлениями, связанными с описаниями природы. Оценивая пространственно-дестинационную составляющую в связке с субъектной, подчеркнем, что автор все же позиционирует себя как тонко чувствующего эту самую природу: «Иду по полю — и каждый шагъ сопровождаю вниманіемъ: не хочу ступить такъ, чтобы агъ мой пропалъ для меня — хочу *чувствовать* (курсив наш. — О. К.), что гуляю по полю» [Шаликов 1803, с. 55]. Первое относительно развернутое пейзажное описание встречается в главе «Полтавское поле»: «Сія эспланада, распахнутая рѣчками, лѣсочками, крестьянскими и господскими домиками; сей монастырь, гордо возвышающийся на высокомъ холмѣ, занимали нѣсколько часовъ глаза и *душу мою*» (курсив наш. — О. К.) [Шаликов 1803, с. 99—100]. В главе «Днепр» природоописание сопровождается указанием на понимание Шаликовым правил игры — жанровой традиции: «Необозримой лугъ, усыянной желтыми, лиловыми и голубыми цвѣточками съ журчащими отъ мѣста до мѣста ручейками — лугъ, какимъ только восхищаются в *Идилліяхъ и Эклогахъ*» (курсив наш. — О. К.) [Шаликов 1803, с. 104—105].

В путешествиях сентиментализма формируется ряд условных идеальных топосов, к числу которых относится, например, Аркадия как образ утопического «золотого века», «в большинстве случаев редуцированный до формул, призывов, аллюзий» [Тирген, 2015, с. 76]. Так, у Шаликова Полтава сравнивается с Аркадией — и мы видим «обширную равнину, съ сверкающими рѣчками, съ густыми рощами, съ тучными стадами, съ белыми домиками» [Шаликов 1803, с. 97]. Упомянув традиционные для сентиментального путешествия пространственные ориентиры, он стремится сделать их знакомыми: «...и что впрочемъ нужды мнѣ до Италіи, до Швейцаріи, до Крыма, до щастливой Франціи, до верхняго Рейна, до Швабскихъ равнинъ?.. Пусть онѣ разгнѣваются, естли имъ угодно, на соперницу свою — это не мое дѣло; а кто знаетъ Полтаву, тотъ не назоветъ меня лежцомъ» [Шаликов, 1804, с. 69—70].

Оценивая пространство в прозе сентиментализма, необходимо отметить значимость домашней, камерной его составляющей: «Органичному переходу от апологии внешнего мира к приоритету дома и частной сферы способствовало горадианство, являвшееся не только литературным феноменом, но и влиятельной культурной практикой» [Болотникова, 2015, с. 34]. Идиллическое пространство у Шаликова часто связано именно с домом: «Въ тѣни развѣсистой березы, подъ чистою лазурью неба, на ароматической зелени пили вечерній чай, разливаемый рукою Грации» [Шаликов, 1804, с. 28]. Эта локализованность и замкнутость пространства, по мысли М. М. Бахтина, «существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени» [Бахтин, 1975, с. 259].

Т. А. Алпатова, в свою очередь, подчеркивает, что время в прозе сентиментализма «обретает субъективную окрашенность, благодаря которой преодолевается чувство “ускользания”, ощущение, когда прошлого уже нет, будущего еще нет, а миг настоящего столь мал, что его невозможно ощутить как реальность» [Алпатова, 2012, с. 25]. Закономерно возникает вопрос, как соотносится частное и бытовое время, может ли сентиментальный путешественник Шаликова избежать обывательского осмысления повседневности?

В тексте отсутствует строгая датировка, функцию темпоральных маркеров выполняют лексемы типа *сегодня, завтра, несколько дней*; время «идет за пространством» — хронология объясняется и сменой локаций: отъезд, встречи с друзьями, посещение новых мест, приятное времяпрепровождение в гостях. Вместе с тем «движение чувства» и частное время, которое «отменяет» привязку к датам, входит в определенное противоречие с временем историческим, маркеры которого обозначены в главах, описывающих Полтаву: «На самомъ этомъ мѣстѣ рѣшилась въ нѣсколько часовъ судьба сильнѣшаго Государства въ свѣтѣ» (описание Полтавского поля) [Шаликов, 1803, с. 98]. Так чувствительный путешественник вынужденно погружается в контекст вечности; сходный механизм реализован в главе «Могила друга», где автор проводит неопределенное время, погрузившись в горестные размышления.

Таким образом, необходимо заключить, что Шаликов в целом использует маску «чувствительного путешественника», чтобы осуществить смысловое восхождение с уровня частного, бытового человека на уровень «Я» литератора, однако этот процесс оказывается отчасти механистическим, в том числе в связи с тем, что автору, пожалуй, не удалось выстроить целостную систему взаимодействия субъекта сознания с другими субъектами речи и выразить эстетическое отношение к её объектам.

3.3. Субъект-объектная система текста

Завершая анализ субъектной структуры текста, охарактеризуем субъект-объектную структуру текста. В сущности, это еще один уровень «я» субъ-

екта: гражданин — созерцатель жизни современников, формирующий свою галерею образов — людей, часть которых являются субъектами речи, имеют собственный голос, а часть выступают её объектами. Как отмечает Н. Д. Кочеткова, в творчестве сентименталистов явлен «интерес к “человеку природы”» [Кочеткова, 1994, с. 58], обусловивший появление героя нового типа — простолюдина, крестьянина, которые «предстали в виде добродетельных “поселян”, далеких от пороков современной цивилизации» [Кочеткова, 1994, с. 58]. Вместе с тем у Шаликова дело обстоит иначе, что подтверждается статистически: большинство вторичных субъектов его диалогии — люди его круга. Первая часть: отчим, падчерица и мать («Торжество невинности»); старик и крестник («Усыновление»); девушка в трактире («Кофе»); вдовец («Манускрипт»); философ-садовник («Яков Садовник»); жестокий помещик («Новый Тимон»), владелец усадьбы в Екатеринодаре («Екатеринин-дар»). Вторая часть: милые супруги («Возобновленное знакомство»), красивая дама («Светская женщина»), опекун («Опекун», «Так»), военный («Оригинал»), сельский священник («Священник»), гусарский офицер («Гусарский офицер», «Вечер у К***»), В. В. Капнист («Поэт»), члены семьи губернатора («Почтенное семейство»), врач («Иппократ нашего времени»).

Иными словами, демократизм Шаликова является ложным: «Размышляя о наследстве, которое его ожидает в Малороссии, Шаликов не без самодовольства представляет себя “властелином некоторого числа подобных себе”»: “Ах! какое завидное состояние помещика! одним решительным, можно сказать, желанием, без всякого иждивения, он счастливит множество людей, собратий своих...”» [Кочеткова, 1994, с. 73]. Это является частью вопроса о степени имплементации идей Просвещения в русском сентиментализме.

Неудивительно, что говорить о глубокой проработке хотя бы некоторых образов также не приходится; всех упомянутых лиц объединяет наличие типичных стереотипных черт: мужчины либо мудры и жертвенны («Торжество невинности», «Усыновление», «Священник», «Иппократ нашего времени»), либо злы и ограничены («Новый Тимон», «Опекун»); женщины красивы, загадочны и суеверны. Вместе с тем все они лишены какой-то национальной или персональной специфики и в этом смысле безлики.

Безусловно, автор кое-где все же стремится оттачивать навыки портретных описаний. В главе «Физиономия» он размышляет о том, что в церкви у людей «настоящие» лица, и описывает незнакомку: «всѣ черты лица в натуральномъ ихъ расположеніи самымъ выразительнейшимъ образомъ ... я видѣль рай на лицѣ семъ» [Шаликов, 1803, с. 126]. В главе «Светская женщина» оценивается внешний облик дамы: «нерадиво, со вкусомъ накинута шаль, легкое утреннее платьѣ... соломенная большая шляпа, приятная походка, лорнетъ» [Шаликов, 1804, с. 83], а в главе «Оригинал» изображен пожилой

военный: «сѣдой Марсовъ служитель; в синемъ карабинерномъ мундирѣ готическаго покроя, съ высокимъ насаленнымъ тупеємъ, с толстыми выше ушей бублями, съ багровымъ орлинымъ носомъ» [Шаликов, 1804, с. 132].

Это описания ради описаний, имеющие скорее иллюстративный характер, часто мало связанные с излагаемыми событиями.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, отметим, что анализ дилогии П. И. Шаликова «Путешествие в Малороссию» подтвердил гипотезу о том, что в путешествиях «массового сентиментализма» автор выступает как субъект сознания и субъект речи; авторское сознание явлено на уровне «я» частного человека, «я» человека (гражданина), «я» литератора. «Я» чувствительного путешественника должно выступать «точкой сборки» всех уровней, однако это выглядит несколько искусственным из-за преобладания в тексте бытового начала.

Шаликовым предпринята попытка компенсировать частное в описании пространства, однако пейзажи также оказываются весьма скудными и типическими, не передающими реального впечатления созерцателя, кроме того, они обнаруживают крайне слабую связь с философией сентиментализма и не становятся основанием развернутых размышлений. Перемещения рассказчика видятся хаотическими, и, с нашей точки зрения, их сложно определить как ценностно-культурное освоение реальности.

Хронологический аспект также оказывается вторичным, строгая датировка отсутствует, что, с одной стороны, вступает в противоречие с бытовым, дневниковым нарративом, а с другой — не создает целостного впечатления нахождения «в потоке чувства»; здесь преобладают «мечтания», эмоциональные излияния, пространные размышления» [Киселёв и др., 2014, с. 23].

Иными словами, речь идет лишь о попытке встроить индивидуальную художественную систему в парадигму сентиментализма (от автора индивидуального к автору системному); в иерархии организованной дуальности общего и частного (В. И. Чулков) частное преобладает.

Несмотря на явную вторичность «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова, проведенное нами исследование расширяет представление о закономерностях литературного процесса переходного периода (рубеж XVIII—XIX веков), путях развития сентиментализма на русской почве и специфике экспликации форм авторского сознания.

Источники и принятые сокращения

1. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. — В 5 частях. — Москва : В университетской типографии у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. — Ч. 1. — 306 с.

2. *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Л. Стерн. — Санкт-Петербург : Издание А. С. Суворина, 1892. — 181 с.

3. *Шаликов П. И.* Путешествие в Малороссию, изданное К. П. Шаликовым / П. И. Шаликов. — Москва : У Люби, Гария и Попова, 1803—1804. — 237 с.

4. *Шаликов П. И.* Другое путешествие в Малороссию, изданное К. П. Шаликовым / П. И. Шаликов. — Москва : У Люби, Гария и Попова, 1803—1804. — 262 с.

Литература

1. *Алпатова Т. А.* Проза Н. М. Карамзина : поэтика повествования : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Алпатова. — Москва, 2012. — 541 с.

2. *Аникейчик Е. А.* Нравственно-эстетическое значение пейзажа в русской литературе конца XVIII — начала XIX вв. : от сентиментализма к предромантизму : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. А. Аникейчик. — Москва, 2008. — 30 с.

3. *Атарова К. Н.* Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» / К. Н. Атарова. — Москва : Высшая школа, 1988. — 93 с.

4. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.

5. *Болотникова О. Н.* Феноменология домашнего пространства в литературе русского сентиментализма / О. Н. Болотникова // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 391. — С. 34—39. — DOI: 10.17223/15617793/391/5.

6. *Бухаркин П. Е.* Проза Д. И. Фонвизина на повороте от просвещения к романтизму / П. Е. Бухаркин // Opera Slavica. — Neue Folge 68. Epochenumbbruch? Literatur um 1800 im Russischen Reich. — Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2021. — С. 113—127.

7. *Васильева Т. А.* У истоков украинофильства : образ Украины в российской словесности конца XVIII — первой четверти XIX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Васильева. — Томск, 2014. — 23 с.

8. *Власенко Т. Л.* Литература как форма авторского сознания / Т. Л. Власенко. — Москва : Логос, 1995. — 200 с. — ISBN 5-88439-005-X.

9. *Ворожцова И. Б.* Интенциональная структура текста : а автор кто? / И. Б. Ворожцова // Кормановские чтения : материалы межвузовской конференции, г. Ижевск, апрель 2004 г. / составители Е. А. Подшивалова, Д. И. Черашняя. — Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2004. — Выпуск 5. — С. 187—195.

10. *Иванов Д. А.* Сентиментализм / Д. А. Иванов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / редколлегия : А. Н. Николюкин (главный редактор) [и др.]. — Москва : Интелвак, 2001. — Стб. 960—964. — ISBN 5-93264-026-X.

11. *Иванов М. В.* Карамзин и проблемы русской сентиментальной прозы 1790—1800-х гг. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Иванов. — Ленинград, 1976. — 23 с.

12. *Кириянова Л. Г.* «Туристская дестинация» как комплексный концепт и ключевой элемент туристской системы / Л. Г. Кириянова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2012. — № 4 (52). — Т. 1. — С. 131—136.

13. *Киселев В. С.* «Под отечественным небом странствую с мирною душою» : образ Украины в русских травелогох начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 2 (4). — С. 20—42. — DOI: 10.17223/24099554/4/2.

14. *Корман Б. О.* Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — Москва : Просвещение, 1972. — 110 с.
15. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма : (Эстетические и художественные искания) / Н. Д. Кочеткова. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 279 с. — ISBN 5-02-028096-8.
16. *Кублицкая О. В.* Дестинация как элемент травелогемы : способы метафоризации и освоения пространства / О. В. Кублицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 9—2 (87). — С. 271—275. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-2.12.
17. *Кублицкая О. В.* Травелогема : к определению объема понятия / О. В. Кублицкая, Т. В. Мальцева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2017. — № 6. — С. 162—168.
18. *Кулакова Л. И.* А. Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву» : Комментарий / Л. И. Кулакова, В. А. Западов. — Ленинград : Просвещение. Ленинградское отделение, 1974. — 256 с.
19. *Лебедева О. Б.* Alter ego как имагологический объект : нарративная структура «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина в свете национальной повествовательной традиции / О. Б. Лебедева // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 1 (3). — С. 5—28. — DOI: 10.17223/24099554/3/1.
20. *Лотман Ю. М.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. — В книге : Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин ; Издательская подготовка [и примечания составителя] Ю. М. Лотман и др. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1984. — С. 525—606.
21. *Петрунина Н. Н.* Проза 1800—1810-х гг. / Н. Н. Петрунина // История русской литературы. — В 4 томах. От сентиментализма к романтизму и реализму. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1981. — Том 2. — С. 51—80.
22. *Пономарёв Е. Р.* Русский имперский травелог [Электронный ресурс] / Е. Р. Пономарёв // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 2. — Режим доступа : https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12412/ (дата обращения 16.08.2022).
23. *Поэты 1790—1810-х годов* / вступительная статья и составление Ю. М. Лотмана ; подготовка текста М. Г. Альтшуллера ; вступительные заметки, биографические справки и примечания М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. — Ленинград : Советский писатель, 1971. — 910 с.
24. *Пухов В. В.* П. И. Шаликов и русские писатели его времени (по архивным материалам) / В. В. Пухов // Русская литература. — 1973. — № 2. — С. 159—169.
25. *Роболы Т.* Литература «путешествий» / Т. Роболы. — В книге : Русская проза / Под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. — Ленинград : Academia, 1926. — С. 42—73.
26. *Соловьев А. Ю.* «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII — начала XIX веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Ю. Соловьев. — Санкт-Петербург, 2011. — 24 с.
27. *Тирген П.* Образы Аркадии в русской литературе XVIII—XIX вв. / П. Тирген // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 2. — С. 69—110. — DOI: 10.17223/24099554/4/4.
28. *Тюпа В. И.* Жанровые истоки коммуникативной ситуации автор — герой — читатель / В. И. Тюпа // Кормановские чтения : материалы межвузовской научной конфе-

рениции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Б. О. Кормана / Составители-редакторы Д. И. Черашняя и В. И. Чулков. — Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1998. — Выпуск 3. — С. 7—16.

29. Тюпа В. И. Категория автора в аспекте исторической поэтики / В. И. Тюпа // Проблема автора в художественной литературе : межвузовский сборник научных трудов. — Устинов (Ижевск) : Удмуртский государственный университет, 1985. — Выпуск 8. — С. 22—27.

30. Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») / О. А. Фарафонова // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 70—82. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82.

31. Чулков В. И. Из истории формирования индивидуальных художественных систем / В. И. Чулков // Проблема автора в художественной литературе : межвузовский сборник научных трудов. — Ижевск : Удмуртский государственный университет, 1993. — Выпуск 10. — С. 35—51. — ISBN 5-7029-0056-1.

32. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы : вопросы теории / В. А. Шачкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 3. — С. 277—281.

33. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790—1840 / А. Шенле. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 271 с. — ISBN 5-7331-0287-X.

34. Dickinson S. Breaking Ground : Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin / S. Dickinson. — Amsterdam ; New York : Rodopi, 2006. — 291 p. — ISBN 978-90-420-1949-2.

35. Wilson R. Literary Travelogue : A Comparative Study with Special Relevance to Russian Literature from Fonvizin to Pushkin / R. Wilson. — The Hague : By Martinus Nijhoff, 1973. — 144 p. — ISBN 978-90-247-1558-9.

Material resources

Karamzin, N. M. (1797). *Letters of a Russian traveler. In 5 parts, 1*. Moscow: In the University printing house at the Hr. Ridiger and Hr. Claudia. 306 p. (In Russ.).

Shalikov, P. I. (1803—1804). *Another journey to Little Russia, published by K. P. Shalikov*. Moscow: Lyubi, Garia and Popov. 262 p. (In Russ.).

Shalikov, P. I. (1803—1804). *Journey to Little Russia, published by K. P. Shalikov*. Moscow: Lyubi, Garia and Popov. 237 p. (In Russ.).

Stern, L. (1892). *Sentimental journey through France and Italy*. St. Petersburg: Edition of A. S. Suvorin. 181 p. (In Russ.).

References

Alpatova, T. A. (2012). *N. M. Karamzin's prose: the poetics of narration*. Doct. Diss. Moscow. 541 p. (In Russ.).

Anikeychik, E. A. (2008). *The moral and aesthetic significance of landscape in Russian literature of the late XVIII — early XIX centuries: from sentimentalism to pre-Romanticism*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).

Atarova, K. N. (1988). *Lawrence Stern and his "Sentimental journey through France and Italy"*. Moscow: Higher School. 93 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). *Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics*. Moscow: Fiction. 234—407. (In Russ.).

- Bolotnikova, O. N. The phenomenology of home space in the literature of Russian sentimentalism. *Bulletin of Tomsk State University*, 391: 34—39. DOI: 10.17223/15617793/391/5. (In Russ.).
- Bukharkin, P. E. (2021). D. I. Fonvizin's prose on the turn from enlightenment to Romanticism. *Opera Slavica. Neue Folge* 68. *Epochemumbuch? Literatur um 1800 im Russischen Reich*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 113—127. (In Russ.).
- Chulkov, V. I. (1993). From the history of the formation of individual artistic systems. In: *The problem of the author in fiction: interuniversity collection of scientific papers*, 10. Izhevsk: Udmurt State University. 35—51. ISBN 5-7029-0056-1. (In Russ.).
- Dickinson, S. (2006). *Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin*. Amsterdam; New York: Rodopi. 291 p. ISBN 978-90-420-1949-2.
- Farafonova, O. A. (2017). Pavel Sumarokov's Oriental travelogue ("The Leisure of the Crimean judge, or the second journey to Taurida"). *Nauchnyj dialog*, 7: 70—82. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82. (In Russ.).
- Ivanov, D. A. (2001). Sentimentalism. In: *Literary Encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intellvak. 960—964. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Ivanov, M. V. (1976). *Karamzin and the problems of Russian sentimental prose of the 1790s—1800s*. Author's abstract of PhD Diss. Leningrad. 23 p. (In Russ.).
- Kiryanova, L. G. (2012). "Tourist destination" as a complex concept and a key element of the tourist system. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4 (52) / 1: 131—136. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S. (2015). "I wander with a peaceful soul under the domestic sky": the image of Ukraine in Russian travelogues of the early XIX century (V. V. Izmailov, P. I. Shalikov, A. I. Levshin). *Imagology and comparative studies*, 2 (4): 20—42. DOI: 10.17223/24099554/4/2. (In Russ.).
- Kochetkova, N. D. (1994). *Literature of Russian sentimentalism: (Aesthetic and artistic searches)*. Saint Petersburg: Nauka. 279 p. ISBN 5-02-028096-8. (In Russ.).
- Korman, B. O. (1972). *Studying the text of a work of art*. Moscow: Prosveshchenie. 110 p. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V. (2018). Destination as an element of travelogeme: methods of metaphorization and space exploration. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 9—2 (87): 271—275. DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-2.12. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V., Maltseva, T. V. (2017). Travelogeme: to define the scope of the concept. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 6: 162—168. (In Russ.).
- Kulakova, L. I., Zapadov, V. A. (1974). *A. N. Radishchev "Journey from St. Petersburg to Moscow": Commentary*. Leningrad: Enlightenment. Leningrad Branch. 256 p. (In Russ.).
- Lebedeva, O. B. (2015). Alter ego as an imagological object: the narrative structure of the "Letters of a Russian traveler" by N. M. Karamzin in the light of the national narrative tradition. *Imagology and comparative Studies*, 1 (3): 5—28. DOI: 10.17223/24099554/3/1. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M., Uspensky, B. A. (1984). Russian Traveler's Letters by Karamzin and their place in the development of Russian culture. In: *In the book: Karamzin N. M. Letters of a Russian traveler*. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. 525—606. (In Russ.).
- Petrutina, N. N. (1981). Prose of the 1800s—1810s. In: *The history of Russian literature. In 4 volumes. From sentimentalism to romanticism and realism*, 2. Leningrad: Nauka: Leningrad Branch. 51—80. (In Russ.).
- Poets of the 1790s—1810s*. (1971). Leningrad: Soviet Writer. 910 p. (In Russ.).

- Ponomarev, E. R. (2017). Russian Imperial travelogue. *New Literary Review*, 2: Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12412/ (accessed 16.08.2022). (In Russ.).
- Pukhov, V. V. (1973). P. I. Shalikov and the Russian writers of his time (according to archival materials). *Russian Literature*, 2: 159—169. (In Russ.).
- Roboli, T. (1926). Literature of “travel”. In: *In the book: Russian prose*. Leningrad: Academia. 42—73. (In Russ.).
- Shachkova, V. A. (2008). “Journey” as a genre of fiction: questions of theory. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 3: 277—281. (In Russ.).
- Shenle, A. (2004). *Authenticity and fiction in the author’s self-consciousness of Russian travel literature, 1790—1840*. Saint Petersburg: Academic Project. 271 p. ISBN 5-7331-0287-X. (In Russ.).
- Solovyov, A. Yu. (2011). “Journey to midday Russia” V. V. Izmailova in the context of Russian travel literature of the late XVIII — early XIX centuries. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 24 p. (In Russ.).
- Tirgen, P. (2015). Images of Arcadia in Russian literature of the XVIII—XIX centuries. *Imagology and comparative studies*, 2: 69—110. DOI: 10.17223/24099554/4/4. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (1985). The category of the author in the aspect of historical poetics. In: *The problem of the author in fiction: interuniversity collection of scientific papers*, 8. Ustinov (Izhevsk): Udmurt State University. 22—27. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (1998). Genre origins of the communicative situation author — hero — reader. In: *Kormanov readings: materials of the interuniversity scientific conference dedicated to the 75th anniversary of the birth of Professor B. O. Korman*, 3. Izhevsk: Udmurt University Publishing House. 7—16. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. A. (2014). *At the origins of Ukrainophilism: the image of Ukraine in Russian literature at the end of the XVIII — first quarter of the XIX century*. Author’s abstract of PhD Diss. Tomsk. 23 p. (In Russ.).
- Vlasenko, T. L. (1995). *Literature as a form of author’s consciousness*. Moscow: Logos. 200 p. ISBN 5-88439-005-X. (In Russ.).
- Vorozhtsova, I. B. (2004). Intentional structure of the text: and who is the author? In: *Kormanov readings: materials of the interuniversity conference, Izhevsk, April 2004*, 5. Izhevsk: Udmurt State University. 187—195. (In Russ.).
- Wilson, R. (1973). *Literary Travelogue: A Comparative Study with Special Relevance to Russian Literature from Fonvizin to Pushkin*. The Hague: By Martinus Nijhoff. 144 p. ISBN 978-90-247-1558-9.

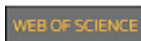
Статья поступила в редакцию 09.08.2022,
одобрена после рецензирования 15.09.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Осипова О. И. Особенности антропоморфного повествования в современной прозе / О. И. Осипова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 304—317. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-304-317.

Osipova, O. I. (2022). Features of Anthropomorphic Narrative in Modern Prose. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 304-317. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-304-317. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-304-317

Особенности антропоморфного повествования в современной прозе

Осипова Ольга Ивановна

orcid.org/0000-0001-6783-9378

доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка
как иностранного
fia-fa@mail.ru

Дальневосточный государственный
технический рыбохозяйственный
университет
(Владивосток, Россия)

Features of Anthropomorphic Narrative in Modern Prose

Olga I. Osipova

orcid.org/0000-0001-6783-9378

Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Russian
as a Foreign Language
fia-fa@mail.ru

The Far Eastern State
Technical Fisheries University
(Vladivostok, Russia)

© Осипова О. И., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются повествовательные структуры романов Е. ЧеширКо, О. Роя. Охарактеризована повествовательная полифония, при которой голос субъективизированного ненадежного нарратора дополняется голосом объективизированного повествователя либо голосами других героев, что приводит к трансформациям жанровой основы произведения. Определено, что в романах повествование от лица героя-не человека приводит к появлению черт магического реализма, к которым относятся особый бинарный хронотоп, включающий черты современного реального и иного мира, особый тип героя, который является либо представителем иного мира, либо медиатором между двумя мирами. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения повествовательных инстанций в современной прозе. Новизна видится в том, что на материале современных романов, объединенных рядом признаков, охарактеризована повествовательная полифония, определены способы ее создания, а также проведены наблюдения над стилистическими особенностями означенных романов, которые до этого не были предметом пристального литературоведческого анализа. Доказано, что полифония повествовательных образов расширяет возможности сюжета, стиля, а также взгляда на человека как предмет изображения. В данной работе используются сопоставительный метод, а также метод интертекстуального анализа.

Ключевые слова:

нарратив; ненадежный нарратор; антропоморфный герой; Олег Рой; Евгений ЧеширКо; магический реализм; современная проза.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The narrative structures of novels written by Ye. CheshirKo and O. Roy are considered. The author characterizes the narrative polyphony: the voice of subjectivized unreliable narrator is supplemented by the voice of an objectified narrator or the voices of other characters, which leads to transformations of the genre basis of the work. It is established that the narrative on behalf of the non-human character causes the appearance of the features of magical realism which consist of a special binary chronotope including the characteristics of the contemporary real world and the alternative one, a distinct type of character who is either a representative of the alternative world or a mediator between two worlds. The relevance of the research lies in the need to study narrative instances in the modern prose. The novelty of the study is seen in the fact that on the basis of the modern novels, united by several features, the narrative polyphony and the ways of its creation are characterized. The author explores the stylistic features of the aforementioned novels which have not previously been the subject of thorough literary analysis. It is proved that the polyphony of narrative images expands the possibilities of the plot, style, as well as the view of a person as the subject of the image. The comparative method and the method of intertextual analysis are used in the article.

Key words:

narrative; unreliable narrator; anthropomorphic character; Oleg Roy; Yevgeny CheshirKo; magic realism; modern prose.

Особенности антропоморфного повествования в современной прозе

© Осипова О. И., 2022

1. Введение = Introduction

Антропоморфный герой — довольно распространенный герой в современной мировой массовой литературе. Под массовой литературой мы вслед за И. И. Саморуковым понимаем ряд определенных текстов, обладающих обобщенной моделью сюжетного развертывания, репрезентирующих определенные культурные стереотипы, «выполняющих функцию социально-психологической адаптации их потребителя к актуальным проблемам современности» [Саморуков, 2006, с. 8]. Современную российскую прозу, в которой антропоморфный герой выступает в качестве повествователя, условно можно поделить на две группы: во-первых, условно реалистическое произведение, написанное от лица антропоморфного персонажа, где показывается необычный внутренний мир героя, а также его взгляд на мир, но в остальном сюжет не вступает в противоречия с объективной реальностью; во-вторых, произведения, в которых в сюжете появляется «чудо», нечто таинственное и противоречащее объективной картине мира, например, необъяснимые перемещения во времени и пространстве, чудесные спасения и т. д., кроме того, в таких произведениях появляются мистические персонажи (духи, домовые, лешие и прочие). Именно анализу второй группы произведений посвящена статья. Выдвигается гипотеза о том, что данная группа вбирает черты магического реализма, при котором в материальном мире проявляются элементы иного трансцендентального мира. В литературоведении магический реализм — это «специфический тип повествования, в котором очевидно реалистическое смешивается с неожиданным и необъяснимым и в котором элементы сна, сказки или мифологии сочетаются с повседневным, часто в мозаичной или калейдоскопической форме преломлений и повторов» [Drubbe, 2000, с. 630].

Объектом исследования становятся повествовательные особенности произведений современной прозы, в которой в качестве повествователя выступает образ антропоморфного героя, что приводит к появлению черт магического реализма в данных произведениях. Предметом исследования стали романы современных авторов, в которых представлен антропоморфный герой-повествователь: Евгений ЧеширКо «Дневник Домового», Олег Рой «Домовой».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследователи отмечают, что в мировой культуре сложилось два принципа изображения антропоморфного героя: наделение его психологическими особенностями, свойственными человеку, либо его показ в естественной среде, «извне», ему не приписываются человеческие черты [Осьмухина, 2022, с. 320]. Наиболее популярным является первый подход, причем самым актуальным персонажем современной культуры, по мнению исследователей, становится кот [Киселева, 2017]. Несмотря на особого героя-повествователя, не имеющего человеческих черт, все изображенное в таких произведениях имеет отношение к человеку. Образ кота в культурологии, интернет-дискурсе и в художественной прозе уже не раз становился предметом исследования с разных точек зрения [Алпатова, 2019; Афанасьева, 2020; Божкова, 2018; Гордеева, 2016; Жиндеева, 2014; Кондаков, 2014; Осьмухина, 2022; Тарса, 2020].

Схожесть повествовательной структуры, мотивов, параллели в образных системах рассматриваемых романов позволяют на основе сопоставительного метода рассмотреть эти произведения с точки зрения общности проблематики и поэтики.

Жанры записок, дневника, воспоминаний, часто используемые в таких произведениях, позволяют воплотить авторский замысел: создавая антропоморфного героя, от лица которого ведется повествование, автор показывает мир с иной, отличной от обыденной точки зрения. Примечательно, что мир домовых и котов в рассматриваемых нами романах не является сказочным, черты современной России угадываются благодаря хронотопу, языку (сленг, современная фразеология), прецедентным именам и текстам, в силу чего создается условно-игровой характер современности, а также показан остранный взгляд на нее и на современного человека. Нельзя не отметить популярность таких произведений в читательской среде. Нетипичный герой, особый взгляд на обыденные события, яркий язык — вот что привлекает читателя в такого рода произведениях.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности нарратива в романе «Дневник домового» Евгения ЧеширКо

Жанр дневника диктует особую форму повествования от первого лица, причем пишущий находится и вне текста как его создатель, и внутри него, так как является объектом изображения. Дневник — довольно устойчивая жанровая форма, однако ряд специфических изменений можно наблюдать в зависимости от авторских интенций, поэтому дневник как жанр при единообразии формальных признаков может быть содержательно ва-

риативен. Одним из важнейших формальных признаков жанра дневника является субъективированное повествование, при котором «персонаж-повествователь» не отстранен от изображаемого, является центром произведения, непосредственным действующим лицом [Чернухина, 2007]. К другим формальным признакам дневникового жанра относится ежедневность или периодичность записей о происходящих в жизни событиях. Установка писателя при создании дневника как художественного текста направлена на максимальное дистанцирование автора от персонажа, что дает возможность сложной стилизации и на уровне языка, и при создании художественного мира произведения. «Дневник Домового» построен как нанизывание эпизодов: каждый день ведется запись, которая лишь фиксирует событие (единственно полно — с диалогом и характеристикой действующих лиц — дано описание встречи Домового и Лешего во вставке, или скорее выноске из дневника, написанной от третьего лица), но показывает отношение повествователя к происходящему, дает емкую характеристику участникам.

Записи Домового не содержат чувств или размышлений героя, но становятся своеобразным дневником наблюдения за Хозяйкой, которая панически боится Домового, ее мужем Хахалем, а также ее матерью Зинаидой Захаровной, прозванной Зинедином Зиданом. Именно они являются предметом иронических оценок в «Дневнике», например, комментируются аппетит Зинаиды Захаровны, ее фигура, поступки и характер. Часто именно при описании этого персонажа используется прием «нарушения логических норм» [Дземидок, 1974], при котором логическая связь между объектом и предметом сравнения отсутствует: «Обсуждали с Халком теорию расширяющейся Вселенной. Сошлись на том, что со Вселенной ничего не понятно, а вот теория расширяющейся Зинаиды неоднократно доказана на практике. Причем если Вселенная началась с Большого Взрыва, то Зинаида может им закончиться» [ЧеширКо, 2022, с. 76].

Не менее важными по степени участия в сюжете героями, с которыми Домовой может непосредственно общаться, становятся Кот и Халк, собака той породы, «которым, чтобы шаг сделать, нужно инсульт пережить. Карманный пес!» [ЧеширКо, 2022, с. 17]. Если Халк — философ и интеллектуал, пес-ученый, то Кот, наоборот, простодушен, глуп и потому является еще одним объектом для насмешек: «Сказал коту, что если залезть на обеденный стол, то этим он утвердит свое лидерство в квартире. Тот долго сомневался, но полез. Хозяйка появилась как всегда внезапно. Пролетая мимо меня, он успел обзвать меня говном. Два раза» [ЧеширКо, 2022, с. 15]. Посещает героев дух деда, который не прекращает свою партизанскую войну с немцами. Приходят духи Чуковского и Гоголя: «Зинаида Захаровна примеряла фату и расхаживала по дому. Внезапно появившийся Гоголь сказал, что если бы

панночка выглядела так, то Хома Брут помер бы еще в первую ночь» [ЧеширКо, 2022, с. 82]. В астрале, куда периодически попадает Домовой после разговоров с буддистом Халком, обитает «дядя Толя» Вассерман, который в своей трансцендентальной «внеаходимости» ловит душу хрупкого Халка и «приклеивает» ее к телу. Так в произведении создается мир, не имеющий границ, как временных, так и пространственных.

Функция романов с особым героем-повествователем часто развлекательная, что не могло не отразиться на стилевых особенностях. В романе Е. ЧеширКо такой яркой чертой становится ирония, которая способствует расширенной характеристике героев, помогает продемонстрировать особый взгляд на события: «Всю ночь от нечего делать громко вздыхал в подвале. Пришел Кот, сказал, что Хозяйка мелом нарисовала на полу нолик и сидит в нем с крестиком» [ЧеширКо, 2022, с. 100]. В общей системе средств выражения иронии можно выделить следующие: каламбуры («Проводили инвентаризацию в кладовке. Приходил черт, сломал ногу» [ЧеширКо, 2022, с. 77]), сравнения («Кот выдвинул теорию о том, что человек всегда варит столько пельменей, сколько ему лет. Провели наблюдение. Оказывается, Зинаида Захаровна — Дункан Маклауд» [ЧеширКо, 2022, с. 77]), отсылки к прецедентным феноменам («Приходил участковый. Кот и к нему пристал со своей Бэллой. На мой вопрос, при чем тут он, ответил, что все оборотни знают Бэллу. Даже те, кто в погонах» [ЧеширКо, 2022, с. 76]). Отсылки к прецедентным именам и текстам — довольно частое явление в романе, которое способствует эмоциональному и когнитивному вовлечению читателя, а также определяет временную принадлежность написанного: «Кот почему-то стал называть меня “Домовз”. Что за дурость? Я же не называю его “Котэ”?! Хотя... По-моему, звучит. А Халк теперь собака-умирака» [ЧеширКо, 2022, с. 119]. Как видим, в повествование вводится время, когда мемы «котэ» и «собака-улыбака» были на пике популярности. Так, ироническая детализация и языковая игра становятся способом выражения авторского отношения к действительности. Довольно часто средством создания комического эффекта становится языковая игра, при которой раскрывается возможность трансформации лексем и синтаксических конструкций, благодаря чему рождаются новые смыслы, например, запись 1 июня: «Кот нагадил на лестнице. Сидим, ждем, кто первый наступит. Наступило лето» [ЧеширКо, 2022, с. 77]. Герой-повествователь намеренно заостряет внимание на возможностях изменения традиционного описания мира, его задача как неклассического повествователя смоделировать особый мир, части которого слитны и нерасторжимы, и языковые трансформации способствуют этому моделированию.

Особую роль в формировании повествовательного пространства играет фигура Чешира, который появляется во время встречи Домового и Ле-

шего. Эпизод выбивается из устойчивой повествовательной рамки дневника, представлен как объективированное повествование, именно в нем мелькает фигура Чешира: «Он тут вроде как местный летописец. Особо ни с кем не общается, зато постоянно рот до ушей, хоть завязочки пришей. Мы его не трогаем» [ЧеширКо, 2022, с. 48]. Отметим, что автор под псевдонимом Евгений ЧеширКо публикует в Рунете дневники Лешего, Водяного и Русалки, Кота, сквозные персонажи появляются в разных историях, сам автор как Чешир мелькает на страницах произведений, тем самым задавая некий циклический вектор «Дневников» мифических персонажей.

В целом «Дневник Домового» имеет ряд художественных особенностей: во-первых, в большей степени осуществляется фиксация, чем описание событий, происходящих как с героем, так и с другими персонажами, что не в полной мере свойственно жанру личного дневника, включающего рефлекссию; во-вторых, магическая реальность создается в романе благодаря появлению мифических персонажей, способных оказывать влияние на ноуменальный мир, а также трансформацией пространственно-временных координат, что усложняет художественный мир произведения; в-третьих, сознание мифологического героя-повествователя размывает границы между различными мирами, тем самым снимая онтологическое противоречие между ними; в-четвертых, опора повествования на культурный контекст позволяет говорить о принадлежности субъекта речи современной действительности.

3.2. Особенности нарратива в романе «Домовой» Олега Роя

Нарратив в романе О. Роя «Домовой» построен на совмещении субъективированного повествования, представленного «голосом» рассказчика кота Кузи, и объективированного, при котором повествователь находится над миром персонажей, предоставляет рассказ о событиях с разных точек зрения. Кот-повествователь имеет неполные знания о происходящем, его нарратив ограничен миром квартиры, и потому он описывает события, свидетелем которых непосредственно является либо о которых ему рассказывают. Порой предлагает додумать итог произошедшего: «О том, что было дальше, вы, наверное, прекрасно догадались и без меня. Так что я, с вашего позволения, обойдусь без подробного рассказа о том, как оскандалилась Вика...» [Рой, 2019].

Объективированному повествователю принадлежит описание событий, происходящих вне поля зрения первого повествователя. Он неперсонифицирован, не принадлежит ни миру автора, ни миру персонажей. Он всезнающий, обладает возможностью перемещаться во времени и пространстве. Именно он обладает всей полнотой знаний обо всех остальных персонажах: ризлторе, сделавшем состояние на продаже «нехорошей квар-

тиры», потомственной ведьме маме Фиме и ее сыне Стасе, которые пытались завладеть спрятанным в квартире магическим напитком.

Формально «переход» повествования от одного к другому осуществляется в романе с помощью разделения на главы. Кроме того, кот-повествователь часто определяет себя как основного рассказчика: «Ну, наконец-то мне вновь дали слово! А то я уже начал беспокоиться, что вы забудете, кто настоящий главный герой этой истории» [Рой, 2019].

Роман вбирает черты произведений магического реализма: особая локативно-темпоральная основа художественного мира опирается на сосуществование реальности и инобытия; особые герои, один из которых является мифологическим персонажем — домовым, а другой медиатором, способным взаимодействовать с иным миром, а также объяснять проявления в реальном мире трансцендентных событий. Отметим, что похожую функцию персонажа отмечают и в творчестве Ю. В. Мамлеева [Алпатова, 2019]. При этом интенциональный ракурс произведения таков, что в авторской модальности вполне допустимо появление инобытийных сущностей и магических предметов. Ведьма мама Фима, обладающая вполне реальными способностями находить сына в любой местности, создавать отворот и приворот, изгонять домового, желает увеличить свою силу с помощью волшебного напитка, который хранится в «нехорошей квартире». Домовой, живущий там же, изводит жильцов и имеет власть над материальными предметами, при этом оказывается не только хранителем квартиры, обладателем волшебного напитка, но и спасителем для главной героини (отдал клад, чтобы она смогла оплатить долг, спас от падения с высоты ребенка). Такие трансцендентные интерполяции оказались возможными благодаря коту-рассказчику, который видит Домового и ведет беседы с ним. Мистика, появляющаяся на реалистическом фоне, тем не менее, не создает альтернативную реальность, в которой чудесные факты стали бы неотъемлемой частью художественного мира. Здесь скорее сама реальность допускает возможность появления чудесного в силу того, что со сверхреальным способен контактировать сам повествователь, да и наделение героя словом тоже характеризует его не с позиции «научной картины мира».

Необычный повествователь — кот, а также герой славянской мифологии — домовый заставляют читателя по-новому взглянуть на довольно устойчивую в массовой литературе инвариантную сюжетную схему, изложенную у М. С. Черновской [Черновская, 2013]: героиня находится в состоянии изначальной целостности (выходит замуж и рождает ребенка); теряет эту целостность (развод, отсутствие места жительства, поиски работы); встречает ложного героя (риэлтор — женщина, которая продает ей «нехорошую квартиру»); встречает помощника, хотя не сразу узнает его (домовой изна-

чально пытается вредить героине, но со временем проникается симпатией к ее семье); встреча с истинным героем (сосед), борьба с силами зла, роковыми обстоятельствами (потеря героиней работы, мама Фима и её сын пытаются забрать волшебное средство и чуть не становятся причиной гибели дочери героини), обретение героиней волшебного средства, а также целостности на новом уровне (домовой отдает клад, припрятанный одним из прежних жильцов квартиры, силы зла в лице мамы Фимы побеждены, героиня, наконец, смогла откровенно поговорить с соседом, который ей нравится). Так, героиня, успешно пройдя ряд испытаний, получает и богатство, и личное счастье просто потому, что она добра, принципиальна, трудолюбива и в чем-то самоотверженна. Отличием данного романа от других, разворачивающих ту же сюжетную схему, становится нетрадиционно построенное повествование, сочетающее субъективированный и объективированный типы, причем субъективированное повествование о событиях ведется от лица кота, который одновременно является медиатором между миром домового и миром людей. Именно благодаря повествователю, отличающемуся «незаурядным умом», способному «понимать не только язык кошек, но язык людей и других существ» [Рой, 2019], стало возможным наделение голосом мифологического персонажа, объяснение его поступков, выражение мыслей.

Появление нетипичного повествователя позволяет читателю увидеть героев и их жизнь с другого ракурса, не выносить однозначные суждения о них, обозначить авторские идеалы. Трансляция вечных ценностей в современной жизни — вот задача «мифического» героя. Так, домовый О. Роя мстит всем, кто его «...дом разрушает! Кто привносит с собой в него не тепло и любовь, а всякую грязь — алчность, грубость, хищность, злость, безкультурие...» [Рой, 2019]. Такой герой становится носителем идеалов прошлого, регулирует поведение человека.

Так, особенностями романа О. Роя «Домовой» являются: во-первых, развертывание традиционной сюжетной схемы массовой литературы о становлении героини с «привлечением» особого повествователя; во-вторых, положение героя-повествователя как медиатора между двумя мирами; в-третьих, включение в реальный хронотоп мифологического персонажа, который способен взаимодействовать с физическим миром и влиять на происходящие события. Условность создаваемого мира тем не менее не вызывает сомнений, в силу того, что одним из повествователей является ненадежный нарратор.

4. Заключение = Conclusions

Основным методом изображения в рассмотренных произведениях является вкрапление чудесных событий в реалистическое повествование, что

является главной приметой магического реализма. Но если для произведений магического реализма характерна авторская валентность, при которой текст может быть понят и в реалистическом, и в мистическом ключе, то для рассмотренных произведений описываемые события могут пониматься однозначно: в реальности есть место мистическому, сказочному. Происходит это в силу того, что выбран особый тип повествователя, который либо сам является мистическим существом, либо «настроен» на особую волну и способен воспринимать потустороннее, общаться с представителями иного мира. Именно субъективность точки зрения повествователя обуславливает трансформацию романного пространства и специфику описанного мира. Субъективное изображение превращается в объективную данность, позволяя читателю ощутить иные миры. Точка зрения на происходящее связана и с областью перцепции: читателю предлагается описание мира, в котором реальность не исключает возможности существования сказочного и мифического.

В романах предложен такой способ повествования, в котором миры сверхъестественного и реального сопряжены, встроены друг в друга, но видеть иное способен лишь герой-повествователь, который является ненадежным рассказчиком в силу своей видовой принадлежности, поэтому иррациональная точка зрения на описываемые события предлагается как игровая: верить в существование иного мира стоит только в той степени, в какой читатель считает нужным.

Важно отметить, что язык повествования становится тем культурным кодом, который помогает определить описываемую эпоху. Функция прецедентных феноменов, отмеченных в романах, — поддержание «диалогического» характера отношений повествователь-читатель, поскольку включение в речь повествователя прецедентных элементов является ярким признаком эмоциональной и когнитивной принадлежности субъекта речи к описываемой эпохе, кроме того, распознавание и интерпретация их реципиентом способствуют рождению синкретичного текста [Мисюров, 2021].

Как показывают исследования, именно пространственные характеристики позволяют отнести произведение того или иного автора к определенному течению или художественному методу. В рассматриваемых романах границы между трансцендентным и реальным нет: все явления мистического порядка встраиваются в ноуменальную действительность, без каких-либо оговорок, только в силу того, что повествователь способен воспринимать эти явления. Отсутствие границ приводит к инверсии пространства, размыванию временных границ, что в свою очередь может стать своеобразным механизмом расширения читательского мировидения. Так хронотоп становится опосредующими звеном, вписывая произведения в миромодель магического реализма.

Среди произведений с подобным же героем-повествователем, описывающим мистические события, можно назвать роман Д. Крупской «Мрны», произведения Д. Мамлеева.

Таким образом, в современной массовой литературе наметилась определенная тенденция, предполагающая создание текстов с антропоморфным повествователем, что приводит к сходству нарративных пластов этих произведений и позволяет говорить о наличии в них характерных признаков литературы магического реализма.

Источники

1. *Рой О.* Домовой [Электронный ресурс] / О. Рой. — Москва : Эксмо, 2019. — Режим доступа : <https://www.litres.ru/oleg-roy/domovoy/> (дата обращения 28.08.2022).
2. *ЧеширКо Е.* Дневник Домового / Е. ЧеширКо. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 352 с. — ISBN 978-5-17-095117-8.

Литература

1. *Алпатова Т. А.* «Мамлеевский Кот» : к феноменологии художественного мира писателя / Т. А. Алпатова // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения») : Сборник статей по итогам III Международной научной конференции, Москва, 29—30 июня 2018 года. — Москва : Московский государственный областной университет, 2019. — С. 25—32.
2. *Атарова К. Н.* Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лесскис // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1980. — Т. 39. — № 1. — С. 33—46.
3. *Афанасьева О. М.* Концепт «Кот» в современном медиапространстве (на материале российских СМИ 2000—2020 гг.) / О. М. Афанасьева // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 2 (36). — С. 136—147. — DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10214.
4. *Божкова Г. Н.* Анималистические образы в современной детской прозе / Г. Н. Божкова, И. Г. Шабалина, А. Г. Шайхлисламова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 5 (83). — Часть 1. — С. 13—16. — DOI: d10.30853/filnauki.2018-5-1.2.
5. *Гордеева З. А.* Образ кошки в современной культуре / З. А. Гордеева // Гуманитарные исследования. — 2016. — № 1 (10). — С. 112—114.
6. *Дземидок Б.* О комическом / Б. Дземидок. — Москва : Прогресс, 1974. — 224 с.
7. *Жиндеева Е. А.* Ассоциативно-эмотивное представление образа кота в творчестве Н. Рузанкиной : традиции и новаторство / Е. А. Жиндеева, Ю. И. Щанкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2014. — Т. 16. — № 2 (4). — С. 931—937.
8. *Карпова А. В.* Особенности хронотопа в литературе магического реализма (на примере творчества А. В. Иванова и Д. А. Глуховского) / А. В. Карпова // Казанская наука. — 2022. — № 2. — С. 19—21.
9. *Киселёва М. С.* Кошка как персонификация семейного духа-хранителя в современном русском фольклоре / М. С. Киселёва // Гуманитарные исследования. — 2017. — № 3 (16). — С. 107—110.

10. Кихней Л. Г. Поликультурное или культурно не атрибутированное пространство как воплощение инобытия в современной «мистической прозе» (М. Петросян, В. Пелевин, Л. Наумов) / Л. Г. Кихней // Россия в мире : проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Москва — Пенза, 25—26 марта 2019 года. — Пенза : Пензенский государственный технологический университет, 2019. — С. 46—55.
11. Кондаков И. В. «Кот учёный» в русской и мировой культуре / И. В. Кондаков // Международный журнал исследований культуры. — 2014. — № 4 (17). — С. 125—136.
12. Мисюров Н. Н. Прецедентные феномены романа Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» (типология чтения и процесс «порождения» текста) / Н. Н. Мисюров // Коммуникативные исследования. — 2021. — Т. 8. — № 4. — С. 851—868. — DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).851-868.
13. Мостепанов А. А. Значимость гендерной идентификации персонажей в сказке Р. Киплинга «Кот, который гулял сам по себе» / А. А. Мостепанов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 25 (240). Филология. Искусствоведение. — С. 108—111.
14. Осьмухина О. Ю. Концепция пути в романах «Путь Мури» Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» Хиро Арикавы / О. Ю. Осьмухина, О. С. Сухих // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 316—330. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-316-330.
15. Падучева Е. В. Семантические исследования : семантика нарратива / Е. В. Падучева. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с. — ISBN 5-88766-046-5.
16. Саморуков И. И. Массовая литература : проблема художественной рефлексии : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. И. Саморуков. — Самара, 2006. — 19 с.
17. Тарса Я. Коты Наташи — квинтэссенция интернет-мема / Я. Тарса // Язык. Культура. Коммуникация : изучение и обучение : Материалы IV Международной научно-практической конференции, Орёл, 13 октября 2020 года. — Орёл : Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2020. — С. 70—74.
18. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3 (18). — С. 8—25.
19. Черновская М. С. Опыт нарративного анализа произведений современной массовой литературы / М. С. Черновская // Дискуссия. — 2013. — № 7. — С. 100—104.
20. Чернухина И. Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста : Факторы текстообразования / И. Я. Чернухина. — Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1977. — 207 с.
21. Genette G. Narrative Discourse : An Essay in Method. [Electronic resource] / G. Genette. — Access mode : [https://archive.org/stream/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod_djvu.txt](https://archive.org/stream/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod_djvu.txt) (accessed 12.08.2028).
22. *The Oxford companion to English literature* / ed. by Margaret Drabble. — 6th. — Oxford university press, 2000. — Pp. 629—630. — ISBN 0-19-861453-5.

Material resources

Cheshirko, E. (2022). *Diary of a Brownie*. Moscow: AST Publishing House. 352 p. ISBN 978-5-17-095117-8. (In Russ.).

Roy, O. (2019). *Domovoy*. Moscow: Eksmo. Available at: <https://www.litres.ru/oleg-roy/domovoy/> (accessed 28.08.2022). (In Russ.).

References

- Alpatova, T. A. (2019). “Mamleevsky Cat”: to the phenomenology of the Writer’s artistic world. In: *Verbal Art of the Silver Age and Russian Abroad in the context of the Epoch (“Smirnov Readings”): A collection of articles on the results of the III International Scientific Conference, Moscow, June 29—30, 2018*. Moscow: Moscow State Regional University. 25—32. (In Russ.).
- Atarova, K. N., Leskis, G. A. (1980). Semantics and structure of narration from the third person in fiction. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. A series of literature and language*, 39 (1): 33—46. (In Russ.).
- Afanasyeva, O. M. (2020). The concept of “Cat” in the modern media space (based on the material of the Russian media 2000—2020). *Sign: the problematic field of media education*, 2 (36): 136—147. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10214. (In Russ.).
- Bozhkova, G. N., Shabalina, I. G., Shaikhislamova, A. G. (2018). Animalistic images in modern children’s prose. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 5 (83) / 1: 13—16. DOI: d10.30853/filnauki.2018-5-1.2. (In Russ.).
- Chernukhina, I. Ya. (1977). *An essay on the stylistics of an artistic prose text: Factors of text formation*. Voronezh: Voronezh State University Publishing House. 207 p. (In Russ.).
- Chernovskaya, M. S. (2013). Experience of narrative analysis of works of modern mass literature. *Discussion*, 7: 100—104. (In Russ.).
- Drabble, M. (ed.). *The Oxford companion to English literature. 6th*. Oxford university press. 629—630. ISBN 0-19-861453-5.
- Dzemidok, B. (1974). *About the comic*. Moscow: Progress. 224 p. (In Russ.).
- Genette, G. *Narrative Discourse: An Essay in Method*. Available at: https://archive.org/stream/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod/NarrativeDiscourseAnEssayInMethod_djvu.txt (accessed 12.08.2028).
- Gordeeva, Z. A. (2016). The image of a cat in modern culture. *Humanitarian studies*, 1 (10): 112—114. (In Russ.).
- Karpova, A. V. (2022). Features of the chronotope in the literature of magical realism (on the example of the work of A. V. Ivanov and D. A. Glukhovsky). *Kazan Science*, 2: 19—21. (In Russ.).
- Kihney, L. G. (2019). Multicultural or culturally unattributed space as the embodiment of otherness in modern “mystical prose” (M. Petrosyan, V. Pelevin, L. Naumov). In: *Russia in the world: problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social sphere: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Moscow — Penza, March 25—26, 2019*. Penza: Penza State Technological University. 46—55. (In Russ.).
- Kiseleva, M. S. (2017). The cat as the personification of the family guardian spirit in modern Russian folklore. *Humanitarian studies*, 3 (16): 107—110. (In Russ.).
- Kondakov, I. V. (2014). “The cat scientist” in Russian and world culture. *International Journal of Cultural Studies*, 4 (17): 125—136. (In Russ.).
- Misyurov, N. N. (2021). Precedent phenomena of E. T. A. Hoffman’s novel “Everyday views of the cat Murr” (typology of reading and the process of “generation” of the text). *Communicative research*, 8 (4): 851—868. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).851-868. (In Russ.).

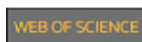
- Mostepanov, A. A. (2011). The significance of gender identification of characters in R. Kipling's fairy tale "The Cat who walked by himself". *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 25 (240). *Philology. Art Criticism*: 108—111. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Yu., Sukhikh, O. S. (2022). Concept of Path in Novels "The Way of Muri" by Ilya Boyashov and "Chronicles of a Stray Cat" by Hiro Arikawa. *Nauchnyi dialog*, 11 (2): 316—330. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-316-330. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1996). *Semantic research: semantics of narrative*. Moscow: Languages of Russian culture. 464 p. ISBN 5-88766-046-5. (In Russ.).
- Samorukov, I. I. (2006). *Mass literature: the problem of artistic reflection*. Author's abstract of PhD Diss. Samara. 19 p. (In Russ.).
- Tarsa, Ya. (2020). Natasha's cats are the quintessence of an Internet meme. In: *Language. Culture. Communication: Study and training: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Orel, October 13, 2020*. Orel: I. S. Turgenev Oryol State University. 70—74. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2011). Narrative strategy of the novel. *New Philological Bulletin*, 3 (18): 8—25. (In Russ.).
- Zhindeeva, E. A., Shchankina, Yu. I. (2014). Associative-emotive representation of the image of a cat in the work of N. Ruzankina: traditions and innovation. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 16 / 2 (4): 931—937. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.08.2022,
одобрена после рецензирования 19.09.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.

Чарина О. И. Традиционные исторические песни русских старожиллов Якутии : варианты песни о графе Чернышеве / О. И. Чарина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 318—333. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-318-333.

Charina, O. I. (2022). Traditional Historical Songs of Russian Old-Timers of Yakutia: Versions of Song about Count Chernyshev. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 318-333. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-318-333. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-318-333

**Традиционные
исторические песни
русских старожиллов
Якутии:
варианты песни
о графе Чернышеве**

Чарина Ольга Иосифовна
orcid.org/0000-0002-9705-6806
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
ochar@list.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

**Traditional Historical Songs
of Russian Old-Timers
of Yakutia:
Versions of the Song
about Count Chernyshev**

Olga I. Charina
orcid.org/0000-0002-9705-6806
PhD in Philology, Associate Professor,
Senior Research
ochar@list.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Чарина О. И., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности вариантов песни о пленении графа Захара Григорьевича Чернышева в репертуаре старожиллов Северо-Востока Якутии. Материалом для исследования послужили тексты песен, зафиксированные на Индигирке и Колыме. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время локальные фольклорные тексты изучаются в аспекте определения степени традиционности сюжета. Применяются методы, которые помогают уточнить особенности фольклорного текста: описательный, сравнительно-сопоставительный метод, некоторые приемы лексико-семантического анализа. Установлено, что русскоустыинский и колымские варианты песни имеют сходство в образах, подходе к теме, развитию сюжета. Отмечается, что в них по сравнению с другими историческими песнями, которые бытовали на Индигирке и Колыме, практически не заметно влияние якутского языка. Показано, что в Русском Устье важна была преемственность, точное исполнение усвоенного текста, а на Колыме, по-видимому, допускались изменения в тексте. Автор приходит к выводу о неслучайности трансформации лейтмотива песни от первых записей, где герой попадает в прусский плен и тема воли звучит как основная, до последних зафиксированных вариантов, где говорится о том, что граф Чернышев готов послужить «царю белому», и тема воли завуалирована.

Ключевые слова:

исторические песни; русский фольклор Якутии; традиции; варианты; сюжет, образы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the characteristics of the song versions devoted to the capture of the count Zakhar Chernyshev in the repertoire of the old-timers living in north-eastern Yakutia. The data include the texts of the songs recorded on the Indigirka and the Kolyma. The relevance of the study is due to the following: nowadays the local folklore texts are being studied to define the degree of traditionalism of the plot. The implemented methods such as a descriptive method, a comparative method and some methods of lexicosemantic analysis help to reveal the features of the folklore text. It has been established that the version accepted in Russkoye Ustye and the Kolyma version of the song are similar in images, approaches to the theme and the development of the plot. It is noted that the influence of the Yakut language on these songs is hardly noticeable, in comparison with other historical songs that existed on the Indigirka and the Kolyma. It is shown that continuity and the exact execution of the learned text were important in Russkoye Ustye, whereas changes in the text might have been allowed on the Kolyma. The author comes to the conclusion that there is no accident in the transformation of the leitmotif of the song from the first records, where the character is captured by the Prussians and the theme of will is the main one, to the last recorded versions, in which count Chernyshev is ready to serve the "White Tsar" and the theme of will is hidden.

Key words:

historical songs; Russian folklore of Yakutia; traditions; versions; plot; images.

Традиционные исторические песни русских старожилов Якутии: варианты песни о графе Чернышеве

© Чарина О. И., 2022

1. Введение = Introduction

Освоение северных территорий Российского государства начинается с XVII века. Русские первопроходцы активно вступали в языковые и культурные контакты. Были основаны поселения в устьях рек Колымы и Индигирки, где поселились русские арктические старожилы — походчане и русскоустыинцы.

Нам важно замечание В. В. Головина, который, рассматривая различные поселения и их фольклорные традиции, считает, что условия, влияющие на фольклор анклава, различны: «В одних случаях мы фиксируем не только жизнь традиции, но и ее развитие (у некоторых старообрядцев), в других — сохранность ее, возможно, более сильную, чем на исторической родине (Русское Устье на Индигирке), в-третьих — ее сходство с «материнской» (русские в Финляндии), в-четвертых — наличие процесса свертывания..., а иногда и утрачивания традиции, в-пятых, мы видим только редкие следы былых русских традиций в местном иноэтническом фольклоре (сахалыры Средней Лены)» [Головин, 1995, с. 17].

В настоящее время локальные фольклорные тексты активно изучаются, с тем чтобы определить степень традиционности сюжета или уточнить характер локальной специфики фольклорных материалов.

Исторические песни и былины записывались во время работы экспедиций Института языка и культуры при Совнаркоме ЯАССР в 1946 году.

Целью настоящей работы является изучение вариантов исторической песни о пленении графа Захара Григорьевича Чернышева в репертуаре старожилов Северо-Востока Якутии. Для анализа выбраны сюжеты, зафиксированные в двух местах бытования: в селе Русское Устье на Индигирке и в нескольких поселениях на Колыме.

Работа продолжает исследование, связанное с уточнением репертуара, жанровых и стилевых особенностей, отличающих эпическую поэзию Северо-Востока Якутии, зафиксированную в XIX—XX веках. Такое исследование проводится, в частности, в статье «Некоторые особенности русской локальной традиции Якутии: исторические песни о Скопине» [Чарина, 2022, с. 116—122].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В своем исследовании мы опирались на труды отечественных ученых. Так, основными для нас являются исследования В. Я. Проппа [Пропп, 1969], Б. Н. Путилова [Путилов, 1960, с. 15—22] и др.

2.1. Общие исследования по русскому фольклору Северо-Востока Якутии

Примерно с XVII века село Русское Устье на Северо-Востоке Якутии становится местом длительного бытования традиционной русской духовной культуры, поскольку обособленная жизнь русскоустыинцев долгое время оставалась нетронутым самобытным явлением в окружении других этносов.

В научной литературе довольно подробно сообщается о времени записи былин на Индигирке, указываются имена собирателей. Так, фиксации фольклора на Индигирке в конце XIX — начале XX веков осуществляли В. М. Зензинов, Н. Д., Д. Д. Травины, М. А. Кротов, А. Л. Биркенгоф [РЭП, 1991, с. 9—12].

С. Н. Азбелев изучал былины и исторические песни Русского Устья и Колымы [Азбелев, 1982; ФРУ, 1986, с. 24—29]. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская собрали и опубликовали эпические произведения русских Северо-Востока Сибири [РЭП, 1991, с. 23—37; 48—56]. Для исследования исторических песен привлекалась работа А. Г. Игумнова «Поэтика русской исторической песни», где автор исследовал исторические песни с точки зрения общности фабульно-сюжетных основ [Игумнов, 2007, с. 130—154]. Важным является исследование Ю. А. Новикова, где он сравнивает былинные сюжеты на Русском Севере и на Индигирке [Новиков, 2013, с. 327—331].

О влиянии аборигенной культуры на традиции русской культуры русскоустыинцев пишут В. Л. Кляус, С. В. Супряга [Кляус, 2006, с. 3—17]. Так, Т. С. Шенталинская, изучавшая музыкальный фольклорный материал Северо-Востока Сибири, говорила о том, что видит не только северорусское влияние, но и родство с донской былинной [РЭП, 1991, с. 53—54].

Музыкаловедские исследования по русскому фольклору, записанному В. Г. Богоразом, В. И. Иохельсоном, в последнее время проводят Т. С. Шенталинская, Е. И. Якубовская, А. С. Яковлева [Шенталинская, 2016, с. 498—531; Якубовская, 2008, с. 181—246; Яковлева, 2022, с. 128—136].

Если обратиться к уточнению вопроса о том, какова роль сотрудников Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в изучении данной тематики, то можно вспомнить работу в экспедициях С. И. Боло, Т. А. Шуба, Н. М. Алексеева в 1940-е годы XX века.

Также в 1977 году в ходе подготовки академического издания «Фольклор Русского Устья» проводилась большая совместная экспедиция Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, участниками которой были сотрудники обоих институтов: С. Н. Азбелев, Ю. Н. Дьяконова [ФРУ, 1986, с. 13].

Позднее Л. Н. Скрыбыкина рассматривала особенности бытования былин русского населения Северо-Востока Сибири [Скрыбыкина, 1995].

В 2001, 2005, 2013 годах сотрудники Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в рамках совместных экспедиций побывали в Походске и селе Русское Устье.

Мы опираемся на описательный, сравнительно-сопоставительный метод, некоторые приемы лексико-семантического анализа.

Источниковой базой послужили сборники текстов «Фольклор Русского Устья» (1986), «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (1991), где представлены основные публикации исторических песен русских старожилов Севера Якутии [ФРУ, 1986; РЭП, 1991].

Материалом исследования стали произведения эпического фольклора, собранные во время работы Сибиряковской экспедиции конца XIX века. На Колыме Д. И. Меликов, В. Г. Богораз зафиксировали по одной песне о Чернышеве. В период работы этнографо-лингвистической экспедиции 1946 года в с. Русское Устье Н. А. Габышев записал песню от С. П. Киселева [РЭП, 1991, с. 354]. В Нижнеколымске записаны варианты от М. Г. Решетникова с разницей в несколько лет, вначале С. А. Федосеевой в 1959 году, затем — Т. А. Селюковой в 1961 году [Там же, с. 354—355].

Таким образом, всего в Якутии записано несколько вариантов песни «Чернышев в плену»: на Колыме — 4 текста в XIX—XX веках; на Индигирке в XX веке зафиксирован 1 вариант.

Благодаря этим записям мы можем провести не только синхронный, но и диахронный анализ вариантов данной песни. Рассмотрим особенности бытования исторической песни о графе Чернышеве. В целом сюжет довольно распространен по всей России, но некоторые особенности характеризуют каждый очаг бытования данной песни.

По сравнению с другими историческими песнями произведение о графе Чернышеве отличается тем, что оно довольно хорошо сохранялось и в Русском Устье, и на нижней Колыме до середины XX века.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Исследуем небольшой массив текстов песни о пленении графа Захара Григорьевича Чернышева (5 вариантов). Для этого будет определен характер

расселения русских старожилов на Индигирке и Колыме; также рассмотрим общий сюжет песни; варианты песни, зафиксированные на Индигирке и Колыме; уточним связь исторической песни с былинной; уделим внимание построению песни, образам песни; выясним характер утраты текстов песни.

3.1. Краткая история заселения Северо-Востока Якутии: Походска Нижнеколымского района; Русского Устья Аллаховского района

Для определения сюжетных особенностей песни «Чернышев в плену у прусского короля», неоднократно записанной на Северо-Востоке Якутии, уточним места бытования русского фольклора на Индигирке и Колыме.

Долгое время в низовьях Индигирки и Колымы продолжали рассказы-былины, и сейчас можно услышать сказки, предания, легенды, былички, устные рассказы. В районе Нижней Индигирки, как отмечено в сборнике «Фольклор Русского Устья», русские обосновались «не позднее первой половины XVII века»: «Русское население проживало почти изолированно <...>. Время от времени оно все же пополнялось новыми выходцами из Европейской России, прибывавшими сюда различными путями и приносившими новые произведения устной поэзии» [ФРУ, 1986, с. 6].

Низовья реки Колымы стали осваиваться русскими примерно в середине XVII века. Так, например, Ю. И. Смирнов писал: «Поречье Колымы заселялось русскими почти одновременно с нижней Индигиркой, хотя состав русского населения на ней менялся чаще, чем на Колыме» [РЭП, 1991, с. 32]. Е. А. Строгова пишет, что «в течение второй половины XVII — начала XVIII веков в низовьях Колымы из осевших здесь промышленников и служилых стала складываться группа населения, считавшаяся нижнеколымскими мещанами, но ведущая образ жизни рыбаков и охотников» [Строгова, 2014, с. 145].

Сбор русского фольклора в Походске и Среднеколымске связан с работой Сибиряковской экспедиции в 1890-е годы. Так, в 1893 году Д. И. Меликов, прокурор Якутской области, в рамках работы Сибиряковской экспедиции в Среднеколымске записал несколько былин и песен, в том числе историческую песню «Ах, ты, талан мой, таланчик» о Чернышеве [Чарина, 2013, с. 424]. В. Г. Богораз также фиксировал тексты русского фольклора в Походске в годы ссылки в 1895—1896 годах, например, былинные песни, главные герои которых — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Дюк Степанович» и др. [РЭП, 1991, с. 81—83, 92—94, 103—104, 106]. Также он записал песню «Ах ты воля, моя волюшка» [Богораз, 1901, с. 289—290], тоже посвященную интересующему нас сюжету.

Помимо указанных зачинов, названиями песни о Чернышеве служат также следующие: «Чернышев в плену» [ИП, 2001, с. 225—228], «Песня о пленении Чернышева», «Чернышев в светлице» [РЭП, 1991, с. 355].

3.2. Основной сюжет исторической песни «Граф Чернышев»

Наиболее полный вариант песни о графе Чернышеве приводится в сборнике «Исторические песни», где текст насчитывает 95 стихов. В этом варианте сообщается, что в «светлице» погуливает *посидельщик* — Чернышев Захар Григорьевич. Король прусской требует от него службы. В ответ Чернышев сообщает о желании отомстить. Далее Чернышев собирается писать письмо «великой государыне», но в этот момент «артиллерия подкатила». Король прусской срочно освобождает графа Чернышева, «просит замиренница». Но граф Чернышев уверяет:

Мы возьмем его Крестин-город,

Разобьем крестински крепости! [ИП, 2001, с. 225—228].

Иначе развивается повествование в варианте «Ты талан ли мой худой» [СНПК, 1977, с. 110], в концовке которого появляется

Русская армия царя белого,

Царя белого Петра Первого [Там же].

Таким образом, граф Чернышев спасается от неминуемой смерти.

Вариант «Ах ты воля, моя волюшка», зафиксированный В. Г. Богоразом, отличается тем, что составлен из текста, записанного от М. Кривогорницына, и вставок, услышанных от М. Соковикова и других неизвестных лиц [Богораз, 1901, с. 170]. Текст насчитывает 35 стихов [Там же, с. 289—290].

Следующий вариант «Ах, талан, ты мой таланчик» записан в Среднеколымске от неизвестного лица, насчитывает 35 стихов. Этот вариант наиболее последователен в изложении: Чернышев сетует на то, что оказался в темнице, прусской король требует «веры-правды» от Чернышева.

Тут воскликнул российский граф:

«Ах, ты воля моя, волюшка!

Прилучился бы мне добрый конь,

Солучилась бы мне сабля острая,

Послужил бы я тебе, прусский король

Над тобой, над шеей над немецкою,

Над твоей башкой басурманскою» [Чарина, 2013, с. 434—435].

Вариант, записанный на Индигирке в 1946 году, начинается со слов:

Ох, талан мой, участь горькая,

На роду мне написано [РЭП, 1991, с. 354].

Данный вариант включает 29 стихов. С. П. Киселев, исполнивший этот текст, являлся представителем семьи сказочников и песенников. Как известно, русскоустыинские исполнители фольклора старались ничего не менять в тексте былин, исторических песен, сказок. Замечаются небольшие изменения, связанные с неточным именованьем графа Чернышева — Чер-

ношлев [Там же]. Следует указать, что Семен Петрович Киселев вставлял якутские слова в сказки и некоторые песни [ФРУ, 1986, с. 88; РЭП, 1991, с. 328]. Возможно, *Черношлев* — модификация фамилии, возникшая под влиянием якутского произношения этой фамилии.

3.3. Связь исторической песни «Чернышев в темнице» с былинной традицией

О связи былин и исторических песен в их сюжетах, подаче героя, напеве говорят многие исследователи. Так, вслед за Б. Н. Путиловым А. Г. Игумнов указывает, что механизмы наследования сюжетов, образов, тем обеспечивают их воспроизведение в более поздних текстах о новых героях [Игумнов, 2008, с. 230].

*Отмыкает он скоренько погреб да холодный
Да подходит ко решеткам ко железным;
Растворил он решетки да железные,
Да там старый казак да Илья Муромец* [Б, 1988, с. 123].

Мы видим, что в былине обстоятельно повествуется о нахождении в темнице Ильи Муромца.

В исторической песне о полонении Пожарского есть следующие строки:
*Повели же Пожарского ко тому князю крымскому,
Еще стал его крымский князь много спрашивать:
«Ты скажи мне, молодец, всюю верою-правдою,
Послужи ты мне, молодец, как служил царю белому
Как служил царю белому, царю Ивану Васильевичу?»* [СНПК, 1977, с. 91].

Далее следуют строки, в которых реализуется мотив мечтаний Пожарского о том, как бы он расправился с крымским ханом.

Сюжет о нахождении в плену Ермака, Пожарского повторяется в песне о графе Чернышеве [ИП, 2001, с. 79—83; СПК, 1977, с. 91—92].

3.3.1. Былинные мотивы в исторической песне

Хотя песня «О пленении графа Чернышева» и небольшая, но она выдержана в традициях построения былины как крупного жанра. Здесь встречаются образы, темы, мотивы, языковые средства, характерные для былин и ранних исторических песен, ср. обращение в речи Захара Григорьевича Чернышева:

Ах ты гой еси, прущой король! [Богораз, 1901, с. 289].
Ох ти гой еси, прусский король [РЭП, 1991, с. 354].

Ср. варианты зачинов-обращений в речи этого персонажа: *Ах ты гой еси, прусской король!* [ИП 19991, с. 227], *Гой еси ты, шведской король* [СНПК, 1977, с. 111].

Конечно, длинных, обязательных описаний угощения гостей, седлания коня, оружия богатыря, замедлявших повествование былин, уже нет

в исторических песнях. Герой произведения — историческая личность, он ходит, действует, говорит, как былинный герой:

*Прикажи меня жить-кормить,
Прикажи на волю выпустить,
Не прикажешь ты поить-кормить,
Прикажи меня скорей казнить* [Чарина, 2013, с. 434].

Приведем описание угощения Дюка Степановича, прибывшего «в стольный Киев-град»:

*Принимают Дюка с честью, с радостью,
Посадили Дюка во перед за стол,
Подносили ему по румочки, —
Он румку принял, назад выплюнул,
Подносили Дюку по калачику* [РЭП, 1991, с. 107].

Отрывок из былины о Дюке Степановиче исполнил М. Сокоиков, записал В. Г. Богораз в 1897 году.

Эти записи можно сопоставить с фрагментом исторической песни о Ермаке в плену у татар:

*А ты гой еси, турецкий царь
Салтан Салтанович!
Прикажи ты меня поить, кормить,
Либо казнить, либо на волю пустить!* [ИП, 2001, с. 80].

Жанровую специфику имеет предметный мир былины.

И былинные герои, и герои исторических песен не могут обойтись без «острой сабли»:

*Ты бери моего военного коня,
Ты бери мою саблю вострую* [РЭП, 1991, с. 132].

Этот эпизод из былины о Даниле Игнатьевиче и его сыне Михайле исполнил К. Рожин, записал В. М. Зензинов в 1912 году в Русском Устье. Ср. еще описание атрибутов воина в песне: *Случилась бу сабля вострая* [Богораз, 1901, с. 290]. В былине о Потопе Михайловиче, исполненной на Колыме М. Сокоиковым, записанной В. Г. Богоразом, видим: *Поимал он свою саблю, саблю вострую* [РЭП, 1991, с. 130]. Ср. описание действий другого богатыря, Данилушки Игнатьевича: *Не берет он в руки саблю вострую* (запись 1946 года Н. А. Габышева от С. П. Киселева) [Там же, с. 141].

Займствование деталей предметного мира из былинного текста имеет место в варианте изучаемой нами исторической песни, зафиксированном в 1959 году от М. Г. Решетникова:

*В опоясочку серебряной,
А перчатки-то лайковые*

Шапку носит землегреческую [РЭП, 1991, с. 354].

Здесь заметна связь с былиной о Добрыне и змее, бытовавшей на Колыме и Индигирке. В памяти исполнителя всплывает мотив «шапки / шляпы землегреческой».

«В былине матушка напутствует Добрыню Никитича:

Не скидывай со себя шляпу черную,

Насытай ты шляпу черную хрущата песка» [РЭП, 1991, с. 74].

В концовке песни Чернышев сетует на то, что у него отсутствует добрый конь: *Прилучился бы мне добрый конь* [Чарина, 2013, с. 435]; *Кабы мне вороного коня* [РЭП, 1991, с. 354—355].

Как можно видеть, песни о графе Чернышеве наследуют некоторые приемы и средства создания образов из былинной традиции.

3.4. Построение исторической песни «Чернышев в темнице»

Наиболее популярен зачин песни «Ах талан, ты мой таланчик», включающий слова *талан / таланчик* в значении ‘судьба’:

Ты талан ли мой худой,

Или участь моя горькая [СНПК, 1977, с. 110].

Ах ты воля, моя волюшка,

Довела воля до горушка!..

Участь злая, участь горькая,

На роду мене написана

[Богораз, 1901, с. 289—290].

Песня фиксировалась в тех же местах, что и вариант Меликова, однако у него зачин иной, со словами *волюшка, участь злая, участь горькая* [Там же].

В русскоустыинском варианте говорится о том, что граф *Черношлев* находится в «светлой шветлице» [РЭП, 1991, с. 354]. В колымских вариантах граф также описан пребывающим «в светлице» [Богораз, 1901, с. 289; Чарина, 2013, с. 434].

Развитие сюжета данной песни в целом традиционное: граф, содержащийся в плену у короля прусского, «по светлице похаживает»; король требует послужить ему «верой-правдою», но слышит в ответ гордый ответ графа:

Ох, кабы мне саблю вострую

Да послужил бы тебе неизменною

По твоей татарской шеечке [РЭП, 1991, с. 355].

Таким образом, концовка исторической песни традиционная, хотя и усеченная (нет появления русского царя), она сохранена во многих вариантах песни.

3.5. Образы песни «Чернышев в темнице»

Главным персонажем песни, безусловно, является Чернышев. Подчеркивается смелость графа, проявляющаяся, например, в его разговоре с прусским королем:

Как возговорил российский князь

Самому ли королю прущокому [СНПК, 1977, с. 110].

Тут с проговоркою к нему да российский граф [Чарина, 2013, с. 432].

В Русском Устье, по-видимому, бытовал тот вариант, который фиксировался в Походске или Нижнеколымске.

Второй по значимости персонаж песни — прусский король [Чарина, 2013, с. 432]. Он именуется следующим образом: «прусский король» [Чарина, 2013, с. 432]; «пруцкой король» [Богораз, 1901, с. 289], «король прусской» [РЭП, 1991, с. 354], «король» [РЭП, 1991, с. 355]. Это антагонист главного героя. На требование графа «прикажи меня жить-кормить» он отвечает:

Прикажу тебя кормить-поить,

Прикажу тебя на волю выпустить,

Послужи за то мне верой-правдою,

Верой-правдою неизменною,

Как служил ты царю белому [Чарина, 2013, с. 432].

В некоторых вариантах песни вместе с королем появляется «королевна» [Богораз, 1901, с. 289].

Наконец, в качестве персонажа заднего плана выступает «царь белый» [Чарина, 2013, с. 434; РЭП, 1991, с. 355]. Роль его значительна, так как он олицетворяет собой родину, волю, доблесть.

3.6. Место действия исторической песни «Чернышев в плену»

Охарактеризуем место действия. В этой песне есть точное обозначение страны, города, дается прямое упоминание шведского (прусского) короля. Действие происходит «во *Кестриме*» — в городе, где находится в плену граф Чернышев. В записи Меликова: «Доставался мне *Кестрим-город*» [Чарина, 2013, с. 434.]. У Богораза название городка — «*Кыстрим*» [Богораз, 1991, с. 289]. В русскоустьинском варианте действие происходит в «*Иструм-городе*» [РЭП, 1991, с. 354].

Однако в ряде вариантов песни изменено место действия, им становится татарский плен, ср. маркеры в текстах: *шея татарская поганая* [Богораз, 1901, с. 290], *татарская шеечка* [РЭП, 1991, с. 355]; *татары-басурманы* [РЭП, 1991, с. 355].

3.7. Изменения и утрата произведения

Уже в ранней записи песни, в варианте, зафиксированном В. Г. Богоразом, главный герой назван искаженным именем: *Чернышев Егор Захарьевич*

[Богораз, 1901, с. 289]. Вероятно, песня исполнялась редко, отсюда происходит инверсия: изменена последовательность имени и отчества персонажа.

Если сравнить тексты песни, записанные в 1893—1897 годах, с двумя текстами, зафиксированными от М. Г. Решетникова в 1959 и 1961 годах, то заметны значительные изменения в композиции и составе персонажей: героев и врагов. Два варианта песни о Чернышеве фиксировались от одного исполнителя на Колыме, первый текст насчитывает 29 стихов, второй — 24 стиха. Здесь нет зачина, главный герой (*Черницов*) страдает «в светлице», он жаждет расправиться с врагом саблей вострой по «татарской шеечке» [РЭП, 1991, с. 354—355]. Также в записи С. А. Фетисовой и Т. А. Селюковой отсутствует упоминание о городе. Герой сразу оказывается в «татарском плену», «в светлице» [РЭП, 1991, с. 355—356]. Далее сюжет развивается в этом направлении: «татары-басурманы», «татарские полки» [Там же].

Следовательно, в Якутии существовали два основных варианта песни о пленении графа Чернышева, которые расходятся в определении образа врага главного героя — либо прусский (шведский) король, либо татарский хан.

В вариантах XX века, записанных от М. Г. Решетникова, обращает на себя внимание отсутствие зачина.

В первый вариант песни исполнитель привносит знакомые стихи:

Носит он сапожки—то зелен сафьян,

Носит сабельку серебряную

В опоясочку серебряной,

А перчаточки—то лайковые

Шапочку носит землегреческую,

И трубочку покуривает пенковую [РЭП, 1991, с. 354].

Одежда героя описывается схоже с одеянием Ставра Годиновича [РЭП, 1991, с. 244] или Скопина [Чарина, 2013, с. 424].

Здесь, безусловно, наблюдается конфликт с песенной действительностью в повествовании: Черницов находится в плену, он должен быть обездороженным, а в концовке произведения — мечтать о «сабле вострой» для того, чтобы отомстить «басурманам» [Там же].

Второй вариант «Черницов в светлице» в исполнении М. Г. Решетникова значительно короче, но тоже присутствует диалог, и здесь это диалог татарина-басурманина и Черницова. По-видимому, певцу не важно, кто враг; важнее центральный персонаж песни.

В варианте песни, зафиксированном В. Г. Богоразом, *вороной конь* заменен на формулу *лошадь добрая* [Богораз, 1901, с. 290]. Вероятно, в этом случае распаду подвергся образ былинного коня, поскольку на Северо-Востоке Якутии о конях / лошадях знали, но видели их не часто. В записях

песни, сделанных в других местах России, встречается формула: «*Кабы у меня был добрый конь!*» [СНПК, 1977, с. 111].

4. Заключение = Introduction

Историческая песня «Чернышев в плену» фиксировалась с конца XIX века до середины XX века и на Индигирке, и на Колыме. Существовало несколько вариантов песни, заимствования внедрялись из разных мест прежнего бытования — от вологодских вариантов до Алтая, где зафиксирован сходный вариант песни [РЭП, 1991, с. 445].

Заметим, что в сборнике «Древние российские стихотворения, собранные Киршено Даниловым» не встречается сюжет исследуемой песни.

По сравнению с другими историческими песнями, бытовавшими на Индигирке и Колыме, например песнями о Скопине, в песне о графе Чернышеве практически нет влияния якутского языка. Определяющими факторами были исполнитель и место бытования текста.

Сегодня можно говорить о постепенной утрате данной песни и ее исчезновении из репертуара русских старожилов во второй половине XX века.

Источники и принятые сокращения

1. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. АН, 1901. — Т. 68. — № 4. — 346 с.

2. Б — *Былины* / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. — Москва : Советская Россия, 1988. — Библиотека русского фольклора. — Т. 1. Библиотека русского фольклора. — 576 с.

3. ИП — *Исторические песни* / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. — Москва : Русская книга, 2001. — Библиотека русского фольклора. — Т. 7. — 528 с. — ISBN 5-268-00784-X.

4. РЭП — *Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока* / Сост. Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. — 499 с.

5. СНПК — *Собрание народных песен* П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подгот. текстов к печати, ст. и коммент. А. Д. Соимонова. — Ленинград : Наука, 1977. — Т. 1. — 308 с.

6. ФРУ — *Фольклор Русского Устья* / Ответ. ред. С. Н. Азбелев, И. А. Мещерский. — Ленинград : Наука, 1986. — 384 с.

7. Чарина О. И. Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. / О. И. Чарина // Из истории русской фольклористики. — Санкт-Петербург : Наука, 2013. — Выпуск 8. — С. 110—114.

Литература

1. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика / С. Н. Азбелев. — Ленинград : Наука, 1982. — 327 с.

2. Головин В. В. Фольклор русских в иноэтническом окружении / В. В. Головин // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 1995. — Выпуск 6. — С. 14—23. — ISBN 5-86132-018-7.
3. Игумнов А. Г. Поэтика русской исторической песни / А. Г. Игумнов. — Новосибирск : Наука, 2007. — 252 с. — ISBN 978-5-02-032394-0.
4. Кляус В. Л. Песенный фольклор русскоустинцев в Якутии и семейских Забайкалья. Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении / В. Л. Кляус, С. В. Супруга. — Курск : Издательство Регионального открытого социального института, 2006. — 213 с. — ISBN 5-88995-093-2.
5. Новиков Ю. А. Эпический мир и способы его художественного воплощения / Ю. А. Новиков. — Вильнюс : Издательство Литовского эдукологического университета «Эдукология», 2013. — 358 с. — ISBN 978-9955-20-883-9.
6. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Наука, 1969. — 168 с.
7. Путилов Б. Н. Исторические песни XIII—XVI веков / Б. Н. Путилов, В. М. Добровольский. — Москва ; Ленинград : Наука, 1960. — 696 с.
8. Путилов Б. Н. Фольклорный процесс и этническая история Сибири и Дальнего Востока / Б. Н. Путилов // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск : Алтайское книжное издательство, 1986. — С. 15—22.
9. Скрыбыкина Л. Н. Былины русского населения северо-востока Сибири / Л. Н. Скрыбыкина. — Новосибирск : Наука, 1995. — 364 с. — ISBN 5-02-030760-2.
10. Смирнов Ю. И. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. — С. 9—48. — ISBN 5-02-029729-1.
11. Строгова Е. А. Истоки культурной традиции русских старожилow Нижней Колымы / Е. А. Строгова // Арктика и Север. — 2014. — № 16. — С. 144—152.
12. Чарина О. И. Некоторые особенности русской локальной традиции Якутии : исторические песни о Скопине / О. И. Чарина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. — Серия 2 : Искусствоведение и филологические науки. — 2022. — № 2. — С. 116—122. — DOI: 10.46418/2079-8202-2022-2-16.
13. Шенталинская Т. С. Еще раз о записях русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедицией : диалог с Е. И. Якубовской / Т. С. Шенталинская // Русский фольклор. Материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2016. — Т. 35. — С. 498—531. — ISBN 9785860078260.
14. Шенталинская Т. С. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Т. С. Шенталинская ; Сост. Ю. И. Смирнов. — Новосибирск : Наука, 1991. — Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. — С. 48—56. — ISBN 5-02-029729-1.
15. Шуб Т. А. Исторические песни из Русского Устья / Т. А. Шуб // Русский фольклор : материалы и исследования : в 36 томах. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1958. — Т. III. — С. 361—368.
16. Якубовская Е. И. Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона / Е. И. Якубовская // Русский фольклор. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. 33. — С. 181—246. — ISBN 978-5-02-025209-7.
17. Яковлева А. С. Этномузыкальные традиции фольклора русских старожилow Северо-Востока Сибири как объект исследования / А. С. Яковлева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2022. — № 1. — С. 128—136. — DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.012.

Material resources

- Bogoraz, V. G. (1901). *Regional dictionary of Kolyma Russian dialect*, 68 (4). St. Petersburg: Type. Imp. AN. 346 p. (In Russ.).
- Charina, O. I. (2013). Folklore recordings made by D. I. Melikov in the Nizhnekolymsky Krai in 1893. In: *From the history of Russian folklore*, 8. St. Petersburg: Nauka. 110—114. (In Russ.).
- Collection of folk songs by P. V. Kireevsky. Language records in Simbirsk and Orenburg provinces*, 1. (1977). Leningrad: Nauka. 308 p. (In Russ.).
- Epics*, 1. *Library of Russian Folklore*. (1988). Moscow: Soviet Russia. 576 p. (In Russ.).
- Folklore of the Russian Mouth*. (1986). Leningrad: Nauka. 384 p. (In Russ.).
- Historical songs*, 7. *Library of Russian Folklore*. (2001). Moscow: Russian Book. 528 p. ISBN 5-268-00784-X. (In Russ.).
- Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. (1991). Novosibirsk: Nauka. 499 p. (In Russ.).

References

- Azbelev, S. N. (1982). *Historicism of epics and specifics*. Leningrad: Nauka. 327 p. (In Russ.).
- Charina, O. I. (2022). Some features of the Russian local tradition of Yakutia: historical songs about Skopin. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art History and Philological Sciences*, 2: 116—122. DOI: 10.46418/2079-8202-2022-2-16. (In Russ.).
- Golovin, V. V. (1995). Folklore of Russians in a non-ethnic environment. In: *Preservation and revival of folklore traditions*, 6. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 14—23. ISBN 5-86132-018-7. (In Russ.).
- Igumnov, A. G. (2007). *Poetics of Russian historical song*. Novosibirsk: Nauka. 252 p. ISBN 978-5-02-032394-0. (In Russ.).
- Klyaus, V. L., Supryaga, S. V. (2006). Song folklore of the Russo-Ustin people in Yakutia and the Semey Transbaikalia. In: *Materials for the study of existence in a non-ethnic environment*. Kursk: Publishing House of the Regional Open Social Institute. 213 p. ISBN 5-88995-093-2. (In Russ.).
- Novikov, Yu. A. (2013). *Epic world and ways of its artistic embodiment*. Vilnius: Publishing House of the Lithuanian Educational University “Educology”. 358 p. ISBN 978-9955-20-883-9. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1969). *Morphology of fairy tales*. Leningrad: Nauka. 168 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N., Dobrovolsky, V. M. (1960). *Historical songs of the XIII—XVI centuries*. Moscow; Leningrad: Nauka. 696 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1986). Folklore process and ethnic history of Siberia and the Far East. In: *Folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East*. Gorno-Altaysk: Altai Book Publishing House. 15—22. (In Russ.).
- Shentalinskaya, T. S. (1991). *Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka. 48—56. ISBN 5-02-029729-1. (In Russ.).
- Shentalinskaya, T. S. (2016). Once again about the records of Russian folklore by the American North Pacific Expedition: a dialogue with E. I. Yakubovskaya. In: *Russian folklore. Materials and research*, 35. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 498—531. ISBN 9785860078260. (In Russ.).
- Shub, T. A. (1958). Historical songs from the Russian Mouth. In: *Russian folklore: materials and research: in 36 volumes. Russian Folklore, III*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 361—368. (In Russ.).

- Skrybykina, L. N. (1995). *Epics of the Russian population of the North-East of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. 364 p. ISBN 5-02-030760-2. (In Russ.).
- Smirnov, Yu. I. (1991). *Russian epic poetry of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka. 9—48. ISBN 5-02-029729-1. (In Russ.).
- Strogova, E. A. (2014). The origins of the cultural tradition of the Russian old—timers of the Lower Kolyma. *Arctic and the North*, 16: 144—152. (In Russ.).
- Yakovleva, A. S. (2022). Ethnomusicological traditions of folklore of Russian old-timers of the North-East of Siberia as an object of research. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 1: 128—136. DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.012. (In Russ.).
- Yakubovskaya, E. I. (2008). Traditional folklore of the Russian population of Anadyr and Kolyma in the records of V. G. Bogoraz and V. I. Iokhelson. In: *Russian Folklore*, 33. Saint Petersburg: Nauka. 181—246. ISBN 978-5-02-025209-7. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.07.2022,
одобрена после рецензирования 03.09.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY

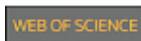
.....

Айгуль Темерхановна Джумагулова, канд. истор. наук (Элиста)
Александр Альбертович Сулейманов, канд. истор. наук (Якутск)
Алексей Александрович Сойкин, старший преподаватель (Нижевартовск)
Алена Владимировна Савельева, канд. истор. наук (Нижевартовск)
Валерий Федорович Блохин, д-р истор. наук (Брянск)
Виталий Андреевич Показкий, аспирант (Улан-Удэ)
Давид Иосифович Раскин, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Даниял Сайдахмедович Кидирниязов, д-р истор. наук (Махачкала, Элиста)
Евгений Владимирович Семенов, канд. истор. наук (Улан-Удэ)
Жамьян Жаргалович Цырендашиев, аспирант (Улан-Удэ)
Зайтуна Аптрашитовна Тычинских, канд. истор. наук (Тобольск)
Ирина Викторовна Алферова, д-р истор. наук (Брянск)
Николай Сергеевич Байкалов, канд. истор. наук (Улан-Удэ)
Филипп Николаевич Никитин, исследователь (Санкт-Петербург)

Алферова И. В. Минский военный округ на начальном этапе Первой мировой войны / И. В. Алферова, В. Ф. Блохин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 335—353. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-335-353.

Alferova, I. V., Blokhin, V. F. (2022). Minsk Military District at Initial Stage of First World War. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 335-353. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-335-353. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-335-353

Минский военный округ на начальном этапе Первой мировой войны

Алферова Ирина Викторовна

orcid.org/0000-0002-8951-2744

доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории
alferovairi@yandex.ru

Блохин Валерий Федорович

orcid.org/0000-0003-0254-6093

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой
отечественной истории
blohin.val@yandex.ru

Брянский государственный университет
(Брянск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ).
Проект № 22-28-00900

Minsk Military District at Initial Stage of First World War

Irina V. Alferova

orcid.org/0000-0002-8951-2744

Doctor of History, Professor,
Department of National History
alferovairi@yandex.ru

Valery F. Blokhin

orcid.org/0000-0003-0254-6093

Doctor of History, Professor,
Head of the Department
of National History
blohin.val@yandex.ru

Bryansk State University
(Bryansk, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported
by the Russian Science Foundation (RSF).
Project № 22-28-00900

© Алферова И. В., Блохин В. Ф., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об организации Минского военного округа в годы Первой мировой войны. Уделяется внимание интерпретациям условий, в которых происходил процесс формирования этой важной в условиях военного времени структуры. Авторы останавливаются на основных функциях данного территориального образования, связанных с необходимостью подготовки резервов и снабжения действующей армии. В представленной авторской разработке показано, что в чрезвычайной обстановке для реализации этих задач предусматривалось изменение системы гражданского управления с подчинением ее военному руководству округа. Новизна исследования видится в отражении проблемы реконфигурации границ части приграничных военных округов, сказавшейся в том числе и на построении цензурных органов, на их способности в практической деятельности адекватно и оперативно отвечать на запросы сложного военного времени. Доказано, что «подвижность» границ военно-цензурных районов, вызванная изменениями оперативной обстановки, нашла отражение в создании и функционировании необходимой единой окружной цензурной системы, что объясняет и происходившие в границах округа нарушения «Временного положения о военной цензуре». Заявленная проблема исследуется авторами статьи на основе привлечения материалов периодической печати и документов, хранящихся в местных и центральных архивах.

Ключевые слова:

Первая мировая война; Минский военный округ; окружная система; военная цензура; военно-цензурные комиссии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the issue of organizing the Minsk Military District during the First World War. Attention is paid to the interpretation of the conditions in which the process of formation of this important structure in wartime conditions took place. The authors dwell on the main functions of this territorial entity related to the need to prepare reserves and supply the army in the field. In the presented study, it is shown that in an emergency, for the implementation of these tasks, it was planned to change the system of civilian administration with its subordination to the military leadership of the district. The novelty of the study is seen in the reflection of the problem of reconfiguring the borders of a part of the border military districts, which affected, among other things, the construction of censorship bodies, their ability in practice to adequately and promptly respond to the demands of difficult wartime. It is proved that the “mobility” of the borders of military censorship regions, caused by changes in the operational situation, was reflected in the creation and functioning of the necessary unified district censorship system, which also explains the violations of the “Provisional Regulations on Military Censorship” that occurred within the borders of the district. The stated problem is investigated by the authors of the article on the basis of materials from periodicals and documents stored in local and central archives.

Key words:

World War I; Minsk military district; district system; military censorship; military censorship commissions.

Минский военный округ на начальном этапе Первой мировой войны

© Алферова И. В., Блохин В. Ф., 2022

1. Введение = Introduction

Для понимания сложного круговорота событий, вызванных Первой мировой войной, необходимо иметь представление о содержании и смысле связанных с ней процессов во всей их полноте и на всей протяженности военных действий. Война создала массу новых технологий в военной сфере, породила изменения в стратегии и тактике, но одновременно вызвала к жизни массу непредвиденных явлений, в результате которых многие, казалось бы, хорошо просчитанные и обдуманные решения приводили к неспрогнозированным последствиям, зачастую имели диаметрально противоположный эффект в сравнении с запланированным. По прошествии времени при анализе возникавших проблем обнаруживается значительное количество просчетов самого разного порядка, predetermined неверной оценкой ситуации и нерасчетливо принятыми решениями.

По плану войны, составленному российским Генеральным штабом в 1913 году, Юго-Западный фронт должен был нанести поражение австро-венгерским армиям, войска Северо-Западного фронта должны были действовать против немецких группировок. В Российской империи в приграничных районах военные округа были созданы в 1862 году. Их главное назначение определялось необходимостью усовершенствования системы военного управления. В Европейской России были образованы Варшавский, Виленский, Киевский и Одесский округа. Однако уже в течение первого месяца войны часть приграничной военно-окружной системы была подвергнута изменениям, несмотря на то, что это противоречило статье 638 основополагающего военного документа под названием «Положение о полевом управлении войск в военное время», которая гласила: «Границы военных округов на театре военных действий остаются те же, что и в мирное время» [Положение о полевом управлении в военное время, 1914, с. 86]. Причем «Положение» было утверждено императором только 16 июля 1914 года, то есть всего лишь за два дня до начала мобилизации русской армии.

Предписанная неизменность окружных границ была неслучайной. Она исходила из расчета верховного командования, что возможная война будет вестись исключительно на чужой территории. С другой стороны, присутствовало понимание того, что изменения в структуре военных округов по-

влекут за собой серьезные перемены в местном управлении прифронтовых губерний, что могло неблагоприятно сказаться на действующей армии. Тем не менее с началом войны границы приграничных военных округов оказались «подвижными».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Авторы в своем исследовании исходили из понимания того, что историческая действительность многомерна и противоречива, более всего это касается экстремальных условий, переживаемых обществом и государством, чем, безусловно, явилась Первая мировая война. Исходя из этого, историю военных округов на театре военных действий необходимо изучать в контексте социальных, политических и экономических перемен, происходивших в этот период. Целью статьи является отражение ряда элементов этого многомерного процесса, проявившихся в ходе формирования новой системы управления в условиях начавшейся войны. Задействованные в подготовленной публикации материалы отражают факты и тенденции, характерные для этапа распределения территорий по военным округам, а также организации и начала деятельности военной цензуры в их пределах.

Источниковая база исследования включает официальные документы периода Первой мировой войны, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, среди них документы Главного управления Генерального штаба [РГВИА, ф. 2000], Военно-политического и гражданского управления при Верховном главнокомандующем, г. Могилев [Там же, ф. 2005], Штаба главнокомандующего армиями Западного фронта [Там же, ф. 2048], Штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта [Там же, ф. 2019].

Также были использованы документы Совета министров, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге [РГИА, ф. 1276], ряд важных свидетельств из двух областных архивов: Государственного архива Брянской области [ГАБО, ф. 514] и Государственного архива Орловской области [ГАОО, ф. 883].

О войсковых соединениях и частях, дислоцировавшихся на территории белорусских губерний, подробно изложены материалы в работах М. М. Смольянинова и А. М. Литвина [Смольянинов, 2014; Литвин, 2014, с. 24—353]. Проблемам военно-окружной системы Российской империи посвящено относительно немного исследований, среди которых можно выделить объемную статью полковника И. Трутко, опубликованную в 1939 году — в первый год выхода в свет «Военно-исторического журнала» [Трутко, 1939, с. 92—113]. В ней рассматривается подготовка тыла Юго-Западного фронта, но затрагиваются и проблемы Минского военного округа. Публикация А. Ю. Без-

угольного отражает проблемы взаимодействия военных округов и Военного министерства [Безугольный, 2008, с. 22—26].

С военно-окружной системой была тесно связана функционировавшая в ее рамках военная цензура. Она являлась неотъемлемой частью государственной политики, определяя правила распространения информации о происходившем как на фронте, так и в тылу. Особая роль цензуры определялась прежде всего необходимостью сохранения военной тайны, что предопределяло ее распространение как на сферу средств информации, так и на переписку частных лиц. Параллельно с этим через систему запретов решались задачи сохранения позитивного имиджа армии, мобилизации общественного согласия, формирования консенсуса масс по поводу заведомо непопулярных решений верховной власти и пр. Авторы статьи, работая над историографическим обзором публикаций, посвященных проблемам взаимодействия периодической печати и военной цензуры, пришли к выводу, что, несмотря на расширение тематического и концептуального спектра исследований, присутствует очевидная необходимость объединения усилий представителей разных научных направлений для выполнения исследовательских проектов на стыке истории, журналистики, литературоведения и краеведения при изучении особенностей функционирования периодической печати, ее влияния на общественные настроения и степени воздействия на этот процесс цензурных запретов [Алферова и др., 2022, с. 137]. На фоне успехов в изучении правовой базы военной цензуры [Семенова, 2008; Белобородова, 2010; Асташов, 2012; Богомолов, 2019; Волковский и др., 2019] за малым исключением наблюдаются очевидные пробелы в освещении организационных и территориальных, в том числе и в рамках окружной системы, особенностей практической деятельности военно-цензурных учреждений. Между тем исследование этого политического института является важной составной частью в интерпретации общественных настроений, господствовавших в стране на разных этапах войны.

При анализе исследуемой проблемы главным из общетеоретических подходов выступает принцип историзма, предполагающий познание всех явлений в их становлении и развитии. Для уточнения полученных результатов авторами использовались специальные общеисторические методы исследования: проблемно-хронологический и историко-генетический. Первый метод был задействован в процессе определения соответствующих групп источников для решения конкретных задач. Интерпретировались документы военной цензуры из Российского военно-исторического архива (фонды военно-цензурных отделений фронтов, армий и Минского военного округа). Историко-генетический метод (ретроспективный) позволил реконструировать историю формирования Минского военного

округа, изменение его задач в зависимости от общественно-политической и экономической ситуации в стране.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Территориальные изменения приграничной военно-окружной системы с началом военных действий в ходе Первой мировой войны

С началом войны пришлось пойти на изменения окружной системы. В рамках Северо-Западного фронта из Виленского и Варшавского округов с 25 июля 1914 года был учрежден Двинский, а с 28 июля того же года — Минский военные округа [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1851, л. 7].

В состав последнего были включены следующие белорусские территории: целиком Минская и Могилевская губернии, а из Гродненской губернии лишь Брест-Литовский, Пружанский, Кобринский и Слонимский уезды. Однако в интересах соседнего Юго-Западного фронта уже 31 июля 1914 года, «для обслуживания 4-й и 5-й армий вошли лежащие южнее Александровской железной дороги части Гродненской губернии, Слонимского уезда Минской губернии, Могилевской губернии» [Трутко, 1939, с. 99].

В составе округа присутствовали также территории Царства Польского: Келецкая, Радомская, Петроковская (без Лодзинского, Брезинского и Равского уездов), Люблинская (без Соколовского и Седлецкого уездов) губернии.

Украинские земли представляли Ковельский, Владимир-Волынский уезды Волынской губернии, а также небольшая Холмская губерния.

С момента объявления мобилизации в состав Минского военного округа вошли «Смоленский, Краснинский и Поречский уезды Смоленской губернии» [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1851, л. 26]. Будущее отступление русской армии и потеря Царства Польского заметно увеличили тыловые районы главным образом за счет русских местностей.

Приказ № 509 от 20 сентября 1915 года по Военному министерству закрепил за Минским военным округом территории Новоторжского, Старицкого, Ржевского и Зубцовского уездов Тверской губернии; Волоколамского, Рузского, Можайского и Верейского уездов Московской губернии; Гжатского, Вяземского, Юхновского, Ельнинского, Рославльского, Бельского, Сычевского, Духовщинского и Дорогобужского уездов Смоленской губернии; всех уездов Калужской губернии и Брянского, Карачевского, Трубчевского, Дмитровского и Севского уездов Орловской губернии [Там же, л. 180].

Таким образом, Минский военный округ из-за своего расположения первоначально обеспечивал тыл частично Юго-Западного фронта и полностью Северо-Западного, разделенного 3 августа 1915 года для более качественного управления войсками на Западный (командующий М. В. Алек-

сеев — московское направление) и Северный (во главе с Н. В. Рузским — на петроградском направлении). На его территории располагались обеспечивающие их продовольствием тыловые учреждения, имевшие сложное подчинение, создававшее немалую путаницу в работе.

Работой тыла управляли начальники снабжения фронтами, имевшие в своем подчинении все тыловые органы: от руководства военных округов до всех органов гражданской власти в границах театра военных действий. Сами они были непосредственно подчинены главнокомандующим армиями. Такая довольно замысловатая структура управления плодила бюрократическую переписку, представляющую источниковую ценность для будущих историков Первой мировой войны, но в условиях военных действий гарантировавшую медленную работу тыла.

Бюрократизация всех процессов обеспечения действующей армии была предопределена тем обстоятельством, что начальники снабжения фронтов не имели в своем непосредственном подчинении необходимых для войск складов (артиллерийских, инженерных, продовольственных) и других тыловых учреждений (лазаретов, ветеринарных служб и т. д.), находившихся под управлением начальников военных округов [Трутко, 1939, с. 96]. Более того, склады в условиях боевых действий размещались в глубоком тылу и были зачастую «недоступны» не только для противника, но и для управленческих структур армии.

Так, Минский (до этого Варшавский) интендантский вещевой и продовольственный склады в 1915 году оказались в Брянске. Произведенная ревизия привела к обнаружению крупных растрат, из-за которых застрелился начальник склада, полковник Г. М. Макаровский, а на следующий год начальнику штаба Минского военного округа докладывали о новых злоупотреблениях: «Нижние чины производят хищение муки, сухарей, крупы, сахара, мешков и других разных вещей. <...> Всё похищенное сейчас же через своих жён продают знакомым жителям слободы за довольно низкие цены, и жители, хотя и отзываются о таком поступке неодобрительно, однако остаются довольны тем, что им в руки достаются продукты и вещи по дешевым ценам» [РГВИА, ф. 1915, оп. 4, д. 3, л. 275—275 об.].

Такая неразбериха сказывалась не только на снабжении, но и на административных действиях военных и гражданских властей в этих районах. На основании «Положения о полевом управлении войск» войсковое командование имело право приостанавливать деятельность органов местного самоуправления, смещать должностные лица различного подчинения, закрывать газеты, высылать подозреваемых в нелояльности или в шпионаже за пределы прифронтовых территорий. Предоставлялось также право введения комендантского часа, запрета на вывоз средств, необходимых для снабжения

армии, учреждения чрезвычайных законов, предусматривавших в том числе принудительные работы, реквизиции, особый распорядок работы учреждений и предприятий, выполнявших военные заказы. Однако при этом гражданские власти должны были продолжать осуществлять обширную деятельность, направленную на борьбу с дефицитом и спекуляцией, организовывать лечение раненых, размещение в тылу резервных частей и т. д.

Следует отметить, что устойчиво консервативные принципы, характерные для военного руководства территориями, приносили в различных местах отнюдь не одинаковые результаты, несмотря на стремление военных властей строго придерживаться основополагающих законов и приказов командования, принятых как в отношении фронтовых, так и тыловых действий армии. Более того, на начальном этапе войны возникла определенная растерянность, вызванная территориальными изменениями в составе военных округов.

Так, из канцелярии Военного министерства 31 июля 1914 года начальнику Генерального штаба было направлено срочное письмо, в котором содержался вопрос о существовании Минского округа. Генеральному штабу предлагалось установить связь с Министерством финансов, у которого не было никаких на этот счет сведений для решения вопросов материального обеспечения военных потребностей на местах. Ответ с указанием дат создания округов последовал только 7 августа 1914 года [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1851, л. 34].

Обер-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего отвечал в 20-х числах октября 1914 года на запрос начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба, что, по полученным в штабе сведениям, относящимся, правда, к 15 сентября 1914 года, Могилёвская губерния входила в район Минского военного округа [Там же]. Таким образом, даже внутри различных структур российской армии вплоть до конца октября 1914 года существовали определенные неясности относительно границ округов.

Перераспределение территорий между Минским и Двинским военными округами создавало дополнительные заметные трудности психологического порядка, поскольку в относительно однородных районах страны из-за военной необходимости в состав различных округов входили только отдельные уезды, не имевшие в обычной жизни жестких границ. В результате местное население, не будучи ознакомлено с распределением территорий между фронтами и округами, не могло разобраться в сфере влияния каждого из них или пыталось уклониться от действия обязательных постановлений.

Характерной особенностью ситуации выступало то, что чрезвычайные законы в виде обязательных постановлений применялись к конкретной

территории, входившей в сферу действия только данного военного округа. Нередкими были ситуации, при которых пределы одной губернии имели совершенно разные условия жизнедеятельности. Так, в состав Минского военного округа входили пять из двенадцати уездов Орловской губернии, на которые распространялось положение прифронтовых районов.

3.2. Особенности действия обязательных постановлений

Не только обыватели не знали, но и армейское начальство некоторое время находилось в неведении относительно произошедших изменений. Так, 31 мая 1915 года для жителей Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской и Псковской губерний, входивших в состав Двинского военного округа, было издано обязательное постановление, предусматривавшее в целях борьбы против шпионажа запрет иметь почтовых и всяких других пород голубей, обученных доставке донесения из одного пункта в другой. Согласно постановлению, в течение 7 дней птиц необходимо было сдать под расписки в местные полицейские управления. В обмен за голубей, взятых по реквизиции, должны быть выданы квитанции на получение денег. Неисполнение обязательного постановления должно было повлечь за собой штраф в размере 3 тысяч рублей или тюремное заключение на срок 3 месяца [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1851, л. 38].

Спустя почти месяц после принятия этого постановления, 29 июня 1915 года, начальнику Минского военного округа было направлено письмо, подписанное начальником штаба верховного главнокомандующего, генералом от инфантерии Н. Н. Янушкевичем. В нем предлагалось осуществить аналогичные меры на территории округа. Однако 7 июля 1915 года в ответном письме начальник Минского военного округа сообщил, что для пресечения возможности пользоваться почтовыми голубями ещё 4 ноября 1914 года было издано обязательное постановление об их конфискации и содержании в закрытых помещениях голубей прочих пород [Там же, л. 42]. Таким образом, запрет на отдельных из близлежащих территорий уже существовал в течение почти 7 месяцев, о чем не были осведомлены в штабе верховного главнокомандующего.

Начальник Минского военного округа был озабочен не только сохранением условий секретности, но в еще большей степени проблемами продовольственного снабжения армии. Так, обязательным постановлением был воспрещен вывоз из пределов Минского округа «картофеля, капусты свежей и квашеной, свеклы, моркови, лука и чеснока» [Местная жизнь. Обязательное постановление ..., 1916, № 235, 3 ноября]. Централизованное обеспечение хлебом снимало проблему обеспечения этим главным для армии продуктом, но овощи должны были поставлять близлежащие к фронту территории: «Всё без изъятия население округа, имеющее запа-

сы овощей более нижеуказанных норм, должно в недельный срок по объявлении настоящего постановления заявить об имеющихся количествах картофеля, капусты, бураков, лука, чеснока и моркови» [Приказ генерал-адъютанта Эверта, 1916].

Население обязано было в письменном виде сообщать в городские управы, в волостные правления и в уездные земские управы о своих запасах, помимо норм, определенных для необходимого питания людей и скота: «Для одного едока в год картофеля 18 пудов, прочих овощей 60 золотников в день. Детям до 5 лет включительно — половина. На обсеменение полей на одну казенную десятину картофеля 120 пудов. На содержание свиней 15 пудов картофеля в год. Выяснение количества овощей необходимо для заготовки их для нужд армии и вообще военного ведомства в Минском округе. Закупка овощей будет производиться по установленной на них таксе, причём при отказе от продажи по таксе овощи будут реквизироваться» [Там же].

К осени 1916 года ассортимент продовольствия был значительно расширен, и в соответствии с обязательным постановлением все торговцы, а также частные банки, элеваторы, склады, имевшие продукты на хранении или в залоге, обязаны были ежемесячно 1-го и 15-го числа сообщать полиции о количестве как проданных, так и оставшихся у них продуктов [Местная жизнь. Обязательное постановление ..., 1916, № 236, 4 ноября].

Жители, особенно в сельской местности, перешедшей из Московского в состав Минского военного округа, чаще всего не разбирались в точном распределении местности между фронтами и округами, считали несправедливыми такого рода требования, выдвигаемые военными властями, и пытались нарушить условные границы. В целом же присоединение территорий к прифронтовому Минскому военному округу положило конец относительно спокойному их существованию, длившемуся более года с начала войны. Новые реалии неожиданно приблизившейся войны обусловили и новые обстоятельства повседневной жизни.

Так, в январе 1916 года исполнявший обязанности начальника жандармского управления в Брянском и Карачевском уездах сообщал в Петроград о настроениях среди крестьян Акулической, Лутенской и других волостей Брянского уезда, вошедших в состав Минского военного округа: «Что же это — у другого из нас два-три сына на войне, а теперь и отца берут рыть окопы силой — бросай, значит, всё свое хозяйство, малых внуков, разоряйся, а иди, по принуждению, целую тысячу требует от нашего уезда» [ГАОО, ф. 883, оп. 1, д. 790, л. 352—352 об.]. В докладе содержалась и конкретная рекомендация по поводу разрешения сложившейся ситуации. Предлагалось учреждение волостных или участковых комиссий под

председательством земских начальников с участием выборных от сельских обществ для разбора претензий крестьян [Там же, л. 352 об.].

Гражданские и военные власти, а также население прифронтовых территорий зачастую оказывались в весьма сложном положении из-за проблемы соответствия обязательных постановлений существовавшим на тот момент общегосударственным законам. Из штаба верховного главнокомандующего разъяснения на этот счет в адрес начальника Минского военного округа были направлены специальной телеграммой 24 декабря 1916 года. Однако это произошло спустя два года с момента начала осуществления практики введения обязательных постановлений и, на наш взгляд, не дало убедительных ответов на накопившиеся вопросы: «Хотя закон и административные распоряжения в виде обязательных постановлений и не могут находиться в коллизии, но в данном случае сохранение указанных постановлений при наличии закона возможно при условии отсутствия противоречий в самом содержании» [РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 78, л. 57]. Если разница заключалась только в размере наказаний, от военных властей зависело, чему отдать предпочтение: ускорению в административном порядке наложения взыскания или суровости самого наказания в судебном порядке, так как, по-видимому, законом были установлены высшие карательные нормы.

Например, в разное время издавались обязательные постановления, которые предусматривали наказание за спекуляцию или повышение владельцами квартир цен на жилые помещения, а также принятие мер против торговцев и промышленников за рост стоимости предметов первой необходимости и искусственное создание дефицита. В Минском военном округе постановление было введено в действие 4 мая 1915 года [РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 78, л. 56]. Позже, 8 сентября 1916 года, на основании 87 статьи Основных государственных законов [РГИА, ф. 1276, оп. 20, д. 116, л. 104—107] был принят общегосударственный закон, в общем уголовном порядке определявший наказание за такого рода деяния. Однако и после этого обязательные постановления могли продолжать действовать в этом конкретном направлении, поскольку «в некоторых эвакуированных местностях нет судов» [РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 78, л. 56].

Иными словами, судебное рассмотрение в условиях приближенности линии фронта было по таким делам слишком усложненным, и гораздо удобнее было пользоваться обязательными постановлениями, не нарушая при этом сущность основного закона. По заявлению минского гражданского губернатора, до решения вопроса в пользу сохранения обязательного постановления накопилось несколько тысяч протоколов по этому поводу, поскольку судебные учреждения к тому моменту из Минска были эвакуированы [Там же, л. 67 об.]. Разница заключалась, как уже отмечалось, толь-

ко в размерах выносимых наказаний с учетом того, что общероссийский закон предусматривал высший их размер.

В рамках небольшой статьи не представляется возможным рассмотреть все особенности взаимодействия военных и гражданских властей в масштабах даже одного военного округа. Чего стоит только проблема беженства, которая во многом была вызвана таким плохим взаимодействием и привела к трагическим последствиям, которые отразились на жизни десятков миллионов людей — как вынужденных покинуть постоянные места проживания, так и оказавшихся в условиях неожиданного появления огромных масс переселенцев.

3.3. Особенности создания и функционирования единой окружной цензурной системы

Критике недостатков и ошибок, характерных для окружной системы Российской империи периода Первой мировой войны, посвятил свою статью «Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914 г.)» полковник И. Трутко в октябрьском номере 1939 года «Военно-исторического журнала».

Автор публикации, появившейся перед самым началом Советско-финляндской войны, сосредоточил свое внимание на анализе ошибок, характерных для окружной системы Российской империи, отметив, что «организация аппарата управления тылом фронта была излишне громоздкой и не обеспечивала мобильность в работе тыла. Это сказалось прежде всего в запоздалой и неполной отдаче всех основных распоряжений по организации тыла для первых операций и в отсутствии чёткого управления тылом в ходе операций» [Трутко, 1939, с. 112].

И. Трутко подробно рассмотрел систему тылового управления, но при этом обошел своим вниманием еще одно важное направление деятельности штабов фронтов, армий и округов, потребовавшее немало организационных усилий. Понятие «военные интересы государства» предусматривало необходимость использования разнообразных возможностей для контроля за самыми различными сферами общественной жизни, и военная цензура в виде исключительной меры, применяемой в ходе войны, должна была не допускать «оглашения и распространения путем печати, почтово-телеграфных сношений и произносимых в публичных собраниях речей и докладов, сведений, могущих повредить военным интересам государства» [Собрание узаконений ..., ст. 2057].

Введение в ходе военных действий контроля за осуществляемой перепиской являлось мерой непопулярной, и военнослужащие старались ее разными способами обойти, хотя для большинства находившихся на фронте описание происходившего с ними являлось основой событийной информации и нарушения были зачастую неизбежны.

Приведем пример из писем, относящихся к августу 1914 года и сохранившихся в Брянском государственном архиве. Автор письма с фронта, обращаясь к жене, 3 августа 1914 года предупреждал: «Ещё, Саша, смотрите не пишите ничего такого. Нам запрещают писать насчет войск, где они расположены и в каком виде. Только можно домашние разговоры ...» [ГАБО, ф. 514, оп. 1, д. 1, л. 114—114 об.]. Автор письма, несмотря на свое собственное предостережение, в следующем сообщении, датированном 9 августа того же года, сообщил следующие подробности военных действий: «Мы прошли более 200 вёрст походом и перешли Германскую границу 7 числа на 20 вёрст. И взяли один город германский (*следует название городка*. — И. А., В. Б.) и будем ещё наступать на один город, на самый большой, где у них крепость, которая в 22-х верстах, [...] нам приказано выбить [врага] из крепости. [...] 8-го августа была перестрелка с германцем Каширского полка. [Есть] потери: 5 человек убиты, 3-е ранены. [...] Начали город блиндировать из пушек, тогда земля тряслась за пять вёрст, а мы шли, попирая артиллерию. Когда пришли в город, там уже никого нет. Уже все вышли из города, и [мы] жгли сами город. Город очень большой, как Орёл сравнительно» [Там же, л. 105—105 об.].

Эти письма, как и большинство других, не попали в руки противника, не несли в себе слишком важную информацию, но они ярко демонстрируют пренебрежение запретами. Между тем обязательное постановление командующего Западным фронтом запрещало сообщать и собирать сведения о месте расположения, о вооружении, о передвижениях войск, передавать содержание услышанных частных разговоров на эту тему и предусматривало наказание в виде «заклечения в тюрьме или крепости на срок не свыше 3 месяцев или денежного взыскания не свыше 3000 рублей и высылки из пределов района Западного фронта» [РГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 896, л. 170—170 об.].

На основании статьи 14 «Временного положения о военной цензуре», она находилась в ведении штабов главнокомандующих фронтами, командующих армиями и начальников военных округов, причём статья 29 того же Положения наделяла штабы фронтов правами Главной военно-цензурной комиссии, а штабы армий и округов — местной [Там же, д. 1354, л. 35]. В штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, находившемся в Белостоке при Управлении генерал-квартирмейстера, также было сформировано военно-цензурное отделение, в котором концентрировалась вся переписка по делам военной цензуры и готовились официальные сведения о ходе военных действий [Там же, л. 35 об.]. Затем, в 1915 году, все эти функции перешли к штабу созданного Западного фронта.

При штабах 1-й и 2-й армий, входивших в состав Северо-Западного фронта, были созданы местные военно-цензурные комиссии. За штабами

Двинского и Минского военных округов были закреплены корпусные полевые почтово-телеграфные конторы, наблюдавшие за входящей и исходящей корреспонденцией и переправлявшие ее после проверки в тыловые сортировочные пункты Минска.

В штабе созданного уже в ходе войны Минского военного округа военное-цензурная комиссия была сформирована только 13 августа 1914 года на основании приказа № 34 [РГВИА, ф. 2019, оп. 1, д. 716, л. 37]. С этого момента начался довольно сложный, происходивший в ускоренном порядке, но все же заметно задержавшийся процесс формирования войсковой цензуры. Помимо проверки писем и телеграмм, во всех окружных территориях, находившихся на военном положении, предусматривалось «введение военной цензуры в полном объеме» [Там же, д. 715, л. 1] с обязательным наблюдением за содержанием печатных изданий, изобразительной продукции и фотографий, устными выступлениями.

Вполне, казалось бы, продуманная система подчинения и управления уже в скором времени после начала военных действий продемонстрировала серьезные изъяны, отразившиеся, в частности, и на отношениях власти с периодической печатью. В условиях позиционной войны и перехода к оборонительной тактике, с ухудшением экономической ситуации наметилось очевидно нарастающее раздражение политикой властей в российском обществе, развивались упадочнические настроения. По мнению определенных кругов населения, нашедшему отражение на страницах периодической печати, правительство не смогло в полной мере использовать имеющиеся в его распоряжении ресурсы, что и привело к нежелательным последствиям на фронте.

Тогда же выяснилось, что время, необходимое для создания «твердо направляемой, в соответствии с общегосударственными и военными целями», периодической печати, выступающей во время войны в качестве яркого выразителя «духа государственной сплоченности и решимости довести войну до полной победы, не взирая ни на какие лишения и жертвы» [Потапов, 1926, с. 9], безвозвратно упущено.

Обработка новостей и освещение их в периодических изданиях — особая, высокопрофессиональная отрасль информационной сферы периода войны. Поскольку в России специальная подготовка журналистов в тот период не осуществлялась, требовались годы практической работы и основательной выучки для формирования эффективных газетных редакций, проблема создаваемой военной цензуры заключалась в том, что для контроля за распространением новостей привлекались военные и гражданские чиновники без достаточного журналистского опыта.

В пределах Западного фронта обязанности военных цензоров произведений печати выполняли лица, представлявшие самые разные должности

военных и гражданских учреждений. В Минске — вице-губернатор, секретарь председателя окружного суда и полковник корпуса жандармов, подпоручик Варшавского полка и правитель канцелярии губернатора; в Бобруйске — полицмейстер, начальник отделения по квартирному довольствию войск; в Мозыре — начальник Мозырского жандармского управления; в Смоленске — делопроизводитель губернского правления и советник губернского правления; в Могилеве — вице-губернатор; в Гомеле — полицмейстер; в Орше — уездный исправник, в посаде Клиницы — пристав [РГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1354, л. 11—12]. Кандидатуры военных цензоров в обязательном порядке согласовывались штабом округа с губернаторами, начальниками почтово-телеграфных округов или начальниками гарнизонов. «Все распоряжения штаба округа и военно-цензурной комиссии передавались через этих начальствующих лиц или непосредственно сообщались самим военным цензорам» [Приказание Минским военно-окружным управлениям ..., 1914, № 158].

Не удалось избежать и организационных проблем, связанных с изменением границ военно-цензурных районов, которые без специальных распоряжений вынуждены были откликаться на изменения оперативной обстановки. Результатом явились проблемы с созданием и функционированием единой окружной цензурной системы. Вероятно, этим объясняется допущенное нарушение «Временного положения о военной цензуре».

Так, генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Западного фронта обратился 12 декабря 1916 года к начальнику штаба Минского военного округа за разъяснениями: «... по имеющимся в штабе фронта сведениям при штабе Минского военного округа на театре военных действий в первой половине августа месяца 1914 г. была образована Минская местная военная цензурная комиссия» [РГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1354, л. 35—35 об.]. Проблема заключалась в том, что при штабе на тот момент уже существовало военно-цензурное отделение и возник вопрос: «Кто осуществляет функции, указанные статьей 27 Временного положения о военной цензуре — штаб округа или комиссия» [Там же, л. 36].

Примечательно, что вопросы к начальнику округа появились более двух лет спустя после возникновения этой ситуации. Тогда же был возбуждён вопрос об упразднении комиссии как учреждения, лишнего при существовании отделений в штабе [Там же, л. 31]. Главнокомандующий Западным фронтом 15 января 1917 года признал необходимым расформировать состоявшую при штабе Минского военного округа Минскую местную военно-цензурную комиссию [Там же, л. 43], сохранив только существовавшее параллельно военно-цензурное отделение. В докладе было сказано следующее: «При таких условиях нельзя не признать, что роль

Минской местной военно-цензурной комиссии в деле цензуры в округе незначительна и комиссия эта, в сущности, является ныне лишней передаточной инстанцией между штабом округа, получающим из штаба фронта все руководящие указания, и военными цензорами» [Там же].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, специальное окружное административное деление влекло за собой новые условия управления территориями бывших губерний и уездов, а также новый статус для населения этих мест. При этом традиционные методы управления, устоявшиеся бюрократические практики неминуемо сталкивались с преимущественно консервативными принципами регулирования отношений, характерных для практической деятельности в условиях армейского подчинения.

Границы тыловых районов были нарезаны во многих случаях без обязательной привязки к границам губерний. В итоге внутри одной губернии действовала власть двух армейских или даже двух фронтовых управлений, что приводило к серьезным затруднениям в системе управления. Результатом явилось «шаблонное использование всех вспомогательных и обслуживающих войск, развертываемых этими округами; оно исключало возможности маневра запасами, тыловыми войсками и даже железными дорогами и замедляло управление тылом, что приводило к отставанию работы тыла от обстановки на фронте» [Трутко, 1939, с. 112].

Организация в Минском военном округе военной цензуры предопределила весьма ограниченные практические возможности военных властей в деле контроля за перепиской на фронте. Сложная, с повторяющимися функциями организационная система при недостаточной профессиональной кадровой подготовке затрудняла решение поставленных перед военной цензурой задач. Последствия, о которых не было сказано в самом материале статьи, но вытекающие из логики созданных условий, предопределили доминирование различных слухов, которые успешно конкурировали с официальными сведениями, поступающими с фронта.

Источники и принятые сокращения

1. ГАБО — *Государственный архив* Брянской области. Ф. 514 (Брянское уездное попечительство). Оп. 1. Д. 1. Л. 114—114 об.
2. ГАОО — *Государственный архив* Орловской области. Ф. 883 (Орловское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 790. Л. 352—352 об.
3. *Местная жизнь*. Обязательное постановление // Орловский вестник. — 1916. — № 235. — 3 ноября ; № 236. — 4 ноября.
4. *Положение о полевом управлении в военное время*. — Санкт-Петербург : Воен. тип., 1914. — 154 с.

5. Приказ генерал-адъютанта Эверта // Орловский вестник. — 1916. — № 232. — 30 октября.

6. Приказание Минским военно-окружным управлением на театре войны № 158. — Минск, 1914.

7. РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба). Оп. 1. Д. 1851. Л. 7, 26, 34, 38, 42, 180 ; Ф. 1915 Оп. 4. Д. 3. Л. 275—275 об. ; Ф. 2005 (Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем, г. Могилев). Оп. 1. Д. 78. Л. 56, 57, 67 об. ; Ф. 2019 (Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта). Оп. 1. Д. 715. Л. 1 ; Д. 716. Л. 37 ; Ф. 2048 (Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта). Оп. 1. Д. 896. Л. 170—170 об. ; Д. 1354. Л. 11—12, 31, 35, 36, 43.

8. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 20. Д. 116. Л. 104—107.

9. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. № 192. 20.07.1914 г. Ст. 2057. Временное положение о военной цензуре. Гл. I. Ст. 1.

Литература

1. Алферова И. В. Историографический аспект общественно-политических настроений и практик периода Первой мировой войны / И. В. Алферова, В. Ф. Блохин // Вопросы истории. — 2022. — № 5 (2). — С. 129—139. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi46.

2. Асташов А. Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / А. Б. Асташов. — Москва : Спецкнига, 2012. — 400 с. — ISBN 978-5-91891-230-0.

3. Безугольный А. Ю. Военно-окружная система в России в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 года / А. Ю. Безугольный // Военно-исторический журнал. — 2008. — № 10. — С. 22—26.

4. Белобородова А. А. Защита государственной тайны в Российской империи : Деятельность военной цензуры в 1914—1917 гг. / А. А. Белобородова // Военно-исторический журнал. — 2010. — № 7. — С. 16—20.

5. Блохин В. Ф. Преданье административной старины : «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века — 1917 год) / В. Ф. Блохин, И. В. Алферова // Новый исторический вестник. — 1916. — № 49. — С. 32—48.

6. Богомолов И. К. Цензура печати в Москве в годы Первой мировой войны / И. К. Богомолов // Цензура в России : история и современность. Сборник научных трудов / И. К. Богомолов. — Санкт-Петербург : Российская нац. б-ка, 2019. — С. 178—196.

7. Волковский Н. Л. Первая мировая война 1914—1918 гг. : инструменты контроля и управления информацией в России / Н. Л. Волковский, П. П. Лаврук // Цензура в России : история и современность. Сборник научных трудов. — Санкт-Петербург : Полигон, 2019. — С. 152—177.

8. Литвин А. М. Беларусь в годы первой мировой войны : опыт участия и последствия / А. М. Литвин // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сборник материалов Международной научной конференции, г. Вилейка, 18 октября 2014 г. — Минск : Изд. центр БГУ, 2014. — С. 24—35.

9. Потапов Н. М. Печать и война / Н. М. Потапов. — Москва ; Ленинград : Госвоениздат, 1926. — 82 с.

10. Семенова Е. Ю. Периодическая печать и цензура / Е. Ю. Семенова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2008. — Т. 10. — № 1. — С. 71—85.

11. Смольянинов М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914—1918 гг. / М. М. Смольянинов. — Минск : Беларусь ; Навука, 2014. — 317 с. — ISBN 978-985-08-2345-8.
12. Трутко И. Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914 г.) / И. Трутко // Военно-исторический журнал. — 1939. — № 3. — С. 92—113.

Material resources

- An order to the Minsk military district administrations in the theater of war, 158.* (1914). Minsk. (In Russ.).
- Collection of laws and orders of the government. Department I, 192. 20.07.1914, st. 2057. Temporary provision on military censorship. Chapter I. Article 1.* (In Russ.).
- Local life. Mandatory resolution. (1916). *Orel Bulletin*, 235. November 3; 236. November 4. (In Russ.).
- Regulations on field administration in wartime.* (1914). St. Petersburg: Military type. 154 p. (In Russ.).
- Russian State Historical Archive. F. 1276 (Council of Ministers).* (In Russ.).
- Russian State Military Historical Archive. F. 2000 (Main Directorate of the General Staff); F. 1915; F. 2005 (Military-political and civil Administration under the Supreme Commander, Mogilev); F. 2019 (Headquarters of the Commander-in-Chief of the armies of the North-Western Front); F. 2048 (Headquarters of the Commander-in-Chief of the armies of the Western Front).* (In Russ.).
- State Archive of the Bryansk region. F. 514 (Bryansk county trusteeship).* (In Russ.).
- State Archive of the Orel region. F. 883 (Orel provincial gendarmerie department).* (In Russ.).
- The order of Adjutant General Evert. (1916). *Orel Bulletin*, 232: October 30. (In Russ.).

References

- Alferova, I. V., Blokhin, V. F. (2022). Historiographical aspect of socio-political attitudes and practices of the period of the First World War. *Questions of history*, 5 (2): 129—139. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi46. (In Russ.).
- Astashov, A. B. (2012). *Propaganda on the Russian front during the First World War*. Moscow: Special Book. 400 p. ISBN 978-5-91891-230-0. (In Russ.).
- Beloborodova, A. A. (2010). Protection of state secrets in the Russian Empire: The activities of military censorship in 1914—1917. *Military-historical journal*, 7: 16—20. (In Russ.).
- Bezugolny, A. Yu. (2008). Military district system in Russia during the First World War and the revolutionary events of 1917. *Military-Historical Journal*, 10: 22—26. (In Russ.).
- Blokhin, V. F., Alferova, I. V. (1916). The tradition of administrative antiquity: “white spots” on the pages of Russian newspapers (the second half of the XIX century — 1917). *New Historical Bulletin*, 49: 32—48. (In Russ.).
- Bogomolov, I. K. (2017). Censorship of the press in Moscow during the First World War. In: *Censorship in Russia: history and modernity. Collection of scientific papers*. St. Petersburg: Russian National Library. b-ka. 178—196. (In Russ.).
- Litvin, A. M. (2014). Belarus during the First World War: experience of participation and consequences. In: *The First World War in the historical destinies of Europe: a collection of materials of the International Scientific Conference, Vileika, October 18, 2014*. Minsk: Publishing Center of BSU. 24—35. (In Russ.).

- Potapov, N. M. (1926). *Print and war*. Moscow; Leningrad: Gosvoenizdat. 82 p. (In Russ.).
- Semenova, E. Y. (2008). Periodical press and censorship. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 10 (1): 71—85. (In Russ.).
- Smolyaninov, M. M. (2014). *Belarus in the First World War of 1914—1918*. Minsk: Belarus; Navuka. 317 p. ISBN 978-985-08-2345-8. (In Russ.).
- Trutko, I. (1939). Preparation of the rear of the South-Western Front (1914). *Military-historical journal*, 3: 92—113. (In Russ.).
- Volkovsky, N. L., Lavruk, P. P. (2019). The First World War of 1914—1918: instruments of control and management of information in Russia. In: *Censorship in Russia: history and modernity. Collection of scientific papers*. St. Petersburg: Polygon. 152—177. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 11.06.2022,
одобрена после рецензирования 03.08.2022,
подготовлена к публикации 24.09.2022.*

Байкалов Н. С. Исторический опыт развития культурно-просветительских учреждений новых городов Бурятии в 1950—1980-е годы / Н. С. Байкалов, Ж. Ж. Цырендашиев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 354—367. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-354-376.

Baikalov, N. S., Tsyrendashiev, Zh. Zh. (2022). Historical Experience in Development of Cultural and Educational Institutions in New Cities of Buryatia in 1950s—1980s. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 354-376. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-354-376. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-354-376

Исторический опыт развития культурно- просветительских учреждений новых городов Бурятии в 1950—1980-е годы

Байкалов Николай Сергеевич
orcid.org/0000-0002-2511-9003
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории Бурятии
baikalov@bsu.ru

Цырендашиев Жамьян Жаргалович
orcid.org/0000-0002-3036-0619
аспирант,
кафедра истории Бурятии
tsyrendashiev_zhamyan@mail.ru

Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 21-09-43043

Historical Experience in Development of Cultural and Educational Institutions in New Cities of Buryatia in 1950s—1980s

Nikolai S. Baikalov
orcid.org/0000-0002-2511-9003
PhD in History, Associate Professor,
Department of History of Buryatia
baikalov@bsu.ru

Zhamyan Zh. Tsyrendashiev
orcid.org/0000-0002-3036-0619
Post-graduate student,
Department of History of Buryatia
tsyrendashiev_zhamyan@mail.ru

Buryat State University
named after D. Banzarov
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by the Russian
Foundation for Basic Research,
project № 21-09-43043

© Байкалов Н. С., Цырендашиев Ж. Ж., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрены особенности формирования и развития культурно-просветительских учреждений новых городских поселений Бурятии в 1950—1980-е годы. На основе ранее не опубликованных архивных документов, публицистических текстов и частных источников реконструированы основные направления деятельности государственных и ведомственных клубов, домов культуры, театральных объединений, библиотек, музеев. Рассмотрены проблемы материально-технического обеспечения и комплектования кадров учреждений культуры. Выявлена специфика становления самодеятельных творческих коллективов в условиях районов нового хозяйственного освоения. Отмечается, что основные пути культурного развития городов определяло государство, вместе с тем постепенно отказываясь от прямого контроля над культурной жизнью. Авторы приходят к выводу, что концентрация в городах-новостройках молодого населения из разных частей страны благоприятно влияла на формирование культурной среды и способствовала возникновению разнообразных форм и направлений культурно-просветительской и культурно-массовой работы. Подчеркивается, что культурная жизнь новых городов обеспечивалась коллективами художественной самодеятельности. Утверждается, что переход местных коллективов с любительского на профессиональный уровень замедлялся вследствие материальной зависимости учреждений культуры от градообразующих предприятий.

Ключевые слова:

новые и молодые города; культурно-просветительские учреждения; клубы; музеи; библиотеки; художественная самодеятельность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the formation and development of cultural and educational institutions in the new urban settlements of Buryatia in the 1950s—1980s are discussed in the article. On the basis of previously unpublished archival documents, journalistic texts and private sources, the main activities of state and departmental clubs and houses of culture, theater associations, libraries, and museums have been reconstructed. The problems of material and technical support and staffing of cultural institutions are considered; the specifics of the formation of amateur creative teams in the conditions of areas of new economic development are revealed. It is noted that the main trends in the cultural development of Soviet cities were determined by the state, but it was looking for new ways to regulate cultural policy. The authors come to the conclusion that the concentration of young people from different parts of the country in new towns favorably influenced the formation of the cultural environment and contributed to the emergence of various forms and directions of cultural — educational and mass cultural work. It is shown that the cultural life of new cities was provided by amateur art groups. It is noted that the transition of local groups from the amateur to the professional level slowed down due to the material dependence of cultural institutions on the city-forming enterprises, whose departmental interests they were called upon to serve.

Key words:

new and young cities; cultural and educational institutions; clubs; museums; libraries; artistic activity.

Исторический опыт развития культурно-просветительских учреждений новых городов Бурятии в 1950—1980-е годы

© Байкалов Н. С., Цырендашиев Ж. Ж., 2022

1. Введение = Introduction

В 1950—1980-е годы в ходе интенсивного хозяйственного освоения территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока формируется сеть городских поселений, обозначаемых историками как «новые» [Куцев, 1982; Чернова, 2001; Дружинина, 2013] или «молодые» города [Салахова, 2005]. Исследователи считают таковыми поселения, возникшие в процессе советской модернизации, как правило, в районах нового освоения. В отдельных случаях к категории новых относят те населенные пункты, которые были основаны в XVII—XIX веках, но интенсивное развитие и городской статус получили в советское время.

На территории республики Бурятия новыми городами являются Закаменск, Гусиноозерск и Северобайкальск. История Закаменска началась с возникновения в 1934 году рабочего поселка Городка, ставшего базой горняков, занятых в строительстве и эксплуатации Джидинского вольфрамомолибденового комбината. С 1944 года населенный пункт становится городом, а в 1959 году получает свое современное название. Разработка Холбождинского угольного месторождения привела к возникновению в 1939 году пос. Шахты, на базе которого в 1953 году появился Гусиноозерск. В процессе строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) был основан Северобайкальск, получивший статус города в 1980 году.

Советская культурная политика в 1950—1980-е годы базировалась на принципах, выработанных в предыдущие десятилетия. Главным ее содержанием оставалось руководство художественной жизнью страны и контроль за ней, сохранение цензурных и идеологических рамок [Буреева, 2010, с. 3]. Наиболее значимые вопросы культурной политики решались ведущими партийными инстанциями — от ЦК КПСС до городских и районных комитетов партии, в постановлениях и резолюциях которых предусматривались развернутые меры, направленные на усиление руководства культурным строительством со стороны партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций [Касаткина, 2006, с. 122]. На основании данных постановлений местные власти разрабатывали планы конкретных мероприятий, которые во многом определяли основные тенденции развития культурного пространства советских городов [Белошапка, 2012, с. 18]. В то же время государство

постепенно отказывалось от прямого контроля над культурной жизнью, находясь в поиске иных механизмов, средств и методов регулирования.

В отличие от поселений в старых районах освоения новые города не подвергались строгому идеологическому контролю со стороны партийных и государственных органов. Различные постановления ЦК КПСС определяли основные направления культурной политики, в то время как за конкретное исполнение отвечали местные отделы культуры и органы власти. Помимо этого, культурно-просветительские учреждения городов-новостроек подчинялись производственно-ведомственным интересам градообразующих организаций, как правило, крупных предприятий промышленности, строительства и транспорта. Специфика управления данных поселений состояла в двойной подчиненности Министерству культуры РСФСР и отраслевым министерствам и ведомствам (по вертикали), а также местным органам власти и градообразующим предприятиям (по горизонтали). Такая зависимость от различных ведомств позволила сформировать собственные культурные традиции и ценности, оказавшие влияние на образ жизни населения городов-новостроек. Преодоление сложившейся монопрофильной социально-экономической структуры и поиск новой культурной идентичности, с которыми молодые города столкнулись после распада СССР, актуализируют обращение к историческому опыту становления и развития культурно-просветительских учреждений в советское время.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой работы послужили комплекс опубликованных и неопубликованных документов, публицистика, частные источники.

Вопросы управления культурой нашли отражение в ряде постановлений центральных и региональных партийных комитетов и органов исполнительной власти. В постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 марта 1978 года «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества» [Справочник партийного работника, 1979], а также от 26 апреля 1979 года «О дальнейшем улучшении идеологической и политико-воспитательной работы» уделялось повышенное внимание количественному росту культурных учреждений и развитию художественной самодеятельности. Законодательные акты принимались с целью «органичного соединения достижений научно-технического прогресса с преимуществами социализма», конечным результатом которого являлось «удовлетворение многообразных духовных потребностей советских людей» [Справочник партийного работника, 1980].

Ключевое значение для исследования имели материалы делопроизводства городских властей, представленные в центральных и областных

архивах (РГАЭ, ГАРБ), а также в архивных отделах администраций муниципальных образований Бурятии — Закаменского, Селенгинского районов и города Северобайкальска. Содержащаяся в фондах организационная, плановая и отчетная документация позволила изучить особенности функционирования учреждений культуры, вопросы их материально-технического обеспечения, подготовки кадров, проанализировать формы и методы культурного обслуживания населения.

Наряду с архивными материалами широкое освещение культурной жизни городов-новостроек представлено в периодической печати. На страницах районных газет «Знамя труда», «Красная Селенга», «Северный Байкал» публиковались материалы сессий горисполкомов, различные новостные сюжеты и репортажи, биографии передовиков производства, отзывы и письма трудящихся.

Среди источников личного происхождения следует выделить мемуары, дневники, письма, а также полевые материалы авторов, собранные методом устной истории у старожилов вышеуказанных городов.

Методологические основы исследования базируются на принципах историзма и объективности, предполагающих изучение культуры городов-новостроек в конкретно-исторических условиях, во взаимосвязи с другими событиями, явлениями, процессами, рассмотрение их с точки зрения объективных закономерностей, анализа и оценки фактов. Исследование отечественной культуры в исторической науке предполагает применение цивилизационного подхода. В его основе лежит признание локальной общности как самостоятельно развивающегося организма. В рамках нашего исследования это особенности формирования культуры новых городов Республики Бурятия. Применение историко-антропологического подхода позволило рассмотреть и понять внутреннюю логику формирования социокультурной среды в изучаемых городах с учетом возможных перспектив жизни местного населения. Анализ основных вопросов формирования культурно-просветительных учреждений основывался на комплексном подходе с применением совокупности общенаучных и специальных методов, включая проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, структурно-функциональный и др.

В отечественной историографии много внимания уделялось вопросам формирования и развития городских поселений в контексте истории индустриального освоения новых территорий. В позднесоветский период появляются работы Ф. А. Лукинского, В. И. Лукьяненко, П. П. Ступина, Г. В. Куцева и других авторов [Лукинский, 1971; Лукьяненко, 1973; Ступин, 1979; Куцев, 1982], в которых освещаются отдельные вопросы формирования социальной инфраструктуры городов-новостроек, культурного обслуживания трудовых коллективов.

Интенсивное индустриальное освоение привело к росту исследований новых городских агломераций в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе [Колева и др., 2013; Карпов и др., 2016; Карпов, 2017; Стась, 2018; Зубков, Карпов, 2019], Ангара-Енисейском и Братско-Усть-Илимском ТПК [Долголюк, 1988; Цыкунов, 1991; Чернова, 2002; Салахова, 2005], районах строительства БАМа [Байкалов, 2021а; Власов, 2015] и др.

В данных работах наряду с прочим рассматривались особенности формирования культурно-просветительских учреждений, вопросы художественной жизни, становления профессионального и самодеятельного творчества жителей новых поселений, возникновения городских музеев, библиотек, театров. В целом многие авторы отмечали, что вопросам культурного строительства уделялось недостаточное внимание со стороны градообразующих ведомств и предприятий. При этом история культурных учреждений молодых городских центров Бурятии не становилась предметом специального исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формирование сети клубов и развитие художественной самодеятельности

Культура городов-новостроек, особенно на ранних этапах формирования, возникала на основе творческой инициативы первостроителей, благодаря деятельности которых появлялись самодеятельные объединения. Главным звеном в системе культурного обслуживания новостроек стали клубы и дома культуры, в помещениях которых располагались зрительный зал для демонстрации кинофильмов и проведения массовых, прежде всего концертных, мероприятий, библиотека, комнаты для организации кружковой работы и в отдельных случаях спортзалы.

Содержание учреждений культуры и их материально-техническое оснащение в районах нового освоения обычно возлагались на градообразующие предприятия. Для оперативного решения вопросов обеспечения за каждым клубом было закреплено шефское предприятие из числа строительных организаций. Во многих учреждениях создавались координационные советы клубов, на которых обсуждались планы работы, проведение отдельных мероприятий, проводились семинарские занятия и пр.

Центром культурной жизни Гусиноозерска, на который приходилось 30 % всех культурно-просветительских событий, являлся ДК «Шахтер» [АО СР, ф. Р-1, оп. 1, д. 134, л. 16]. В нем размещались зрительный зал на 320 мест, комнаты для кружковых занятий, лекционные и спортивные залы. В первые годы работы ДК испытывал нехватку оборудования, отдельных помещений для секций. В течение 1960-х годов материально-тех-

ническая база учреждения постепенно улучшалась, что регулярно отмечалось в отчетах горисполкома [Там же, л. 17].

С началом строительства Гусиноозерской ГРЭС усилился приток трудовых мигрантов. Население города возросло почти вдвое, достигнув к 1978 году 21,5 тыс. жителей [Численность населения ...]. В результате творческие коллективы предприятий Гусиноозерска испытывали нехватку помещений для репетиций, хранения музыкальных инструментов и костюмов [АО СР, ф. 41, оп. 1, д. 383, л. 6]. В 1976 году из-за нехватки средств распался хоровой коллектив швейного объединения «Туяна» [Там же, л. 27]. По причине высокой текучести кадров в 1978 году перестал действовать мужской хор шахты «Гусиноозерская» [Там же, л. 16].

Необходимость расширения сети культурных учреждений неоднократно отмечалась руководством города. «У нас всего лишь три очага культуры: ДК “Шахтер”, кинотеатр “Россия” и клуб Гусиноозерского леспромхоза. Мы принимаем долевое участие в содержании Дома культуры, там проводим торжественные собрания и вечера отдыха, но наши 500 чел. в цехе никак не вмещаются, однако мы вынуждены проводить там», — сетовал один из депутатов горсовета [АО СР, ф. Р-41, оп. 1, д. 161, л. 17].

С целью снижения нагрузки на клубные учреждения города были открыты музыкальная школа и городской стадион, на всех предприятиях организованы красные уголки, которых к 1978 году насчитывалось 19 единиц [АО СР, ф. 41, оп. 1, д. 401, л. 25]. В функции последних входили организация досуга трудящихся и подготовка к смотрам художественной самодеятельности [АО СР, ф. 41, оп. 1, д. 383, л. 5]. Помещения оснащались музыкальными инструментами, радиоаппаратурой, настольными играми, киноустановками. Несмотря на регулярные поставки оборудования и инвентаря, в архивных источниках указывается их недостаточность, отмечается низкая оснащенность учреждений культуры.

В Закаменске коллективы художественной самодеятельности были сосредоточены вокруг Дворца культуры, в котором были предусмотрены отдельные помещения для оркестра, хореографии, драматических постановок общим охватом более 300 участников [АО ЗК, ф. 51, оп. 1, д. 170, л. 17]. Однако стесненные условия работы и кадровый дефицит негативно отражались на кружковой работе. Так, с 1978 года прекратили свою деятельность хореографический ансамбль, духовой взрослый и детский оркестры [Там же, л. 16].

С 1975 года началась организация профсоюзных учреждений на территории бурятского участка БАМ. В их числе ДК «Байкал» СМП-575, ДК п. Гоуджекит ТО-12, клуб «Даван» ТО-21, в 1981 году силами СМП-60 построен ДК «Современник», а также сдан ДК «Кристалл» РПБ, распо-

лагавшиеся в Северобайкальске. Одним из базовых профсоюзных клубов являлся ДК «Байкал». В нем организовывались выставки, посвященные образованию СССР, годовщине Конституции, экскурсии и лекции о строителях БАМа [АО СБ, ф. 10, оп. 1, д. 4, л. 3—7]. К 1983 году в ДК «Байкал» занималось до 206 взрослых и 688 детей в хорах, хореографических ансамблях, агитбригадах и т. д. В ДК «Современник» проводились тематические вечера, работали 14 кружков художественной самодеятельности, среди которых танцевальные, вокальные, хоровые коллективы с посещаемостью в 327 человек. Проходили литературные вечера, посвященные творчеству В. Шукшина, Р. Гамзатова, организовывались встречи с поэтами Бурятии [АО СБ, ф. 10, оп. 1, д. 4, л. 3—7].

Однако создающаяся сеть культурных учреждений не отвечала потребностям растущего населения: на 21 тыс. жителей приходилось пять профсоюзных ДК и четыре клуба [Байкалов, 2021, с. 155]. Большинство клубов были лишены необходимых сценических условий для выступления профессиональных театров, зрительные залы занимались кинопрокатом.

В числе причин, по которым подрядчики переносили сроки сдачи новых зданий для размещения учреждений культуры, следует выделить недостатки в работе проектировщиков, недооценивших реальные объемы и темпы роста численности населения. Задержки в строительстве были также вызваны перебоями в поставках стройматериалов.

Организация работы культурно-просветительных учреждений в районах нового освоения постоянно была связана с нестабильной кадровой ситуацией. Осознавая важность кадрового обеспечения культурно-просветительных учреждений, Министерство культуры принимает ряд мер, направленных на ликвидацию кадрового вопроса, к числу которых относятся дважды вынесенные постановления бюро Обкома КПСС, обязывающие партийные и советские органы прекратить практику перемещения и замены работников культуры [Касаткина, 2006, с. 113]. Тем не менее учреждения постоянно испытывали дефицит квалифицированных специалистов. На областных профсоюзных совещаниях работников сферы культуры давались прямые указания готовить специалистов самостоятельно. В соответствии с требованиями вышестоящих органов учреждения культуры пытались восполнить недостаток квалифицированных специалистов через организацию заочного обучения и систему профессиональной переподготовки и повышения квалификации собственных сотрудников. Проблема дефицита кадров горисполкомы часто решали путем набора низкоквалифицированных специалистов или за счет увеличения нагрузки на действующий состав.

Советское государство, выделяя из бюджета ограниченные средства на развитие культуры, изначально планировало финансирование только той де-

тельности, которая была значима в масштабах страны (фестивали, смотры, конкурсы). Каждый фестиваль посвящался знаменательным датам советской истории: годовщинам Октябрьской социалистической революции, Победе в Великой Отечественной войне, юбилеям ВЛКСМ, годовщинам со дня рождения В. И. Ленина. Таким путем формировался заказ на определенные произведения, который находил отражение в рекомендательных списках.

Самодетельные коллективы молодых городов были обязаны принимать участие во всесоюзных фестивалях и смотрах самодеятельного художественного творчества, которые проходили в несколько этапов: внутренних; городской; областной; зональный и заключительный. Победители районных конкурсов направлялись для участия в зональных художественных смотрах. Так, Иркутск принимал ансамбли песни и танца, Чита — хоровые коллективы, Хабаровск — исполнителей советской песни, вокальные ансамбли, Якутск — исполнителей народной песни [АО ЗК, ф. 51, оп. 1, д. 170, л. 15].

Таким образом, строительство и материально-техническое оснащение учреждений культуры городов-новостроек Бурятии осуществлялось ускоренными темпами одновременно с процессом размещения индустриальных и транспортных объектов. В районах нового освоения действовали две системы культпросвета: государственная и профсоюзная. Основными показателями эффективности деятельности учреждений культуры являлись количество и вместимость построенных зданий, охват населения массовыми культурными мероприятиями, вовлеченность горожан в различные формы художественной самодеятельности. При этом качеству построенных зданий, их материально-техническому обеспечению, повышению доли квалифицированных специалистов в кадровом составе, совершенствованию форм и методов культурно-просветительской работы уделялось значительно меньше внимания, что заложило предпосылки деградации учреждений культуры к концу рассматриваемого периода.

3.2. Любительские театральные объединения

Высшей формой самодеятельного творчества в СССР считались народные театры. Возникшие в 1930—1940-е годы с целью организации культурного досуга рабочих на удаленных от центров профессионального искусства территориях Сибири и Дальнего Востока, самодеятельные театры пережили свое второе рождение в городах-новостройках позднесоветского периода. Статус народного театра предусматривал наличие постоянно действующего творческого коллектива, полноценного репертуара, необходимых условий для подготовки и показа спектаклей [Абабкова, 2016, с. 52]. Художественным руководителем театрального коллектива, как правило, являлся профессиональный режиссер, по совместительству выполнявший

функции сценариста, декоратора, администратора. Театральную труппу составляли непрофессиональные актеры, участвовавшие в спектаклях как представители художественной самодеятельности.

На первом этапе жизни новых городов театры создавались по инициативе самих первостроителей. По мнению Л. М. Салаховой, возникновение народных театров можно считать особым явлением в культурной жизни молодых городов, поскольку этот факт, как правило, свидетельствовал о наличии творческого и интеллектуального потенциала городской среды [Салахова, 2005, с. 136].

В новых городах Бурятии одним из первых собственный театр появился в Закаменске. История творческого коллектива началась с драматического кружка, сформировавшегося в 1930-е годы. Материально-техническая база кружка не позволяла иметь в наличии декорации, костюмы, реквизит и бутафорию, была лишь сцена и зрительный зал. Решением Совета Министров Бурятской АССР и с разрешения Министерства культуры в 1959 году в Закаменске был создан народный театр [АО ЗК, ф. 51, оп. 1, д. 66, л. 7]. К этому времени творческий состав насчитывал 25 человек, было сыграно множество спектаклей: «В поисках радости» В. Розова, «Молодо-зелено» С. Городецкого, «Без вины виноватые» А. Островского и т. д. Выездные спектакли охватывали сельские клубы Закаменского района.

В постановках театра участвовали непрофессиональные актеры из числа служащих, работников предприятий, интеллигенции, учащихся общеобразовательных школ города. «Разве забудешь Степана Окладникова, печника коммунального отдела, игравшего ярко и весело, почти на профессиональном уровне. Ивана Кротова, диспетчера Джидинского комбината, игравшего тепло, искренне и правдиво!» — вспоминал один из местных зрителей [АО ЗК, ф. 51, оп. 1, д. 170, л. 16]. Состав труппы не был стабильным из-за высокой миграционной активности населения. Согласно отчету режиссера театра В. Соболева, ежегодно после окончания десятого класса выпускники уезжали из города, что приводило к дефициту кадров [АО ЗК, ф. 51, оп. 1, д. 66, л. 8].

Первым театральным коллективом на западном участке БАМа был народный театр «Молодая гвардия», созданный в конце 1974 года в ДК «Таежник» (пос. Звездный Иркутской области). Идейным вдохновителем театра стал приехавший на БАМ бывший руководитель Чухломского народного театра, студент заочного отделения Московского института культуры А. С. Байков. Визитной карточкой театра стал спектакль «Молодая гвардия» по одноименному произведению А. Фадеева, который коллектив сыграл на трассе 16 раз. В конце 1970-х годов народный театр А. С. Байкова перебазировался на бурятский участок БАМа в пос. Кичеру, затем в Северобайкальск.

В 1983 году А. С. Байковым был организован первый фестиваль любительских театров «Театральная весна на БАМе», который впоследствии стал традиционным мероприятием, посвященным памяти своего родоначальника. Первое место на фестивале 1983 года разделили постановки «Провинциальные анекдоты» по пьесе А. Вампилова и «Любовь — моя владычица» по М. Саенко. Второй фестиваль «Театральная весна на БАМе» прошел в преддверии 40-летия Победы, в 1984 году, и привлек к участию около двух тысяч самостоятельных артистов. Среди постановок прессой были отмечены «Варшавский набат» В. Коростылева (театр «Современник»), «Письма к живым» А. Кучара (театр «Вдохновение») и др. По данным Минтранстроя, в населенных пунктах БАМа, при государственных и профсоюзных клубах, работало 40 народных театральных коллективов [РГАЭ, ф. Р-9538, оп. 16, д. 3392, л. 122]. Постепенно география участников фестиваля стала расширяться и охватывать не только бамовские города и поселки. С начала 1990-х годов в нем стали регулярно участвовать любительские театры юга Дальнего Востока [Абабкова, 2016, с. 53].

В Гусиноозерске руководство ДК «Шахтер» выделило помещение под театральные постановки для детей дошкольного и школьного возраста. На этом месте в 1967 году открылся детский театр кукол «Родничок», благодаря деятельности художественного руководителя Л. М. Волченковой получивший в 1980 году звание «народного» [Черных, 2006, с. 21]. Постановки игрались детьми-школьниками средней и старшей группы в возрасте 12—17 лет. Основную часть зрителей составляли учащиеся школ города, где их педагогам, согласно воспитательным планам, вменялось в обязанности приобщать подрастающее поколение к духовно-нравственным идеалам. Популярностью среди детей начальной школы пользовался кукольный спектакль «Хочу быть большим» Г. Сапгира и Г. Цыферова, детям среднего и старшего звена были адресованы постановки В. Шукшина «До третьих петухов», А. С. Пушкина «По щучьему велению» [Образцовый театр ...]. С конца 1980-х годов расширяется репертуар театра. При сотрудничестве с театром кукол «Ульгэр» появляются драматические спектакли по мотивам бурятских народных сказок «Дочь Байкала — Ангара», «Поющая стрела» и пр. В это время театр кукол «Родничок» г. Гусиноозерска становится одним из наиболее близких и доступных центров детского творчества, местом самореализации детей.

Таким образом, театральные объединения, прежде чем получить статус «народных» учреждений, формировались из самостоятельных коллективов. Миграционная активность их участников не позволяла закрепляться на местах, тем самым обеспечивать преемственность творческих кадров. По этой причине театральные коллективы состояли преимущественно из лиц

без соответствующего образования. Этим объяснялся любительский уровень работы театров, который сочетался с высоким энтузиазмом и инициативностью населения. Вместе с тем данная ситуация затрудняла переход молодых театральных объединений на профессиональный уровень.

3.3. Библиотеки и библиотечное обслуживание

В 1950—1980-е годы библиотечное обслуживание новых городов Бурятии оказывается в центре внимания местных отделов Министерства культуры РСФСР и других ведомств. С 1970-х годов разворачивается работа по созданию централизованных библиотечных систем.

Городская библиотека Закаменска располагала помещением в 600 кв. м, арендованным у Дворца культуры Джидинского вольфрамомолибденового комбината. Персонал библиотеки состоял из пяти работников: заведующей, заведующими абонементом, читальным залом, сельхозсектором и библиотекаря [АО ЗК, ф. 51, оп. 1, д. 78, л. 23]. Согласно плановым показателям, количество читателей в среднем должно было превысить 21 тыс. человек, а посещаемость планировалось довести до 13 тыс. Фактическая численность читателей равнялась 4,2 тыс. человек, что составляло 20 % плана. При этом посещаемость библиотек превышала плановые показатели и составляла около 120 % в год, что объяснялось отсутствием у многих посетителей читательского абонемента [АО ЗК, ф. 51, оп. 1, д. 78, л. 3]. Книжный фонд, пополнявшийся на 886 книг в год, в целом достиг около 27,5 тыс. экземпляров. При этом из-за высокого спроса со стороны работников Джидинского комбината отмечалась нехватка сельскохозяйственной и технической литературы [АО ЗК, ф. 51, оп. 1, д. 113, л. 21].

В массовой библиотеке Гусиноозерска на 1966 год насчитывалось более 2 тыс. экземпляров книг, организовывались передвижные выезды по подшефным хозяйствам Селенгинского района. Обслуживанием читателей занимались четыре сотрудника [Тимофеева, 1972, с. 4]. Профсоюзные библиотеки города были закреплены за градообразующими предприятиями, а книжный фонд формировался за счет средств Министерства культуры РСФСР [АО СР, ф. Р-41, оп. 1, д. 17, л. 8—10]. В 1978 году в профсоюзном ведомстве состояли все массовые библиотеки Гусиноозерска: городская, детская, набережная и библиотека Гусиноозерской ГРЭС. Совокупный книжный фонд составлял 84 тыс. экземпляров, а численность читателей достигала более 7 тыс. человек в год [АО СР, ф. Р-41, оп. 1, д. 401, л. 5].

Библиотечное обслуживание бурятского участка БАМа возлагалось на территориальную сеть Министерства культуры РСФСР и библиотечные учреждения дорожных профсоюзных комитетов (дорпрофсожей) транспортными строителями и работников железнодорожного транспорта. В ведомстве последних находилась Центральная библиотека Северобайкаль-

ска, включавшая шесть филиалов в рабочих поселках с книжным фондом 40 тыс. экземпляров книг и 6,5 тыс. читателей. Городская детская библиотека Северобайкальска имела помещение площадью 40 кв. м., в ней был читальный зал на шесть мест при наличии 1170 читателей [АО СБ, ф. Р-10, оп. 1, д. 4, л. 3—7]. Стесненные условия работы библиотек Северобайкальска не являлись исключительной особенностью этого города. По данным специалистов, в 1980-е годы 48 % библиотечных учреждений Сибири и Дальнего Востока находилось в помещениях до 50 кв. м, 35 % — от 51 до 150 кв. м [Библиотека ..., 1999, с. 76]. В структуре книговыдач библиотеки на первом месте была художественная литература (48,6 %), на втором — детская (26,9 %), на третьем — общественно-политическая (7—8 %). К маловостребованным относились книги по технической тематике (4—5 %), естественнонаучному направлению (4 %), искусству и спорту (2 %) и т. д. [Байкалов, 2016, с. 433]. В целях повышения заинтересованности читателей в такой литературе коллективы библиотек проводили книжные выставки, лекции, выставки-просмотры и пр.

Как свидетельствует отчетная документация отделов культуры горисполкомов рассматриваемых поселений, проблемы материально-технического обслуживания библиотек оставались актуальными в течение всего рассматриваемого периода. Учреждения испытывали хронический недостаток мебели, оборудования, инвентаря и методической литературы. Книжные фонды оставались ограниченными, литературные «новинки» поступали со значительным опозданием. Основными источниками книгопоставок являлись центральные оптовые организации «Союзкнига» и «Роскнига». По подсчетам специалистов, поставки «Союзкниги» занимали около 75—80 % от получаемого книжного товара. Доля закупок у областных и республиканских книжных издательств составляла 10—12 % [Одорова, 2016, с. 234]. Судя по сохранившимся документам, читатели часто упрекали работников библиотек в несвоевременности подачи заявок, критиковали за неэффективную работу со спросом: «Мы провели изучение фонда литературы. Много спрашивают книги М. Степанова, произведения Х. Намсараева, Ц. Галсанова, а «Ритки» Р. Белоглазовой так и нет» [Садовская, 1972, с. 3].

Важное место в работе библиотек принадлежало организации культурно-массовой работы с населением. Агитационно-пропагандистская деятельность проводилась сотрудниками библиотек в рабочих общежитиях, на предприятиях, в клубах и домах культуры в форме лекций, бесед, литературных обзоров, устных журналов, книжных выставок, которые охватывали такие области, как политпросвещение, патриотическое, трудовое, правовое и нравственное воспитание, научно-популярная работа и краеведение.

В то же время для местных жителей библиотеки молодых городов выступали в первую очередь центрами приобщения к культурным ценностям и местом общения [Салахова, 2005, с. 72]. Постепенно в библиотеках получали распространение «некнижные» формы клубной работы. В научной литературе описаны два основных критерия классификации библиотечных клубов: по возрасту и по интересам. В первом случае выделяются детские, молодежные, семейные, женские объединения, а также клубы для людей старшего поколения. Тематическая классификация содержит экологические, краеведческие, музыкальные и прочие виды произведений [Кузоро и др., 2013, с. 88].

Программа работы библиотек новых городов включала разнообразные формы деятельности: литературные вечера, тематические конференции на юбилейные даты, просмотры художественных фильмов. Так, местная киностудия «Кристалл» представляла к показу фильмы «Рудник вольфрама», «Подземная разработка», «Фабрика», посвященные горнякам Закаменска и Гусиноозерска [АО ЗК, ф. 51, оп. 1, д. 113, л. 23]. В библиотеках Северобайкальска популярными становились тематические дискотеки, посвященные бардам и современным поэтам-песенникам, клубы выходного дня, организовывались дни семейного отдыха, дни специалиста, праздники профессий [АО СБ, ф. Р-10, оп. 1, д. 29, л. 5—12].

В целом период 1970-х годов характеризуется трансформацией городских библиотек в центры культурного обслуживания городов-новостроек. Профсоюзные библиотеки оставались подведомственными предприятиям, а городские становились районными с сетью филиалов, постепенно формируя централизованные библиотечные системы.

3.4. Музеи новых городов Бурятии

Формирование музейных учреждений в районах нового освоения происходило в специфических условиях. В их становлении исследователи выделяют три этапа: 1) отсутствие музеев — коллекционный (домузейный); 2) возникновение музеев; 3) рост и специализация музейных учреждений [Салахова, 2005, с. 122].

Собирание музейных коллекций новых городов началось практически одновременно с их возникновением. Музеи пополнялись прежде всего из письменных, фотографических и вещественных источников. Основными формами комплектования музейных фондов являлись дарение и безвозмездная передача от организаций и местных жителей, целевые заказы на изготовление музейных предметов, командировки и экспедиции сотрудников музея.

Среди письменных предметов основное место занимали газеты, материалы о передовиках производства (автобиографии, трудовые характеристики, комсомольские путевки, награды), правительственные телеграммы

и прочие документы официального происхождения. Фотоисточники стали вторым по объемам и распространенности типом музейных предметов в силу ряда обстоятельств, включая наглядно-агитационный характер фотографии, доступность для понимания, технические возможности фотоаппаратуры и т. д. Вещественные предметы в музеях чаще других представлены дуплетами, отражавшими трудовую повседневность или досуг строителей. Типичными являются образцы спецодежды и обуви рабочих, орудия труда, медали, значки, вымпелы, вспомогательные материалы.

Создание городского музея Закаменска началось в 1930-е годы, когда силами геологов была подготовлена первая экспозиция. В 1974 году по инициативе парткома Джидинского комбината состоялось открытие музея города, жители которого получили возможность приобщиться к страницам своей истории. В стенах музея проводились встречи с первыми строителями города, ветеранами войны и вдовами погибших на войне, создавались экспозиции, посвященные труженикам комбината. Постепенно музей становился общегородским, затем он получил название «Народный», перейдя в 1985 году в ведение Министерства культуры РСФСР.

К этому времени площадь музейных залов составляла 200 кв. м, что позволяло организовывать выставки с материалами флоры и фауны, предметами домашнего хозяйства и личного обихода [Батуева, 2004, с. 222]. «Ветераны-геологи предоставили музею коллекцию минералов, краевед Янков Геннадий передал казацкую телегу ..., а Максимова Екатерина патефон 30-х гг.», — вспоминали жители города [Батуева, 2004, с. 219].

В настоящее время музей имеет звание «историко-краеведческого», в нем представлены разделы: «Древности Закамны», «Джидинский вольфрам», «Казачество Закамны», «Паспорт полезных ископаемых», «Пионеры колхозного движения». Используются выставки из Фондов Национального музея Республики Бурятия: «Путешествие Цесаревича на Восток», «100 лет комсомолу», «Строительство БАМа» и т. д. [Закаменский район культуры].

В 1976 году при штабе ЦК ВЛКСМ в Северобайкальске был организован сбор материалов для будущего музея. Тематический план первой экспозиции, носившей название «БАМ на севере Бурятии», разрабатывался под руководством старшего научного сотрудника Московского Бородинского музея В. Е. Чижова. Официальное открытие музея состоялось только 20 ноября 1981 года. Вместе с созданной годом ранее картинной галереей музей образовал филиал республиканского художественно-исторического музея. В строительстве и обустройстве здания были задействованы сами музейные работники. Инициатору, а впоследствии директору музея З. А. Бадархановой пришлось осваивать профессии прораба, снабженца,

грузчика, лично участвовать в перевозке строительных материалов, их разгрузке и т. д. [Борбылева, 2003, с. 2]. В то время такая работа не являлась чем-то исключительным, подобным образом создавались первые школы, дома пионеров, амбулатории и другие социальные и культурные учреждения, не предусмотренные в бюджете стройки. Долгое время музей располагался во временном здании, общая площадь которого составила 556 кв. м, из них на экспозицию отводилось 138 кв. м. В результате из 1346 единиц хранения в постоянной экспозиции было задействовано только 584 экспоната (40 %) [АО СБ, ф. Р-10, оп. 1, д. 1, л. 10—12]. В помещении не хватало экспозиционных залов, отсутствовал гардероб, не соблюдался температурный режим и прочие условия хранения. Проект нового здания, предусматривавший 600 кв. м площадей с размещением на них лекционного и демонстрационного залов, библиотеки и современного хранилища, был разработан в 1988 году [Борбылева, 2003, с. 2]. Однако, несмотря на все предпринимаемые коллективом музея усилия, данный план реализован не был. Только в 2010-е годы Северобайкальскому музею истории БАМа удалось переехать в новое помещение.

Большая часть музейных мероприятий и акций в молодых городах была ориентирована на подрастающее поколение. Выступая важным компонентом в организации рационального использования свободного времени и эстетического воспитания учащейся молодежи, музеи выполняли компенсаторную функцию, поскольку в районах нового освоения постоянно наблюдался недостаток учреждений дополнительного образования. В музеях проходили уроки, встречи с передовиками и ветеранами, творческие вечера, прием в пионеры, вручение комсомольских билетов и паспортов. Начиная со второй половины 1980-х годов получило популярность экологическое воспитание школьников, связанное с вниманием общественности к проблемам охраны природы. Эти обстоятельства определили вектор развития музейных учреждений новых городских поселений Бурятии в постсоветский период.

4. Заключение = Conclusions

Формирование и развитие культурно-просветительских учреждений в новых городах Бурятии происходили в период интенсивного освоения региона в 1950—1980-е годы. На предшествовавшем этапе организация культурной работы носила стихийный характер, создавались предпосылки формирования сети культурных учреждений, зарождались первые творческие коллективы, включая кружки чтецов, танцевальные ансамбли, драматические объединения. С получением молодыми поселениями статусов городов и передачей им в 1960-е годы административных функций

центров муниципальных районов постепенно происходила централизация деятельности учреждений культуры.

Организация культурно-просветительских учреждений и управление ими осуществлялись на вертикальном (Министерство культуры РСФСР) и горизонтальном (местные органы исполнительной власти) уровнях. Фактически строительство и материально-техническое обеспечение культурно-досуговых организаций обеспечивались силами хозяйствующих субъектов, которые оказывали шефскую помощь социально-культурным учреждениям. Кроме государственных, в городах-новостройках возникали ведомственные объекты культуры, находящиеся в управлении профсоюзов градообразующих предприятий.

Исторический опыт развития культурно-просветительских учреждений показывает, что их содержание в молодых городах осуществлялось по «остаточному принципу». Большая часть клубов, библиотек, музеев располагалась во временно приспособленных зданиях, построенных с многочисленными нарушениями и нуждавшихся в частых ремонтах. В оснащении объектов культуры наблюдалось много проблем, архивные источники содержат сведения о недостатке мебели, техники, инвентаря. Во многом снабжение зависело от возможностей базовых предприятий, закрепленных за каждым культурным объектом, а также энтузиазма и инициативности отдельных руководителей.

В кадровой укомплектованности культурной отрасли также возникали проблемы, не хватало специалистов с профессиональным образованием, неудовлетворительные условия жилья и быта вызывали большую текучесть работников культуры. Миграционная активность населения, немногочисленность и неукорененность местной интеллигенции приводили к привлечению в культурные учреждения лиц из рабочей среды, не имевших специального образования. В результате в системе культурно-просветительской работы преобладала деятельность по текущему культурному обслуживанию населения, участвовавшего в хозяйственном освоении региона. При этом системная работа по аккумуляции и трансляции культурного опыта и традиций, обеспечению культурной преемственности, профессионализации деятельности осуществлялась крайне медленно и прерывисто.

Культура новых городов функционировала, главным образом, на любительском уровне с опорой на энтузиазм и инициативность населения. Культурные учреждения стали центрами досуга, просвещения и местами самобытной творческой самореализации жителей. Концентрация в рассматриваемых городах молодого населения, прибывавшего из разных частей страны, благоприятно сказывалась на формировании культурной среды и способствовала возникновению разнообразных форм и направлений куль-

турно-просветительской работы. В отличие от старых поселений региона в новостройках получали приоритетное распространение любительские театры, вокально-инструментальные ансамбли и группы, клубы авторской песни, литературные объединения и прочие новые формы самодеятельного творчества. В условиях географической удаленности ряда новых поселений и специфики районов нового хозяйственного освоения местные учреждения культуры обладали относительно большей самостоятельностью в выборе методов и определении содержания просветительской и культурно-массовой работы. Города-новостройки не подвергались пристальному идеологическому контролю со стороны партийных и государственных органов. В какой-то степени эти обстоятельства позволили сформировать собственные культурные традиции, оказавшие влияние на образ жизни горожан и выступавшие основой локальных идентичностей новых городов.

Переход местных учреждений и любительских коллективов на уровень профессиональной культуры определялся обстоятельствами возникновения и особенностями развития отдельных поселений. Среди рассматриваемых центров городом с наиболее укорененным населением и устоявшимися культурными традициями являлся Закаменск, истоки культурной жизни которого восходят к культуре автохтонного бурятского населения, ГУЛА-Говскому прошлому и влиянию депортированных трудопоселенцев 1930-х годов. В результате культурная жизнь Закаменска испытывала меньшее влияние промышленных предприятий и ведомственной культуры. Зависимость учреждений культуры от градообразующих предприятий в Гусиноозерске и Северобайкальске приводила к консервации местной культуры на любительском уровне развития. В целом становление профессиональных культурных коллективов зависело от темпов и масштабов диверсификации монопрофильной социально-экономической структуры данных поселений в постсоветский период.

Источники и принятые сокращения

1. АО ЗК — *Архивный* отдел МО города Закаменск Ф. 51 (Отдел культуры администрации МО город Закаменск). Оп. 1. Д. 66. Л. 7—8 ; Д. 78. Л. 2—23 ; Д. 113. Л. 7—23 ; Д. 170. Л. 15—17.
2. АО СБ — *Архивный* отдел администрации МО «город Северобайкальск». Ф. Р-10 (Отдел культуры Северобайкальского городского совета народных депутатов). Оп. 1. Д. 1. Л. 10—12 ; Д. 4. Л. 3—7 ; Д. 8. Л. 2—10 ; Д. 29. Л. 5—12.
3. АО СР — *Архивный* отдел Селенгинского района республики Бурятия. Ф. Р-1 (Городской совет Гусиноозерска за 1963—1979 гг.). Оп. 1. Д. 134. Л. 16—17 ; Ф. Р-41 (Отдел культуры исполкома городского совета депутатов г. Гусиноозерска). Оп. 1. Д. 17. Л. 8—10 ; Д. 161. Л. 17 ; Д. 285. Л. 12 ; Д. 324. Л. 17 ; Д. 383. Л. 6—27 ; Д. 401. Л. 5—25.
4. Борбылева Н. Хранительница истории / Н. Борбылева // Северный Байкал. — 2003. — 10 декабря. — С. 2.

5. ГАРБ — *Государственный архив республики Бурятия*. Ф. Р-475 (Президиум Верховного Совета Республики Бурятия). Оп. 1. Д. 1451а. Л. 93.
6. *Закаменский район культуры* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zakamnakultura.bur.muzkult.ru/afisha/event/41302750>. (дата обращения 01.05.2022).
7. *Образцовый театр кукол «Родничок»* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/teatrtrodnichok>. (дата обращения 01.05.2022).
8. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. Р-9538 (Министерство транспортного строительства СССР). Оп. 16. Д. 3392. Л. 122.
9. *Садовская А.* Вести культуры / А. Садовская // Знамя труда. — 1972. — 1 июня. — С. 3.
10. *Справочник партийного работника*. — Москва : Политиздат, 1979. — Выпуск 19. — 407 с.
11. *Справочник партийного работника*. — Москва : Политиздат, 1980. — Выпуск 20. — 560 с.
12. *Тимофеева Л.* Так все начиналось / Л. Тимофеева // Красная Селенга. — 1972. — 12 мая. — С. 4.
13. *Численность населения Республики Бурятия в разрезе районов (погрешность 50 человек)* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://burstat.gks.ru> (дата обращения 04.04.2022).

Литература

1. *Абабкова Н. Н.* Народные театры на юге Дальнего Востока России в условиях радикальных преобразований последней четверти XX — начале XXI вв. / Н. Н. Абабкова // Новая наука : стратегии и векторы развития. — 2016. — № 1—2 (58). — С. 52—54.
2. *Байкалов Н. С.* Байкало-Амурская магистраль и северные районы Бурятии : от всесоюзной комсомольской стройки к постсоветской деиндустриализации : монография / Н. С. Байкалов. — Улан-Удэ : Издательство Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2021. — 232 с. — ISBN 978-5-907331-70-9.
3. *Байкалов Н. С.* Библиотечное обслуживание населения районов строительства БАМа (1970—1980-е годы) / Н. С. Байкалов // Библиотекосведение. — 2021б. — № 4. — С. 424—435.
4. *Батуева М. С.* Наш городок / М. С. Батуева. — Закаменск : Знамя труда, 2004. — 258 с.
5. *Белошапка Н. В.* Государство и культура в СССР от Хрущева до Горбачева : монография / Н. В. Белошапка. — Ижевск : Удмуртский университет, 2021. — 320 с. — ISBN 978-5-4312-0101-1.
6. *Библиотека в системе общественных отношений региона* / Е. Б. Артемьева, Т. А. Жданова, Л. А. Кожевникова, А. Н. Маслова ; отв. ред. Е. Б. Соболева. — Новосибирск : СО РАН, 1999. — 204 с. — ISBN 5-7623-1273-9.
7. *Буреева Е. В.* Партийно-государственное руководство в сфере культуры Татарстана в 1953—1964 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Буреева. — Казань, 2010. — 196 с.
8. *Власов Г. П.* Социально-демографические процессы в новых районах освоения Сибири / Г. П. Власов. — Братск : Издательство БрГУ, 2015. — 162 с. — ISBN 978-5-8166-0410-9.
9. *Долголюк А. А.* Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955—1980 гг. / А. А. Долголюк. — Новосибирск : СО АН СССР, 1988. — 238 с. — ISBN 5-02-028981-7.

10. *Дружинина И. Е.* Социально-пространственная среда «новых» городов Иркутской области на примере Братска / *Е. И. Дружинина* // Вестник ИрГТУ. — 2013. — № 12. — С. 156—164.
11. *Зубков К. И.* Развитие Российской Арктики : советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах крайнего севера Урала и Западной Сибири) / *К. И. Зубков, В. П. Карпов*. — Москва : РОССПЭН: Политическая энциклопедия, 2019. — 366 с. — ISBN 978-5-8243-2364-1.
12. *Карпов В. П.* Культурное строительство на Тюменском нефтегазовом севере в 1960—80-е годы / *В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова* // Культура и антикультура : определения и ценности : коллективная монография. — Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2016. — С. 149—160. — ISBN 978-5-9961-1402-3.
13. *Карпов В. П.* Традиционная культура коренных народов Тюменского Севера : испытание индустриализацией / *В. П. Карпов* // Культура и Антикультура : Логика, Аксиология, Диалектика. — Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2017. — С. 213—230. — ISBN 978-5-9961-1556-3.
14. *Касаткина О. В.* Состояние и развитие учреждений социально-культурной сферы Бурятии в 1940—1950-е гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / *О. В. Касаткина*. — Улан-Удэ, 2006. — 201 с.
15. *Колева Г. Ю.* Становление индустриально-урбанистического общества на территории Тюменской области / *Г. Ю. Колева, И. Н. Стась, И. И. Шорохова*. — Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. — 283 с. — ISBN 978-5-9961-0792-6.
16. *Кузоро К. А.* Клубная деятельность современных сельских библиотек (из опыта работы библиотек Каргасокского, Кривошеинского и Молчановского районов Томской области) / *К. А. Кузоро, Д. Н. Болотских* // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2013. — № 2. — С. 87—92.
17. *Куцев Г. Ф.* Новые города : социологический очерк по материалам Сибири / *Г. Ф. Куцев*. — Москва : Мысль, 1982. — 269 с.
18. *Лукинский Ф. А.* Исторические аспекты экономического, культурного и социального развития Сибири / *Ф. А. Лукинский*. — Новосибирск : СО АН СССР, 1971. — 188 с.
19. *Лукьяненко В. И.* Города, рожденные волей партии / *В. И. Лукьяненко*. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973. — 269 с.
20. *Одорова Т. Л.* Некоторые направления ассортиментной работы в книжной торговле Бурятии (1970—1980-е гг.) / *Т. Л. Одорова* // Книга : Сибирь — Евразия : труды I Международного научного конгресса. — Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2016. — С. 233—239. — ISBN 978-5-94560-166-6.
21. *Салахова Л. М.* Культура молодых индустриальных городов Восточной Сибири в сер. 50-х — 80-е годы : опыт Братско-Усть-Илимского ТПК / *Л. М. Салахова*. — Братск : ГОУ ВПО «БрГУ», 2005. — 222 с.
22. *Салахова Л. М.* Особенности формирования культурной среды молодых индустриальных городов / *Л. М. Салахова* // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2011. — № 1. — С. 59—70.
23. *Стась И. Н.* Стать горожанином : урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.) / *И. Н. Стась*. — Курган : Курганский дом печати, 2018. — 167 с. — ISBN 978-5-6041149-5-7.
24. *Цыкунов Г. А.* Ангаро-Енисейские ТПК : проблемы и опыт : (Ист. аспект) / *Г. А. Цыкунов*. — Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1991. — 174 с. — ISBN 5-7430-0328-9.

25. Черно́ва Ю. В. Новые города Иркутской области (1950—1980 гг.). Историческое исследование : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. В. Черно́ва. — Иркутск, 2002. — 256 с.

26. Черных В. М. Гусиноозерск : хроника событий / В. М. Черных. — Гусиноозерск : Селенга, 2006. — 48 с.

Material resources

Archival Department of the administration of the MO “city Severobaikalsk”. F. R-10 (Department of Culture of the Severobaikalsky City Council of People’s Deputies). (In Russ.).

Archival Department of the Ministry of Defense of the city of Zakamensk F. 51 (Department of Culture of the Administration of the Ministry of Defense of the city of Zakamensk). (In Russ.).

Archive Department of the Selenginsky district of the Republic of Buryatia. F. R-1 (Gusinozersk City Council for 1963—1979); F. R-41 (Department of Culture of the Executive Committee of the City Council of Deputies of Gusinozersk). (In Russ.).

Borbyleva, N. (2003). The Keeper of History. *Northern Baikal. December 10*: 2. (In Russ.).

Exemplary puppet theater “Rodnichok”. Available at: <https://vk.com/teatrrodnichok> (accessed 01.05.2022). (In Russ.).

Handbook of a party worker, 19. (1979). Moscow: Politizdat. 407 p. (In Russ.).

Handbook of a party worker, 20. (1980). Moscow: Politizdat. 560 p. (In Russ.).

Russian State Archive of Economics. F. R-9538 (Ministry of Transport Construction of the USSR). (In Russ.).

Sadovskaya, A. (1972). *Vesti kultury. Znanya truda. June 1*: 3. (In Russ.).

State Archive of the Republic of Buryatia. F. R-475 (Presidium of the Supreme Council of the Republic of Buryatia). (In Russ.).

The population of the Republic of Buryatia in the context of districts (error 50 people). Available at: <https://burstat.gks.ru> (accessed 04.04.2022). (In Russ.).

Timofeeva, L. (1972). So it all began. *Krasnaya Selenga. May 12*: 4. (In Russ.).

Zakamensky district of culture. Available at: <https://zakamnakultura.bur.muzkult.ru/afisha/event/41302750> (accessed 01.05.2022). (In Russ.).

References

Ababkova, N. N. (2016). Folk theaters in the south of the Russian Far East in the conditions of radical transformations of the last quarter of the XX — early XXI centuries. *New science : strategies and vectors of development, 1—2 (58)*: 52—54. (In Russ.).

Batueva, M. S. (2004). *Our town.* Zakamensk: Banner of Labor. 258 p. (In Russ.).

Baykalov, N. S. (2021). *Baikal-Amur Highway and the northern regions of Buryatia: from the All-Union Komsomol construction to post-Soviet deindustrialization: monograph.* Ulan-Ude: Publishing House of the East Siberian State University of Technology and Management. 232 p. ISBN 978-5-907331-70-9. (In Russ.).

Baykalov, N. S. (2021b). Library services for the population of the construction areas of BAM (1970—1980-ies). *Librarianship, 4*: 424—435. (In Russ.).

Beloshapka, N. V. (2021). *State and culture in the USSR from Khrushchev to Gorbachev: monograph.* Izhevsk: Udmurt University. 320 p. ISBN 978-5-4312-0101-1. (In Russ.).

Bureeva, E. V. (2010). *Party and state leadership in the sphere of culture of Tatarstan in 1953—1964.* PhD Diss. Kazan. 196 p. (In Russ.).

- Chernova, Yu. V. (2002). *New cities of the Irkutsk region (1950—1980). Historical research.* PhD Diss. Irkutsk. 256 p. (In Russ.).
- Chernykh, V. M. (2006). *Gusinoozersk: chronicle of events.* Gusinoozersk: Selenga. 48 p. (In Russ.).
- Dolgolyuk, A. A. (1988). *Formation of labor collectives of the Bratsko-Ust-Ilimsky industrial complex. 1955—1980.* Novosibirsk: SB OF the USSR Academy of Sciences. 238 p. ISBN 5-02-028981-7. (In Russ.).
- Druzhinina, I. E. (2013). Socio-spatial environment of the “new” cities of the Irkutsk region on the example of Bratsk. *Bulletin of the IrSTU*, 12: 156—164. (In Russ.).
- Karpov, V. P., Gavrilova, N. Y. (2016). Cultural construction in the Tyumen oil and gas north in the 1960s — 80s. In: *Culture and anti-culture: definitions and values: a collective monograph.* Tyumen: Tyumen Industrial University. 149—160. ISBN 978-5-9961-1402-3. (In Russ.).
- Karpov, V. P. (2017). Traditional culture of indigenous peoples of the Tyumen North: the test of industrialization. In: *Culture and Anticulture: Logic, Axiology, Dialectics.* Tyumen: Tyumen Industrial University. 213—230. ISBN 978-5-9961-1556-3. (In Russ.).
- Kasatkina, O. V. (2006). *The state and development of institutions of the socio-cultural sphere of Buryatia in the 1940s—1950s.* PhD Diss. Ulan-Ude. 201 p. (In Russ.).
- Koleva, G. Yu., Stas, I. N., Shorokhova, I. I. (2013). *The formation of an industrial and urban society in the Tyumen region.* Tyumen: TSU. 283 p. ISBN 978-5-9961-0792-6. (In Russ.).
- Kutsev, G. F. (1982). *New Cities: a sociological essay based on the materials of Siberia.* Moscow: Mysl. 269 p. (In Russ.).
- Kuzoro, K. A., Bolotskikh, D. N. (2013). Club activity of modern rural libraries (from the experience of the libraries of Kargasoksky, Krivosheinsky and Molchanovsky districts of the Tomsk region). *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history*, 2: 87—92. (In Russ.).
- Lukinsky, F. A. (1971). *Historical aspects of economic, cultural and social development of Siberia.* Novosibirsk: SB of the USSR Academy of Sciences. 188 p. (In Russ.).
- Lukyanenko, V. I. (1973). *Cities born by the will of the party.* Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 269 p. (In Russ.).
- Odorova, T. L. (2016). Some directions of assortment work in the book trade of Buryatia (1970—1980-ies). In: *Book: Siberia — Eurasia: proceedings of the I International Scientific Congress.* Novosibirsk: GPNTB SB RAS. 233—239. ISBN 978-5-94560-166-6. (In Russ.).
- Salakhova, L. M. (2005). *Culture of young industrial cities of Eastern Siberia in the ser. 50s — 80s: the experience of the Bratsko-Ust-Ilim TPK.* Bratsk: BrSU. 222 p. (In Russ.).
- Salakhova, L. M. (2011). Features of the formation of the cultural environment of young industrial cities. *Problems of socio-economic development of Siberia*, 1: 59—70. (In Russ.).
- Sobolev, E. B. (ed.). (1999). *Library in the system of public relations of the region.* Novosibirsk: SB RAS. 204 p. ISBN 5-7623-1273-9. (In Russ.).
- Stas, I. N. (2018). *Becoming a citizen: urbanization and population in the oil region (1960s — early 1990s).* Kurgan: Kurgan House of Printing. 167 p. ISBN 978-5-6041149-5-7. (In Russ.).
- Tsykunov, G. A. (1991). *Angara-Yenisei TPK: problems and experience: (Historical aspect).* Irkutsk: Irkutsk University Press. 174 p. ISBN 5-7430-0328-9. (In Russ.).

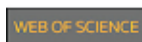
- Vlasov, G. P. (2015). *Socio-demographic processes in new areas of development of Siberia*. Bratsk: BrSU Publishing House. 162 p. ISBN 978-5-8166-0410-9. (In Russ.).
- Zubkov, K. I., Karpov, V. P. (2019). *Development of the Russian Arctic: Soviet experience in the context of modern strategies (based on the materials of the Far North of the Urals and Western Siberia)*. Moscow: ROSSPEN: Political Encyclopedia. 366 p. ISBN 978-5-8243-2364-1. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 12.05.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 11.09.2022.*

Джумагулова А. Т. Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков / А. Т. Джумагулова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 377—397. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397.

Dzhumagulova, A. T. (2022). Features of State of Economy of Nogai Societies of North Caucasus in 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 377-397. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397

Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков

Джумагулова Айгуль Темерхановна
orcid.org/0000-0002-4067-956X
приглашенный исследователь ¹
кандидат исторических наук, доцент ²
aigul-men@mail.com

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия)

² Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Ессентуки, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного гранта № 22-18-00313

Features of State of Economy Of Nogai Societies of North Caucasus in 19th — Early 20th Centuries

Aigul T. Dzhumagulova
orcid.org/0000-0002-4067-956X
Visiting Researcher ¹
PhD in History, Associate Professor, ²
aigul-men@mail.com

¹ Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

² Stavropol State Pedagogical Institute, a branch in Essentuki (Essentuki, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation project number 22-18-00313

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена малоизученностью и фрагментарной освещенностью проблемы развития и регресса традиционных хозяйственных отраслей ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков. Новизна исследования состоит в том, что в настоящей работе положение основных хозяйственных отраслей ногайцев (коневодство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота) рассмотрено в исторической ретроспективе во взаимосвязи государственной политики, направленной на перевод кочевых ногайцев в оседлое состояние, сокращения пастбищных пространств и природно-климатических явлений и факторов, вызывавших в экономике кочевых обществ чрезвычайные ситуации, вследствие чего обедневшие скотоводы были вынуждены переходить к полукочевой или оседлой форме жизни. Автор обращает внимание на то, что в условиях дефицита водных источников и экстремальной (аномально холодной и аномально жаркой) погоды экстенсивное кочевое скотоводство ногайцев в XIX — начале XX веков проживало серьезный кризис. Сделан вывод о том, что в конце XIX — начале XX веков у ногайцев Северного Кавказа происходит процесс разложения и упадка кочевого скотоводства. Табунные формы скотоводства постепенно заменяются домашними типами, появляются постоянные жилища, развивается земледелие.

Ключевые слова:

Северный Кавказ; ногайская степь; кочевники; ногайцы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is due to the insufficiently studied and fragmentary coverage of the problem of development and regression of the Nogai societies of the North Caucasus traditional economic sectors in the 19th — early 20th centuries. The novelty of the study lies in the fact that in this study, the situation of the main economic sectors of the Nogais (horse breeding, sheep breeding, cattle breeding) is considered in a historical retrospective in the relationship of state policy aimed at transferring the nomadic Nogais to a settled state, reducing pasture spaces and natural and climatic phenomena and factors that caused emergency situations in the economy of nomadic societies. As a result of this impoverished pastoralists were forced to switch to a semi-nomadic or sedentary form of life. The author draws attention to the fact that in the conditions of a shortage of water sources and extreme (abnormally cold and abnormally hot) weather, the extensive nomadic pastoralism of the Nogais in the 19th and early 20th centuries experienced a serious crisis. It is concluded that at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries, the Nogais of the North Caucasus were undergoing a process of decomposition and decline of nomadic pastoralism. It is noted that herd forms of cattle breeding are gradually being replaced by domestic types, permanent dwellings appear, agriculture is developing

Key words:

North Caucasus; Nogai steppe; nomads; Nogais.

Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков

© Джумагулова А. Т., 2022

1. Введение = Introduction

Изучение экономического развития обществ кочевых ногайцев в XIX — начале XX веков относится к одной из актуальных проблем в отечественной исторической науке. Важность разработки этой проблемы определяется не только необходимостью дать правильную характеристику одного из наиболее сложных периодов в истории ногайцев, связанного с процессом седентеризации кочевых обществ, но и большим значением тех выводов, которые следуют из анализа данного конкретного материала.

Настоящая работа ставит своей целью осветить экономическое положение обществ кочевых ногайцев, проживавших на территории Северного Кавказа в XIX — начале XX веков в контексте влияния государственной политики, сокращения пастбищных пространств, а также природно-климатических явлений и иных факторов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование осуществлено на основе принципов историзма, объективизма и системности. В результате применения статистического метода дана количественная характеристика поголовья скота обществ кочевых ногайцев в рассматриваемый период. Методологическую основу работы составили сочетание общенаучных положений, принципов и методов исторической науки.

Изучение и анализ экономического состояния традиционных хозяйственных отраслей ногайцев осуществлены на основе использования широкого круга многообразных материалов и источников. Эти источники составляют эмпирическую базу, практическую основу исследования, позволившие автору проследить действие основных закономерностей развития традиционных хозяйственных отраслей ногайского народа и сделать обобщающие выводы.

Первую группу материалов составили исследовательские работы, вторую — отчеты государственных служащих и заметки путешественников, третью — сборники документальных материалов.

В исследовании были использованы архивные материалы Государственного архива Ставропольского края и Российского государственного военно-исторического архива.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Скотоводство относится к наиболее древним занятиям ногойского народа. О скотоводческом хозяйстве ногойских обществ имеются многочисленные данные в записках иностранных путешественников, побывавших в ногойских землях в XV—XIX веках. Богатые сведения сохранили и русские документы-летописи, дипломатическая переписка, акты, военные донесения и т. д. Источники свидетельствуют об огромных стадах лошадей, коров, верблюдов, овец и коз, перегоняемых ногойцами по степям Поволжья и Предкавказья.

Традиционной формой хозяйственной деятельности ногойских обществ было кочевое скотоводство, в особенности коневодство, овцеводство и разведение крупного рогатого скота. Хозяйственно-экономическая жизнь ногойцев не предусматривала создания запаса кормов. Этот недостаток восполнялся хорошим знанием ими районов кочевья, умением выбирать выпасы и вовремя передвигать стада и табуны лошадей. Все необходимые ресурсы к проживанию — жилище, пища, одежда — давало им кочевое хозяйство. Скот служил тягловой силой, имел товарное значение. Избытки своих промыслов ногойцы сбывали на рынки Кизляра, Моздока, Ставрополя, Грозного, Астрахани, Нахичевана и др. [Самойлов, 1881, с. 1].

3.1. Государственная политика по переводу ногойских обществ Северного Кавказа в оседлое состояние

Ногойские общества с конца XVIII века, то есть с периода вхождения в состав Российской империи, размещались в четырех ногойских приставствах. Калаус-Джебойлуковские ногойцы занимали равнинные степные пространства по рекам Калаусу и Янкулям Ставропольского округа Кавказской губернии. Калаус-Саблинские и Бештово-Кумские общества кочевали по рекам Куме и Сабле Георгиевского округа. В Моздокском округе, между Моздоком и Кумой, кочевали Ачикулак-Джембойлуковские ногойцы. Караногойские общества и часть едишкульцев занимали степные пространства Кизлярского округа. Часть ногойских обществ проживали около бассейнов рек Кубани и Урупа [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2919, л. 5—6]. По данным 1829 года, в Кавказской области тогда проживало 74 870 ногойцев [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 685, л. 101—104].

Непосредственно управлял ими главный пристав. В 1822 году начальник Кавказской области генерал А. П. Ермолов подписал «Наказ для управления ногойцами». С февраля 1827 года «Наказ...» был утвержден как «Устав для управления ногойцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» [ПСЗРИ-II, т. 2, с. 107—155].

Главный пристав подчинялся начальнику Кавказской области. Обязанности главного пристава заключались в распределении податей и повинностей

для каждого ногайского пристава, надзор за сбором и расходом общественных денег и иные относящиеся к гражданскому ведомству дела. Частные приставы находились в непосредственном подчинении главного пристава. Их обязанности были схожи с обязанностями земского комиссара, так как земская полиция не имела власти в ногайских кочевьях. Частный пристав следил за порядком и спокойствием среди вверенного ему народа. Он не имел права вмешиваться в распределение общественных денег, однако нередко приставы, злоупотребляя своим положением, присваивали себе значительную часть общественных денег. Наиболее показательны в этом отношении разбирательства и расследования против пристава Корнилова [АКАК, т. 2, с. 21, 986] и генерал-майора С. А. Портнягина [АКАК, т. 5, с. 855—861].

Административное объединение ногайцев в пристава не уничтожило родо-племенное деление среди ногайских обществ. Подобные связи были еще сильны среди ногайцев, и местная администрация должна была с этим считаться. Так, к примеру, перепись населения и скота производилась по кубам, согласно им распределялась и натуральная повинность, а также территория для перекочевков. Каждый куб избирал голову, двух старшин и одного казначея, а каждый аул — старосту и десятника сроком на один год. Все выборные должности утверждались главным приставом [ПСЗРИ-II, т. 2, с. 145—146].

Российская администрация с начала XIX века принимала различные меры, чтобы объяснить кочевым ногайским обществам выгоды оседлой жизни и занятия земледелием. Ногайцы-скотоводы не имели развитых навыков обработки земли. Однако не это выступало причиной нежелания переходить в оседлое состояние и обрабатывать землю. В составе Крымского ханства в первой половине XVIII века и позднее ногайские общества демонстрировали возможности сочетать традиционное занятие скотоводством с выращиванием зерновых и бахчевых культур. Важную роль сыграли тогда плодородность земель и благоприятность природных условий территории проживания ногайцев [Джумагулова, 2019, с. 46—67].

На Северном Кавказе, в местах с благоприятными природно-климатическими условиями, ногайцы также практиковали создание оседлых поселений. К ним относились кубанские ногайские общества, а также некоторые общества Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского пристава и часть ногайцев Калаус-Джембойлуковского пристава. Территорию Ачикулак-Джембойлуковского и Караногай-Едишкульского пристава в большинстве своем занимали безводные полупустынные территории.

Приведем выдержку из характеристики территорий этих двух приставств, данную агрономом в XIX веке: «Одной из главных к тому причин (речь идет о кочевом образе жизни ногайцев и об отсутствии земледельцев

среди них. — *А. Д.*) служит безводная и крайняя непроизводительность почвы, как и вообще вся карангайская степь составляет самое бесплоднейшее и безводное пространство губернии; здесь едва возможно прокармливать незначительное число скота» [Сборник ..., 1863, с. 106].

В 1802 году отставной капитан Новицкий подал на имя императора проект о строительстве канала, соединяющего реку Куму с Каспийским морем. На старых картах река Кума впадала в Каспийское море, но затем ее русло стало заноситься песком, и река в XVIII веке уже не доходила до моря. Новицкий же предлагал восстановить прежнее русло реки, он писал: «От той реки можно взять часть течения и оросить на Кизлярской степи несколько тысяч десятин земли, то через год Кизлярские жители и кочующие ногайцы могут произвести знатное хлебопашество, а со временем может тут быть селение, ибо сии места безводны теперь, пусты и дикопорозжи» [АКАК, т. 2. с. 1056]. Новицкий не получил ответа относительно своего проекта. Через два года он вновь подал его на рассмотрение, но ответа снова не последовало.

Вопрос о наделении ногайцев дополнительной плодородной землей ставился неоднократно, так как местные власти признавали полезность ногайцев государству и констатировали их бедственное экономическое положение в безводных степях. Генерал А. П. Ермолов в 1818 году ставил вопрос о выделении ногайцам дополнительных земель, лежащих по правому берегу реки Терека [АКАК, т. 6, ч. 2, с. 641—642]. Однако предложение Ермолова не было принято и карангайцы продолжали кочевать на территории 800 тысяч десятин, из которых большая часть представляла солончаки и сыпучие пески.

По данным 1829 года, едишкульские общества в 1829 году посеяли озимой пшеницы 109 четвертей и 39 четвертей проса. Ногайцы Ачикулак-Джембойлуковского приставства в 1839 году посеяли озимой пшеницы 188 четвертей [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 1330, л. 14—18, 25—30]. Тем не менее обработка земли и занятия земледелием занимали незначительное место в общей экономике этих обществ.

В 1835 году управляющий Кавказской областью генерал А. А. Вельяминов собрал сведения о кочующих ногайских обществах и об их экономическом благосостоянии. На основании этих данных он составил проект о переводе ногайцев в оседлое состояние и о поощрении их к занятиям земледелием. Проект был подан на имя императора, однако намерениям Вельяминова не суждено было осуществиться, так как император Николай I поставил на проекте резолюцию: «Зачем?» [АКАК, т. 8, с. 774]. Она на долгие годы предопределила экономическую структуру и хозяйственный быт ногайских обществ, проживавших на территории Северного Кавказа.

Однако и развитие скотоводческого хозяйства было тесно связано с вопросом земледелия и землепользования. Поземельные споры были очень острыми на Северном Кавказе и серьезно беспокоили местные власти. Часто происходили споры между ногайскими обществами и казаками, калмыками и туркменами. Последние также занимались кочевым скотоводством на Кавказе [Джумагулова, 2019, с. 99—102].

Местные и центральные власти принимали некоторые меры по упорядочению землевладения и землепользования, среди которых были такие, как частичное межевание на левом фланге Кавказской линии в 1802—1803 годы, Указы от 19 мая 1806 года об отмежевании земель калмыкам, в 1810 году — о наделении земель кочующих магометан, в 1819 году — казаков, и только в 1827 году началась разработка проекта общих правил пользования землей [ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 1070, л. 54].

Таким образом, в вопросах землевладения и землепользования среди ногайцев на Кавказской линии долгое время существовал невообразимый беспорядок. Так, по данным 1836 года, Кавказский, Хоперский, Волжский, Горский и Моздокские полки в общей сложности имели излишки земли 189 391 десятина, тогда как ногайцы задыхались от безземелья и вынуждены были арендовать земли у Терско-Семейного войска в зимнее время с уплатой от 10 до 55 рублей от каждой кибитки [Берже, 1859, с. 487—488; Кочекаев, 1973, с. 76—77].

Таким образом, земель становилось меньше, чем было раньше, скот испытывал недостаток в пастбищах. Изъятия пастбищ приводили к нарушению пастбищно-кочевой системы кочевников. Одновременно с сужением районов кочевания в рассматриваемый период происходило также ухудшение качества используемых пастбищ. Это вполне понятно: чем меньше становилось хороших пастбищ (сокращалась их площадь), тем дольше на них находился скот. Выпас скота производился таким образом, что стадо не столько поело траву, сколько вытаптывало ее.

В западной части караногайской степи ежегодно и летняя, и зимняя пастьба, чередуясь, происходила на одних и тех же ограниченных пастбищах, и со временем они становились все беднее травой. Хуже всего в этом отношении обстояло дело у полuosедлых ногайцев Ачикулакского прикормства, ограниченного со всех сторон поселениями туркмен, караногайцев и русских крестьян. Скот из года в год «толпся» на одних и тех же пастбищах. «Район кочевания их или, собственно, выпаса скота ограничен 3—5-ти верстным расстоянием от аула, причем пастбища не подразделяются на зимние, летние или весенне-осенние» [Щеглов, 1910, с. 413]. В результате пастбища, расположенные вплотную к Бакыланским и Бажиганским пескам, истощались, вытаптывались и превращались в песчаные степи.

В январе 1862 года в Ачикулак-Джембойлуковском приставстве на сходках решался вопрос о переходе обществ в оседлое состояние, только один Кангалынский куб не присоединился к этому решению [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 55, л. 18]. Тогда за счет средств общественного магометанского капитала было построено около тысячи домов [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 118, л. 113]. В Караногайском приставстве к оседлости решили перейти только 150 семей [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 55, л. 114].

Дальнейший переход в оседлое состояние тормозился малоприспособленностью земель для занятий земледелием. В 1879 году ногайскую степь обследовал агроном Кузьмин, он писал в своем отчете: «Я не хочу сказать, что вся степь ногайская может быть в настоящее время занята оседлыми поселениями... Нет, ногайская степь далеко не рай земной, русским поселенцам там придется очень туго, так что они оттуда, пожалуй, разбегутся» [Статистика..., 1881, с. 17]. На основании заключения Кузьмина о состоянии и распределении земли было отведено под оседлые поселения в Ачикулакском приставстве 96 360 десятин, в Караногайском — 49 699 десятин. В общем пользовании ногайцев этих двух приставств находилось: Ачикулакском — 194 405 десятин, Караногайском — 955 206 десятин земли. Пригодность этой территории агроном Кузьмин охарактеризовал так: «... удобной для хлебопашества 25 %, земли временно удобной только для выпаса скота 25 %, неудобной, находящимися под сыпучими песками, солончаками, соляными озерами и камышами 43 % и под кочевьями, так называемых крещенных калмыков 7 %» [Статистика..., 1881, с. 18].

Таким образом, развитию земледелия в этих приставствах препятствовало отсутствие плодородных земель и вод. В 1878 году инженер Данилов представил проект сооружения судоходного Манычского канала. Постройка канала дала бы возможность оросить и обводнить значительную часть Прикаспийской низменности. Однако правительство не поддержало этот проект. Позже инженерами Нырковым и Веселовским был разработан проект орошения степи путем строительства Терско-Кумского канала с использованием для этого вод реки Терек. Судьба этого проекта была такой же, как и предыдущих [Кужелева, 1964, с. 51].

Водопоями у ачикулакских обществ служили копани, в которых вода была по большей части горькой и соленой. Жители многих аулов ездили за водой для пищи и питья за 8 и более верст к колодцам [Кочкаев, 1973, с. 80]. Из-за плохого качества воды и антисанитарных условий содержания колодцев часто вспыхивали эпидемии среди населения, а в знойные летние дни из-за недостатка воды гибли тысячи голов скота. Лишь в 1904 году по решению ногайского общества в Ачикулакском приставстве был заложен первый артезианский колодец. В 1907 году их было уже 7. Каждый колодец

обходился обществу от 3 до 5 тыс. рублей, и строительство производилось за счет средств магометанского капитала [Кужелева, 1964, с. 52].

В Караногайском приставстве вода повсеместно добывалась также из копаней, преимущественно горько-соленая, настолько, что ее не пил даже скот. Первый артезианский колодец был заложен в 1913 году при ставке Терекли-Мектеб [Кочекаев, 1973, с. 80].

Вследствие отсутствия воды значительная часть населения караногайских обществ не могла углубиться внутрь степи и кочевала вблизи Каспийского моря в 10—15-ти верстах. Для себя также возили морскую воду, а скот гоняли для водопоя к морю. Однако для этого необходимо было прогнать скот через казенные земли в Терской области. Кочевники платили высокую плату за каждую голову скота, что усугубляло и без того незавидное положение караногайцев [Бентковский, 1882]. Отсутствие естественных водоемов, служивших водопоем для скота, также было фактором, сдерживающим развитие скотоводства у ногайцев в рассматриваемый исторический период.

Когда же ногайцы уходили вглубь степи, то они попадали на кочевья своих же соплеменников. Так возникали споры и конфликты. Документы свидетельствуют о пастбищных ссорах между караногайцами и едисанцами, джембойлуковцами и туркменами. Эта борьба вела к ухудшению положения кочевых обществ, которые в результате взаимных набегов лишались собственного скота.

3.2. Влияние природно-климатических факторов на хозяйственные отрасли обществ кочевых ногайцев

Кочевое хозяйство ногайцев: коневодство, овцеводство и разведение крупного рогатого скота — в значительной степени зависело от природно-климатических явлений и факторов. Ногайцы-скотоводы никогда не заготавливали корм, и скот круглый год находился под открытым небом, зимой и летом добывая себе корм в степи. В знойные летние дни обычным явлением был массовый падеж скота из-за острого недостатка воды. Еще большим бедствием были суровые и продолжительные зимы, в это время многие ногайцы теряли почти весь свой скот и становились байгушами, то есть бродягами. Значительно влияли на поголовье и распространявшиеся эпизоотии. Лечение скота проводилось традиционными средствами. Больше внимания уделялось увеличению поголовья скота (вместо качественно-го улучшения различных пород скота и лошадей) [Самойлов, 1881, с. 13; Петухов, 1911, с. 11—12; Кужелева, 1964, с. 35—36].

Так, зима 1824—1825 годов была очень суровой. Начался массовый падеж скота, так как заготовленных кормов не было, а скот не мог добывать себе корм под толстым слоем льда и снега. В Ачикулак-Джембойлуковском

приставстве пало 11 538 лошадей, 14 658 голов крупного рогатого скота и 19 6132 овец. В Калаус-Джембойлуковском приставстве погибло 3 826 лошадей, 19 400 голов крупного рогатого скота и 15 534 овец. У караногайских и едишкульских обществ погибло в ту зиму 22 257 лошадей, 37 265 голов крупного рогатого скота и 91 818 овец [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 352, л. 11, 17, 22].

Ногайцы Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставств к этому времени были уже полуседлыми и наряду со скотоводством занимались земледелием. Жили они в саклях, для скота устраивали загоны и заготавливали небольшое количество сена на случай суровой зимы. Летом они перекочевывали вместе со скотом на летние пастбища и жили в кибитках. Бедствия зимы 1824—1825 годов их коснулись значительно меньше.

Кубанские ногайские общества по образу жизни и хозяйству значительно раньше вышеперечисленных ногайцев перешли к оседлой жизни, практикуя отгонное скотоводство.

В донесениях приставов за 1844—1845 годы опять указывалось, что суровая зима унесла большую часть скота у ногайцев. К началу марта у туркменских и караногайских обществ погибло 21 812 голов крупного рогатого скота и 72 018 овец. «Народ же ачикулак-джембойлуковский, — писал кавказский наместник М. С. Воронцов, — остался без лошадей и беднейшие из хозяев, лишившись во время зимы не только скота, но и топлива, жгли свои кибитки и уходили в селения для пропитания» [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 4006, л. 25—35]. Положение было настолько тяжелым, что Воронцов просил петербургские власти сложить с ачикулак-джембойлуковских обществ все недоимки, числящиеся за ними.

Рогатый скот «довольствовался полусгнившею давнею соломою или в камышах осокою, — писал ставропольский помещик А. Ф. Ребров, — нельзя теперь сделать счета, даже приблизительно, сколько в зиму сию погибнет скота у хозяев и у кочевых народов» [Ребров, 1845, с. 222].

В 1875 году только в Ачикулакском приставстве погибло от непогоды 2 779 голов или 50 % всего скота. Осталось — 2780 голов [Бентковский, 1876, с. 33].

«Зима 1892—1893 годов окончательно подорвала благосостояние многих караногайцев, — писал Г. Малявкин, — лошади от голода и недостатка в траве гибли сотнями, а овец осталось 50 или 25 %» [Малявкин, 1893, с. 158]. Г. Ананьев также отмечал тогда: «1888, 1889 и 1893 годы особенно памятли. Во время буранов погибла половина всех домашних животных» [Ананьев, 1908, с. 1—2].

В зиму 1892—1893 годов «скот, лошади и овцы, не находя для себя подножного корма, падали от голода тысячами, наполняя собою все овраги и балки. Больше всего пострадали от последних снежных заносов карано-

гайцы» [Кочекаев, 1973, с. 75]. В 1911 году от стужи и бескормицы погибло в Караногайском приставстве 19 верблюдов, 1696 лошадей, 2365 рогатого скота и 5528 овец [Капельгородский, 1914, с. 47].

Большие бедствия приносила чума, которая буквально косила крупный рогатый скот, и оспа — от нее погибали овцы. «Сибирская язва, — сообщала газета «Кавказ», — появившаяся... в кочевьях караногайцев..., вырвала несколько десятков жертв, а чума на скот довольно опустошила стада ногайцев» [Рудановский, 1864, с. 531]. По данным Г. Н. Прозрителева, в 1879 году скотоводов сильно беспокоили чума рогатого скота и овец, а также болезнь, известная под названием «кровавая моча» [Прозрителев, 1925, с. 41]. Именно тогда, отмечает автор, местные власти задумались о необходимости устройства ветеринарных пунктов в среде кочевых обществ [Прозрителев, 1925, с. 24—25].

В 1892—1894 годах в Ставропольской губернии свирепствовала чума. Министерством внутренних дел были изданы правила обязательного убоя скота, бывшего в соприкосновении с павшими от чумы животными. По словам современников, «целые гурты скота истреблялись, и человек из богатого в один день делался батраком» [Прозрителев, 1925, с. 24—25]. Это имело своим последствием сокращение скотоводства в регионе.

Немалый ущерб хозяйству кочевых обществ зимой доставляли нападения, волчьих стай, «уничтожающие только у одних ногайцев ежегодно до 600 голов крупного рогатого скота и до 5 тыс. мелкого» [Рудановский, 1863, с. 197—198]. Особенно свирепствовали волки в Караногайских степях, где в малодоступных песчаных бурунах они разводились в угрожающих количествах [Рудановский, 1863, с. 197—198].

Таким образом, безотрадную картину бедственного положения хозяйственных отраслей ногайцев под влиянием природных факторов рисуют нам источники XIX — начала XX веков.

3.3. Экономическое положение традиционных хозяйственных отраслей ногайцев в XIX — начале XX веков

Исторически наиболее развитой отраслью хозяйства ногайцев было коневодство. Разведение лошадей носило табунный характер. Ногайские лошади отличались неустойчивостью, прыткостью, неприязнательностью к корму. За свою выносливость они поставлялись в казачьи войска [Фарфаровский, 1909, с. 191—195]. Особо ценились ногайские аргамаки — парода быстрых и легких верховых лошадей [Кочекаев, 1973, с. 64; Кидирнязов, 2010].

В начале XIX века, по данным источников, вследствие бескормицы, от голода и стужи погибло три четверти всех ногайских лошадей, а оставшиеся были в самом жалком состоянии. Резко упала численность табунных и

у закубанских ногайцев, которые были практически истреблены набегами соседних народов. К началу 40-х годов XIX века «лучшие табуны были отбиваемы и временем, год от году, они у всех владельцев почти истреблены» [РГВИА, ф. ВУА, д. 6244, л. 106].

По данным сотника Косякина, у джембойлуковцев в 1824 году было 7 749 лошадей [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 167, л. 45—48], а в 1835 году их стало 842 [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2385, л. 3]. И только к середине XIX века численность их увеличилась до 3240 [Архипов, 1852]. В караногай-едишкульских обществах в 1812 году числилось 22 698 лошадей [АКАК, т. 5, с. 877—878]. К середине XIX века их количество сократилось до 15 557 голов. В 1892 году был зафиксирован подъем в сравнении с предыдущими годами, их количество увеличилось до 18 773 лошади. В 1914 году численность лошадей немного снижается — до 16 600 голов [Капельгородский, 1914, с. 50]. Наименьшее количество лошадей среди ногайских обществ было в Ачикулак-Джембойлуковском приставстве. В конце XIX — начале XX веков, согласно официальной ведомости, их численность составляла чуть более 9000 голов [Прозрителев, 1925].

В хозяйственной жизни ногайцев важную роль играл крупный рогатый скот (породы «красный астраханский» или ногайский). Выпас скота продолжался обычно круглый год, за исключением сильных морозных дней [АКАК, т. 4, с. 909]. «В суровые и снежные зимы, когда скотина не в состоянии выбивать снег, чтобы добраться до травы, ногайцы Ставропольской губернии часто обращались за покупкой сена к русским крестьянам ведомства государственных имуществ, у которых всегда имелся их избыток» [Забудский, 1851, с. 202—203]. Стог сена обходился ногайцам в 3—5 рублей серебром [Забудский, 1851, с. 202—203].

Кубанские ногайцы значительно раньше остальных ногайских обществ адаптировались к условиям северокавказских степей. Скотоводство у них на протяжении XIX века было отгонным. Зиму скот проводил в аулах, лето — на горных пастбищах. Во выюжную погоду весь свой скот они подгоняли к лесу, так они спасали значительную часть своего поголовья [Кочекаев, 1973, с. 66].

По данным пристава Ахвердова от 29 января 1812 года, караногайцы имели 54 465 голов крупного рогатого скота [АКАК, т. 5, с. 877—878]. В 1837 году их численность возросла даже до 62 028 голов [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2345, л. 70, д. 2819, л. 5—6]. Однако со второй половины XIX века фиксируется резкое снижение численности. Так, в 1850 году было 54 331 [Архипов, 1852], в 1851 — 40 500 [Забудский, 1851, с. 178], 1872 — 35 693 [Капельгородский, 1914, с. 50], 1879 — 32 168 [Бентковский, 1879, с. 32], 1882 — 28 999 [Бентковский, 1882] (по другим данным — 30 770 [Бент-

ковский, 1883, с. 450—452]). Численность рогатого скота у караногайцев не увеличивалась и в начале XX века. В 1912 году было 34 400, и в 1914 году — 33 770 голов [Капельгородский, 1914, с. 50].

В начале XIX века (1812) у ачикулак-джембойлуковских ногайцев было рогатого скота — 9 418 голов [АКАК, т. 5, с. 877—878]. Наибольшее число голов скота было в 1829 году — 15 259 [Прозрителев, 1925]. В результате сильных морозов и бескормицы ногайцы постепенно теряли свой скот, который год от году уменьшался и доходил иногда до ничтожной цифры. Так, в 1839 году на 10 966 душ населения было всего лишь 1822 головы рогатого скота [Прозрителев, 1925, с. 39]. Эта заметная разница доказывает, каким случайностям было подвержено кочевое скотоводство под влиянием природных факторов. Только с переходом к оседлости со второй половины XIX века заметно увеличивается поголовье крупного рогатого скота. В Ачикулакском приставстве это количество достигает в 1879 году — 19 187 [Бентковский, 1879, с. 32], в 1896 — до 20 058, а к 1902 году — до 23 298 голов [Прозрителев, 1925]. Немалую роль в этом процессе сыграла практика заготовки сена на зиму оседлыми и полuosедлыми ногайцами [Щеглов, 1910, с. 446, 482; Кидирниязов, 2010].

До переселения в Османскую империю в 60-х годах XIX века у калаусо-саблинских и бештово-кумских, а также калаусо-джембойлуковских ногайцев в 1850 году было соответственно 20 200 и 19 760 голов крупного рогатого скота [Забудский, 1851, с. 178].

При характеристике скотоводства ногайцев нельзя не упомянуть о разведении верблюдов. Ногайцы, имеющие верблюдов, взваливали свой багаж и домашнюю рухлядь «на высокорослого, терпеливого и шагистого животного» и целым караваном отправлялись в путь. «Верблюды встречаются белые и рыжие, но все поголовно двугорбые», — писал о них С. В. Фарфоровский [Фарфаровский, 1909, с. 191—195].

Численность верблюдов в ногайских обществах в первой половине XIX века значительно сократилась. В 1837 году по всем ногайским приставствам насчитывалось 62 верблюда, в том числе у калаус-джембойлуковских ногайцев — 10, караногай-едишкульских — 48, ачикулак-джембойлуковских — 4. Калаусо-саблинские и бештово-кумские общества не имели верблюдов. [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2345, л. 62, 70; д. 2819, л. 5—6].

Тем не менее во второй половине XIX века ногайцы стали разводить верблюдов в качестве молочного скота. В 1879 году у караногай-едишкульских обществ было уже 568 голов, у ачикулак-джембойлуковских — 429 верблюдов [Бентковский, 1879, с. 32].

К 1892 году у караногайских обществ численность верблюдов увеличилась до 2557 голов. Однако к 1914 году их поголовье сократилось более

чем вдвое — до 1115 голов [Капельгородский, 1914, с. 50; Кидирнязов, 2010]. А ногайцы Ачикулакского приставства почти полностью потеряли верблюдов. По данным П. Прозрителева, у них осталось всего лишь 43 верблюда [Прозрителев, 1925].

Наиболее развитой отраслью хозяйства в XIX веке у ногайских обществ было овцеводство. «Овцы их с курдюками. Из каждого они вытапливают сало до 30-ти фунтов», — отмечал А. М. Павлов [Павлов, 1842, с. 13]. Овцы были различной масти: «белые, рыжие, черные и серые» [Павлов, 1842, с. 13].

В связи с ограниченностью пастбищных пространств и водворением ногайцев в безводные районы развитие овцеводства в Ачикулакском приставстве в первой половине XIX века сдерживалось. О резком сокращении поголовья овец можно судить по следующим данным. В 1829 году у них было 8452 овцы, через 10 лет, то есть в 1839 году их численность стала уже 1456 голов [Прозрителев, 1925], в 1850 году — 3200 голов [Архипов, 1852]. Только с переходом к оседлости ногайцы Ачикулакского приставства начали заготавливать и строить помещения для скота. С этого времени начинается некоторый подъем овцеводства. В 1879 году ногайцы этого приставства имели уже 55 545 овец [Бентковский, 1879, с. 32]. В 1902 году за ними числилось 43 302 овцы [Прозрителев, 1925].

Более высоких результатов овцеводство достигло в Караногайском приставстве. По сведениям пристава Ахвердова, в 1812 году за караногайскими обществами числилось 286 138 овец [АКАК, т. 5, с. 877—878]. В 1837—1838 годах численность овец немного снизилась — до 255 340 овец и коз [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2345, л. 71], но в дальнейшем сократилась еще больше, и во второй половине XIX века их насчитывалось не более 106 000 — 130 000 голов. Вот некоторые цифры: 1850 год — 116 718 [Архипов, 1852], 1872 — 106 300 [Капельгородский, 1914, с. 50], 1882 — 110 266 [Бентковский, 1882, с. 30] (по другим данным — 120 992 [Бентковский, 1883, с. 184—186], 122 600 [Капельгородский, 1914, с. 50]), 1892 — 130 400 голов [Капельгородский, 1914, с. 50]. В 1902 году численность овец вновь увеличилась до 250 500 голов [Капельгородский, 1914, с. 50].

Однако это поголовье главным образом принадлежало зажиточным хозяйствам, а основная масса народа владела только небольшим числом овец или не имела их совсем [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 3997, л. 38].

Наряду с овцами ногайцы разводили коз, которые не давали много шерсти и не отличались «величиною» [Фарфаровский, 1909, с. 195]. Козы обычно содержались с овцами в общем стаде. Чаще всего их держали для внутренних хозяйственных нужд. Очень ценился ногайский чай на козьем молоке. Между тем общее число коз было небольшим. Лишь у караногай-

ских обществ в общем стаде мелкого скота козы занимали около 10 % их численности. В 1882 году караногайцы имели 11 876 коз [Бентковский, 1883, с. 154—156]. Ногайцы Ачикулакского приставства в 1837 году имели 3540 коз [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2345, л. 62]. Затем их число к середине XIX века более чем вдвое уменьшилось. В 1850 году коз у них было — 1500 [Архипов, 1852]. С 90-х годов XIX века начинается некоторое увеличение численности коз, но уровня 1837 года она так и не достигла. В 1882 году — 1922 козы [Бентковский, 1883, с. 154—156], в 1886 году — 2130 [Гвалчредзе, 1897, с. 741—743], в 1896 году — 2469 и в 1902 году — 2856 коз [Прозрителев, 1925].

У ногайцев Калаус-Джембойлуковского приставства в 1837 году имелось 2970 коз, Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского — 5388 коз [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2599, л. 94].

Таким образом, скотоводство у ногайцев подвергалось коренным изменениям в течение XIX — начала XX столетий. Особенность его заключалась в том, что кочевание происходило на небольшой территории близко расположенных друг от друга аулов без разделения постоянных и сезонных пастбищ (летних, осенних, зимних и весенних). Значительное влияние на хозяйственные отрасли оказали природно-климатические факторы: неплодородность земель, отсутствие естественных водоемов, многочисленные бураны и засухи, антисанитарные условия содержания колодцев, многочисленные эпизоотии.

К концу XIX века ногайцы все больше начинали заниматься земледелием и постепенно меняли свой образ жизни. Как представляется, этот переход был закономерным явлением, так как кочевое скотоводство, испытывая кризис, часто не могло обеспечить выживание ногайцев.

Бедняки из числа караногайских обществ, потерявших весь свой скот, выразили желание по примеру ачикулакских ногайцев поселиться оседло и заниматься земледелием. В связи с этим в 1897 году с 22 апреля по 14 мая в Караногайском приставстве работала комиссия, которая должна была распределить земли среди караногайских обществ. Однако члены комиссии решили, что нужно собрать дополнительные сведения о качестве почв ногайской степи, о хозяйстве ногайцев и т. д. Таким образом, вопрос о наделении караногайцев землей откладывался еще на несколько лет.

В 1910 году начальник Терской области, в состав которой вошло Караногайское приставство с 1888 года, создал особую комиссию с целью перевода караногайских обществ в оседлое состояние и решения земельного вопроса. Темпы работы комиссии были чрезвычайно медленными, и межевание земель затянулось вплоть до 1917 года. Для караногайцев остался нерешенным вопрос о переходе в оседлое состояние.

В Ачикулакском приставстве переход к оседлости происходил значительно быстрее. К концу XIX века $\frac{1}{2}$ ногайцев уже перешли к оседлой жизни и $\frac{2}{3}$ вели полукочевой образ жизни. Они занимались земледелием, хотя скотоводство продолжало играть главенствующую роль в их хозяйстве. В 1906 году состоялся сход джембойлуковского и едишкульского народов, на котором было принято решение — просить правительство оказать им помощь в связи с переходом к оседлости и выделить по 30 десяти земли на душу мужского пола. В 1907 году департамент государственных земельных имуществ создал землеустроительную партию, которая должна была изучить быт, условия земледелия и землепользования, произвести учет населения и скота у оседлых инородцев-магометан Ставропольской губернии. С 1907 по 1908 годы производилась нарезка участков для оседлых ногайцев из расчета по 7 десятин пашни на одного члена семьи мужского пола. В пользовании полуоседлых ногайцев находилось 191 489 десятин земли, из них пригодными были 125 507 десятин земли. Землепользование у ногайцев не регулировалось какими-либо нормами. Пользование землей определялось положением аула, каждый аул пас свой скот в ближайших окрестностях, насколько позволяло положение соседних аулов. Под пашню было отведено несколько участков, на которых могли сеять и ногайцы соседних аулов. Каждый мог сеять столько земли, сколько осилит, но осилить они могли очень незначительное количество. Продуктов земледелия едва хватало для удовлетворения нужд семьи [Кужелева, 1964, с. 55—56].

Итак, в середине и второй половине XIX века хозяйственно-экономическая жизнь ногайцев-скотоводов подвергалась изменениям. Ногайцы переходили к полукочевой или оседлой форме жизни, практикуя отгонно-пастбищное, стационарное и иные формы животноводства. Земледелие, на начальных этапах выступая в качестве подспорья традиционным видам деятельности, развивалось и к началу XX века прочно вошло в экономический быт ногайцев. Однако в условиях экономической рецессии и стагнации, охвативших ногайские общества в конце XIX — начале XX веков, ни скотоводческое хозяйство, ни земледелие, ни отхожие промыслы не обеспечивали необходимого прожиточного минимума ногайцам. В связи с этим переход от кочевого образа жизни к оседлости в рассматриваемый период совершался мучительно, через ряд переходных форм.

4. Заключение = Conclusions

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы:

В хозяйственно-экономической деятельности ногайских обществ, проживавших на территории Северного Кавказа в XIX веке, главную роль занимало хозяйство кочевого типа. Скот и продукты скотоводства имели

товарное значение, мясомолочные продукты исторически обеспечивали ногайцев необходимым прожиточным минимумом.

В XIX — начале XX веков постепенное сокращение пастбищного пространства, необходимого для выпаса скота, выступавшего основным источником благосостояния ногайских обществ, и, как следствие, земельные конфликты с соседствующими народами обусловили кризис экстенсивного кочевого скотоводства. Свою роль сыграли и природно-климатические явления.

В течение XIX — начала XX веков имеют место упадок и разложение кочевого скотоводства в ногайских обществах. С середины XIX века ногайцы пытаются адаптировать традиционные кочевые формы ведения хозяйства, складываются переходные формы отгонно-пастбищного животноводства в соответствии с климатическими и кормовыми условиями местности. Тем не менее экономическое положение широких масс ногайских обществ в XIX веке систематически ухудшалось. Падение поголовья скота, неразвитость земледелия привели к экономической рецессии и стагнации.

В хозяйственно-экономическую жизнь ногайских обществ с середины XIX века входит земледелие. Впрочем, развитие земледелия у ногайцев сдерживалось непроизводительностью почв, так как большую часть земель ногайской степи составляли безводные полупустынные пространства. Государственная политика побуждения обществ кочевых ногайцев к оседлой жизни выступала важным фактором изменения традиционного кочевого уклада и хозяйственно-культурного типа ногайцев в XIX — начале XX веков.

Источники и принятые сокращения

1. АКАК — *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией* : в 12 т. — Тифлис : Типография главного управления наместника кавказского, 1868. — Т. 2. — 1238 с. ; 1870. — Т. 4. — 1011 с. ; 1873. — Т. 5. — 1170 с. ; 1875. — Т. 6. Ч. 2. — 950 с. ; 1881. — Т. 8. — 1009 с.

2. ГАСК — *Государственный архив Ставропольского края*. ф. 79 (Общее управление Кавказской области), оп. 1, д. 1070, л. 54 ; ф. 249 (Управление главного пристава кочующих народов), оп. 2, д. 55, л. 18 ; д. 118 л. 113 ; оп. 3, д. 167, л. 45—48 ; д. 352, л. 11, 17, 22 ; д. 685, л. 101—104 ; д. 1330, л. 14—18, 25—30 ; д. 2345, л. 62, 70, 71 ; д. 2385, л. 3 ; д. 2599, л. 94 ; д. 2819, л. 5—6 ; д. 2919, л. 5—6 ; д. 3997, л. 38 ; д. 4006, л. 25—35.

3. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе*. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг. : В 55 т. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 2. — 1561 с.

4. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 846 (Военно-ученного архива). Д. 6244, Л. 106.

Литература

1. *Ананьев А. Г.* Караногайцы, их быт и образ жизни / А. Г. Ананьев // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь : Типография Северокавказской газеты, 1908. — 29 с.
2. *Архипов А. П.* Ногайцы / А. П. Архипов // Кавказ : [газета]. — 1852. — № 4. — С. 15—16.
3. *Бентковский И. В.* Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии в 1875 году / И. В. Бентковский // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Выпуск 7. (Отд. 1). — С. 1—42.
4. *Бентковский И. В.* Наши кочевники и их экономическое состояние / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости : [газета]. — 1879. — № 32. — С. 34—35.
5. *Бентковский И. В.* Обзор экономического состояния инородцев, кочующих в Ставропольской губернии / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости : [газета]. — 1882. — № 29—32.
6. *Бентковский И. В.* Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением дорожной карты / И. В. Бентковский. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1883. — 452 с.
7. *Берже А. П.* Татарское племя на Кавказе / А. П. Берже // Кавказ : [газета]. — 1859. — № 87. — С. 486—488.
8. *Джумагулова А. Т.* Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII — 60-х гг. XIX вв. / А. Т. Джумагулова. — Пятигорск : РИА-КМВ, 2019. — 248 с.
9. *Забудский Н. Н.* Военно-статистическое обозрение Российской империи : издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. — Санкт-Петербург : Типография Департамента Генерального Штаба, 1848—1858. — Т. 16, Ч. 5 : Ставропольская губерния, 1851. — 274 с.
10. *Капельгородский Ф. О.* Караногай / Ф. О. Капельгородский // Записки Терского общества любителей казачьей старины. — 1914. — № 10. — С. 43—53.
11. *Кидирнязов Д. С.* Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII—XIX вв. / Д. С. Кидирнязов. — Махачкала : ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2010. — 152 с. — ISBN 978-5-297-01462-2.
12. *Кочекаев Б.-А. Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX — начале XX века / Б.-А. Б. Кочекаев ; под ред. акад. С. З. Зиманова. — Алма-Ата [Черкесск] : Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1973. — 185 с.
13. *Кужелева Л. И.* Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту ногайцев : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00 / Л. И. Кужелева. — Ленинград, 1964. — 249 с.
14. *Малявкин Г.* Караногай : Этнографический очерк / Г. Малявкин // Терский сборник. — 1893. — Выпуск 3. — Книга 2. — С. 133—173.
15. *Павлов А. М.* О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи : сочинение путешествовавшего по России с 1824-го по 1835 г. Андрея Павлова / А. М. Павлов. — Санкт-Петербург : Типография департамента внешней торговли, 1842. — 47 с.
16. *Петухов П.* Описание части Кавказской области между реками Егорлык, Калаусом и Манычем, составленное капитаном Петуховым в 1843 году / П. Петухов // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — 1911. — Выпуск 1. — С. 1—14.

17. *Прозрителев Г. Н.* Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Часть вторая / Г. Н. Прозрителев. — Ставрополь : [б. и.], 1925. — 66 с.
18. *Ребров А. Ф.* Зима 1844—1845 гг. на степях прикумских на Кавказе / А. Ф. Ребров // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. — 1845. — № 3. — С. 220—292.
19. *Рудановский А.* Заметки о Кизлярском уезде / А. О. Рудановский // Кавказ : [газета]. — 1864. — № 96. — С. 524—525.
20. *Рудановский А.* О карангайской степи и кочующих на ней племенах / А. О. Рудановский // Кавказ : [газета]. — 1863. — № 48—52.
21. *Самойлов А. А.* Сведения об инородцах-магометанах Ставропольской губернии, собранные Главным приставом подполковником Самойловым / А. А. Самойлов. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1881. — 56 с.
22. *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии.* Сведения историко-статистические, этнографические, сельскохозяйственные и др. — Ставрополь : Ставроп. стат. ком., 1868. — Выпуск 1. — 422 с.
23. *Статистика* населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1881. — Выпуск 9. — 274 с.
24. *Твалчрелидзе С. А.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом, сельскохозяйственном отношениях / С. А. Твалчрелидзе. — Ставрополь : Типография М. Н. Карицкого, 1897. — 743 с.
25. *Фарфоровский С. В.* Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом / С. В. Фарфоровский // Журнал министерства народного просвещения. — Серия 24. — 1909. — № 12. — Отд. 3. — С. 179—212.
26. *Щеглов И. Л.* Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хуторян-овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии : в 4 т. / И. Л. Щеглов. — Ставрополь : Типография Губернского правления, 1910—1911.

Material resources

- Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission : in 12 vols.* (1868, 1870, 1873, 1875, 1881). Tiflis: Printing house of the main administration of the Governor of the Caucasus. (In Russ.).
- Russian State Military Historical Archive. F. 846 (Military Scientific Archive). D. 6244, l. 106.* (In Russ.).
- The complete collection of laws of the Russian Empire. The Second Meeting. December 12, 1825 — February 28, 1881: In 55 vols, 2.* (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. 1561 p. (In Russ.).
- The State Archive of the Stavropol Territory. f. 79 (General Administration of the Caucasus region), op. 1, d. 1070, l. 54; f. 249 (Office of the Chief Bailiff of Nomadic peoples), op. 2, d. 55, l. 18; d. 118, l. 113; op. 3, d. 167, l. 45—48; d. 352, l. 11, 17, 22; d. 685, l. 101—104; d. 1330, l. 14—18, 25—30; d. 2345, l. 62, 70, 71; d. 2385, l. 3; d. 2599, l. 94; d. 2819, l. 5—6; d. 2919, l. 5—6; d. 3997, l. 38; D. 4006, L. 25—35.* (In Russ.).

References

- Ananyev, A. G. (1908). Karanogaytsy, their way of life and lifestyle. In: *Collection of information about the North Caucasus*. Stavropol: Printing house of the North Caucasian newspaper. 29 p. (In Russ.).

- Arkhipov, A. P. (1852). Nogaytsy. *Kavkaz: [newspaper]*, 4: 15—16. (In Russ.).
- Bentkovsky, I. V. Materials for statistics of the economic state of the Stavropol province in 1875. *Collection of statistical information about the Stavropol province*, 7 (Ed. 1): 1—42. (In Russ.).
- Bentkovsky, I. V. (1879). Our nomads and their economic condition. *Stavropol provincial vedomosti: [newspaper]*, 32: 34—35. (In Russ.).
- Bentkovsky, I. V. (1882). Review of the economic condition of foreigners wandering in the Stavropol province. *Stavropol provincial vedomosti: [newspaper]*, 29—32. (In Russ.).
- Bentkovsky, I. V. (1883). *Statistical and geographical guide to the Stavropol province with the appendix of the road map*. Stavropol: Printing house of the Stavropol Provincial Government. 452 p. (In Russ.).
- Berge, A. P. (1859). Tatar tribe in the Caucasus. *Kavkaz: [newspaper]*, 87: 486—488. (In Russ.).
- Collection of statistical information about the Stavropol province. Historical and statistical information, ethnographic, agricultural, etc., 1.* (1868). Stavropol: Stavropol. stat. com. 422 p. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2019). *Nogais of the North Caucasus, Crimea and the Northern Black Sea region in socio-political and economic collisions of the XVIII — 60s of the XIX centuries*. Pyatigorsk: RIA-KMV. 248 p. (In Russ.).
- Farforovsky, S. V. (1909). Folk education among the Nogais of the North Caucasus in connection with their modern life. *Journal of the Ministry of Public Education. Series 24*, 12 (3): 179—212. (In Russ.).
- Kapelgorodsky, F. O. (1914). Karanogai. *Notes of the Tersk Society of lovers of Cossack antiquity*, 10: 43—53. (In Russ.).
- Kidirniyazov, D. S. (2010). *Economic and cultural ties of the Nogais of the North-Eastern Caucasus with neighboring peoples in the XVIII—XIX centuries*. Makhachkala: State Institution “Dagestan Book Publishing House”. 152 p. ISBN 978-5-297-01462-2. (In Russ.).
- Kochekaev, B.-A. B. (1973). *Socio-economic and political development of Nogai society in the XIX — early XX century*. Alma-Ata [Cherkessk]: Stavropol Book Publishing House. Karachay-Cherkess. 185 p. (In Russ.).
- Kuzheleva, L. I. (1964). *Socialist transformations in the economy, culture and everyday life of Nogais*. PhD Diss. Leningrad. 249 p. (In Russ.).
- Malyavkin, G. (1893). Karanogai: Ethnographic essay. *Tersky collection*, 3 (2): 133—173. (In Russ.).
- Pavlov, A. M. (1842). *About Nogais roaming the Kizlyar steppe: an essay by Andrei Pavlov, who traveled in Russia from 1824 to 1835*. St. Petersburg: Printing house of the Department of Foreign Trade. 47 p. (In Russ.).
- Petukhov, P. (1911). Description of the part of the Caucasian region between the rivers Egorlyk, Kalaus and Manych, compiled by Captain Petukhov in 1843. *Proceedings of the Stavropol Scientific Archival Commission*, 1: 1—14. (In Russ.).
- Prozritelev, G. N. (1925). *Stavropol province in historical, economic and domestic terms. Part Two*. Stavropol: [b. i.]. 66 p. (In Russ.).
- Rebrov, A. F. (1845). Winter of 1844—1845 on the Prikum steppes in the Caucasus. *Journal of Agriculture and Sheep breeding*, 3: 220—292. (In Russ.).
- Rudanovsky, A. (1863). About the Karanogai steppe and nomadic tribes on it. *Kavkaz: [newspaper]*, 48—52. (In Russ.).

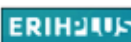
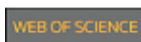
- Rudanovsky, A. (1864). Notes on the Kizlyar district. *Kavkaz: [newspaper]*, 96: 524—525. (In Russ.).
- Samoilov, A. A. (1881). *Information about the non-native Mohammedans of the Stavropol province, collected by the Chief Bailiff, Lieutenant Colonel Samoilov*. Stavropol: Printing house of the Stavropol Provincial Government. 56 p. (In Russ.).
- Shcheglov, I. L. (1910—1911). *Trukhmen and Nogais of Stavropol province. Information about the economy of settled and nomadic foreigners, Russian peasants and sheep farmers in the Trukhmen and Achikulak steppe of Stavropol province: in 4 volumes*. Stavropol: Printing House of the Provincial Government. (In Russ.).
- Statistics of settlements and land ownership in the Stavropol province, 9. (1881). Stavropol: Printing house of the Stavropol Provincial Government. 274 p. (In Russ.).
- Tvalchrelidze, S. A. (1897). *Stavropol province in statistical, geographical, historical, agricultural relations*. Stavropol: Printing house of M. N. Karitskago. 743 p. (In Russ.).
- Zabudsky, N. N. (1848—1858). *Military Statistical Review of the Russian Empire: published by the highest order at the 1st Department of the Department of the General Staff*, 6 (5). St. Petersburg: Printing House of the Department of the General Staff. 274 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.06.2022,
одобрена после рецензирования 10.08.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.

Кидирниязов Д. С. Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX — начале XX веков / Д. С. Кидирниязов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 398—416. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-398-416.

Kidirmiyazov, D. S. (2022). Land-Legal Relations and Sedentarization of Nogais in Second Half of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 398-416. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-398-416. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-398-416

Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX — начале XX веков

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович
orcid/0000-0002-9511-9092
доктор исторических наук, профессор¹
приглашенный исследователь²
daniyal2006@rambler.ru

¹ Институт истории, археологии
и этнографии — обособленное
подразделение Федерального
государственного бюджетного учреждения
науки Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской
академии наук
(Махачкала, Россия)

² Калмыцкий государственный
университет им. Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Российского
научного фонда, проект № 22-18-00313

Land-Legal Relations and Sedentarization of Nogais in Second Half of 19th — Early 20th Centuries

Daniyal S. Kidirniyazov
orcid/0000-0002-95-11-9092
Doctor of History, Professor¹,
Visiting Researcher²
daniyal2006@rambler.ru

¹ Institute of History, Archeology
and Ethnography of the Dagestan Federal
Research Center of the Russian
Academy of Sciences
(Makhachkala, Russia)

² Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00313

© Кидирниязов Д. С., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе архивных материалов и специальной исторической литературы рассматриваются земельно-правовые отношения у ногайцев во второй половине XIX — начале XX веков. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы заключается в том, что земельно-правовые отношения у ногайцев региона являются малоизученными. Автор статьи с объективных позиций, с учетом достижений отечественного казачества на основе глубокого изучения, анализа и обобщения архивных материалов ставит целью показать способы реализации аграрной политики российским правительством в Восточном Предкавказье на примере ногайцев; среди этих способов заметное место занимало административное давление. Автор приходит к выводу, что, несмотря на трудности, аграрная реформа на территории равнинного Предкавказья предопределила переход значительной части представителей ногайской общины к оседлому земледелию и животноводству. Иными словами, в ходе аграрной реформы ногайская община претерпела значительную трансформацию. Методологическую и теоретическую основу статьи составили основные принципы исторической науки: объективность, научность и историзм, предполагающие изучение исторических событий и фактов в конкретных исторических условиях, рассмотрение их в сравнительно-историческом плане.

Ключевые слова:

земельно-правовые отношения; Кавказская война; модернизация; ногайцы; Предкавказье; реформы; Российская империя; трансформация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

On the basis of archival materials and special historical literature, land-legal relations among the Nogais in the second half of the 19th — early 20th centuries are considered. The relevance of the problem stated in the article lies in the fact that land and legal relations among the Nogais of the region are poorly understood. The ways of implementing the agrarian policy of the Russian government in the Eastern Ciscaucasia are described on the example of the Nogais. It is argued that administrative pressure occupied a prominent place among the methods of influencing the nomadic population. It is noted that at the same time, financial assistance played a significant role in attracting nomadic Nogais to a settled way of life. It is clarified that finances played a role in attracting the poor population to change their lifestyle. It is concluded that, despite the difficulties, the agrarian reform in the territory of the plain Ciscaucasia predetermined the transition of a significant part of the representatives of the Nogai community to settled agriculture and animal husbandry. It is emphasized that in the course of the agrarian reform the Nogai community has undergone a significant transformation. It is noted that a smaller part of the Nogai society still retained a nomadic lifestyle, but for short distances.

Key words:

land and legal relations; Caucasian war; modernization; Nogais; Ciscaucasia; reforms; Russian empire; transformation.

Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX — начале XX веков

© Кидирнязов Д. С., 2022

1. Введение = Introduction

Источниковедение и историография вопроса земельно-правовых отношений у народов Предкавказья на примере ногайцев — актуальные направления научных исследований, связанные с изучением кавказского вектора политики Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков.

В настоящее время в отечественной исторической науке наметилась тенденция к новому осмыслению земельно-правовой политики России на Северном Кавказе, в частности в равнинной зоне региона, пересмотру и к расширению отдельных тематических сюжетов, относящихся к истории исследуемой проблемы. В отечественной историографии рассматриваемому периоду посвящены труды ряда отечественных историков [Фарфоровский, 1909; Щеглов, 1910—1911; Невская, 1959; Калмыков и др., 1988 и др.].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Системный подход к исследованию обозначенной проблемы обусловил необходимость применения следующих методов исследования. Обще-научные методы исследования представлены историческим и логическим методами. Исторический метод позволил объективно исследовать вопросы земельно-правовых отношений ногайцев в хронологическом развитии на протяжении всего рассматриваемого периода. Логический метод дал возможность прийти к выводам, согласно которым имперские власти в решении земельно-правовых отношений, начиная со второй половины XIX века, достигли ощутимых результатов в плане модернизации общественно-экономической жизни, в частности, в осуществлении аграрной реформы. Из специально-исторических методов научного исследования автором в статье применен сравнительно-исторический метод, позволивший рассмотреть обозначенную проблему последовательно, установить причинно-следственные внутренние и внешние связи.

Источниковедческую базу настоящей статьи составили материалы фондов Государственного архива Ставропольского края [ГАСК; Прозри-телев]. Архивные материалы указанных фондов нами использованы в качестве источников по истории земельно-правовых отношений у ногайцев.

На основе анализа материалов фондов Государственного архива Ставропольского края и Ставропольского государственного краеведческого музея мы рассмотрим трансформацию земельно-правовых отношений ногайцев края во второй половине XIX — начале XX веков.

2.1. «Положение о размежевании земель Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов, обитавших в Ставропольской губернии» (1853)

Вторая половина XIX столетия отмечена судьбоносными событиями, нашедшими отражение в истории развития ногайского народа. Так, 1864 год рассматривается как год окончания народно-освободительной борьбы горцев, характеризующейся значительной продолжительностью и тяжестью самого освободительного процесса. Завершение Кавказской войны, безусловно, стало причиной того, что юрисдикция Российской империи стала расширяться и способствовала более тесному сближению ногайцев с русским населением, тогда как в начале XIX века вхождение горского народа в состав России практически не повлияло на становление и развитие его социальной и экономической сфер. Кроме того, народно-освободительное движение ногайцев оказало прямое влияние на активизацию колониального захвата имперскими властями территории равнинного Предкавказья. Также результатом Кавказской войны стал переход местного населения в состав Османской империи.

Российское государство претерпевало в 60-х годах XIX столетия глобальные изменения в аспекте экономических и общественных обновлений, в которых основной акцент был сделан на проведение земельной реформы как наиболее важной и значимой [Магомаев и др., 2017, с. 299].

Необходимо подчеркнуть, что буржуазные реформы в России были обусловлены распадом существовавшего тогда феодально-крепостнического строя. Натуральное хозяйство, развивающееся в изолированной и замкнутой системе, терпит застой, приведший его к ожидаемому упадку. Ограниченность данного вида экономической системы не соответствовала (и даже противоречила) требованиям активно развивающегося экономического рынка в России. Эти противоречия отрицательно сказались на развитии территории равнинного Предкавказья, поскольку именно медленное заселение приобретенных земель и использование недр явились в то время значимыми причинами, которые затрудняли процесс внедрения в общероссийский экономический процесс районов, заселенных ногайцами и соседними этносами.

Русский капитализм с его политическими приоритетами обусловил изменения буржуазного характера на Северном Кавказе, что явилось отличительной характеристикой подобных региональных преобразований,

поскольку в центральных губерниях определяющую роль сыграли экономические факторы.

Рассматриваемый период (II половина XIX века) обозначен как важный этап осуществления исторически значимых реформ. Несмотря на то, что реформа в аграрной сфере стала неотъемлемой частью действий, связанных с важнейшей перестройкой в стране в целом, она явилась одновременно причиной конфликта земельных интересов в некоторых областях России, в том числе и на юге страны. Так, представители восточнославянского региона, населяющие центральные районы, начали переселяться в места кочевки ногайцев, в степное Предкавказье.

Колонизация Северного Кавказа, получившая достаточно активное развитие после проведенной в регионе реформы, стала предметом исследования в работе ставропольского ученого П. А. Щацкого: «... огромный поток крестьян центрально-черноземных губерний России и левобережных украинских губерний, обезземеленных реформой 1861 года, хлынул главным образом в Предкавказье ...» [Щацкий, 1970, с. 13].

Границы кочевого пространства в результате колонизации стали сужаться. Основное внимание российского правительства было сосредоточено на «перевосе» ногайского народа к оседлости за счет выделения земельных участков для постоянного проживания. Распределение земли зависело от статуса претендентов. Так, некоторое преимущество в сравнении с крестьянами центральных поселений было у ногайцев, принявших оседлость как образ жизни, потому что продуктивное содержание скота возможно было лишь на больших территориях. В расчете на душу мужского населения выделялось государственным крестьянам 15 десятин земельного надела, тогда как оседлым ногайцам — 30 десятин. Кроме того, власти страны были заинтересованы в развитии земельной реформы номадов, что тем не менее не смогло привести к активизации и глобальным преобразованиям в аграрной сфере ногайцев.

В середине мая 1853 года было утверждено «Положение о размежевании земель Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов, обитавших в Ставропольской губернии». Следование данному документу требовало наличия межевой Комиссии, которую в результате организовали в Ставрополе и наделили определенными функциями. Однако не были учтены некоторые ключевые моменты, в частности, численность мужского населения, что подтверждается параграфом 69 принятого Положения. Вместе с тем комиссия должна была провести земельное размежевание с целью отделения территории магометан от территорий, принадлежащих, например, помещикам или представителям военной касты. Количество наделов необходимо было зафиксировать посредством приме-

нения экономической съемки, причем в соответствии с нуждами народа или аула. Затем созданный проект следовало подать Главнокомандующему на рассмотрение и утверждение. В результате принятых мер и выявления необходимого земельного фонда для оседлых поселений образовались «свободные» земли. Комиссии было также поручено эту землю «предоставить в нераздельное пользование тем магометанам, которые не имеют еще никакой оседлости со стадами своими переходя с места на место» [ГАСК, ф. 101, оп. 4, д. 1870, л. 12].

Все, что предпринималось в начале XIX столетия Российской империей, не имело какого-либо значимого результата для ногайцев и развития их земельных отношений. В силу названных обстоятельств ногайцы (караногайцы, едишкульцы) и трухмены были вынуждены прибегать к использованию одних и тех же территорий во время кочевки.

2.2. Реализация межевой политики имперских властей в Восточном Предкавказье

Проблема разделения кочевых земель среди представителей «иноного рода» осталась актуальной, но при этом так же неразрешимой и в работе следующих земельных комиссий. Изучение образа жизни ногайцев и родственных этносов позволяет утверждать, что они на протяжении веков вели совместное кочевание, и это непосредственно отражено в Акте «О разграничении инородческих земель Ставропольской губернии», поскольку предоставление земли даже одному из горских народов в отдельно-единоличное пользование ни на одном уровне власти в то время не поддерживалось.

Однако следует отметить, что степные земли отличаются особым составом и практически повсеместным отсутствием воды и растительности. Именно данный факт дает основание говорить об определенных сложностях процесса земельного разделения. При этом даже та часть степи, где что-то произрастает (то есть может использоваться для корма скота), с течением времени приходит в упадок вследствие редких осадков и постепенного наступления песков. А это значит, что ногайцы и их соседи не имеют возможности прокормить скот, находясь на одном месте, поэтому и придерживаются кочевого образа жизни. Однако необходимо особо поддерживать кочевников в холодное время года, выделив корм для скота и стоянку для постоянного пребывания в одном месте, например, «берега реки Кумы, овраг Чебутла и вообще местности, покрытые камышом, который до некоторой степени может служить защитой от холодных зимних ветров» [Там же, л. 99].

Итак, ногайцы для поддержания своей жизнеспособности и жизнеобеспечения не могли постоянно пользоваться ресурсами одной террито-

рии. Необходимо отметить важное решение российской администрации, суть которого заключалась в переводе земельных наделов в собственность представителей тех народов, которые живут оседло в Аксаевском, Эндреевском и Ногайском участках — 5106 семей — по 28 дес. на семью, для чего было необходимо около 143 тыс. дес., а для кочующих ногайцев (1555 семей) по 36 дес., что составляет около 56 тыс. дес., а всего 199 тыс. дес. земли [Гаврилов, 1868, с. 43—44].

1888 год ознаменован тем, что было проведено разграничение земель, относящихся к Ставропольской и Терской территориям, что в свою очередь стало основанием для возникновения острых земельных споров между караногайцами и трухменами относительно пастбищных угодий. В связи с этим российская администрация спустя 9 лет (в 1897 году) приняла решение о создании другой межевой комиссии.

Как мы видим, итогом административной реформы, предпринятой в 88-ом году XIX столетия, стал перевод Караногайского приставства под управление Терской области. Однако реформаторы не обратили внимания на то, что и караногайцы, и трухмены придерживались совместного кочевания, то есть одновременного нахождения на одной территории. Кроме того, исследовательский интерес к процессу аграрных преобразований рассматриваемого периода связан и с бытом кочевников, и с состоянием пастбищных территорий, что дает возможность определения еще одного обстоятельства в сложности земельного разделения. Так, для содержания и полноценного корма скота необходимо было ногайскому народу иметь отдельные стойбища, соответствующие времени года (особенно значимы зимние пастбища). А так как такой возможности у кочевников не было, они нарушали земельные границы, проникая вместе со скотом в чужие владения: «Таким образом, создавались так называемые места совместного кочевания» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1619 а, л. 127].

Немаловажен и тот факт, что земельные споры и неурядицы между ногайцами, караногайцами и трухменами отсутствовали до 1888 года, до того момента, когда Караногайское приставство отошло Терской области. Данное обстоятельство объясняется тем, что названные народы издавна состояли в ведении одного губернского управления. Вместе с тем в последующие годы основной задачей в деятельности межевых комиссий (1898, 1904) стал отход и даже искоренение совместной кочевки инородцев Терской области и Ставропольской губернии [Там же, л. 327]. При этом обозначенный подход к решению проблемы перехода к оседлости никак не повлиял на процесс закрепления владения землей ногайцами и другими народностями.

Существенные изменения произошли лишь в начале XX столетия (декабрь 1908 года), когда уменьшилось количество земельных наделов, ис-

пользующихся для совместного ведения хозяйства [Там же]. В отношении этого периода уместно было заметить, что «кочевой образ жизни инородцев степной полосы находится в периоде распада» [Там же].

Вполне закономерно, что под влиянием определенных экономических изменений начался постепенный, последовательный переход ногайцев к оседлому образу жизни, более активным процесс стал после определения границ между Ставропольской губернией и Терской областью, когда «общая площадь земель кочевых народностей ... в количестве 2,023,540 десятин ... распределяется между отдельными народностями. Таким образом, в пользование трухмен остается 810.880 десятин, ногайцев (едишанцев, едишкульцев и джембойлуковцев) 307,140 дес. и ногайцев Терской области — 905520 дес.» [Там же]. Из этого можно заключить, что распоряжаться чужими владениями с весны 1910 года планировалось прекратить. Перераспределение земли среди ногайского населения можно показать следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Перераспределение земли среди ногайского населения

Название народности кочевников Ставропольской губернии и Терской области	Общая площадь земель, бывшая в пользовании до установления комиссией пограничной линии		Общая площадь земель, остающихся в пользовании до установления комиссией пограничной границы			Примечание
	в полосе «безспорного» пользования	в границах спорной полосы	в полосе безспорного пользования	в полосе спорной совместно с кочевниками	Всего	
Туркмены	797414		797417	134638	10880	Из земельно-го надела караногайцев Терской области выделено в надел калмыкам между реками Кумой и Гайдук-ом около 87000 десятин
Караногайцы и ногайцы	820057	48456	820057	85463	905520	
Ногайцы: джембойлу-овцы, едишанцы, едишкульцы	262330	95280	262330	44810	307140	
Итого	1879804	143736	1879804	143736	2023540	

Как видим, ногайцам предоставляли землю в значительных размерах.

1 мая 1910 года также стало переломным этапом в судьбе ногайцев, так как с этого времени использование не своих земельных наделов планировали полностью запретить. Параллельно с работой межевых комиссий в части реализации земельной реформы активизировался процесс принятия оседлости кочевниками, характеризующийся прежде всего отсутствием давления со стороны администрации.

Полномочия, возлагаемые на главного пристава, вменяли ему в обязанность донести мысль до частных приставов о необходимости перехода ногайского народа к оседлости. А согласно документальным материалам, приведенным в статье, можно отметить, что подобные действия и мероприятия не характеризовались принудительностью. Социальное и экономическое развитие региона также повлияло на осуществление перехода к оседлому образу жизни. Так, в результате проведения в 1860-х годах реформаторских преобразований русские и украинские крестьяне обрели свободу, но одновременно стали остро нуждаться в земельных угодьях, поэтому началось их массовое переселение на территорию Предкавказья, образование русских сел и станиц вокруг ногайских кочевий. Такой «захват» территории (продолжающаяся колонизация горского края восточными славянами) отрицательно сказался на развитии и благополучии ногайского общества, так как произошло уменьшение поголовья скота, издавна являющегося основным источником жизнедеятельности и богатства кочевников.

Административная власть, стараясь ускоренными темпами привести к оседлости все ногайское население, в то же время понимая несостоятельность насильственного отторжения горцев от привычного образа жизни, избрала тактику информирования, убеждения и добровольности. В тексте обращения к ставропольскому губернатору подчеркивалось, что оседлыми могут стать те, «которые добровольно изъявляют на то свое согласие» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 94 а, л. 32]. Данный факт обусловил пересмотр отношения к образу жизни кочевников.

В то же время, несмотря на принятые меры, в некоторых районах (например, в Джеймболуйковском пристастве, в Канглыном кубе) часть жителей-ногайцев прямо выражали, отвергая преимущества оседлости, нежелание заниматься земледелием. Исходя из этого, можно заключить, что на этапе переходности ногайцев и соседних народов от одного вида жизнедеятельности к другому русские власти столкнулись с неприятием, а потому перешли к более строгим и действенным мерам. Например, в соответствии с принятыми решениями лицам, выступавшим против оседлости ногайцев и ложно информировавшим о том, что их отнесут к русскому крестьянству, грозило наказание — сибирская ссылка.

При этом русская администрация применила наказание в отношении нескольких представителей ногойской общины, которые ратовали за исконно горский образ жизни. Так, «два ногойца высланы во внутренние губернии, а четыре ногойца из Ачикулак-Джембойлуковского народа выдержаны под арестом полтора месяца» [Там же, л. 33]. В то же время обращение власти непосредственно к представителям ногойского этноса указывало на то, что «они останутся при прежних правах и преимуществах своих...» [Там же, л. 31].

Непрятие оседлой жизни имело место и в среде зажиточных ногойцев, что также представляло определенную трудность в реализации государственной политики, поскольку богатые горцы непосредственно влияли на тех, кто ниже их рангом, слепо им верил и испытывал страх, «боясь гонения сильных в народе» [Там же, л. 13].

Байгуши — беднейшие представители ногойского этноса — находились в прямой зависимости от зажиточных земляков, поскольку нанимались к ним в услужение. Поэтому объяснимо, что байгуши, в отличие от состоятельных ногойцев, не желающих переходить к иному образу жизни, ратовали за ведение земледельческого хозяйства. Кроме того, основной пласт народности жил очень бедно, «именно добыванием медного гроша» [Там же, л. 40].

Данная ситуация была доподлинно известна российской власти, которая приняла решение об оказании безвозмездной материальной помощи поддерживающим ее ногойцам. Так, исторически значимым стало решение наместника Кавказа «О выдаче беднейшим из ногойцев Ставропольской губернии, которые пожелают оседло водвориться в пособие на первоначальное обзаведение по 10 руб. на семейство без возврата, с отнесением этого расхода на свободный магометанский капитал» [Там же].

Безусловно, работа на земле, ведение данного хозяйства подразумевали наличие конкретных трудовых умений и навыков. Следовательно, ногойцы могли получить земельный надел только в случае, «если правильно будут обрабатывать землю под хлебопашество и сенокосение, если будут разводить сады и рощи и если ими устроены будут усадьбы» [Там же]. В данном аспекте определенный круг ученых дореволюционного времени ставил под сомнение значимость и результат проведенных начальных мер приобщения местного населения к оседлому образу жизни. Например, исследователь Прозрителев не только подчеркивал нарушение условий пользования землей, но и указывал на их нецелесообразность: «Поселение было только номинальное, а в действительности положение оставалось прежнее» [Прозрителев, ф. 2. д. 61, л. 7].

Но документальные материалы содержат пункты, отражающие суть политики, направленной на вовлечение этноса в переход от кочевого

к оседлому образу жизни, а также демонстрируют меры российской администрации, принятые для достижения поставленной цели.

Важным шагом в решении вопроса стала организация в приставствах общественных фондов, средства которых шли на поддержку ногойского земледелия и приобретение орудия труда. Все это стало возможным благодаря инициативе местной администрации. Таким образом, слаженность и совокупность обозначенных действий, а именно: выплата пособия в размере 10-ти рублей (безвозмездная), льготное распределение земли между ногойцами, денежное вложение — стали основой еще одного такого важного преобразования, как постоянные населенные пункты.

Однако все же представители ногойского народа на тот момент не имели даже начальных навыков обращения с сельскохозяйственным орудием, не могли работать на земле, обрабатывать ее. Российские власти были осведомлены об этом и поэтому решили преодолеть возникшие трудности, используя знания и умения русских крестьян, прибегнув к их непосредственной помощи. «За неимением быков и земледельческих орудий, распахивали народную землю — совместно с жителями окрестных селений, платя в пользу общественного капитала половинную противу положенной за распашку сумму» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 218, л. 13]. Необходимо отметить, что близость восточнославянского населения (русские и украинцы) способствовала обустройству хозяйства перешедших к оседлому образу жизни ногойцев.

Кроме того, необходимо выделить в деятельности по вовлечению кочевников в процесс оседлости приговоры ногойских обществ. Они датируются началом 60-х годов XIX века. Так, например, последовали приговоры ачикулакских ногойцев, содержащие готовность «селиться в округе Бий Тюбе» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 55, л. 21]. В конце каждого приговора стоят подписи и отпечатки пальцев членов общества. В 1861 году Меситский куб изъявил желание поселиться на Камыш-буруне и построить кирпичные дома. За ними последовали Шеклы́йский и Карарю́мский кубы, которые поселились от Озек-Суата до Келякойского Кутка. Остальная часть Карарю́мского куба решила «поселиться на Уш-тюбе, начиная от Кулак-кую до Курагана Оргали-Тюбе, где мы давно пользуемся пастьбою скота и покосами сена» [Там же, л. 47]. Подобных примеров можно привести достаточно, чтобы сделать вывод о стремлении большинства ногойцев к оседлости. Правда, иногда в документах фиксируется сопротивление части ногойцев к оседлому образу жизни, в частности Канглы́йского куба. Позже и этот род склонится к оседлому образу жизни [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 94 а, л. 35].

Немаловажными представляются и тухумно-родственные связи ногойцев, поскольку именно такие отношения явились организующим началом их жизнедеятельности в оседлых поселениях. Например, в приговорах ча-

сто фигурирует понятие «куб» — родовое подразделение. В этом случае весь род изъяснял желание перейти к сельскому хозяйству, так как с давних времен использует эту землю в качестве кочевого пристанища, а теперь хочет жить на ней постоянно.

Следует отметить исторически сложившуюся особенность построения ногойской общины: горцы сосуществовали в составе целого рода — группы семей, связанных общим хозяйством, а также экономическими и социальными интересами. Со временем патронимия ногойцев претерпела существенные изменения, организовавшись в соседскую общину по территориальному признаку с родовыми пережитками.

Состоятельные ногойцы, что отмечено нами ранее, всегда были подвержены страху остаться без дешевой наемной рабочей силы, и это обстоятельство вызывало в них яростный протест против перехода к оседлости. Кроме того, их пугало и то, что оседлые соплеменники не смогут сдавать в аренду территорию, «которую им отведут для хлебопашества» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 55, л. 131].

Сложность хозяйственного быта заключалась и в самой земле, поскольку она в большей части была сухой и неплодородной, следовательно, не было возможности полноценно заниматься земледелием. Так, в обращении главного пристава к Ставропольскому гражданскому губернатору указывалось, что «народы Ачикулак — Джембойлуковского пристава ... 12 143 души и караногойцев 19 234 души, — крайне нуждаются в земле, в которой в их владении находится только около 1 800 000 десятин — и большею частью песков» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 194, л. 9].

Таким образом, на 31 377 ногойцев приходилось 1 800 000 дес., или 57,37 дес. на одну душу не совсем пригодной для занятия земледелием земли. Спрос на земельные участки был очень велик, так как большое количество овцеводов — тавричан — хлынуло в Ставропольскую губернию, вдобавок к этому местные крестьяне постоянно увеличивали свои запашки. Арендная плата была незначительной, поэтому русские крестьяне набирали сразу по несколько наделов.

На рубеже XIX—XX веков активно практиковалось использование земли как арендованных участков. Примечательно, что пристав ногойского общества всегда обнародовал формы аренды, а бедняки, получив землю в пользование, осознавали, что не в состоянии ее содержать и обрабатывать, поэтому «раздавали таковую под распахку крестьянам соседних сел или с третьей борозды, или совершенно продавали, получая за свои три десятины не больше 15 рублей за два посева» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1453, л. 42]. Однако от такого распределения местное население страдало более всего, потому что вынужденная земельная аренда у зажиточного слоя

ногайцев способствовала тому, что они оказывались связанными с ними невыносимыми кабальными договоренностями.

Следует подчеркнуть, что ногойцы-бедняки из-за невозможности вносить плату за пользование земель оказались в ситуации зависимости и кабальных отношений. Именно этот факт отразился во мнении В. П. Невской, считающей, что наемный труд дороже, нежели труд на арендованных территориях [Невская, 1959, с. 195]. Однако такое положение усугублялось и тем, что бедствующий ногоец арендовал не только надел, но и животных, и орудие труда.

После раздела пашни 792 (76,7 %) ногоайские семьи Ачикулакского приставства сдавали свои земли в аренду русским крестьянам ближайших сел: Правокумского, Урожайного, Степного и т. д. Так, в 1907 году едисанцы сдали в аренду 12 062 дес. (64 % всей пашни), жители с. Камыш-Бурун — 1094 (36,5 %), с. Ильяс-Кишлау — 1025 (45 %). Более 1600 дес. пашен были арендованы самыми бедными ногойцами у своих же сородичей [Щеглов, 1910, т. 1, с. 418].

Нужно сказать, что существовало несколько видов арендной платы. Обычно пахотную землю сдавали на один-два и более посевов, в том числе за деньги — 82 %, исполу — 9,5 %, за деньги с доплатой натурой — 7,9 %. Так, в начале XX столетия арендная плата за дес. земли под пашню на 1 посев составляла около 2 руб. 50 коп., на 3 посева — 1 руб. 88 коп. [Там же].

До 50 % оседлых ногойцев Ачикулакского приставства вынуждены были сдавать в аренду и сенокосные угодья. В аренду сдавалась 3520 дес., или 55 % общей площади сенокосов. Из них 2194 дес. арендовали сами ногойцы. Форма сдачи в аренду была следующая: исполу — 77,4 %, за деньги — 20,2 % и только 2,4 % за деньги с доплатой натурой. Арендная плата за дес. составляла около 1 руб. 14 коп. [Там же, с. 419].

Соглашения по аренде земельных наделов в некоторых случаях были прерогативой лишь отдельных представителей ногоайских джамаатов, которые придерживались прежде всего личных интересов и не всегда были честны с остальными. Соответственно, сделки осуществлялись без согласования с ногоайскими джамаатами. Поэтому вполне закономерно в последующее время изменение характера и условий земельной аренды.

На примере приговора 1881 года одного из ногоайских обществ «О порядке пользования землей, отведенной Едисанскому обществу» можно выделить следующие требования-условия по внесению денежных средств:

- в расчете 3 рубля за стог сена общество разрешало другим горцам пользоваться наделом;

- в расчете 40-ка коп. в год за лошадь и КРС позволяло пасти скот на их земле;

— в расчете 2 рубля за 10 соток земельного надела давало право заниматься возделыванием-распашкой территории и др. [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 872, л. 8].

Таким образом, оговоренные условия препятствовали неконтролируемому использованию земель ногайцев.

Однако вопреки принимаемым российской администрацией мерам со стороны ногайской общины не наблюдалась желаемая активность по переходу к оседлости. Данное обстоятельство послужило причиной обращения к главному приставу ставропольского гражданского губернатора, сетовавшего, что «из всех инородцев вверенного вам управления не приняла еще и одна десятая часть оседлого водворения» [Там же, д. 55, л. 181].

В связи с этим первоочередной задачей становится усиление работы в обозначенном направлении, поэтому российские власти приняли решение выделить, определить земельные наделы для постоянного поселения ногайского этноса. Выполнение такого межевания было поручено землемеру управления кочевыми народами, который позже отчитался о «всего на 83100 дес. окончательно обмежеванных» [Там же, д. 106, л. 1].

В итоге благодаря проведенному межеванию было организовано 12 поселений, однако при этом запретили тем, кто принял оседлость, «образовывать новые аулы [Там же, д. 329, л. 115]. Постоянное место проживания бывших кочевников российская администрация разделила на 3 основные части или категории. Так, поселенными в 1878 году считались территории — аулы — Трухменского, Ачикулакского и Караногайского приставств. Главный пристав проинспектировал все аулы и выявил признаки, классифицирующие их по категориям:

— 1 категория — ситуация, когда ногайцы постепенно осваивают земледельческий труд, но не имеют собственного жилья, а пользуются домами аула. Как заметил Главный пристав, таких аулов два в Ачикулакском Приставстве [ГАСК, ф. 101, оп. 4, д. 776, л. 1];

— 2 категория — ситуация, когда население аула более приспособлено к оседлости, о чем свидетельствует наличие у них как жилья, так и хозяйственных приспособлений. Однако, по наблюдениям Пристава, обрабатывают землю, пашут и сеют хлеб лишь отдельные представители ногайцев. К данной категории следует отнести «некоторые аулы Трухменского и Ачикулакского Приставств» [Там же];

— 3 категория — ситуация, когда население в силу разных причин не видит преимуществ оседлого образа жизни и старается его избежать, сохраняя понятную им жизнедеятельность. Сюда Главный пристав относит все аулы Караногайского Приставства; в Ачикулакском Приставстве несколько аулов, в том числе и поселение по Бадрак-Кую ...» [Там же].

Для ускорения процесса перехода к освоению земли необходимо было знать обстоятельства, затруднявшие его развитие. В результате сбора Главным приставом соответствующих сведений были сформулированы причины: во-первых, ситуация, в которой многие ногайцы нанимались к крестьянам, была вызвана многолетними неурожами. Во-вторых, неурожай стал причиной падежа животных, что в свою очередь негативно повлияло на активное освоение и обработку земельных наделов. В-третьих, застой и отсталость земельных хозяйств были обусловлены отсутствием «поддержки и материальной помощи в неурожайные годы» [ГАСК, ф. 101, оп. 4, д. 776, л. 2]. В то же время на развитии и ускорении процесса перехода к оседлости и освоения земледельческого хозяйства отрицательно сказались и социальные факторы. Так, представители бедного ногайского народа, проживающего в ауле Камыш-Бурун, обратились к главному приставу с жалобой на одноаульников, таких же несостоятельных и бедных, которые чинят препятствия в землепользовании и несправедливо распределяют землю для сенокоса: например, для себя за одним двором закрепляют 1 дес. надела, а для них — одну десятину за тремя дворами. Кроме того, «на каждом удобных участках ежегодно производят распашки, но нам же не позволяют пахать с посторонними лицами» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 769, л. 208].

Необходимо отметить, что в начале осуществления политики российского правительства по привлечению ногайцев к оседлости зажиточные кочевники являлись силой не только не поддерживающей, но и сопротивляющейся проводимым действиям. Однако с течением времени они все-таки увидели в ведении земледельческого хозяйства определенную экономическую выгоду и, соответственно, прибыль для себя, поэтому стали активнее участвовать в земельных отношениях. Как результат, в конце XIX столетия ногайцы уже подразделялись на оседлых, полuosедлых и номадов.

3.3. Итоги аграрной политики российских властей

Обобщая результаты российской аграрной политики среди ногайцев, важно отметить, что едишкульцы и джембойлуковцы вели полuosедлый образ жизни. Они занимались земледелием, но в ограниченных размерах. Скотоводство по-прежнему оставалось их основным занятием. В отличие от других ногайцев едишкульцы и джембойлуковцы селились в более или менее обставленных жилых и хозяйственных постройках. И. Л. Щеглов приводит следующие данные о наличии жилых построек у последних [Щеглов, 1910, с. 419].

Из таблицы следует, что у едишкульцев преобладали кибитки, хотя имелось значительное количество домов, а у джембойлуковцев постоянные жилые постройки превалировали над кибитками. В отчете за 1910 год по Ачикулакскому приставству указывалось, что оно занимает «простран-

Таблица 2

Общее число полуседлых ногайцев

Имущественный критерий	Едишкульцы	Джембойлуковцы
1. Не имеют никаких жилых строений	89	63
2. Имеют только кибитки	732	8
3. Имеют избы и дома, кроме кибиток (или кибиток не имеют вовсе)	508	477
Всего	1329	548

ство 207 140 десятин, Едишкульцы и Джембойлуковцы ведут кочевой образ жизни, Едисанцы перешли к оседлости. У джембойлуковцев имеется два поселенных аула. Камыш-Бурун — 11150 десятин, Ильяс — Кишлау — 245000 десятины. Всех ногайцев 18592 души, 71734 $\frac{1}{2}$ дес. отведено Едисанскому народу, а остальная степь пространством в 99,755 $\frac{1}{2}$ дес. состоит в нераздельном пользовании едишкульских и джембойлуковских ногайцев-кочевников» [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2511, л. 135].

Необходимо указать, что аграрная реформа, проводимая на территории Кавказа, имела неоднозначный характер. Например, разный подход замечен в отношении ногайцев Северо-Западного Кавказа и степного Предкавказья. Земельные преобразования у первых носили сословный характер, что означало главенство местной знати при распределении участков (социальная иерархия в данном случае поддерживалась русскими властями). Однако при этом все население степного Предкавказья обеспечивалось землей одинаково, из расчета 30 десятин на одного представителя мужского пола, без учета общественной иерархии, хотя в этой части региона проживали мурзы.

Жители степного Предкавказья, в отличие от других общин, имели оброчные земли. А появление оброчных статей было обусловлено тем, что земля отдавалась в пользование бывшим кочевникам для поместного поселения. Определение размеров земельных наделов находилось в ведении властей и регулировалось на уровне закона. Следовательно, территория, оставшаяся нераспределенной, образовывала земельный фонд. Так называемые земельные «излишки» через торги сдавались в аренду, средства от которой пополняли общественный капитал. Так возникло и получило развитие явление оброчных статей.

Таким образом, деятельность российских властей, реализующих в XIX столетии политику вовлечения ногайского этноса в освоение оседлого образа жизни, по-разному оценивалась авторами-исследователями дореволюционного и новейшего времени. Например, известный знаток

ногайской истории и этнографии С. В. Фарфоровский писал, что причина несостоятельности проводимых мер видится в «беспечности ногайца, его неумелости, малой приспособленности почвы для земледелия» [Фарфоровский, 1909, с. 10]. Согласно мнению видных авторов обобщающего исследования «Ногайцы» (1988 год), считается, что постоянные поселения у них появились с середины XIX века. «В конце прошлого столетия едсанцы и частично джембойлуки уже вели оседлый образ жизни» [Калмыков и др., 1988, с. 47]. Это свидетельствует о том, что старания российских властей в самом начале не были абсолютно успешны.

Значимым является тот факт, что ногайцы стали возводить свои саманные жилища по образцу русских домов к 1860-м годам, но при этом в обозначенный период в их жизнеустройстве сохранялись признаки ведения кочевого образа (наличие кибитки одновременно с домом). Данное обстоятельство указывает на то, что определение времени начала постоянного обращения ногайцев к земледелию не вызывает сомнений.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, подводя некоторые итоги деятельности российской администрации по реализации процесса перехода ногайского этноса к оседлому образу жизни, необходимо отметить трудности, обусловленные тем, что ногайский уклад жизни, формировавшийся на протяжении столетий, с трудом поддавался изменениям, что отрицательным образом сказалось на начальном этапе привлечения народа к оседлости. Так, российская администрация была вынуждена поддерживать финансами (вспомогательные кассы, безвозмездная материальная помощь) номадов-кочевников, желающих изменить образ жизни, поскольку зажиточные ногайцы не собирались переходить к оседлости, следовательно, не выделяли средства для осуществления процесса. Именно беднейшая часть этноса первой приняла оседлую жизнь, но при этом полученные наделы отдавала в аренду практически за бесценок. Сложившуюся ситуацию усугубляло то, что ногайский народ не имел опыта, навыков ведения земледельческого хозяйства.

Одним из способов реализации аграрной политики российские власти рассматривали и административный нажим. Так было в случае с Канглыным кубом Ачикулакского приставства. В то же время влияние российской администрации сказалось и на изменении арендных условий, приобретших экономическую направленность и ставших более выгодными для номадов. Вместе с тем, несмотря на трудности осуществления земельной реформы, цели российским правительством были достигнуты. Так, на рубеже XIX—XX столетий значительная доля представителей ногайской общины перешла к постоянному ведению земледелия и ско-

товодческого хозяйства. Другая же, количественно меньшая доля ногайского населения, сохранила кочевой образ жизни, однако отказалась от перемещения на большие расстояния. Обозначенные факторы позволяют утверждать, что на данном этапе развития ногайская община подверглась значительным изменениям: патронимия, основанная на родственном начале, уступила место соседской общине с сохранением сильных родовых пережитков.

Источники

1. ГАСК — Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1870; Ф. 249. Оп. 2. Д. 94 а, Д. 218, Д. 872, Д. 1619 а, Д. 2511.
2. Прозрителев Г. Н. Гибнущий народ / Г. Н. Прозрителев // Материалы фондов Ставропольского государственного краеведческого музея. Ф. 2. Д. 61.

Литература

1. Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа / П. А. Гаврилов // Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ). — Тифлис, 1868. — Выпуск 2. Отд. 7.
2. Калмыков И. Х. Ногайцы : Историко-этнографический очерк / И. Х. Калмыков, Р. Х. Керейтов, А. И. Сикалиев. — Черкесск : Ставропольское книжное издательство : Карачаево-Черкесское отделение, 1988. — 230 с. — ISBN 5-7644-0241-7.
3. Магомаев В. Х. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI — начале XX в. / В. Х. Магомаев, Д. С. Кидирниязов. — Грозный : Издательство АН ЧР, 2017. — 399 с. — ISBN 978-5-9909802-3-5.
4. Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии / В. П. Невская // Труды КЧНИИ. — 1959. — Выпуск 3. Серия историч.
5. Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии : Историко-этнографический очерк / С. В. Фарфоровский. — Тифлис : Типография П. П. Козловского, 1909. — 34 с.
6. Щацкий П. А. Некоторые вопросы социально-экономического развития юго-восточной России / П. А. Щацкий. — Ставрополь : [б. и.], 1970. — 410 с.
7. Щеглов И. Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. В 4-х т. / И. Л. Щеглов. — Ставрополь, 1910—1911. — Т. 1.

Material resources

Prozritelev, G. N. The dying people. *Materials of the funds of the Stavropol State Museum of Local Lore. F. 2. D. 61.* (In Russ).
The State Archive of the Stavropol Territory (hereinafter — GASK). F. 101. Op. 4. d. 1870; F. 249. Op. 2. D. 94 a, d. 218, d. 872, d. 1619 a, d. 2511. (In Russ).

References

Farforovsky, S. V. (1909). *Nogais of Stavropol province: Historical and ethnographic essay.* Tiflis: Printing house of P. P. Kozlovsky. 34 p. (In Russ).
Gavrilov, P. A. (1868). The device of the land life of the mountain tribes of the North Caucasus. In: *Collection of information about the Caucasian highlanders (hereinafter — SSKG), 2 (7).* Tiflis. (In Russ).

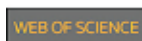
- Kalmykov, I. H., Kereitov, R. H., Sikaliyev, A. I. (1988). *Nogaytsy: Historical and ethnographic essay*. Cherkessk: Stavropol Book Publishing House: Karachay-Cherkess branch. 230 p. ISBN 5-7644-0241-7. (In Russ).
- Magomayev, V. H., Kidirniyazov, D. S. (2017). *Nogais in the North Caucasian historical process in the XVI — early XX century*. Grozny: Publishing House of the Academy of Sciences of the Czech Republic. 399 p. ISBN 978-5-9909802-3-5. (In Russ).
- Nevskaya, V. P. (1959). Land reform and abolition of serfdom in Circassia. *Proceedings of the KCHNII, 3. Historical series*. (In Russ).
- Shchatsky, P. A. (1970). *Some issues of socio-economic development of south-eastern Russia*. Stavropol: [b. i.]. 410 p. (In Russ).
- Shcheglov, I. L. (1910—1911). *Trukhmen and Nogais of Stavropol province: In 4 volumes, 1*. Stavropol. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 11.06.2022,
одобрена после рецензирования 10.08.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.

Раскин Д. И. Пенсионное обеспечение «особых родов службы» в системе государственного аппарата Российской империи (XIX — начало XX века) / Д. И. Раскин, Ф. Н. Никитин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 417—431. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-417-431.

Raskin, D. I., Nikitin, Ph. N. (2022). Pension Provision of “Special Types of Service” in System of State Apparatus of Russian Empire. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 417-431. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-417-431. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-417-431

**Пенсионное обеспечение
«особых родов службы»
в системе государственного
аппарата
Российской империи
(XIX — начало XX века)**

Раскин Давид Иосифович
orcid.org/0000-0001-7421-7809
доктор исторических наук, профессор
кафедры источниковедения
истории России
d.raskin@mail.ru

Никитин Филипп Николаевич
orcid.org/0000-0002-5210-152X
лаборант-исследователь,
Институт истории
mr.fil.nikitin@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта
№ 22-28-00060

**Pension Provision
of “Special Types of Service”
in System of State Apparatus
of Russian Empire**

David I. Raskin
orcid.org/0000-0001-7421-7809
Doctor of History, Professor,
Department of Source Studies
in the History of Russia
d.raskin@mail.ru

Philip N. Nikitin
orcid.org/0000-0002-5210-152X
Research Laboratory Assistant,
Institute of History
mr.fil.nikitin@mail.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported
by the Russian Science Foundation,
scientific project
№ 22-28-00060

© Раскин Д. И., Никитин Ф. Н., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается история пенсионного обеспечения «особых родов служб» в Российской империи. Пенсионное обеспечение этих категорий государственных служащих рассматривается как важная часть политики правительства по стабилизации государственного аппарата. Уделяется внимание правилам назначения пенсий служащим ведомств: горного, путей сообщения, лесного, таможенного, придворного, учебного и ученого. Представлены результаты сопоставительного анализа пенсий этих категорий служащих с пенсиями гражданских (а в ряде случаев и военных) служащих по Пенсионному уставу 1827 года. Показано привилегированное положение служащих «особых родов служб» по отношению к остальным гражданским и военным служащим. Поднимается вопрос об истории возникновения и причинах этого привилегированного положения. Новизна исследования заключается в том, что впервые комплексно рассматривается история пенсионного обеспечения особых категорий государственных служащих. Доказано, что привилегированное положение этих категорий служащих было способом привлечения на службу в отрасли, которая требовала специальной квалификации работников или отличалась тяжелыми условиями труда.

Ключевые слова:

государственный аппарат; особые роды службы; пенсии; привилегии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the history of pension provision for “special types of service” in the Russian Empire is considered in the article. The provision of pensions for these categories of civil servants is seen as an important part of the government’s policy to stabilize the state apparatus. Attention is paid to the rules for assigning pensions to employees of departments: mining, communications, forestry, customs, court, educational and scientific. The results of a comparative analysis of pensions of these categories of employees with pensions of civil (and in some cases military) employees under the Pension Regulations of 1827 are presented. The privileged position of employees of “special types of services” in relation to other civil and military employees is shown. The question is raised about the history and causes of this privileged position. The novelty of the study is in the fact that for the first time the history of pension provision for special categories of civil servants is considered in a comprehensive manner. It has been proven that the privileged position of these categories of employees was a way to recruit for service in industries that required special qualifications or were distinguished by difficult conditions.

Key words:

state machinery; special kinds of service; pensions; privilege.

Пенсионное обеспечение «особых родов службы» в системе государственного аппарата Российской империи (XIX — начало XX века)

© Раскин Д. И., Никитин Ф. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Пенсионное обеспечение было одной из важнейших составляющих системы государственной службы в Российской империи XIX — начала XX веков.

Первые попытки обеспечить пенсиями военных и гражданских служащих относятся ко 2-й половине XVIII века, но единая система пенсионного обеспечения была установлена Пенсионным уставом 1827 года, основные положения которого действовали вплоть до 1917 года.

Для служащих военного ведомства полные пенсии начислялись в размере жалованья, для гражданского — по 9-ти пенсионным разрядам. Эти разряды первоначально соответствовали усредненным окладам различных должностей, но впоследствии существенно отстали от этих окладов [Раскин, 2020, с. 2488, 2490—2491]. При этом Устав 1827 года не распространялся на отдельные «специальные» службы (формулировка законодательства): придворную, учебную, горную и т. д. [ПСЗ, т. 2, № 1592, 06.12.1827].

Первоначально особый порядок пенсионного обеспечения «специальных служб» был связан с тем, что пенсии для ряда отраслей государственной службы были законодательно установлены до принятия общего пенсионного устава.

Чаще всего в этих отраслях существовали и отдельные пенсионные капиталы. Например, для Горного ведомства пенсионная сумма складывалась из ежегодных перечислений Государственного казначейства в распоряжение Департамента горных и соляных дел и доходов Санкт-Петербургского монетного двора от продажи красок, а недостающее количество отпускалось из сметы Горного казначейства [Свод зак., изд. 1832 г., ст. 1833]. Пенсии таможенным чиновникам выплачивались из специального капитала, образованного из отчисления 10 % от сумм конфискации и денежных пеней [ПСЗ, т. 36, № 28030, 14.12.1819, § 575]. Пенсии по придворному и удельному ведомствам также выплачивались из особых источников. Особенные пенсионные капиталы имели первоначально ученые и учебные заведения. Но в дальнейшем постепенно источником выплаты пенсий «особых родов службы» стало Государственное казначейство. Например, в Академии наук

существовал особый пенсионный капитал [ПСЗ, т. 27, № 20863; 2ПСЗ, т. 4, № 2878], но с 1836 года академические пенсии стали выплачиваться из Государственного казначейства [2ПСЗ, т. 11, № 8765]. С 3 ноября 1836 года из Государственного казначейства стали выплачиваться и пенсии по Горному ведомству [2ПСЗ, т. 11, № 9673] и т. д.

Но главным отличием «особых родов службы» стали более выгодные (сравнительно с Пенсионным уставом) условия назначения пенсий не только по стажу, но и по размерам. Особый порядок присвоения пенсий важен для характеристики как самих этих служб, так и системы государственной службы в дореволюционной России в целом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Пенсионное законодательство отражено в Полном собрании законов Российской империи [ПСЗ, 2ПСЗ, 3ПСЗ], а действовавшие акты, не включенные в это собрание, — в Своде законов Российской империи [Св. зак., изд. 1832, т. 3; Св. зак., изд. 1857, т. 3]. Сведения об окладах чиновников различных учреждений содержатся в штатах, опубликованных в Полном собрании законов. Важные сведения о подготовке проектов изменений пенсионного законодательства имеются в материалах высших учреждений империи, в частности, сведения о попытке устранить пенсионные привилегии «специальных служб» — в деле Комитета министров 1852 года [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 2276-б].

При анализе использованы положения пенсионного законодательства в сравнении с данными об окладах чиновников гражданского ведомства за разные годы. Привлечены также сведения об обсуждении реформы Пенсионного устава (1852 год).

Комплексная характеристика пенсионного обеспечения особых родов гражданской службы в Российской империи, как и роль последнего в формировании системы государственной службы, до сих пор не были предметом специального изучения.

Можно назвать лишь немногочисленные обращения к данной проблематике в общих работах по истории пенсионного обеспечения в Российской империи [Зайончковский, 1978; Раскин, 1989, Квасов, 2005; Федяев, 2008; Баранова, 2010, Рафикова, 2011; Гусаков, 2015; Суслова и др, 2020], а также еще менее многочисленные работы, посвященные пенсионному обеспечению отдельных категорий служащих [Закревская и др, 2009; Еремина, 2015; Смирнова, 2017].

Во всех этих работах преобладает формально-юридический подход, фиксирующий действовавшие правовые нормы без анализа причин их принятия и сравнения реальных пенсионных окладов различных катего-

рий служащих, а также изучения подготовки соответствующих законодательных актов. Исключение составляет монография Г. П. Дегтярева, где упоминается о попытке принятия нового пенсионного устава в 1852 году [Дегтярев, 2003, с. 20—25]. Но в ней (как и во всех работах вышеперечисленных авторов) отсутствуют ссылки на архивные материалы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Пенсионное обеспечение *горных чиновников* было законодательно установлено «Проектом горного положения» (1806 год), в качестве опыта введенным на 6 лет, а затем кодифицированным в 7-м томе Свода законов [Лоранский, 1906, с. 56]. Горным чиновникам, прослужившим в классных чинах 25 лет или в нижних и классных чинах в совокупности 30 лет, полагалась пенсия в размере их полного жалования, а прослужившим, соответственно, 20 и 25 лет — в размере половины жалования [ПСЗ, т. 20, № 22208, 13.07.1806, ст. 585, 589, 590, 591]. Полагались пенсии также нижним горным чинам [Там же].

По указу 6 ноября 1852 года особый порядок назначения пенсий за горную службу был оставлен лишь для лиц, служащих непосредственно на горных заводах [2ПСЗ, т. 27, № 26747].

Во время существования военизированного Корпуса горных инженеров (1834—1867) [2ПСЗ, т. 9, № 6685; т. 42, № 44649] чины корпуса пользовались военными пенсиями, а после перевода корпуса в гражданское ведомство горным инженерам, переименованным из военных в гражданские чины, пенсия присваивалась из расчета окладов, присвоенных им до 1867 года [2ПСЗ, т. 42, № 44487, 22.04.1867, § 11].

В целом эти нормы с незначительными изменениями сохранялись вплоть до 1917 года.

По сравнению с пенсиями гражданских чиновников пенсионное обеспечение горных служащих было заметно более высоким. Например, полная пенсия чиновников 6-го класса, отнесенных Пенсионным уставом ко 2-й степени 3-го разряда, составляла 428 руб. в год, а годовое жалование окружного инженера, того же 6-го класса, составлявшее его полную пенсию, равнялось к 1900 году 1200 руб., чиновников 7-го класса (6-й разряд) — 214 руб., а маркшрейдера (тоже 7-го класса) — 800 руб. [Св. зак., изд. 1857 г., т. 3, прил. к ст. 43; 3ПСЗ, т. 20, № 18117] и т. д.

Служба в ведомстве путей сообщения, в отличие от горной службы, не давала таких привилегий. Пенсионный устав 1827 года включил гражданских служащих по этому ведомству в общее расписание пенсионных разрядов. Но инженерные должности по Корпусу инженеров путей сообщения [ПСЗ, т. 30, № 23996, 20.11.1809] были военными, так что на

них распространялись все преимущества военной службы. После перехода корпуса на гражданское положение пенсии инженерам путей сообщения, переведенным из военных в гражданские чины, назначались аналогично горным чинам, из расчета окладов, присвоенных им до 22 апреля 1867 года [2ПСЗ, т. 42, № 44897, § 9].

На чиновников *лесного ведомства* первоначально также распространялись нормы Пенсионного устава 1827 года. После создания военизированного Корпуса лесничих им были присвоены военные чины, на которые распространились нормы военных пенсий, а при переводе корпуса в гражданское ведомство служащие, переименованные в гражданские чины, сохранили право на получение пенсий по окладам, присвоенным до этого военным чинам корпуса [2ПСЗ, т. 14, № 11978, 30.01.1839; т. 42, № 44897, 02.08.1867; т. 47, № 50959, 07.06.1872].

Особые нормы пенсионного обеспечения чиновников *таможенной службы* были впервые установлены Таможенным уставом по Европейской торговле 1819 года, предусматривавшим назначение прослужившему 30 лет чиновнику пенсии в размере половины среднего оклада жалования за последние 3 года службы, а за каждый прослуженный год сверх 30 лет прибавлялась $\frac{1}{10}$ от второй половины. В случае оставления службы из-за полученного на ней увечья или расстроенного здоровья эта пенсия могла назначаться (по усмотрению главного таможенного начальства) и при стаже менее 30 лет [ПСЗ, т. 36, № 28030, 14.12.1819, § 578—580]. Для таможенных служащих в Закавказском крае (с учетом тяжелых условий службы) за 15 лет службы назначалась пенсия в размере годового оклада [2ПСЗ, т. 6, № 4612, 05.06.1831, § 18]. В дальнейшем льготы для служащих в Закавказском крае были распространены на всех служащих в таможенном ведомстве по Азиатской торговле [Там же; 2ПСЗ, т. 22, № 21169, 04.05.1847, § 64]. В 1850 году в Уставе таможенном для Царства Польского норма о прибавке $\frac{1}{10}$ части половины жалования за каждый год службы сверх 30 лет была ограничена 40-летним сроком [2ПСЗ, т. 25, № 24598, 05.11.1850, ст. 167]. Это уточнение было закреплено в Своде законов [Св. зак., изд. 1857 г., т. 3, кн. 3, ст. 875]. В 1867 году для таможенных служащих по Азиатской торговле были установлены пенсионные оклады в размере $\frac{1}{2}$ жалования за 10 лет службы, $\frac{3}{4}$ — за 15 лет и полного жалования за 20 лет [2ПСЗ, т. 42, № 45266, 09.12.1867, § 41].

Таможенная служба давала ощутимые пенсионные преимущества. Например, жалование старшего члена таможни составляло (по штату 1819 года) 1500—2000 руб., младшего — 1000—1200 руб., а пенсии соответствующих их чинам разрядов (по Пенсионному уставу 1827 года) — от 750 до 1500 руб.

Придворная служба была особым родом службы наряду с военной и гражданской. Это выражалось в отдельной системе придворных чинов [ПСЗ, т. 6, № 3890, 24.01.1722]. Пенсионное обеспечение придворных служащих также было особым. Параллельно с разработкой общего Пенсионного устава 14 марта 1827 года было принято «Положение о назначении пенсионов придворным чинам и служителям при увольнении их от службы».

По этому положению за 50 лет беспорочной службы пенсия назначалась в размере полного жалования и прочего содержания (то есть столовых и порционных денег и окладов, устанавливаемых особыми высочайшими указами за долговременную или отличную службу), за 45 лет — полное жалование и $\frac{2}{3}$ содержания, за 40 лет — полное жалование и $\frac{1}{2}$ содержания, за 35 лет — полное жалование и $\frac{1}{3}$ содержания, за 30 лет — полное жалование, за 25 лет — $\frac{2}{3}$ жалования, за 20 лет — $\frac{1}{2}$ жалования, за 15 лет — $\frac{1}{3}$ жалования. При потере трудоспособности в результате несчастного случая пенсия могла быть высочайшим повелением назначена досрочно ранее минимального стажа [2ПСЗ, т. 2, № 956].

Эти таможенные нормы действовали вплоть до 1917 года.

В 1842 году они были распространены на служащих Капитула российских императорских и царских орденов (присоединенного к Министерству императорского двора), в 1858 году — Экспедиции церемониальных дел (присоединенной к Министерству императорского двора из МИД) и Археологической комиссии и Керченского музея [ВЦУРЗ, с. 170—171, 174—175; 2ПСЗ, т. 22, № 21001, 12.03.1847; т. 33, № 33666, 29.10.1858; т. 34, № 34109, 08.02.1859], а затем также на некоторые другие дворцовые службы и художественные заведения [2ПСЗ, т. 25, № 24552, 21.10.1850; т. 30, № 29435, 19.06.1855; 3ПСЗ, т. 28, № 30373, 30384, 19.05.1908].

Условия получения пенсий по придворному положению были намного более выгодными, чем пенсионные нормы и в гражданском, и в военном ведомствах. Например, офицер мог рассчитывать на пенсию в размере полного жалования после 35 лет службы [2ПСЗ, т. 2, № 1592], а служащий придворного ведомства — уже после 30, а за более продолжительную службу — с прибавкой от $\frac{1}{3}$ до полного «содержания».

Характерно, что вопреки мнению Е. Ф. Канкринна о нецелесообразности поощрения чиновников более высокой пенсией за службу сверх 40 лет [Раскин, 2020, с. 2489] в придворном ведомстве максимальные пенсии устанавливались за 50 лет службы, несколько меньшие — за 45. В придворном ведомстве ценили многолетнюю службу.

Для служащих *Департамента уделов* и *Кабинета е.и.в.* первоначально существовало специальное положение о пенсиях. В соответствии с ним за 40 лет службы им полагалась пенсия в размере полного оклада жалования,

за 30 лет — $\frac{1}{2}$, а за 20 лет — $\frac{1}{3}$ [2ПСЗ, т. 2, № 1249, 18.07.1827]. Эти условия были лучше, чем в гражданской службе, но хуже, чем в придворной. С 8 сентября 1859 года на служащих в удельном ведомстве и в Кабинете е.и.в. были распространены все преимущества придворной службы [2ПСЗ, № 34883].

Пенсионное обеспечение служащих *Мариинского ведомства* имело преимущества даже по сравнению с придворным. Они получали право на пенсию в размере полного оклада жалования на момент увольнения (за исключением последней прибавки за каждые 5 лет службы) после 25 лет службы, а за 15 лет — $\frac{1}{2}$ жалования. С 1868 года перестали вычитать и последнюю прибавку [Св. зак., изд. 1857, т. 3, ст. 718—719; 2ПСЗ, т. 43, № 46287, 28.09.1868].

Императорские театры были частью придворного ведомства [ВЦУРЗ, с. 146, 155].

По Положению 13 ноября 1827 года артисты, музыканты и другие театральные служащие были разделены на 4 степени. К 1-й степени относились артисты 1-го амплуа, режиссеры, управляющие труппами, первые танцоры, капельмейстеры, дирижеры, музыканты-солисты и т. д., ко 2-й — артисты на вторых ролях, музыканты, танцоры и т. д., к 3-й — менее значительные актеры, суфлеры, живописцы, костюмеры и т. д., к 4-й — «вводные лица», цветочницы, фигуранты, помощники живописцев, нотные писцы, певчие. Полные пенсии назначались в размере получаемого за последние 3 года жалования, но не выше оклада соответствующей степени: 1-й — 4000 руб., 2-й — 2500 руб., 3-й — 1500 руб., 4-й — 750 руб. Артистам — российским подданным для получения полной пенсии нужно было прослужить в 1-й степени — 20 лет, 2-й — 22 года, 3-й — 25, 4-й — 30. Иностранному подданному назначалась лишь половинная пенсия — за 18 лет службы в 1-й степени, 20 — 2-й, 22 — 3-й и 25 — 4-й. При переходе в российское подданство (после 10 лет пребывания в нем) они могли получать пенсию, положенную российским подданным.

В случае расстроенного на театральной службе здоровья и невозможности продолжать службу по старости артисты — российские подданные — могли претендовать на $\frac{2}{3}$ пенсионного оклада, а иностранные — на $\frac{1}{3}$ при сроках службы, сокращенных на 5 лет. Но «по особенному уважению дарований и оказанного им усердия и трудов» им могла назначаться пенсия в размере $\frac{1}{2}$ полного оклада за 10 лет выслуги для 1-й степени, 12 — 2-й, 15 — 3-й и 20 — 4-й степени.

Получивший пенсию артист мог (по усмотрению начальства) продолжать службу в театре с сохранением пенсии [2ПСЗ, т. 2, № 1533].

Дополнение 13 августа 1833 года устанавливало для всех артистов императорских театров пенсию в размере их окладов за последние 3 года,

если они не превышали 4000 руб., а если превышали — 4000 руб., то артисты (русские подданные) после получения пенсии были обязаны прослужить еще 2 года в благодарность (если дирекция театров признает это нужным), не требуя содержания, получаемого ими до назначения пенсии. После 2-х лет они могли вновь поступить на службу с сохранением пенсии [2ПСЗ, т. 8, № 6392].

Новое дополнение от 15 марта 1850 года устанавливало за 20-летнюю службу артистам 1-го разряда пенсии в размере 1140 руб., 2-го — 750 руб., 3-го — 500, 4-го — 300. Поскольку эти суммы были указаны в серебре, они соответствовали пенсионным окладам 1827 года [Семенова и др., 1992, с. 60]. Для артистов — иностранных подданных — устанавливалось 2 разряда (соответствовали 1-му — 2-му и 3-му — 4-му для русских подданных): для 1-го за 15 лет службы — 570 руб., для 2-го — 285 руб. [2ПСЗ, т. 25, № 23992].

С 16 апреля 1867 года было отменено назначение пенсий вновь поступающим на службу иностранцам [2ПСЗ, т. 42, № 44468].

Пенсии артистам выплачивались из Кабинета е.и.в. [2ПСЗ, т. 8, № 6392], но с 1874 года стали выплачиваться из Государственного казначейства [2ПСЗ, т. 49, № 53818, 13.08.1874].

Театральные пенсии были довольно велики по сравнению с пенсиями гражданских чиновников. Артист императорских театров 1-й степени мог получить за 20 лет службы пенсию, равную полной пенсии, назначавшейся сенатору за 35 лет, служащему 2-й степени за 22 года, или превышавшую пенсии вице-губернатора, председателя палаты за те же 35 лет, служащего 3-й степени за 25 лет, равную пенсии обер-секретаря Сената, начальника отделения в министерстве и т. д., служащего 4-й степени за 30 лет, а также равную полной пенсии столоначальника в министерстве или городничего и т. д.

Первоначально пенсии за *ученую и учебную службу* устанавливались отдельно по каждому конкретному учреждению, но затем приобрели общие признаки, позволяющие объединить их в особый род пенсий.

По уставу *Академии наук* 25 июля 1803 года действительным академиком за 20-летнюю службу назначалась пенсия в размере $\frac{1}{2}$ жалованья, а за 25-летнюю — полного жалованья [ПСЗ, т. 27, № 20863]. Устав 8 января 1836 года добавил право на получение пенсии по неизлечимой болезни за 10-летнюю службу в размере $\frac{1}{3}$ жалованья [2ПСЗ, т. 11, № 8765].

12 февраля 1799 года для академиков и профессоров *Медико-хирургической академии* устанавливались пенсии в размере $\frac{1}{3}$ жалованья за 18 лет службы и в размере полного жалованья за 25 лет. Такие льготные условия объяснялись тем, что на эти должности назначались после долговременной медицинской практики [ПСЗ, т. 25, № 18854]. Устав Медико-хирур-

гической академии 28 июля 1808 года уменьшил на 3 года пенсионный стаж профессорам анатомии, зоотомии и химии (из-за «вредного влияния на здоровье») [ПСЗ, т. 30, № 23185]. По уставу 18 декабря 1835 года после 25 лет службы академик или профессор получал звание заслуженного и имел право на пенсию в размере полного жалования (окладного и прибавочного), причем с разрешения министра он имел право продолжать службу, получая полное жалование сверх пенсии [2ПСЗ, т. 10, № 8688].

Пенсии членам и служащим *Академии художеств*, входившей в придворное ведомство [ВЦУРЗ, с. 146], были приравнены к пенсиям чиновников Кабинета е.и.в. и Удельного ведомства [2ПСЗ, т. 5, № 4199, 19.12.1830].

Особенно выгодными были пенсионные права служащих *Императорской Публичной библиотеки*. После 10 лет службы они при отставке по состоянию здоровья или старости получали право на пенсию в размере $\frac{1}{2}$ жалования, а после 15 лет — полного оклада [ПСЗ, т. 32, № 25069, 31.03.1812]. Но с 12 мая 1870 года все служащие библиотеки (как и Московского Публичного и Румянцевского музеев) стали получать пенсии на правах учебной службы, впрочем, также довольно выгодных [2ПСЗ, т. 45, № 48345; т. 44, № 47140].

Учебные пенсии были установлены сначала для преподавателей университетов, затем — гимназий и др. учебных заведений, подчиненных Министерству народного просвещения. Уставами российских университетов за 25 лет службы назначалась пенсия в размере полного жалования, а при отставке по болезни ранее этого срока — в размере половинного оклада [ПСЗ, т. 28, № 21502, 21503, 21504; т. 31, № 24595]. Такой же порядок был установлен для преподавателей Царскосельского, Ярославского и др. лицеев [ПСЗ, т. 31, № 24325, 12.08.1810; т. 28, № 21606, 28.01.1805].

Университетский устав 26 июля 1835 года закрепил за прослужившими 25 лет профессорами, получавшими звание заслуженных, право вновь избираться на профессорскую должность и получать оклад с сохранением пенсии [2ПСЗ, т. 10, № 8337]. Заслуженный профессор мог сохранять пенсию и при службе в другом ведомстве [2ПСЗ, т. 12, № 10133, 13.04.1837]. Это право распространялось и на профессоров лицеев. Профессор, прослуживший 25 лет, но не получивший звание заслуженного, также мог продолжать службу с сохранением пенсии, но лишь служа в учебном ведомстве [Еремина, 2015, с. 26].

Устав гимназий и уездных и приходских училищ 8 декабря 1828 года установил для преподавателей за 20-летнюю службу пенсии в размере $\frac{1}{2}$ оклада, а за 25 лет — полного оклада [2ПСЗ, т. 3, № 2502]. Положение 18 ноября 1836 года вводило надбавку к пенсии в размере $\frac{1}{3}$ за каждые 5 лет, прослуженные сверх 25-летнего срока [2ПСЗ, т. 11, № 9712].

С 4 июля 1828 года аналогичные права были предоставлены учителям и наставникам духовных учебных заведений [2ПСЗ, т. 3, № 2128]. В дальнейшем права учебной службы были распространены на военно-учебные, сельскохозяйственные, горные и др. учебные заведения, а также на учителей земских и городских училищ.

25 февраля 1853 года было принято положение о пенсиях и единовременных пособиях домашним наставникам и учителям, дававшее им право на пенсию, аналогично тому, как это было в учебных заведениях МНП [ПСЗ, т. 28, № 27048].

Для преподавателей и воспитателей заведений ведомства Опекунских советов пенсии предусматривались в размере $\frac{1}{2}$ оклада за 15 лет службы, а в размере полного оклада — за 25 лет. Эти пенсии выплачивались из особых сумм, составленных из процентов в Сохранной казне [Св. зак., изд. 1832, ст. 1838; 1743].

Ученые и учебные пенсии давали заметные преимущества. Они были настолько привлекательны даже для военных, что те стремились любой ценой получить право на учебную пенсию, совмещая службу с преподаванием, например, в Академии Генерального штаба [Редигер, 1999, т. 1, с. 238].

Возможность для профессоров продолжения службы с сохранением пенсии, то есть получения двойного жалования, закрепляла в университетах ценные преподавательские кадры. В то же время она приводила к стремлению престарелых профессоров (подобно герою чеховской «Скучной истории») продолжать преподавание любой ценой, даже из последних сил.

Пенсионные преимущества давала также *медицинская служба*. Положение 22 марта 1833 года предоставляло медицинским, ветеринарным и фармацевтическим чиновникам и нижним чинам право на получение за 20 лет службы пенсии в размере $\frac{1}{2}$ жалования, за 25 лет — $\frac{2}{3}$, а за 30 — полного жалования. По указу 6 ноября 1852 года было оставлено только 2 срока: 20 лет (половинная пенсия) и 30 лет (полная) [2ПСЗ, т. 8, № 6069; т. 27, № 26747]. Медицинским, ветеринарным и фармацевтическим чиновникам было также предоставлено право на одновременное получение пенсии и жалования при условии службы на медицинских должностях [2ПСЗ, т. 8, № 6069].

4. Заключение

Пенсионные преимущества «особых родов службы» были обусловлены привилегированным характером службы по данным ведомствам. Причины таких привилегий объяснялись либо необходимостью особой квалификации (ученая и учебная служба, горная служба и т. д.), либо особо тя-

желыми условиями службы (таможенная служба), либо особой близостью к монарху (придворная служба).

Наибольшее значение для привлекательности службы в этих ведомствах имело назначение в них полных пенсий в размере оклада жалования (а для придворного ведомства даже жалования и «прочего содержания») или долей жалования. Это преимущество сказывалось постепенно, по мере отставания пенсионных разрядов от реального жалования по новым штатам, ставшего к началу XX века уже вопиющим [Гурко, 2000, с. 106]. Значительным стимулом для медиков и заслуженных профессоров была и возможность продолжения службы после получения пенсии с сохранением этой пенсии. И, наконец, преимуществом для большинства «особых родов службы» были сокращенные сроки для получения пенсий. Эта привилегия роднила их со службой в отдаленных местностях (Сибирь, Кавказ).

Производными от пенсионных правил «особых родов службы» были условия назначения пенсий вдовам и сиротам чиновников этих ведомств.

При обсуждении проекта нового пенсионного устава в 1851 году гр. Д. Н. Блудов предлагал отменить все привилегии «особых родов службы». Но это предложение встретило решительные возражения большинства членов Комитета министров, аргументированно отстаивавших необходимость привилегированного пенсионного обеспечения для своих ведомств. В результате эти привилегии сохранились до 1917 года [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. д. 2276-б, л. 293—493].

Пенсионные привилегии чиновников были одним из способов регулирования государственной службы в Российской империи. Они были направлены на поощрение службы в отраслях, требовавших специальной квалификации или связанных с особо тяжелыми условиями работы. Государство нуждалось в квалифицированных и опытных горняках, путейцах, таможенниках, преподавателях, медиках.

Пенсионные привилегии были существенной частью правительственной политики по стабилизации государственного аппарата.

Источники и принятые сокращения

1. ВЦУРЗ — *Высшие* и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. В четырех томах. Центральные государственные учреждения. [Справочник]. — Санкт-Петербург : Наука, 2002. — Т. 3. — 228 с.
2. ПСЗ — *Полное* собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург, 1830. — Т. 1—45.
3. 2ПСЗ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. — Санкт-Петербург, 1830—1884. — Т. 1—55.
4. 3ПСЗ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Санкт-Петербург, 1885—1917. — Т. 1—33.

5. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1263 (Фонд Комитета министров).

6. Св. зак., изд. 1832, т. 3 — *Свод законов Российской империи*. Повелением гос. имп. Николая Павловича составленный. — Санкт-Петербург, 1832. — Т. 3. — 575 с.

7. Св. зак., изд. 1857 г., т. 3 — *Свод законов Российской империи*. Повелением гос. имп. Николая Павловича составленный. Издание 1857 года. — Т. 3. — 1414 с.

Литература

1. Баранова Е. А. Особенности развития пенсионного обеспечения в России в XVII—XIX : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Е. А. Баранова. — Краснодар, 2010. — 30 с.

2. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого : Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В. И. Гурко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 810 с. — ISBN 5-86793-109-9.

3. Гусаков Д. Б. Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи : историко-правовой вопрос : диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Д. Б. Гусаков. — Санкт-Петербург, 2015. — 161 с.

4. Дегтярев Г. П. Пенсионные реформы в России / Г. П. Дегтярев. — Москва : Academia, 2003. — 335 с.

5. Еремина Т. И. Особенности правового оформления государственного пенсионного обеспечения преподавателей университетов в XIX — начале XX века / Т. И. Еремина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». — 2015. — № 4 (20). — С. 23—30.

6. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — Москва : Мысль, 1978. — 288 с.

7. Закревская Л. П. Пенсионное обеспечение на частных и казенных железных дорогах России XIX в. / Л. П. Закревская, Л. М. Ласточкина // Железные дороги и процессы социальной модернизации России в середине XIX — начале XX в. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Доржева, 2009. — С. 171—174.

8. Квасов Д. А. Становление и развитие пенсионного законодательства о государственных служащих Российской империи XIX — начала XX в. : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Д. А. Квасов. — Москва, 2005. — 191 с.

9. Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России 1700—1900 / А. М. Лоранский. — Санкт-Петербург : Тип. инж. Г. А. Бернштейна, 1900. — 207 с.

10. Раскин Д. И. Пенсионная реформа Николая I / Д. И. Раскин // Былые годы. — 2020. — Т. 58. — № 4. — С. 2485—2494. — DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485.

11. Раскин Д. И. Исторические реалии биографий русских писателей XIX — нач. XX вв. / Д. И. Раскин // Русские писатели 1800—1917 : Биографический словарь. — Москва : Большая российская энциклопедия, Фанит, 1992. — Т. 2. — С. 593—613. — ISBN 5-852-70064-9.

12. Рафикова Р. Р. Опыт правового регулирования негосударственного пенсионного страхования в дореволюционной России / Р. Р. Рафикова // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2011. — № 75. — С. 111—121.

13. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2-х томах / А. Ф. Редигер. — Москва : Канон-пресс Ц, Кучково поле, 1999. — Т. 1. — 576 с.

14. Семенкова Т. Г. Денежные реформы России в XIX веке / Т. Г. Семенкова, А. В. Семенков. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1992. — 144 с. — ISBN 5-86528-008-2.

15. Смирнова Е. М. Становление системы здравоохранения в Российской провинции. 1775—1914 г. (По материалам региона Верхней Волги) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Е. М. Смирнова. — Ярославль, 2017. — 470 с.
16. Суслова Л. Н. Становление системы пенсионного довольствия гражданских служащих Тобольской губернии XIX — начала XX веков / Л. Н. Суслова, И. В. Яркова // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 484—494. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-484-494.
17. Федяев Г. Н. Пенсионная политика государства в дореволюционной России / Г. Н. Федяев // Вестник Московского университета МВД России. — 2008. — № 7. — С. 166—168.

Material resources

- Code of Laws of the Russian Empire. By order of the state imp. Composed by Nikolai Pavlovich, 3. (1832). St. Petersburg. 575 p. (In Russ.).*
- Code of Laws of the Russian Empire. By order of the state imp. Composed by Nikolai Pavlovich. Edition of 1857, 3. 1414 p. (In Russ.).*
- Higher and central state institutions of Russia. 1801—1917. In four volumes. Central state institutions. [Reference Book] 3. (2002). St. Petersburg: Nauka. 228 p. (In Russ.).*
- Russian State Historical Archive. The Fund of the Committee of Ministers. (In Russ.).*
- The complete collection of laws of the Russian Empire, 1—45. (1830). St. Petersburg. (In Russ.).*
- The Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2nd, 1—55. (1839—1884). St. Petersburg. (In Russ.).*
- The Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 3rd, 1—33. (1885—1917). St. Petersburg. (In Russ.).*

References

- Baranova, E. A. (2010). *Features of the development of pension provision in Russia in the XVII—XIX*. Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 30 p. (In Russ.).
- Degtyarev, G. P. (2003). *Pension reforms in Russia*. Moscow: Academia. 335 p. (In Russ.).
- Eremina, T. I. (2015). Features of legal registration of state pension provision for university teachers in the XIX — early XX century. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. The series "Legal Sciences"*, 4 (20): 23—30. (In Russ.).
- Fedyayev, G. N. (2008). Pension policy of the state in prerevolutionary Russia. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 7: 166—168. (In Russ.).
- Gurko, V. I. (2000). *Features and silhouettes of the past: The Government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary*. Moscow: New Literary Review. 810 p. ISBN 5-86793-109-9. (In Russ.).
- Gusakov, D. B. (2015). *Genesis of state pension provision and social insurance in the Russian Empire: historical and legal question*. PhD Diss. St. Petersburg. 161 p. (In Russ.).
- Kvasov, D. A. (2005). *Formation and development of pension legislation on civil servants of the Russian Empire of the XIX — early XX century*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 191 p. (In Russ.).
- Loransky, A. M. (1900). *A brief historical sketch of the administrative institutions of the Mining Department in Russia 1700—1900*. St. Petersburg: G. A. Bernstein Type of Engineering. 207 p. (In Russ.).

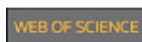
- Rafikova, R. R. (2011). Experience of legal regulation of non-state pension insurance in pre-revolutionary Russia. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 75: 111—121. (In Russ.).
- Raskin, D. I. (1992). Historical realities of biographies of Russian writers of the XIX — beginning. XX centuries. In: *Russian writers 1800—1917: Biographical dictionary*, 2. Moscow: Big Russian Encyclopedia, Fianit. 593—613. ISBN 5-852-70064-9. (In Russ.).
- Raskin, D. I. (2020). Pension reform of Nicholas I. *Bygone years*, 58 (4): 2485—2494. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485. (In Russ.).
- Rediger, A. F. (1999). *The story of my life. Memoirs of the Minister of War. In 2 volumes, 1.* Moscow: Canon-press Ts, Kuchkovo field. 576 p. (In Russ.).
- Semenkova, T. G. (1992). *Monetary reforms of Russia in the XIX century*. St. Petersburg: [b. i.], 144 p. ISBN 5-86528-008-2. (In Russ.).
- Smirnova, E. M. (2017). *The formation of the healthcare system in the Russian province. 1775—1914 (Based on the materials of the Upper Volga region)*. Doct. Diss. Yaroslavl. 470 p. (In Russ.).
- Suslova, L. N., Yarkova, I. V. (2020). Formation of a Pension Allowance system for Civil Servants of the Tobolsk Province of the 19th — early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 1: 484—494. (In Russ.).
- Zaionchkovsky, P. A. (1978). *The government apparatus of autocratic Russia in the nineteenth century*. Moscow: Mysl. 288 p. (In Russ.).
- Zakrevskaya, L. P., Lastochkina, L. M. (2009). Pension provision on private and state railways of Russia of the XIX century. In: *Railways and the processes of social modernization of Russia in the middle of the XIX — early XX century*. Tambov: Publishing House G. R. Dorzhev TSU. 171—174. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.06.2022,
одобрена после рецензирования 03.08.2022,
подготовлена к публикации 13.09.2022.

Савельева А. В. Дискуссии о вступлении США в Первую мировую войну в американском обществе (1914—1917) / А. В. Савельева, А. А. Сойкин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 432—448. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-432-448.

Savelyeva, A. V., Soikin, A. A. (2022). Discussions about US Entry into World War I in American Society (1914—1917). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 432-448. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-432-448. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-432-448

Дискуссии о вступлении США в Первую мировую войну в американском обществе (1914—1917)

Савельева Алена Владимировна

orcid.org/0000-0002-7706-7241

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России
и документоведения
saveleva_1984@mail.ru

Сойкин Алексей Александрович

orcid.org/0000-0002-7613-0034

старший преподаватель,
кафедра истории России
и документоведения
soykinalexey@mail.ru

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный
университет»
(Нижегородск, Россия)

Discussions about US Entry into World War I in American Society (1914—1917)

Alena V. Savelyeva

orcid.org/0000-0002-7706-7241

PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History
and Documentation
saveleva_1984@mail.ru

Alexey A. Soikin

orcid.org/0000-0002-7613-0034

Senior Lecturer,
Department of Russian History
and Documentation
soykinalexey@mail.ru

Nizhnevartovsk State University
(Nizhnevartovsk, Russia)

© Савельева А. В., Сойкин А. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу общественно-го мнения Соединенных Штатов Америки относительно участия американского государства в Первой мировой войне, которая в западной историографии именуется как «Великая война». Авторы на основе обширного круга англоязычных источников (американской прессы, плакатов, выступлений политических деятелей, представителей церкви, общественных объединений) сделали вывод, что американское общество неоднозначно оценивало факт участия Соединенных Штатов Америки в военном конфликте. Отмечается, что одна группа американских граждан выступала за вмешательство в войну с целью предотвращения беспощадных действий немецких подводных лодок, а также определения участия и роли американского государства при заключении мира. Другая группа американского населения считала, что вступление Соединенных Штатов Америки в военный конфликт будет способствовать проникновению в страну милитаризованной культуры, которая поставит под угрозу американские ценности. Предложенное исследование может вызвать интерес и быть полезным для переосмысления опыта взаимодействия государства и общества в процессе решения важнейших задач, а также для раскрытия отдельных вопросов общественной реакции на проблемы государства в период военного времени.

Ключевые слова:

Соединенные Штаты Америки; Первая мировая война; Лузитания; плакат; периодические издания; общественные объединения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the public opinion of the United States of America regarding the participation of the American state in the First World War, which in Western historiography is referred to as the "Great War". Based on a wide range of English-language sources (American press, posters, speeches by politicians, representatives of the church, public associations), the authors concluded that the American society ambiguously assessed the fact of the participation of the United States of America in the military conflict. One group of American citizens advocated intervention in the war to prevent relentless German submarine action and to determine the participation and role of the American state in making peace. Another group of the American population believed that the entry of the United States of America into a military conflict would facilitate the penetration of a militarized culture into the country, which would threaten American values. The proposed study may be of interest and be useful for rethinking the experience of interaction between the state and society in the process of solving the most important tasks, as well as for revealing certain issues of public reaction to the problems of the state during wartime.

Key words:

USA; World War I; Lusitania; poster; periodicals; public associations.

Дискуссии о вступлении США в Первую мировую войну в американском обществе (1914—1917)

© Савельева А. В., Сойкин А. А., 2022

1. Введение = Introduction

До начала Первой мировой войны изоляционизм оказывал существенное влияние на определение внешнеполитического курса Соединенных Штатов Америки, на определение методов и тактики их внешней политики. Возникновение доктрины изоляционизма некоторые американские исследователи связывают с выступлениями Дж. Адамса, которые датируются 1775 и 1776 годами [Dulles, 1963]. Однако важное значение имеет и «Прощальное послание» Дж. Вашингтона 1796 года. В нем политик предписывал воздерживаться от любых политических союзов с европейскими странами, поскольку они могли втянуть США в европейские конфликты, ограничить свободу их действий. Исключение составляли временные союзы, которые были обусловлены чрезвычайной необходимостью. Эти положения изоляционисты объявили классической формулировкой своей доктрины.

Накануне Первой мировой войны Соединенные Штаты Америки четко следовали заветам первого американского президента Дж. Вашингтона. Однако беспощадная подводная война Германии в период военного времени обусловила необходимость вступления США в мировой конфликт и преодоления политики изоляционизма с целью защиты демократии, ограничения действий авторитарного правительства Германии. Эту необходимость американское общество восприняло неоднозначно. Были как сторонники вступления американского государства в мировой конфликт, так и ярые противники этого действия.

Актуальность данного исследования обусловлена возможностью оценить взгляды отдельных групп американского общества на проблему вступления Соединенных Штатов Америки в «Великую войну» с введением в научный оборот новых англоязычных источников, таких как документы общественных объединений и церкви, политических деятелей и т. д.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

К вопросу вступления США в Первую мировую войну обращались многие российские исследователи. По мнению Г. И. Шигалина, США были связаны со странами Антанты — своими заказчиками и крупными должниками. По этой причине они не могли допустить их поражение. Это

нанесло бы экономический ущерб американскому капиталу. В результате Соединенные Штаты Америки должны были отреагировать на действия подводных лодок Германии, которые стали угрозой для европейских держав [Шигалин, 1956]. И. В. Берснева исследовала эволюцию внешней политики США, которые отказались от нейтралитета и вступили в Первую мировую войну на стороне Антанты [Берснева, 2022]. Э. А. Иванян в труде «Белый дом: президенты и политика» проанализировал политику В. Вильсона в период военного конфликта и определил, что продолжительное время американский президент не хотел вмешиваться в «Великую войну», несмотря на то, что 7 мая 1915 года германская подводная лодка потопила трансатлантический лайнер «Лузитания», на борту которого находились американские граждане [Иванян, 1975]. Это трагическое событие вызвало огромное недовольство у американской общественности. А. И. Уткин акцентировал внимание на анализе событий, произошедших в 1917 году, так как в это время напряженность в мире возросла, что в конечном итоге привело к объявлению США войны Германии [Уткин, 2001].

Отдельное внимание исследователи уделяют анализу американской прессы периода Первой мировой войны. А. В. Савельева рассмотрела военную пропаганду в периодических изданиях США 1916—1917 годов [Савельева, 2016]. А. К. Малаховский акцентировал внимание на анализе эволюции пропагандистских кампаний, которые проводили Великобритания и Германия на территории США в годы Первой мировой войны. Он рассмотрел и политику американского правительства в области пропаганды и цензуры в начале военных действий в составе Антанты [Малаховский, 2004].

В американской историографии центральное место занимает проблема формирования и развития доктрины изоляционизма, которая долгое время определяла внешнеполитический курс США. Ф. Р. Даллес отметил, что возникновение данной доктрины связано с выступлениями Дж. Адамса в 1775 и 1776 годах [Dulles, 1963]. Б. Ф. Браумеллер дал характеристику концепции изоляционизма, заметив, что она должна подразумевать факт изоляции страны от международного сообщества и наличие свободы действий у этой страны, а именно возможности самостоятельно определять степень участия во внешнеполитических делах [Braumoeller, 2010].

Несмотря на многочисленное количество работ по проблемам формирования концепции изоляционизма в США, вступления страны в Первую мировую войну и участия в ней исследования требует вопрос о дискуссиях в американском обществе относительно участия страны в мировом конфликте на основе анализа англоязычных источников, которые размещены на официальном сайте Библиотеки Конгресса США (Library of Congress).

Отдельный интерес представляют плакаты, карикатуры, американская пресса периода Первой мировой войны, выступления американских политических деятелей, представителей церкви, общественных объединений, поскольку их анализ позволяет выявить отношение американского общества к проблеме вступления Соединенных Штатов Америки в мировой конфликт и участия в нем. Эти источники отражают мнение американской общественности о необходимости вступления США в Первую мировую войну с целью сохранения мира, ограничения жестокой деятельности немецких подводников. Помимо этого, их анализ позволяет сделать вывод о том, что имелись группы населения, которые выступали против участия США в европейском военном конфликте.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Политика нейтралитета и дальнейшее изменение внешнеполитического курса США

Первая мировая война — важное событие в мировой истории первой половины XX века. Во-первых, оно ознаменовало окончание Нового времени. Во-вторых, внесло коррективы в политическое и социально-экономическое развитие многих стран мира. В-третьих, мировой военный конфликт способствовал формированию новой системы международных отношений. В-четвертых, война изменила политическую карту мира, уничтожив четыре великие империи, такие как Российская империя, Германская империя, Османская империя, Австро-Венгерская империя, и поспособствовал тем самым рождению новых европейских государств. В-пятых, в этом военном столкновении приняли участие десятки стран мира, были апробированы новые виды оружия (химическое оружие, подводные лодки и пр.). Возможно, именно поэтому в западной историографии Первая мировая война именуется как «Великая война».

В связи со значимостью этого события в мировой истории интерес к нему не исчезает и в настоящее время. В современной исторической литературе имеется множество работ, в которых освещены причины, этапы и итоги Первой мировой войны, политическое и социально-экономическое развитие стран-участниц в 1914—1918 годы и т. д. Однако не исследованным остается вопрос об отношении американского общества к проблеме вступления США в войну.

Отношение Соединенных Штатов Америки к войне, начавшейся в августе 1914 года, определялось рядом официальных заявлений американского правительства. Эти заявления опирались на американский внешнеполитический опыт, а именно изоляционистскую традицию, которая получила выражение в «Прощальном послании» первого президента США

Дж. Вашингтона и доктрине Дж. Монро. В этих документах были закреплены основные принципы внешнеполитического курса США, которые заключались в отказе от политических союзов с европейскими странами и невмешательстве в дела Европы. Опираясь на концепцию традиционного изоляционизма и на политические реалии 1914 года, администрация президента В. Вильсона в августе объявила о нейтралитете США в мировом военном конфликте. Характеризуя суть политики страны в условиях начавшейся войны, В. Вильсон отметил: «Каждый, кто любит Америку, должен действовать в духе истинного нейтралитета, который есть не что иное, как дух беспристрастия, справедливости и дружелюбия в отношении всех участников войны. Мы должны быть беспристрастными как в мыслях, так и в действиях, должны надеть узду на наши чувства и наши действия, которые можно будет истолковать как предпочтение одной из воюющих сторон». При этом президент США объяснял свое стремление к нейтралитету двумя обстоятельствами: желанием содействовать делу европейского мира и необходимостью сохранения единства внутри американского государства, так как значительную часть населения США составляли выходцы из воюющих держав.

Немалое место в концепции нейтралитета В. Вильсона занимали соображения геополитического характера. Они заключались в том, что американский президент считал возможным разрушение сложившегося в мире равновесия в результате победы одной из сторон в начавшейся войне. В случае победы центральных держав, по мнению представителей американской администрации, в Европе могла установиться гегемония Германии. В результате этого американцы получили бы сильного соперника в борьбе за влияние в регионах, которые находились в сфере стратегических интересов американского государства. При этом американское правительство победу Антанты тоже рассматривало как нежелательную. Нежелательность была обусловлена тем, что в выигрыше могли бы оказаться Франция и Россия, а это привело бы к дисбалансу не только в Европе, но и в мире.

Кроме того, США осознавали, что последствием войны будет ослабление европейских конкурентов. В данном случае именно нейтральная позиция в военном конфликте помогла бы американскому государству усилить свою экономическую мощь и политическое влияние, что в свою очередь позволило бы добиться воздействия на формирование послевоенных международных отношений.

Характеризуя суть политики американского нейтралитета, В. Вильсон многократно указывал на миролюбие США, на отсутствие у них агрессивных планов, акцентируя внимание на стремлении действовать в интересах всего человечества [Романов, 2001, с. 8—9].

В итоге, опираясь на концепцию нейтралитета в мировой войне, американский президент потребовал от государственных служащих США четкого следования этому курсу. Американским дипломатам следовало защищать интересы вовлеченных в вооруженных конфликт государств, занимая при этом «беспристрастную и дружелюбную позицию». Отдельное внимание уделялось защите прав нейтральных держав в морской торговле.

Постепенно в ходе войны внешнеполитический курс США стал меняться. Одним из важных обстоятельств, сказавшемся на эволюции политики американского нейтралитета, стала подводная война Германии, которая способствовала ограничению американской торговли и гибели американских граждан. Особенно остро США отреагировали на гибель океанского лайнера «Лузитания» компании «Кунард». Он был потоплен немецкой подводной лодкой 7 мая 1915 года. Корабль затонул за 18 минут. В ходе трагедии погиб по меньшей мере 1191 пассажир и члены экипажа, в том числе примерно 128 американцев [Усатюк, 2019, с. 20]. Обстановка, сложившаяся после этой трагедии в США, очень точно описывалась на страницах русских газет. Например, И. Рубинов писал: «Сказать, что американский народ возмущен, значит, не передать и в самой слабой форме настроений американского общественного мнения. Всеобщий приговор относительно характера германского выступления сводился к одному слову “убийство”» [Пеньковцев, 2005, с. 150]. Данную мысль развил А. И. Зак. Он определил первые недели после катастрофы как «дни Лузитании». Именно в это время перед США четко обозначилась проблема разрыва отношений с Германией. Высшее руководство США также пришло к выводу о необходимости смены политики администрации В. Вильсона. Американский политик, дипломат, советник президента Э. Хауз в телеграмме В. Вильсону заявил «Америка подошла к распутию ... Мы больше не можем оставаться нейтральными наблюдателями» [Усатюк, 2019, с. 20]. «Наше поведение в этот критический момент, — писал он Вильсону, — определит наше участие и роль при заключении мира, степень нашего влияния на установление длительного мира» [Отрокова, 2016, с. 9].

3.2. Гибель «Лузитании» как одна из предпосылок вступления США в Первую мировую войну и отражение этого события в американской прессе и печатной графике

Американские периодические издания являются ценными источниками информации для изучения общественного мнения по ряду вопросов [Савельева, 2016, с. 74]. Это связано с тем, что в XIX — начале XX веков для многих американских граждан газета была главным и единственным источником информации, руководством для ориентации в социокультурном пространстве. Помимо этого, газета оказывала помощь в выборе партийно-по-

литических пристрастий. Тиражи газеты на тот момент были небольшие, но при этом круг читателей являлся достаточно широким [Алентьева, 2008, с. 109]. В период Первой мировой войны американская пресса предложила уникальный взгляд на военную пропаганду, которая была обусловлена в том числе и гибелью лайнера «Лузитания» [Сойкин, 2019, с. 42]. Его потопление получило широкое освещение в США как нападение на невинных мирных жителей, что привело к распространению пробританских и антигерманских настроений на территории американского государства.

Американская пресса не стала исключением и также негативно оценила деятельность немецких подводных лодок. Ранние новостные сообщения не описывали всех масштабов катастрофы, случившейся с лайнером «Лузитания». В ежедневной газете «Boston American» статья, посвященная гибели океанского лайнера была озаглавлена как «Лузитания затонула. Гигантский лайнер взорван. Сообщение обо всех спасенных». Однако в ней же содержалось предупреждение о том, что человеческие потери могли быть более значительными, чем указанные в газете [Lusitania ..., p. 1].

Гибель «Лузитании» получила освещение не только в американской прессе, но также нашла отражение в плакатах, которые представляют собой «сложный креолизованный текст, сочетающий вербальные и невербальные элементы, нацеленные на комплексное воздействие на адресата. Их отличительными особенностями являются яркость и доходчивость визуального образа, лаконичность текста, обычно содержащего призыв к конкретному действию» [Кулешова, 2020, с. 151—152]. Плакаты были мощным инструментом пропаганды на протяжении Первой мировой войны. Так, в июне 1915 года Бостонский комитет общественной безопасности опубликовал плакат Фреда Спира «Enlist!». На нем представлены образы матери и младенца, погружающихся вглубь моря. Этот сюжет автором был выбран не случайно. Он основан на первых новостях о гибели лайнера «Лузитания», которые сообщали о большом количестве погибших женщин. Помимо этого, в «Omaha Daily Bee» была опубликована статья, содержащая следующую информацию: «Большинство погибших — это женщины ... На пристани Кунард лежит мать, все еще сжимающая в руках тело своего трехмесячного ребенка» [Spear, 1915]. Изображенный на плакате «Enlist!» сюжет вызвал эмоциональный взрыв в американском обществе. Стали появляться высказывания о необходимой ответной реакции правительства США на действия немецкого подводного флота.

В период Первой мировой войны известным политическим карикатуристом был Уильям Аллен Роджерс, который в подростковом возрасте переехал в Нью-Йорк, чтобы работать редакционным иллюстратором. Как и другие американские карикатуристы, он не мог обойти стороной тему гибели

лайнера «Лузитания». Это было связано с тем, что данная трагедия унесла жизни многих пассажиров и членов экипажа. Особую трагичность данному событию придает тот факт, что на борту лайнера находилось 124 ребенка. Именно месть за их смерть была той темой, к которой Уильям Аллен Роджерс часто возвращался до конца войны. В 1917 году он создал плакат, который сопровождался следующей надписью «When You Fire Remember This — Enlist in the Navy» («Когда вы стреляете, помните об этом — запишитесь в ряды военно-морского флота»). Этот плакат был посвящен теме призыва на службу в военно-морской флот. На нем изображены моряки, к которым протягивают руки дети, находившиеся в день трагедии на борту лайнера «Лузитания». Они молят моряков о помощи. Этим сюжетом автор хотел затронуть чувства американцев и донести до читателей мысль о том, что необходимо записываться в ряды военно-морского флота, чтобы отомстить за гибель ни в чем неповинных детей [Rogers, 1917].

Таким образом, тема гибели «Лузитании» была центральной в деятельности американских карикатуристов и журналистов. Они стремились донести до американского правительства и общества мысль о том, что необходимо вмешаться в конфликт и прекратить жестокие действия немецких подводников. Это же мнение прослеживается на страницах американских газет.

3.3. Отношение представителей американских общественных объединений и церкви к проблеме вступления США в военный конфликт

Американская пресса, карикатуристы в большей части активно выступали за участие США в войне. Однако были группы населения, которые негативно относились к проблеме вмешательства американского государства в военные действия. К ним относилась Женская партия мира, организованная в январе 1915 года. Эту партию возглавила Джейн Аддамс, которая позже, в 1931 году, стала первой американкой, удостоенной Нобелевской премии мира как «подлинный делегат всех миролюбивых женщин мира» [Тютинина, 2017, с. 93]. В письме президенту США В. Вильсону от 29 октября 1915 года партийные лидеры утверждали, что подготовка к борьбе с угрозами из Европы путем наращивания американских вооруженных сил приведет только к гонке вооружений, которая создаст больше проблем, чем решит. «Эти приготовления, — писали они, — вызовут соперничество, подозрительность и налогообложение в каждой стране». Они считали, что вместо этого американский президент В. Вильсон должен сосредоточить свои усилия на возможности «установления постоянного мира», который «предлагает этот мировой кризис» [Woman's Peace ..., 1915].

Антивоенная лига округа Колумбия также была противницей участия США в войне. Она опубликовала уведомление о митинге (17 ноября 1915 года), которое иллюстрирует оппозицию движению за готовность всту-

пления американского государства в военные действия. В листовке утверждалось, что наращивание вооруженных сил — то, что американские группы, такие как Военно-морская лига, называли «подготовленностью» — вызвало войну в Европе. Антивоенная лига округа Колумбия также опасалась, что усиление вооруженных сил и общество, регулируемое его подготовкой к войне, принесут в Соединенные Штаты Америки милитаризованную культуру, которая поставит под угрозу американские ценности [The Anti-War ..., 1915].

В США были и те общественные организации, которые обозначали проблему необходимой обороны американского государства в рамках военного времени. Лига национальной безопасности (NSL), основанная в январе 1915 года, была самым известным лоббистом США по обеспечению готовности. В связи с тем, что за границей бушевала война, а американские вооруженные силы сильно отставали от вооруженных сил других мировых держав (армия США насчитывала менее 130 000 солдат и офицеров, в то время как силы основных воюющих сторон исчислялись миллионами), она выступала за призыв на военную службу, всеобщую военную подготовку и расширение армии и флота. Подобные усилия по подготовке гражданских лиц к военной службе начались еще в 1913 году, но в конце весны 1915 года Лига национальной безопасности выступила спонсором собственных летних офицерских тренировочных лагерей для студентов колледжей и бизнесменов. Она выпустила брошюру «Defense Not Offense. The Guard at the Door» («Оборона, а не наступление. Страж у двери»), в которой определила три раздела. В первом разделе «Призыв к американцам» была обозначена проблема состояния неготовности США к обороне. В нем же содержалось обращение с призывом к государственной финансовой поддержке для создания эффективной национальной обороны. Второй раздел «Членские взносы» содержал определение условий членства и суммы взносов, а также политику Лиги национальной безопасности. Раздел «Наше незащищенное состояние» был посвящен анализу вооруженных сил США, сравнению их с вооруженными силами России, Германии, Франции, Англии [National ..., 1916]. Критики негативно отнеслись к проведению политики готовности. Они расценивали ее как попытку реакционных, богатых людей распространить свое влияние на территории всей страны. Другие, в том числе Т. Рузвельт, считали, что Лига национальной безопасности поддерживает патриотизм, гражданскую ответственность.

В начале войны представители американской церкви обозначили четкую позицию по отношению к деятельности Германии и ее союзников. Преподобный Мерсер Джонстон был настоятелем Собора Троицы в Нью-арке, штат Нью-Джерси. В письме к отцу он выразил свое решительное несогласие с ролью Германии в войне и желание сделать все возможное,

чтобы «ускорить судный день Германии». М. Джонстон писал: «Я не мог оставаться нейтральным по отношению к программе войны, выдвинутой кайзером и его партией, так же, как я не мог оставаться нейтральным по отношению к программе Его Сатанинского Величества» [Mercer ..., 1914]. Признавая, что проповеди М. Джонстона в пользу союзников огорчили некоторых немецко-американских прихожан и коллег, в письме он определил проблему разделения симпатий среди 100 миллионов разных людей Америки к воюющим нациям [Ibid.].

Таким образом, представители американской церкви осуждали деятельность Германии и считали, что США должны предпринять все возможные усилия для предотвращения немецкой агрессии.

3.4. Политические деятели США и их взгляды на проблему участия американского государства в Первой мировой войне

Проблема вступления США в военный конфликт 1914—1918 годов активно обсуждалась политическими деятелями. Отдельное внимание привлекает позиция известного сенатора-республиканца прогрессистского толка Роберта Лафоллета. Его общественную и политическую деятельность, политические взгляды исследовала И. А. Белявская [Белявская, 1995]. Стоит отметить, что сенатор от штата Висконсин Роберт Лафоллет был республиканцем-индивидуалистом, который выступал против войны, даже когда республиканские лидеры, такие как Теодор Рузвельт, призывали к укреплению вооруженных сил и энергичной защите американских прав и ценностей. Роберт Лафоллет был обеспокоен тем, что война не будет вестись во имя демократических идеалов. В своих заметках к речи перед Конгрессом против объявления войны сенатор писал: «Мы можем объявить, что это война за демократию, но если союзники будут настаивать на разделе малых наций или захвате народов, мы будем участниками самодержавного мира» [Robert La Follette, 1917].

20 марта 1917 года на заседании по поводу обсуждения вопроса об объявлении войны Германии госсекретарь Роберт Лансинг призывал к войне, но он не считал, что Соединенные Штаты должны начинать войну только потому, что немецкие подводные лодки потопили американские корабли и убили американцев. В своем отчете на заседании кабинета министров Р. Лансинг рассказал, как он пытался убедить президента в необходимости «подавить автократическое правительство, подобное немецкому, из-за его жестокого характера и потому, что оно представляло угрозу национальной безопасности этой страны и всем остальным странам с либеральной системой правления» [Lansing, 1917].

Американский президент В. Вильсон в апреле 1917 года четко определил позицию США как необходимость вступления в войну. 2 апреля он

обратился к Конгрессу с просьбой объявить войну Германии. Он осудил атаки немецких подводных лодок на суда США и других нейтральных стран. В. Вильсон также утверждал, что автократические правительства, такие как немецкий режим, с их обычными интригами, не сдерживаемыми волей своего народа, представляют угрозу для свободных и самоуправляющихся наций. Президент заявил: «Мир должен быть безопасным для демократии» [Address of President ..., 1917]. Эти слова нашли отражение в стенограмме заседания Конгресса. В частности, в ней говорилось: «Мир должен быть безопасным для демократии. Ее мир должен быть возведен на проверенном фундаменте политической свободы. У нас нет эгоистичных целей для служения. Мы не желаем ни завоеваний, ни господства. Мы не видим никаких компенсаций для себя, никакой материальной компенсации за те жертвы, которые мы добровольно приносим» [Transcript, 1917].

3.5. Объявление войны Германии как одно из следствий негативного отношения американского общества к военной политике немецкого государства

После выступления В. Вильсона в Конгрессе была озвучена просьба принять декларацию войны. Только 56 конгрессменов проголосовали против этой меры. В результате 6 апреля 1917 года американский президент подписал документ. К тому времени общественное мнение в большей степени склонялось в пользу воинственности США. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, недавним возобновлением Германией «неограниченной» подводной войны. Во-вторых, публикацией «телеграммы Циммермана», перехваченной британцами в январе 1917 года. Она была отправлена министром иностранных дел Германии Артуром Циммерманом послу Германии в Мексике и содержала предложение о помощи Мексике отвоёвывать территорию США в обмен на присоединение к Центральным державам против союзников в случае, если Соединенные Штаты объявят войну. Эта телеграмма также использовалась В. Вильсоном как обоснование для объявления войны Германии.

7 апреля 1917 года американская пресса опубликовала новость о нахождении США в состоянии войны с Германией. В газете «New York Times» напечатали прокламацию президента В. Вильсона в полном объеме, включая объявление войны и двенадцать пунктов, посвященных «врагам государства» [President Proclaims ..., 1917].

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование достаточно широкого и разнопланового корпуса англоязычных исторических источников периода Первой мировой войны, некоторые из которых впервые введены в научный оборот, предста-

вило возможность проанализировать дискуссии в американском обществе по вопросу вступления Соединенных Штатов Америки в европейский военный конфликт, начавшийся в 1914 году, и участия в нем. Первоначально американское правительство заняло позицию нейтралитета, обосновывая ее изоляционистской традицией, получившей выражение в «Прощальном послании» Дж. Вашингтона и доктрине президента Дж. Монро, а также геополитическими соображениями. В целом общество поддерживало руководство страны в этом вопросе. Однако после гибели трансатлантического лайнера «Лузитания» в ходе беспощадных действий немецких подводников (7 мая 1915 года) американское общество резко разделилось на два лагеря. Одна группа граждан активно выступала за прямое вмешательство США в войну. Эта необходимость обосновывалась важностью предотвращения беспощадной подводной войны, которую вела Германия. Помимо этого, политические деятели озаботились вопросом определения участия и роли американского государства при заключении мира. С целью определения более выгодных условий для Соединенных Штатов Америки, они должны были в обязательном порядке вступить в военный конфликт. Другая группа американского населения считала, что вступление Соединенных Штатов Америки в военный конфликт негативно скажется на развитии государства. Например, они утверждали, что это отрицательно повлияет на сохранении американских ценностей, поскольку произойдет проникновение в страну милитаризованной культуры.

Источники и принятые сокращения

1. *Address* of President Wilson to Joint Session of Congress, April 2, 1917 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/wilson-before-congress> (accessed 07.03.2022).
2. *Lansing* Robert. Memorandum of the Cabinet Meeting, 2:30–5 p.m. Tuesday, March 20, 1917. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/a-meeting-to-discuss-war> (accessed 04.03.2022).
3. *Lusitania* Extra—No. 3—Lusitania is Sunk : Giant Liner Blown Up—Report All Saved [Electronic resource] // Boston American. — 1915. — May 7. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/sinking-of-the-lusitania> (accessed 02.03.2022).
4. *Mercer* Green Johnston to his father, October 12, 1914. Annotated typescript letter. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/a-case-for-war> (accessed 07.03.2022).
5. *National* Security League. Defense Not Offense, The Guard at the Door [Electronic resource] // Preparedness pamphlets, cover and open to relative size of armies (Russia, Germany, France, England, and U.S.), 1916. — Access mode : <https://www.loc.gov/>

exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/the-preparedness-lobby (accessed 04.03.2022).

6. *President Proclaims War ; Warns Alien Enemies Here ; 91 German Ships Seized and Spies Put Under Arrest ; Navy Mobilized at Once ; Cuba and Brazil May Join Us* [Electronic resource] // New York Times. — 1917. — April 7. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/us-enters-war> (accessed 04.03.2022).

7. *Robert La Follette*. Handwritten notes for a speech opposing the Declaration of War, 1917. [Electronic resource] / Robert La Follette. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/fearing-an-autocratic-peace> (accessed 02.03.2022).

8. *Rogers W. A. When You Fire Remember This—Enlist in the Navy, 1917* [Electronic resource] / W. A. Rogers // Prints and Photographs Division, Library of Congress. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/remember-this> (accessed 02.03.2022).

9. *Spear F. Enlist! Boston Public Safety Committee, June 1915* [Electronic resource] // Prints and Photographs Division, Library of Congress. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/enlist> (accessed 02.03.2022).

10. *The Anti-War League of the District of Columbia Will Hold a Public Meeting (November 17, 1915)* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/the-dangers-of-preparedness> (accessed 04.03.2022).

11. *Transcript*. April 2, 1917. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/wilson-before-congress> (accessed 04.03.2022).

12. *Woman's Peace Party to the President of the United States, October 29, 1915*. [Electronic resource] // Typescript letter. — Access mode : <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/advocating-for-peace> (accessed 02.03.2022).

Литература

1. *Алентьева Т. В.* «Революция» в американской прессе в 1830—1840-х гг. / Т. В. Алентьева // Мифы и реалии Америки в периодике XVIII—XX вв. Коллективный труд. В трех томах / отв. ред. д.и.н. В. А. Коленеко. — Москва : ИВИ РАН, 2008. — Т. 1. — 264 с.

2. *Белявская И. А.* Роберт М. Лафоллет : цена независимости (1855—1925) : [Амер. сенатор] / И. А. Белявская ; отв. ред. Ю. В. Слезкин ; Рос. АН. Ин-т всеобщ. истории. — Москва : ИВИ, 1995. — Ч. 1—2. — 175 с.

3. *Берснева И. В.* Поиск внешнеполитической стратегии США в Первой мировой войне : от периферийной державы до влиятельного игрока международной политики / И. В. Берснева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 1—1 (64). — С. 11—19. — DOI: 10.24412/2500-1000-2022-1-1-11-19.

4. *Иванян Э. А.* Белый дом : президенты и политика / Э. А. Иванян. — Москва : Политиздат, 1975. — 432 с.

5. *Кулешова О. В.* Карикатура и плакат как жанр искусства в период Второй мировой войны / О. В. Кулешова // Вестник культурологи. — 2020. — № 4 (95). — С. 150—169. — DOI: 10.31249/hoc/2020.04.11.

6. Малаховский А. К. Пропаганда и цензура в журналистике США в годы первой мировой войны : от нейтралитета к патриотизму / А. К. Малаховский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение, журналистика. — 2004. — № 2. — С. 116—123.
7. Отрокова О. Ю. Англия и политика американского посредничества в 1914—1916 гг. : миссии полковника Э. Хауза в Европу / О. Ю. Отрокова // Гуманитарный вестник. — 2016. — № 10 (48). — С. 1. — DOI: 10.18698/2306-8477-2016-10-389.
8. Пеньковцев Р. В. Эволюция политики нейтралитета Соединенных Штатов в 1914 — первой половине 1915 годов / Р. В. Пеньковцев // Ученые записки Казанского государственного университета. — 2005. — Т. 147. — Книга 1. — С. 144—156.
9. Романов В. В. Американский нейтралитет на начальном этапе Первой мировой войны : политико-стратегическое содержание / В. В. Романов // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2001. — № 3—1 (23). — С. 8—11.
10. Савельева А. В. Военная пропаганда в периодических изданиях США 1916—1917 гг. / А. В. Савельева // Вестник Нижневартковского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2016. — № 3. — С. 73—77.
11. Сойкин А. А. Освещение гибели лайнера «Лузитания» в американской прессе 1915 г. / А. А. Сойкин // Вестник Нижневартковского государственного университета. — 2019. — № 3. — С. 40—46. — DOI: <https://doi.org/10.36906/2311-4444/19-3/06>.
12. Тютинна Е. О. Влияние индустриальной революции на положение американской женщины в 1865—1914 гг. / Е. О. Тютинна // История повседневности. — 2017. — № 1 (3). — С. 89—101.
13. Усатюк Д. В. Изменение стратегии руководства США в отношении европейского конфликта в контексте ограниченной подводной войны 1915 г. / Д. В. Усатюк // Исторический журнал : научные исследования. — 2019. — № 5. — С. 14—25. — DOI: 10.7256/2454-0609.2019.5.30579.
14. Уткин А. И. Первая Мировая война / А. И. Уткин. — Москва : Алгоритм, 2001. — 592 с. — ISBN 5-9265-0039-7.
15. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну / Г. И. Шигалин. — Москва : Воениздат, 1956. — 332 с.
16. Braumoeller B. F. The Myth of American Isolationism / B. F. Braumoeller. — Cambridge : Harvard University Department of Government, 2010. — 32 p.
17. Dulles F. R. America's Rise to World Power, 1898—1954 / F. R. Dulles. — New York : Harper & Row, 1963. — 314 p.

Material resources

- Address of President Wilson to Joint Session of Congress, April 2, 1917.* Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/wilson-before-congress> (accessed 07.03.2022).
- Lansing Robert. Memorandum of the Cabinet Meeting, 2:30–5 p.m. Tuesday, March 20, 1917.* Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/a-meeting-to-discuss-war> (accessed 04.03.2022).
- Lusitania Extra—№ 3—Lusitania is Sunk: Giant Liner Blown Up—Report All Saved. (1915). Boston American. May 7.* Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/sinking-of-the-lusitania> (accessed 02.03.2022).

- Mercer Green Johnston to his father, October 12, 1914. *Annotated typescript letter*. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/a-case-for-war> (accessed 07.03.2022).
- National Security League. Defense Not Offense, The Guard at the Door. In: *Preparedness pamphlets, cover and open to relative size of armies (Russia, Germany, France, England, and U.S.), 1916*. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/the-preparedness-lobby> (accessed 04.03.2022).
- President Proclaims War; Warns Alien Enemies Here; 91 German Ships Seized and Spies Put Under Arrest; Navy Mobilized at Once; Cuba and Brazil May Join Us. (1917). *New York Times*. April 7. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/us-enters-war> (accessed 04.03.2022).
- Robert La Follette. *Handwritten notes for a speech opposing the Declaration of War, 1917*. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/fearing-an-autocratic-peace> (accessed 02.03.2022).
- Rogers, W. A. When You Fire Remember This—Enlist in the Navy, 1917. In: *Prints and Photographs Division, Library of Congress*. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/remember-this> (accessed 02.03.2022).
- Spear, F. Enlist! Boston Public Safety Committee, June 1915. In: *Prints and Photographs Division, Library of Congress*. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/enlist> (accessed 02.03.2022).
- The Anti-War League of the District of Columbia Will Hold a Public Meeting (November 17, 1915)*. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/the-dangers-of-preparedness> (accessed 04.03.2022).
- Transcript. April 2, 1917*. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/wilson-before-congress> (accessed 04.03.2022).
- Woman's Peace Party to the President of the United States, October 29, 1915. In: *Typescript letter*. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/for-or-against-war/advocating-for-peace> (accessed 02.03.2022).

References

- Alentyeva, T. V. (2008). "Revolution" in the American press in the 1830s—1840s. In: *Myths and realities of America in the periodicals of the XVIII—XX centuries. Collective work. In three volumes, 1*. Moscow: IVI RAS. 264 p. (In Russ.).
- Belyavskaya, I. A. (1995). *Robert M. La Follette: the price of independence (1855—1925): [Amer. senator], 1—2*. Moscow: IVI. 175 p. (In Russ.).
- Bersneva, I. V. (2022). The search for the US foreign policy strategy in the First World War: from a peripheral power to an influential player in international politics. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 1—1 (64): 11—19. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-1-1-11-19. (In Russ.).

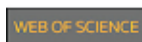
- Braumoeller, B. F. (2010). *The Myth of American Isolationism*. Cambridge: Harvard University Department of Government. 32 p.
- Dulles, F. R. (1963). *America's Rise to World Power, 1898—1954*. New York: Harper & Row. 314 p.
- Ivanyan, E. A. (1975). *White House: Presidents and Politics*. Moscow: Politizdat. 432 p. (In Russ.).
- Kuleshova, O. V. (2020). Caricature and poster as a genre of art during the Second World War. *Bulletin of Cultural Studies*, 4 (95): 150—169. DOI: 10.31249/hoc/2020.04.11. (In Russ.).
- Malakhovsky, A. K. (2004). Propaganda and censorship in US journalism during the First World War: from neutrality to patriotism. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Literary studies, journalism*, 2: 116—123. (In Russ.).
- Otrokova, O. Yu. (2016). England and the policy of American mediation in 1914—1916: the missions of Colonel E. House to Europe. *Humanitarian Bulletin*, 10 (48): 1. DOI: 10.18698/2306-8477-2016-10-389. (In Russ.).
- Penkovtsev, R. V. (2005). Evolution of the policy of neutrality of the United States in 1914 — the first half of 1915. *Scientific notes of Kazan State University*, 147 (1): 144—156. (In Russ.).
- Romanov, V. V. (2001). American neutrality at the initial stage of the First World War: political and strategic content. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 3—1 (23): 8—11. (In Russ.).
- Savelyeva, A. V. (2016). Military propaganda in periodicals of the USA 1916—1917. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University. Humanities*, 3: 73—77. (In Russ.).
- Shigalin, G. I. (1956). *Military economy in the First World War*. Moscow: Voenizdat. 332 p. (In Russ.).
- Soykin, A. A. (2019). Coverage of the death of the liner “Lusitania” in the American press in 1915. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 3: 40—46. DOI: <https://doi.org/10.36906/2311-4444/19-3/06>. (In Russ.).
- Tyutina, E. O. (2017). The influence of the Industrial Revolution on the position of American women in 1865—1914. *The history of everyday life*, 1 (3): 89—101. (In Russ.).
- Usatyuk, D. V. (2019). Changing the strategy of the US leadership in relation to the European conflict in the context of a limited submarine war in 1915. *Historical Journal: scientific research*, 5: 14—25. DOI: 10.7256/2454-0609.2019.5.30579. (In Russ.).
- Utkin, A. I. (2001). *The First World War*. Moscow: Algorithm. 592 p. ISBN 5-9265-0039-7. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.05.2022,
одобрена после рецензирования 28.07.2022,
подготовлена к публикации 10.09.2022.

Семенов Е. В. Польский ссыльный художник Юзеф Беркман в Байкальском регионе в 60—70-е годы XIX века / Е. В. Семенов, В. А. Покацкий // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 449—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-449-466.

Semenov, E. V., Pokatsky, V. A. (2022). Polish Exiled Artist Jozef Berkman in Baikal Region in 60—70s of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 449-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-449-466. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-449-466

**Польский ссыльный
художник Юзеф Беркман
в Байкальском регионе
в 60—70-е годы XIX века**

Семенов Евгений Владимирович
orcid.org/0000-0003-1133-8499
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра музеологии и наследия
sew11@mail.ru

Покацкий Виталий Андреевич
orcid.org/0000-0002-5995-4322
аспирант
welcvital@mail.ru

Восточно-Сибирская государственная
академия культуры и искусств
(Улан-Удэ, Россия)

**Polish Exiled Artist
Jozef Berkman
in Baikal Region
in 60—70s of XIX Century**

Evgeny V. Semenov
orcid.org/0000-0003-1133-8499
PhD in History, Associate Professor
sew11@mail.ru

Vitaly A. Pokatsky
orcid.org/0000-0002-5995-4322
Postgraduate Student
welcvital@mail.ru

East-Siberian State Academy
of Culture and Arts
(Ulan-Ude, Russia)

© Семенов Е. В., Покацкий В. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос жизни и творческой деятельности польского ссыльного художника Юзефа Беркмана — участника польского восстания 1863—1864 годов. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на значительное количество рисунков и полотен, принадлежащих кисти Ю. Беркмана, на сегодня практически не известны факты его жизни как на каторжных работах в Нерчинском горном округе, так и на поселении в Иркутской губернии. Отмечается, что встречающаяся в ряде источников информация, касающаяся жизни художника на каторге и поселении, зачастую недостоверная. Новизна исследования видится в том, что в статье представлена реконструкция периода жизни художника 1864—1877 годов на территории Байкальского региона. Авторами выявлены и введены в научный оборот материалы отечественных и зарубежных архивов, портреты польских ссыльных, нарисованные художником в Забайкалье и в настоящее время находящиеся на хранении в музеях Польши. Авторами выполнен обзор научной литературы по теме исследования, проанализированы воспоминания польских политических ссыльных, отбывавших каторжные работы вместе с Ю. Беркманом и описавших его художественную деятельность.

Ключевые слова:

Юзеф Беркман; польская ссылка; польские художники; каторжные работы; поселение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the life and creative activity of the Polish exiled artist — a participant in the Polish uprising of 1863—1864 Jozef Berkman is considered. The relevance of the study is due to the fact that, despite the significant number of drawings and paintings by Y. Berkman, today the facts of his life are practically unknown both in hard labor in the Nerchinsk mining district and in a settlement in the Irkutsk province. It is noted that the information found in a number of sources regarding the life of the artist in hard labor and settlement is often unreliable. The novelty of the study is seen in the fact that a reconstruction of the period of the artist's life in 1864—1877 in the Baikal region is presented in the article. The authors have identified and introduced into scientific circulation materials from domestic and foreign archives, portraits of Polish exiles, painted by the artist in Transbaikalia and currently stored in museums in Poland. The authors reviewed the scientific literature on the topic of the study, analyzed the memoirs of Polish political exiles who served hard labor together with Y. Berkman and described his artistic activities.

Key words:

Joseph Berkman; Polish exile; Polish artists; hard labor; settlement.

УДК 75-051(571.5)“19”(=162.1)

Польский ссыльный художник Юзеф Беркман в Байкальском регионе в 60—70-е годы XIX века

© Семенов Е. В., Покацкий В. А., 2022

1. Введение = Introduction

В современных исследованиях Сибири XVIII — начала XX веков теряет актуальности вопрос ссылки и каторги, интересовавший отечественных исследователей XIX и XX веков. В XIX веке социальный состав ссыльных в Сибири расширяется за счет участников польских восстаний 30-х и 60-х годов, а также членов тайных польских организаций периода между восстаниями и концом XIX века.

Несмотря на достаточно полное исследование темы ссылки и каторги поляков в Сибири открытыми остаются вопросы организации каторжных работ и поселения польских ссыльных в регионе, адаптации и интеграции ссыльных поляков в хозяйственную, общественную и культурную жизнь сибирского общества.

Сформировавшиеся стереотипы о тяжести каторжных работ польских ссыльных, представленные в работах ряда зарубежных и советских исследователей, на сегодня не подтверждаются документальными материалами и мемуарными источниками. При этом идея невыносимых условий каторжных работ и поселения поляков в Сибири продолжает транслироваться в современных исследованиях.

На современном этапе практически нет ни одного научного исследования, посвященного польским ссыльным художникам в Сибири. В рамках данной статьи авторы реконструируют биографию польского ссыльного художника Юзефа Беркмана в период отбывания им каторжных работ и пребывания на поселении на территории Байкальского региона. Авторы на основе широкого круга исторических источников, включающих в себя документы российских и зарубежных архивов и музеев, воспоминаний польских ссыльных и русских участников революционного движения 60-х годов XIX века, восстанавливают основные события из жизни Ю. Беркмана, а также выявляют художественные произведения, созданные им в период каторги и поселения.

Актуальность заявленной темы обусловлена большим количеством неточностей, а зачастую и грубых ошибок при описании жизни и деятельности Ю. Беркмана в Сибири. Наибольшее количество ошибок фактического характера присутствует на различного рода электронных ресурсах, информация которых зачастую не подвергается проверке и нередко является некорректной.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История польской ссылки в Сибири становится предметом исследования отечественных и зарубежных исследователей уже во второй половине XIX века. Одним из первых внимание польской ссылке уделял российский этнограф и исследователь пенитенциарной системы С. В. Максимов [Максимов, 1900]. Во второй половине XX века вопросами польской ссылки и каторги занимались польские и советские исследователи Г. Скок [Skok, 1974], В. А. Дьяков [Дьяков, 1978], А. Кучинский [Kuczyński, 1995], В. Сливовская [Śliwowska, 1998], П. Л. Казарян [Казарян, 1999], Б. С. Шостакович [Шостакович, 2015].

На сегодня исследованием истории польской ссылки в Сибири занимаются С. А. Мулина [Мулина, 2012], В. Н. Шайдуров [Шайдуров, 2013, с. 159—192], С. В. Леончик [Леончик, 2017], Е. В. Семенов [Семенов, 2017; Семенов, 2021], А. А. Иванов [Иванов, 2021]. На современном этапе изучения данной проблемы конкретизируются данные о количественном составе польских ссыльных в Сибири, характеристике их социального состава, вовлечения польских ссыльных в хозяйственные процессы.

Одним из актуальных вопросов является исследование жизни и деятельности польских ссыльных художников в Сибири. Данной проблеме посвящено значительное количество научных и научно-популярных работ, но, несмотря на это, многие аспекты их жизни и творчества остаются малоизвестными. В большинстве случаев факты из жизни польских художников перекочевывают из одного издания в другое и не подвергаются критическому анализу и верификации. Примером является жизнь и творчество польского ссыльного художника Юзефа Беркмана.

Одной из наиболее полных работ, посвященных российским художникам второй половины XIX века, является биографический список, подготовленный Ф. И. Булгаковым в 1890 году. Несмотря на полноту собранных сведений, сам автор говорит о том, что в работу была включена информация о 750 художниках, работавших в России в период 1865—1889 годов, практически нет исчерпывающей информации о польских ссыльных художниках [Булгаков, 1890].

Долгое время жизни и творчеству Ю. Беркмана не уделялось должного внимания ни в польской, ни в отечественной историографии художественной жизни Сибири. Одной из первых работ, в которой представлена краткая характеристика творчества Ю. Беркмана в Сибири, является работа иркутского исследователя А. Д. Фатьянова. Автор ограничивается упоминанием Ю. Беркмана, не давая развернутой характеристики жизни и художественной деятельности ссыльного в столице Восточной Сибири [Фатьянов, 1995, с. 60].

Современный сибирский исследователь художественной жизни региона Л. Р. Строй в своих статьях, посвященных формированию и развитию художественного творчества на территории Сибири, также затрагивает вопросы вовлечения польских ссыльных в данные процессы [Строй, 2017, с. 525].

Особое внимание характеристике каторжных работ на территории Байкальского региона в 60-е годы XIX века уделяли польские исследователи польской ссылки в Сибири. Первые упоминания о художниках из среды польских ссыльных встречаются в воспоминаниях ссыльных поляков, возвратившихся на родину и опубликовавших свои работы в Варшаве, Кракове, Вильно, Львове. К числу таких воспоминаний следует отнести мемуары Б. Дыбовского [Pamiętnik, 1930], Л. Менжинского [Mężynski, 1910], Э. Чапского [Czapski, 1964].

Одно из первых упоминаний о творчестве ссыльных польских художников встречается в работе С. Либровича, который в общих чертах описывает их художественную деятельность в Сибири в XIX веке [Librowicz, 1884, s. 191].

Наиболее полная информация о жизни и деятельности некоторых польских ссыльных художников, в частности С. Вронского, на каторжных работах и поселении на территории Байкальского региона содержится в воспоминаниях Б. Дыбовского, опубликованных в 1930 году во Львове [Pamiętnik, 1930]. Близкое знакомство ученого со ссыльным художником и их сотрудничество нашли отражение на страницах дневника Б. Дыбовского. В дневнике Б. Дыбовского в том числе встречаются упоминания о встречах ученого с Ю. Беркманом в 1876 году в период их поселения в Иркутске [Ibid., s. 606].

16 ноября 1917 года на страницах газеты «Виленский ежедневник» была опубликована краткая биография Ю. Беркмана, написанная по большей части со слов самого художника и послужившая основой для позднейших биографических статей о его жизни и творчестве в польских и российских биографических словарях [Bukowski, 1917, s. 4].

На данном этапе малоисследованной остается источниковая база рассматриваемой темы. Документы, отражающие участие Ю. Беркмана в польском восстании 1863—1864 годов, находятся на хранении в архивах Литовской республики и Республики Беларусь. Авторами были изучены документы Литовского исторического архива (Вильнюс, Литва) и выявлен приговор Ю. Беркману. Документы Национального исторического архива Республики Беларусь исследованы белорусским ученым Д. Ч. Матвейчиком и легли в основу биографического словаря участников восстания 1863—1864 годов, в том числе тех, кто оказался на каторжных работах в Забайкалье.

На сегодня не выявлены архивные документы, подтверждающие пребывание Ю. Бекмана на каторжных работах на Александровском сереброплавильном заводе, его перевод на поселение в Иркутскую губернию, а также документы, на основании которых он покидал место своего поселения и проживал в Иркутске. Данный аспект требует более детального изучения и проведения источниковедческих исследований в государственных архивах Байкальского региона.

В основу методологии разработки представленной темы легли историко-генетический метод и метод анализа исторических источников. Указанные методы позволили наиболее полно рассмотреть участие Ю. Беркмана в польском восстании 1863—1864 годов, отбывание им каторжных работ и пребывание на поселении. При исследовании жизни и творчества художника основополагающим методом, позволившим рассмотреть основные этапы его жизни и творчества на каторге и поселении, явился историко-биографический метод.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Юзеф Беркман до ссылки на каторжные работы

Юзеф Беркман родился 4 августа 1838 года в дворянской семье в местечке Воложин Ошмянского уезда Виленской губернии [Polski słownik biograficzny ..., 1935, s. 215]. Семья будущего художника имела шведские корни, его предки прибыли в Польшу в период правления Сигизмунда III и обосновались на территории современной Беларуси. Отцом художника был врач Казимир Беркман. Профессия отца предопределила дальнейший профессиональный интерес будущего художника. Образование Ю. Беркман получил в виленской гимназии. Окончив четырехлетнее обучение, в 1860 году поступил на медицинский факультет Московского университета, однако спустя полгода переехал в Санкт-Петербург и продолжил обучение на физико-математическом факультете Петербургского университета [Bukowski, 1917, s. 4]. Кроме своих непосредственных занятий в университете, Ю. Беркман в свободное от лекций время посещал занятия в Академии художеств.

В начале 60-х годов XIX века в Санкт-Петербургском университете из полутора тысяч студентов треть составляли поляки. В среде польских студентов сформировался комитет, который Л. Ф. Пантелеев, обучавшийся в рассматриваемый период в университете, называл польской студенческой корпорацией [Пантелеев, 1958, с. 168].

60-е годы XIX века — время активной деятельности российского студенчества. В 1861 году в ряде российских университетов состоялись акции в поддержку крестьянства, расширения студенческого самоуправления и

прав студентов в решении насущных проблем университетов, осуждения введения «Временных правил» [Новиков, 2013].

Польские студенты, обучавшиеся в столичных вузах, также не оставались в стороне от событий, происходивших не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Варшаве. 12 февраля 1961 года в костеле святой Екатерины состоялась панихида по жертвам трагических событий в Варшаве, в которой приняли участие молодые поляки, проживавшие в Санкт-Петербурге и обучавшиеся в высших учебных заведениях столицы Российской империи. Руководство университета предприняло попытку отстранить от занятий тех студентов, которые участвовали в патриотической манифестации. Русские студенты проявили солидарность и поддерживали своих польских товарищей. Они подготовили подписные листы, в которых указали, что также участвовали в панихиде по жертвам варшавских событий [Пантелеев, 1958, с. 173—174]. Широкая огласка данного инцидента и активная поддержка русских студентов привели к тому, что со стороны властей не последовало никаких санкций в отношении участников панихиды в католическом костеле.

В свою очередь польские студенты поддерживали своих русских товарищей в сентябре-октябре 1861 года, когда развернулась борьба за студенческие свободы в университетах. 12 октября 1861 года состоялась крупная демонстрация студентов перед университетом, в результате которой большая часть участников была задержана полицией и заключена в Кронштадскую крепость. Результатом студенческих волнений осени 1861 года явилось временное закрытие университета на основании распоряжения императора Александра II. Одним из участников акции был Юзеф Беркман, который позднее во время допроса сообщал, что освобожден из заключения он был только 6 декабря 1861 года [LVIA, ф. 1248, оп. 1, д. 409, л. 8].

После освобождения из заключения в Кронштадской крепости, не имея возможности продолжить обучение, Ю. Беркман выехал в Вильно. Здесь включился в деятельность тайной ячейки «белых», возглавляемой братьями А. и Ф. Далевскими.

С открытием Петербургского университета и началом занятий Ю. Беркман осенью 1862 года выехал из Вильно в Санкт-Петербург, планируя продолжить образование. Тем не менее развернувшиеся в дальнейшем события не позволили ему реализовать свои намерения. Начавшееся в ночь с 22 на 23 января 1863 года восстание в Польше привело к тому, что некоторая часть польского студенчества, обучавшаяся в университетах империи, примкнула к восставшим. В конце января 1863 года, оставив занятия в университете, Ю. Беркман выехал в Литву и 20 мая 1863 года присоединился к повстанческому отряду, возглавляемому С. Минейко [Ibid., л. 18]. Данный отряд на этапе своего формирования был разбит при первом

столкновении с русским отрядом, руководитель С. Минейко был схвачен местными крестьянами и передан властям [Miniejko, 1971, s. 331]. Остатки отряда влились в отряд Густава Чеховича (Остоя). Находясь в отряде, Ю. Беркман исполнял обязанности кассира и принимал участие в столкновениях с российскими войсками. 20 сентября 1863 года во время одного из боев в окрестностях д. Рудзишки он был ранен в обе ноги и схвачен крестьянами, которые передали его в руки полиции [LVIA, ф. 1248, оп. 1, д. 409, л. 5].

В январе 1864 года (по некоторым сведениям, 1 октября 1864 года) молодой художник был приговорен к конфискации имущества и ссылке на каторжные работы на заводах сроком на 4 года [Ibid., л. 18; Матвейчук, 2016, с. 78]. Художник отправился в продолжительный путь на каторгу, как и большинство его товарищей. По пути следования к месту отбывания каторжных работ и во время продолжительных остановок на крупных этапах ссыльный делал зарисовки портретов своих товарищей.

На сегодня сохранилось незначительное количество подобных рисунков, 10 из них и в настоящее время находятся на хранении в Музее войска польского в Варшаве. Рисунки датируются первой половиной 60-х годов XIX века, и на них изображены следующие польские ссыльные: Вельц, Юзеф Заблоцкий, Франтишек Загорский, Ян Завиша, Кшиштоф Тречяк, Наполеон Шембек, Ян Савицкий, Владислав Рутковский, Фердинанд Новицкий, Карл Новаковский. Все рисунки выполнены карандашом. Они были собраны Антоном Кренцким и переданы на хранение в музей в 1922 году Стефанией Кренцкой [MWP, 27509/18 MW].

3.2. Каторжные работы и поселение Ю. Беркмана

Спустя год после оглашения приговора Ю. Беркман прибыл на каторжные работы в Забайкалье. В период с 9 января по 20 февраля 1865 года находился на каторжных работах в Сивяковском тюремном помещении. В рассматриваемый период Сивяковское тюремное помещение являлось самым крупным местом поселения польских ссыльных за Байкалом. В рассматриваемый период здесь было сосредоточено около 400 польских ссыльных. В связи с увеличением количества ссыльных поляков в Забайкалье в середине 60-х годов XIX века власти предпринимали усилия для размещения их в рудниках и на горных заводах [Семенов, 2017, с. 344]. Отсутствие подходящих мест каторги вынуждало местные власти размещать ссыльных поляков зачастую в местах, не соответствующих каторжным работам. В Сивяковском тюремном помещении польские ссыльные привлекались к заготовке строевого леса для изготовления барж на нужды амурских сплавов. Отсутствие необходимого объема каторжных работ для такого количества ссыльных привело к их перегруппировке в другие места.

20 февраля 1865 года Ю. Беркман был передан в Читинскую городскую полицию для дальнейшей отправки в другое место каторжных работ [ГАЗК, ф. 1, оп. 1 (п), д. 147, л. 28]. 23 декабря 1865 года он находился на работах в Домнинском тюремном помещении, расположенном неподалеку от Сивяковского тюремного помещения [Там же, л. 84].

До настоящего времени сохранилось несколько рисунков авторства Ю. Беркмана, датируемых серединой 60-х годов XIX века, времени, когда художник находился на каторжных работах в Сивяковском тюремном помещении. Жанровые рисунки, представляющие жизнь польских ссыльных в Сивяково, были описаны и проанализированы Ю. Фечко в 1995 году [Fiećko, 1995, s. 411].

Впоследствии Ю. Беркман был переведен на каторжные работы на Александровский сереброплавильный завод, где к тому времени было сосредоточено более 200 польских ссыльных. Александровский сереброплавильный завод и расположенные недалеко от него рудники по добыче олова, свинца и серебра являлись практически единственными горными заводами, действовавшими на тот момент в Забайкалье. Направленные сюда польские ссыльные привлекались к непосредственным заводским и рудничным работам. Тем не менее не все польские ссыльные выходили на работы. По свидетельству Леонарда Менжинского, также находившегося на работах на Александровском заводе, к работам привлекалось 60 ссыльных поляков из 225 каторжников, сосредоточенных в самом заводе [Mężyński, 1910, s. 74]. Нам также предстоит выяснить, к каким каторжным работам привлекался художник.

Как уже отмечалось выше, свой художественный талант Ю. Беркман проявил уже во время следования по этапу. Находясь на каторжных работах, фактически он располагал большим количеством свободного времени и мог заниматься любимым видом творчества. Л. Менжинский, отбывавший каторжные работы на Александровском сереброплавильном заводе одновременно с Ю. Беркманом, в своих воспоминаниях зафиксировал факт изготовления ссыльным художником фигуры распятого Иисуса Христа для импровизированного алтаря католической часовни. Он пишет об этом следующим образом: «Главным образом благодаря стараниям ксендза Мокржицкого, доминиканина из Вильно и литвина Пиззани устроен в самой большой комнате в проеме неиспользуемых дверей алтарь. Весь проем был обит пунцовым ситцем, верхнюю часть алтаря сделали из досок, а все предметы для совершения богослужения были сделаны или из дерева, или из ситца, или из бумаги. На пурпурном фоне над алтарной доской закреплен был совершенно прямой, в метр высотой, черный крест из дерева, на котором висел распятый Господь. Иисус — шедевр, вылепленный из теста

и покрытый коричневой краской художником Беркманом, скульптором из Петербургской Академии художеств. Особенно красивым было лицо Спасителя с Божественным выражением, наполненным страданием» [Mężyński, 1910, s. 89].

В ряде польских и российских источников фигурирует факт участия Ю. Беркмана в побеге с мест отбывания каторги, за что ему был увеличен срок каторжных работ. Сам художник утверждал, что срок был ему увеличен за участие в бунте польских ссыльных, имевшем место в Сивяковском тюремном помещении в декабре 1865 года [Bukowski, 1917, s. 4].

Сведения, которыми мы располагаем в настоящее время, не подтверждают ни одного из этих фактов. Более того, перевод его на поселение в 1866 году на основании императорского манифеста 16 апреля 1866 года также опровергает этот факт. Участие в побеге во время каторги подлежало ужесточению наказания, и в этом случае ссыльный не мог рассчитывать на его облегчение. Тем не менее Ю. Беркман не подвергся дополнительному наказанию и был переведен на поселение.

В 1866 году Ю. Беркман числился среди других польских ссыльных в исповедной росписи Нерчинского католического прихода Забайкальской области как находящийся в д. Сивяково [НИАБ, ф. 1781, оп. 26, д. 1158, л. 37 об.].

Императорский манифест от 16 апреля 1866 года явился первым документом в череде правительственных актов, облегчающих положение ссыльных участников польского восстания 1863—1864 годов. Данный манифест, объявленный по случаю избавления императора Александра II от бомбы Д. Каракозова, ограничивал срок каторжных работ 10 годами тем из ссыльных, которые были приговорены к бессрочным каторжным работам. Всех приговоренных к шести и менее годам каторги положения манифеста освобождали от работ и переводили на поселение. Если исходить из этого, Ю. Беркман, приговоренный к четырем годам, подлежал освобождению от работ и отправке на поселение в Восточную Сибирь. Таким образом, проведя на каторжных работах чуть более полутора лет, Юзеф Беркман был переведен на поселение. Губернские власти в Иркутске стремились к распределению на поселение польских ссыльных на территории своей губернии.

3.3. Ю. Беркман на поселении в Иркутской губернии

6 августа 1866 года Ю. Беркман выехал из Забайкалья и направился в Иркутск для распределения на поселение. Для этого польским ссыльным, отбывшим срок каторжных работ на основании утвержденных «Правил по устройству быта политических ссыльных, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и западных губерний», на территории Иркутской губернии предназначался Балаганский округ. Тем не менее в связи

с возрастающим количеством польских ссыльных и отсутствием подходящих мест в Балаганском округе их стали направлять и в другие округа Иркутской губернии.

Местом поселения Ю. Беркману была назначена Братская волость Нижнеудинского округа Иркутской губернии, где он числился еще в 1869 году [Ссыльные поляки ..., 2007, с. 167]. Однако трудности, возникшие с зарабатыванием на жизнь, вынудили его, как и большинство его соотечественников, искать источник дохода. Некоторое время ссыльный работал носильщиком на Николаевском железоделательном заводе, расположенном недалеко от современного Братска [Bukowski, 1917, s. 4].

Воспользовавшись правом, которое предоставляли «Правила по устройству быта политических ссыльных», он получил билет от волостного правления на выезд в Иркутск для поиска подходящего заработка.

В 70-е годы XIX века Иркутск становится своеобразной столицей польской ссылки в Байкальском регионе. Большинство ссыльных, сосредоточенных в местах поселения на территории Иркутской губернии, стремились обосноваться именно в Иркутске. В рассматриваемый период Иркутск являлся самым важным городом региона: здесь располагались крупные купеческие и промышленные фирмы, расширялось перерабатывающее производство, в городе размещалась администрация Иркутской губернии. В этих условиях польским ссыльным было намного проще найти себе заработок и обеспечить достойную жизнь.

М. И. Орфанов, посетивший Иркутск в указанный период, следующим образом отзывался о поляках, проживавших в губернской столице: «Гостиница, где мы остановились, содержалась “политическими ссыльными”. Все прислуживающие в ней, начиная от буфетчиков и кончая работником, который возит дрова, воду и проч. — политические ссыльные; заходите в колбасную, молочную, к портному, к сапожнику, словом к любому ремесленнику и мелкому торговцу — все политические!» [В дали ..., 1883, с. 2].

Вторит М. И. Орфанову и автор заметки в газете «Восточное обозрение», опубликованной в 1882 году: «Большинство живущих здесь поляков — народ трудолюбивый и честный. Бывшая здесь польская интеллигенция давно уже оставила Иркутск; представителей ее можно считать 2—3 человека — не более. Но зато здесь находится множество поляков, принадлежавших на родине к среднему и низшему классу. Здесь они занимаются самыми разными промыслами. Большинство их — ремесленники. Они ввели здесь производство колбас, которого прежде не существовало; лучшие столяры, слесари, фотографы — поляки; другие занимаются в купеческих конторах. Это едва ли не самое выгодное занятие; оно дает довольно порядочное вознаграждение» [Восточное обозрение ..., 1882, с. 7].

Таким образом, активные, владеющие ремесленными навыками и обладающие высоким уровнем образования польские ссыльные могли найти в Иркутске достаточно возможностей для приложения своих навыков и работать на жизнь.

Наиболее плодотворный творческий период в жизни Ю. Беркмана, несомненно, приходится на время его жизни в Иркутске. По свидетельству многих исследователей, художник, проживая в губернской столице, активно занимался художественной деятельностью. В период 1866—1877 годов им было создано большинство известных нам сегодня рисунков и полотен.

Во время проживания в Иркутске художник совместно с другим польским ссыльным художником Станиславом Вронским организовал в городе художественную мастерскую. К сожалению, ни один из авторов, упоминавших в своих исследованиях о работе данной мастерской, не раскрывает направлений ее деятельности. Работали ли художники над портретами местных жителей, приносившими наибольший доход, вопрос остается открытым. Как известно из свидетельств современников, каждый из них специализировался в своем направлении. С. Вронский предпочитал пейзажную живопись [Pamiętnik ..., 1930, s. 237], Ю. Беркман увлекался анималистикой. Кроме того, нами на сегодня не выявлено ни одного живописного портрета, написанного художниками в период их пребывания в Иркутске.

Работы художника приобретали иркутские ценители искусства. Л. М. Циммерману принадлежало полотно Ю. Беркмана «На почтовых зимой» [Фатьянов, 1995, с. 125].

Несмотря на то, что центральные власти наложили запрет на занятие художественным творчеством для польских ссыльных, Ю. Беркман рисовал на поселении, а также занимался фотографией.

В своих воспоминаниях польский исследователь Б. Дыбовский, занимавшийся изучением флоры и фауны Байкала в 1868—1872 годах и проживавший в п. Култук, сообщал о том, что Ю. Беркман владел фотоаппаратом. Во время своей поездки в Лиственичную зимой 1875—1876 годов, где в это время проводил замеры глубины Байкала Б. Дыбовский, художник сделал несколько снимков научного лагеря ученого [Pamiętnik, 1930, s. 606], один из которых вошел в издание воспоминаний Б. Дыбовского.

Данные о жизни Ю. Беркмана после выезда из Иркутска в основном черпнуты из его воспоминаний, впервые опубликованных в небольшой заметке в 1917 году, которые воспринимались польскими исследователями как достоверные и не подвергались критическому анализу. Впоследствии эти данные перекочевали в польские и российские биографические словари.

В 1877 году художник получил разрешение на переезд в центральную Россию и выехал в Нижний Новгород. Только в 1884 году ему было по-

зволено проживать в Варшаве [Bukowski, 1917, s. 4]. Даже уехав из Иркутска, он не порвал с ним окончательно и принимал участие в художественных выставках, организованных в столице Восточной Сибири в 80-е годы XIX века. Так, на выставке, состоявшейся в помещении мужской гимназии г. Иркутска в период с 28 декабря 1880 года по 14 января 1881 года, был представлен ряд живописных полотен кисти Ю. Беркмана, среди них картина «Отъезд великого князя Алексея Александровича из Иркутска» [Фатьянов, 1995, с. 95].

После возвращения с каторжных работ и поселения в Сибири Ю. Беркман, будучи уже в зрелом возрасте, принимает решение продолжить обучение художественному творчеству и в 1898 году выезжает на обучение в Мюнхен [Katalog ..., 1913, s. 5].

24 ноября 1913 года иркутский краевед Н. С. Романов сообщал в своей летописи: «Живописец Беркман имеет много эскизов и картин с видами гор. Иркутска (живоп. наход[ится] в Галиции, вообще за границей)» [Романов, 1994, с. 187]. В том же 1913 году на выставке, состоявшейся в Кракове по инициативе Товарищества любителей искусства, «Конь в польской живописи и скульптуре» Ю. Беркман представил три своих акварельных рисунка: «Казачи», «Скачки быстрой партии в Барабинской степи» и «Подземный пожар торфяных залежей в Барабинской степи» [Katalog ..., 1913, s. 5]. К сожалению, в каталоге выставки был представлен только последний рисунок.

Скончался Юзеф Беркман 19 июля 1919 года в возрасте 81 года в Варшаве.

4. Заключение = Conclusions

Польская ссылка в Сибири в XIX веке сыграла значительную роль в истории региона. Прибытие большого количества польских ссыльных привело к реорганизации управленческого аппарата, руководившего каторжными работами, пересмотру мест их размещения, распределения отбывших каторгу ссыльных поляков по местам поселения в Сибири. Фактическое отсутствие каторжных работ на территории Забайкалья в середине XIX века привело к тому, что значительная часть польских ссыльных не привлекалась к каторжному труду на постоянной основе. Данные факты подтверждаются как документами региональных архивов, так и воспоминаниями самих польских ссыльных.

Ю. Беркман, находившийся на работах в Сивяковском и Домнинском тюремных помещениях, а также на Александровском сереброплавильном заводе, также практически не привлекался к тяжелым работам. В рассматриваемый период ссыльный занимался художественной деятельностью, о чем свидетельствуют его рисунки, сохранившиеся до настоящего времени.

Большинство польских ссыльных, находившихся на каторжных работах на территории Байкальского региона в 60-е годы XIX века, были приговорены к незначительным срокам каторги, от 4 до 8 лет. Императорские манифесты 1866 и 1868 годов значительно сокращали сроки каторжных работ и переводили каторжников на поселение. Ю. Беркман, приговоренный к четырем годам каторги, фактически пробыл на ней около полутора лет и был в числе других ссыльных переведен на поселение в Иркутской губернии.

Выходившие на поселение поляки активно включались в хозяйственную, общественную и культурную жизнь региона. Наиболее известными польскими ссыльными в Байкальском регионе в 60—70-е годы XIX века стали исследователи Б. Дыбовский, В. Годлевский, И. Черский, А. Чекановский, художники С. Вронский, Ю. Беркман, А. Сохачевский, С. Катерля.

Проживая в Иркутске, Ю. Беркман для обеспечения стабильного дохода продолжил заниматься художественным творчеством. В созданной совместно с С. Вронским мастерской художник написал наибольшее количество картин.

В Байкальском регионе Ю. Беркман провел 13 лет своей жизни. Большая часть времени прошла в Иркутске, где он обосновался на поселении и активно занимался художественной деятельностью. Из общего числа польских ссыльных, оказавшихся на территории Байкальского региона в 60—70-е годы XIX века, Ю. Беркман проявил себя как талантливый художник, создавший большое количество произведений, иллюстрирующих жизнь и ссыльных поляков, и жителей региона.

Источники

1. ГАЗК — *Государственный архив Забайкальского края.*
2. НИАБ — *Национальный исторический архив Беларуси.*
3. LVIA — *Lietuvos valstybes istorios archivas.*
4. MWP — *Muzeum Wojska Polskiego.*
5. *Polski słownik biograficzny* (Abakanowicz Abdank Bruno — Beynart Wojciech). — Kraków, 1935. — Т. 1. — 480 s.

Литература

1. *Булгаков Ф. И.* «Наши художники» (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия. Биографии, портреты художников и снимки с их произведений. В 2 т. / Ф. И. Булгаков. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1889. — Т. 1. — 233 с.
2. *В дали* (Из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни Мишля (М. И. Орфанова) / М. И. Орфанов. — Москва : Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1883. — 420 с.
3. *Дьяков В. А.* Польская ссылка эпохи декабризма. Несколько замечаний историографического и источниковедческого характера / В. А. Дьяков // *Сибирь и декабристы.* — 1978. — Выпуск 1. — С. 110—123.

4. *Иванов А. А.* «Далеко в стране Иркутской ...». Очерки истории политической и уголовной ссылки XVI — начала XX в. / А. А. Иванов. — Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. — 261 с. — ISBN: 978-5-9624-1992-3.
5. *Казарян П. Л.* Якутская политическая ссылка : (историко-юридическое исследование) / П. Л. Казарян. — Якутск : Издательство ЯГУ, 1999. — 192 с. — ISBN 5-85259-220-X.
6. *Леончик С. В.* Остаться или вернуться на родину? К вопросу об оставшихся после амнистии на территории Енисейской губернии ссыльных польских повстанцах 1863—1864 гг. / С. В. Леончик // Сибирская ссылка : Сборник научных статей / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. А. Иванов, С. И. Кузнецов. — Иркутск : Оттиск, 2017. — С. 307—329. — ISBN: 978-5-9909345-4-2.
7. *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. В 3 ч. / С. В. Максимов. — Санкт-Петербург : Издание В. И. Губинского, 1900. — 487 с.
8. *Мулина С. А.* Мигранты поневоле : адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири / С. А. Мулина. — Санкт-Петербург : Алетей, 2012. — 199 с. — ISBN 978-5-91419-636-0.
9. *Новиков М. В.* Студенческие волнения накануне «эпохи Великих реформ» / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. — 2013. — № 2. — Том 1 (Гуманитарные науки). — С. 14—32.
10. *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания / Л. Ф. Пантелеев. — Москва : Гослитиздат, 1958. — 848 с.
11. *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг. / Н. С. Романов. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. — 555 с. — ISBN 5-7424-0542-1.
12. *Семенов Е. В.* Каторжные работы польских ссыльных в Сивяковском тюремном помещении в 60-е гг. XIX в. / Е. В. Семенов // Сибирская ссылка : Сборник научных статей. — Иркутск : Оттиск, 2017. — С. 340—348.
13. *Семенов Е. В.* Художественное творчество польских ссыльных на территории Забайкалья во второй половине XIX в. / Е. В. Семенов // Гуманитарный вектор. — 2021. — Т. 16. — № 3. — С. 54—61. — DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-54-61.
14. *Строй Л. Р.* Становление художественных школ Сибири в XIX — начале XX веков / Л. Р. Строй // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7. — № 1А. — С. 523—536.
15. *Ссылные поляки в Сибири : XVII, XIX вв.* — Новосибирск, 2007. — 228 с.
16. *Фатьянов А. Д.* Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии / А. Д. Фатьянов. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. — 192 с. — ISBN 5-7424-0712-2.
17. *Шайдуров В. Н.* Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX — начала XX в. / В. Н. Шайдуров. — Санкт-Петербург : Издательство Невского института языка и культуры, 2013. — 260 с. — ISBN 978-5-91583-038-8.
18. *Шостакович Б. С.* Феномен польско-сибирской истории (XVII в. — 1917 г.) : Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы / Б. С. Шостакович. — Москва : МИК, 2015. — 752 с. — ISBN 978-5-87902-301-5.
19. *Матвейчик Д. Ч.* Удзельнікі паўстання 1863—1864 гадоў : біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / Д. Ч. Матвейчык. — Мінск : Беларусь, 2016. — 735 с.
20. *Bukowski K.* Józef Baerkmán. Weteran z roku 1863. Sylwetka / K. Bukowski // Dziennik Wileński. — 16 listopada 1917 r. — № 263. — S. 4.
21. *Czapski E.* Pamiętniki Sybiraka / E. Czapski. — Londyn : B. Świdorski, 1964. — 371 s.

22. Dybowski B. O Syberii i Kamczatce. Część 1. Podróż z Warszawy na Kamczatkę / B. Dybowski. — Warszawa, Kraków : [b. i.], 1912. — 562 s.
23. Fiećko J. Teatr w kajdanach. Na marginesie zapomnianego obrazu Józefa Baerkmana / J. Fiećko // Pamiętnik Teatralny. — 1995. — Z. 3—4. — S. 411—426.
24. *Katalog* illustrowany wystawy : «Koń w malarstwie i rzeźbie polskiej» w Towarzystwie Przyjaciół Sztuk Pięknych w Krakowie. Wydanie drugie. — Lipiec, 1913 r. — 46 s.
25. Kuczyński A. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory / A. Kuczyński // Warszawa-Wrocław : Stowarzyszenie „Wspólnota Polska” oddział Dolnośląski ; Oficyna „Biblioteka Wschodnia”, 1995. — 436 s.
26. Librowicz Z. Polacy w Syberii / Z. Librowicz. — Kraków : G. Gebethner i Spółka, 1884. — 380 s.
27. Mężynski L. Wspomnienia z powstania styczniowego i sybirskiej katorgi 1863—1869 / L. Mężynski. — Tarnopol : [b. i.], 1910. — 162 s.
28. Mineyko Z. Z tajgi pod Akropol. Wspomnienia z lat 1848-1866 / Z. Mineyko. — Warszawa: Pax, 1971. — 552 s.
29. *Pamiętnik* dra B. Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. — Lwów : Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. — 628 s.
30. Skok H. Polacy nad Bajkałem. 1863—1883 / H. Skok. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. — 336 s.
31. Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny / W. Śliwowska. — Warszawa : Wydawnictwo DiG, 1998. — 833 s. — ISBN 83-7181-020-2.

Material resources

- Lietuvos valstybes istorios archivas.* (In Lith.).
- Muzeum Wojska Polskiego.* (In Lith.).
- National Historical Archive of Belarus.* (In Russ.).
- Polski słownik biograficzny (Abakanowicz Abdank Bruno — Beynart Wojciech), 1.* (1935). Kraków. 480 s. (In Lith.).
- The State Archive of the Trans-Baikal Territory.* (In Russ.).

References

- Bukowski, K. (2017). Józef Baerkman. Weteran z roku 1863. Sylwetka. *Dziennik Wileński*, 263: 4. (In Polish.).
- Bulgakov, F. I. (1889). “Our artists” (painters, sculptors, mosaicists, engravers and medalists) at academic exhibitions of the last 25th anniversary. *Biographies, portraits of artists and photographs from their works. In 2 vols, 1.* St. Petersburg: A. S. Suworin Printing House. 233 p. (In Russ.).
- Czapski, E. (1964). *Pamiętniki Sybiraka*. Londyn: B. Świdorski. 371 s. (In Polish.).
- Dyakov, V. A. (1978). Polish exile of the Decembrism era. *A few remarks of a historiographical and source character. Siberia and the Decembrists, 1:* 110—123. (In Russ.).
- Dybowski, B. (1912). *O Syberii i Kamczatce. Część 1. Podróż z Warszawy na Kamczatkę*. Warszawa, Kraków: [b. i.]. 562 s. (In Polish.).
- Exiled Poles in Siberia: XVII, XIX centuries.* (2007). Novosibirsk. 228 p. (In Russ.).
- Fatyanov, A. D. (1995). *Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 192 p. ISBN 5-7424-0712-2. (In Russ.).

- Fiećko, J. (1995). Teatr w kajdanach. Na marginesie zapomnianego obrazu Józefa Baerkmana. *Pamiętnik Teatralny*, 3—4: 411—426. (In Polish.).
- In the distance (From the past). Stories from the free and involuntary life of Mishla (M. I. Orfanova)*. (1883). Moscow: Tipo-lit. I.N. Kushnerev and Co. 420 p. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2021). “Far away in the Irkutsk country ...”. *Essays on the history of political and criminal exile of the XVI — early XX century*. Irkutsk: IGU Publishing House. 261 p. (In Russ.).
- Katalog illustrowany wystawy: «Koń w malarstwie i rzeźbie polskiej» w Towarzystwie Przyjaciół Sztuk Pięknych w Krakowie. Wydanie drugie*. (1913). Lipiec. 46 s. (In Polish.).
- Kazaryan, P. L. (1999). *Yakut political exile: (historical and legal research)*. Yakutsk: YSU Publishing House. 192 p. ISBN 5-85259-220-X. (In Russ.).
- Kuczyński, A. (1995). Syberia. Czteryście lat polskiej diaspory. In: *Warszawa-Wrocław: Stowarzyszenie „Wspólnota Polska” oddział Dolnośląski; Oficyna „Biblioteka Wschodnia”*. 436 s. (In Polish.).
- Leonchik, S. V. (2017). To stay or return to his homeland? On the question of the exiled Polish rebels of 1863—1864 who remained after the amnesty on the territory of the Yenisei province. In: *Siberian exile: Collection of scientific articles*. Irkutsk: Imprint. 307—329. (In Russ.).
- Librowicz, Z. (1884). *Polacy w Syberii*. Kraków: G. Gebethner i Spółka. 380 s. (In Polish.).
- Матвейчик, Д. Ч. (2016). *Удзельнікі паўстання 1863—1864 гадоў: біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)*. Мінск: Беларусь. 735 с. (In Belar.).
- Maksimov, S. V. (1900). *Siberia and penal servitude. At 3 o'clock*. St. Petersburg: Edition of V. I. Gubinsky. 487 p. (In Russ.).
- Мężyński, L. (1910). *Wspomnienia z powstania styczniowego i sybirskiej katorgi 1863—1869*. Tarnopol: [b. i.]. 162 s. (In Polish.).
- Mulina, S. A. (2012). *Migrants involuntarily: adaptation of exiled participants of the Polish uprising of 1863 in Western Siberia*. St. Petersburg: Aleteya. 199 p. ISBN 978-5-91419-636-0. (In Russ.).
- Novikov, M. V., Perfilova, T. B. (2013). Student unrest on the eve of the “era of Great reforms”. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2 (1) (Humanities): 14—32. (In Russ.).
- Pamiętnik dra B. Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878*. (1930). Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich. 628 s. (In Polish.).
- Pantelev, L. F. (1958). *Memoirs*. Moscow: Goslitizdat. 848 p. (In Russ.).
- Romanov, N. S. (1994). *Chronicle of the city of Irkutsk for 1902—1924*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 555 p. ISBN 5-7424-0542-1. (In Russ.).
- Semenov, E. V. (2017). Hard labor of Polish exiles in the Sivyakovsky prison in the 60s of the XIX century. In: *Siberian exile: Collection of scientific articles*. Irkutsk: Otkist. 340—348. (In Russ.).
- Semenov, E. V. (2021). Artistic creativity of Polish exiles on the territory of Transbaikalia in the second half of the XIX century. *Humanitarian Vector*, 16 (3): 54—61. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-54-61. (In Russ.).
- Shaidurov, V. N. (2013). *Jews, Germans, Poles in Western Siberia of the XIX — early XX century*. St. Petersburg: Publishing House of the Nevsky Institute of Language and Culture. 260 p. ISBN 978-5-91583-038-8. (In Russ.).
- Shostakovich, B. S. (2015). *The phenomenon of Polish-Siberian history (XVII century — 1917): The main aspects of modern scientific interpretations, results and tasks*

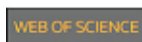
- of further development of the topic.* Moscow: MIC. 752 p. ISBN 978-5-87902-301-5. (In Russ.).
- Skok, H. (1974). *Polacy nad Bajkałem. 1863—1883.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 336 s. (In Polish.).
- Śliwowska, W. (1998). *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny.* Warszawa: Wydawnictwo DiG. 833 s. ISBN 83-7181-020-2. (In Polish.).
- Stroy, L. R. (2017). Formation of art schools of Siberia in the XIX — early XX centuries. *Culture and civilization*, 7 (1A): 523—536. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 03.06.2022,
одобрена после рецензирования 11.08.2022,
подготовлена к публикации 15.09.2022.*

Сулейманов А. А. Автомобильные зимники в транспортной системе Якутии в начале 1930-х —1991 годов / А. А. Сулейманов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 467—482. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-467-482.

Suleymanov, A. A. (2022). Automobile Winter Roads in Transport System of Yakutia in Early 1930—1991. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 467-482. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-467-482. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-467-482

Автомобильные зимники в транспортной системе Якутии в начале 1930 —1991 годов

Сулейманов Александр Альбертович
orcid.org/0000-0001-8746-258X
кандидат исторических наук
alexas1306@gmail.com

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет
средств гранта РНФ, проект
№ 19-78-10088 «Антропология холода:
естественные низкие температуры
в системе жизнеобеспечения сельских
сообществ Якутии (традиционные
практики, вызовы современности
и стратегии адаптации)», а также
при финансовой поддержке со стороны
РФФИ, проект № 20-55-71005
«Гидрология, криолитозона
и устойчивость в восточном секторе
российской Арктики и Субарктики»

Automobile Winter Roads in Transport System of Yakutia in Early 1930—1991

Alexander A. Suleymanov
orcid.org/0000-0001-8746-258X
PhD in History
alexas1306@gmail.com

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch of the Russian
Academy of Sciences

Acknowledgments:

The study was funded by the RSF grant,
project No. 19-78-10088 «Anthropology
of cold: natural low temperatures in the life
support system of rural communities
in Yakutia (traditional practices, modern
challenges and adaptation strategies)»,
and with financial support
from the Russian Foundation
for Basic Research,
project No. 20-55-71005
«Hydrology, permafrost and sustainability
in the eastern sector of the Russian Arctic
and Subarctic»

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен исторический анализ развития в Якутии автомобильных зимников — дорог, проложенных по смерзшейся почве и поверхностному льду водоемов. Хронологические рамки исследования охватывают период с момента появления в регионе первого из зимников в начале 30-х годов XX века до распада Советского Союза. Исследование выполнено в рамках антропологии холода — разрабатываемого автором и его коллегами направления научных изысканий, ориентированного на выявление значения криогенных процессов и явлений в жизни населения северных территорий. На основе привлечения комплекса архивных материалов, включая впервые вводимые в научный оборот, прослежена динамика развития сети автомобильных зимников. Установлено, что важнейшим драйвером развития транспортной системы Якутии, включая зимники, в рассмотренный в статье период стал интерес к разработке месторождений различных полезных ископаемых — золота, олова, алмазов и др. Выявлены место и роль автомобильных зимников в транспортной системе региона. Представленный материал свидетельствует о том, что зимники являлись важным способом обеспечения связности территории Якутии и одним из ключевых инструментов поддержки сложившихся в регионе систем жизнеобеспечения.

Ключевые слова:

Арктика; Якутия; антропология холода; транспортная система; зимники; водные ресурсы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A historical analysis of the development of automobile winter roads in Yakutia, i.e. roads laid on frozen soil and surface ice of reservoirs, is presented. The chronological framework of the study covers the period from the moment the first of the winter roads appeared in the region in the early 1930s until the collapse of the Soviet Union. The study was carried out within the framework of the anthropology of cold, a direction of scientific research developed by the author and his colleagues, focused on identifying the significance of cryogenic processes and phenomena in the life of the population of the northern territories. Based on the involvement of a complex of archival materials, including those introduced into scientific circulation for the first time, the dynamics of the development of a network of automobile winter roads is traced. It has been established that the most important driver for the development of the transport system of Yakutia, including winter roads, in the period considered in the article was the interest in the development of deposits of various minerals — gold, tin, diamonds, etc. The place and role of automobile winter roads in the transport system of the region are revealed. The presented material indicates that winter roads were an important way to ensure the connectivity of the territory of Yakutia and one of the key tools to sustain the life support systems that have developed in the region.

Key words:

Arctic; Yakutia; anthropology of cold; transport system; winter roads; water resources.

Автомобильные зимники в транспортной системе Якутии в начале 1930-х — 1991 годов

© Сулейманов А. А., 2022

1. Введение = Introduction

Республика Саха (Якутия) является самым большим по площади субъектом Российской Федерации и крупнейшей административно-территориальной единицей в мире. Масштабы территории Якутии вкупе с природно-географическими факторами обуславливают целый ряд особенностей, накладывающих значительный отпечаток на характер и специфику ее освоения. На огромной площади, превышающей 3 млн км², проживает менее одного миллиона человек, из которых около 400 тысяч сконцентрировано в крупнейших городах региона: Якутске, Нерюнгри и Мирном. Остальная часть проживает в расположенных на существенном удалении друг от друга населенных пунктах, численность жителей которых в редких случаях превышает 10 тыс. человек. При этом значительная часть территории региона является труднодоступной в силу не только удаленности от основных авто- и железнодорожных магистралей, но и ее испещренности горными хребтами, большими и малым реками, озерами и т. д. Главной же особенностью климатических условий выступает тот факт, что Якутия является одним из самых холодных регионов на Земле, заселенных человеком на постоянной основе.

Все перечисленные факторы, безусловно, традиционно накладывали глубокий отпечаток на транспортную систему Якутии, предопределяли ключевые особенности ее развития, включая широкое распространение зимников — дорог, проложенных по смерзшейся почве и / или поверхностному льду водоемов.

Актуальность научного анализа различных сторон исторического опыта функционирования путей сообщения в регионе обусловлена прежде всего очевидным и все возрастающим значением арктических территорий для развития Российской Федерации, еще более актуализированным в условиях санкционного давления, и необходимостью совершенствования в связи с этим транспортной системы, являющейся «артериями, венами и капиллярами» [Транспортная стратегия...] для экономики любой страны. Применительно к Якутии при этом наиболее оправданно обращение к советскому периоду отечественной истории, в течение которого фактически был заложен каркас и сформированы ключевые параметры ныне действующей транспортно-логистической системы.

Видимо, одним из первых исследователей, специально отметивших тот факт, что при обеспечении транспортных связей климатические условия зимнего времени в Якутии дают определенные преимущества, был советский экономист Б. В. Белинский, назвавший в 60-е годы XX века зимники «щедрым даром суровой природы Якутии» [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 4, д. 296, л. 5]. Однако подобный подход являлся исключением — холод, как правило, рассматривался исследователями в качестве негативного фактора, лимитирующего возможности социально-экономического развития северных территорий в целом и Якутии, в частности. Очевидно, что в том числе и в связи с этим не уделялось отдельного внимания и зимникам. Другим редким исключением стала статья В. В. Куклиной и М. Е. Осиповой, подготовленная уже в 2018 году, в которой с экономической точки зрения была проанализирована современная роль зимников для снабжения арктических и субарктических районов Якутии [Куклина и др., 2018]. Попыток же осуществить исторический анализ формирования системы зимников в регионе за исключением небольшой обзорной статьи автора данной работы [Сулейманов, 2019] ранее не предпринималось.

При подготовке настоящего исследования автор в этой связи видел своей *целью* восполнение обозначенной историографической лакуны и осуществление исторической реконструкции развития автомобильных зимников с момента появления в Якутии первого из них в начале 30-х годов XX века до распада Советского Союза, сопряженные с которым социально-экономические процессы оказали существенное влияние на функционирование транспорта в регионе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологически разработка проблематики опирается на базовые установки криософии, в соответствии с которыми холодные материи Земли рассматриваются в качестве активного элемента мироздания, источника благ и возможностей для человечества [Мельников и др., 2016]. Кроме того, в основе исследования лежит разрабатываемое автором и его коллегами пионерное направление научных изысканий — антропология холода, получившее хороший импульс благодаря поддержке со стороны Российского научного фонда в рамках проекта «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)». Антропология холода предлагает новый взгляд на природный холод и его ключевые «атрибуты» (снег, лед, «вечная мерзлота») в жизни населения северных территорий. Комплекс традиционных хозяйственных и социокультурных практик аборигенных этносов, их трансформация под воздействием

вызовов и изломов исторического процесса рассматриваются через призму холода как фундаментального, системообразующего фактора, проявляющего себя в широком многообразии. Исследование не состоялось бы также без помощи, оказанной Российским фондом фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-55-71005 «Гидрология, криолитозона и устойчивость в восточном секторе российской Арктики и Субарктики». Эта поддержка позволила сделать сопоставления относительно места и роли зимников и ледовых переправ в транспортной системе Якутии и других видов транспорта. Кроме того, автор считает своим долгом выразить благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании Центра № 13.ЦКП.21.0016.

Источниковой базой для разработки темы послужил, в первую очередь, комплекс неопубликованных документов, в том числе впервые вводимых автором в научный оборот, которые были выявлены в ходе поисковой работы в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), Архиве Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (г. Якутск) и Российском государственном архиве экономики (г. Москва). Кроме того, разработке темы способствовало привлечение статистических данных, а также научных работ, имеющих отношение к тематике представленной статьи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Условия и факторы использования автомобильных зимников

Отмеченные природно-географические условия региона, обширность и труднодоступность ее территории, а также крайняя степень дисперсности расселения традиционно делали чрезвычайно тяжелой задачей обеспечение нормальной круглогодичной транспортной связи населенных пунктов Якутии как между собой, так и с «центром» страны. Показательно, что понятие «выехать на материк», то есть покинуть практически оторванный от основных транспортных магистралей регион («остров») и перебраться, допустим, в западную часть России, не утратило своей актуальности и в наше время.

Подобная картина была характерна и для XIX века, и для первых десятилетий XX века. В этот период сухопутная компонента транспортной системы региона представляла собой совокупность государственных и земских почтовых, а также коммерческих и обывательских трактов. На протяжении теплого времени года по трактам было возможно только «вьючное» сообщение — верхом на лошадях. Исключением являлось зимнее время, когда езда производилась по льду рек и озер и становилась возможной так называемая «тележная связь».

Однако значительно более репрезентативным периодом в плане активности использования зимников стал советский период. В подготовленной

в 1931 году характеристике транспортных связей в Якутии отмечалось следующее: «Основным костяком путей сообщения ... на ближайший период будет система водного транспорта. Задачи железнодорожного строительства в основном сводятся к соединению главных речных бассейнов с существующей сетью железных дорог. Безрельсовый транспорт должен играть вспомогательную роль, главным образом зимой, дополняя водный транспорт, связывая отдельные речные бассейны» [РГАЭ, ф. 1884, оп. 12, д. 753, л. 60]. Зимникам при обсуждении планов по развитию транспортной системы Якутии, таким образом, фактически отводилось второстепенное место.

Тем не менее в советский период истории Якутии, несмотря на действительно серьезный рост значения водных артерий и других способов сообщения, использование зимников при обеспечении транспортных связей получило свое развитие. Данное обстоятельство было связано с совокупностью ряда факторов.

В хозяйства Якутии активно внедрялся автомобильный транспорт, парк которого к 1958 году насчитывал уже порядка 7000 единиц [РГАЭ, ф. 399, оп. 1, д. 784, л. 3]. Подавляющее большинство из них было не способно преодолевать те препятствия, с которыми раньше справлялись, например, олени и собачьи упряжки. Все это требовало повышения качества путей сообщения. С другой стороны, появление тяжелой техники способствовало в том числе прокладке зимников.

Еще более важными причинами востребованности практик эксплуатации зимников стали нуждающиеся в соответствующей дорожной инфраструктуре усиление зависимости населенных пунктов Якутии от привозной продукции и рост товарооборота. В частности, если в 1933 году объем розничного товарооборота на одного жителя в Якутии составлял 182 руб., то в 1967 году — 765 руб., в том числе в сельской местности — 652 руб. [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 4, д. 296, л. 56].

Нельзя обойти вниманием также активизацию индустриального освоения региона. Из всех названных факторов, очевидно, именно данный стал ключевым в плане интенсификации дорожных работ в Якутии. К сожалению, и впредь развитие транспортной системы региона будет обусловлено в первую очередь нуждами добывающей промышленности, а уже потом — потребностями местных жителей.

Интерес к развитию системы зимников объясняется достаточно прозаически — относительной дешевизной их устройства. Показательными в плане демонстрации экономической эффективности при использовании климатических особенностей зимнего времени на транспорте представляются сведения, подготовленные участниками Якутского отряда Комплексной транспортной экспедиции Совета по изучению производительных сил

(СОПС) АН СССР в середине 50-х годов XX века, которые касались определения средних показателей стоимости строительства дорог различного типа. В частности, дорога класса Амуро-Якутская магистраль («Лена») — самая качественная из имевшихся на тот период — обходилась в 300—400 тыс. руб. за км, дорога, приближенная к V техническому классу — 200—250 тыс. руб., дорога как облегченное сооружение — 100 тыс. руб., грунтовая дорога с устранением узких мест (мосты и т. п.) — 25—30 тыс. руб., автозимник же стоил бюджету 10—20 тыс. руб. за км [РГАЭ, ф. 399, оп. 1, д. 784, л. 6]. Приведенные цифры свидетельствуют также о том, что обеспечение и поддержание круглогодичного сухопутного сообщения между дисперсно расположенными населенными пунктами и находящимися зачастую на значительном отдалении от «цивилизации» месторождениями полезных ископаемых требовали вложения колоссальных материальных ресурсов.

Рис. 1. Автомобильный зимник Кюбеме — Кадыкчан, 1961 год.
Фото Б. В. Белинского [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 10, д. 1, л. 5].

3.2. Первые автомобильные зимники в Якутии

В 20-е годы XX века в бассейне Алдана началась активная разработка прииска Незаметный, масштабы которого привели к созданию в 1925 году союзного треста «Алданзолото». В результате Алдан стал одним из ключевых центров золотодобычи в СССР, получившим даже неофициальное название «Русский Клондайк» [История Якутии ..., 2021, с. 159]. В 1926 году

на приисках центрального Алдана было задействовано около десяти тысяч человек, которые нуждались в соответствующем обеспечении продовольствием и промтоварами, а сама добыча требовала обеспеченности оборудованием [Хатылаев, 1972, с. 11—75].

Для удовлетворения этих потребностей первоначально были организованы Иситская и Санныяхтахская базы снабжения, на которые в период летней навигации по Лене доставлялись необходимые грузы. В 1926 году под руководством техника Канарейкина от этих баз до Куранаха на Алдане был проложен гужевой зимник протяженностью 227,6 км [НА РС(Я), ф. р-64, оп. 9, д. 453, л. 33]. Эта «зимняя дорога» представляла из себя «просеку в тайге шириной около 6-ти метров» и шла «по рекам и поймам рек из-за более ровного рельефа» [НА РС(Я), ф. р-52, оп. 28, д. 342, л. 5]. По ней в 1927 году на прииск Незаметный через Санныяхтахскую базу было завезено 14,6 тыс. тонн грузов, в 1928 — более 17 тыс., в 1929 — более 77 тыс., в 1930 — порядка 104 тыс., а в 1931 — уже 154 тыс. тонн грузов. Схожая динамика чисел характерна и для доставки грузов через Иситскую базу: от 1,5 тыс. тонн в 1927 году до 64,1 тыс. тонн в 1931 году [НА РС(Я), ф. Р-70, оп. 5, д. 359, л. 4].

В начале 1932 года Ленской конторой «Востокзолото» был поднят вопрос о приспособлении существующего зимника к комбинированному автогужевому способу перевозок [НА РС(Я), ф. р-52, оп. 28, д. 342, л. 11 об.]. В том же году был построен участок автомобильного зимника от Незаметного до р. Амги протяженностью 110 км. В течение зимы 1932 / 33 годов по нему на 8—15 машинах удалось доставить на Алдан около 3 тыс. тонн грузов [Там же, л. 10]. В 1933 году одновременно начались работы по совершенствованию трассы от Лены до Амги.

К этому времени потенциал развития Иситской и Санныяхтахской баз был исчерпан, и автозимник связал Куранах с новым перевалочным пунктом Чуран-база, организованным на правом берегу Лены напротив Исити. Длина Чуранского автозимника составляла 320 км, а ширина варьировалась от 4 до 7,5 м [НА РС(Я), ф. р-64, оп. 9, д. 453, л. 2—33]. Стоимость его строительства равнялась приблизительно 800 тыс. руб. [НА РС(Я), ф. Р-52, оп. 28, д. 342, л. 9—25 об.]. В результате Чуран-база почти на два десятилетия стала важнейшим хабом для снабжения алданских золотых приисков.

Следует отметить, что в течение 1933—1935 годов велась активная работа по проектированию круглогодичной грунтовой дороги Чуран-база — Куранах. Однако данная инициатива стоимостью более 4 млн руб., предполагавшая строительство на протяжении трассы 194 мостов и организацию двух переправ, так и осталась в проектах [Там же, л. 1—79].

Другим фактором развития системы зимников в Якутии стала оловодобывающая промышленность. Изыскания советских геологов привели

среди прочего к открытию в Верхоянне Эге-Хайского, Адычинско-Молканского и Дербек-Нельгехинского месторождений. В 1938 году в целях освоения первого из них было организовано управление «Якутолово» [Хатылаев, 1992, с. 64]. Зимой 1938—1939 годов из Якутска была отправлена колонна из 8 автомобилей и 3 тракторов для организации первого зимника через труднопреодолимый Верхоянский хребет. Этот путь сообщения связал Якутск с новым поселком Эге-Хая — центром разработки Эге-Хайского месторождения [НА РС(Я), ф. р-541, оп. 1, д. 1066, л. 1—10].

Ширина проезжей части зимника составляла в среднем 4 м. Для движения по нему с помощью тяжелой техники производилось уплотнение снежного покрова. В случае нехватки этого криогенного строительного материала осуществлялось его «пополнение» за счет обочин, при снегопадах — расчистка от излишних объемов и последующее уплотнение. Обслуживание зимника предполагало также механическую срезку бугров, нивелирование рабочими вручную более мелких неровностей. Кроме того, при недостаточной толщине поверхностного льда водоемов в ходе организации зимника для увеличения его несущей способности рекомендовалась продольная укладка жердей или хворостяного настила в качестве своеобразной арматуры. После чего осуществлялась наморозка на них льда и уплотненного снега [Там же, оп. 12, д. 24, л. 1—19].

Следует отметить, что функционирование других автозимников принципиально мало чем отличалось от механизмов, описанных выше, однако сроки их эксплуатации, особенно в более южных районах Якутии, конечно, были менее продолжительными.

3.3. Развитие системы автомобильных зимников в период интенсивного транспортно-промышленного освоения северных пространств

Продолжая анализ дискурса «зимники — добыча полезных ископаемых», мы видим необходимым остановиться на достаточно показательном случае. В 1950 году целесообразность ввода в эксплуатацию автозимника Сунтары — Турукта, соединяющего Вилюй и Лену, именно нуждами развития добывающей промышленности обосновывал перед Якутским обкомом ВКП(б) Сунтарский РК ВКП(б). При этом сухопутная связь между названными населенными пунктами тогда существовала только через Якутск, а протяженность такого маршрута превышала 2030 км. Прямой же путь из Сунтар до Турукты составлял всего 220 км [НА РС(Я), ф. п.-3, оп. 139, д. 64, л. 92].

В подготовленной в связи с этим докладной записке отмечалось, что в течение 1930—1932 годов дорога Сунтары — Турукта была проложена, но «ввиду незавершения работ» [Там же, л. 91] не была запущена. Завоз грузов же осуществлялся водным транспортом, и выполнение его планов

в значительной мере зависело «от капризов реки Вилюй», мелководье которой позволяло вести навигацию только в течение июня и июля [Там же]. Между тем «работавшая в 1949—1950 годах Крестьянская экспедиция ... выдвинула район в число самых богатых, с самыми большими запасами в Союзе полезного ископаемого по оценке Третьего главного геологического управления Министерства геологии СССР» [НА РС(Я), ф. п.-3, оп. 139, д. 64, л. 92]. Здесь следует пояснить, что в рамках этой экспедиции, больше известной как Амакинская геологоразведочная, советские геологи обнаружили первые алмазы в бассейне Вилюя.

Рассмотренный документ получил полную поддержку со стороны Якутского обкома ВКП(б) [Там же, л. 93]. Тогда как, например, поданное одновременно от Ленского РК ВКП(б) обоснование необходимости организации автозимника Витим — Олекминск, не имевшее подобной увязки с разработкой месторождений полезных ископаемых, было отклонено с резолюцией «нецелесообразное мероприятие» [Там же, л. 73].

Вместе с тем активизация индустриального освоения Якутии, наряду с интенсификацией организации автозимников, имела и противоположный эффект. Так, улучшение технического состояния дороги Большой Невер — Томмот в 1930—1940-е годы и превращение ее в автомагистраль круглогодичного действия, в значительной степени обусловленные интересами развития золотодобычи на Алдане, привели к прекращению завоза грузов на прииски через Чуран-базу. Результатом этого стало запустение автозимника до Куранаха и ликвидация в 1953 году самого перевалочного пункта на Лене [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 2450, л. 45].

Однако, несмотря на подобное замещение зимников дорогами круглогодичного действия, масштабы использования транспортного потенциала «ресурсов холода» в силу упомянутых выше причин продолжали расти. Так, по данным начальника упомянутого Якутского отряда Комплексной транспортной экспедиции СОПС АН СССР В. П. Ходатаева, в 1955 году протяженность автомобильных дорог в Якутии составляла 1900 км, из которых 1000 приходилась на зимники [РГАЭ, ф. 399, оп. 1, д. 1543, л. 103—104]. При этом участник этого отряда П. Н. Кутырев в своем отчете отметил «большую роль зимних гужевых дорог “зимников” в транспортной жизни» Якутии [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 2450, л. 7].

Более глубокий анализ транспортной системы Якутии на основе результатов работы Комплексной транспортной экспедиции в 1956 году предприняли авторы научно-технического отчета «Развитие транспортных связей и транспортной сети центра и юга Якутской АССР» А. П. Александров и Н. М. Будтолаев. Среди особенностей транспортной системы Якутии они назвали сезонность перевозок, включающую «стремление переключить перевозки ле-

том на более дешевый речной транспорт, а зимой использовать большую сеть автозимников, в остальное время года непроезжих» [Там же, д. 2445, л. 3].

При этом, по данным А. П. Александрова и Н. М. Будтолаева, из 34 районов Якутии с административным центром региона Якутском в зимнее время с помощью зимников и ледовых переправ были связаны 14, летом же — всего 8, «и то при отсутствии дождей». Сам же Якутск ввиду отсутствия мостового перехода через Лену не имел круглогодичной сухопутной транспортной связи не только с другими регионами страны, но и с «важнейшим из районов» Якутии — Алданским [Там же, л. 5].

Рис. 2. Ледовая переправа через р. Лену в районе г. Якутска, март 2022 г.
Фото автора.

В целом, конечно же, будет преувеличением утверждать, что авторы отчета относились к зимникам как к «щедрому дару суровой природы Якутии», скорее, считали их фактически архаизмом. Однако разработанный исследователями план развития транспортной системы предполагал в том числе совершенствование зимников Чурапча — Ытык-Кюель — Хандыга (303 км), Якутск — Бердигестях (200 км), Ытык-Кюель — Усть-Татта (85 км), Чурапча — Мындагай (74 км), Тюнгюлю — Борогонцы (70 км) [Там же, л. 54]. Таким образом, даже критически настроенные специалисты в своих проектах предусматривали модернизацию и дальнейшую эксплуатацию зимников, а не отказ от них.

Основной уклон же А. П. Александров и Н. М. Будтолаев делали в развитие водного транспорта, включая регулирование стока в верховьях Лены плотиной гидроэлектростанции и обеспечение возможности использования судов смешанного плавания с осадной до 3-х метров для прямых бесперегрузочных перевозок от Киренска до морского побережья. Это мероприятие, по замыслам авторов отчета, должно было «улучшить условия транспортной связи с районами Северо-востока СССР, экономика которых испытывает в настоящее время значительные трудности из-за неудовлетворительного транспортного обслуживания» [Там же, л. 65].

Если А. П. Александров и Н. М. Будтолаев свою работу подготовили на материалах центральной и южной Якутии, то Г. И. Граник — ее запolarной части. В составленном им в 1957 году научном отчете было рассмотрено состояние путей сообщения на северо-востоке Якутии. Г. И. Граник установил, что доставка грузов в ареал от речных перевалочных портов и пристаней до пунктов назначения осуществлялась на момент написания документа по 5 основным маршрутам, из которых 4 — Куйга — Депутатский (257 км), Хандыга — Эге-Хая (789 км), Нижнеянк — Батагай (800 км), Зырянка порт — Зырянка угольная (65 км) — являлись автозимниками, протяженность пятого же Батагай — Эге-Хая составляла всего 20 км [РГАЭ, ф. 399, оп. 3, д. 286, л. 113].

Информативными в плане динамики и характера использования автозимников являются материалы, аккумулированные в Управлении дорожно-транспортного хозяйства при подготовке к зимнему сезону 1958 / 59 годов. В них, в частности, содержался не только перечень использовавшихся тогда в Якутии 23 автомобильных зимников и отмечалась протяженность последних (4380 км), но также были указаны график эксплуатации (в зависимости от природных условий запуск варьировался от октября до марта, окончание — от марта до середины мая) и требуемая для обслуживания данных путей сообщения техника (53 бульдозера, 6 тракторов, 31 автомобиль) [НА РС(Я), ф. Р-1374, оп. 1, д. 123, л. 1—1 об.].

Показательными в плане последующего развития практик применения автомобильных зимников на транспорте являются и сведения, касающиеся эксплуатируемых находившимся в ведении Якутзолота производственным управлением Якутдортранс дорог по состоянию на 1968 год. На балансе названного управления тогда находились сухопутные пути сообщения общей протяженностью 5482 км, из которых 1591 км являлись дорогами постоянного действия и 3891 — сезонного [РГАЭ, ф. 386, оп. 2, д. 2288, л. 61].

Нерское управление автомобильных дорог (УАД) Якутдортранса при этом обслуживало сухопутные пути сообщения протяженностью 1069 км, из которых 620 приходилось на зимники. В ведении Кюбеминского УАД

находилось 502 км (140 км — зимники), Эльдиканского — 717 км (388), Хангдыгского — 1159 км (728). Янское же управление занималось обслуживанием 1575 км, все из которых приходилось на автомобильные зимники [Там же, л. 62]. Таким образом, Заполярная Якутия в отношении обеспечения сухопутной связи оставалась крайне зависима от зимников.

Несмотря на продолжавшийся ввод в эксплуатацию новых автомобильных путей сообщения с искусственным покрытием, по данным Якутского статистического управления, к 1990 году из 10183 км дорог Якутии 5540 км (54,4 %) приходилось на зимники, которые все так же оставались безальтернативным вариантом обеспечения сухопутной связи со всей арктической зоной. При этом автотранспорт сохранял важнейшую роль в структуре грузоперевозок региона: из 43 000 тыс. тонн на него приходилось 15 356 тыс. тонн (35,8 %). Для сравнения: получивший в 70—80-е годы XX века развитие в Якутии железнодорожный транспорт перевез 13 500 тыс. тонн грузов (31,4 %), по морю и рекам же было доставлено примерно 12 790 тыс. тонн (29,7 %) [Транспорт ..., 2001, с. 7—8]. Таким образом, к концу советского периода даже с учетом развития указанных альтернативных способов перевозки людей и грузов, а также интенсификации авиасообщения автомобильные зимники сохранили свои ключевые позиции в транспортной системе Якутии.

Рис. 3. Автомобильный зимник «Арктика» на участке Налимск — Аргахтах, март 2021 года.
Фото автора.

4. Заключение = Conclusions

Аккумуляированный в ходе проведенного исследования материал позволяет сделать вывод о том, что в течение рассмотренного периода в Якутии происходило формирование системы автомобильных зимников. С первых километров, проложенных в 30-е годы XX века, к его концу общая протяженность этих зимних «дорог жизни» составляла уже более 5 тыс. км. Как установлено, важнейшим драйвером развития сети зимников и в целом транспортной системы Якутии являлась необходимость разработки стратегических, имевших союзное значение, месторождений полезных ископаемых: золота, олова, алмазов и др. При этом очевидно, что свое наибольшее значение зимники имели для населения северных районов Якутии. Именно здесь с учетом высочайшей степени дисперсности и малочисленности поселений, огромных неосвоенных пространств со значительным числом водоемов и максимальной в регионе продолжительности зимнего времени на протяжении всего рассмотренного периода сохранялась критическая зависимость от состояния автомобильных зимников.

Вместе с тем целесообразно отметить, что широкое использование автомобильных зимников являлось и остается во многом вынужденной мерой. Очевидно, что они не способны в полной мере заменить дороги с искусственным покрытием, как и ледовые переправы не способны компенсировать отсутствие нормальных мостовых переходов. Тем не менее даже сезонный характер эксплуатации зимников дал возможность обеспечить относительную стабильность функционирования транспортной системы Якутии, а также связность обширных пространств региона как с между собой, так и с центральными районами нашей страны.

Источники и принятые сокращения

1. Архив ЯНЦ СО РАН — *Архив* Якутского научного центра Сибирского отделения РАН. Ф. 1 (Аппарат Президиума Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР).
2. НА РС (Я) — *Национальный архив* Республики Саха (Якутия). Ф. П-3 (Якутский Обком КПСС) ; Р-52 (Совет Народных Комиссаров Якутской АССР ; Совет Министров Якутской АССР) ; Р-64 (Якутская Губернская рабоче-крестьянская инспекция ; Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции ЯАССР) ; Р-70 (Якутское статистическое управление) ; Р-541 (Якутское районное геолого-разведочное управление) ; Р-1374 (Производственное управление “Якутдортранс”).
3. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 386 (Министерство цветной металлургии СССР (Минцветмет СССР)) ; Ф. 399 (Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР) ; Ф. 1884 (Министерство путей сообщения СССР (МПС СССР)).
4. Транспортная стратегия — *Транспортная стратегия* Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document123/> (дата обращения 27.12.2021).

Литература

1. *История Якутии* / отв. ред. С. И. Боякова. — Новосибирск : Наука, 2021. — Т. 3. — 592 с.
2. Куклина В. В. Роль зимников в обеспечении транспортной доступности арктических и субарктических районов Республики Саха (Якутия) / В. В. Куклина, М. Е. Осипова // Общество. Среда. Развитие. — 2018. — № 2. — С. 107—112.
3. Мельников В. П. Гуманитарные аспекты криосферы / В. П. Мельников, В. Б. Геннадиник, Р. Ю. Федоров // Криосфера Земли. — 2016. — № 2. — С. 112—117.
4. Сулейманов А. А. “Ресурсы холода” в транспортной системе Якутии. Конец XIX — нач. XXI вв. / А. А. Сулейманов // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. — 2019. — № 1. — С. 60—64.
5. *Транспорт Республики Саха (Якутия) за 1990—2000 гг.* Статистический сборник. — Якутск : Госкомстат РС(Я), 2001. — Ч. 2. — 45 с.
6. Хатылаев М. М. Золотопромышленность Якутии (1923—1937) / М. М. Хатылаев. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1972. — 220 с.
7. Хатылаев М. М. Промышленное развитие Якутии в 1946—1960 гг. / М. М. Хатылаев. — Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. — 192 с. — ISBN 5-7623-0363-2.

Material resources

Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. F. 1 (Office of the Presidium of the Yakut branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences). (In Russ.).

Russian State Archive of Economics. F. 386 (Ministry of Non-Ferrous Metallurgy of the USSR (Mintsvetmet USSR)); F. 399 (Council for the Study of Productive Forces under the USSR State Planning Committee); F. 1884 (Ministry of Railways of the USSR (MPS USSR)). (In Russ.).

The National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). F. P-3 (Yakut Regional Committee of the CPSU); P-52 (Council of People's Commissars of the Yakut ASSR; Council of Ministers of the Yakut ASSR); P-64 (Yakut Provincial Worker's and Peasant's Inspection; People's Commissariat of the Worker's and Peasant's Inspection of the YASSR); P-70 (Yakut Statistical Office); P-541 (Yakut district geological exploration Department); P-1374 (Production Department “Yakutdortrans”). (In Russ.).

Transport strategy of the Russian Federation for the period up to 2030. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document123/> (accessed 12.27.2021). (In Russ.).

References

- Boyakov, S. I. (ed.). *The History of Yakutia*, 3. Novosibirsk: Nauka. 592 p. (In Russ.).
- Khatylaev, M. M. (1972). *Gold industry of Yakutia (1923—1937)*. Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 220 p. (In Russ.).
- Khatylaev, M. M. (1992). *Industrial development of Yakutia in 1946—1960*. Yakutsk: YANC SB RAS. 192 p. ISBN 5-7623-0363-2. (In Russ.).
- Kuklina, V. V., Osipova, M. E. (2018). The role of winter roads in ensuring transport accessibility of the Arctic and subarctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia). *Society. Wednesday. Development*, 2: 107—112. (In Russ.).

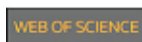
- Melnikov, V. P., Fedorov, R. Yu. (2016). Humanitarian aspects of cryosophy. *Cryosphere of the Earth*, 2: 112—117. (In Russ.).
- Suleymanov, A. A. (2019). “Cold resources” in the transport system of Yakutia. The end of the XIX — beginning XXI century. *Traditional national-cultural and spiritual values as the foundation of innovative development of Russia*, 1: 60—64. (In Russ.).
- Transport of the Republic of Sakha (Yakutia) for 1990—2000. Statistical collection*, 2. (2001). Yakutsk: Goskomstat RS(Ya). 45 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.06.2022,
одобрена после рецензирования 27.07.2022,
подготовлена к публикации 10.09.2022.

Тычинских З. А. Тюрко-татарское население Томской губернии в конце XIX века (по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 года) / З. А. Тычинских // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 483—498. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-483-498.

Tychinskikh, Z. A. (2022). Turko-Tatar Population of Tomsk Province at End of 19th Century (First General Census of 1897). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 483–498. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-483-498. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-483-498

**Тюрко-татарское население
Томской губернии
в конце XIX века
(по материалам
Первой Всеобщей переписи
населения 1897 года)**

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна
orcid.org/0000-0002-5378-8909
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
zaituna.09@mail.ru

Тобольская комплексная научная
станция
Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

**Turko-Tatar Population
of Tomsk Province at End
of 19th Century
(First General Census
of 1897)**

Zaituna A. Tychinskikh
orcid.org/0000-0002-5378-8909
PhD in History,
senior researcher
zaituna.09@mail.ru

Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

© Тычинских З. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена историко-демографическая и социокультурная характеристика татарского населения Томской губернии в конце XIX века. Этнодемографические и урбанизационные процессы, происходившие в указанный период, рассмотрены на основе материалов Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Описана сословная, профессиональная структура татарского населения губернии. Особое внимание уделено проблеме этнической дифференциации коренного тюрко-татарского населения региона. Научную новизну исследования во многом определяет слабая изученность вопроса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения этапов и факторов формирования этой крупной группы населения Западной Сибири, обозначаемой общим этнонимом *татары*. Показано, что для тюрко-татарского населения Томской губернии была характерна неоднородность его состава. Отмечается, что сложность этнической картины в Томской губернии определялась пестротой в составе коренного тюркского населения. Подчеркивается, что в качестве родного языка свыше 90 тысяч человек указали татарский, но далеко не все из них в дальнейшем вошли в состав формирующейся татарской общности. Выявлено, что для татар Томской губернии, как и в целом татарского сообщества Западной Сибири, была характерна слабая включенность в общероссийские экономические процессы.

Ключевые слова:

этническая история; историческая демография; социокультурная характеристика; Западная Сибирь; Томская губерния; тюркское население; татары; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года; сословия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The historical-demographic and socio-cultural characteristics of the Tatar population of the Tomsk province at the end of the 19th century are presented. The ethno-demographic and urbanization processes that took place during this period are considered on the basis of the materials of the First General Census of the Russian Empire in 1897. The class, professional structure of the Tatar population of the province is described. Particular attention is paid to the problem of ethnic differentiation of the indigenous Turkic-Tatar population of the region. The scientific novelty of the study is largely determined by the poor knowledge of the issue. The relevance of the study is due to the need for further study of the stages and factors of the formation of this large group of Western Siberia population, denoted by the common ethnonym 'Tatars'. It is shown that the Turkic-Tatar population of the Tomsk province was characterized by the heterogeneity of its composition. It is noted that the complexity of the ethnic picture in the Tomsk province was determined by the diversity of the indigenous Turkic population. It is emphasized that over 90 thousand people indicated Tatar as their native language, but not all of them subsequently became part of the emerging Tatar community. It was revealed that the Tatars of the Tomsk province, as well as the Tatar community of Western Siberia as a whole, were characterized by a weak involvement in the all-Russian economic processes.

Key words:

ethnic history; historical demographics; sociocultural characteristics; Western Siberia; Tomsk province; Turkic population; Tatars; the first General census of the population of the Russian Empire in 1897; estates.

УДК 314.9(571.16=512.1)“189”

Тюрко-татарское население Томской губернии в конце XIX века (по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 года)

© Тычинских З. А., 2022

1. Введение = Introduction

В настоящее время на территории Западной Сибири проживает значительное число татарского населения. Так, по данным Всероссийской переписи 2010 года, в Тюменской, Омской, Новосибирской, Курганской, Томской, Кемеровской областях, а также Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах и Алтайском крае насчитывается свыше 524 500 татар. Формирование данной группы населения, обозначаемой сейчас общим этнонимом *татары*, имело сложный и многоэтапный характер. В нее вошли различные категории тюркского населения, основными из которых были группы коренного тюркского (татарского) населения, среднеазиатские переселенцы (бухарцы) и татары-мигранты из Волго-Уральского региона. Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения этапов и факторов формирования этой крупной этнической общности.

Известно, что вопросы, связанные с состоянием демографической ситуации определенной группы населения в тот или иной исторический период, наиболее эффективно рассматривать на основе статистических материалов, важнейшими из которых являются переписи населения. Одной из первых профессионально подготовленных стала Первая Всеобщая перепись населения 1897 года. И, хотя к материалам данной переписи не раз обращались исследователи при изучении населения Западной Сибири, в том числе Томской губернии, комплексная характеристика состояния татарского населения предпринимается впервые.

В конце XIX века территорией проживания татар Западной Сибири были Тобольская и Томская губернии. Ранее на основе данных Первой Всеобщей переписи населения 1897 года нами был проведен анализ демографической и социокультурной ситуации тюрко-татарского населения Тобольской губернии [Тычинских, 2018; Тычинских, 2019]. Целью настоящей работы является изучение этнодемографических и социокультурных процессов, происходивших в конце XIX века у татар Томской губернии, выявление параметров численности, половозрастной структуры, территории расселения, степени урбанизации данной группы населения в рас-

смаатриваемый исторический период. Основным источником исследования стали материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Обращаясь к историографии вопроса, следует отметить довольно слабую изученность социально-экономического и этнодемографического состояния рассматриваемой категории населения. Среди немногочисленных работ, посвященных демографии тюрко-татарского населения Западно-Сибирского региона, следует отметить прежде всего труды Н. А. Томилова и С. Н. Корусенко, в которых представлены сведения по численности разных групп на основе материалов ревизских сказок и данных переписи 1897 года [Томилов, 1992; Корусенко и др., 2015]. Сравнительный анализ динамики демографических показателей татарского населения по материалам ревизий и переписи 1897 года был предпринят Ф. Т. Валеевым [Валеев, 1993, с. 47—52]. Кроме того, как уже было сказано выше, к рассмотрению историко-демографической ситуации у татар Тобольской губернии обращалась в своих работах автор статьи [Тычинских, 2018; Тычинских, 2019].

Методологической основой данного исследования стали работы К. Ноака [Ноак, 1998], Д. М. Исхакова [Исхаков, 2014], И. К. Загидуллина [Загидуллин, 2000; Загидуллин, 2021] и др.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Этническая картина состояния тюркского населения Томской губернии

В конце XIX века Томская губерния была одной из самых больших по территории среди российских регионов. При учреждении губернии в 1804 году в ее состав вошли юго-восточные уезды Тобольской губернии, образовав Томский, Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Каинский, Кузнецкий и Мариинский уезды.

Как отмечает С. К. Патканов, «типичной чертой Томской, как и других губерний Сибири, является огромное число лиц, родившихся вне ее пределов. Они составляют целую 1/3 ее наличного населения» [Первая ..., 1904, с. IX]. Эта особенность формирования населения Томской губернии, связанная с вхождением в его состав значительной доли переселенцев, характерна и для татар.

Этническая ситуация по тюрко-татарскому населению Тобольской губернии в общих чертах представляется относительно ясной. Довольно четко там просматриваются 3 основные группы: татары-переселенцы, коренные татары и бухарцы. Что касается этнической картины по тюрко-татарскому

населению Томской губернии, то здесь возникают сложности, так как к татарам устроители переписи отнесли всех, кто в качестве родного языка назвал татарский. Однако в связи с пестротой этнической картины относительно тюркского населения Томской губернии возникает вопрос: можно ли их всех назвать татарами? На это обстоятельство, анализируя итоги переписи, уже обращал внимание С. К. Патканов. Он признавал, что для «суждения о национальном понятие “родной язык” является «несколько неясным, но единственно реальным и конкретным признаком» [Патканов, 1912, т. I, с. II]. При рассмотрении ситуации с этнической дифференциацией тюркского населения Томской губернии данный аспект следует иметь в виду.

Остановимся на этом вопросе подробнее. По мнению С. К. Патканова, тюркские племена Томской губернии распадаются на 3 крупные группы [Первая ..., 1904, с. XIII]. К первой он относит татар («в т. ч. и другие тюркские племена, называемые иногда в общегитии «татарами» [Там же, с. XIV]), переселившихся в Томскую губернию из Европейской России и Средней Азии в разные исторические периоды. Основу их, как указывает исследователь, составили «ссылные разных категорий, водворенные на поселение или отбывающие срок наказания и их потомки» [Там же]. От коренных категорий тюрков, которые почти все отнесены к инородцам, они отличаются по сословному признаку: в эту группу входят крестьяне, ссыльно-поселенцы и отчасти мещане.

На основе сословной принадлежности С. К. Патканов определяет численность данной группы, включая в нее немногих коренных тюрков, перечислившихся в сословие крестьян, приблизительно в 10 361 человек обоих полов, из которых 5488 человек составляли мужчины. Большинство из них проживали в сельской местности, в основном в Томском и Мариинском округах, а 1819 человек (1001 мужского пола), проживали в городах. «Эта группа тюрков, как видно из их происхождения, не принадлежит к коренному населению. Селясь по большей части среди других тюрков магометанской религии, они в значительной степени слились с ними в одно целое, причем окончательной ассимиляции тех и других мешают лишь разность сословий и связанных с ними различий в правах и обязанностях» [Там же]. Исходя из указанных цифр, группа татар-переселенцев в Томской губернии составила около $\frac{1}{5}$ населения, отнесенного к татарам.

Также сословная принадлежность позволила С. К. Патканову выделить среди «татар-инородцев» Сибири бухарцев, в качестве родного языка назвавших в переписи татарский язык. Он отмечает, что в г. Томске и окрестностях проживала значительная группа сибирских бухарцев, потомков выходцев из Средней Азии, переселявшихся в Западную Сибирь начиная с XVI века — в течение XVII и XVIII веков. К концу XIX века большая

их часть ассимилировалась с сибирскими татарами, поэтому в Томской губернии число бухарцев, отмечает С. К. Патканов, «не превышает 294 д., из коих большая часть (210 д.) проживает в Томском округе» [Там же].

Вместе с тем следует заметить, что перепись 1897 года не отражала точного количества сибирских бухарцев, так как часть их попала в число татар-инородцев.

Однако особую сложность при определении национальности составили группы коренного тюркского населения. Они в качестве родного языка также указали татарский [Патканов, 1912, т. I, с. II]. При этом отделить их от других этнических групп с «татарской» маркировкой (сагайские, черневые, качинские и др. «татары»), как отмечает С. К. Патканов, не удалось.

По мнению известного сибирского этнографа Н. А. Томилова, в настоящее время «под томскими татарами подразумевается группа сибирских татар, сложившаяся из коренных эуштинцев — жителей низовьев р. Томи и подкочевывавших в XVII веке к району г. Томска чатов и телеутов» [Томилов, 1981, с. 183]. В этнокультурном плане они в настоящее время представляют собой цельную группу. Позже в их состав вошли и те бухарцы, которые в переписи 1897 года обозначались как отдельная этническая группа, а также часть поволжско-приуральских татар, которые в переписи 1897 года так же, как и местное тюркское население, маркируется татарами. Вместе с тем, как далее отмечает Н. А. Томилов, «процесс консолидации разных тюркоязычных групп (включая также бухарцев и относительно поздних переселенцев — поволжско-приуральских татар) в одну этнографическую группу томских татар был довольно длительным и окончательно завершился ... лишь в первые десятилетия XX века» [Там же].

Кроме того, при анализе этнического состава тюркского населения Томской губернии в Каинском округе выделяются «барабинцы», или «барабинские татары» — коренное тюркское население Барабинской степи. Несмотря на то что при подсчетах численности тюркского населения Томской губернии С. К. Патканов внес их в графу «коренных тюрк-инородцев», ему было известно, что это особая группа «западно-сибирских татар», или «родственники Тобольских татар». Поэтому при составлении сводной таблицы по «Племенному составу населения Сибири» С. К. Паткановым была выделена графа «Тобольские и барабинские татары». Численность «барабинских татар» им была определена в 4322 человека [Первая ..., 1904, с. XVI].

Отметим, что некоторые исследователи выделяют барабинских татар как самостоятельное этническое образование. Н. А. Томилов, опираясь на лингвистические исследования Д. Г. Тумашевой, приходит к выводу, что «барабинские татары считаются сейчас наиболее цельной группой в со-

ставе сибирских татар, а их язык — самым компактным и однородным диалектом в системе диалектов сибирских татар, не имеющим деления на говоры» [Томилов, 1981, с. 156].

Таким образом, на территории Томской губернии сформировались две крупные этнографические группы сибирских татар — барабинские и томские, вошедшие в состав сибирско-татарской этнической общности. Как видим, этническая картина тюркского населения Томской губернии в конце XIX века была достаточно сложной.

3.2. Этнодемографическая характеристика

Как было ранее обозначено, за основу определения национальности принимался языковой фактор. Выявленное на основе данного критерия количество татар в Томской губернии составило 95 153 человека. Из них число мужчин — 47 909 человек, женщин — 47 244 человека [Перепись, 1904, с. X]. В целом в общей численности жителей губернии татарское население составило 4,94 %. Рассмотрим демографические и социально-экономические параметры этой группы населения на основе данных переписи.

Таблица 1

Татарское население Томской губернии (по сельским округам)

Название округа	Число жителей (обоих полов)
Томский	10995
Каинский	5678
Кузнецкий	25982
Барнаульский	1784
Бийский	41309
Зеленогорский	620
Мариинский	6464
Всего	92832

Подсчитано по: Первая ..., 1904, табл. XIII, с. 70—75.

В целом по губернии коренное население, входившее в категорию «инородцы», составляло 5,9 %. Кроме тюрко-татар, в нее также входили угорские и самодийские народности, проживающие на территории губернии. Основная часть татарского населения Томской губернии также принадлежала к данной категории.

По округам татары составляют в Томском — 4,56 %, Барнаульском — 0,33, в Бийском — 12,29, Змеиногорском — 0,30, Каинском — 3,10, Кузнецком — 16,10, Мариинском — 4,77 %. [Первая ..., 1904, с. XII]. Наибольшая численность татарского населения отмечается в Томском (12 632 чел.

обоих полов), Кузнецком (26 041 чел. обоих полов) и Бийском (41 449 чел. обоих полов) округах (табл. 1).

Таблица 2

Городское татарское население Томской губернии

Города	Численность населения		
	м	ж	всего
Томск	837	787	1624
Нарым	5	1	6
Колывань	7	—	7
Каинск	95	24	119
Кузнецк	27	32	59
Барнаул	93	66	159
Бийск	98	42	140
Зеленогорск	53	51	104
Мариинск	71	32	103
Всего	1286	1035	2321

Подсчитано по: Первая ..., 1904, табл. XIII, с. 70—75

На основании представленных таблиц (табл. 1, 2) видим, что подавляющее большинство татарского населения Томской области проживало в сельской местности. Численность сельских жителей составила 92 832 человека, или 97,56 % татарского населения. В городах проживал 2321 человек, или 2,44 % [Первая ..., 1904, с. X]. Городское татарское население составило 1,81 % от числа горожан Томской губернии [Перепись, 1904, т. LXXIX, с. X].

Самым крупным городом в конце XIX века по числу татар-горожан не только в губернии, но и во всей Западной Сибири являлся Томск, в котором проживало 1624 человека. Незначительная часть городских татар Томского округа проживала в г. Нарыме — 6 человек и в г. Колывани — 7 человек. Довольно большие группы татар проживали в Барнауле, Бийске и Каинске. Сравнивая ситуацию по составу татар-горожан в аналогичный период в Тобольской губернии, видим, что число татар только в Томске превосходило численность татар-горожан всей Тобольской губернии, где в конце XIX века зафиксировано 1571 человек. Исследователи отмечают, что формирование городского населения в Томской губернии происходило в основном за счет выходцев из Европейской России [Исхаков, 2014, с. 53]. Так, Д. М. Исхаков отмечает крупную волну миграции из Среднего Поволжья и Приуралья на территорию Западной Сибири в последние десятилетия XIX века. В итоге в конце XIX века татары-переселенцы в Западной Сибири стали составлять около 11,8 тыс., или 17 % всех татар [Там же, с. 52]. Многие из них, по мне-

нию исследователя, стали оседать в сибирских городах, и к концу XIX века доля татар-переселенцев среди городского населения Западной Сибири составила 69 % [Там же, с. 53]. Аналогичного мнения, что «большинство проживающих в городах татар принадлежало к неместным татарам и бухарцам», придерживался и Н. А. Тройницкий [Первая ..., 1904, с. XXXIV]. На наш взгляд, эти данные были характерны в большей степени для ситуации в Томской губернии, в то время как в Тобольской губернии население городов формировалось в основном за счет местного татарского и бухарского населения.

Уровень урбанизированности населения Томской губернии, в том числе татарского, был очень слабым. Так, городское население Томской губернии составило 6,6 %, немногим больше, чем в Тобольской губернии — 6,1 % [Скубневский, 2014, с. 195]. Что касается татар-горожан, то в Тобольской губернии по переписи 1897 года они составили 2,6 %, в Томской — 2,4 %. Таким образом, существенных различий в степени урбанизированности населения Тобольской и Томской губерний не наблюдается. При сравнении татар Томской губернии с волго-уральскими татарами, показатели по степени урбанизированности более чем в 3 раза ниже [Ноак, 1998, с. 149].

Таблица 3

Структура татарского населения по половозрастным группам

Со- став	Меньше 1 года	1—9 лет	10—19	20—29	30—39	40—49	50—59	Старше 60 лет
м	1567	11664	10356	6995	5670	4419	3362	3860
ж	1666	11793	10249	7420	5504	4328	2957	3317
всего	3233	23457	20605	14415	11174	8747	6319	7177
%	3,39	24,65	21,65	15,14	11,74	9,19	6,64	7,54

Подсчитано по: Первая ..., 1904, табл. XV, с. 100—131.

В таблице представлена структура татарского населения Томской губернии по половозрастным группам (табл. 3). По ней видим, что практически половину населения (49,69 %) составила группа до 20 лет. Следующая возрастная группа — от 20 до 30 лет — представлена 15,14 % населения. Группа в возрасте от 30 до 40 лет составила 11,74 %, от 40 до 50 лет — 9,19 %. Старшие возрастные группы — от 50 до 60 лет и старше 60 лет — составили, соответственно, 6,64 %, и 7,54 %. Таким образом, в возрастных группах татар Томской губернии наблюдается примерно такое же, как и у татарского населения Тобольской губернии, соотношение [Тычинских, 2019, с. 190]. Татарское население обеих губерний характеризуется значительным преобладанием доли молодого, до 40 лет, населения. Так, в Томской губернии эта группа составила 76,57 %.

Доли мужского и женского населения примерно одинаковые, с незначительным преобладанием мужчин. Общее число мужского населения составило 47 909 человек, женского — 47 244 человек. Аналогичная ситуация была характерна и для татарского населения Тобольской губернии [Там же, с. 191]. При этом если для самых «молодых» групп в Томской губернии характерно большее число девочек, то в остальных группах, за исключением возрастной группы 20—29 лет, в численности преобладали мужчины.

Таблица 4

Данные по семейному состоянию

Группы по семейному положению	Всего		В городах	
	м	ж	м	ж
Холостые и незамужние	26799	23949	775	458
Состоящие в браке	18966	19682	461	458
Вдовы, вдовцы	2068	3545	46	115
Разведенные	57	36	2	1

Подсчитано по: Первая ..., 1904, табл. XVI, с. 132—135.

Обращаясь к рассмотрению семейного положения татар Томской губернии по данным переписи (табл. 4), следует обратить внимание на то, что число разведенных составляло незначительный процент — 0,097 % от числа татар. Данная ситуация вполне коррелирует с общими данными по тюрко-татарскому населению Западной Сибири. 38 648 человек обоих полов обозначились как состоящие в браке, что составляет 40,61 % татарского населения. 50 748 человек отнесены к категории холостых и незамужних — 53,33 %. Эти цифры практически соответствуют общей доле детей и молодежи в возрасте до 20 лет, составившей 49,69 %. Таким образом, видим, что основная часть взрослого татарского населения состояла в браке.

3.3. Социально-экономическая характеристика

Таблица 5

Численность мусульманского населения

Мусульманское население	Общая численность			в т. ч. грамотных		
	м	ж	об.п.	м	ж	об.п.
Всего	32449	17752	50201	3305	1208	4513
Татар	8614	7928	16542	1826	1159	2985

Подсчитано по: Первая ..., 1904, табл. XIV, с. 76—99.

Опираясь на представленные сведения о численности мусульманского населения (табл. 5) и данные по сословиям в Томской губернии (табл. 6), где 10 361 обоих полов татарского населения составляли крестьяне, кото-

рых С. К. Патканов считает татарами — переселенцами из Волго-Уралья, можно подсчитать примерное число представителей коренного тюркского населения, которые на конец XIX века, возможно, были мусульманами. По всей видимости, это число было немногим более 6 тыс. человек обоих полов, вместе с татарами-мигрантами в дальнейшем оно составило основу общности, идентифицирующей себя собственно с татарами. Конечно, это гипотеза. Но с учетом того, что в рассматриваемый период трудно говорить о сформировавшейся татарской общности, групповом самосознании, и с учетом сложности дифференциации по языковому критерию данное предположение можно взять за основу. Отметим, что общая религиозная принадлежность способствовала сближению не только коренного тюрко-татарского населения, но и татар-переселенцев.

В целом тюрко-татарское население Томской губернии не оставалось в стороне от процессов консолидации мусульманского сообщества Российской империи. Здесь следует согласиться с М. Ф. Марковой, которая считает, что «общественное развитие татар-мусульман Томской губернии, активно включившихся в процессы формирования и развития общественно-культурных мусульманских институтов, определялось во многом происходившими в этот период в России реформированием мусульманской системы образования и модернизацией мусульманского общества» [Маркова, 2008].

Таблица 6

Распределение населения губернии по отдельным сословиям

Категории населения	Дворяне	Личные дворяне, чиновники	Лица духовного звания христ. исповедания	Почетные граждане	Купцы	Мещане	Крестьяне	Войсковые казаки	Иногородцы	всего
Все население	3677	6692	5352	3105	2232	139003	1635866	10229	116477	1927679
Татарское население	28	4	—	4	71	940	9254	—	84776	95153
Городское татарское население	9	—	—	4	35	513	1236	—	502	2221

Подсчитано по: *Первая ...*, 1904, табл. XXIV, с. 222—237.

Рассматривая сословную структуру татарского населения Томской губернии (табл. 6), наблюдаем, что самая большая группа представлена иногородцами, которые в общей доле иногородческого сословия составили 73,2 %.

Следующая по численности группа — татары, отнесенные к крестьянскому сословию, их число — 10 490 человек. Как уже было отмечено выше, в эту группу вошли прежде всего татары-переселенцы из Европейской России. К категории мещан принадлежало 1453 человека. К купеческому сословию отнесено 106 человек, к дворянам — 37 человек. Обратим внимание, что число лиц, занятых в торговле, включая членов их семей, составило по переписи 2038 человек (табл. 10), что значительно превышает число лиц, отнесенных к купеческому сословию. Также обращает на себя внимание тот факт, что число татар, занятых на государственной службе (чиновников), было очень незначительным (4) (табл. 6).

Таблица 7

Татарское население губернии, занятое в сельском хозяйстве

Виды занятий	Самост.	Члены семей
Земледелие	9320	32148
Животноводство	6405	21747

Подсчитано по: Первая ..., 1904, табл. XXII, с. 152—209.

Таблица 8

Татарское население губернии, занятое в обрабатывающих отраслях

Виды занятий	Самост.	Члены семей
Добыча руд	262	305
Обработка волокнистых веществ	104	66
Обработка животных продуктов	99	185
Обработка дерева	46	87
Обработка металлов	45	95
Обработка мин. веществ (керамика)	11	20
Производство химическое и связанное с ним	9	4
Обработка растительных и животных продуктов	22	26

Подсчитано по: Первая ..., 1904, табл. XXII, с. 152—209.

Таблица 9

Татарское население губернии, занятое в сфере услуг

Виды услуг	Самост.	Члены семей
Учебная и воспитательная деятельность	43	41
Врачебная и санитарная деятельность	59	68
Содержание трактиров, гостиниц, меблированных комнат, клубов	7	6
Торговля питейная	4	2
Чистота, гигиена тела	13	14

Подсчитано по: Первая ..., 1904, табл. XXII, с. 152—209.

Таблица 10

Татарское население губернии, занятое в торговле

Характер торговли	Самост.	Члены семей
Без точного определения	178	380
Живым скотом	36	132
Зерновыми продуктами	4	11
Другими предметами сельского хозяйства	116	337
Строительными материалами, топливом	9	49
Метал. товарами, машинами и оружием	2	6
Тканями и предметами одежды	100	230
Кожами, мехами и т.д.	50	207
Предметами роскоши, искусства, культа	1	—
Другими предметами	10	18
Разносная и розничная	46	116

Подсчитано по: *Первая ...*, 1904, табл. XXII, с. 152—209.

Рассматривая ситуацию с занятостью татарского населения в различных отраслях хозяйства (табл. 7, 8, 9, 10), делаем вывод, что подавляющее большинство татар было занято в аграрном секторе. Так, к категории земледельцев (вместе с членами семей) отнесены 41 468 человек, или 43,58 % татар. Животноводством занимались 28 152 человека (29,58 %). В общей сложности число татар, занятых земледелием и животноводством, составило 69 620 человек. Пчеловодством были заняты 494 человека. В лесном хозяйстве — 271 человек и 619 членов их семей. Значительная группа населения занималась рыболовством и охотой — 3046 человек и, соответственно, 11537 человек — членов семей, что в общей сложности составило 14 583 человека. При этом данные виды деятельности были характерны не только для тех, кто проживал в сельской местности, но и для ряда городских татар.

Мы уже отмечали на примере татарского населения Тобольской губернии, что для ситуации второй половины — конца XIX века были характерны замкнутость и «слабая включенность татар в общероссийские процессы» [Тычинских, 2019, с. 192]. Аналогичную ситуацию наблюдаем и у татар Томской губернии. Так же, как и в целом по Западной Сибири, слабость процесса интеграции татарского населения губернии в общероссийскую экономику во многом была обусловлена преимущественной занятостью татар в аграрном секторе и проживанием в сельской местности. Вместе с тем наблюдается последовательное увеличение числа городского татарского населения, что тоже приводит к их постепенному включению в капиталистическую экономику.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, для тюрко-татарского населения Томской губернии была характерна неоднородность его состава. Значительную группу составляли переселенцы из Европейской части России. Число бухарцев, в отличие от ситуации в Тобольской губернии, где они составляли более $\frac{1}{5}$ тюркоязычного населения, было незначительным. Сложность этнической картины в Томской губернии определялась пестротой в составе коренного тюркского населения. Несмотря на то что в качестве родного языка свыше 90 тыс. человек указали татарский, далеко не все из них в дальнейшем вошли в состав формирующейся татарской общности.

Подавляющее число татар проживали в сельской местности и были заняты в сельском хозяйстве. Преобладающими занятиями татар являлись земледелие и животноводство. Для татарского населения губернии характерны слабость урбанизационных процессов и значительное отставание в степени урбанизированности от общих показателей по губернии. При этом следует отметить, что в отличие от Тобольской губернии формирование городского населения проходило в основном за счет татар-переселенцев. Самым крупным по числу татар-горожан в Западной Сибири в рассматриваемый период был г. Томск. В целом для татарского сообщества Западной Сибири в то время характерно слабое включение в общероссийские процессы. Вместе с тем с конца XIX века происходит постепенная, хоть и очень медленная, интеграция татарского населения в общероссийскую систему капиталистического хозяйства.

Источники

1. *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург : Издание Центрального статистического комитета МВД. 1904. Томская губерния. — LXXIX (XXVI). — 246 с.

Литература

1. *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары. Культура и быт / Ф. Т. Валеев. — Казань : Татарское книжное издательство, 1993. — 208 с.
2. *Загидуллин И. К.* Перепись 1897 года и татары Казанской губернии / И. К. Загидуллин. — Казань : Татарское книжное издательство, 2000. — 223 с. — ISBN 5-298-00973-5.
3. *Загидуллин И. К.* Татары Волго-Уральского региона в материалах правительственной статистики (вторая половина XVI — начало XX в.) / И. К. Загидуллин. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. — 324 с. — ISBN 978-5-94981-363-8.
4. *Исхаков Д. М.* Историческая демография татар / Д. М. Исхаков. — Казань : Фэн АН РТ, 2014. — 440 с. — ISBN 978-5-9690-0229-6.
5. *Корусенко С. Н.* Демографическая и географическая характеристики / С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов // История и культура татар Западной Сибири. Колл. монография / под ред. З. А. Тычинских. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. — С. 36—44.

6. Маркова М. Ф. Татары-мусульмане Томской губернии : 1880-е гг. — февраль 1917 г. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. Ф. Маркова. — Томск, 2008. — 257 с.

7. Ноак К. Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования наций (конец XIX — начало XX в.) / К. Ноак // Отечественная история. — 1998. — № 5. — С. 147—158.

8. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) / С. К. Патканов : В 3-х т. — Санкт-Петербург, 1911—1912. — Т. 1: Сводные таблицы и краткие выводы. 1912. — 196 с.

9. Скубневский В. А. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. : Население. Экономика. Застройка и благоустройство / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. — Барнаул : ИП Колмогоров И. А, 2014. — 252 с. — ISBN 978-5-91556-065-8.

10. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. / Н. А. Томилов. — Томск : Издательство ТГУ, 1981. — 276 с.

11. Томилов Н. А. Этническая история тюрко-язычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. / Н. А. Томилов. — Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1992. — 271 с. — ISBN 5-7615-0187-2.

12. Тычинских З. А. Историко-демографическая характеристика татарского населения Тобольской губернии в пореформенный период (по материалам Первой Всеобщей переписи 1897 г.) / З. А. Тычинских // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 447. — С. 188—193. — DOI: 10.17223/15617793/447/22.

13. Тычинских З. А. Социокультурная характеристика сибирских татар в пореформенный период (по материалам первой всеобщей переписи 1897 г.) / З. А. Тычинских // Вестник Тюменского государственного университета. гуманитарные исследования. Humanities. — 2018. — Т. 4. — № 3. — С. 153—166. — DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-153-166.

Material resources

Troynitsky, N. A. (1904). *The First General Population Census of the Russian Empire in 1897, LXXIX (XXVI)*. St. Petersburg: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 246 p. (In Russ.).

References

Iskhakov, D. M. (2014). *Historical demography of Tatars*. Kazan: Feng AN RT. 440 p. ISBN 978-5-9690-0229-6. (In Russ.).

Korusenko, S. N., Tomilov, N. A. (2015). Demographic and geographical characteristics. In: *History and culture of the Tatars of Western Siberia. Call. Monograph*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 36—44. (In Russ.).

Markova, M. F. (2008). *Muslim Tatars of Tomsk province: 1880s — February 1917*. PhD Diss. Tomsk. 257 p. (In Russ.).

Noak, K. (1998). Some features of the social structure of the Volga Tatars in the era of the formation of nations (late XIX — early XX century.). *Domestic history*, 5: 147—158. (In Russ.).

Patkanov, S. K. (1911—1912.). *Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and genera of foreigners (based on data from a special*

- development of the 1897 census material): In 3 volumes, 1 Summary tables and summary conclusions. 1912. St. Petersburg. 196 p. (In Russ.).*
- Skubnevsky, V. A., Goncharov, Yu. M. (2014). *Cities of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century: Population. Economy. Building and landscaping.* Barnaul: IP Kolmogorov I. A. 252 p. ISBN 978-5-91556-065-8. (In Russ.).
- Tomilov, N. A. (1981). *The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the XVI — first quarter of the XIX centuries.* Tomsk: TSU Publishing House. 276 p. (In Russ.).
- Tomilov, N. A. (1992). *Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late XVI — early XX century.* Novosibirsk: Novosibirsk University Publishing House. 271 p. ISBN 5-7615-0187-2. (In Russ.).
- Tychinskikh, Z. A. (2018). Socio-cultural characteristics of the Siberian Tatars in the post-reform period (based on the materials of the first general census of 1897). *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Numantates*, 4 (3): 153—166. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-153-166. (In Russ.).
- Tychinskikh, Z. A. (2019). Historical and demographic characteristics of the Tatar population of Tobolsk province in the post-reform period (based on the materials of the First General Census of 1897). *Bulletin of Tomsk State University*, 447: 188—193. DOI: 10.17223/15617793/447/22. (In Russ.).
- Valeev, F. T. (1993). *Siberian Tatars. Culture and life.* Kazan: Tatar Book Publishing House. 208 p. (In Russ.).
- Zagidullin, I. K. (2000). *The Census of 1897 and the Tatars of the Kazan province.* Kazan: Tatar Book Publishing House. 223 p. ISBN 5-298-00973-5. (In Russ.).
- Zagidullin, I. K. (2021). *Tatars of the Volga-Ural region in the materials of government statistics (the second half of the XVI — early XX century).* Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 324 p. ISBN 978-5-94981-363-8. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 23.06.2022,
одобрена после рецензирования 28.07.2022,
подготовлена к публикации 10.09.2022.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года
Язык публикации — русский
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.00 Литературоведение

10.02.00 Языкознание

07.00.00 Исторические науки и археология

Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.01.10 Журналистика

10.02.01 Русский язык

10.02.03 Славянские языки

10.02.04 Германские языки

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.07 Этнография, этнология и антропология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 3—10 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОРЯНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел рукописей* Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G. Hedges* : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Burtsev, V. A.</i> Adsubjectification of Speaker in Construction of Statements with Meaning of Necessity in Discourse of Russian Orthodox Preaching.....	9
<i>Dautova, E. A.</i> Integration: Word and Concept in Discussions of Party Leaders of European Member States of Council for Mutual Economic Assistance	24
<i>Kaksin, A. D.</i> Linguistic and Cultural Aspect of Interpretation of Aphoristic Expressions with Zoocomponents ‘Dog’ and ‘Horse’ (Khanty and Khakass languages).....	44
<i>Kalinina, L. V.</i> Phraseological Units as Means of Subjective-Evaluative Categorization on Scale ‘Confidence — Probability — Uncertainty — Approximation’.....	59
<i>Manerova, K. V.</i> Variation of Pronunciation Norm and Meaning in Light of Semantic-Cognitive Analysis: German Idiom das A und O.	74
<i>Osipenko, T. A., Fedorovskaya, V. O., Enikeev, D. V.</i> Verbalization of Patient-Centered Approach (Based on Medical Consultations with Cancer Patients).	99
<i>Tyurin, P. M.</i> Textual Bond “Krome Togo” [Moreover]: Lexicographic Portrait of Functional Word	118
<i>Zhang Yanqiu, Zhang Licheng.</i> Vocabulary of Fear in N. V. Gogol’s Play “The Inspector” and Its Chinese Translation by 江小川Jiang Xiaomo.....	136
<i>Sheveleva, M. S.</i> Stylistics and Pragmatics of Artistic Ironic Discourse (English and French Languages).....	151

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Gukosyants, O. Yu., Alimuradov, O. A., Khakiyeva, Z. U.</i> Communicative Strategies and Tactics of Trolls-Aggressors in Computer-Mediated Communication during COVID-19 Pandemic.....	175
<i>Igaeva, K. V., Nikolai, F. V.</i> Great Patriotic War in Soviet and Post-Soviet Cinematography: Problems of Remediation.....	197
<i>Kaziaba, V. V.</i> Self-Nominations with Function of Anthroponym in Runet.....	212
<i>Kasperova, L. T., Smirnova, N. V.</i> Blending in Internet Communication: Linguistic and Creative Aspect (“VKontakte” Social Network).	231

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Aminov, T. M., Yakupov, M. T.</i> Art of Love in Work of Ibn Hazm “Ring of Dove”.	252
<i>Bogdanova, O. V., Liu Minjie.</i> Anti-Easter Story by Ivan Bunin “Mowers” (structure, system of Images, “Russian Idea”).	266

<i>Kublitskaya, O. V.</i> Subjective Structure of “Mass Sentimentalism” Travels (P. I. Shalikov “Journey to Malorossia”).....	284
<i>Osipova, O. I.</i> Features of Anthropomorphic Narrative in Modern Prose	304
<i>Charina, O. I.</i> Traditional Historical Songs of Russian Old-Timers of Yakutia: Versions of Song about Count Chernyshev	318

HISTORY

<i>Alferova, I. V., Blokhin, V. F.</i> Minsk Military District at Initial Stage of First World War	335
<i>Baikalov, N. S., Tsyrendashiev, Zh. Zh.</i> Historical Experience in Development of Cultural and Educational Institutions in New Cities of Buryatia in 1950s—1980s	354
<i>Dzhumagulova, A. T.</i> Features of State of Economy of Nogai Societies of North Caucasus in 19 th — Early 20 th Centuries.....	377
<i>Kidirniyazov, D. S.</i> Land-Legal Relations and Sedentarization of Nogais in Second Half of 19 th — Early 20 th Centuries.....	398
<i>Raskin, D. I., Nikitin, Ph. N.</i> Pension Provision of “Special Types of Service” in System of State Apparatus of Russian Empire	417
<i>Savelyeva, A. V., Soikin, A. A.</i> Discussions about US Entry into World War I in American Society (1914—1917).	432
<i>Semenov, E. V., Pokatsky, V. A.</i> Polish Exiled Artist Jozef Berkman in Baikal Region in 60—70s of 19 th Century.....	449
<i>Suleymanov, A. A.</i> Automobile Winter Roads in Transport System of Yakutia in Early 1930—1991.....	467
<i>Tychinskikh, Z. A.</i> Turko-Tatar Population of Tomsk Province at End of 19 th Century (First General Census of 1897).	483
TO AUTHORS.....	499

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 27.09.2022. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 29,51. Тираж 500 экз. Заказ 27/09-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2022
Свободная цена